

Правительство Республики Мордовия

Государственное учреждение
«Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия»

КРЕСТЬЯНСТВО И ВЛАСТЬ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Материалы
VII межрегиональной научно-практической конференции
историков-аграрников Среднего Поволжья
(г. Саранск, 21 – 23 мая 2003 г.)

Саранск
2004

УДК 323.325:342.5(470.4)
ББК ТЗ
К 803

Ответственный редактор — *В. А. Юрченков*

Редакционная коллегия:

В. А. Юрченков (председатель), Е. В. Глазкова,
А. Г. Иванов, П. С. Кабытов, Г. А. Куршева, В. А. Ломшин,
Л. И. Никонова, Е. Г. Скворцова, А. В. Чернов

Крестьянство и власть Среднего Поволжья: Материалы VII
К 803 межрегион. науч.-практ. конф. историков-аграрников Среднего По-
волжья (г. Саранск, 21–23 мая 2003 г.) / Отв. ред. В. А. Юрчен-
ков; НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ. — Саранск,
2004. — 544 с.
ISBN 5–900029–07–7

Сборник посвящен проблеме взаимоотношения крестьянства и
власти в контексте социально-экономических, политических и куль-
турных преобразований в Среднем Поволжье на различных этапах
исторического развития.

УДК 323.325:342.5(470.4)
ББК ТЗ

ISBN 5–900029–07–7

© НИИГН при Правительстве РМ, 2004

Пленарное заседание

УДК 338.436.33(470.345)

Н. С. Крутов

**РАЗВИТИЕ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА
РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ**

Исторический опыт убеждает нас в том, что от степени развития системы агропромышленного комплекса (АПК) зависят и результаты экономического развития сельского хозяйства, и социальное положение крестьянства. Об этом наглядно свидетельствует практика 10-летней реформы в стране, когда разрушались важнейшие отрасли АПК и вместе с тем ухудшались материально-техническая база сельскохозяйственных предприятий и социальная база жизни крестьянства. Этому в значительной мере способствовал и головокружительный диспаритет в ценовой политике как между отраслями самого АПК, так и с другими отраслями народного хозяйства. Таким образом, пропорциональное развитие всех отраслей в системе АПК является наиболее приоритетным направлением в политике государства при решении социально-экономических проблем крестьянства.

Особо подчеркнем, что, как показывают наука и практика, при анализе развития АПК необходим системный подход для обеспечения объективной оценки при формировании эффективной системы агропромышленного комплекса. АПК — это сложная система, включающая в себя несколько сфер. На примере Республики Мордовия рассмотрим их содержание, ибо численность и состав сфер АПК характерны не только для отдельных регионов, но и в целом для России. В прошлом отечественная аграрная экономическая наука и практика включали в состав АПК четыре сферы:

I сфера — производство средств производства для сельского хозяйства и для других сфер агропромышленного комплекса;

II сфера — сельское хозяйство;

III сфера — отрасли по переработке, подготовке и хранению сельскохозяйственной продукции;

IV сфера — отрасли производственной инфраструктуры, обслуживающие хозяйство.

На наш взгляд, такой состав АПК не соответствует современному содержанию социально-экономического развития АПК, рыночным условиям ведения сельскохозяйственного производства, не обеспечивает успешное решение социальных проблем развития села и крестьянства. Дальнейшее развитие агропромышленного производства в эпоху научно-технического прогресса предполагает не только восстановление ранее функционировавших сфер АПК, но и изменение их количества и состава. Главный недостаток прежнего состава АПК заключался в том, что он представлял лишь производственный сектор и совершенно исключал социальную сферу, науку, управление этой сложной системой. Кроме того, в современных условиях развиваются связи с зарубежными партнерами, что предполагает формирование системы внешнеэкономической деятельности как в регионах, так и в России.

С учетом вышесказанного нами предлагается новая структура АПК, включающая восемь сфер:

I сфера — отрасли промышленности, производящие средства производства для сельского хозяйства и для других сфер комплекса;

II сфера — сельское хозяйство, охрана природной сферы и система формирования экологичности сельскохозяйственного производства;

III сфера — отрасли по переработке, заготовке и хранению сельскохозяйственной продукции;

IV сфера — отрасли производственной инфраструктуры, обслуживающие сельское хозяйство (материально-техническое снабжение, строительство, ремонтно-техническая служба, транспорт, связь, дорожное строительство);

V сфера — отрасли социальной инфраструктуры (здравоохранение, образование, культура, торговля, физкультура и спорт, строительство и обслуживание жилья на селе);

VI сфера — внешнеэкономические связи агропромышленного производства;

VII сфера — научное обеспечение АПК;

VIII сфера — управление АПК с развитием информационно-вычислительной службы.

Предложенная структура АПК, на наш взгляд, отвечает современным условиям ведения сельскохозяйственного производства. Она способна обеспечить продовольственную безопасность страны, конкурентоспособность аграрного сектора на внутреннем и мировом рынках.

Существенными моментами в деятельности АПК являются преодоление диспропорций в развитии его сфер, ликви-

дация отсталости многих отраслей агропромышленного производства внутри каждой сферы. Годы реформ показали ошибочность взятого курса преобразований агропромышленного производства. Институциональные преобразования, либерализация в экономике как метод перехода к рыночным отношениям привели к кризису всех сфер АПК. В сельском хозяйстве страны объемы производства продукции уменьшились в более чем 2 раза, разрушена материально-техническая база, резко снизилось плодородие почв, упала технологическая дисциплина, сократилась численность работников, особенно специалистов, снизился их качественный состав, возникла безработица. В несколько раз сократилось производство сельскохозяйственной техники, минеральных удобрений и других материально-технических ресурсов для АПК.

Крайне недостаточно и малоэффективно используется научный потенциал вузов и научно-исследовательских институтов в стране и республике, ибо доля наукоемкой продукции составляет не более 5 %, в том числе в АПК — около 3 %, а в развитых странах Западной Европы и США — 50 % и более.

Республика Мордовия относится к числу регионов, где постоянно ведется поиск путей преодоления трудного положения в АПК, диспропорций в развитии его отраслей. Благодаря позитивной политике Главы Республики Мордовия, Государственного Собрания и Правительства РМ аграрному сектору экономики как одному из ведущих в республике ежегодно оказывается большая финансовая, организационная и другая помощь. В республике удалось сохранить в основном крупные сельскохозяйственные предприятия и тем самым смягчить разрушительное воздействие реформ на агропромышленное производство. Не случайно за последние четыре года объем валовой продукции сельского хозяйства вырос более чем в полтора раза. После почти десятилетнего перерыва валовой сбор зерна в 2002 г. составил более 1 млн т при рекордной за всю историю республики урожайности 23 ц (2,3 т) с 1 га. По итогам 2002 г. объем валовой продукции сельского хозяйства увеличился на 7 % (по Российской Федерации — на 1,7 %), а выручка от реализации сельскохозяйственной продукции — на 9 %.

Известно, что не только в АПК, но и в других отраслях народного хозяйства экономический рост определяется следующими факторами: технический прогресс — 49 %, рабочая сила — 27 %, капитал — 24 %. Следовательно, технический прогресс в АПК — приоритетное направление в развитии данной отрасли. Поэтому в республике осуществляется специальная программа по техническому перевооружению сельскохозяйственного

производства. Сегодня на промышленных предприятиях республики выпускается около 500 видов различных машин, оборудования, запасных частей для нужд АПК. Производством средств производства занимаются более 50 промышленных предприятий. За последние годы производство средств производства для АПК увеличилось почти в 10 раз.

Всемерно расширяется региональный и федеральный лизинг. Сельскохозяйственные предприятия Республики Мордовия на основе лизинга за счет федерального бюджета приобрели 640 тракторов, 500 навесных орудий к ним, более 400 зерноуборочных комбайнов, 130 автомобилей, более 100 кормоуборочных комплексов и специальных комбайнов, 200 других сельхозмашин. В республике реализацией лизинговых поставок техники занимается предприятие «Мордоврегион-агроснаб». Приведем пример конкретного хозяйства. В сельхозкооперативе «Николаевский» (Лямбирский район) за 2001 – 2002 гг. по лизингу было приобретено 4 зерноуборочных комбайна ДОН-1500, кормоуборочный зарубежного производства «Ягуар», несколько тракторов.

Большая роль в решении проблем материально-технического обеспечения и поддержки АПК принадлежит ГУП «Мордовская продовольственная корпорация» и «Развитие села». Особо следует сказать о ГУП «Развитие села». Предприятие создано в 1996 г. Имущество формируется за счет бюджетных кредитов, инвестиций, субвенций, субсидий, заемных средств, прибыли, полученной в результате хозяйственной деятельности, и иных источников. Обеспечение материальными и денежными ресурсами населения и сельхозпредприятий осуществляется на основе договоров на льготных кредитных условиях. Возврат кредитов производится как денежными средствами, так и сельскохозяйственной и иной продукцией. Основными целями деятельности ГУП «Развитие села» являются:

- создание системы стимулирования индивидуального жилищного строительства с привлечением средств населения, хозяйствующих субъектов в соответствии с целевыми программами России и Республики Мордовия, изменение структуры жилищного фонда, направленное на формирование фермерских хозяйств, слоя собственников и рынка жилья на селе;
- строительство газовых сетей в сельской местности, участие в реализации республиканской программы газификации, водоснабжения;
- обеспечение предприятий, фермерских хозяйств, населения техникой сельскохозяйственного назначения по ли-

зингу, минеральными удобрениями и средствами защиты растений;

— обеспечение населения всеми видами товаров через сеть оптово-розничной торговли, общественного питания, организаций социальной сферы, финансируемых как из республиканского бюджета Республики Мордовия, так и из местных бюджетов;

— производственная, заготовительная, перерабатывающая деятельность.

Для выполнения указанных целей и более эффективной реализации возвращаемой сельскохозяйственной продукции предприятие создало свою производственную базу и торговую сеть. Оно имеет 23 районных отделения; пищекомбинат, занимающийся производством мяса и колбасных изделий, выпечкой хлебобулочных изделий; завод «Мельком», осуществляющий приемку, хранение и переработку зерна; 35 магазинов и торговую базу, которые реализуют продукцию предприятия. Организованы также обслуживающие подразделения: автобаза, участок по ремонту холодильного оборудования, строительный. Создано около тысячи рабочих мест. Для реализации основных направлений деятельности предприятия за 5 лет было освоено 3 151,2 млн руб., в том числе в 1998 г. 108,9 млн руб., в 1999 г. — 197,6 млн, в 2000 г. — 490 млн, в 2001 г. — 791,6 млн, в 2002 г. — 1 563,1 млн руб.

В системе АПК особое место отводится отраслям **социальной инфраструктуры** (здравоохранение, образование, культура, торговля, бытовое обслуживание, физкультура и спорт, строительство и обслуживание жилья на селе).

В Мордовии в настоящее время на селе проживает 40 % всего населения. Следовательно, сельское хозяйство — не только жизненно важная, но и системообразующая отрасль в экономике и в социальной жизни общества. Даже в настоящее время, в условиях кризиса, деятельность 1 работника в АПК обеспечивает не менее 6 рабочих мест в других отраслях народно-хозяйственного комплекса страны. При более высоком технологическом и техническом уровне производства в АПК количество рабочих мест в других отраслях значительно возрастает. В США, например, 1 фермер обеспечивает работой 15 чел.

В Мордовии, как и во многих других регионах, в сельской местности рождается все меньше детей. Между тем значительное превышение смертности над рождаемостью ведет к вымиранию села, поэтому оптимизация социальной сферы в республике — приоритетное направление в развитии

агропромышленного комплекса. Завершается работа по газификации всех сел, улучшается дорожная сеть, развивается индивидуальное жилищное строительство в сельской местности. В рамках жилищной программы с 2002 г. введено ипотечное кредитование жилья. Принята программа по водоснабжению сельских квартир. Осуществляется намеченная программа по развитию образования, здравоохранения, культуры, спорта в сельских районах республики, улучшается бытовое обслуживание сельского населения.

Как показывает практика, ни одна из сфер АПК республики самостоятельно не в состоянии эффективно развиваться. Поэтому важнейшим условием активизации деятельности всех предприятий АПК республики может стать объединение их усилий на основе интеграции и кооперации как важнейшего фактора стабилизации экономики. В стоимости конечной продукции доля сельхозтоваропроизводителя составляет 30 – 35, максимум 40 %, а 60 – 70 % ее стоимости приращивается в процессе переработки, хранения, расфасовки, транспортировки и торговли. Последние получают и большую часть прибыли. Поэтому весьма актуальной следует считать разработку республиканской программы интеграции и кооперации предприятий, организаций АПК.

Особо подчеркнем, что взаимоотношения между сельскохозяйственными товаропроизводителями, перерабатывающими и обслуживающими предприятиями и другими сферами АПК более рационально и активно можно отрегулировать только экономическими методами путем создания интегрированных и кооперативных формирований. Интеграция позволяет объединить предприятия различных отраслей и сфер АПК. В масштабе республики и районов она означает укрепление многоотраслевых связей сельского хозяйства в формировании и развитии всей народно-хозяйственной системы и продуктовых подкомплексов АПК.

На уровне предприятий агропромышленную интеграцию намечается осуществлять на основе образования в районах республики различных агропромышленных формирований — агрофирм, агропромышленных предприятий, объединений, комбинатов и ассоциаций.

Преимущества кооперативных агроформирований состоят в следующем:

— эффект крупного производства, объединяющего производство, переработку, торговлю, агросервисное обслуживание (производство замкнутого цикла, работающего на конечный результат);

— снижение отрицательного воздействия конкуренции (введение гибкой ценовой политики, снижение торговых наценок и т.д.);

— возможность значительной концентрации производственного потенциала для повышения его интенсификации, а капитала — в диверсификации производства;

— совершенствование технологии производства, возможность использования достижений науки и практического опыта;

— повышение устойчивости снабженческо-сбытовой деятельности;

— сохранение основных имущественных активов;

— возможности по финансовому оздоровлению и реструктуризации долгов неплатежеспособных сельхозпредприятий, консервации незадействованных основных производственных фондов;

— снижение затрат на управление в результате централизации ряда функций в основном звене;

— эффективная система управления, построенная на основе жесткой регламентации управленческих отношений и соблюдения хозяйственной иерархии.

По пути создания агрофирм пошли птицефабрики «Атемарская», «Октябрьская», «Комсомольская», которые возникли как узкоспециализированные хозяйства, а теперь превратились в многоотраслевые структуры с собственной базой по промышленной переработке и реализации продукции, значительно увеличили площади сельскохозяйственных угодий, особенно пашни, тем самым создав свою кормовую базу для интенсивного развивающегося птицеводства и молочного скотоводства. Весьма эффективно работают и вновь созданные агрофирмы в Атяшевском, Ромодановском, Zubovo-Полянском, Чамзинском районах. Республика всемерно поддерживает создание и деятельность агрохолдинга «Талина», объединившего мясокомбинаты «Атяшевский», «Торбеевский», «Саранский» и несколько сельхозпредприятий.

Эффективное функционирование и развитие АПК невозможно без государственной поддержки. Отметим, что в настоящее время в стране не установилась единая система прямой финансовой поддержки сельского хозяйства. Формы и уровень дотирования сложились на региональном уровне по-разному. Так, в Республике Мордовия действуют дотации на племенное животноводство, элитное и первичное семеноводство, животноводческую продукцию, повышение плодородия, экономическое выравнивание условий хозяйствования, стимулирование подворий граждан, фермерства, развитие садоводства,

ликвидацию стихийных бедствий и др. В 2002 г. выплачено в расчете на 1 га пашни по 322 руб. (в 2000 г. — 172 руб.). На финансовую поддержку сельхозтоваропроизводителей через разные, в основном кредитные, источники, но в целом с участием государства было направлено 2,2 млрд руб., что превышает показатели 2001 г. на 37 %.

Однако следует подчеркнуть, что размер государственных дотаций крайне низкий по сравнению с развитыми странами мира. Так, на 1 га сельскохозяйственных угодий государство у нас вкладывает 10 — 12 дол., в Канаде — 81, США — 221, Финляндии — 1 477 дол. У нас государство на каждый рубль готовой продукции вкладывает 6 коп., а налогов собирает 11 коп.

Существенную роль в поддержке сельского товаропроизводителя сыграл принятый во втором полугодии 1997 г. Указ Главы РМ о развитии животноводства в личных подворьях населения, предусматривающий государственную поддержку. В настоящее время выплачиваются субсидии на каждую дойную корову, содержащуюся в личном подворье сверх установленного минимума (минимум — 1 корова), содержание свиноматок. Личные подворья населения поощряются и за сдачу на заготовительные предприятия скота повышенного веса.

Эффективность предлагаемой системы подтверждается деятельностью предприятия, созданного двумя фермерами на землях обанкротившегося колхоза (Рузаевский район). За 2002 г. здесь в 2 раза увеличилось производство продукции, при росте поголовья скота возросла продуктивность коров на 1 500 кг, получено около 1 млн руб. прибыли. В Республике Мордовия с 1997 по 2002 г. объемы закупок мяса у населения увеличились в 1,5 раза, молока — в 6,5 раза. За 2002 г. подворья получили 29,6 млн руб. государственных субсидий, а их доходы в целом превышают суммарный фонд оплаты труда в сельхозпредприятиях всех форм собственности.

Сложные экономические условия в сельском хозяйстве Республики Мордовия вызвали необходимость поиска таких организационно-экономических форм хозяйствования, которые стимулировали бы работников в постоянном увеличении объемов производства валовой и товарной продукции на основе высокопроизводительного труда при экономном использовании материально-технических ресурсов. С этой целью применяется **система региональных межбюджетных отношений и внутрихозяйственных хозрасчетных отношений в сельскохозяйственных предприятиях.**

Базой функционирования хозрасчетных отношений в сельскохозяйственных предприятиях стали договорные отно-

шения, нормативные внутрихозяйственные цены, самостоятельность внутрихозяйственных хозрасчетных подразделений при распределении своего дохода, материальная ответственность за конечные экономические результаты работы подразделения, охватывающие только сферу производства и не распространяющиеся на сферу обращения.

В Республике Мордовия 321 сельскохозяйственное предприятие (85 % от общего числа хозяйств) работает на основе внутрихозяйственных хозрасчетных отношений. Анализ их деятельности показывает, что в сельском хозяйстве республики за счет совершенствования производственных отношений достигнуты заметные успехи в развитии экономики сельского хозяйства. За 1998 — 2000 гг., т. е. за первые 3 года работы сельскохозяйственных предприятий на хозрасчетных принципах, выручка от реализации продукции увеличилась в 2,7 раза, а затраты на 100 руб. реализованной продукции сократились на 39 %. Впервые за последние годы хозяйствами республики была получена прибыль от реализации сельхозпродукции: в 1999 г. — 93 млн руб., в 2000 г. сумма увеличилась вдвое и составила 187 млн руб., а в 2001 г. получено 405 млн руб. В 2001 г. себестоимость молока в сельхозпредприятиях Республики Мордовия стала самой низкой среди субъектов Российской Федерации.

Оплата труда работников от полученного валового (хозрасчетного) дохода привела к повышению их деловой активности. Рабочие всех отраслей хозяйств самостоятельно ведут расчеты по формированию хозрасчетного дохода. Каждый член хозрасчетного подразделения по итогам работы за месяц знает свою заработную плату. Все заинтересованы в получении высококачественной и конкурентоспособной продукции, а также экономии производственных затрат.

Для успешного социально-экономического развития АПК необходимо совершенствовать финансовую основу местного самоуправления. В Республике Мордовия 468 муниципальных образований, из которых 439 являются поселковыми и сельскими. На территории почти 400 муниципальных образований имеются сельскохозяйственные предприятия. Это обстоятельство подчеркивает особую значимость сельхозпредприятий как основных бюджетобразующих субъектов и потенциальной базы для развития инфраструктуры села. Следовательно, отношения муниципального образования и сельхозпредприятия выступают как система эффективного социально-экономического развития села.

С 1998 г. в Республике Мордовия внедрена система межбюджетных отношений как механизм стимулирования

деятельности органов местного самоуправления, сельскохозяйственного производства и всех других сфер агропромышленного комплекса, ответственности каждого работника и жителя, особенно на селе. Механизм формирования межбюджетных отношений в республике строится на следующих главных принципах:

- передача регулирующих доходов в местные бюджеты (районов, городов, сел, поселков) и закрепление их на долгосрочной основе;
- четкое разграничение расходных полномочий между республиканским и местным бюджетами;
- переход на нормативный метод определения расходов по нормам, затратам, устанавливаемым в соответствии с действующим законодательством;
- начисление и выплата дотаций из вышестоящего бюджета в зависимости от выполнения показателей социально-экономического развития.

Новая система межбюджетных отношений и комплекс мер по поддержке предприятий АПК дали положительные результаты. Стабильно растет валовое производство сельскохозяйственной продукции в общественном секторе. За 2002 г. в бюджеты сел и поселков поступило собственных доходов в 3,3 раза больше уровня 1997 г. и в 3,5 раза больше, чем в 1998 г. Уменьшилась дотационность местных бюджетов: доля собственных доходов возросла с 50,5 % в 1997 г. до 63,2 % в 2002 г.

Последовательно внедряемая система межбюджетных отношений способствует развитию положительных тенденций и в других отраслях народно-хозяйственного комплекса производства и социальной сферы. В промышленности республики прирост объемов производства составил в 2000 г. 19 %, в 2001 и 2002 гг. — по 10 %. Эти показатели почти в 2 раза превышают среднероссийские и являются одними из лучших в Приволжском федеральном округе. За последние 5 лет собственные доходы республиканского бюджета Мордовии выросли в 2,5 раза. Опыт Республики Мордовия по развитию межбюджетных отношений изучается и внедряется в других регионах Российской Федерации.

Таким образом, в республике разработана система преодоления кризиса регионального АПК, вобравшая в себя элементы 2 принципиально важных системных блоков. Первым является государственная поддержка и регулирование сельскохозяйственного производства, вторым — самоорганизация и саморегулирование деятельности сельскохозяйственных предприятий.

Дальнейшее развитие АПК должно осуществляться по двум направлениям. Первое — пропорциональное развитие всех сфер АПК в интересах развития сельского хозяйства, социальной жизни крестьян. Второе — пропорциональное развитие отраслей и служб внутри отдельных сфер АПК, внедрение достижений научно-технического прогресса в каждой отрасли. Только при таком условии возможны успешное развитие сельского хозяйства, повышение уровня жизни крестьян, благоустройство сельских поселений.

Воссоздание АПК как в отдельных регионах, так и в России в целом необходимо осуществлять на основе наукоемких производств, современных технологий, особенно в сельском хозяйстве. Для решения этой проблемы потребуются государственное кредитование и государственная поддержка всех сфер агропромышленного комплекса.

Поступила 5.05.2003 г.

УДК 39:811.511

В. А. Юрченков

МОРДОВСКИЙ ЭТНОС В ИМПЕРСКОМ СОЦИУМЕ: XVIII — НАЧАЛО XX в.*

Развитие науки поставило перед учеными-гуманитариями ряд проблем, связанных с определением места и роли регионов и этносов в системах достаточно большого масштаба, в частности в имперском социуме. Перспективность и научную значимость этих проблем очень точно отметил А. Каппелер: «В будущем, как мне кажется, региональный подход к истории империи станет особенно инновационным. Преодолевая этноцентризм национально-государственных традиций, он позволяет изучать характер полиэтнической империи на различных пространственных плоскостях. В отличие от национальной

---

* Поддержка данного проекта была осуществлена АНО ИНО-Центр в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках» совместно с Министерством образования Российской Федерации, Институтом перспективных российских исследований им. Дж. Кеннана (США) при участии Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фондом Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртур (США). Точка зрения, отраженная в данном документе, может не совпадать с точкой зрения вышеперечисленных благотворительных организаций.

истории этнические и национальные факторы здесь не абсолютизируются, и наряду с этническими конфликтами рассматривается более или менее мирное сосуществование различных религиозных и этнических групп»¹. С ним солидарны участники международного семинара «Региональные процессы в имперской России». Они предложили объединить усилия специалистов в различных областях гуманитарного знания, хорошо представляющих региональную специфику, для изучения типа развития и бытования империи, соотношения общего и особенного, имперского и регионального². Необходимо учитывать и то, что данная тематика породила в последние годы массу мифологизированных построений, что существенно искажает историческую реальность в общественном сознании и требует некоторых усилий историков по его корректировке³.

При характеристике места этносов в имперских системах, по всей видимости, стоит учитывать определение империи как исторической формы организации большого геополитического пространства («мир-империя» Ф. Броделя), исторического способа преодоления мировой локальности, установления внутреннего мира и межрегиональных экономических и культурных связей, даже силой. Империя выступает как триединство власти — территории — населения. Она подразумевает наличие «центра» и «периферии» и имеет свою иерархию, что предполагает различные виды неравенства периферийных регионов по отношению к центру. В нем же располагается сильная государственная власть, привилегированная, динамичная, внушающая одновременно страх и уважение⁴.

М. Дойл вносит уточнения, с которыми нельзя не согласиться. По его мнению, империя выступает как «отношение, формальное или неформальное, в котором государство контролирует действенный политический суверенитет другого политического сообщества»⁵. Он считает империю «системой взаимодействия между двумя политическими единицами, одна из которых — доминирующая метрополия — осуществляет политический контроль над внутренней и внешней политикой, т.е. действенным суверенитетом другой единицы — подчиненной периферии»⁶. Аналогичные позиции занимают многие современные политологи и историки (Д. Амстронг, Р. Суни и др.). Фактически империя понимается как определенная форма господства и контроля. При этом периферия отличается составом населения, региональными особенностями, политическими и социальными структурами.

Характеристика взаимоотношений центра и периферии порождает ряд весьма непростых методологических вопросов,

успешное решение которых может существенно изменить представления об империи как историческом феномене. Особый интерес при этом вызывает рассмотрение функционирования в рамках империи мордовского этноса, принадлежащего к числу автохтонных народов Восточной Европы, архогенетических народов уральской языковой семьи. Его взаимодействие с российскими имперскими структурами обладает целым рядом редко встречающихся, а как комплекс — совсем уникальных черт. К сожалению, научная мордвинистика переживает период становления, и многие вопросы являются совершенно неисследованными. Из серьезных разработок по данной тематике назовем монографию профессора Н. Мокшина⁷, работы с общим названием «Мордва»⁸, первую из которых подготовил коллектив НИИЯЛИЭ при Правительстве Республики Мордовия, вторую — ученые Мордовского государственного университета. Однако они были созданы в значительной степени под влиянием известной парадигмы «Россия — тюрьма народов» и существование мордвы в рамках Российской империи оценивалось достаточно негативно. Фактически высказывалась телеологическая точка зрения о естественности и безальтернативности этнического развития мордвы, которое неизбежно преодолевает все препятствия, создаваемые политикой империи. В несколько измененном виде данный подход присутствует и в недавно изданной монографии профессора В. Абрамова⁹. В последние годы парадигма «Россия — тюрьма народов» подверглась серьезным сомнениям¹⁰, что заметно снизило научную значимость вышеназванных трудов. На Западе отдельные проблемы истории мордвы затрагивались в работах немецкого исследователя А. Каппелера¹¹, финского этнодемографа С. Лаллукки¹², израильского историка И. Крайндлер¹³. Однако имперский период этнической истории мордвы ими затрагивался лишь отчасти. Все это в совокупности и определило наш интерес к имперской тематике в регионально-национальном аспекте.

Историческая судьба мордовского народа оказалась связанной с Российским государством, вхождение в состав которого было достаточно длительным и много определяющим в последующем развитии этноса, его функционировании в рамках российского имперского социума. Оно распадается на несколько тесно взаимосвязанных, но асинхронных процессов. Первоначально, как нам представляется, сложились политические предпосылки в виде присоединения к Московскому государству мордовских земель в составе Нижегородского и Рязанского великих княжеств. В 80-е гг. XV в. в связи с определением восточной границы Русского государства вопрос о вхождении

мордовского народа был решен политически, а его правовое оформление затянулось до свияжской присяги народов Среднего Поволжья Ивану IV Грозному (1551) и ознаменовалось рядом предшествующих этому юридических актов. Взятие в 1552 г. Казани и ликвидация Казанского ханства обеспечили вхождение мордвы в состав Русского государства с военной точки зрения. Вторая половина XVI – XVII в. характеризуются экономическим освоением земель и включением региона в политическую и социальную структуру русской сословно-представительной монархии, что можно рассматривать как последствия этого процесса. В то же время идет имперское «поглощение» региона путем создания унифицированных структур (административно-территориальное деление, специализированная институциональная организация различных уровней управления и суда и т.п.), интенсивной земледельческой и промышленной колонизации, экономической и социокультурной модернизации¹⁴. В результате мордовский край оказался полностью интегрированным в территориальную структуру будущего имперского центра и к нему стала применяться такая же политика, как и к другим провинциям метрополии. Поэтому **в строгом смысле слова отношение центра к мордве нельзя назвать имперским**, а модели и терминология исследований колониализма (colonial studies) не всегда подходят для характеристики положения мордвы в империи, поскольку акцентируют внимание на отдельных аспектах, а в ряде случаев уводят в ложном направлении.

Сравнительно безболезненный и хронологически довольно ранний процесс включения мордвы в состав Российского государства определил **участие этноса в генезисе империи** как таковой, отсутствие резкого противостояния между этническим и общегосударственным самосознанием. Первоначально строительство империи было тождественно процессу поглощения окраинных земель и их колонизации, в которые мордовские крестьяне включились по ряду причин (аграрное перенаселение, бегство от устанавливавшихся феодальных порядков, русской помещичьей колонизации, христианизации и т.п.). Однако, несмотря на их преимущественно субъективный характер, объективно мордовские переселенцы совместно с русскими способствовали складыванию имперской системы и поглощению окраинных земель. Они активно участвовали в жизни российского «фронта», внося свой вклад в конструктивные аспекты российской колонизации (рождение новой социальной идентичности, этнических отношений, новых ландшафтов, регионального хозяйства и материальной культуры).

Во второй половине XVII — первой половине XVIII в. мордва заселила пензенско-саратовский край. Основные ареалы мордовских селений возникли в междуречье верховой Суры и Волги. Отдельные селения были основаны вблизи правого берега Волги (д. Старая Яблонка) и даже в чисто степных районах (с. Сухой Карбулак). В начале XIX в. небольшие группы мордвы переселились еще далее на юг — в район г. Камышина, появились в восточных уездах Оренбургской губернии и даже на юге Западной Сибири. Появились мордовские поселения в Закавказье. Накануне реформы 1861 г. в азиатской России проживало около 2 тыс. чел.¹⁵ В пореформенные годы мордва начинает заселять Казахстан (в 1897 г. она составляет там 0,2, а в 1917 г. — 0,3 % населения). Здесь она оседает в Акмолинской области (1897 г. — 1,1 %, 1917 г. — 1,6 %), в основном в Кокчетавском уезде (1897 г. — 4,3 %, 1917 г. — 5,2 % жителей)¹⁶. Динамика миграций мордвы в империи представлена в табл. 1.

Таблица 1

Расселение мордвы в Российской империи*

Губернии	Численность в 1859 г., тыс. чел.	Численность в 1897 г., тыс. чел.	Прирост, %	Городское население в 1897 г., %
Нижегородская	63–84	53,1	–27,8	0,2
Тамбовская	66–68	89,7	33,9	0,3
Пензенская	127	187,9	47,9	0,5
Симбирская	136	189,0	38,9	0,5
Саратовская	92–94	123,9	33,2	0,8
Казанская	17	22,2	30,6	0,6
Самарская	135	238,6	76,7	0,6
Уфимская	10	37,3	273,0	1,2
Оренбургская	9	38,4	326,7	4,5
Астраханская	1	1,9	90,0	7,7
Донская область	–	0,4	–	11,8
Другие губернии	–	6,2	–	63,0
Всего в Европейской России	656–681	988,6	47,9	0,8
Тобольская	–	1,6	–	0,1
Томская	1	14,9	–	6,4
Енисейская	–	3,7	–	2,3
Иркутская и Приморская	–	0,5	–	14,2
Тургайская	–	2,1	–	33,0
Акмолинская	–	8,1	–	5,1
Уральская	–	0,8	–	28,7
Семипалатинская и Ферганская	–	0,3	–	53,0
Закавказье и др. районы	–	2,2	–	–
Всего в азиатской России	1	34,2	–	8,2
Всего по России	657–682	1022,8	52,8	1,3

* Таблица составлена по: **Козлов В. И.** Расселение мордвы // Вопросы этнической истории мордовского народа. М., 1960. С. 37; Мордва. Саранск, 1981. С. 34.

Во второй половине XIX в. мордовское население появилось практически во всех более или менее экономически значимых районах Российской империи. Причем в азиатской России к концу века оно составляло значительную часть городского населения — 8,2 %. Сложилась важная отличительная черта мордовского этноса, существующая до настоящего времени, — **дисперсность расселения**. Не случайно финский этнодемограф С. Лаллукка назвал мордву одним из наиболее раздробленных народов России¹⁷.

Порайонные изменения удельного веса мордовского населения в имперский период претерпели определенные изменения (табл. 2)

Таблица 2

**Удельный вес мордовского населения по регионам
Российской империи (1719—1917 гг.)***

Регион	1719	1916—1917
Центрально-Промышленный	0,40	0,6
Центрально-Земледельческий	0,30	0,7
Среднее Поволжье	4,90	6,8
Нижнее Поволжье	0,01	5,2
Южное Приуралье	—	1,8
Казахстан	—	0,3
И т о г о	0,70	0,7

* Таблица составлена по: Брук С.И. Этнический состав населения России (1719—1917 гг.) / С.И. Брук, В.М. Кабузан // Сов. этнография. 1980. ц 6. С. 26.

Как видно из табл. 2, ни в одном из районов своего расселения мордва не составляла этнического большинства, однако она превратилась в **весьма своеобразное этническое меньшинство**. Дело в том, что этнические меньшинства принято делить на первичные и вторичные. Первичные возникают, как правило, в результате территориальной экспансии, включения относительно развитым государством в свой состав сопредельного аграрного общества. Вторичные формируются главным образом из мигрантов. Первичные этнические группы-меньшинства продолжают функционировать в окружающем большом обществе как более или менее целостные подобщества, способные к удовлетворению основных социальных потребностей своих членов. Вторичные же этнические группы-меньшинства находятся под большим воздействием соседствующего большинства¹⁸. Мордовский этнос в рамках империи совмещал в себе черты и первичных, и вторичных этнических групп-меньшинств.

Миграции привели к образованию **этнически смешанных структур расселения** мордвы как на этнической территории,

так и вне ее. Мордовские селения часто располагались по соседству с русскими, а в некоторых местах с татарскими, чувашскими, башкирскими. Нередко они имели смешанное население. Так, мордва Самарской губернии в 1860-е гг. проживала в 278 селениях, из которых 144 считались чисто мордовскими, 108 имели мордовско-русское население, а оставшиеся 26 были заселены в различной пропорции мордвой, татарами, башкирами, русскими, чувашами. В Казанской губернии в конце XIX в. на территории 3 уездов (Спасский, Тетюшский, Чистопольский) мордва проживала в 23 деревнях, и только 9 из них были чисто мордовскими¹⁹.

Дисперсность и этнически смешанный характер расселения мордвы позволяют характеризовать ее как **российский народ с геополитической точки зрения**. Тем более, что в Сибири, на Дальнем Востоке, особенно в Средней Азии и Казахстане мордовские переселенцы воспринимались местным населением как выходцы из центра России, этнически русские, проводники политики центральных властей, что порождало соответствующую обратную реакцию в виде элементов имперского сознания.

Длительность и постепенность процесса вхождения мордовского народа в состав Российского государства позволили ему без большого ущерба адаптироваться к первоначально непривычным социально-экономическим и политико-идеологическим реалиям, создали условия для более или менее комфортного существования в рамках имперского социума. О последнем свидетельствует **быстрый численный рост** мордовского этноса в имперский период, своеобразный демографический «взрыв» (табл. 3).

Таблица 3
Мордва в Российской империи (XVIII — начало XX в.)*

Показатель	1719	1835—1848	1897	1914—1917
Численность, тыс. чел.	107,4	492	1 023,8	1 187,9
Среднегодовой прирост населения, %	—	1,2	1,3	0,8

* Таблица составлена по: Брук С. И. Указ. соч. С. 24; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г.: Общий свод данных. Спб., 1905. Табл. 8.

В начале XVIII в. (1719) в империи проживало 107,4 тыс. чел. мордвы, что составляло 0,7 % от общего числа проживающих в стране²⁰. Материалы третьей ревизии (1762—1764) зафиксировали численность мордвы в 222,1 тыс., четвертой

(1781) — 279,9 тыс., пятой (1796) — 345,5 тыс.²¹ Академик П. Кепшен на основании материалов восьмой ревизии (1835) определил численность в 480 тыс. чел.²² В лекциях по истории и культуре финно-угорских народов, изданных в 1857 г., финский исследователь М. Кастрен указал число 388 111 чел.²³ Спустя несколько лет, в 1861 г., А. Алквист привел иные данные — 480 241 чел.²⁴ Профессор В. Козлов при обработке материалов десятой ревизии (1858) назвал цифру в 660—680 тыс. чел.²⁵ Первая всеобщая перепись населения России, проведенная в 1897 г., определила численность мордвы по признаку родного языка в 1 023,8 тыс. чел. В 1914—1917 гг. она достигла 1 187,9 тыс. чел. Иными словами, за два столетия существования в рамках имперского социума численность мордовского этноса увеличилась в 11 раз. Его прирост, характеризуемый благоприятным соотношением рождаемости и смертности, значительно превосходил потери от ассимиляционных процессов. Среднегодовой прирост на протяжении всего XIX в. не уступал русским и другим народам империи.

Благоприятные условия существования и быстрый численный рост позволили окончательно оформиться этнической структуре мордовского этноса, которая определяется Н. Мокшиным как **бинарная**, включающая в себя два субэтноса — мокшу и эрзя. Каждый субэтнос, считая себя мордвой, в то же время обладал присущими только ему самосознанием и самоназванием (субэтнонимом)²⁶. Констатация деления мордвы на субэтносы утвердилась в российской научной и общественной практике еще в XVIII в. Уже в 1762 г. П. Рычков писал: «...Мордва именуется Мокши, которым именем... и Татары их называют. Некоторые же из них есть, кои называются Эрзя и в языке с Мокшами несколько имеют разности»²⁷. Следом за ним на бинарность этноструктуры указали руководители экспедиции Российской академии наук 1768—1774 гг. И. Лепехин²⁸ и П.С. Паллас²⁹. Они фактически отразили не просто существование бинарности в структуре мордовского этноса, но и тенденцию субэтносов к развертыванию.

Нам представляется, что с позиций современного обществознания мордву стоит характеризовать как **пульсирующий этнос**. Поскольку на протяжении истории внешние и внутренние условия существования мордвы неоднократно менялись, временами субэтносы (мокша и эрзя) начинали развиваться относительно самостоятельно. Они получали толчок к разворачиванию внутренних сил и ресурсов, и возникала тенденция перерастания субэтносов в этносы, вполне самобытные, хотя и родственные. Временами же, наоборот, субэтносы оказывались

в условиях, требующих объединения усилий, сплочения перед лицом опасности. В этом случае проявлялась тенденция свертывания субэтносов и их консолидации в единый этнос — мордву. Внутренние устремления и амбиции приносились в жертву общим интересам. Таким образом сложилась ситуация пульсирующей этнической системы, которая то раскрывается, то свертывается³⁰. В имперский период тенденция разворачивания субэтносов, по всей видимости, преобладала, о чем свидетельствовали и расселение мордвы, и ее численный рост.

Мордовский этнос был втянут в орбиту Российского государства в период, когда религия являлась одним из основополагающих национально-государственных критериев, а христианизация — государственной политикой. Центральная власть создала четкую законодательную основу деятельности православной церкви и положения других верований. Российское законодательство предусматривало первенство и господство православия³¹. Вместе с тем признавался принцип свободы вероисповедания для представителей иных конфессий, в том числе язычников³². Законодательством были определены порядок присоединения к господствующей церкви, система льгот для новокрещеных, меры пресечения «отпадения» от православия. Официальными принципами присоединения иноверцев были «увещевания», «кротость», «добрые примеры», а не насилие³³. Обязанности по привлечению к православной церкви большей частью лежали на приходских священниках, которые «в особо нужных случаях» должны были «входить в соглашение с гражданским начальством»³⁴.

Принятие мордвой православия явилось своеобразным идеологическим обоснованием и реализацией ее вхождения в состав Российского государства. При посредстве религии мордва окончательно вошла в систему, стягивающую этносы в рамках единого пространственно-временного континуума, степень ее комфортности существенно повысилась. Кроме того, этнос приобщился к великой традиции, которая отобрала среди всего многообразия ценностей приоритетные и сообщила им трансцендентный характер — вывела их из сферы критики и тем самым предупредила релятивизацию ценностей. Это было весьма важно в условиях серьезного кризиса и трансформации традиционного языческого мировоззрения мордвы.

Массовая христианизация мордвы падает на имперский период российской истории. Еще в начале XVIII в. Ф. фон Страленберг, шведский офицер, попавший в российский плен под Полтавой, отмечал полное преобладание языческих верований в мордовской среде³⁵. Тогда же были предприняты

первые шаги по их искоренению, когда по указу Петра I в 1700 г. в Киевской духовной академии была начата подготовка миссионеров для распространения христианства среди мордовских крестьян. В 1706 г. следующим указом Петр I потребовал ускорить процесс христианизации³⁶. Причем стоит отметить мотив религиозной нетерпимости и фанатизма при ее проведении, который присутствует, по мнению А. Каппелера, даже у русского просветителя XVIII в. И. Посошкова³⁷.

Насилие служило поводом для выступлений мордовских крестьян против христианизации. В начале XVII в. алатырская мордва дважды топила в Суре игуменов Троицкого монастыря, в 1655 г. был убит архиепископ Рязанский Мисаил. В период гражданской войны 1670 – 1671 гг. восстание в мордовских деревнях чаще всего начиналось с убийства священника. В условиях империи наиболее крупным стало выступление крестьян Терюшевской волости в 1743 г., непосредственным поводом к которому послужила попытка епископа Нижегородского и Алатырского Дмитрия Сеченова разрушить мордовское кладбище у с. Сарлей. По мнению исследователей, в выступлении приняли участие 6 тыс. чел.³⁸

Восстание существенно повлияло на политику империи по отношению к мордве, правительство фактически отказалось от силового давления и обратилось к ориентации на мирное распространение православия в краю. Для стимулирования процесса присоединения к православию были заметно увеличены льготы новокрещеным. За согласие креститься предоставлялись льготы в государственных сборах на 3 года, освобождение от рекрутской повинности и наказания за некоторые преступления, а также материальное вознаграждение³⁹. Стали ощущаться положительные для мордвы моменты принятия новой религии. Наиболее важным было то, что принятие православной веры в условиях, когда она считалась государственной религией, означало социально-правовое уравнивание мордвы с русским населением. Не случайно с 1740 по 1762 г. православие приняли 67 580 чел. из мордвы (около 70 % от общей численности)⁴⁰. Именно эти годы финский исследователь У. Харва-Холмберг выделяет в качестве периода массового обращения мордвы в христианство⁴¹. Однако при этом надо иметь в виду элемент формальности, отмеченный еще церковным историком А. Можаровским: «...Проповедники, к сожалению, большею частью и ограничивались ...легким способом обращения, не вменяя себе в обязанность возбуждать в сердцах и мыслях новокрещеных живую и искреннюю веру в Христа и научать христианству»⁴².

Православие закрепилось в мордовской среде во второй половине XVIII — начале XIX в., когда оно проникло в быт, стало составной частью уклада. Произошли изменения в повседневной жизни, обрядах (икона стала принадлежностью жилья и целого ряда обрядов, на кладбищах вместо срубов стали ставить кресты и т. п.). Наконец, трансформировалось мировоззрение мордвы, внедрилась идея творения мира Богом, совместились языческие представления о загробном мире с христианскими представлениями о рае и аде и т. д. Сложился мордовский вариант православия, достаточно четко охарактеризованный В. Ключевским как двоеверие⁴³. Его реальным проявлением можно считать взгляды руководителя движения терюшевских крестьян 1809 г. К. Алексеева и его сторонников, которые включали в себя помимо элементов древней мордовской веры образы и идеи христианства (Богородица, Николай Чудотворец, архангел Михаил)⁴⁴. Идеи подобного характера возникали и среди других народов⁴⁵. По всей видимости, в то время они были единственно возможной формой этнической идеологии.

В XIX в. с целью укоренения христианства в мордовской среде имперские структуры проводили активную политику просвещения на основе православия. С этой целью на мокшанский и эрзянский языки переводились религиозные тексты, создавалась обширная учебная литература. Логическим завершением данной тенденции можно считать систему, предложенную одним из выдающихся миссионеров своего времени Н. Ильминским. В 1871 г. он констатировал: «...Иностранцы не знают христианства, они не только не имеют понятия о догматах, о священном писании, но не знают даже самых главных событий священной истории»⁴⁶. С целью ликвидировать данное положение он предложил активно использовать национальные языки. По мнению Ильминского, дети иностранцев, в том числе мордвы, должны сначала получать наставления на родном языке от местных учителей с использованием букварей, учебников, религиозной литературы, составленных на национальных языках. Стоит согласиться с оценкой И. Крейнндлер, считавшей язык основной характеристикой его миссионерской деятельности⁴⁷. Сам Н. Ильминский по этому поводу писал: «Религиозное движение сердца несравненно сильнее и глубже возбуждается, когда христианские истины слышатся иностранцами на языке родном, нежели на русском, хотя бы последний и был для них знаком в некоторой степени. Это потому, что родной язык непосредственно говорит и уму, и сердцу. Как скоро в иностранцах утвердились посредством родного языка

христианские понятия и правила, они охотно и с успехом занимаются и русским языком, и ищут русского образования»⁴⁸.

Христианизация мордвы способствовала ее дальнейшей интеграции в имперские структуры, ее идеологической адаптации и возрастанию уровня комфортности существования в рамках империи. К концу XIX в. она была фактически завершена. По переписи 1897 г., 98,9 % мордовского населения империи были православными. Лишь 1,1 % составляли старообрядцы (лютеран, мусульман, язычников в этом числе не было)⁴⁹.

Миссионерская политика привела к формированию **религиозной интеллигенции** из мордвы, которая использовала поддержку государства, преимущества образования и знание русского языка для артикуляции этнических интересов и для развития этнического сознания. Первые мордовские просветители, педагоги и ученые вышли из этой среды (Авксентий (Арсений) Юртов, Николай Барсов, Макар Евсевьев). Принятие православия потребовало от них не только отказа от многих национальных обычаев, перемены образа жизни, но признания русского духовного превосходства. Однако их нельзя рассматривать как пассивный объект русификаторской политики. Они выбрали, по терминологии профессора П. Верта, «оговоренную ассимиляцию» (negotiated assimilation) — форму интеграции в русский мир, предусматривающую возможность сочетания православия и русского «просвещения» с национальными традициями и образом жизни, с сохранением этнического своеобразия. Для них был свойственен национализм, однако он был универсальным и воспринимал нацию как ценность, подчиненную другим, более универсальным ценностям. В этом смысле он отличается от национализма XX в., носящего агрессивный и ограниченный характер, абсолютизирующего нацию как высшую ценность. Мордовская интеллигенция восприняла значительную часть идей Н. Ильминского и пыталась реализовать их в жизнь. Она стремилась создать культуру **национальную по форме и православную по содержанию**. При этом оформлялись объективно элементы, ведущие к нивелировке культурных различий, определился процесс аккультурации мордовского этноса.

Существование мордовского этноса в рамках Российской империи сопровождалось **ассимиляционными процессами**, начавшимися еще в XVIII в. и ускорившимися в пореформенные годы. На территории Среднего Поволжья на долю мордвы приходилось в 1897 г. 7,7 %, а в 1917 г. — 6,8; в Южном Приуралье — соответственно, 2,0 и 1,8 %; в Нижнем Поволжье — 5,9 и 5,2 %. Мордва быстрее других этносов Поволжья вступала в тесные контакты с другими народами, в пер-

вую очередь с русскими. В Нижегородской губернии она составляла в 1859 г. 9,1 % общего числа жителей, а в 1917 г. — только 3,9 %. Во многих уездах губернии мордовское население к этому времени исчезло совершенно⁵⁰. Немецкий исследователь XIX в. Ф. фон Гельвальд отмечал: «При частых сношениях с русскими поселенцами, появившимися здесь, она (т. е. мордва. — *Авт.*) начала постепенно русифицироваться... Теперь все мордвины — официально, по крайней мере, православные, прекрасно знают русский язык и в экономическом быту ничем не отличаются от окрестного русского населения, хотя сохранили свой язык и некоторые племенные особенности...»⁵¹.

Английский исследователь А. Уоллес попытался, опираясь на личные впечатления, определить этапы или, как он сам отмечал, фазы ассимиляции: «Во время моих поездок по этим губерниям я встречал поселения на всех ступенях обрусения. В одном все казалось совершенно финским: жители имели желто-красный цвет лица, выдающиеся скулы, косо прорезанные глаза и особенно одежду; ни одна женщина не понимает по-русски; очень немногие мужчины могли понимать этот язык, и всякий русский, приехавший в селение, считался иноземцем. В другом же было несколько русских жителей; местные уже утратили свой финский тип, многие мужчины отказывались от старинной одежды и бегло говорили по-русски. В третьем финский тип ступевался еще больше; все мужчины говорили по-русски и почти все понимали русский язык; старинная мужская одежда исчезла совсем, старинный женский костюм был брошен почти всеми, и браки с русским населением не составили редкости. В четвертом браки почти совсем сделали свое дело, и древний финский элемент выражался только в некоторых особенностях физиономии и выговора»⁵². Раскрывая причины этого явления, казанский профессор И. Смирнов писал: «Обрусение ускоряется малоземельем, которое заставляет мужское население обращаться к отхожим промыслам и громадными артелями уходить за Волгу и в Астрахань»⁵³.

К сожалению, отсутствие исходных данных не позволяет охарактеризовать естественные ассимиляционные процессы с должной полнотой. Большинство исследователей отмечают их высокие темпы, не приводя цифровых данных. Лишь в последнее время профессором В. Абрамовым было высказано предположение о том, что в конце XIX в. около 15 % мордовского населения империи считали своим родным языком русский. К началу же XX в., по его мнению, соотношение обрусевшей мордвы с мордвой, говорящей по-русски и сохранившей родной язык, составило 10 : 2 : 1⁵⁴.

Ассимиляционные процессы подкреплялись имперской политикой **русификации**, ставившей своей целью, по официальным заявлениям, интеграцию мордвы в российское сообщество и превращение ее в полнокровных российских граждан. Министр народного просвещения граф Д. А. Толстой указывал: «Конечной целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества, бесспорно, должно быть обрусение»⁵⁵. Аналогичную позицию занимал и Н. Ильминский, который писал: «Мы берем русского человека в идеал и этот идеал стараемся усвоить инородцам. Русский идеал есть по преимуществу — православие: вот почему на православии-то мы так и настаиваем. Православие — основной, коренной, самый капитальный элемент русской народности. Коль скоро инородец усвоил себе православие сознательно и убежденно, умом и сердцем, — он уже обрусел»⁵⁶. Однако арсенал средств, которым правительство пользовалось при проведении политики русификации, практически сводился только к школе. Он был ограничен из-за общей отсталости страны, неэффективности административной системы и запаздывания модернизационных процессов.

Таким образом оформилось своеобразное переплетение естественных демографических процессов ассимиляции и имперской политики христианизации и русификации. Однако надо иметь в виду и влияние иных факторов. Например, в своем взаимодействии мордва и русские никогда не были один на один. Помимо русской татарская культура в ряде случаев выступала конкурентом и альтернативным образцом для подражания. Это привело к возникновению особой этнографической группы мордовского этноса — каратаев. Первым об их существовании сообщил И. Лепехин, передавший один из разговоров с мордовскими крестьянами: «Они еще сказывали нам о... роде мордвы, которых каратаями называют и которых только три деревни в Казанском уезде находится»⁵⁷. Исследования XIX в. показали, что каратаи сформировались в результате существенного татарского влияния, фактической аккультурации.

Мордовский этнос оказался интегрированным в российские имперские системы и с точки зрения **социальной стратификации**. Процесс интеграции начался еще в XVII в. и охватил в первую очередь этническую элиту, представителей местной знати. В значительной степени он сводился к деклассированию мордовских мурз, в ходе которого следует выделить два момента. Первый связан с христианизацией местной знати в 1681—1682 гг. (широко осуществлялась в Темникове,

Касимове, Шацке, Керенске), второй — с указом от 3 ноября 1713 г., который поставил перед мордовской элитой альтернативу — либо она окончательно сливается с русским дворянством, либо изменит свое экономическое и правовое положение и войдет в категорию государственных крестьян. В реальной истории произошло последнее⁵⁸. Петровские реформы привели к известной нивелировке различных категорий сельского населения. В мордовском крае шаги в этом направлении свелись к ликвидации исключительного статуса ясака, увеличению денежного обложения мордвы, а также распространению с 1722 г. на мордовских крестьян рекрутской системы⁵⁹.

В XIX в. процесс интегрирования мордовского этноса в российскую социальную структуру был завершен, и он уже мыслится в значительной степени не в этнических, а в социальных категориях. Перепись 1897 г. отразила сложившуюся ситуацию (табл. 4).

Таблица 4

**Сословная структура мордовского населения
Российской империи (1897 г.)***

Губерния	Дворянство	Духовенство	Мещане	Казанки	Купцы	Почетные граждане	Крестьяне
Нижегородская	1	10	28	1	—	2	53 002
Пензенская	6	47	18	8	2	3	187 744
Симбирская	3	13	98	5	—	3	188 798
Тамбовская	2	30	8	1	—	1	89 661
Самарская	6	88	1 236	7	1	1	237 071
Саратовская	2	3	111	—	3	1	123 749
Оренбургская	2	8	6 058	4 918	—	—	27 355
Казанская	1	6	3	—	—	—	22 162
Уфимская	4	3	1 816	—	1	3	35 436
Томская	7	1	1 123	—	1	—	13 540
Итого	34	209	10 499	4 940	8	14	978 518

* Таблица составлена по: Первая всеобщая перепись Российской империи 1897 г. Т. 14. С. 258–274; Т. 25. С. 204–205; Т. 28. С. 158–159; Т. 30. С. 241–247; Т. 36. С. 180–193; Т. 38. С. 224–239; Т. 39. С. 163–169; Т. 42. С. 233–245; Т. 45. С. 170–183; Т. 79. С. 222–237; **Абрамов В. К.** Мордовский народ (1897–1939). Саранск, 1996. С. 46.

Социальная структура мордовского населения империи практически полностью совпадала с социальным делением российского общества, а этническая принадлежность не мешала межсословным перемещениям. Однако надо иметь в виду и то, что в силу крайней малочисленности ни одна из сословных групп мордовского этноса, за исключением крестьянства (98,4 % от общей численности мордвы), не имела какого-либо самостоятельного социально-политического значения. По справедливому за-

мечанию В. Абрамова, «оторвавшиеся от крестьянской общины, рассеянные по огромной территории, их представители являли собой переходную прослойку между мордвой и русскими и буквально таяли этнически в следующих поколениях»⁶⁰.

Резюмируя анализ развития мордовского этноса в имперском социуме, отметим, что мордва заняла особое место в истории империи, обусловленное спецификой ее собственного этнического и исторического развития. Она не принадлежала к числу доминирующих этносов, однако имела ряд их черт, связанных с ее участием в генезисе империи посредством миграций и освоения окраинных земель. В имперский период окончательно сложились существенные этнические характеристики мордвы, сохранившиеся до сих пор, — бинарность, пульсирующий характер этноса, его интегрированность в российский общество. Пример мордовского этноса еще раз подтверждает неоднократно высказывавшуюся мысль о том, что в Российской империи в системе иерархии этничность играла второстепенную роль, уступая место принципам политической лояльности, социальной принадлежности, религиозному и цивилизационному (оседлость / неоседлость) критериям.

Примечания

¹ Каппелер А. Россия — многонациональная империя: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // *Ab Imperio*. 2000. ц 1. С. 21.

² См.: Имперский строй России в региональном измерении (XIX—начало XX века). М., 1997. С. 5.

³ См.: Арсентьев Н. М. Отечественная история в контексте новой культурной парадигмы / Н. М. Арсентьев, Д. В. Доленко, В. А. Юрченков // Гуманитарий. Саранск, 2000. С. 5—13. **Они же**. Центр и периферия: история России или множества Россией? // Финно-угорский мир: история и современность. Саранск, 2000. С. 16—25.

⁴ См.: Бродель Ф. *Время мира*. М., 1992. С. 18, 48—49.

⁵ Doyle M. W. *Empires*. Ithaca, 1986. P. 45.

⁶ Ibid. P. 12.

⁷ См.: Мокшин Н. Ф. Этническая история мордвы XIX—XX вв. Саранск, 1977; **Он же**. Мордовский этнос. Саранск, 1989.

⁸ См.: Мордва. Саранск, 1981; Мордва. Саранск, 1995.

⁹ См.: Абрамов В. К. Мордовский народ (1897—1939). Саранск, 1996.

¹⁰ Подробнее см.: Мацузато К. Польский фактор в Правобережной Украине с XIX по начало XX века // *Ab Imperio*. 2000. ц 1. С. 94—95.

¹¹ См.: Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen

RuЯlandbildes. Bern; Frankfurt/Main, 1972; **Idem.** Russlands erste Nationalitten. Das Zarenreich und die Vlker Mittleren Wolga vom 16. bis 19. Jahrhundert. Kln; Wien; Вцhlau, 1982.

¹² См.: **Lallukka S.** The East Finnic Minorities in the Soviet Union. An Appraisal of the Erosive Trends. Helsinki, 1990.

¹³ См.: **Kreindler I.** The Mordvinians – A Doomed Soviet Nationality? // The Hebrew University of Jerusalem. The Soviet and East European Research Centre. Research Paper. 1984. Nr. 56.

¹⁴ См.: История Мордовии с древнейших времен до середины XIX века. Саранск, 2001. С. 81–104.

¹⁵ См.: **Мокшин Н. Ф.** Этническая история мордвы... С. 100–101; Мордва, 1995. С. 84–89.

¹⁶ См.: **Брук С. И.** Этнический состав населения России (1719–1917 гг.) // С. И. Брук, В. М. Кабузан // Сов. этнография. 1980. ц 6. С. 33.

¹⁷ См.: **Lallukka S.** Op. cit. P. 97.

¹⁸ См.: **Francis E.** Interethnic Relations. N. Y., 1976. P. 167–171, 205–207.

¹⁹ См.: **Мокшин Н. Ф.** Этническая история мордвы... С. 101–102.

²⁰ См.: **Брук С. И.** Указ. соч. С. 24.

²¹ См.: **Кабузан В. М.** Народы России в XVIII в. Численность и этнический состав. М., 1990. С. 230.

²² См.: **Кеппен П.** Об этнографической карте Европейской России. Спб., 1852. С. 17.

²³ См.: **Castren M. A.** Ethnologische Vorlesungen iber die altaischen Vlker nebst samojdischen Marchen und tatarischen Heldensagen. Spb., 1857. S. 135.

²⁴ См.: **Ahlgvist A.** Versuch einer Mokscha-mordwinischen Grammatik nebst Texten und Worterverzeichniss. Spb., 1861. S. 7.

²⁵ См.: **Козлов В. И.** Расселение мордвы // Вопросы этнической истории мордовского народа. М., 1960. С. 27–28.

²⁶ См.: **Мокшин Н. Ф.** Мордва: этноструктура и этнические процессы // Традиционное и новое в культуре народов России. Саранск, 1992. С. 170.

²⁷ **Рычков П. И.** Топография Оренбургская. Спб., 1762. Ч. 2. С. 182.

²⁸ См.: **Лепехин И. И.** Дневные записи путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, в 1768 и 1769 году. Спб., 1771. С. 155.

²⁹ См.: **Паллас П. С.** Путешествие по разным провинциям Российского государства. Спб., 1809. Ч. 1. С. 107–108.

³⁰ Подробнее см.: **Iurchenkov V.** The Mordvins: Dilemmas of Mobilization in a biethnic Community // Nationalities Papers. 2001. Vol. 29. Nr. 1. P. 85.

³¹ См.: Свод законов Российской империи. Спб., 1892. Т. 1, ч. 1. Ст. 40.

³² Там же. 1896. Т. 11, ч. 1, разд. 6. Ст. 1–2.

³³ Там же. 1890. Т. 14. Ст. 70.

³⁴ Устав духовных консисторий. Спб., 1841. Ст. 32.

³⁵ См.: **Hmlinen A.** Nachrichten der nach Sibirien verschickten Offiziere Karls XII iber die finnisch-ugrischen Vlker. Helsinki, 1938. S. 47.

³⁶ См.: **Cracraft J.** The Church Reform of Peter the Great. Stanford, 1971. P. 65, 68.

- ³⁷ **Kappeler A.** Russland erste Nationalitdten. S. 284.
- ³⁸ См.: **Абрамов В. К.** По следу времени. Саранск, 1991. С. 110.
- ³⁹ ПСЗ. Т. 6. ц 1018, 1382, 4123; Т. 11. ц 8349, 8792.
- ⁴⁰ См.: **Юрченков В. А.** Обретение мордовским народом православия // Саранские епархиальные ведомости. 1998. ц 3–4. С. 72.
- ⁴¹ **Harva U.** Die religisunen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952. S. 6.
- ⁴² **Можаровский А.** Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 г. М., 1880. С. 6.
- ⁴³ См.: **Ключевский В. О.** Курс русской истории // Соч.: В 9 т. М., 1987. Т. 1. С. 308–309.
- ⁴⁴ РФ НИИЯЛИЭ, И-384, л. 26–29.
- ⁴⁵ См.: **Старостенков С. А.** Этноконфессиональное движение «кугу сорту» у марийцев: причины и механизм возникновения // Изучение преемственности этнокультурных явлений. М., 1980. С. 148–149.
- ⁴⁶ **Ильминский Н. И.** О переводе православных христианских книг на инородческие языки. Казань, 1875. С. 6.
- ⁴⁷ См.: **Kreindler I.** Nikolai Iuminskii and Language Planning in Nineteenth-Century Russia // International of the Sociology of Language. 1979. Vol. 22. P. 9–13; **Idem.** The Mordvinians – A Doomed Soviet Nationality? P. 10–11.
- ⁴⁸ **Знаменский П. Н.** На память о Н.И. Ильминском. Казань, 1892. С. 204.
- ⁴⁹ Подробнее см.: **Абрамов В. К.** Мордовский народ... С. 375.
- ⁵⁰ См.: **Брук С. И.** Указ. соч. С. 33–34.
- ⁵¹ Цит. по: **Михайлов В.** Немцы о мордве // Сов. Мордовия. 1990. 4–5 авг.
- ⁵² Цит. по: **Рамбо А.** Живописная история древней и новой России. М., 1994. С. 19–20.
- ⁵³ **Смирнов И. Н.** Мордва. Казань, 1895. С. 112.
- ⁵⁴ **Абрамов В. К.** Мордовский народ... С. 39.
- ⁵⁵ Цит. по: **Куманев В. А.** Революция и просвещение масс. М., 1973. С. 59.
- ⁵⁶ **Ильминский Н. И.** Из неизданных писем Н. И. Ильминского к графу Д. А. Толстому // Сотрудник Братства Гурия. 1911. ц 15–16. С. 244.
- ⁵⁷ **Лепехин И. И.** Указ. соч. С. 155.
- ⁵⁸ **Kappeler A.** Russland erste Nationalitdten. S. 246–249, 253.
- ⁵⁹ **Ibid.** S. 259–270; **Hellie R.** The Petrine Army: Continuity, Change and Impact. Pittburgh, 1974. Vol. 8. P. 248.
- ⁶⁰ **Абрамов В. К.** Мордовский народ... С. 47.

Поступила 12.05.2003 г.

*Секция 1. Крестьянство
в российском имперском социуме*

УДК 323.2(470.4)

Н. О. Шкердина

**ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
В ОТНОШЕНИИ НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
ПО СВИДЕТЕЛЬСТВАМ ИНОСТРАННЫХ АВТОРОВ
XVI–XVIII СТОЛЕТИЙ**

К XVI в. Россия уже была многонациональным и поликонфессиональным государством. Она включала в свой состав территории с этнически, конфессионально, культурно различным населением, обладавшим разными системами социального и хозяйственного устройства.

Российское государство стремилось проводить довольно гибкую политику по отношению к нерусским народам Среднего Поволжья (мордвы, марийцам, удмуртам, чувашам, татарам и башкирам). Процесс их вхождения в состав Российского государства фактически растянулся на несколько столетий и его завершающий этап связан с падением Казанского ханства. Присоединение же некоторых этносов (мордвы и марийцев) началось еще в XIII столетии. Второй этап — присоединение значительной части этих народов, в том числе удмуртов (вотяков), охватывает подчинение Вятской земли в 1489 г. Значительная роль в осуществлении пророссийской политики в Поволжье принадлежала подконтрольному московским князьям Касимовскому царству (удельному княжеству, основанному в 1450-е гг. и располагавшемуся на территории северо-восточной части современной Рязанской области, которая была населена татарами, мещерой, мордвой, русскими). Необходимо также отметить, что процесс присоединения территорий Среднего Поволжья носил по преимуществу военно-дипломатический характер.

Присоединение территории Среднего Поволжья и населявших ее народов отвечало объективным потребностям развивающегося Российского государства. Особенно активно политика дипломатического давления на слабеющее Казанское ханство стала осуществляться в первой половине XVI столетия при Василии III. Так, упоминается, что «великий князь

поставил над ними гнусного и неспособного царя по имени Шигалей... притом более преданного и расположенного к русским, нежели к ним»¹. Политическая история Казани первой половины XVI в. вплоть до 1552 г. — фактически история переворотов и прихода к власти ставленников то Москвы, то Крыма. Кроме того, еще «до взятия Казани великий князь Иван Васильевич велел построить в 10 верстах от него городок с Кремлем на берегу Волги; он называется Свяжск и населен московскими людьми, которые и теперь там живут и ведут торговлю с Астраханью солью и разными дорогами шелковыми материями, привозимыми из Мидии и Персии...»². Таким образом, Свяжск должен был служить военной базой, которая одновременно могла оказывать влияние на торговую политику в Поволжье.

После покорения Казани Иван Грозный «овладел и черемисой... Жители области платят великому князю дань, большей частью мехами»³. Среди покоренных народов упоминается и мордва, у которой «свои собственные государи и князья, которые защищают их и правят ими; они им платят ежегодно дань так же как и великому князю, разными мехами»⁴. Кроме того, выступая в качестве вассалов Московского царя, по свидетельству П. Петрея, мордовские князья должны были осуществлять военную поддержку. Так, когда «понадобятся великому князю и он позовет их, они приходили поспешно, в числе стольких тысяч, сколько он захочет»⁵.

В XVII столетии ситуация несколько меняется. П. Петрей упоминает, что мордва «теперь платят дань москвитянам различными мехами... однако ж не больше, сколько надумают сами, по доброй воле, потому, что великий князь не хочет притеснять их, чтобы они не сговорились с другими татарскими князьями и не отпали от него, так как они и сами могут выставить войско на 20 000 воинов»⁶. Не менее интересно и замечание Ж. Маржерета об ослаблении политики христианизации в первой четверти XVII столетия, что, по-видимому, было связано с опасностью дестабилизации геополитической ситуации в Поволжье в период Смутного времени. Он писал, что под властью русских находятся «татары... сверх того мордва и другие магометанские нации, исповедующие каждая свою религию, которая не является ни христианской, ни магометанской, но, следуя своим причудам, поклоняются разным животным, не принуждаемы в религии»⁷. Эти сведения подтверждает и И. Масса. Он писал, что «никого русские насилем не принуждают к принятию своей веры, но употребляют для этого средства благоразумные и, так сказать, ведут их, но не побуж-

дают, ко крещению»⁸. Во второй же половине XVII—XVIII в. ситуация кардинально меняется. Христианизация становится одним из важнейших направлений внутренней политики.

Довольно любопытные свидетельства о присоединении юго-восточных районов Чувашии, и по-видимому, записанные с чьих-то слов, приводит А. Мейерберг (XVII в.): «...в 7061 году от С. М., в 1552 г. от Р. Х. сын его Иван взял Казань после шести месяцев осады и вместе с ее черемисою заставил служить под властью Москвы. Однако ж в виде вознаграждения за обиду подчинил ей соседнюю Болгарию, которой терпеть не мог за частые мятежи, чтобы эта страна, непривыкшая к покорности, научилась носить чужое иго»⁹.

Во многом политика Российского государства по отношению к народам Среднего Поволжья была связана с сотрудничеством с национальными элитами, которые имели определенное влияние среди соплеменников. Если они шли на предложенные условия, за ними сохранялись некоторые права и привилегии. Так, приводя рассказ о взятии Казани, И. Масса писал, что один из сыновей хана Сафа-Гирея был пленен и привезен в Москву, где его «обратили в христианскую веру, назвав Александром, ибо его прежнее звание Утеши-Гирей, сверх того женили на московитке знатного происхождения и дали ему три области с городами Торжком, Тверью и Тороицем, чтобы он мог прилично содержать себя»¹⁰. А. Олеарий упоминает татарский город Касимов, «принадлежавший татарскому князю Касимову. Здесь в старом каменном здании, некогда бывшем замком, жил молодой татарский князь Рес-Кичи, который еще несколько лет тому назад вместе с матерью и бабушкой своею подчинился великому князю. Этот город дан им был для кормления... Рассказывали, будто русские говорили молодому государю, что если бы он принял русскую религию и дал себя окрестить, то великий князь не отказал бы ему в выдаче своей дочери за него. Он, однако, будто ответил, что теперь он еще слишком молод (ему было всего 12 лет), но когда он придет в лучший возраст и разум, то он готов дать ответ»¹¹.

На завоеванные территории осуществлялось переселение русских, а также параллельно проводилась политика христианизации. И. Масса отмечал, что Иван Грозный, завоевав «царство Казанское, уничтожил все его привилегии и заселил его многими московитами»¹². По сведениям, заимствованным П. Петреем, после взятия Казани по приказу Ивана Грозного были восстановлены все фортификационные сооружения и построена «кирпичная церковь в честь Девы Марии»¹³. Кроме того, там был оставлен военный контингент в

несколько «сот солдат, назначенных туда великим князем в караул»¹⁴. «Город открыт и не очень крепок, в нем не позволили жить ни одному татарину, а только русским, которым предписал великий князь явиться туда изо всех областей и владеть поместьем. Потому, что жителей он выгнал из города, расселил и ограбил, чтобы никто из них или из их потомков там не жил, а жил бы вдали оттуда, в деревнях. Им позволено также выбирать себе правителей из своих родов и племен, однако ж с тем условием, чтобы они слушали великого князя, и были для того наготове с таким числом воинов, как он потребует и укажет»¹⁵.

Несмотря на жестокость, это все-таки была скорее вынужденная мера, поскольку Казанское, Астраханское и Крымское ханства находились в тесных политических взаимоотношениях с Турцией, которая оказывала поддержку агрессивным планам Крыма и Казани. Кроме того, для ликвидации восточной угрозы требовалась идеология, которая могла бы противостоять распространению ислама на территории Среднего Поволжья. Казань, по-видимому, должна была стать одним из центров распространения православия в Поволжье. А. Мейерберг подтверждает это, упоминая, что после завоевания города Иван Грозный «украсил Казань учреждением в ней митрополии и местопребыванием митрополита»¹⁶.

Об участии татар в подавлении восстаний, которые периодически возникали в России в тот период (1552–1557 гг., 1571–1574 гг.), писал современник Ивана Грозного Д. Горсей: «...татар ... он использовал также для подавления и усмирения тех его князей и бояр, кто, как он полагал, был недоволен и бунтовал против него из-за его жестокостей, кровопролитий, беспрестанных грабежей и казней знати»¹⁷. Он также упоминает, что 4 тыс. татар принимали участие в осаде и взятии Дерпта в период Ливонской войны. Иван Грозный проводил политику лавирования между представителями национальных элит и пытался ослабить внутривнутриполитическое напряжение путем включения военных подразделений, включающих представителей отдельных национальностей, в состав военного контингента, участвовавшего в военных действиях. Но методы, которыми осуществлялось присоединение, долго оставались в народной памяти. Д. Горсей писал, что после завоевания Казани и Астрахани российский царь «покорил всех татарских князей и их земли и обратил в свое подданство многих знатных людей; это разорение до сего дня служит темами для скорбных рассказов и песен среди тех народов»¹⁸.

После 1552 г. территория, на которой проживала основная масса народов Среднего Поволжья, начала активно включаться в систему административного управления Российского государства. Земли, на которых прежде располагалось Казанское ханство, перешли в подчинение приказа Казанского дворца. А. Олеарий, описывая административно-территориальную систему управления Российского государства, упоминал Казанский и Сибирский приказы, в которых «слушаются и ведутся дела, как царств Казани и Сибири»¹⁹. Во второй половине XVI столетия начинается активное освоение Поволжья: были построены Чебоксары, Лаишев, Тетюши, Уфа и др. В этот же период ведется строительство засечных черт.

Кроме того, народы Среднего Поволжья активно интегрируются в структуру формирующегося всероссийского внутреннего рынка, поскольку товары, производимые и добываемые здесь, являлись одной из важных статей экспорта и были необходимы для внутреннего потребления. Г.К. Катошихин подробно описал как административно-территориальную систему управления народами Среднего Поволжья, так и характер их податей: «Приказ Казанского Дворца; а в нем сидит боярин, да думный дьяк, да два диака. А в том приказе ведомо Казанское и Астраханское царствы, и к Понизовые города; и в те города воеводы и к ним указы посылаются, о всяких делах, и с того приказу. А денежной сбор собирается с Понизовых городов, которые блиски к Москве, с русских посадских людей и с крещеных и некрещеных татар, и мордвы, и черемисы, погодно, также и с таможен и с кабаков, с откупов, на год блиско 30 000 рублей; а с медовых бортных угодий, и с ловель звериных, с лисиц и с куниц и с горностаев и с белки, звериной рухлядью и медом»²⁰.

Во второй половине XVII – XVIII в. ситуация кардинально меняется. Аккультурация, интеграция и христианизация становятся важнейшими направлениями внутренней политики Российского государства. Я. Рейтенфельс, посетивший Россию в 1671 – 1673 гг., зафиксировал изменения во внутренней политике по отношению к нерусским народам. Он писал, что «Пермь, Устюг, Печора, Обдорья, Мордва и Югория (от которой происходит народ и язык венгерский) и другие некоторые области имели некогда каждая свое особое наречие, подобно тому, как и ныне мосхам подвластны татары и лапландцы, хотя даже и последние так начали учиться русскому языку, что забывают мало-помалу родной. Так как царь прилагает всяческое старание к установлению одного языка, то и общераспространенная о русских поговорка (един царь, еди-

на одежда, едина вера, одни деньги и один язык) в высшей степени, кажется, справедлива»²¹.

Однако христианизация носила во многом поверхностный и формальный характер. Так, Д. Перри, посетивший Россию на рубеже XVII—XVIII вв., описывал этноконфессиональную ситуацию, сложившуюся в Поволжье, следующим образом: «...мордва и мурзы и черемисские татары, живущие по сю сторону Волги, завоеванные около 140 лет тому назад, живущие деревнями вперемешку с русским, находящиеся непосредственно под управлением царского правительства большей части в пределах Казанской провинции, — решительно отказываются принимать христианскую религию в той форме, в какой преподносят им ее русские, хотя последние не один раз предлагали им значительные выгоды и расширение их льгот в том случае, если они дадут окрестить себя в русскую веру. Все это несмотря на то, что они ежедневно претерпевают (всякого рода) обиды и оскорбления от русских, главным образом за свое упорство в нежелании делать это»²².

В XVIII в. Казань становится одним из центров распространения православия на территории Среднего Поволжья. И. Г. Фальк сообщал, что там «находится знаменитое училище для чувашей, черемисов, мордвы, вотяков, вогуличей и татар, которое заведено было в 1740 г. В сем училище обучаются дети сих народов российским и их собственным языкам, закону и другим наукам, дабы сделаться полезными между своими народами»²³. В 1740 г. начала деятельность Контора новокрещенских дел в Казани, которая должна была способствовать распространению христианства на территориях Казанской, Нижегородской, Воронежской и Астраханской губерний.

Тем не менее, несмотря на усилия правительства в области христианизации народов Среднего Поволжья, языческие верования продолжали сохраняться и в конце XVIII в. И. Г. Георги подчеркивал именно формальный характер христианизации чувашей: «Все почти с 1723 года крещены в грекороссийскую веру, которую, можно сказать, внешне исповедуют»²⁴. Описывая образ жизни черемис, их обычаи, быт и нравы, он отмечал, что «крещеные черемисы, число которых в одной Казанской губернии с 1723 по 1774 год умножилось до 6 580 мужских и 5 951 женских душ, а по сей 1795 год можно положить не ошибочно в трое, содержат оные праздники, по большей части, тайно, а иногда берут и в самом торжестве язычников столько участия, сколько, укрываясь в том от духовенства, и избегая их изязания, принимать могут»²⁵.

Таким образом, по сведениям иностранцев, посетивших Россию в XVI—XVIII столетиях, можно выделить несколько основных направлений политики государства по отношению к народам Среднего Поволжья:

- 1) присоединение территорий, включавших в свой состав народы, которые обладали собственными культурными традициями, религией, устоями социальной жизни, своеобразным экономическим укладом и т. д.;
- 2) интеграция инородческого населения в российскую систему административного управления, экономику и культуру;
- 3) христианизация народов Среднего Поволжья;
- 4) аккультурация.

Примечания

¹ **Петрей П.** История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 196.

² Там же. С. 200.

³ Там же. С. 187.

⁴ Там же. С. 177.

⁵ Там же. С. 178.

⁶ Там же. С. 177.

⁷ **Маржерет Ж.** Состояние Российской империи и великого княжества Московии // Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев. М., 1986. С. 237.

⁸ Цит. по: **Юрченков В. А.** Взгляд со стороны. Саранск, 1995. С. 122.

⁹ **Мейерберг А.** Путешествие в Московию // Утверждение династии. М., 1997. С. 131.

¹⁰ **Масса И.** О начале войн и смут... // О начале войн и смут в Московии. С. 22.

¹¹ **Олеарий А.** Описание путешествия в Московию // Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев. С. 417—418.

¹² **Масса И.** Указ. соч. С. 22.

¹³ **Петрей П.** Указ. соч. С. 200.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ **Мейерберг А.** Указ. соч. С. 131.

¹⁷ **Горсей Д.** Записки о России XVI — начала XVII в. М., 1990. С. 52

¹⁸ Там же. С. 51.

¹⁹ **Олеарий А.** Указ. соч. С. 394.

²⁰ Цит. по: **Юрченков В. А.** Указ. соч. С. 139.

²¹ **Рейтенфельс Я.** Сказание о Московии // Утверждение династии. С. 329.

²² Цит. по: **Гераклитов А. А.** Несколько малоизвестных заметок о морд-ве иностранных путешественников конца XVII — начала XVIII в. // Изв. Нижне-Волжского института краеведения. Саратов, 1931. Т. 4. С. 102.

²³ Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск, 1951. Т. 2. С. 152.

²⁴ **Георги И.Г.** Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Спб., 1809. С. 35.

²⁵ Там же. С. 34.

Поступила 06.05.2003 г.

УДК 321.17(470.345)

С. В. Видяйкин

**РАСКЛАДКА ПОДАТЕЙ ДВОРЦОВОЙ МОРДВЫ
АЛАТЫРСКОГО УЕЗДА В 70-х гг. XVII в.
(микроуровневый подход)**

Рассмотрение проблем социально-экономического развития Российского государства XVII в. — важная составляющая исследований, посвященных изучению истории эпохи феодализма. Одно из приоритетных мест среди них занимают вопросы налогообложения. В этом плане большой интерес представляет Среднее Поволжье, как регион многонациональный, а кроме того, и район интенсивной колонизации в XVII в. Специфика его социально-экономического развития неразрывно связана с историей одного из коренных местных народов — мордвы.

Писцовые и переписные книги XVII в. дают богатый материал по всем областям социальной и экономической жизни мордовского народа. Их основное предназначение состояло в учете податного населения и расчете его тягла. Наибольшую ценность для исследователей представляет отражение в книгах системы налогообложения того времени. В ряду дошедших до нас писцовых и переписных книг мордовского народа важное место занимает «Книга переписи князя Ивана Путятина Алатырского уезда мордвы»¹, составленная в 1671 г. Она содержит перечень селений с указанием жилых и пустых дворов, итоги подсчета дворов, людей и вытного тягла под ними, подробное перечисление денежных повинностей и оклад стрельцкого хлеба, перечисление ухажав и других оброчных угодий с указанием следующих с них оброков натурой, деньгами и пошлин, итог всякого рода платежей по всей деревне. Данная переписная книга дает возможность рассмотреть структуру податей, ее

компоненты в отдельности и их соотношение между собой в 70-х гг. XVII в.

Кроме того, на выбор хронологического периода повлияло то, что 70-е гг. XVII в. стали важным этапом на пути трансформации налоговой системы от «сошного письма» к подушным податям. С налоговой реформы 1679 г., которая ввела в качестве единицы обложения двор по общегосударственным налогам, постепенно уходит в прошлое архаичный принцип обложения по сошному письму, и данные 1671 г. как раз демонстрируют эволюционную вершину развития посошного обложения.

В качестве объекта исследования была выбрана д. Тургакова («под Сурским лесом на Сорокомодылее»²). Такой микроуровневый подход позволяет вплотную приблизиться к сельской действительности, крестьянскому миру, хозяйству, семье, получить новые сведения и факты, корректирующие общие представления о дворцовой мордве. Так как целое не есть механическая совокупность частей, то часть не проще целого и она также обладает специфическими характеристиками и закономерностями развития³.

В д. Тургакова, находившейся в Верхосурском стане Алатырского уезда, насчитывалось 26 дворов и 35 «человек» в них. Вытное тягло оценивалось в 2,5 выти⁴. Наиболее распространена была в то время выть в 12 четей доброй земли в 3 полях, что составляло 18 дес. в одном поле. В бортовых и мордовских землях Арзамасского уезда на выть было положено в поле по 20 четей доброй земли, что составляло 30 дес. пашенной земли⁵. Для мордвы Алатырского уезда мы берем расчеты арзамасской мордвы. Можно предположить, что площадь пашенной земли Тургаковой на тот момент составляла около 75 дес.

Податное обложение в 1670-х гг. в ведомстве Тайного приказа, в управлении которого находились тогда дворцовые крестьяне Алатырского уезда, имело две формы — «денежных доходов» и «столовых запасов»⁶, или, по-другому, денежных и натуральных податей. Из упоминаемых переписной книгой Путятина по д. Тургакова к денежным податям относились: малые ямские, ясачные и куничные с Суровцовского ухоя, выплаты с оброчного поля и полоняничные деньги, а кроме того, сюда же можно отнести и пошлину с медвяного оброка. К натуральным принадлежали стрелецкий хлеб и медвяный оброк.

Ямские деньги были первым общегосударственным налогом, введенным после Смуты предположительно в начале 1614 г.⁷ В различные годы он рассчитывался по-разному. На 1671 г.

переписная книга Путятина дает следующий расчет ямских денег с выти: «...ямских денег с выти по два рубля пол три деньги да в дополнение по четыре алтына четыре деньги»⁸. Следовательно, с жителей Тургаковой в 1671 г. сходило ямских денег 5 руб. 11 алтын $3\frac{5}{6}$ деньги.

Вторым налогом, появившимся после Смуты, стали «хлебные запасы ратным людям на жалованье», или стрелецкий хлеб, впервые упомянутый в документах за 1614 г. В 1620—1621 гг. устанавливается порядок, существующий весь XVII в.: хлеб взимается в равных количествах ржи и овса, и оклад сбора выражается техническим термином «юфть». Так называли 2 чети хлеба, из которых одна ржи, а другая — овса. Этот налог, установленный под влиянием крайней нужды в средствах, был назначен «со всех сох и людей без изъятий, со льготчиков и тарханщиков и со всех земель»⁹. В 1671 г. населением Тургаковой он выплачивался из расчета с выти по 7 чети ржи и столько же овса. Стрелецкого хлеба с деревни по этой раскладке причиталось 17,5 чети ржи и столько же овса, что составляет 17,5 юфти.

Натуральные сборы с дворцовых крестьян были весьма разнообразны. Кроме упомянутых хлебных запасов крестьяне доставляли мясо, гусей, уток, кур, рыбу, сыр, яйца, масло, свиное сало, мед, орехи. В отдельных случаях это разнообразие сокращалось вследствие некоторой специализации сборов, объясняющихся желанием Тайного приказа использовать местные особенности применительно к нуждам царского двора. Так, с 1667 г. было установлено, что мордовское население Терюшевской волости Нижегородского, Арзамасского и Алатырского уездов сверх денежных доходов и хлебного оброка должно давать только оброчный мед: в Терюшевской волости — 270 пуд., в Арзамасском уезде — 224 пуд., в Алатырском уезде — 827 пуд.¹⁰ Медвяный оброк с жителей Тургаковой с Суровцовского уезда в тот период составлял 10 пуд. меда. Соответственно платилась пошлина с медвяного оброка из расчета по 5 денег с пуда, т. е. всего 50 денег. Платежи с бортных уюжаев состояли не только из меда, выплачиваемого натурой. Размером бортного уюжая и его качествами с точки зрения рентабельности определялось количество выплачиваемого меда, размеры пошлин с него, а также второй пошлины с уюжая — ясака и куничных денег. Ясак с мордвы в Алатырском уезде взимался только с бортных уюжаев, представлявших собой комплекс почти всех промысловых уюжий того времени. Поэтому к уюжам привязывались и куничные деньги, которые еще в XVI в. выплачивались мехом. Та-

ким образом, жители села платили ясак в 10 алтын и куничные деньги в размере 100 денег.

Единственным налогом в то время, использующим подворное обложение, были полоняничные деньги — полоняникам на откуп. Из расчета по 8 денег со двора всего с Тургаковой взималось 208 денег.

Все вышеперечисленные подати были характерны для большинства селений Алатырского уезда. Но кроме них по ряду селений встречаются и другие виды платежей, как, например, деньги с оброчных полей, оброк с вод, оброк и пошлина с бобровых гонов¹¹. Из них за Тургаковой значились только деньги с оброчного поля — 6 алтын 4 деньги.

Процентное соотношение всех вышеперечисленных денежных податей жителей Тургаковой в 1671 г. выглядит следующим образом (рис. 1).

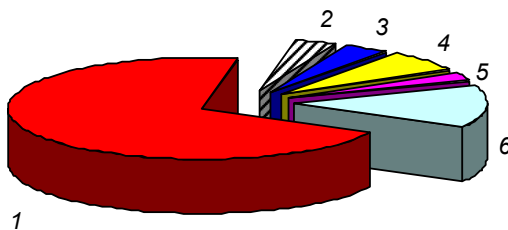

Рис. 1. Процентное соотношение денежных податей д. Тургакова в 1671 г.: 1 — яские деньги — 69 %; 2 — пошлина с медвяного оброка — 3 %; 3 — ясак — 4 %; 4 — куничные деньги — 7 %; 5 — деньги с оброчного поля — 3 %; 6 — полоняничные деньги — 14 %

Весь же оклад 1671 г. с жителей деревни, по материалам переписной книги Путятина, составлял: медом — 10 пуд., хлебом — 17,5 юфти и 7 руб. 22 алтына 2,25 деньги¹². Но на этом тяглом описание селения не заканчивается. Второй по важности задачей, стоявшей перед писцами, было описание дворов и земель, запустевших после предшествовавшего письма. Эти данные, во-первых, были необходимы при определении сошного и оброчного тягла: требовалось знать, с кого и с каких именно статей следует сложить различные платежи. Во-вторых, Приказ стремился узнать причины запустения, чтобы иметь возможность принять против этого меры: «...почему с которых волости государевых всяких доходов прибудет порознь, или где убудет, и сколько отдадут на льготу, и на сколько кому лет льготы дано, и что будет в пусе ... где те люди, которые в тех селах и в деревнях жили, от чего те

села и деревни запустели, и сколь давно»¹³. Все это необходимо было знать для принятия мер к оживлению земли и запустевших участков. Писцы должны были узнавать про пустоту, чтобы разыскать и вернуть беглых на тягло, либо стараться привлекать на льготу новых тяглецов и сажать их на землю.

В 1671 г. в д. Тургакова насчитывалось 4 пустых двора, оцененных в $1/4$ выти. По двум из них имеется примечание «хозяева убиты под Симбирском». Всего с пустых дворов сходило: 1 пуд 37 гривенок меда, $1\ 7/8$ юфти хлеба и 33 алтына 0,5 деньги¹⁴.

Таковы основные окладные статьи податного обложения жителей Тургаковой по переписной книге Путятина. Но в них не вошли 2 вида платежей, занимавших очень важное место в структуре налогообложения дворцового крестьянства почти на всем протяжении XVII в. Речь идет о посопном хлебе и десятинной пашне.

В первой половине XVII в. все пахотные земли были переписаны в мордовские писцовые книги и обложены посопом. «Посоп» представлял собой хлебную подать, размеры которой год от года могли варьироваться. В 20-х гг. XVII в. посоп составлял 2 чети ржи и 2 чети овса с выти засеянной земли, но если население пахало десятинную пашню на государя или выплачивало эту десятину деньгами, то посоп уменьшался до половины. Посопный хлеб плательщики должны были сами доставлять в хлебные амбары при уездных городах, а всеми делами по сбору посопа распоряжался Московский приказ хлебных заводов¹⁵.

Десятинная пашня была общей повинностью для дворцовых крестьян в XVII в., освобождалось от нее только население мордовских сел Алатырского уезда, которое само добилось замены работ денежным оброком¹⁶. Размер денежных выплат за десятинную пашню для 70-х гг. XVII в. мы можем определить более точно благодаря одному из актов Алатырского уезда за 1666 г.: «Июля в 27 день по отписке стольника Артамона Еропкина с Алаторские мордвы по их челобитью на нынешний... год, сверх прежних оброков, за десятинную пашню с двухсот со штидесят с трех вытей с полувытью и с получетвертью — с выти по шти рублей, итого тысяча пятьсот восемьдесят один рубль двадцать пять алтын»¹⁷. Иначе говоря, удельная доля денежных выплат за десятинную пашню в системе налогообложения дворцовой мордвы Алатырского уезда была наибольшей, при этом ее размер почти в 2 раза превосходил сумму всех остальных денежных податей с жителей Тургаковой (рис. 2).

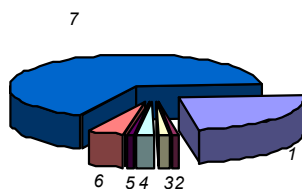

Рис. 2. Процентное соотношение денежных податей д. Тургакова в 1671 г. с учетом денег за десятинную пашню: 1 — ямские деньги — 24 %; 2 — пошлина с медвяного оброка — 1 %; 3 — ясак — 1 %; 4 — куничные деньги — 2 %; 5 — деньги с оброчного поля — 1 %; 6 — полоняничные деньги — 5 %; 7 — деньги за десятинную пашню — 66 %

Таким образом, податная система дворцового крестьянства на рассматриваемой территории имела следующую структуру. Во-первых, она состояла из 2 больших групп налогов — натуральных и денежных выплат. К первым относились: стрелецкий хлеб, посопный хлеб и медвяный оброк, ко вторым — выплаты за десятинную пашню, малые ямские, полоняничные, ясак и куничные, пошлина с медвяного оброка и различные более мелкие оброки с оброчных полей, вод, с бобровых гоннов. Во-вторых, все подати делились на общегосударственные и в пользу Дворца, причем первые относились преимущественно к денежным выплатам, а вторые — к натуральным (денежные выплаты с десятинной пашни являются редким исключением, о чем уже говорилось выше). В таком виде существовала система налогообложения дворцовой мордвы Алатырского уезда в 70-х гг. XVII в. во взаимосвязи всех ее компонентов и с учетом удельных долей каждого из них.

Примечания

¹ ГАУО, ф. 732, оп. 2, д. 361, л. 207 — 370.

² Там же, л. 223.

³ См.: **Марискин О. И.** Землевладение и землепользование крестьянского хозяйства Среднего Поволжья во второй половине XIX — первой трети XX в. (микроуровневое исследование) // Общество в контексте экономической и социальной истории. Саранск, 2001. С. 371.

⁴ ГАУО, ф. 732, оп. 2, д. 361, л. 223.

⁵ См.: **Веселовский С. Б.** Сошное письмо: В 2 т. М., 1916. Т. 2. С. 449.

⁶ См.: **Заозерский А. И.** Царская вотчина XVII в. М., 1937. С. 157.

⁷ См.: **Веселовский С. Б.** Указ. соч. Т. 1. С. 156.

⁸ ГАУО, ф. 732, оп. 2, д. 361, л. 223.

⁹ **Веселовский С. Б.** Указ. соч. Т. 1. С. 162, 169.

¹⁰ См.: **Заозерский А. И.** Указ. соч. С. 158.

¹¹ ГАУО, ф. 732, оп. 2, д. 361, л. 223.

¹² Там же.

¹³ **Веселовский С. Б.** Указ. соч. Т. 2. С. 435.

¹⁴ ГАУО, ф. 732, оп. 2, д. 361, л. 223.

¹⁵ См.: **Биленко М. В.** Дворцовая мордва Алатырского уезда в XVII в. (по писцовым и переписным книгам): Дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 1979. С. 140.

¹⁶ См.: **Заозерский А. И.** Указ. соч. С. 161.

¹⁷ **Гераклигов А. А.** Материалы по истории мордвы. М.; Л., 1931. С. 75.

Поступила 12.05.2003 г.

УДК 323.3(470.343)

И. А. Пегенева

ЗЕМЕЛЬНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ МОНАСТЫРСКИХ КРЕСТЬЯН МАРИЙСКОГО КРАЯ В СЕРЕДИНЕ XVII—XVIII вв.

Основным объектом приложения рабочей силы и непрерывным условием существования крестьянского хозяйства является наличие земельного участка. По мнению Е.Н. Баклановой (Швейковской), в XVII в. владение землей было для крестьянина уже не правом, а обязанностью. Он нес тягло не по земле и угодьям, т. е. не по тому участку, который он хотел бы и находил целесообразным иметь в своем хозяйстве, а, наоборот, по «силе», личной и своей семьи, по усмотрению землевладельца и, соответственно, владел тем или иным количеством земли. В частновладельческих и монастырских владениях это всецело зависело от землевладельцев. Однако вотчинник, облагая крестьянина на том или ином наделе, несомненно, учитывал рабочий состав двора, обеспеченность его инвентарем и скотом. Однако это не означает, что в исследуемое время размеры крестьянских наделов оставались неизменными. В зависимости от силы двора, вмешательства вотчинника или других обстоятельств крестьянская пашня могла увеличиваться или уменьшаться¹.

Рассмотрим размеры земельных наделов архиерейских и монастырских крестьян марийского края по данным писцовых и переписных книг, а также «офицерских описей» 1764 г. Для того чтобы определить наиболее характерные размеры земельных участков для крестьянских дворов изучаемого периода,

© И. А. Пегенева, 2004

выясним конкретно, какими они были в отдельных вотчинах и крестьянских селениях в разное время исследуемой эпохи.

Сведения о земельных наделах (табл. 1) в писцовых книгах приведены в определенном порядке. Сначала указана окультуренная земля — «пашня паханая», потом — «под перелогом» и «лесом поросшая» в четвертях, затем сенокосные угодья «в копнах». Площадь пахотных земель исходя из сложившейся системы трехпольного земледелия отмечена выражениями «в поле, а в дву по тому ж». Поэтому в табл. 1 общая площадь земель нами приведена в 3 полях в десятинах.

Таблица 1

**Земельная обеспеченность монастырских крестьян
марийского края в середине XVII в.
(по данным переписных книг 1646 г. и писцовых книг 1650 г.)***

Селение	Кол-во		Общая площадь, дес.		В среднем на 1 двор, дес.		В среднем на 1 душу муж. пола, дес.	
	дво- ров	душ муж. пола	пашни	сено- косов	паш- ни	сено- косов	паш- ни	сено- косов
<i>Козьмодемьянская архиерейская вотчина</i>								
с. Покровское	83	223	525,0	101	6,3	1,20	2,3	0,4
д. Б. Копань	32	82	259,5	30	8,1	0,90	3,1	0,4
д. Средняя Копань	9	18	76,5	20	8,5	2,2	4,2	1,1
д. Гладкая Копань	12	43	153,0	30	12,7	1,05	3,5	0,7
д. Луговая Копань	8	23	75,0	20	9,3	1,2	3,3	0,9
В с е г о	144	389	1 089,0	201	7,6	1,4	2,8	0,5
<i>Спасо-Юнгинский монастырь</i>								
д. Болониха	7	11	213,0	6	30,4	0,8	19,3	0,5
д. Красногорка	9	17	144,0	4	16,0	0,4	8,4	0,2
д. Гаврениха	6	9	72,0	2	12,0	0,3	8,0	0,2
В с е г о	22	37	429,0	12	19,5	0,5	11,6	0,3

* Таблица составлена по: РГАДА, ф. 281, оп. 12, д. 6302, л. 35 об. — 52 об.; ГАРМЭ, ф. 252, оп. 1, д. 6, л. 104.

Необходимо отметить, что до 1724 г. земельные переделы в крестьянских общинах происходили по дворам. К сожалению, в переписных книгах размеры наделов каждого двора отсутствуют. Поэтому мы высчитали его среднюю величину для каждой деревни в отдельности. Из табл. 1 видно, что размеры земельных наделов крестьянских дворов Козьмодемьянской архиерейской вотчины колебались от 6,3 до 12,7 дес. в 3 полях. Средний показатель составлял 7,6 дес. На 1 душу в среднем приходилось 2,8 дес. Сенокосных угодий по писцо-

вым книгам 1650 г. насчитывалось 2 010 копен, или 201 дес., в среднем на двор приходилось по 1,4 дес., а на 1 душу – по 0,5 дес. Заметим, что Козьмодемьянская архиерейская вотчина к середине XVII в. представляла собой устоявшееся феодальное хозяйство. К этому времени массив земель, отведенных вотчинником крестьянам, был постоянным. Резких колебаний в численности и населенности крестьянских дворов тоже не наблюдалось. Поэтому средние показатели земельной обеспеченности крестьян Козьмодемьянской архиерейской вотчины можно считать наиболее характерными для духовных вотчин марийского края середины XVII в.

Земельная обеспеченность крестьян Спасо-Юнгинского монастыря (см. табл. 1) относится к тому периоду в истории данной вотчины, когда процесс интенсивного хозяйственного освоения пожалованных лесных угодий и закрепощения пришлых беглых крестьян здесь не завершился. Только этим можно объяснить невероятно большие наделы крестьян. Так, в д. Болониха в среднем на двор приходилось по 30,4 дес. земли, а на 1 душу мужского пола – 19,3 дес. в 3 полях. Средние показатели по всей вотчине тоже были очень высокими и составляли, соответственно, 19,5 дес. земли в 3 полях на 1 двор и 11,6 дес. на 1 душу муж. пола. В этой связи предполагается, что большая часть этих земель или еще не была расчищена, или лежала «впусте». Внутренняя колонизация земель вотчины продолжалась вплоть до первой четверти XVIII в. За этот период возникли новые селения и образовались 22 двора.

Для духовных вотчин марийского края, особенно в Козьмодемьянском уезде, на первых порах после государственного пожалования их «черным раменным» лесом была характерна «лесополюсная» система земледелия. По мнению академика Л.В. Милова, земледелие с эпизодическим использованием лесных рощиц было присуще всему российскому Черноземью и было связано с острой жизненной необходимостью крестьян. Виды подсеки зависели от возраста леса. 10–12-летний лес с кустарником давал после рубки и выжигания пашню со сравнительно коротким сроком пользования и не очень высоким урожаем. Наиболее высокий урожай получался с 50-летнего леса². Однако подсечное земледелие в марийском крае не являлось системой, а применялось для вовлечения в паровой севооборот новых участков земли³. После расчистки лесных участков здесь устанавливалась обычная трехпольная система полеводства с чередованием озимых, яровых и пара.

К середине XVIII в. в духовных вотчинах марийского края процесс освоения земель в основном завершился. Размеры земельных угодий и количество крестьянских селений, дворов и душ стали более постоянными. В этой связи, на наш взгляд, представляется необходимым рассмотреть среднюю земельную обеспеченность крестьян по вотчинам в целом и сравнить полученные итоги с данными столетней давности.

Таблица 2

Земельная обеспеченность монастырских крестьян марийского края в середине XVIII в.*

Вотчина	Кол-во		Общая площадь, дес.		В среднем на 1 двор, дес.		В среднем на 1 душу муж. пола, дес.	
	дворов	душ муж. пола	пашни	сенокосов	пашни	сенокосов	пашни	сенокосов
Козьмодемьянская архиерейская	114	1 014	2 782	62	24,4	0,5	2,7	0,06
Спасо-Юнгинская	44	467	582	105	13,2	2,4	1,2	0,20
Мироносицкая	21	173	95	44	4,5	2,0	0,5	0,25
В с е г о	179	1 654	3 459	211	19,3	1,2	2,1	0,10

* Таблица составлена по: РГАДА, ф. 350, оп. 1, д. 189, 136, 191; оп. 2, д. 1438; ф. 1355, оп. 1, д. 407, 435, 814.

Вся общинная земля делилась на мирских сходах по ревизским душам — «по тяглам в равенстве, а не против писцовых дач, как значится в каждой деревне»⁴. Данные табл. 2 свидетельствуют о том, что в XVIII в. крестьяне Козьмодемьянской архиерейской вотчины были обеспечены землей лучше, чем другие монастырские вотчины марийского края. На 1 душу муж. пола приходилось 2,7 дес. земель в 3 полях, не считая лесных угодий. В то же время крестьяне Спасо-Юнгинского монастыря и Мироносицкой пустыни страдали малоземельем. У крестьян Спасо-Юнгинского монастыря на 1 душу муж. пола приходилось лишь 1,2 дес. в 3 полях, или 0,4 дес. в 1 поле, а в Мироносицкой пустыни и того меньше — 0,5 дес. на 1 душу муж. пола в 3 полях.

В Спасо-Юнгинском монастыре в правобережной общине в пользовании крестьян было всего 411 дес. пашни (в 3 полях). Из них часть «добрых пахотных земель» поросла лесом, что являлось характерной особенностью практиковавшейся «лесопольной» системы земледелия. Нехватка пашни вынуждала крестьян прибегать к внеадельному землепользованию и расчищать для этого даже часть «дубового заповедного лесу» (30 дес.).

Сенокосные угодья распределялись следующим образом. Небольшая площадь сенокосов (6 дес.) размещалась по урочищам р. Малая Юнга. Основная площадь сенокосных угодий (58 дес.) находилась в левобережье⁵. Сенокосы также распределялись по ревизским душам. В среднем на 1 душу муж. пола падало по 2 дес.

Как и по всему марийскому краю, основные посевные площади монастырские крестьяне отводили под «серые хлеба» — рожь и овес. Другие яровые культуры, такие, как просо, ячмень и пшеница, занимали меньшую площадь. Важнейшей культурой, распространенной в хозяйствах всех категорий крестьян марийского края, была рожь. По данным хозяйственной анкеты 1766 г., в Козьмодемьянском уезде она занимала 30 % посевов, овес — 21 %, в Царевококшайском — соответственно, 46 и 33 %. Нормы высева озимой ржи и других культур колебались от 1 до 2 четвертей на 1 дес. Другие культуры составляли незначительный удельный вес. Лишь в Козьмодемьянском уезде посевы пшеницы занимали 28 %. Плохая обеспеченность крестьянских полей навозом, недостаточные нормы высева, обработка примитивными орудиями приводили к низким урожаям: «сам-2», «сам-3» и редко «сам-4». Неурожаи и недороды были частым явлением на полях монастырского крестьянства.

В целом монастырские крестьяне, сформировавшиеся из числа пришедших русских крестьян и бобылей и других беглых людей центральных уездов страны и расселившиеся во владениях монастырских вотчин марийского края, на новом месте, но в привычной «лесной» среде обитания стали вести традиционное земледельческо-промысловое хозяйство. Дремучие «раменные» леса, превращенные ими в пашни и сенокосные угодья, а также сеть рек и озер создавали все условия для традиционной земледельческой деятельности, разведения домашнего скота и занятия различными промыслами.

Примечания

¹ См.: **Бакланова Е. Н.** Крестьянский двор и община на Русском Севере. М., 1976. С. 47—48.

² См.: **Милов Л. В.** Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 51—52.

³ См.: **Димитриев В. Д.** История Чувашии XVIII века. Чебоксары, 1959. С. 80.

⁴ **Иванов А. Г.** Очерки по истории Марийского края XVIII века. Йошкар-Ола, 1995. С. 102.

Поступила 7.04.2003 г.

УДК 666.123.23(470)

*Э. Д. Богатырев***ПОВИННОСТИ ПРИПИСАННЫХ
К ПОЧИНКОВСКОЙ ПОТАШНОЙ КОНТОРЕ
ДВОРЦОВЫХ КРЕСТЬЯН В СТРУКТУРЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КАЗЕННОЙ
ПОТАШНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ**

Изучение проблем промышленного развития России в XVIII в., несмотря на большое внимание, которое уделялось им в советский период, по сей день представляет большой интерес для исследователей. Выявленные историками общие закономерности все-таки не полностью раскрывают реальную картину функционирования российской промышленности, поскольку существовали ее отраслевые и региональные особенности. Большое место занимают вопрос о генезисе капитализма в России и вытекающая из него проблема обеспечения промышленных предприятий рабочей силой. Признанным стал вывод о том, что отсутствие рынка наемной рабочей силы привело к использованию принудительного труда зависимых крестьян и содействовало укреплению феодально-крепостнической системы в России. В связи с этим представляется достаточно интересным рассмотрение того, какую роль в обеспечении функционирования казенной поташной промышленности России играли повинности дворцовых крестьян, приписанных к Починковской поташной конторе.

В историографии рассматриваемая проблема получила неоднозначное освещение. Одним из первых ее коснулся А. А. Герасимов¹. Он утверждал, что уже к 1701 г. к казенным поташным предприятиям (называвшимся в XVIII в. будными майданами, будными станами или гартами) для выполнения различных работ было приписано 2 514 крестьянских дворов. В 1946 г. была опубликована статья Н. П. Руткевича, посвященная изучению интересующей нас проблемы². Автор высказал предположение, что обеспечение починковских заводов с самого начала осуществлялось за счет приписки к ним ясачного населения — как русского, так и мордовского. По его мнению, в основном «масса приписных вместе с их семьями использовалась для заготовки золы и клепочных дров, наряды на которые исчислялись подобно подушному окладу по количеству мужских душ»³. Реальные размеры этой повин-

ности были очень велики и приводили к разорению крестьян. Кроме того, из них набирались мастеровые и работные люди как для труда непосредственно на гартах, так и для подсобных работ.

В 1950 г. вышла в свет монография С.И. Архангельского⁴, в которой исследователь, как и ранее Н.П. Руткевич, затронул проблему обеспечения поташной промышленности Поволжья рабочей силой, но в его представлении она выглядела совершенно иначе. Сообщив о наличии приписанных к починковским поташным заводам крестьян в начале 20-х гг. XVIII в. и отметив значительное увеличение их числа к середине столетия, он при этом главной рабочей силой считал все-таки наемных рабочих: «Прежде всего она (поташная промышленность. — Э. Б.) эксплуатировала уже лишенных средств производства рабочих; когда она нуждалась в добавочной рабочей силе, то привлекала ее следующим образом: закупала уже готовые материалы, не нарушая мелкого производства, не ставя от себя мелкого производителя-крестьянина в юридическую и экономическую зависимость»⁵. Приписные же крестьяне, по его мнению, имели к производству поташа лишь такое отношение: 1) выборные из крестьян — старосты и целовальники — ведали отдельными отраслями будного дела, покупкой хлеба для содержания рабочих, управлением мельницами и раздачей денег рабочим в счет заработной платы; 2) крестьяне, выплачивая Починковской конторе различные косвенные налоги — сборы с таможенного и кружечного дворов, мостов и перевозов, — таким образом «субсидировали» поташное производство; 3) контора скупала у крестьян золу и дрова, «выдавала им хлебные и денежные ссуды, нужно думать, как средство воздействия» на них при покупке этих припасов; 4) крестьян могли нанимать на работу; 5) крестьян могли посылать на не связанные с поташной промышленностью работы как в Починковской волости, так и за ее пределами⁶.

Итак, какую же роль играли дворцовые крестьяне в структуре казенной поташной промышленности?

С возникновения поташной промышленности главную роль в производстве поташа играли наиболее квалифицированные работники — поливачи, которые сами выбирали и обучали помощников — податней, занимавшихся непосредственно производством поташа на гартах. В то же время, поскольку поташная промышленность ежегодно требовала большого количества золы и клепочных дров, для нормального ее функционирования необходимо было решить проблему их

заготовки. В нашем распоряжении нет данных об использовании в первый период существования казенной поташной промышленности (конец XVII — первое десятилетие XVIII в.) принудительного труда крепостных крестьян. Более того, в поданной в 1735 г. в Коммерц-коллегию справке сообщается, что в 1711, 1712 и 1716 гг. (это все годы до 1728, относительно которых есть данные) «волостные крестьяня в поташной работе не были точно, на оных гартах поставкою к поташному делу золою и клепочными дровами были одни майданские жители»⁷.

Таким образом, представляется, что первоначально заготовка поташных припасов производилась за счет найма рабочей силы. Постепенно из общей массы работников выделились будники и воштари, основные функции которых заключались, соответственно, в приготовлении припасов и доставке их на гарт. Мастерские люди, работавшие на будных майданах, были освобождены от уплаты подворного налога. Кроме того, практиковалась закупка золы и клепочных дров у окрестного населения. Средства для выплаты жалования и на оплату купленных (бирковых) припасов в это время выделялись непосредственно из приказа Большой казны. По данным П. Ф. Симсона, в 1701 г. на производство поташа из Москвы было прислано 7 995 руб. 68 коп.⁸ После создания в 1707 г. Починковской поташной конторы подход к обеспечению казенной поташной промышленности припасами был изменен. После осмотра майданов присланный из приказа Адмиралтейских дел стольник Григорий Племянников принял решение отставить от их заготовки будников и воштарей и перевести их в дворцовые крестьяне, обязав платить наравне с другими подворный налог⁹. Он считал, что гораздо выгоднее на собранные таким образом средства покупать золу и клепку у желающих поставить ее крестьян. Исключение было сделано только для Учувеского майдана в связи с тем, что на нем в то время не было ни пашни, ни сенных покосов, поэтому его жители не могли прокормиться крестьянской работой¹⁰.

Кроме оброка с бывших будников и воштарей в распоряжение поташной конторы стали поступать оброчные деньги со всех дворов на действующих и отставных майданах. В 1711 г. на них насчитывался в общей сложности 571 двор, они обязаны были платить ежегодно по 479 руб. 80 коп. Жители Учувеского майдана из-за отсутствия пашенных земель были освобождены от подворного налога¹¹.

Действительно, около десяти лет установленная Племянниковым система снабжения гартов припасами действовала вполне

исправно, «для того что поташные леса были в те годы круг будных майданов в близости, и майданские и посторонние всяких чинов люди золу и дрова выдавали за деньги свободно»¹². В первые годы основную часть припасов поставляли жители майданов, которые таким образом погашали часть положенного на них оклада вместо выплаты его деньгами.

В 1711 г. на производство поташа было затрачено средств на 1 008 руб. 50 коп., из них на долю припасов пришлось 386 руб. 86 коп.¹³ В 1712 г. производство поташа обошлось казне в 2 628 руб. 53 коп., общая стоимость израсходованных припасов составила: золы — 1 335 руб., клепочных дров — 343 руб. 42 1/2 коп.¹⁴ (при этом незначительно увеличилось количество обложенных оброком дворов на будных майданах — до 590, всего с них платилось оброка 498 руб.¹⁵).

Как отсюда видно, поступающих от подворного обложения майданов денег было явно недостаточно для полного обеспечения Починковской поташной конторы финансами, а так как остальные села и деревни Починковской волости продолжали находиться в ведении приказа Большой казны, то в случае нехватки средств, скорее всего, приходилось каждый раз запрашивать их из приказа Адмиралтейских дел. В условиях, когда объем годового производства менялся очень резко, это было особенно неудобно, так как очень трудно заранее определить, сколько средств потребуется на закупку поташных припасов и возможную починку гартов. Видимо, именно указанная причина потребовала пересмотра системы финансирования поташной промышленности.

Во всяком случае, в 1716 г. в распоряжение Починковской поташной конторы поступили все деньги, собираемые с крестьян и майданских жителей Починковской, Вадской и Сергацкой волостей, причем к этому времени от 1714 и 1715 гг. неизрасходованными оставались 4 694 руб. 35 3/4 коп.¹⁶ Следовательно, переход к такому способу финансирования произошел не позднее 1714 г. В связи с этим интересно отметить, что в 1712 г. комендант Починковской волости Федор Хрущев провел подворную перепись, по результатам которой в данной волости (кроме с. Старое Рождественное и д. Тагаево, определенных к отработке десятинной пашни) оказалось 2 570 дворов и 89 особых изб¹⁷. Возможно, что решение о передаче всех сборов с указанных выше 3 волостей поташной конторе было принято уже тогда, и перепись являлась для него подготовительным этапом.

Всего же в Починковской, Вадской и Сергацкой волостях в 1716 г. было 5 779 дворов, обложенных 40-алтынным

налогом, и 644 особые избы, с каждой из которых платилось по 30 алтын. Все они должны были платить в год по 7 514 руб. 40 коп., но по каким-то причинам в том году с них было собрано лишь 4 862 руб. 74 1/4 коп. Кроме того, с кабаков, конских площадок, мельниц, бортных ужожаев, мостов и перевозов и всяких канцелярских сборов поступило 5 906 руб. 17 коп., и еще начетных за прошлые годы денег с кабацких бурмистров и целовальников, а также «за проданный табак, и с крепостных пошлинных денег, и за продажную гербовую бумагу, и за отписные пожитки»¹⁸. Всего в распоряжении Починковской поташной конторы в этом году в общей сложности оказалось 16 135 руб. 25 1/2 коп., но необходимо отметить, что эти средства тратились не только на производство поташа. В 1720 г., например, починковскому воеводе следовало выдать 4 319 руб. 38 коп. на замшевые заводы и 563 руб. 14 коп. на шляпные¹⁹. Кроме того, в зачет указанной суммы осуществлялась доставка поташа до Вологды — по 2 руб. за бочку²⁰. Таким образом, с этого времени Починковская поташная контора помимо управления поташным производством стала выполнять все функции местной администрации и фактически заменила ее. Благодаря такому совмещению полномочий деятельность казенной поташной промышленности существенно облегчалась.

В то же время подход к заготовке поташных припасов не изменился, но уже в 1716 г. жители большинства майданов не участвовали в поставке золы, скорее всего потому, что за предыдущие годы леса поблизости от них были сведены на столь большом расстоянии, что ее заготовка стала для них чрезмерно затруднительной. Основная часть поставленных на гарты припасов была куплена у крестьян других окрестных селений.

Вскоре поставка поташных припасов стала невыгодной и для остальных жителей этих мест. В челобитной управителя поташной конторы Василия Аничкова, поданной им в 1720 г., сообщалось, что «ныне у оных майданов леса чрез многие годы вырублены на поташное дело, а которые и есть, и те от гартов верст по пятнадцати и по двадцати, и за такую дальностию поташною золою... [поставлять] сторонних охочих людей никого нет»²¹. В результате для предотвращения остановки в изготовлении поташа из-за отсутствия золы и клепки в течение нескольких лет поставлять их стали обязывать майданских обывателей «в неволю», в то же время продолжая собирать с них 40-алтынный оброк. Такой подход привел к их разорению, так как «пашенных земель и покосов у них самое малое число, и тех пахать за непрестанными работами не мочно, того ради,

что они, майданские жители, все поголовно во все лето у поташной работы; тако ж и положенной оброк платят, в которой и продали всякую свою скотину, и от того обезлошадели и живут весьма в самой скудности, и положенною на них золою не исправляютца. И в поташном деле за такую скудностию бывает многая неисправность»²². В качестве выхода Аничков предлагал вернуться к старому способу обеспечения поташной промышленности материалами, когда «на тех гартах были будники и воштары жалованные, и всякое майданское отправление отправляли так же, как ныне на саранском Учувском майдане». Он представил список с перечнем мастеровых людей, которых следовало иметь на каждом гарте, с указанием полагающегося им жалованья. По его мнению, в случае принятия его предложения «поташное дело управляютца будет без всякой остановки и без потеряния удобного времени»²³.

Но в Починковской поташной конторе считали, видимо, что в любом случае управиться одними будниками и воштарями будет невозможно, так как не позднее 1720 г. цена на бирковую золу была увеличена с 4 до 5 коп. за четверть²⁴. Представляется несомненным, что данная мера была призвана стимулировать именно ее поставку. При этом, скорее всего, крупномасштабного возврата к использованию труда будников и воштарей все-таки не произошло, и после перехода Починковской поташной конторы в ведение Коммерц-коллегии основной упор был сделан на решение проблемы закупки припасов. Об этом свидетельствует то, что в 1722 г. произошло новое, гораздо более значительное увеличение цен на припасы: за четверть золы стали платить по 10 коп., за сажень дубовых и липовых дров — соответственно, по 50 и 30 коп.

В середине 20-х гг. XVIII в. в связи с заменой в России подворного налога подушным вновь была несколько изменена система финансирования Починковской поташной конторы. 9 августа 1725 г. указом Коммерц-коллегии было приказано собирать «с оставших в Починковской волости крестьян вместо дворцового дохода по сороку копеек з души и употреблять те деньги на поташное дело, а кроме оных денег по прежде присланному указу з двора по сороку алтын, а с избы по тридцати алтын не збирать»²⁵. Кроме того, крестьяне обязаны были платить еще по 70 коп. с души, но эти деньги собирались «на полки» и их следовало «на поташное дело не употреблять, а здавать, куда надлежит»²⁶. Всего к поташной конторе было приписано в 1725 г. для платежа 4-гривенного налога 17 047 душ.

Следует учитывать, что вышеуказанное количество приписанных крестьян не может считаться совершенно точным, так как оно могло при другом подсчете несколько изменяться. Так, с 1728 по 1732 г. приписанными к Починковским поташным заводам числилась, «по свидетельству Генералитетов», 17 141 душа муж. пола. Из них были выключены из подушного оклада 150 будников и воштарей. Таким образом, непосредственно на нужды поташной промышленности должны были поступать 4-гривенные деньги с 16 991 души муж. пола, но из них 827 душ в зачет этого налога были определены обрабатывать Кармалеевскую десятинную пашню²⁷. Подушный налог платился в три приема: по 13 коп. в январе и мае и 14 коп. в сентябре, но в отдельных случаях крестьяне царским указом могли освобождаться от уплаты какой-либо трети. Так, в 1728 г. майскую треть «по силе состоявшегося блаженной и вечнодостоинной памяти Его Императорского Величества печатного указа февраля 24 дня править [было] не велено»²⁸.

В счет этого оклада 5 872 души — жители майданов и наиболее близких селений — были обязаны поставить по распоряжению 14 150 четвертей 7 четвериков золы, что они и выполнили. С остальных 10 292 душ «за дальностию от гартов» налог был собран деньгами по 27 коп. с души, но так как, несмотря на повышение цены на золу и клепку, желающих заготовить и поставить их не нашлось, пришлось причитающееся на оставшуюся сумму количество золы 29 302 четверти 1 четверик расположить на все 16 164 души в обязательном порядке.

С 1729 по 1732 г. включительно заготовка припасов происходила по той же схеме, что и в 1728 г. Практически все припасы поставляли приписные крестьяне. Часть из них, наиболее близко живущая к майданам, была обязана поставить в счет оброка определенное количество золы, с остальных оброк собирался деньгами для закупки недостающего количества припасов. Но так как ни в одном году желающих добровольно поставить их не находилось, требуемое количество золы распределялось на всех крестьян, скорее всего, поровну. Как на деле происходила заготовка клепочных дров, точно не известно, но, вероятно, обязанность по их поставке раскладывалась поровну на всех крестьян, так как годные на клепку леса (дубовые с примесью липы) сводились гораздо медленнее, чем другие. Во всяком случае, нигде не говорится, чтобы с их заготовкой возникали проблемы.

В то же время в отличие от 1728 г. в эти годы определенное количество крестьян, каждый год разное, освобождалось от

поставки припасов для отвоза поташа до Вологды — либо в зачет оброка, либо на собранные с них подрядчиками деньги. Кроме того, хотя заготовка припасов осуществлялась по одной схеме, ежегодно устанавливалось разное количество крестьян, обязывавшихся поставлять золу в зачет 4-гривенных денег.

Таблица 1

Распределение приписанных к Починковской поташной конторе крестьян (16 164 души муж. пола) по их обязанностям в 1728 – 1732 гг.*

Год	Определены для отвоза поташа в Вологду		Оставлены для обеспечения гартов припасами		Из них обязаны поставить в зачет оброка золы			За собранные деньги пришло на всех золы, четверти	Стоимость поставленной золы, руб.
	душ муж. пола	с них денег, руб.	душ муж. пола	с них денег, руб.	душ муж. пола	четвертей	уплатить оброк деньгами, душ муж. пола		
1728	—	—	16 164	4 587,3	5 872	14 151	10 292	29 302	4 345,30
1729	2 304	921,6	13 860	5 544,0	6 533	24 776	7 327	32 246	5 702,26
1730	2 140	856,0	14 024	5 609,6	5 029	26 862	8 995	36 961	6 382,30
1731	2 719	1 087,6	13 445	5 378,0	7 550	25 222	5 895	7 621	3 284,34
1732	1 479	591,6	14 685	5 874,0	10 142	20 506	4 543	19 646	4 015,20

* Таблица составлена по: РГАДА, ф. 276, оп. 1, ч. 1, д. 1084, л. 62–63, 66–66 об., 70 об. — 71, 74 об. — 75, 79 об.

Как видно из табл. 1, собираемых с приписных крестьян средств не всегда хватало даже на полную оплату поставляемой ими по распределению Починковской поташной конторы золы, а ведь кроме этого требовались деньги на оплату поставляемых клепочных дров, гартов и выплату жалованья (табл. 2). Затраты на транспортировку тоже были выше, чем собиралось для этого средств.

Таким образом, во второй половине 1720-х — начале 1730-х гг. поташное производство не могло осуществляться только за счет собираемых с приписных крестьян 4-гривенных денег, так как после повышения цен на золу и клепку затраты на него намного увеличились. Скорее всего, в распоряжение поташной конторы и после перехода на подушное обложение продолжали поступать средства от разных (таможенных, кабацких и др.) сборов, но в это время деньги поступали также из Коммерц-коллегии. Всего в 1728 г. было в приходе «денежной казны остаточной от прошлого и настоящего годов, и присланных из государственной Коммерц-коллегии и прочих зборов 26 238 рублей 31 5/16 доли копейки», в 1729 г. — 20 678 руб. 70 1/6 коп.²⁹

Таблица 2
**Затраты Починковской поташной конторы на заготовку
 клепочных дров, ремонт гартов, выплату жалованья и отвоз поташа
 к Вологде в 1728—1732 гг.***

Год	Поставлено дубовых дров		Поставлено липовых дров		Издержано на жалованье и ремонт гартов	Затрачено на отвоз поташа в Вологду
	саженей	на сумму, руб.	саженей	на сумму, руб.		
1728	3733	1 866,50	341	102,30	3 713 р. 94 к.	3 548 р. 42 к.
1729	6 141 S	3 070,75	580 S	174,15	2 631 р. 46 ½ к.	4 978 р. 29 к.
1730	5 529 S	2 764,75	597	179,10	2 996 р. 89 к.	4 133 р. 81 S к.
1731	3 314 s	1 657,37	330 S	99,15	1 447 р. 58 s к.	2 823 р. 93 s к.
1732	3 278 S	1 639,25	297 S	89,25	1 581 р. 38 к.	2 893 р. 89 к.

* Таблица составлена по: РГАДА, ф. 276, оп. 1, ч. 1, д. 1084, л. 63, 63 об., 67, 67 об. — 68, 69, 71—72, 72 об., 75 об., 76, 77, 80, 80 об., 81 об. В таблице не учтена поставка золы и дров будниками: в 1728 г. они поставили 2 673 четверти золы и 180 саженей дубовых дров; в 1729, 1730 и 1731 гг. — соответственно, 335 1/2, 44 и 37 четвертей. Стоимость будницких припасов, поставленных в 1728 г., в источнике не указана; в последующие годы будницкая зола поставлялась только из доимки по 5 коп. четверть.

Необходимость увеличивать количество изготавливаемого ежегодно поташа более чем до 2 тыс. бочек, вызванная заключением контракта с Шифнером и Вульфом в 1732 г., потребовала нового решения проблемы с поставкой припасов, в первую очередь золы, так как заготовить необходимое количество уже имевшимися в распоряжении поташной конторы силами было невозможно. Нельзя было решить ее и увеличением денежного финансирования из Коммерц-коллегии, поскольку, как было видно, в течение по крайней мере пяти последних лет не находилось желающих добровольно поставить золу по указанной цене. Это объяснялось не только вырубкой лесов вблизи майданов, но и низкой для данного времени платой за нее. Из заявления Кузьмы Ананьина о том, что в данном ему в Санкт-Петербурге указе, помимо прочего, постановка золы на Тольский майдан была зачтена крестьянам Вадской волости «по покупной цене по 10 алтын четверть», следует вывод, что средняя стоимость покупаемой другими потребителями четверти золы в этих местах равнялась 30 коп. В то же время Починковская поташная контора за поставляемую на гарты золу платила, как было видно, в 3 раза меньше — всего 10 коп. за четверть.

Выход был найден в приписке к поташным заводам дополнительного числа крестьян. Поэтому в 1733 г. к Починковской поташной конторе было приписано еще более 80 сел и деревень, в которых числилось, по генералитетской переписи, 10 394 ду-

ши муж. пола (но на практике «по платежным отписям с штабных дворов явилось в окладе только 9 627 душ») ³⁰. В отличие от приписанных ранее крестьян они платили в поташную контору не только 4-гривенный, но и 7-гривенный оброк.

В 1733 и 1734 гг. порядок заготовки припасов по сравнению с предыдущими годами не изменялся. В 1733 г. 2 008 душ были определены к отвозу поташа до Москвы; 19 183 души поставили 65 745 $1/2$ четверти золы в зачет оброка; с остальных 4 600 душ оброк собран деньгами, а требуемое количество золы — 23 307 четвертей 3 четверика — распределили на всех за плату из собранных денег. Кроме того, было поставлено также 8 122 сажени дубовой клепки и 807 $1/2$ сажени липовой ³¹. В 1734 г. для провоза поташа до Вологды следовало собрать 4-гривенные деньги с 5 883 душ — всего 2 353 руб. 20 коп., 17 253 души поставили в зачет оброка 69 987 четвертей 1 $1/2$ четверика золы, «а з достальных з 2 653 душ за дальностию от гартов семи- и четырегривенный оклад собран деньгами, и на оные деньги к жжению золы вольных людей не было, и для того в полное число на поташное дело достальная зола расположена на вышеписанных волостных и на приписных крестьян и мордву и на майданских жителей 16 074 четверти 3 четверика» ³². С этого года цена на дубовую клепку была снижена с 50 до 40 коп. за сажень ³³.

12 марта 1735 г. управитель Починковской поташной конторы советник Алексей Владыкин сообщил в Коммерц-коллегия, что из общего числа числившихся в приписке крестьян с момента переписи умерло, бежало, было отдано в рекруты и роздано помещикам 13 009 душ ³⁴. Скорее всего, в ходе работ начали возникать затруднения со сбором подушного налога и поставкой золы, и для выяснения их причин поташная контора провела расследование, в ходе которого и вскрылась столь масштабная убыль населения. Возможно, именно в связи с выявившимся уменьшением числа рабочих рук в 1735 г. была несколько изменена система обеспечения гартов золой. Теперь к каждому майдану прикреплялось определенное количество крестьянских душ, которые были обязаны поставлять по 4 четверти золы в зачет 4-гривенного оброка и, в зависимости от их числа, от 3 $3/4$ до 8 $3/8$ четверти бирковой золы ³⁵.

Положение приписных крестьян, а следовательно, и возможность исполнения ими установленных поташной конторой обязанностей по поставке припасов и уплате подушного налога усугублялись злоупотреблениями воевод, в чьем ведении ранее находились села и деревни, приписанные в 1733 г. к поташным гартам. В результате разоряющиеся крестьяне уже

не могли в полном объеме выплачивать положенный на них подушный оклад, и, как следствие, стала очень быстро расти числящаяся на них доимка. Особенно сильно это проявилось именно начиная со второй трети 40-х гг. XVIII в.³⁶ Для того чтобы как-то исправить положение, в 1737 г. указом царицы Анны Иоанновны Починковской поташной конторе все-таки были переданы еще около 3 тыс. душ муж. пола Макуловской волости³⁷.

Примечания

¹ См.: **Герасимов А. А.** Арзамасская мордва. Саратов, 1930.

² См.: **Руткевич Н. П.** Положение приписного к поташным заводам населения // Зап. МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1946. Вып. 6. С. 54 – 63.

³ Там же. С. 57.

⁴ См.: **Архангельский С. И.** Очерки по истории промышленного пролетариата Нижнего Новгорода и Нижегородской области XVII – XVIII вв. Горький, 1950.

⁵ Там же. С. 109.

⁶ Там же.

⁷ РГАДА, ф. 276, оп. 1, ч. 1, д. 1084, л. 51 об.

⁸ См.: **Симсон П. Ф.** Поташное дело в Московском государстве на пороге XVIII в. // Журн. Мин-ва нар. просвещения. М., 1913. ц 5. С. 71.

⁹ РГАДА, ф. 1091, оп. 3, д. 18, л. 30 об. Сведения об этом получены из доношения, поданного в Коммерц-коллегию в 1720 г. В нем размер этого налога приведен равным 40 алтынам с двора, 30 алтынам с особых изб. В то же время в сообщениях о производстве поташа в 1711 и 1712 гг. говорится о том, что собираемый на майданах подворный налог равнялся 1 руб. (РГАДА, ф. 276, оп. 1, ч. 1, д. 1084, л. 34, 34 об, 43), и лишь в 1716 г. — 1 руб. 20 коп. (там же, л. 51).

¹⁰ РГАДА, ф. 276, оп. 1, ч. 1, д. 1084, л. 33 об.

¹¹ Там же, л. 33 об. — 34 об.

¹² Там же, ф. 1091, оп. 3, д. 18, л. 30 об.

¹³ Там же, ф. 276, оп. 1, ч. 1, д. 1084, л. 36 об.

¹⁴ Там же, л. 45 об.

¹⁵ Там же, л. 42 об. — 43.

¹⁶ Там же, л. 51.

¹⁷ Там же, ф. 1091, оп. 3, д. 51, л. 3 об.

¹⁸ Там же, ф. 276, оп. 1, ч. 1, д. 1084, л. 51 — 51 об.

¹⁹ Там же, ф. 1091, оп. 3, д. 18, л. 30 об.

²⁰ Там же, ф. 276, оп. 1, ч. 1, д. 1084, л. 55.

²¹ Там же, ф. 1091, оп. 3, д. 18, л. 30 об.

²² Там же.

²³ Там же, л. 31.

²⁴ Там же, д. 17, л. 18.

²⁵ РГАДА, ф. 276, оп. 1, ч.1, д. 1070, л. 1.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, д. 1084, л. 61.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, ф. 276, оп. 1, ч. 1, д. 1084, л. 62, 66.

³⁰ Там же, л. 83.

³¹ Там же, л. 84, 84 об.

³² Там же, л. 90 об.

³³ Там же, л. 91.

³⁴ Там же, д. 1099, л. 1 об.

³⁵ Там же, д. 1984, л. 120–121.

³⁶ Там же, ф. 1091, оп. 1, д. 71, л. 2–3 об., 6–6 об., 22.

³⁷ См.: **Заварюхин Н. В.** Очерки по истории мордовского края периода феодализма. Саранск, 1993. С. 71.

Поступила 14.05.2003 г.

УДК 321.17(470.40/43)

А. Г. Иванов

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРОЧНЫЕ ПОДАТИ МАРИЙСКИХ КРЕСТЬЯН СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В XVIII в.*

Проблема фискально-податной политики абсолютистского государства в ясачной многонациональной деревне Среднего Поволжья в XVIII в. достаточно освещена в отечественной историографии¹. Вместе с тем применительно к марийским крестьянам она требует дополнительного исследования. Поэтому важно изучить не только прямые государственные налоги и проследить их динамику за тот или иной хронологический период, но и рассмотреть казенные оброчные подати, дополнительно взыскивавшиеся с ясачных (1724) государственных марийских крестьян.

Марийцы как одна из податных прослоек категории государственных крестьян феодальной России в XVIII в. были обременены многочисленными казенными податями и повинностями. Юридически они были включены в категорию государственных крестьян петровским указом 1724 г. Фактически ясачные марийцы находились под внеэкономическим принуж-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект 04–01–24001 а/В.

дением феодального государства еще в предшествовавших столетиях. По мнению историка В. Д. Дмитриева, ясачные крестьяне из народностей Среднего Поволжья являлись крепостными феодального государства. Они «были держателями государственной земли, были прикреплены к земле и платили ясак с земельной площади. Размер ясака был значительно больше, чем государственные повинности владельческих крестьян, потому что в ясаке сливались в одно феодальная рента и государственный налог, т. е. ясак являлся рентой-налогом. Кроме того, ясачные крестьяне чаще, чем владельческие, привлекались к выполнению отработочных повинностей в пользу государства»².

В конце XVII в. марийские крестьяне в рамках ясачной поземельной системы обложения платили денежный и хлебный ясак, различные виды окладных податей и оброчных денег. Так, в 1681 г. Козьмодемьянского уезда «Ахпарысовы сотни Юнгинские волости ясашныя черемиса Сидуганка Байгузин с товарищи» сказали, что «с пашни и сенных покосов и с лесу и со всяких угодей платят они посоп и ясаку, з бортнаго ухозя платят они в нашу великих государей казну по 9 рублей по 17 алтын по 2 денги. Да ис того же лесу ронят они всякой лес и делали наших великих государей мелницы и в городе житницы». В 1697 г. на 1 ясак в марийских волостях Казанского уезда приходилось ясачных, ездовых, недельных, оброчных (платежи за бортные и хмелевые ухояи, бобровые гоны, рыбные ловли, меленки-колотовки, пашни, сенокосы, свадебные пошпины и т. п.), ямских, полоняничных и лесных денег ежегодно в среднем 1 руб. 27 коп. Кроме того, с каждого ясака взимали по 1 четверти ржи и овса хлебных сборов³.

Петровские преобразования первой четверти XVIII в., потребовавшие крайнего напряжения людских, материальных и финансовых ресурсов страны, сопровождались невиданным ростом феодальных государственных податей и повинностей податных сословий, в том числе ясачных марийцев. Резко увеличился объем денежных и хлебных ясачных платежей, были введены новые виды денежных сборов и рекрутчина, чрезмерно возросла тяжесть казенных отработочных повинностей. Фискальные интересы государства вызвали частое проведение ясачных переписей. В уездах с марийским населением они проводились в 1704–1707, 1710–1712 и 1716–1717 гг. и были дополнены подушными переписями 1719–1723 гг.

Крестьянские общины и отдельные марийские дворохозяева были весьма отягощены различными оброчными сборами, получившими название «канцелярские сборы». В 1704–

1707 г. казна провела новую переобработку всех видов оброчных статей, а их размеры заметно увеличила. Переданные в ведение Семеновской канцелярии, оброчные сборы взимались в марийской деревне с бортных и хмелевых ухажав, бобровых гонов, звериных и рыбных ловель, меленок-колотовок, мельниц, мельничных мест, торгов, за аренду казенных пашенных земель и сенокосов (причем казна приобрела в свои руки немало «покидных» и «пустующих ясачных земель»), мест языческих молений — кереметей, свадебных вывозных денег за невесту, с клеймения хомутов, ульев, конских пошлин, домовых бань, валешных, подымных, вместо рекрутов и т. п. Так, в 1704 г. в марийских селениях Галицкой дороги Казанского уезда размеры оброчных платежей с меленок-колотовок составили от 6 денег до 4 алтын 4 денег, сенных покосов — от 3 алтын до 16 алтын 3 денег и т. п. Плата за 1 батман меда увеличилась с 26 алтын 2 денег до 1 руб. 2 денег⁴.

Характерно, что оброчные платежи марийских крестьян за аренду казенных пашенных земель, сенокосных угодий и хмелевых ухажав в общей массе денежных податей занимали незначительный удельный вес. Другое дело оброчные платежи с неземледельческих промыслов, которые по своим размерам заметно превосходили денежные сборы с земледельческих «промыслов».

Среди оброчных сборов в марийской деревне взимались казенные подати с бортных ухажав, размеры которых в разных уездах с марийским населением колебались от 80 коп. до 2 руб. в начале XVIII в. до 4—10 руб. в его конце. При этом традиционное занятие марийцев бортничеством переходило в XVIII в. в пасечное пчеловодство. Бортные деревья и пасеки с ульями находились в индивидуальной «вотчинной» собственности и передавались по наследству. Каждый владелец отмечал принадлежавшие ему в бортных ухажаях деревья своими «тамгами» — знаменами, удостоверявшими его владельческие права.

Архивные документы свидетельствуют, что состоятельные марийцы кроме нескольких бортных деревьев нередко имели по 6—11 ульев и больше. В 1702 г. ясачный марийский крестьянин д. Новая Акпарсовой сотни Козьмодемьянского уезда Тяблей Тятюев передал по наследственному завещанию своему сыну Эддушу помимо всего прочего находившиеся «на дворе 9 ульев со пчелами, том числе 7 дубовых, один елевой да кленовой», а в бортных ухажаях — «три дуба стоячих, а в них пчелы». Он же оставил одному из своих «отделных» сыновей — Порашу — «двои пчелы в ульех, в дубовом да сосновом». Переписи первых двух десятилетий XVIII в. зафиксировали наличие

«бортных вотчинных ухажьев» во многих марийских волостях Алатской и Галицкой дорог Казанского уезда — Большой Моркинской, Другой Моркинской, Великопольской, Коркатовской, Первой Мушмаринской, Шалинской, Иринской, Илеть Кукморской, Пинжан Кукморской, Исменец Беляжской, Керебежской, Кужмаринской, Помарской, Паратской и др. Медосбор отдельных владельцев составлял от 1 пуда до нескольких батманов. Так, в 1704—1710 гг. марийский крестьянин Мешер Ахпулатов из д. Малый Шой обязан был вносить, как и другие, казенный оброк за 5 батманов своего «вотчинного меда»⁵.

По другим данным, в Царевококшайском уезде в 1716 г. в Коминской волости у марийца Келдыгана во дворе было 6 ульев «меду со пчелами». В 1720 г. марийский крестьянин той же волости Н. Эсенева отмечал, что «была в ухажье моем дубовая борть, и в нынешнем 720-м году в тою мою борть влетел рой молодых пчел», но вскоре неизвестные люди «на той моей борти рой пчел вынимали и, выкуривая те пчелы, оставя огонь, покинули, и от того оставленного огня борть моя сгорела вся, и от той борти погорели другие заповедные дубья». В 1728 г. житель д. Юльял Козьмодемьянского уезда Сидук Салтыков имел «улья меду со пчелами» ценой в 6 руб. 82 коп. В 1730 г. в д. Руй Большой Оршинской волости Царевококшайского уезда у Токсаря Яшпохтина во дворе имелось 8 ульев. В 1736 г. той же волости марийский крестьянин Я. Янадаров «борть со пчелами» из своих ухажьев перенес к своему дяде Янбахте и поставил «тот улей со пчелами в лесу» вблизи его двора. В Казанском уезде в 1745 г. в д. Азъял мариец Кыпчай содержал 8 ульев, в 1753 г. в д. Карамас Я. Савельев имел во дворе «улья меду со пчелами, цена одного улья 4 рубли», в 1761 г. в д. Большой Кордем у В. Иванова был «улей со пчелами ценою в 2 рубли». Марийский крестьянин д. Кобалки Большой Мананской волости Царевококшайского уезда Осип Михайлов имел «в лесу свои три борти со своими пчелами», расположенные за 50 верст от его деревни. В 1766 г. в д. Шаплак Малой Оршинской волости Логин Васильев Аймен содержал на своем дворе 5 ульев каждый ценой в 3 руб., а в д. Ошурга Азяковской волости П. Пекшик — 2 улья. В 1777 г. у марийца Большой Кушнинской волости Казанского уезда Н. Тарасова были «в лесу борти в трех кряжах». В 1787 г. в починке Илеть Моркинской волости Вади Итеев имел в лесу 11 бортей, каждая ценой по 4 руб. В «Экономических примечаниях» конца XVIII в. особо отмечено, что в левобережной части Козьмодемьянского уезда в дачах Токсубаевой волости «промысел их (т. е. марийцев. — А. И.) главной состоит в пчеловодстве,

большее частью в бортовых угодьях». В Царевококшайском уезде преимущественно «пчеловодством» занимались жители д. Ке-ребеляк и Енаш Беляк, а также Великопольской волости⁶.

Охота на зверей и птиц являлась одним из древнейших занятий марийцев. В XVIII в. она сохраняла свое промысловое значение. В этой связи И. Г. Георги заметил, что у марийских крестьян «в зимнее время составляет звериная ловля главное их упражнение»⁷. Академик И. П. Фальк писал, что в особенности «занимаются звериной ловлею» в Козьмодемьянском и Кокшайском уездах⁸. Г. Ф. Миллер отметил, что «черемисы умеют из лука стрелять весьма метко и проворно. Они во всю зиму одного ничего не делают, как токмо за промыслом звериным ходят. Ловят же и стреляют дичину в толиком множестве, что сами всей съест не смогут, но почти еженедельно в окрестные города для продажи отвозят»⁹. П. С. Паллас добавлял сведения о мастерстве марийцев «в стрелянии из луков и в ставлении ловушек»¹⁰.

Несмотря на некоторое преувеличение учеными путешественниками этого вида хозяйственных занятий марийцев, можно утверждать, что промысловая охота велась на всем протяжении XVIII в. В начале столетия заметную роль играла охота на бобров. По переписи 1704 г. немало бобровых голов имелось, в частности, в марийских землях Галицкой дороги Казанского уезда. Их владельцами являлись ясачные марийцы волости Ярань Тилей Яшполдин и Ишмет Чозеев, волости Машаран — Акилда Силигетов, д. Пертанур — Ванка Синбахтин, починков Студеный Ключ — Янай Тинбаев и Ярань — Кизилбай Укинов и др. Ясачный крестьянин Ямберда Сабаев из Машаранской волости платил казенный оброк в 10 алтын 3 деньги «с перевесьев» — мест охоты на птиц. Так, в мае 1771 г. марийский крестьянин Степан Михайлов д. Кобалки Большой Мананской волости Царевококшайского уезда поставил «в дачах тое ж волости близ реки Кокшаги в лесу для ловли уток нитяной перевес, которому цена 2 рубля». В конце XVIII в. на правом берегу Козьмодемьянского уезда марийские крестьяне били «в своих и сторонних лесах» белок, зайцев, лисиц, волков, иногда медведей и отвозили для продажи «в городех проезжающим людям». На левобережье охота в основном велась «за белкою, лисицею, куницею, зайцем, медведем, оленем, рысью, горностаем, норкою»¹¹.

Важным дополнением к промыслам крестьянского хозяйства являлась рыбная ловля. Марийцы ловили рыбу (язи, плотва, окуни, щуки, судаки, лещи и другие породы) в основном в малых водоемах (озерах и реках), главным образом для

своих нужд и частично — для продажи. С этой целью отдельные крестьянские общины, иногда деревни, и некоторые зажиточные дворохозяева брали в аренду казенные рыбные ловли. По своим размерам арендуемые марийцами рыбные ловли были незначительными, о чем, в частности, свидетельствуют и суммы оброчных платежей. В 1704 г. ясачный марийский крестьянин волости Кундуш Ярань Казанского уезда Токсубай Яшпаев за рыбную ловлю вносил оброк 23 алтына 5 денег. В Царевококшайском уезде в 1704—1741 гг. «без перекупу» рыбными ловлями совместно владели марийские крестьяне Азяковской волости «в Верхней Кокшаге вниз по Кузьмодемьянской дороге по устью речки Касняшу дав озерах Шургере да Моаре» стоимостью из ежегодного оброчного платежа в 4 руб. 2 коп. В эти же годы сотник и мирские люди Мананской волости за аренду рыбных ловель платили 54 коп., а Коминской волости — 73 коп. В 1710—1762 гг. марийские крестьяне Кокшайского уезда Закокшайской волости за рыбные ловли в озерах Липовском, Магатьере, Таловом, Кузакьере, Машкатмаш, Старице и по р. Большой Кокшаге от устья Кудгоноялаши до Волги длиной в 30 верст ежегодно платили 5 руб. 63 коп., а марийцы Чемуршинской волости за лов рыбы в озерах Ширьер, Молебное, Сладкое, Мандаково, Дубовое, а также на р. Большой Кокшаге длиной в «4 версты по Сухой Враг да в реке Липши 3 версты», соответственно, вносили по 7 руб. 3 коп. В 1762 г. размер оплаты арендуемых рыбных ловель отдельными общинами марийцев в Казанском уезде колебался от 20 коп. до 4 руб., в Уржумском — от 5 до 8 руб., Козьмодемьянском — от 1,5 до 9 руб., Царевококшайском — от 15 коп. до 4 руб., Яранском — от 2 до 8 руб., Царевосанчурском — от 20 коп. до 1,5 руб. в год. В этих уездах размеры оплаты индивидуально арендуемых рыбных ловель составляли от 3 коп. до 1,5 руб. По другим данным, в 1771 г. в Козьмодемьянском уезде марийский крестьянин д. Большая Рутка Атюмора Атюлин за аренду рыбной ловли на р. Старой Рутке отдал оброк 1 руб. 50 коп., Цора Мямакаев из д. Отары за 5 озер — 48 коп., Салдубай Адяков из д. Юркино за 2 озера — 75 коп., Мамсей Тювашев из д. Кукшарская за р. Рутку — 40 коп., Яштуган Ахпулатов из Тохпаевой пятидесятни — 39 коп.¹²

Речную и озерную рыбу марийцы ловили в основном «сетями рыболовными», «мордами», «бреднями», «мережами» и крючками. На Волге и Ветлуге использовались «черные шашковые снасти, волокуши и протчие принадлежащие снасти»¹³.

Волжские, ветлужские и сурские рыбные ловли отдавались в оброк только по высокой цене, так как в них имелись стерлядь,

белуга, осетр и другие ценные породы рыб. Тем не менее отдельные деревенские богатеи арендовали такие участки. В 1775—1776 гг. марийский крестьянин д. Ямолино Козьмодемьянского уезда И. Степанов «с товарищи» за аренду волжских рыбных ловель уплатил 56 руб. 82 коп.; д. Емангаш П. Михайлов и А. Селиверстов Пайдула вдвоем арендовали на 1775—1776 гг. рыбные ловли на р. Волге за 33 руб.; там же за 57 руб. 66 коп. на 1776—1777 гг. рыбные ловли арендовал мариец д. Яникеево В. Ефремов Петрушка. Несомненно, эти аренды носили товарный характер и рыба предназначалась для продажи. Однако у марийских крестьян на большей части территории края лов рыбы носил потребительский характер¹⁴.

Как видно, в XVIII в. денежные оброчные сборы с неземледельческих промыслов в марийской деревне занимали заметный удельный вес в общей массе государственных налогов. При этом степень их распространенности и размеры весьма различались не только между различными уездами, но и между крестьянскими общинами и отдельными дворохозяевами.

Примечания

¹ См.: **Димитриев В. Д.** История Чувашии XVIII века. Чебоксары, 1959; **Заварюхин Н. В.** Очерки по истории мордовского края периода феодализма. Саранск, 1993; **Гришкина М. В.** Удмуртия в эпоху феодализма (конец XVI — первая половина XIX в.). Ижевск, 1994; **Иванов А. Г.** Очерки по истории Марийского края XVIII века. Йошкар-Ола, 1995; и др.

² **Димитриев В. Д.** Указ. соч. С. 168.

³ РГАДА, ф. 281, оп. 12, д. 1293, л. 4; ПСЗ. Т. 3. ц. 1579.

⁴ Там же, ф. 273, оп. 1, ч. 8, д. 32681, л. 646 об. — 674.

⁵ Там же, л. 619—629, 660 об. — 662 об., 672—674; ф. 615, оп. 1, д. 4633, л. 73 об. — 74.

⁶ Там же, ф. 248, оп. 6, кн. 327, д. 1, л. 57; кн. 350, д. 6, л. 57; ф. 407, оп. 1, д. 387, л. 16; д. 423, л. 1, 4; д. 493, л. 1; ф. 598, оп. 1, д. 7; д. 24, л. 1; д. 169, л. 1; д. 287, л. 23; ф. 664, оп. 1; д. 9, л. 1; д. 29, л. 15 об.; ф. 1355, оп. 1; д. 407, л. 59 об.; д. 435, л. 16, 19, 46; ГАРМЭ, ф. 234, оп. 1, д. 68, л. 12 об.

⁷ **Георги И. Г.** Описание всех обитающих в Российском государстве народов: В 3 ч. Спб., 1799. Ч. 1. С. 27.

⁸ См.: **Фальк И. П.** Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России. Спб., 1824. Т. 6. С. 185.

⁹ **Миллер Г. Ф.** Описание живущих в Казанской губернии языческих народов. Спб., 1791. С. 24—25.

¹⁰ **Паллас П. С.** Путешествие по разным провинциям Российской империи. Спб., 1773. Ч. 1. С. 33.

¹¹ РГАДА, ф. 273, оп. 1, ч. 8, д. 32681, л. 670—670 об.; ф. 1355, оп. 1, д. 407, л. 11, 56 об.; д. 435, л. 1; ф. 598, оп. 1; д. 238, л. 1; ГАКО, ф. 583, оп. 600, д. 28, л. 158—160.

¹² РГАДА, ф. 273, оп. 1, ч. 8, д. 31587, л. 247–248 об., 299, 325 об., 357 об. – 358; д. 31606, л. 129 об. – 131 об., 519–521 об.; д. 32647, л. 717 об. – 718 об., 663 об.; д. 32681, л. 670; ф. 441, оп. 1, д. 737, л. 42–43; ф. 1355, оп. 1; д. 407, л. 10, 26, 56 об.; д. 435, л. 5, 16, 19, 22 об.; д. 443, л. 108–112.

¹³ Там же, ф. 598, оп. 1, д. 326, л. 11; ГАРМЭ, ф. 236, оп. 1; д. 68, л. 4; д. 152, л. 1.

¹⁴ РГАДА, ф. 441, оп. 1, д. 737, л. 42; ф. 1090, оп. 1, д. 1434, л. 7–8; ГАРМЭ, ф. 11, оп. 1, д. 3, л. 29–31.

Поступила 14.04.2003 г.

УДК 323.325(470.345)

В. Ю. Заварюхин

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ МОРДОВСКОГО КРАЯ ЭПОХИ ФЕОДАЛИЗМА В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ПАМЯТНИКАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Рассмотрение проблем законодательного формирования и складывания сословия государственных крестьян в мордовском крае эпохи феодализма, численного и национального состава, землевладения и землепользования, хозяйственного и правового положения, налогообложения и повинностей способствует глубокому исследованию вопроса истории законотворчества Российского государства и правоприменительной практики. Анализ истории правовой политики господствующей монархии в отношении местного населения в эпоху феодализма важен с точки зрения изучения памятников права. Под законодательством понимается весь комплекс издаваемых уполномоченными правотворческими органами нормативных актов, важнейшим из которых является закон¹.

На ранних этапах развития классового общества роль государственной власти сводилась по преимуществу к санкционированию спонтанно сложившихся отношений и обычаев (обычное право), признанию общеобязательных религиозных норм и т. п. Постепенно правотворческая деятельность становится монополией государства, осуществляемой его высшими органами власти (законодательное право), а также судами (прецедентное право)².

Издаваемый закон в форме указа лишь внешне, формально характеризует законодательную деятельность как верхов-

ной власти, так и на местах, что скрывает за собой неодинаковую юридическую природу разных памятников права, историю их происхождения и правовую значимость, будь это повеление самого царя или Правительствующего сената.

Правовая проблема крестьянства в вопросах землевладения и землепользования в России всегда была одной из нерешенных задач государственной важности. Эта тема актуальна до сих пор.

По данным И. М. Петербургского, пашенное земледелие у мордвы начало развиваться с середины I тыс.³ На Руси постепенно сформировалось 3 вида земли: бесхозные (никому не принадлежавшие), общинные и вотчинные. Памятники русского права XII—XV вв. свидетельствуют, что в Древней Руси только некоторые земли были отданы князьям на основе государственного права (за службу — кормление), а не права частной собственности. Земли общинные постепенно превратились в «черные», или государственные, и принадлежали князю, но не как частному собственнику, а как государю. Но уже в Уставной грамоте смоленского князя Ростислава (1150) говорится о частной собственности на землю. Земля была в распоряжении правительства или по частным гражданским сделкам могла переходить от владельца к владельцу. Однако крестьяне при всех переходах оставались на ней⁴ и, по сути, являлись бессрочными землепользователями.

Сословие государственных крестьян стало складываться в то время, когда церковные, помещичьи и дворцовые крестьяне платили оброк своим господам. Такой же оброк, т. е. денежную феодальную ренту, должны были вносить все остальные крестьяне: они объявлялись «государственными» (крестьянами государственной казны), феодально-зависимыми от государства-землевладельца. И состав, и социальное положение этого сословия были точно определены рядом петровских узаконений о введении подушной подати и оброчного сбора⁵.

Окончательно юридическое оформление сословия государственных крестьян было закреплено указом Сената от 22 января 1719 г. «Об учинении общей переписи людей податного состояния, о подаче ревизских сказок, и о взысканиях за утайку душ». Наряду с частновладельческими, патриаршими, архиерейскими, монастырскими и помещичьими крестьянами в указе говорилось о крестьянах «дворцовых и прочих государевых», об однодворцах, татарах и ясачных⁶. Вторым законодательным документом, распространившим крепостничество на государственных крестьян, является плакат от 26 июня 1724 г. «О сборе подушных денег, о повинностях земских обывателей

в пользу квартирующих войск и о наблюдениях полковым начальством благочиния и порядка в селениях, войсками занимаемых». Пункт 18 этого указа так и назывался «О четырехгривенном сборе с Государственных крестьян». Определен состав этой категории крестьян: «На однодворцов, на черносошных крестьян, на татар и ясяшных и на пашенных, которые не за помещики...»⁷.

Государственные крестьяне принадлежали монарху как носителю государственной власти и обладателю всей земли, не занятой частными собственниками. Они находились в ведении воеводских канцелярий и составляли собственность царской казны. На территории современной Мордовии к ним относились ясячные земли русских и мордовских крестьян в Саранском, Инсарском и Кадомском уездах, земли бывших служилых людей из русских, мордвы и татар в перечисленных, а также Темниковском и Алатырском уездах, государственными были и земли городских посадов⁸.

Право возникает вместе с государством и является элементом культуры человечества. История права опирается на закон. Главный объект нашего изучения — это закон, нормативные и иные правовые акты Российской империи эпохи феодализма, которые относятся к государственной мордве⁹. По законодательству можно судить о разных сторонах жизни общества, государственной деятельности, а в данном случае — в отношении государственной мордвы. Феодальное государство имеет специфическую правовую систему, связанную определенной общностью и преемственностью с другими типами права. В феодальном государстве есть органы власти и управления государственным механизмом, институты государственного права, институты учреждений. С изменением терминологии перестраиваются содержание институтов и понятий, однако сущность остается, что позволяет проводить анализ и обобщение, без которых любая наука перестает быть таковой.

Нами были использованы нормативные документы архивов Республики Мордовия, Пензенской и Нижегородской областей, Республики Татарстан, а также ЧОИДР, ИОАИЭ, ИТУАК, РГАДА, Полное собрание законов Российской империи в 45 томах, «Российское законодательство X—XX веков» в 9 томах, законодательство, накопленное в «Документах и материалах по истории Мордовской АССР», и др.

По государственным крестьянам мордовского края эпохи феодализма в различных архивах и других источниках имеется более 100 нормативных актов: свыше 90 законов изложено в форме указов и постановлений центральных органов власти

и более 20 — с распоряжениями местных органов, но и здесь часть изложена в указах (см. «Документы и материалы по истории Мордовской АССР»). Основной объем исследованного законодательства составляют: акты налогообложения и повинностей, соответственно, более 70, из которых не менее 45 по налогам (что вполне естественно, так как сбор налогов — главная задача государства), 11 указов по рекрутству, 6 — по лашманству, более 10 повинностей — по строительству крепостей, работе на заводах и промыслах, более 20 актов — по христианизации «инородцев», а также различные акты управленческого характера и попечительства (более 10). Также есть указы «спорные, судебные, по розыску воров».

Данное деление исследованных законодательных актов весьма условное: в одном указе могли рассматриваться разные вопросы и его можно было отнести к нескольким разделам. Остановимся на изучении отдельных актов, в которых содержалась бы история законодательного становления государственной мордвы и государственных крестьян в мордовском крае, их правового положения в целом. В Центральном государственном архиве Республики Мордовия имеется «Дело управителя ясашной Мордвы Ильи Тяпкина», охватывающее период с 23 ноября 1727 г. по 19 января 1728 г.¹⁰ В 1726 г. Дворцовой канцелярией он был назначен в Саранский уезд управителем мордвы, до этого времени находившейся в ведении воеводской канцелярии. В интересах царя была сделана попытка перезакрепления государственных крестьян в сословие Дворцового ведомства, но они не согласились с этим решением. Управитель И. Тяпкин приказал собирать дворцовые деньги с крестьян насильно. 23 ноября 1727 г. жителями д. Подлесная Тавла, Напольная Тавла, Кочкурово, Семилей Саранского уезда была подана челобитная саранскому воеводе Беклемишеву об избииении и ограблении мордвы И. Тяпкин. 22 ноября 1727 г. они были в Саранске «на торг для своих нужд, понеже де требуетца с них е.и.в. (ее императорского величества. — В. З.) подушной оклад, для продажи хлеба», Тяпкин приказал «переловить» их и «бил» у себя в доме «смертно батожьи». Следствие обнаружило злоупотребления управителя И. Тяпкина, он и его подчиненные были взяты под стражу. Указом Пензенской земской конторы от 8 декабря 1727 г. ему запрещалось управлять государственными крестьянами¹¹. При этом делалась ссылка на решение государственной Камер-коллегии от 17 января 1727 г., согласно которому «ясашных волостей Дворцовой канцелярии вестать не велеть, а вестать по прежнему в Камор-коллегии».

Нами обнаружен указ Сената, который вносит ясность в это дело. Он был опубликован значительно раньше рассматриваемых событий — 3 мая 1727 г. и назывался «О сборе с Ясашных Пензенских сел и деревень, не приписанных к Дворцовому ведомству, по пушным семи- и четырехгривенных денег земским комиссарам». В нем было изложено: «...между тем происходят ссоры и не учинилось бы двойного сбора. Справкою из Камер-коллегии показано, что с означенных Пензенских ясачных сел и деревень в таблице о дворцовых доходах сбору не показано и ныне с них какие во дворец собираются ли, не известно. А по указу из Высокого Сената 726 г., в оных волостей во Дворцовой канцелярии ведать не велено. А понеже по приговорам Правительствующего и Высокого Сената, июня 7 дня 725 г., дворцовых волостей на крестьянах подушных денег на самих отнюдь взыскивать не велено, а велено взыскивать дворцовых вотчин на управителях и прикащиках и старостах; октября 18 дня 726 года, в Симбирской провинции ясачных волостей в дворцовой канцелярии ведать не велено, а велено их ведать попрежнему в Камер-коллегии, понеже как Камер-коллегия показывает, что и прежде всего в Приказе Большого Дворца были не ведомы, и в таблице о дворцовых доходах сбору с них в Приказ Большого Дворца не показано, а ведомы были в Приказе Казанского Дворца... Того ради, Высокий Сенат приказали: с вышеозначенных ясачных Пензенских сел и деревень подушных семи и четырехгривенные деньги собирать земским комиссарам и отсылать к воеводе, а прикащику дворцовому не отдавать, ибо об них в Камер-коллегии показано, что тех ясачных сел и деревень в таблице о Дворцовых доходах сбор не показан»¹². Не помещичьи крестьяне вдоль Белгородско-Симбирской укрепленной линии были отданы для введения в приказ Казанского дворца. Это дополнительно подтверждается справкой государственной Камер-коллегии. Но Дворцовая канцелярия (приказ Большого дворца) считала ясачных крестьян своими крепостными и прислала в Саранский уезд нового управителя — «бывшей Саратовской соляной продажи секретаря Якова Дмитриева». Мордовские старосты 28 деревень уезда незамедлительно подали коллективную челобитную в Сенат. Они просили оставить их в ведении Саранской воеводской канцелярии, а отказ подчиняться Дворцовой канцелярии мотивировали так: «А мы не дворцовые, понеже истари ясашные и на преж всего ведомы были в Приказе Казанского Дворца»¹³.

18 августа 1729 г. Сенат принял решение в виде отдельного указа в отношении государственной мордвы Саранского

уезда: «...быть им в ведомстве попрежнему в воеводской канцелярии...»¹⁴. Таким образом был решен межведомственный спор бюрократической власти Российской империи. Не последнюю роль в нем сыграли правовой подход в решении данного вопроса по защите нарушенных прав государственных крестьян, их сплоченность, коллективизм и решимость идти до конца, что не вызвало в отношении них силовых карательных мер. Таким образом, верховные органы власти царского правительства принимали законодательные акты при непосредственном участии государственной мордвы Саранского уезда. Изложение законодательных материалов позволяет сделать вывод о принадлежности к государственным крестьян приказа Казанского дворца, территориальные рамки которого охватывали юго-восток мордовского края.

Примечания

¹ См.: Юридический энциклопедический словарь. М., 1984. С. 102—103.

² Там же. С. 272.

³ См.: **Петербургский И. М.** Орудия земледелия мордвы в I — начале II тысячелетия нашей эры // Материалы по археологии и этнографии мордвы. Саранск, 1975. Вып. 48. С. 65.

⁴ См.: **Грузнов П. Д.** Аграрная политика Российского государства (по материалам Средневолжского региона) / П. Д. Грузнов, И. Ф. Каргин. М., 2000. С. 24.

⁵ См.: **Дружинин Н. М.** Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева: В 2 т. М., 1958. Т. 2. С. 3—4.

⁶ См.: Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1-е: В 45 т. Спб., 1830. Т. 5, ц 3287. Далее: ПСЗ РИ.

⁷ Там же, т. 7, ц 4533.

⁸ См.: **Заварюхин Н. В.** Очерки по истории мордовского края периода феодализма. Саранск, 1993. С. 201.

⁹ См.: Российское законодательство X—XX веков: В 9 т. М., 1984. Т. 1. С. 6.

¹⁰ ЦГА РМ, ф. 2, д. 16, л. 318—320.

¹¹ Там же, ф. 2, д. 16, л. 353.

¹² ПСЗ РИ, т. 7, ц 5066.

¹³ Цит. по: **Заварюхин Н. В.** Указ. соч. С. 223.

¹⁴ РГАДА, ф. 248, оп. 13, д. 715, л. 528—532.

Поступила 7.05.2003 г.

УДК 323.325:321.17

Н. В. Заварюхин, Л. А. Феклина

**ВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ ПОВИННОСТИ
КРЕСТЬЯН «ГОСУДАРЕВЫХ ВОТЧИН»
ПРИМОКШАНЯ В XVIII в.**

Владельческие повинности крепостных крестьян составляли суть феодализма. Вокруг этого вопроса строились политика и идеология господствующего класса. Царский домен в российской феодальной системе играл не последнюю роль. На мордовских землях владения Дворца были значительные. Все мордовские земли севернее Белгородо-Симбирской черты, оставшиеся после раздач помещикам и монастырям, перешли Дворцовому ведомству. Центрами управления дворцовым населением в этом обширном крае были Нижний Новгород, Арзамас, Ардатов, Темников, Красная слобода, Троицк.

Отличительной чертой дворцовых земель Примокшанья являлось то, что они раньше, чем земли мордвы Присурья, попали в распоряжение Дворца. В этом районе, особенно вокруг Красной слободы, Троицка и Наровчата, среди мордвы осело много русских крестьян, переведенных из дворцовых деревень Подмосковья. Дворец практиковал для своих крестьян в этом районе и барщинную, и оброчную формы повинности.

В 1691 г. десятинную пашню и дворцовый Острожский винокуренный завод ликвидировали. С дворцовых крестьян стали собирать деньги и вино. При этом учитывались: число дворов (жилых и пустых), людей обоего пола. В нашем распоряжении имеются неполные книги владельческих сборов по Краснослободскому уезду за 1704 и 1712 гг. В книге за 1704 г. сохранились сборы по Красной слободе и 13 селениям уезда, а в книге за 1712 г. — по 10 селениям (табл. 1).

Таблица 1
Окладные книги по Краснослободскому уезду за 1704 и 1712 гг.*

Населенный пункт	Кол-во дворов		Число людей обоего пола	Оклад	
	жилых	пустых		вином, в ведрах	деньгами
1	2	3	4	5	6
1704					
Красная слобода	336	13	1 419	1 371	336 руб. 20 алт. полчетверть деньги

Окончание табл. 1					
1	2	3	4	5	6
д. Кулясы	16	—	58	21	9 руб. 28 алт. 4 деньги
д. Лаушки	7	—	24	21	7 руб. 23 алт. 2 деньги
Красной слободы бобыли	32	17	46		3 руб. 26 алт.
с. Жабье	15	22	63	99	35 руб. 2 алт.
Польская слобода	7	7	26	29	12 руб. 15 алт. с полуденьгой
д. Борки, Сиданово тож	4	2	14	19	5 руб. 26 алт. 1 деньга
д. Рыбкино	3	—	4	13	2 руб. 29 алт. попяты деньги
д. Дергуновка	14	—	33	66	14 руб. 15 алт. полторы деньги
с. Дмитриев Усад	59	11	92	208	67 руб. 15 алт. полтрети деньги
д. Нямбрякужи	10	5	29	39	14 руб. 15 алт. 3 деньги
д. Долговерясы	27	—	112	3	с полуденьгой 15 руб. 17 алт. 2 деньги
с. Ишеево	51	7	179	191	55 руб. 29 алт. полшести деньги
с. Гумны	81	28	259	410	106 руб.
И т о г о	662	112	2 358	2 490	687 руб. 47 коп.
			1712		
с. Гумны	81	30	259	310	106 руб. 97 коп.
с. Плужное	73	42	272	369	110 руб. 83 коп.
с. Тенишево	29	1	99	101	28 руб. 90 коп.
с. Шаверки	65	—	231	198	61 руб. 68 коп.
с. Шенино	20	10	58	110	28 руб. 93 коп.
с. Ефаево	110	6	401	388	11 руб. 79 коп.
с. Новый Усад	37	6	180	140	41 руб. 42 коп.
с. Сураев Починок	14	4	52	47 с пол- ведром	9 руб. 63 коп. с деньгой
с. Введенское	121	34	465	578	148 руб. 39 коп.
д. Арки	18	5	46	67	22 руб. 6 коп.
И т о г о	568	138	2 063	2 308	570 руб. 54 коп.

* Таблица составлена по: РГАДА, ф. 1132, оп. 1, д. 1, л. 21—48 об; д. 42, л. 1—36.

По данным 1704 г., на 1 жилой двор в среднем приходилось 3,8 ведра вина и 88 коп., на 1 жителя — более 1 ведра вина и 28 коп.; по данным 1712 г., на 1 двор — 4,1 ведра вина и 1 руб., на 1 жителя — 1,1 ведра вина и 27,7 коп. Таким образом, окладные сборы вина и денег с 1 жилого двора увеличились.

Дворцовая контора, как помещик, в первой половине XVIII в. пыталась увеличить доходы за счет снижения жизненного уровня своих крестьян. Это видно из крестьянских челобитных. Так, в апреле 1749 г. мирской челобитчик Андрей Грачев от имени дворцовых крестьян Троицкой волости подал императрице Елизавете Петровне челобитную, где указывал на обременительность несения им барщины в форме десятинной пашни. Челобитчик напомнил, что неудачная попытка ввести десятинную пашню была предпринята еще в XVII в. Десятинная пашня существовала около 20 лет, до 1691 г., когда по прошению крестьян была отменена. Землю, которую взяли у крестьян, Дворец им не вернул, оставив за собой 603 дес. пашни и 570 дес. сеносов. Крестьяне брали ее в аренду до 1746 г., за что платили 34 руб. 6 коп. в год. Указом Главной дворцовой конторы эту землю по 201 дес. в поле взяли для Дворца и заставили крестьян обрабатывать ее своим инвентарем и на своих лошадях. Крестьяне выполняли эти работы 3 года, но дворцовые управители продолжали собирать с них 4-гривенный оброк¹.

Барщина в форме десятинной пашни в середине XVIII в. практиковалась в Краснослободской, Троицкой и Наровчатской дворцовых волостях. Она была введена в 1746 г. Согласно данным второй ревизии, барщинную повинность несли здесь 12 315 душ муж. пола², а всего по России 66 171 душа муж. пола³. Хлеб, собираемый с десятинной пашни, расходовался на винокурение, в малоурожайные и неурожайные годы раздавался взаимы дворцовым крестьянам. Так, в Троицкой волости в неурожайный 1749 г. было отпущено ржи 381 четверть, овса — 410, от всего урожая ржи — 788 и овса — 792 четверти. Проса, например, высевалось на 45 дес. Израсходовано семян 22 четверти 4 четверика, а урожая не получено⁴.

На винокурение в этих волостях хлеб стал расходоваться с 1750 г., когда на императрицу Елизавету Петровну за долги был отписан винокуренный завод «петербургского жителя» Матвея Бронницкого на р. Модаевке⁵. В 1748 г. озимых и яровых полей засевалось в Краснослободской волости 694 дес., Наровчатской — 359, в Троицкой — 459 дес.⁶

Расходы хлеба на этом винокуренном заводе были значительные. Из доношения управителя дворцовых волостей Петра Самарцова от 27 ноября 1751 г. видно, что для винокурения с десятинной пашни было собрано 4 600 четвертей ржи. Этих запасов было мало. Дворцовая контора разрешила заводу купить у крестьян еще 5 589 четвертей ржи⁷.

В 1747 г. Дворцовая контора затребовала от старост дворцовых волостей счетные выписки не только о десятинной паш-

не, но и о казенных сенных покосах. В 3 волостях их было показано 759 дес., в том числе в Краснослободской — 139, Наровчатской — 50, Троицкой — 570 дес. Часть сенных покосов «за умалением десятин пашни распаханно и засеяно хлебом». Таковых в Троицкой волости имелось 45 дес., в Краснослободской — 90 дес. Часть казенных покосов скосили «обыватели» потому, что брали их на оброк⁸. Это не удовлетворило Дворцовую контору. На следующий год были составлены новые данные о пашне и сенных покосах. В Троицкой волости имелось пашни 603 дес., сенных покосов и лесной поросли — 570 дес., «и с тех покосов за умалением десятинной пашни прибавку распаханно в прошлом 747 году 45 дес., в нынешнем 748 г. — 30 дес., в остатке тех сенных покосов — 495 дес.»⁹. В Наровчатской волости было пашни 552 дес., сенных покосов и лесной поросли 5 дес.; в Красной слободе — пашни 869 дес., сенных покосов 139 дес. Из этого числа распаханно 90 дес. Сена оставалось только 49 дес. Кроме того, под пашню было распаханно «пустовой крестьянской мекитной 8 дес., из залогу 3 дес., выпускной 3 дес., итого 16 дес.»¹⁰ Следовательно, в Краснослободской волости создалось трудное положение с сенными покосами. Между тем Главная дворцовая контора требовала от местного начальства «впредь в те сенные покосы крестьян отнюдь недопускать под опасением немалого штрафа»¹¹. С тех крестьян, которые самовольно скосили казенное сено, взыскивалась его стоимость. По Красной слободе за 340 волоковых копен (по 3 коп. за 1 копну) — 10 руб. 20 коп., по Наровчату за 50 дес. — 15 руб., по Троицку за 100 дес. — 30 руб.¹²

Дворцовые управители контролировали в своих волостях обработку десятинной пашни и посевы на ней. На 1748 г. в краснослободских селах и деревнях на десятинной пашне в озимом клине имелось 269 дес., яровом — 396 дес., в Наровчатской волости — соответственно 175 и 184, в Троицкой — 261 и 198. В 3 волостях под посевами имелось на этот год 1 514 дес., в том числе под озимыми — 732 дес., яровыми — 782 дес.¹³

Дворцовое ведомство при взимании ренты примокшанских крестьян не имело цельной программы, а действовало по усмотрению правителя конторы. В середине XVIII в. наметилась тенденция замены натуральных сборов и отработочных повинностей денежными взносами. Эта политика в вотчине проводилась половинчато. Перевод крестьян на денежный оброк растягивался на десятилетия, нередко делались попытки вернуться к барщине.

В изучаемом районе, как уже отмечалось, барщина была отменена в 1691 г. Крестьян перевели на оброк. В 1746 г. при

сохранении денежной ренты вновь ввели барщину, которая существовала до 1762 г. Только после этого денежная рента стала единственной формой ренты у крестьян.

Положение дворцовых крестьян Примокшанья в изучаемое время неуклонно ухудшалось. Причин тому было много, перечислим главные из них. В конце XVII — первой половине XVIII в. усиливался налоговый пресс в пользу как государства, так и владельцев. Вследствие этого изымалась вся прибавочная стоимость, произведенная крестьянами, и часть народа из-за высоких платежей жила в долг. Ввиду материальных трудностей бедняки за бесценок отдавали причитающиеся им доли лесов, рек, озер, пахотных и сенокосных земель. Дворцовые крестьяне испытывали на себе постоянное давление со стороны соседних помещиков, которые захватывали их земельные угодья. Особенно бесцеремонно, как об этом свидетельствуют архивные материалы, они хозяйничали в вотчинных лесах мордвы и татар. Становление и развитие органов государственной власти и управления, а также дворцового управления привели к тому, что в городах края появилась значительная прослойка чиновников. В их руках оказалась часть различных угодий, ранее принадлежавших мордве. Монастыри, церкви и духовенство также использовали все способы, чтобы завладеть значительными земельными наделами. В. Б. Смирнова отмечает, что особое место в колонизации мордовских земель в XVIII в. занимал Саровский монастырь. Он возник в 1705 г. на территории Темниковского уезда и для приобретения угодий пользовался самыми различными способами — от покупки до прямого захвата их у крестьян. В 1749 г. ему принадлежало 19 682 дес. земли, во время Генерального межевания — 23 225 дес.¹⁴ Не лучшим образом влияла на землеобеспечение и хозяйство крестьян в целом деятельность поташной, металлообрабатывающей и винокуренной промышленности, а также другие факторы (обеспеченность двора рабочими руками, занятие промыслами, погодные условия для полевых культур, пчеловодство, эпизоотии).

Система власти в России держалась на насилии и взяточничестве, поэтому любое задание правительства давало чиновникам возможность злоупотреблять своим положением: чем больше казенных сборов, тем больше и поборов в их пользу. О злоупотреблениях, творимых чиновниками, не мог не знать царь. Иногда для проведения следствия из вышестоящих инстанций по жалобам на места посылались специальные лица.

Дворцовых крестьян цари рассматривали как собственность и распоряжались ими по своему усмотрению. Много

«старинных» дворцовых крестьян и земель было роздано в 1682—1710 гг. — более 500 тыс. дес. пашни и около 170 тыс. душ муж. пола¹⁵.

Положение крестьян всех категорий ухудшалось и вследствие того, что отход жить на сторону обставлялся запретами. В первой половине XVIII в. вопрос о беглых крестьянах оставался важнейшим в развитии крепостного права. За первую четверть столетия было принято 46 указов, инструкций воеводам, относящихся к беглым, во второй — 53. Этот всплеск законодательных актов был вызван тем, что, с одной стороны, в связи с повышением тяжести податей и повинностей податные слои стали чаще убегать, с другой — с преобразованием войск в административной сфере и началом квартирования войск появилась реальная возможность взять под контроль самовольные уходы крестьян¹⁶. Повышались и штрафные санкции за держание беглых.

Подушная подать привела к усилению административно-полицейского гнета над крестьянами всех категорий. Мелочной опеке со стороны приказного аппарата подвергались и дворцовые крестьяне. Вотчинная юстиция и здесь подходила к крестьянству как к объекту эксплуатации и плательщику, как к исполнителю феодальных повинностей. Крепостное право принимало все более государственный характер¹⁷.

При смене управителя волости составлялся Росписной список. О его назначении следовал указ из Главной дворцовой канцелярии. В инструкции, которая имелась в указе, особое внимание обращалось на сбор текущих налогов и недоимочных денег «всякое в делах и зборах дворцовых и подушных денег править как возможно без упущения»¹⁸.

В мае 1730 г. по указу управителем в Краснослободскую волость был определен помещик Нижнеломовского уезда Иван Петрович Лосев, составлен акт о приемке дел у прежнего управителя — Росписной список. Согласно этому документу, с 1721 по 1730 г. недоимочных денег числилось 5 314 руб. 16 коп. Задолженность имелась и по подушным, и по дворцовым сборам. Так, за сентябрьскую треть 1729 г. долг по подушным сборам составил 147 руб. 7 коп., по дворцовым — 353 руб. 19 коп. В январскую треть 1730 г. не смогли собрать 81 руб. 55 коп. дворцовых денег в «Красной Слободе и уезде за всеконечную пустотою и скудостью»¹⁹.

Новый управитель всеми средствами старался получить с населения деньги. Об этом свидетельствуют поступления сумм. В 1730 г. собрано дворцовых доходов 2 443 руб. 36 коп., канцелярских — 14 руб. 43 коп., в 1731 г. — соответственно 2 292 руб.

24 коп. и 25 руб. 18 коп., в 1732 г. — 2 519 руб. 10 коп. и 12 руб. 50 коп. Большой недобор денег отмечен в неурожайный 1733 г.: Дворцовая контора недополучила 943 руб. 15 коп., государство по подушным сборам — 2 172 руб. 30 коп.²⁰

В 1733 г. задолженность по различным сборам с 1721 г. составила 4 952 руб. 58 коп, а ко времени приема дел И. П. Лосевым долг ровнялся 5 314 руб. Практически он не смог кардинально решить вопрос с долгами крестьян. Это, по-видимому, свидетельствовало о том, что ставка налога для жителей волости была максимальна, а земледельческое хозяйство неустойчиво²¹.

Канцелярские сборы колебались в разные годы от 12 до 25 руб. На 1732 г. их поступило 12 руб. 69 коп., в том числе «с лавок и полков» 2 руб. 25 коп., куничных, ясачных и пошлин с вод 3 руб., с оброчных земель и сенных покосов 4 руб. 52 коп., «харчевен и изб» 60 коп., с мельниц 29 коп., «с рыбных ловель» 1 руб. 2 коп., с сенных покосов 1 руб.²²

Когда составлялся Росписной список в мае 1730 г., был сделан реестр дворцовых селений волости о задолженности по дворцовым и подушным сборам (табл. 2).

Таблица 2
Задолженность дворцовых селений Краснослободской волости по дворцовым и подушным сборам с 1721 по 1730 г.

Селение	По дворцовым сборам	По государственным сборам	Всего
Сотня Подгорная	30 руб. 50 коп.	49 руб. 44 коп.	79 руб. 94 коп.
Сотня Логинова	115 руб. 80 коп.	70 руб. 95 коп.	186 руб. 75 коп.
Сотня Татарская	93 руб.	41 руб. 16 коп.	134 руб. 16 коп.
Сотня Заречная	42 руб. 44 коп.	54 руб. 58 коп.	97 руб. 2 коп.
Польская слобода	13 руб.	—	13 руб.
с. Ишеево	39 руб. 54 коп.	6 руб.	45 руб. 54 коп.
с. Плужное	44 руб. 60 коп.	12 руб. 38 коп.	56 руб. 98 коп.
д. Долговерясы	28 руб. 32 коп.	2 руб. 54 коп.	30 руб. 86 коп.
д. Зубарево	2 руб. 10 коп.	6 руб.	8 руб. 10 коп.
д. Кулясы	21 руб. 50 коп.	3 руб. 60 коп.	25 руб. 10 коп.
д. Лаушки	14 руб. 10 коп.	—	14 руб. 10 коп.
с. Новый Усад	10 руб. 92 коп.	—	10 руб. 92 коп.
с. Дуброво	6 руб. 39 коп.	—	6 руб. 39 коп.
д. Поляково	7 руб.	—	7 руб.
д. Колопино	10 руб. 60 коп.	—	10 руб. 60 коп.
с. Гумны	—	11 руб. 70 коп.	11 руб. 70 коп.
с. Жабье	—	21 руб. 28 коп.	21 руб. 28 коп.
с. Тенишево	—	7 коп.	7 коп.
с. Девеев Усад	—	96 коп.	96 коп.

* Таблица составлена по: РГАДА, ф. 1239, оп. 1, ч. 51, д. 34, л. 20 об. — 21.

По этой ведомости крестьяне задолжали: по дворцовым сборам — 479 руб. 81 коп., а по подушным — 280 руб. 66 коп. Многие селения числились должниками и тех, и других сборов. Жители Гумен, Жабья, Тенишева, Девеева Усада должны были только по подушным сборам, а Польской слободы, Лаушек, Нового Усада, Дуброва, Полякова и Колопина — по дворцовым сборам²³.

В Росписном списке Троицкого Острога, составленном управителем Яковом Великопольским 20 августа 1740 г., основное внимание уделено состоянию «хлебных припасов» и «денежной казны». В канцелярии имелось в наличии 903 руб. 99 коп., казенных амбаров — 3. По данным целовальника Никифора Михайлова, у целовальника из мордвы Адю Кечемова и русского крестьянина Афанасия Прокофьева была 321 четверть ржи, овса и гречихи. Часть хлеба основательно попорчена. Гнилой ржи имелось свыше 520 пуд., остальной хлеб затхлый²⁴.

На тот 1740 г. в Наровчатской волости имелось казенного хлеба: ржи — 119 четвертей, овса — 128, гречихи — 56, а всего 303 четверти. Из этого числа 32 четверти овса и 24 четверти гречихи было попорчено. Хлеб хранился «по разным жителям в обывательских амбарах»²⁵. В Краснослободской волости в этом году имелось хлеба доброго: ржи — 1 798 четвертей, полбы — 46, овса — 108, ячменя — 56, гречихи — 101, проса — 20, гороха — 3 четверти. Затхлого разного хлеба 637 четвертей, горелого — 22, гнилого — 3 четверти²⁶.

Владельческие повинности у всех категорий крестьян постоянно росли. Они превышали государственные сборы. Дворцовая контора эксплуатировала своих крестьян обычным для феодала способом. Барщинная повинность неоднократно внедрялась в дворцовые волости Примокшанья. Крестьяне десятилетиями боролись за ее отмену, доказывая московским и петербургским чиновникам невыгодность для Дворцовой конторы системы отработок. В итоге барщина была отменена, но денежный оброк на крестьян постоянно увеличивали и довели к концу столетия до 3 руб. с 1 души муж. пола.

Положение дворцовых крестьян ухудшалось, особенно это касалось мордвы. Ухудшению ее положения способствовали насильственная христианизация и сужение землепользования из-за захватов части угодий помещиками, заводчиками, канцеляристами. Большой урон мордва понесла от потери лесов. Значительная их часть была уничтожена для нужд поташной, металлургической, винокурной промышленности. Вследствие этого упала роль бортничества, сузилось значение многих лес-

ных промыслов. Дворцовое крестьянство испытывало на себе принуждение со стороны провинциальной, воеводской и волостной канцелярий, чиновников.

Примечания

¹ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 62, д. 30151, л. 1 — 1 об.

² Там же, ч. 66, д. 31236, л. 9.

³ Там же, л. 113 об.

⁴ Там же, д. 31148, л. 21 об.; д. 31149, л. 65 об. — 66.

⁵ См.: **Индова Е. И.** Дворцовое хозяйство в России. М., 1964. С. 253.

⁶ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 62, д. 30151, л. 19 об. — 20.

⁷ Там же, ч. 66, д. 31236, л. 150.

⁸ Там же, ч. 62, д. 32493, л. 1 — 1 об.

⁹ Там же, л. 5.

¹⁰ Там же, л. 5 об.

¹¹ Там же, л. 13.

¹² Там же, л. 14.

¹³ Там же, д. 30151, л. 19 об. — 20.

¹⁴ См.: **Смирнова В. Б.** Приходно-расходные книги как источник по истории лесопромышленной деятельности Саровского монастыря во второй половине XVIII — первой четверти XIX в. // Тр. МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1969. Вып. 38. С. 281; **Заварюхин Н. В.** Очерки по истории мордовского края периода феодализма. Саранск, 1993. С. 231.

¹⁵ См.: История крестьянства России с древнейших времен до 1917 года. М., 1993. Т. 3. С. 27.

¹⁶ Там же. С. 31, 33.

¹⁷ Там же. С. 41.

¹⁸ РГАДА, ф. 1239, оп. 1, ч. 51, д. 34, л. 1 — 1 об.

¹⁹ Там же, л. 14.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, л. 14, 23 об.

²² Там же, л. 22.

²³ Там же, л. 21.

²⁴ Там же, д. 97, л. 35 — 36.

²⁵ Там же, л. 37.

²⁶ Там же, л. 38.

Поступила 07.04.2003 г.

УДК 623.1/.3(470.4)

Э. Л. Дубман

**СТРОИТЕЛЬСТВО НОВОЙ ЗАКАМСКОЙ ЛИНИИ
И ЕЕ РОЛЬ В ОСВОЕНИИ ЗАВОЛЖЬЯ
(дискуссия 1731 г.)**

Одним из самых любопытных эпизодов в истории освоения лесостепного Заволжья в первой половине XVIII в. является создание проекта и строительство Новой Закамской линии, которая должна была защищать от нападений кочевников огромное пространство от р. Самара при впадении в нее Кинеля вплоть до устья р. Ик. Эта оборонительная линия не раз становилась предметом рассмотрения историков. В трудах П.И. Рычкова, М.И. Иванина, Ф.Ф. Ласковского, Р.Г. Букановой и других можно найти ряд интересных описаний оборонительных сооружений, истории строительства указанной оборонительной системы. Однако монографии на данную тему до настоящего времени не появилось.

В данной статье рассматривается дискуссия, возникшая при создании начальных проектов новой линии в 1731 г. Возможности для решения этой темы появляются только при комплексном изучении всей совокупности делопроизводства Закамской экспедиции, Канцелярии артиллерии и фортификации, Сената и Кабинета министров, как частично уже изданного, так и отложившегося в фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (АВИМАИВиВС).

Летом – осенью 1731 г. в результате полевых изыскательских работ Закамской экспедиции появился только предварительный, многовариантный проект Новой Закамской линии. В фондах РГВИА сохранилось несколько ландкарт и приложений к ним, отражающих результаты обследования местности от Самары до р. Ик и складывания у руководства экспедиции концепции нового оборонительного рубежа. К сожалению, очень трудно выяснить эволюцию этой концепции, этапы ее разработки в течение первого сезона деятельности экспедиции.

К концу июня 1731 г. в московское отделение Сената из Закамской экспедиции были представлены описания местности и чертежи. Лишь на одном из чертежей имеется точ-

ная дата его изготовления — июнь 1731 г. Несомненно, что именно он был представлен на заседании Сената 26 июля, принявшем первый план строительства линии. Остальные карты, относящиеся к 1731 г., таких точных датировок не имеют. Можно лишь предположить, что они были подготовлены в течение июня — сентября 1731 г. Условно мы их относим ко второму — июльско-сентябрьскому — этапу обследования территории региона.

Перед тем как подготовить общую «Ланткарту...», проектировщики сделали чертежи ее отдельных участков. Один из первых вариантов «ланткарты» — от «г. Самары до Сергиевска по р. Самаре и Соку 1731 г. в июне месяце» был послан в Москву 30 июня 1731 г. и сохранился в архиве в виде копии, вычерченной кондуктором С. Резановым¹. На данном чертеже пригород Алексеевска и проектируемая Красноярская крепость уже соединены линией вала и рва. Пространство между этими укрепленными пунктами предполагалось закрыть редутом «для прикрытия караула во время разъезда по линии». На правом берегу Сока и за Соком к р. Кондурче показаны редуты, существовавшие ранее. Очевидно, что создатели проекта еще не приняли окончательного решения о месте строительства Красноярской крепости — на «полевой» стороне у Красного Яра или на правом берегу — при впадении Кондурчи в Сок. Сама же линия, ее оборонительные сооружения на участке от устья Кондурчи к Сергиевску согласно чертежу должны были располагаться на правом берегу реки, под защитой ее акватории. Создатели ланткарты дополнили ее специальным приложением с описанием особенностей местности в районе будущего строительства. Проектировщики так и не смогли определить, на чьих же землях предстоит строить линию по Соку — «в башкирском и российском народов владенье, о том заподлинно известия не имеется». Они прекрасно понимали сложность предстоящих работ, неудобства местности и четко изложили все эти обстоятельства в докладе в Военную коллегию. Например, по почвенным условиям наиболее удобным для предполагаемых строительных работ был участок от пригорода Алексеевска до р. Сок, а также местности для сооружения редута у р. Падовки и крепости у Красного Яра. Еще одна крепость на правом берегу Сока, чуть выше устья р. Кондурчи, должна была строиться в не слишком благоприятном районе — «земля не весьма хороша», но лучшего места для ее сооружения поблизости не имелось.

При составлении проекта инженеры пользовались не только собственными съемками местности и наблюдениями, но

и показаниями местного населения пригородов Сергиевска и Алексеевки, сельских жителей². Руководитель экспедиции Ф.В. Наумов, не зная, как обойти башкирские владения на участке от пригорода Сергиевска к р. Ик, приложил к своему донесению и «ланткарте» предложения И. Оболдуева и других офицеров.

26 июля в Сенате было заслушано «доношение» Наумова «...о местах к строению линии и крепостей и смотря тем местам чертежи...». На следующий день сенаторы приняли указ «О построении крепостей по Закамской линии и о средствах к приведению сих работ в окончание». В соответствии с ним велено было осмотреть и описать те места, которые были показаны в чертежах и «во мнении обретающихся с ними штаб и обер-офицеров написано и в чертеже показано, не захватывая башкирские владения, следуя данной инструкции и посланных указов». В указе особо оговаривалась специфика строительства черты от Заинска до Мензелинска: «От пригородка Заинска вверх по реке Зай имеются жилые места, а башкирские ль или казанские, о том в ланткарте, имеющейся в Сенате, не объявлено, и буде казанские, то осмотреть особливо, мочно ль привести линию к верховью реки Зай и оттуда на вершины реки Мензелы, чтоб жилые места, остались в закрытии линией и крепостями, и тот осмотр и опись и чертежи прислать и что впредь к лучшему в том деле усмотрят, о том о всем писать им в Сенат с представлением мнения». Работы по сооружению Закамской линии, по мнению Военной коллегии и Сената, должны были начаться в конце лета — начале осени 1731 г., но окончательный вариант строительства так и не был утвержден. Судя по содержанию указа, основная опасность защищаемому линией району грозила от «подбегов калмыцких и каракалпакских и киргизских».

Таким образом, первоначальный, схематичный проект оборонительной линии, хотя и с разночтениями, в конце июля 1731 г. был принят и утвержден. И в центре, и в Заволжье все хорошо понимали, что этот вариант предварительный, его необходимо дорабатывать, дополнять и уточнять.

Рассмотрение в Сенате и, видимо, замечания, высказанные в адрес генерал-фельдцейхмейстера Миниха, заставили его более серьезно заняться делами Закамской экспедиции. С 26 июля по 2 сентября он трижды требовал от Наумова и Бибикова рапортов о ходе дел в Заволжье³.

Экспедиционные и рекогносцировочные работы продолжались и позднее — в июле — октябре 1731 г. В течение этого времени в центр посылались «доношения», «эстракты»,

карты и другие документы, содержащие информацию о ходе работ⁴. В них в первую очередь сообщались результаты обследования участка от Сергиевска к р. Ик⁵.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют сделать вывод, что в центральных учреждениях и у руководства экспедиции возникли существенные разногласия по вопросу о маршруте прохождения линии и обустройстве ее отдельных частей. Прежде всего речь шла об участках по р. Сок от Красного Яра до Сергиевска и далее от Сергиевска к р. Ик, но они-то и составляли большую часть протяженности будущей оборонительной черты. На первом из них Наумов и его сотрудники предлагали ограничиться строительством единичных укрепленных пунктов по правому берегу Сока, т. е. использовать акваторию реки как естественный оборонительный рубеж. В Военной коллегии и Сенате выдвинули другой вариант, а именно: отодвинуть линию (речь шла о непрерывной системе укреплений) от Сока к «горам». Кроме того, в присланном из Сената от 2 октября 1731 г. указе предлагалось вести черту «прямо» от Сергиевска к р. Ик, не затрагивая Тарханский лес. С этой целью было велено вновь осмотреть местность от Сергиевска до р. Ик и скорректировать маршрут линии. В пакет документов, сопровождавших указ, входила и ландкарта, изготовленная в центре, с указанием направления движения разведочного отряда⁶.

Все рекомендации из центра вызвали справедливые возражения у руководства экспедиции. Наумов и его помощник полковник Оболдуев вынуждены были защищать перед Сенатом свою позицию. В донесении от 22 октября они доказывали, что строить непрерывную систему укреплений за Соком к «горам» — занятие чрезвычайно трудоемкое и совершенно лишнее. По их мнению, проект этой части линии был практически готов и нуждался лишь в незначительной доработке. По поводу второго участка аргументация тайного советника и полковника также выглядела вполне убедительно. Сообщалось, что всю местность от Сергиевска до р. Зай и далее они осмотрели лично. Для проезда же через исконно башкирские владения были посланы подполковник Змеев с «инженер-офицером», которые обследовали территории, прибегнув к небольшой хитрости. Чтобы не потревожить башкирское население, они выдали себя за скупщиков лошадей. Все эти рекогносцировочные работы, как писалось в донесении, подтвердили правильность направления, выбранного инженерами экспедиции. По их мнению, линия лишь краем затронула бы уголья башкир, ее строительство весьма экономично, так как значительную часть мар-

шрута можно было пройти по лесам с помощью засек, устройство которых обходится значительно дешевле, чем линейная работа. Район, где она должна будет строиться, более безопасен и удобен для размещения военных поселений. Следует отметить, что все эти аргументы выглядят достаточно весомо и еще раз доказывают правоту руководства экспедиции⁷.

Таким образом, можно говорить о двух разных подходах к созданию новой оборонительной системы, сложившихся в центре и на месте — в Заволжье.

Итогом экспедиционных работ на местности стала еще одна «сочиненная ландкарта от города Самары до пригорода Мензелинска и до реки Ику 1731 году», подписанная руководителем всех инженерных работ Бибиковым. Она сохранилась в архивной коллекции Российского государственного военно-исторического архива в трех вариантах. На карте повторен участок прохождения линии от Самары до Сергиевска. В этом она весьма близка к «ландкарте», посланной в Москву в конце июня 1731 г. Главным во всех вариантах «ландкарты» являлось то, что они предлагали аргументированные обоснования продолжения линии от Сергиевска через «башкирские владения». Новая черта должна была защитить на участке от Алексеевска до р. Кичуй и Зай сравнительно слабо заселенную, но все-таки уже освоенную территорию, а от Шешмы до Ика — густо населенные башкирами районы.

Отметим одну характерную черту ландкарты. На ней нанесены альтернативные элементы проекта и те, которые предлагались как единственно возможные. К альтернативным относятся: «место у Кондурчинского редута для строения крепости, ежели не повелено будет строить линию», а также варианты устройства засеки или замены ее рвом и валом. Эти участки выделялись другим цветом. В районах, где проходила старая Закамская черта, составители проекта оставили на усмотрение вышестоящих учреждений вопрос об использовании ее уже достаточно одряхлевших укреплений или о строительстве новых. Но все-таки места устройства большинства оборонительных пунктов: крепостей, редутов — были предложены как безальтернативные. В районе башкирских поселений (примерно от р. Шешмы до Ика) проектировщики разработали хотя и довольно разряженную, но четко обозначенную систему строительства новых крепостей и редутов. И наконец, если между пригородом Алексеевском и Сергиевском были обозначены только крепости и редуты, то от пригорода Сергиевска до Мензелинска на ландкарте разноцветными линиями указаны различные варианты прохождения оборонительной черты.

Таким образом, и этот проект строительства новой укрепленной линии был достаточно приблизительным. Руководители работ, придерживаясь духа и основных положений полученных из столицы документов, могли на месте вносить весьма значительные поправки в первоначальный план, который к тому же должен был корректироваться в соответствии с присылаемыми из Заволжья новыми данными, описаниями и т. д.

Создается впечатление, что разработчики идеи создания новой линии смогли неплохо ее продумать. Здравой следует назвать мысль о том, что при создании линии необходимо опираться на уже существующие базовые пункты, пригороды — Алексеевск, Сергиевск, Мензелинск. Это значительно облегчало проведение строительных работ, повышало их безопасность. Однако ряд положений проекта нам кажется весьма странным. По идее, Новая Закамская линия должна была защитить территорию, расположенную между Волгой и р. Ик, и, начинаясь от Волги у устья Самары, идти на соединение со старой Закамской чертой. Неясно, почему достаточно протяженный участок от г. Самары до пригорода Алексеевска во всех проектах считается лежащим вне укрепленной линии. Объяснить это довольно трудно, тем более что в строившуюся позднее Самарскую (Оренбургскую) линию самарско-алексеевский участок вошел. Скорее всего, несколько десятков километров между г. Самарой и Алексеевском были настолько хорошо защищены правым возвышенным берегом р. Самары, постоянными караулами и заставами, что строить там какие-либо дополнительные укрепления не имело смысла. Новая оборонительная система планировалась именно как линия с непрерывной системой укреплений. Весьма приблизительно выглядит также участок между р. Кичуй и Ик. Здесь проектировщики так и не смогли решить окончательно, вести ли им новую черту, используя реставрированные укрепления старой, или продолжать строительство несколько южнее и только у Мензелинска соединиться со старой Закамской линией. Таким образом, и юго-западный, и северо-восточный фланги новой линии выглядят не совсем проработанными.

В прилагаемом к этим вариантам «описании», которое также готовила команда Бибикина, содержались важные дополнительные сведения о качестве земли, условиях строительства укрепленных пунктов; была приведена характеристика отдельных участков проектируемой линии от пригорода Сергиевска до р. Ик⁸.

Сохранилась еще одна карта Закамской линии. Она датируется 1738 г., но, по справедливому замечанию Р. Г. Букановой⁹, является не чем иным, как копией проекта строительства

новой линии, определившегося к концу 1731 — началу 1732 г. В отличие от предшествующих карт она была изготовлена в подведомственной Миниху Канцелярии главной артиллерии и фортификации. На ландкарте отражена точка зрения, сложившаяся в центре, о том, как должна проходить линия. «Закамскую линию вести по силе ея императорского указа государственной Военной коллегии», — так начинается текст описания к чертежу. Показано несколько вариантов размещения оборонительных сооружений¹⁰. План содержит много неопределенности, разные варианты, но на нем уже выражено мнение, что от р. Кичуй далее к Ику линию строить пока не нужно. В то же время пока не намечена очередность строительства других участков, несмотря на то, что в указах об этом уже говорилось.

Текст примечаний к карте означал не что иное, как краткие сведения о первоначальном плане сооружения Закамской линии. Она должна была состоять из 5—6 участков:

1) от Алексеевской крепости до р. Падовки. На этом участке возможен был вариант прохождения линии до верховий р. Падовки, а оттуда к Соку на устье Кондурчи;

2) от р. Падовки до Красного Яра;

3) от Красного Яра по р. Сок, «на которой стороне положение места выше и впротчем способнее будет», до Сергиевска. На карте место крепости при устье Кондурчи однозначно показано на левой возвышенной стороне Сока, как и дальнейшее прохождение линии к Сергиевску по той же «степной стороне»;

4) от Сергиевска через Тарханский лес до Березового Стана. Линия должна была прямо, не отклоняясь к Липовскому реду, пройти к р. Кондурче и прорезать засекой Тарханский лес;

5) в этот участок должна была войти часть старой Закамской линии («не можно ль часть старой линии починить приведчи по новой профили до ц 5, потом от ц 5 до ц 6 по реке Кичукей, а ежели по старой линии ситуация весьма неспособна, то вести линею от ц 4 даже до ц 6 попрямея...»). Следовательно, расположение последнего участка линии зависело от ряда факторов («состояния вод, земли, дерну и поселения») и исполнителями работ могло варьироваться;

6) между р. Кичуй и Ик до Мензелинска было предложено три варианта строительства линии. Но этот участок «...по указу Военной же коллегии делать до указа не велено», хотя при этом специально оговаривалось, что местность здесь необходимо «...с прилежностью обыскать и осмотреть, которым де местом наилучче линею вести». За все время строительства

Новой Закамской линии указа так и не появилось, местность не была всерьез обследована. Поэтому мы не будем специально останавливаться на данной части проекта.

Ознакомившись со всеми вариантами, можно сделать вывод о том, что к концу 1731 г. схематичный проект новой линии был в самых общих положениях подготовлен, рассмотрен в Канцелярии главной артиллерии и фортификации и Военной коллегии, представлен в Сенат и Кабинет министров и утвержден ими. По отношению к участку между г. Самарой и устьем Большого Кинеля в центре согласились с предложением руководства экспедиции и решили обойтись только разъездами. На участке между устьем Кондурчи и пригородом Сергиевска Военная коллегия отказалась от своего (или сенатского) первоначального плана устройства непрерывной системы укреплений по правому берегу Сока к «горам» и от более дешевого экспедиционного варианта создания единичных оборонительных пунктов также на правой стороне под защитой речной акватории, а предложила свой, весьма неудачный. В качестве рубежа был избран высокий степной берег реки, где необходимо было возводить непрерывную систему валов, рвов и других оборонительных сооружений. Зато на участке от Сергиевска через Тарханский лес были приняты аргументы Наумова и его сотрудников.

К осени 1731 г. появился еще один проект строительства Новой Закамской линии. В сенатских делах сохранилась «про- мемория» генерал-лейтенанта В.П. Шереметева. Умудренный опытом пожилой человек, он хорошо знал местность, где должна была строиться линия, и вполне убедительно доказывал, что защитить Закамье можно более простым и дешевым способом. По его мнению, если уж правительство желает укрепить границы в Заволжье, то необходимо только несколько усилить уже существующую систему оборонительных сооружений, не соединяя ее рвами, валами и засеками в единую непрерывную линию. Суть предложений Шереметева сводилась к следующему:

- участок от Волги до Сока может эффективно контролироваться самарскими и алексеевскими служилыми людьми, никаких дополнительных укреплений здесь не нужно;
- по р. Сок от Волги до пригорода Сергиевска к уже имеющимся редутам следует добавить ряд новых, между ними устроить маяки и пустить разъезды. Броды через Сок прикрыть «поенными окованными рогатками»;
- от Сергиевска на участке через Кондурчу до Черемшана и Новошешминска построить редуты, между ними поста-

вить маяки и пустить разъезды. Территорию эту должны охранять регулярные драгунские полки, в помощь которым летом следует направлять пригородных солдат;

— сохранить пригородки по старой Закамской черте и укрепить их.

Шереметев совершенно резонно считал, что местный противник не способен взять крепость, он не может осуществлять планомерную осаду, поэтому дорогостоящее строительство совершенно не нужно: оно разорит и крестьян, направленных на строительство, и переводимых на новую линию пригородных жителей. Полки ландмилиции, по его мнению, небоеспособны, и башкиры их не боятся. Необходимо создать особые полки из регулярных, хорошо обученных частей. Солдаты должны зимовать в крайних от степи поселениях, т.е. в зоне «Черемшанских форпостов», и только в летнее время выдвигаться к границе. Служилых людей закамских пригородов, Самары и Алексеевска нужно было поставить под единое командование. И, наконец, самое главное состояло в том, что наиболее опасным противником, по мнению Шереметева, являлись башкиры. Они обычно враждовали с калмыками и каракалпаками и тем самым защищали край от нападений последних. Строительство линии могло их беспокоить, а в случае начала башкирского восстания никакая ландмилиция не могла помочь¹¹.

Шереметев в целом оказался прав, и события башкирского восстания 1735—1736 гг. доказали это. Но в его рассуждениях был один изъян: генерал-лейтенант предложил план, не способствовавший дальнейшему заселению края, продвижению в лесостепь, созданию нового земледельческого района. Практически должно было сохраниться прежнее положение, когда постоянные сельские поселения не выдвигались южнее Большого Черемшана. Но, собственно говоря, и проект экспедиции Наумова при его осуществлении не мог коренным образом изменить обстановку в Заволжье. Осенью 1731 г. предложения Шереметева рассматривались в Сенате¹², но так и не были приняты.

Споры о необходимости строительства непрерывной линии, видимо, утасли к концу 1731 г. В Санкт-Петербурге и Москве, вероятно, осознали ситуацию, которая сложилась в Заволжье, ознакомились с описаниями, чертежами и всеми проектами и пришли к определенному — «усредненному» мнению. В начале декабря 1731 г. по указанию сенаторов оберсекретарь Сената Иван Кирилов показал Миниху «ланткарту» и ознакомил его с мнением Наумова. Генерал-фельдцейхмейстер вынес вполне благоприятное решение в отношении новой черты: «...ту линию и крепости для показанных во

мнении Наумова резонов лутче строить в тех местах как зачата по прежнему плану токмо б сообщить к нему генералу фелтцейхмейстеру план и профиль крепостей и линии для усмотрения по надлежащему ль оныя сочинен»¹³. Какой проект одобрил Миних, неясно. Но, по всей видимости, именно он вычерчен на «ланткарте» 1738 г. как итог компромисса между центром и экспедицией. Однако дело о маршруте новой линии было не завершено, и зимой 1732 г., во время приезда Наумова и Давыдова с отчетами и картами в Москву и Санкт-Петербург, должно было последовать продолжение спора.

Примечания

¹ РГВИА, ф. 349, оп. 45, д. 2080.

² РГАДА, ф. 248, оп. 8, д. 478, л. 123–126.

³ АВИМАИВНС, ф. 2, оп. ШГФ, д. 82, л. 277, 284, 316 об.

⁴ РГАДА, ф. 248, оп. 8, д. 478, л. 238–239.

⁵ Там же, д. 478, л. 202.

⁶ См.: **Шереметев П. С.** Владимир Петрович Шереметев. 1688–1737. М., 1914. Т. 2. Прил. ц 10. С. 50–51.

⁷ Там же. С. 51–52.

⁸ РГАДА, ф. 248, оп. 8, д. 478, л. 202–203 об.

⁹ См.: **Буканова Р. Г.** Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. Уфа, 1997. С. 90.

¹⁰ РГВИА, ф. 349, оп. 45, д. 2289.

¹¹ РГАДА, ф. 248, оп. 8, д. 478, л. 234–236 об.

¹² См.: **Шереметев П. С.** Указ. соч. Прил. ц 21, л. 47.

¹³ РГАДА, ф. 248, оп. 8, д. 478, л. 267.

Поступила 12.04.2003 г.

УДК 323.31(470.345)

Н. Ю. Персидская

ДВОРЯНСКАЯ УСАДЬБА НА ТЕРРИТОРИИ МОРДОВИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Культуру и быт российского дворянства невозможно представить без всего, что дал ему мир дворянской усадьбы с его неповторимым укладом жизни, где переплетались наслаждение прелестью природы и хозяйственные заботы, эстетические удовольствия и интеллектуальные занятия, многолюдные празднества и тесное семейное общение.

© Н. Ю. Персидская, 2004

Возникнув еще в XVII в. как обособленные от остального комплекса селений, в XVIII в. усадьбы становятся неотъемлемой частью российской действительности. Особенно широкое распространение провинциальные усадьбы крупного, а также среднего и мелкого дворянства получили во второй половине XVIII в., после освобождения дворян от государственной службы.

Исторической подоплекой возникновения усадеб явилось дальнейшее укрепление крепостнической системы и окончательное оформление дворянства как самого привилегированного сословия. Поколение дворян середины XVIII в. перестали устраивать жилища их дедов и отцов, во многом сходные с жилищами их собственных крепостных крестьян. Новое положение дворянства, в том числе провинциального, ознаменовало собой и его стремление к новому быту. Побывав «в большом свете и насмотревшись многому большому и как сделал я уже привычку жить в домах светлых и хороших, — писал в 1762 г. по возвращении в свое имение Дворяниново А.Т. Болотов, — то показался мне тогда дом мой и малым-то, и дурным, и тюрьма тюрьмою... строение все обветшалым, слишком бедным, малым и похожим более на крестьянское, нежели на господское, и расположение всему глупым и безрассудным»¹.

Дворянская усадьба второй половины XVIII в. обычно включала в себя господский дом, помещение вотчинной администрации, дома для дворовых, хозяйственные постройки, баню, огороды, плодовые сады, усадьбы крепостных крестьян, леса, пашни, сенокосы. Во многих усадьбах находилась небольшая церковь. В хозяйственный комплекс усадеб на территории Мордовии входили, как правило, конюшенный и скотный дворы, птичник, житница (амбары и сарай), погреба (теплый и ледник), пасека, мельница и т. п. Помимо всего упомянутого в богатой усадьбе дворянина-предпринимателя могли находиться завод или фабрика.

Господские дома и ограды вокруг усадеб на территории Мордовии в рассматриваемый период в основном были деревянными. Каменными строениями могли похвастать лишь единицы. Принадлежали такие дома богатым крупнопоместным дворянам, чье пребывание на рассматриваемой территории носило более или менее постоянный характер. Те представители крупной дворянской знати, которые имели большую часть земли и крепостных в других районах Российского государства, предпочитали обзаводиться более дешевыми, деревянными жилищами. Несмотря на огромное графское состояние, таков, например, был дом Воронцовых в с. Исса (Спасское) Писарского уезда². Небогатым помещикам иметь

каменные строения не позволял достаток. Согласно Камеральным экономическим примечаниям, в Саранском и Писарском уездах каменных домов имелось лишь четыре: два в Писарском (в с. Богородском (Инсар) — принадлежавший Бахметьевым, и в с. Архангельском (Рузаевка) — принадлежавший Струйским), два в Саранском (в с. Богословском (Макаровка), хозяин — А. И. Полянский, в с. Веденском (Уды), хозяин — Нестеров)³. Дом Полянского, помимо прочего, с одной стороны был обнесен каменной оградой с башнями. Еще один дом в Саранском уезде в с. Архангельском (Саморуково) был деревянный с каменным фундаментом⁴.

Внешний облик господского дома был таков. «С архитектурной утонченности нынешних вообще построек, при новых понятиях о домашнем комфорте, — писал М. Д. Бутурлин, — исчезли повсюду эти неказистые дедовские помещичьи домики, все почти серо-пепельного цвета, тесовая обшивка и тесовые крыши коих никогда не красились... В более замысловатых деревенских постройках приклеивались, так сказать к этому серому фону стен четыре колонны с фронтонным треугольником над ним. Колонны были у более зажиточных оштукатуренные и вымазанные известью так же, как и их капители; у менее достаточных помещиков, колонны были из тощих сосновых бревен без всяких капителей»⁵.

Неотъемлемым и существенным элементом каждой усадьбы являлся и сад, бывший предмет особой гордости владельца. Помимо того, что в нем произрастали плодовые деревья и кустарники, он служил местом для отдыха и прогулок. В рассматриваемый период были известны сады двух видов: регулярные (с симметричной и упорядоченной планировкой) и иррегулярные (для которых было характерно оригинальное сочетание архитектуры с окружающим пейзажем). По данным Камеральных экономических примечаний, на территории Мордовии получили распространение сады обоих видов: фруктовые, или «плодовитые», как говорили в XVIII в., сады, а также огороды имелись почти в каждой помещичьей усадьбе. В идеале такой сад мог приносить немалый доход своему владельцу. В одном из наказов приказчику конца 1760-х гг. четко определена доходность хорошего сада: «всем известно, что иногда такой же доход получается с них, как с целой хорошей деревни»⁶. Однако дворянское садоводство на территории Мордовии большей частью носило натуральный характер. Как свидетельствуют документы, заводились сады, как правило, «для господского обихода»⁷, т. е. их продукция использовалась в основном для собственного потребления.

Вышеупомянутые источники дают представление о том, какие культуры разводились в садах. Наиболее распространенными были яблоня, вишня, черная и красная смородина, барбарис. Несколько реже встречались малина, крыжовник и груша⁸. Иногда помещики практиковали разведение экзотических деревьев, используя парники, теплицы и оранжереи. Л. В. Милов пишет: «Самым распространенным плодом и в крупных оранжереях знати, и в скромных теплицах среднего дворянства и богатых горожан был лимон»⁹. Например, в 1794 г. от секунд-майора Петра Никифорова, жившего в Темниковском уезде, бежал его дворовый человек Федор Цветков, «убоясь за познание четырех апельсиновых и лимонных деревьев побой...»¹⁰.

Внутреннее убранство провинциальных барских домов отличалось определенным однообразием. Большое распространение получила отделка стен бумажными обоями, или обоями, представлявшими собой разрисованную холстину. Например, в вышеупомянутом доме Воронцовых, состоявшем из четырех комнат, были «в одной комнате бумажные обои, во второй обои бумажные из ковровых рисунков»¹¹. Отапливался дом при помощи кирпичных печей, которые делались либо изразцовыми, либо оштукатуренными и побеленными. Например, в господском доме Михаила Головкина в с. Большие Березники в двух комнатах были «печи изразцовые зеленые, в третьей кирпичная белая»¹².

Обстановку дополняли различная, обычно незамысловатая, мебель, складные столы для игр, люстры и картины. Дом Воронцовых в с. Исса был обставлен следующей мебелью: 2 шкафа со стеклянными дверцами, 6 карточных столов, 9 стульев с подушками из черной кожи, шерстяной ковровой материи и холста, расписанного цветами, дубовое канапе, обитое шерстяной ковровой материей¹³. В описании господского имущества, относящегося к более позднему периоду, набор мебели шире: «комод, оклеенный черным дубом, с четырьмя ящиками, шкаф для разной посуды, у коего двери створчатые со стеклами, шкаф липовый без стекол для письменных дел, два ломберных стола, оклеенных ильмом и черным дубом, а в середине зеленым сукном, столик четырехугольный с ящиком два столовых липовых стола, две канапее дубовых, у коих места обиты ковровою материю, два обитых черной и красной кожею кресла, так же обитых три стула, с черными кожаными подушками семь стульев, три липовые кровати, судно новое, у коего место обито зеленым сукном»¹⁴. Примечательно, что мебель была сделана собственными крепостными столярами, а ковровая обивка изготовлена на местной вотчинной ковровой фабрике.

Нередко в барском доме можно было встретить иконы. Например, у мелкого саранского помещика Абрама Худякова были «образ Спасителя без оклада, образ Николая Чудотворца без оклада, образ Казанской богородицы без оклада...»¹⁵.

Таким образом, дворянская усадьба, в том числе на территории Мордовии, как в миниатюре, отразила в себе всю сложность и многогранность непростого, богатого новациями и разностороннего в историко-культурном отношении XVIII столетия.

Примечания

¹ Болотов А. Т. Записки Андрея Тимофеевича Болотова, 1737—1796: В 2 т. Тула, 1988. Т. 1. С. 404.

² РГАДА, ф. 1261, оп. 7, д. 303, л. 485—486.

³ РГВИА, ф. ВУА, отд. 5, д. 19023, л. 106—153, 158—207.

⁴ Там же.

⁵ Цит. по: Очерки русской культуры XVIII в. М., 1990. С. 238.

⁶ Наказ управителю или приказчику, каким образом ему править деревнями в небытность своего господина // Тр. ВЭО. 1770. Ч. 16. С. 163.

⁷ РГВИА, ф. ВУА, отд. 5, д. 19023, л. 106—153, 158—207.

⁸ Там же.

⁹ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 292.

¹⁰ ИТУАК. Тамбов, 1890. Вып. 27. С. 153.

¹¹ РГАДА, ф. 1261, оп. 7, д. 303, л. 485—486.

¹² Там же, ф. 569, оп. 1, д. 76, л. 39—40.

¹³ Там же, ф. 1261, оп. 7, д. 303, л. 485—486.

¹⁴ Там же, оп. 2, д. 286, л. 15—15 об.

¹⁵ Там же, ф. 569, оп. 1, д. 267, л. 1—2 об.

Поступила 20.05.2003 г.

УДК 323.325:355.426(1773/1775)(470.345)

С. Г. Балаев

КРЕСТЬЯНСТВО В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ 1773—1775 гг. НА ТЕРРИТОРИИ МОРДОВСКОГО КРАЯ: ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Грандиозное крестьянское восстание, вспыхнувшее на востоке Европы, не могло не найти отражения в зарубежной литературе 70-х гг. XVIII в. По разным соображениям и с различными целями им заинтересовались иностранные послы

© С. Г. Балаев, 2004

в Санкт-Петербурге, корреспонденты многочисленных газет, «властители дум» (Вольтер, Дидро и др.), памфлетисты и историки, драматурги и художники. Тем не менее Екатерина II и ее окружение делали все от них зависящее для того, чтобы ослабить впечатление, произведенное за границей восстанием Е. И. Пугачева, и «представить его как обычное разбойное казацкое движение и не больше»¹. Оценка, даваемая иностранцами самому восстанию и его участникам, самая разнообразная. У одних авторов пугачевцы — бедные, доверчивые люди, обманутые своим предводителем. Другим они кажутся настоящими исчадиями ада, кровожадными разбойниками, профессиональными убийцами, алчными и честолюбивыми.

Иностранцев резидентов в Петербурге и зарубежную печать интересовали манифесты Пугачева, но правительство тщательно следило за тем, чтобы ни один из них не попал к ним в руки. Австрийский посол князь Лобковиц (Lobkowitz) писал канцлеру Кауницу о том, что в распоряжении правительства в Петербурге есть пугачевские манифесты. «Постараюсь изо всех сил снять копию, но вряд ли это удастся»².

Наиболее тщательно собирал сведения о Пугачеве, пытался осмыслить характер движения и дать верную информацию Лондону английский посол Р. Гуннинг. В письмах графу Суффолку он говорил о роли раскола и раскольников в выступлении Пугачева. По его мнению, восстание было вызвано тем, что народ угнетен и имеет справедливые основания к жалобам³. «Недовольство крестьянства почти повсеместно... низшие классы, начиная от стен самой столицы, называют Пугачева не иначе, как Петром III»⁴. Особенно выделяет Гуннинг правобережье Волги, и в частности Пензенский край, который он именует не иначе, как «мятежный край»⁵.

К большому сожалению, события и характер гражданской войны 1773—1775 гг. на территории мордовского края в зарубежной литературе очень слабо освещены. Современников-иностранцев, кем бы они ни были, в первую очередь интересовала личность самого Пугачева. Из всех иностранных сочинений труд А. Ф. Бюшнига, который он опубликовал в книге Ж. Ш. Лаво, является наиболее ценным источником, опирающимся на материал члена Академии наук Российской империи Г. Ф. Миллера⁶.

Неизвестным иностранным путешественником, который провел в России восемь лет, зафиксировано, с какой целью наблюдал очевидец за событиями, развернувшимися в Нижегородской губернии летом 1774 г.⁷ Он неплохо разобрался в

причинах гражданской войны. Усматривая их в жестокости помещиков и бесправии крестьян, он сообщает ряд важных сведений о восстании в Среднем Поволжье, о пугачевских манифестах, делает интересные замечания о русском крестьянстве вообще.

В конце XIX — начале XX в. интерес к Пугачевскому восстанию замирает, и эта тема в произведениях зарубежных исследователей почти сходит на нет. Подводя итог рассмотрению иностранной литературы XVIII — начала XX в. о гражданской войне 1773—1775 гг., следует признать, что число произведений, представляющих научный интерес, к сожалению, не так велико. Большая их часть историю гражданской войны искажают. Причинами этого являются: плохая осведомленность авторов о России (тем более о мордовском крае, его населении), о социальных страдах, предвзятость, антирусская направленность исследователей, стремление к сенсации. На наш взгляд, пользоваться сочинениями зарубежных авторов надо с немалой осторожностью и осмотрительностью.

Интерес зарубежной историографии к антифеодальным восстаниям XVII—XVIII в. в России возобновляется в середине XX в.

Характерной является «Краткая история России» Р. Чарка. Само выступление крестьянства под предводительством Пугачева Чарк представляет как чудовищное преступление, вспышку гнева невероятных размеров. Целями восстания, по Чарку, являются разгром промышленности Урала и уничтожение «владельцев крепостных крестьян», т. е. помещиков, в процессе кровавой «жакерии»⁸.

Практически все западные исследователи (Каппелер, Филд, Фишер, Флинн, Петерс и др.) указывают на активное участие крестьянства Среднего Поволжья в гражданской войне 1773—1775 гг.⁹ Подобные утверждения, напротив, оспаривают положения их некоторых коллег (Р. Форстера и Дж. Грина) о «пограничном», «периферийном» характере восстания и подтверждают мысли отечественных ученых об общероссийском значении гражданской войны.

Значительное внимание западные историки уделяли поискам причин широкого участия крестьянства мордвы, марийцев, чувашей и других народов Среднего Поволжья в гражданской войне. При этом они останавливались в первую очередь на мотивах национального и религиозного порядка. Кроме того, зарубежные исследователи дали сравнительно-историческую оценку гражданских войн XVII—XVIII вв. в России, обзоры и рецензии на труды советских ученых по этой

теме. Р. Форстер и Дж. Грин попытались осуществить широкое сопоставление последней Крестьянской войны в России с социальными движениями в западноевропейских государствах в XVII—XVIII вв.¹⁰ Сама мысль провести подобное исследование нам представляется заслуживающей внимания, ибо оно может помочь раскрыть общую закономерность и специфику социальных движений в период позднего феодализма в различных странах. С лета 1774 г., считают Р. Форстер и Дж. Грин, «пугачевское восстание стало действительно всеобщим крестьянским движением»¹¹. Однако «Пугачев не смог вполне оценить широкое восстание крестьянства на правобережье Волги», в том числе в мордовском крае¹².

Германская исследовательница Д. Петерс неоднократно отмечала, что в ходе восстания мордва «побила множество священников»¹³. Ее мысли повторяют А. Каппелер и Ф. Гросс¹⁴.

Американский историк М. Раев, касаясь причин участия мордвы и других народов Среднего Поволжья в движении, отметил три фактора: во-первых, христианизация нерусского населения; во-вторых, борьба кочевников с оседлым населением; в-третьих, национальный вопрос, затрагивающий отношения между народом и центральным правительством. При этом, выделяя причины участия мордвы и других народов Среднего Поволжья в гражданской войне 1773—1775 гг., западные исследователи (в частности М. Раев) игнорировали фактор усиления феодальной эксплуатации, а порой и не замечали его¹⁵. По их мнению, не классовые противоречия, а некий антагонизм между правительством и народом сыграл решающую роль.

Различны в западной историографии оценки характера и движущих сил гражданской войны 1773—1775 гг. Американский исследователь Дж. Хэслип представляет движение как массовое выступление крестьян против паразитизма помещиков, как первую вспышку классовой войны¹⁶, а его английский коллега В. Кронин — как движение старообрядцев, цель которых — «возвратить старину: веру, обычаи, платье»¹⁷.

Тезис М. Раева о том, что Пугачевское восстание было «пограничной жакерией», в которой главную роль играли яицкие казаки и нерусские народы, разделяют другие американские исследователи, в частности Дж. Т. Александер и П. Аврич¹⁸. Они считают, что гражданская война 1773—1775 гг. в России была по сути «крупномасштабным религиозным восстанием с ограниченными возможностями стать революцией»¹⁹. Дж. Т. Александер полагает, что советские исследователи крестьянских войн переоценивают сознательность и организованность в Пугачевском восстании и что в обрисов-

ке Пугачева под пером советских историков «герой затемняет разбойника»²⁰. По сути, он солидарен с С. И. Тхоржевским, пытавшимся доказать, что движение в Среднем Поволжье было спонтанным и что Пугачев сознательно не организовывал крестьян, однодворцев и нерусские народы для возрастания движения — они восставали сами по себе²¹.

Советские исследователи, считает Дж. Т. Александер, трактуют «столкновение между русским и нерусским населением лишь в плане социальных конфликтов с царским правительством, чиновниками и старшинами отдельных народов». Тем самым советская историография замалчивает или будто бы отрицает национальные противоречия в ходе крестьянской войны, ослаблявшие силы повстанцев²². Наконец, Александер считает, что решение отправиться в южные провинции (т. е. на правобережье Волги) явилось не результатом продуманного плана, а стечением случайных обстоятельств: желания повстанцев оторваться от своих преследователей, недостатка правительственных войск в регионе, ошибок, допущенных царскими офицерами, не сумевшими разбить восставших, и т. д.²³

По мнению М. Раева, основная причина Пугачевского восстания заключалась в изменении социальной структуры русского общества в XVIII в. под влиянием Петра I, «модернизовавшего государство». В результате в социальной структуре России можно наблюдать «двойной феномен»: дворяне из слуг государства превратились в привилегированных землевладельцев; крестьяне стали крепостными, почти замкнутой кастой и, как замечает М. Раев, почувствовали себя заброшенными современным государством²⁴. М. Раев считает, что некоторые категории населения (однодворцы, иностранные колонисты Поволжья и раскольники) страдали от разрыва «личных связей» с монархом, испытывали «отчуждение» (alienation) от государства, и это в конечном счете привело их в ряды восставших²⁵.

Следует отметить, что нерусские народы Среднего Поволжья (татары, мордва, чуваш и т. д.) рассматриваются в большинстве работ западных ученых в качестве одной из движущих сил гражданской войны 1773—1775 гг. При этом высказывается ряд интересных наблюдений, затрагивающих особенности движения 1773—1775 гг. П. Аврич, например, приводит данные об усилении солидарности трудящихся русского и нерусского народов в ходе войны: русские и нерусские крестьяне вместе выступали под знаменами Е. И. Пугачева, но при этом тяга к объединению трудовой части русского и нерусского народов не всегда была полностью реализована руководителями повстанцев²⁶. Наконец, П. Аврич выступил против пре-

увеличения роли раскола в Пугачевском восстании, мотивируя данный факт религиозными убеждениями последних и довольно высоким уровнем жизни некоторого числа раскольников²⁷. По мнению автора, одной из причин поражения движения Е. И. Пугачева было отсутствие у пугачевцев позитивной программы, отвечающей интересам горожан²⁸.

В зарубежной историографии довольно распространена такая точка зрения, что у государства и дворянства в России XVIII в. была область общих интересов – крепостной труд, являвшийся материальной базой их существования. Американский исследователь А. Каган обращает внимание на то, что на протяжении 50 лет реальный размер государственных налогов падал, так как государство вплоть до 80-х гг. XVIII в. не увеличивало подушной подати. Его финансовая политика была, таким образом, продворянской²⁹. С ним солидарен германский исследователь истории России XVIII в. Д. Гейер³⁰.

Американский исследователь русского происхождения Г. В. Вернадский отмечал, что в результате реформ Петра I появилось «новое крепостное право», апогеем которого было время Екатерины II. Если смысл «старого крепостного права» заключался в прикреплении к земле, то «новое» привязывало его к владельцу земли³¹.

В западной историографии поднимается и вопрос о соотношении стихийности и сознательности крестьян Среднего Поволжья в ходе гражданской войны 1773–1775 гг. Д. Петерс пишет, что наивный монархизм, свойственный крестьянству Среднего Поволжья, привел к полной несамостоятельности повстанцев. Она утверждает, что крестьяне не выступали против всего крепостного строя, а стремились лишь уничтожить плохих господ на местах³².

Зарубежные исследователи подчеркивают элемент стихийности и неорганизованности в выступлениях крестьянства Средней Волги в ходе Пугачевского восстания. Они недооценивают роль и значение манифестов и указов Пугачева в выработке идейной платформы движения, в частности Манифеста 28 июля 1774 г., освобождающего крестьян от крепостной зависимости и переводящего их в казаки³³.

Иностранцы ученые поднимали и такой важный вопрос, как причина участия нерусского населения Среднего Поволжья в гражданской войне. По мнению М. Раева, причиной, толкавшей нерусское население на вооруженное восстание, было недовольство политикой правительства, поощрявшего строительство на землях инородцев крепостей, земледельческую колонизацию оседлого русского населения, что в конечном счете

вело к потере прежних прав и привилегий нерусского крестьянства³⁴.

Среди частных проблем, поднимаемых западными учеными, следует назвать вопросы функционирования государственного аппарата на местах, в частности в мордовском крае, в ходе подавления крестьянских выступлений. Их рассматривает Дж. Т. Александер в книге «Самодержавная политика в национальном кризисе. Русское императорское правительство и пугачевское восстание 1773—1775 гг.»³⁵. Автор много места отвел рассказу о деятельности секретных комиссий в Казани, Оренбурге и Яицком городке, производящих следствие, суд и расправу над руководителями и рядовыми участниками Пугачевского восстания. Александер полагал, что гражданская война 1773—1775 гг. ускорила проведение в России административной реформы 1775 г.³⁶ Труд Александера ценен еще и потому, что автор основательнее, чем его предшественники, изучил современную «восстанию» иностранную прессу, содержащую сведения по истории этого движения и отклики на него в разных слоях общества Европы и Северной Америки³⁷. Но при всем при этом, на наш взгляд, Дж. Т. Александер пытается возродить концепцию Н. Ф. Дубровина (1837—1904), изложенную им в работе «Пугачев и его сообщники. Эпизод царствования Екатерины II»³⁸.

В заключение необходимо указать, что в зарубежной историографии отсутствуют работы, которые специально посвящены событиям гражданской войны 1773—1775 гг. в мордовском крае и участию в ней различных социальных групп. Однако сюжеты, затрагивающие эти вопросы, в исследованиях имеются. Они служат как бы иллюстрацией основных положений, их фактологическим подтверждением.

Вместе с тем работы зарубежных исследователей по истории гражданской войны 1773—1775 гг. в России содержат интересные наблюдения. К их числу следует отнести: попытку дать сравнительно-историческую оценку этого выступления в ряду других антифеодальных движений в России и Западной Европы, высказывания относительно социального состава участников войны.

Примечания

¹ Мавродин В. В. Крестьянская война в 1773—1775 гг. Восстание Пугачева. Л., 1951. Т. 1. С. 262.

² Сб. РИО. Т. 125. С. 296.

³ См.: Мавродин В. В. Указ. соч. С. 263.

⁴ Там же. С. 264.

- ⁵ Сб. РИО. Т. 19. С. 385.
- ⁶ См.: **Byschnig A. F.** Zuverldssige Nachrichten von der Aufzueher Jemelian Pugatschew, und der von demselben angestifteten Empirung. Leipzig, 1807.
- ⁷ См.: Bemerkunden ueber Geschichte Pugatschews, waehrend eines achtjaertigen Aufenthalts gesammelt von einem Augenzeugen. Prag; Leipzig, 1792.
- ⁸ См.: **Charques R.** A short History of Russia. L., 1956. P. 110—112.
- ⁹ См.: **Каппелер А.** История народов Среднего Поволжья с X по вторую половину XIX в. в советской науке // Ежегодник истории Восточной Европы. Мюнхен, 1978; **Idem.** Russland erste Nationalitaetden: der Zarenreich und die Vuelker Mittleren Wolga vom 16 bis 19 Jh. Kцln-Buehlau, 1982; **Field D.** The End of serfdom. Nobility and Bureancracy in Russia, 1855—1861. Harvard, 1976; **Fisher D.** Russian Liberalism. N.Y., 1958; **Flynn J. T.** Magnitskii's Purge of Kazan University: A Case Study in the Uses of Reaction in Nineteenth — Century Russia // Journal of Modern History. 1971. Nr 43; **Peters D.** Politische und gesellschaftliche Vorstellungen in der Aufstands bewegung unter Pugachev (1773—1775). Wiesbaden, 1973.
- ¹⁰ См.: **Овчинников Р. В.** Новейшая американская историография крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева / Р. В. Овчинников, С. М. Троицкий // История СССР. 1974. ц 5. С. 174.
- ¹¹ **Forster R.** Precongitions of Revolution in Early Modern Europe / R. Forster, J. Grin. Baltimore, 1970. P. 10.
- ¹² Ibid. P. 11, 14—15.
- ¹³ **Peters D.** Op. cit. S. 71, 85, 89, 129—132.
- ¹⁴ См.: **Каппелер А.** Op. cit. S. 56; **Gross F.** Seizure of Pulilical Power in a Century of Revolution. N. Y., 1958. P. 43.
- ¹⁵ См.: **Raeff M.** Pugachev's Rebellion. Baltimore, 1970. P. 181—183.
- ¹⁶ См.: **Филатов Л. Г.** Мифы и реальность / Л. Г. Филатов, В. А. Юрченков. Саранск, 1989. С. 105.
- ¹⁷ **Cronin V.** Catherine The Great A Biography. N.Y., 1977. P. 178.
- ¹⁸ См.: **Raeff M.** Pugachev's Rebellion. P. 181; **Alexander J. T.** Autocratic Politics' in National Crisis. The Imperial Russian Government ans Pugachev's Revolt (1773—1775). Blomington, 1969; **Avrich P.** Russian Rebels. 1600—1800. N.Y., 1970.
- ¹⁹ Цит. по: **Овчинников Р. В.** Указ. соч. С. 175.
- ²⁰ Там же. С. 188.
- ²¹ См.: **Тхоржевский С. И.** Пугачевщина в помещицъей России. Восстание на правой стороне Волги в июле—октябре 1774 г. М., 1930. С. 128.
- ²² См.: **Alexander J. T.** Recent Soviet Historiography on the Pugachev Revolt: Review Article. Bloomington, 1970. P. 613.
- ²³ Ibid. P. 615.
- ²⁴ См.: **Raeff M.** Origins of the Russian Intelligentsia. The Eighteenth — Century Nobility. N.Y., 1966. P. 175.
- ²⁵ Ibid. P. 176.
- ²⁶ См.: **Avrich P.** Op. cit. P. 181.
- ²⁷ Ibid. P. 248—249.
- ²⁸ Ibid. P. 247, 252.

²⁹ См.: **Kahan A.** The Cost of «Westernisation» in Russia: the Gentry and the Economy in the Eighteenth Century // Slavic Review. 1966. March. Vol. 20. N 1. P. 63.

³⁰ См.: **Geyer D.** Staatsausbau und Sozialverfassung Probleme des russischen Absolutismus am Ende des 18. Jahrhunderts // Cahiers` du monde Russe et sovietique. 1966. Vol. 7. N 3. S. 366–377.

³¹ См.: **Vernadsky G. V.** Serfdom in Russia. N.Y., 1963. P. 263.

³² См.: **Peters D.** Op. cit. P. 119.

³³ См.: **Филатов Л. Г.** Указ. соч. С. 107.

³⁴ См.: **Raeff M.** Pugachev's Rebellion. P. 180.

³⁵ См.: **Alexander J. T.** Autocratic Politics in National Crisis.

³⁶ См.: **Овчинников Р. В.** Указ. соч. С. 183.

³⁷ См.: **Alexander J. T.** Western Views` of the Pugachev's Rebellion // The Slavonic and East European Review. 1970. Vol. XL, XVIII. N 113. P. 320–326.

³⁸ См.: **Дубровин Н. Ф.** Пугачев и его сообщники. Эпизод царствования Екатерины II: В 3 т. Спб., 1884.

Поступила 11.04.2003 г.

УДК 338.22:323.325(470)

В. М. Арсентьев

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО КРЕСТЬЯН В ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ КОНЦА XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Экономика дореформенной России, несмотря на традиционализм, по целому ряду параметров претерпевала довольно значительные и значимые изменения. В частности, в это время определились новые ориентиры и курсы развития и была подготовлена почва для радикальных общественно-политических и экономических преобразований 1860–70-х гг. Модернизационные процессы все более активно пробивали толщу патриархальной экономики, а рынок формировал иную макроэкономическую среду, задавая новые «правила игры» и направления деятельности на уровне отдельных хозяйственных субъектов.

В конце XVIII — первой половине XIX в. явственно усложняется экономическая структура, принимая все более интегрированный характер. В свою очередь, отдельные отрасли экономики не были однородными в функционально-содер-

© В. М. Арсентьев, 2004

жательном плане. В то же время все эти процессы не устраняли одну из характерных черт экономики дореформенной России — обособленность и самостоятельность развития отдельных ее элементов и структурных составляющих, с одной стороны, включенных в рыночный механизм, а с другой — сохраняющих хозяйственную и социокультурную самобытность. Например, промышленность России в первой половине XIX в. представляла собой уже не просто отрасль (сферу) экономики и организационно-производственную структуру, но и довольно сложный социально-экономический организм. Одними из важнейших его компонентов становились промыслово-ремесленная деятельность и промышленное производство крестьян, составлявшие основу протоиндустриальных процессов. В отличие от другого направления промышленного развития дореформенной России, ограниченного рамками крупного мануфактурного и фабричного производства, инициированного государством и непосредственно связанного с реализацией его интересов, крестьянская протоиндустрия по сути представляла собой результат так называемого естественного экономического развития, истоки которого лежат в глубинах самобытного народно-хозяйственного механизма¹. Государственная экономическая политика, уделявшая достаточно серьезное внимание крупной промышленности, особенно стратегически важным отраслям, в гораздо меньшей мере влияла на процессы протоиндустриализации деревни, которые развивались по своему «сценарию», порой не соответствовавшему законам крупного делового мира.

Аналогичная ситуация сложилась и в торговле, также являвшейся объектом экономических устремлений и средством реализации хозяйственных интересов крестьянства. Хотя во второй половине XVIII — первой половине XIX в. наблюдалось чрезвычайно активное стихийное проникновение сельского населения и в эту «заповедную» для него область, господствующие позиции здесь сохраняло купечество, интересы которого ревностно охранялись государством.

Тем не менее по мере увеличения результативности торгово-промышленной деятельности правительственные круги вынуждены были считаться с экономическими реалиями и учитывать интересы крестьян, и потому в рассматриваемый период расширялось правовое пространство предпринимательской деятельности. Впервые наиболее ярко это проявилось во второй половине XVIII в., в контексте проводимой в то время политики либерализации экономики. С 60—70-х гг. XVIII в. в правительственных кругах возникло мнение, по

которому промышленность нужно «...предоставить самой себе», а каждому «позволить работать». Причем признавалось, что в первую очередь необходимо «стараться о распространении промышленности между крестьянами»². С этого времени наблюдался заметный подъем предпринимательской активности среди низового купечества, разночинцев, крестьян, и иницирован он был отказом от системы монополий в промышленности и торговле, провозглашением принципа свободы промышленно-предпринимательской деятельности (за исключением некоторых отраслей), а также снятием ограничений с мелкотоварного производства. Манифест 17 марта 1774 г. уничтожил привилегии в налоговом обложении, предоставляемые крупным мануфактуристам. В результате они были обложены податями наравне с прочими недвижимыми имениями. Указы от 28 июня 1777 г. и 19 июня 1779 г. предоставили каждому право заводить мануфактуры и фабрики без специального на то разрешения коллегии и надзора³.

Однако реализация либеральных по содержанию законоположений была затруднена, с одной стороны, сохранением приниженного сословного статуса крестьянства, в соответствии с которым торгово-промышленная деятельность была связана с рядом трудностей и ограничений, причем большинство из них в реальной ситуации носили непреодолимый характер. С другой стороны, это обуславливалось существованием общинных норм традиционного (обычного) права. Например, на протяжении практически всего XVIII в. действовало правило, по которому при переходе крестьянина в городское гражданство необходимо было обязательное согласие крестьянского мирского общества. Особый режим был установлен для крепостных крестьян, которым требовалось получать и согласие помещика. Но даже в таком случае предприимчивый крепостной не получал желанной экономической свободы, так как не освобождался от податных обязательств перед помещиком.

Хотя торговцы и промышленники из крепостных крестьян стали неотъемлемой частью экономического мира России, а некоторые из них по масштабам операций ничем не уступали богатейшим городским купцам, положение этой группы оставалось весьма сложным. Вся экономическая деятельность преуспевающих крепостных крестьян находилась под пристальным контролем и жесткой регламентацией со стороны владельцев и вотчинной администрации, заинтересованных в получении больших денежных оброков и в силу

этого пресекавших попытки изменить свой сословный статус — перейти в разряд городских граждан. Несмотря на признание в 60-х гг. XVIII в. некоторыми представителями правящей верхушки необходимости изменения условий перехода крестьян в городские сословия, Городовое положение 1785 г. оставило их прежними⁴.

В первой половине XIX в. правительство продолжало следовать принципу дифференциации сословий в плане их экономической деятельности. Даже при покровительственном отношении к развитию предпринимательства, довольно заметном в деятельности правительства Александра I и Николая I, сохранялось осторожное отношение к признанию прав крестьянства, особенно крепостного, на предпринимательскую деятельность. Тем не менее, несмотря на такую позицию властных структур, промышленное предпринимательство и промыслово-ремесленная деятельность крестьян развивались как «автономная сила», независимо от воли и желания властей. Даже в условиях отсутствия легальных каналов и направлений (узаконенных норм) предпринимательской деятельности некоторые зажиточные крестьяне содержали обширные фабрики и заводы, прибегая для этого к обходу закона, именуя свои заводы «домашними рукоделиями». Не было чуждо крестьянам и занятие торговлей. Министр финансов Д. А. Гурьев в 1811 г. писал о широком размахе крестьянской предприимчивости: «Они занимаются всякого рода торгами во всем государстве, вступают под именем и по кредиту купцов или по доверенности дворян в частные и казенные подряды, поставки и откупа, содержат заводы и фабрики, трактиры, постоянные дворы и торговые бани, имеют речные суда и производят рукоделия и ремесла наемными людьми»⁵. Далее он высказал мнение о необходимости легализовать такого рода деятельность, и уже через год последовали первые шаги в этом направлении.

В соответствии с манифестом 11 февраля 1812 г. крестьянам было официально разрешено вести самостоятельную крупную и мелкую торговлю различными товарами, в том числе в городах. Теперь они могли не прибегать к прикритию своей деятельности именем помещика или купца⁶.

Расширяя предпринимательские возможности сельского населения, государство вместе с тем обратило внимание на торгующих крестьян как на реальный источник дополнительных доходов в казну. Война с Наполеоном вызвала огромный недостаток в средствах, и правительство приняло решение повысить налоги на предпринимателей⁷. До этого времени

крестьянская торговля практически не рассматривалась в качестве объекта налогообложения. Теперь же для получения официальных прав на осуществление торговой деятельности крестьяне должны были брать специальные свидетельства. Они подразделялись на четыре вида, отличающиеся как по предоставляемым торгово-предпринимательским возможностям, так и по стоимости. Желающие вести оптовую (внутреннюю и внешнюю) и биржевую торговлю должны были заплатить 2 500 руб. Свидетельство, разрешавшее внутреннюю оптовую торговлю, стоило 1 тыс. руб., а за право розничной торговли (как в городах, так и в уездах) крестьянин должен был заплатить 400 руб. Род и цена свидетельств соответствовали сумме объявляемого капитала: для первого рода она составляла от 50 тыс. руб., второго — от 25 тыс. руб., третьего — от 8 тыс. руб. соответственно⁸.

Несмотря на важность установленных правил, сохранялось множество недоразумений относительно торговых прав крестьян ввиду отсутствия детализации принятых законоположений, имевших предельно обобщенный характер. Кроме того, признано, что столь высокие нормы налогообложения не способствовали рекрутированию крестьян в ряды предпринимателей, и даже правительство осознавало, что столь высокая «...подать весьма для них отяготительна и с торгом большей части из них несоразмерна»⁹. Поэтому в декабре 1812 г. были приняты дополнения и пояснения к указанному документу, в которых определялись виды торгово-промышленной деятельности, не требующие взятия свидетельств. Крестьянам разрешалось свободно развозить и продавать в городах и уездах сельскохозяйственную продукцию и промысловые изделия на возах, судах и лодках, заниматься извозничеством, содержанием почтовых лошадей, речных судов, харчевен и постоялых дворов. В селах и деревнях крестьяне получали право беспрепятственно заниматься ремеслами, огородничеством и садоводством, развозкой и продажей дров, глины, различных строительных материалов и др. Кроме того, «для удобства проезжающих и удовлетворения крестьянских нужд по дорогам, в селах и деревнях разрешено крестьянам торговать в лавках и лабазах, сверх сельских и съестных припасов, некоторыми другими товарами (по особой росписи), покупая оные в городах и на ярмарках»¹⁰.

Крестьянам была также дозволена мелочная торговля в городах во время ежегодных ярмарок в нанятых для этих целей лавочках. Все вышеназванные «упражнения и промыслы» освобождались от всякого сбора или платежа и не тре-

бовали взятия свидетельств. Устанавливалась квота по стоимости продаваемых без свидетельств товаров. Если собственными изделиями они могли торговать без ограничения, то стоимость скупленных для перепродажи товаров в год не должна была превышать 2 тыс. руб. К трем прежде существовавшим видам торговых свидетельств добавлялось еще одно. Для его получения необходимо было объявить капитал в размере от 2 тыс. руб., а стоимость пошлины исчислялась в размере 2 % от объявляемой суммы. В 1821 г. сумма капитала, по которому выдавались свидетельства 4-го рода, была повышена и составила от 4 тыс. до 8 тыс. руб. Взимаемая в этом случае пошлина увеличилась до 5 % с объявляемого капитала¹¹.

Правительственные круги в начале XIX в. уже не могли не считаться с набиравшим обороты торгово-промышленным сектором деревни, во многом развивавшимся как «автономная сила», и не признать его влияние на экономическую ситуацию в стране в целом. Один из инициаторов изменения правового пространства предпринимательской деятельности крестьянства — министр внутренних дел Козодавлев — считал, что предоставление крестьянам более широких прав в занятии торгово-промышленной деятельностью будет способствовать улучшению экономического положения большинства населения: «Дарование крестьянам права учреждать и иметь фабрики и заводы, — писал он министру финансов в апреле 1817 г., — обещает впоследствии великие выгоды, ибо с одной стороны этим постановлением расширены будут пределы внутренней промышленности, а с другой — крестьянам доставлены будут средства к увеличению их доходов»¹².

В ответ министр финансов, полагая дозволить крестьянам содержать фабрики и заводы, предлагал это сделать лишь под тем условием, чтобы они брали гильдейские свидетельства¹³. Хотя Козодавлев не согласился с таким вариантом, считая необходимость ежегодно вносить установленные пошлины слишком обременительной для крестьян, Комитет министров принял в споре сторону министра финансов. В результате 28 декабря 1818 г. был принят указ «О распространении права учреждать фабрики и заводы на всех казенных, помещичьих крестьян и свободных хлебопашцев»¹⁴. Несмотря на столь либеральное название документа, его реальное содержание ограничивалось целым рядом факторов, вследствие чего не все крестьяне могли в равной степени воспользоваться расширением предпринимательских прав. Особенно неопределенным было положение крепостных крестьян-предпринимателей. Хотя формально их право на пред-

принимательскую деятельность было признано, на протяжении практически всей первой половины XIX в. сохранялось еще достаточно много вопросов по поводу содержания ими промышленных предприятий. Так, в первой официальной сводке законодательства о мануфактурах, фабриках, заводах и ремесле, вошедшей в качестве составной части в «Свод законов Российской империи» 1832 г., в перечне частных лиц, имеющих право на владение промышленным предприятием, крепостной крестьянин не упоминался. Лишь приложенная к сводке форма свидетельства для помещичьих крестьян, решивших открыть фабрику или завод, говорила о том, что российское законодательство не возбраняло промышленное предпринимательство и для крепостных крестьян, но только с разрешения помещика и при соблюдении общих правил¹⁵. Хотя в своде законов 1842 г. право владения промышленными предприятиями крепостными крестьянами было выражено более четко, это не означало расширения их прав, так как соответствующие статьи нового свода опирались на те же самые законоположения, что и аналогичные статьи свода 1832 г. Как видим, оставаясь тесно включенными в структуру помещичьего хозяйства, крепостные крестьяне не имели достаточной экономической свободы и предпринимательской самостоятельности.

Представители других категорий крестьянства (удельных, казенных, вольных хлебопашцев) для получения от министерства внутренних дел разрешения на учреждение мануфактурных заведений тоже должны были представить «особые дозволительные виды», выдаваемые их начальством¹⁶. Получить эти документы было весьма нелегко, не говоря уже о том, что окончательная выдача разрешения на устройство фабрики и завода зависела от двух ведомств: министерства внутренних дел и министерства финансов. Этим обстоятельством данная процедура еще более усложнялась, особенно если принять во внимание медлительность в движении дел.

К тому же, имея очень ограниченные возможности перейти в новое сословное состояние, предприниматели из всех категорий крестьянства попадали под пресс двойного налогообложения: продолжали платить подушную подать и все прежние повинности, к которым добавлялись налоги с объявлявшихся капиталов и пошлины за торговые свидетельства¹⁷. Для крестьян-мануфактуристов устанавливалась лишь одна льгота: на 4 года они освобождались от взноса пошлин.

В целом, несмотря на его недостатки, законоположением 28 декабря 1818 г. впервые в законодательной практике ца-

ризма было признано право всех основных категорий крестьянства того времени на фабрично-заводское предпринимательство. К тому же отсутствие действенных рычагов регламентирования торгово-промышленных занятий крестьян позволяло им часто выходить из дозволенных рамок. Это стимулировало предпринимательскую активность крестьян, рекрутирование которых в ряды буржуазии привело к ее обновлению и ослаблению принципа сословности в торгово-промышленной сфере. Проведенные П. Г. Рындзюнским расчеты (по данным окладных книг) показали, что с 1816 по 1821 г. количество купеческих промысловых свидетельств снизилось с 17 636 до 16 634, а количество крестьянских возросло с 7 711 до 9 961. И хотя возникшая в 1821—1823 гг. заминка в торговле привела к сокращению этого показателя для крестьян (как, впрочем, и для купцов), можно говорить о широком распространении промышленности и торговли в селах и об упадке многих крупных купеческих капиталов в городах, ускоренном отменой откупов и ряда монополий¹⁸.

Реализации прав широких слоев сельского населения на предпринимательскую деятельность препятствовало стремление правительственных кругов оградить интересы купцов как профессиональных организаторов торговли и промышленности, чей статус был определен системой функционального разделения труда в рамках сословно-феодалного строя, от конкуренции со стороны крестьянства, получившего доступ к городским промыслам. Достаточно высокие нормы налогообложения купечества, установленные после 1812 г.¹⁹, привели к тому, что в ряде губерний его представители посылали просьбы в министерство финансов о разрешении им заниматься промыслами на «крестьянском праве»²⁰.

В широко известном документе, вышедшем в 1823 г. из Московского купеческого общества, — «О причинах упадка торговли и купеческих капиталов в России и о средствах к поправлению оных для умножения казенных сборов» — московские купцы указывали, что разрешение на организацию крестьянином фабрик и мануфактур без платежа за промысел, уменьшая гильдейские капиталы, приносит вред крупным фабрикам и мануфактурам и препятствует улучшению русских изделий²¹. Недовольство купечества выражалось и по поводу предоставленных в 1812 г. крестьянам прав осуществления практически любого рода торговых операций при взятии соответствующих свидетельств. Правительственные круги с сочувствием отнеслись к просьбам купечества, позиции которого было призвано укрепить «Дополнительное по-

становление об устройстве гильдий и о торговле прочих сословий», принятое 14 ноября 1824 г., которое в исторической литературе принято называть гильдейской реформой министра финансов Е. Ф. Канкрин²². Закон существенно изменил российскую податную систему в промышленности и торговле, проведя более четкую дифференциацию предпринимательских прав по сословиям.

По реформе 1824 г. для крестьян, занимающихся торгово-промышленной деятельностью, были установлены ее правовые законодательные основы (правила и условия получения свидетельства на право торговли или промысла и билета на лавки, налоговые обязательства и др.), а также выделены разряды крестьян-предпринимателей, в зависимости от их состоятельности получившие различные предпринимательские права и возможности²³. В целом сам факт принятия такого рода законоположений свидетельствовал о том, что крестьяне-предприниматели превратились в серьезных конкурентов для купцов, практически на равных ведя с ними борьбу за рынок.

По гильдейской реформе 1824 г. к числу торгующих сословий вместе с купцами были отнесены мещане, посадские и крестьяне. Для последних правительство сохранило практику выдачи торговых свидетельств, род которых определял принадлежность крестьянина к тому или иному разряду (их количество возросло до шести), предоставлявшему разные права торгово-промышленной деятельности.

В области промышленного предпринимательства права крестьян — обладателей торговых свидетельств первых трех родов приравнивались к правам купечества. В соответствии с этим гильдейские и торговые свидетельства 1-го и 2-го рода давали возможность содержать любого рода фабрики и заводы, кроме винокуренных, при которых можно было без дополнительной пошлины осуществлять розничную продажу изготавливаемой продукции. Для купцов 3-й гильдии и обладателей торговых свидетельств 3-го рода приводился довольно длинный перечень предприятий различных отраслей производства (36 наименований). В отраслях, оставшихся за пределами этого списка, разрешалось иметь «небольшие домашние заведения и станы», если для этого не требовалось возведения больших зданий (строений) и применения сложных машин, а число работников не превышало 32²⁴.

Такого рода ограничения, касающиеся не столько рода производства, сколько его размеров, распространялись и на торгующих крестьян 4-го, 5-го и 6-го родов, причем промышлен-

но-предпринимательские права обладателей свидетельств этих родов было определить еще сложнее. Оговариваясь, что они не могут иметь «настоящих фабрик и заводов», министр финансов не нашел для них точного обозначения и вернулся к терминам «станы», «ремесла» и «небольшие домашние заведения», об устарелости которых сам писал в сопроводительных записках к законопроекту²⁵. Границы были установлены по количеству занятых в производстве рабочих. Крестьянам — обладателям свидетельств 4-го рода, как и мещанам, разрешалось сверх членов своей семьи использовать не более 8 наемных рабочих, или не более 16 мальчиков не старше 15 лет. В случае, если количество наемных рабочих превышало установленные нормы, их владельцы (крестьяне или мещане) должны были брать свидетельства уже 3-го рода, а если численность превышала 16 взрослых работников, необходимо было записаться в гильдию²⁶. По свидетельствам 5-го разряда крестьянам разрешалось владеть только «станами», на каждом из которых могло быть задействовано не более 3 наемных рабочих не считая членов своей семьи. Свидетельство 6-го рода давало право заниматься ремесленной деятельностью, однако содержать ремесленные мастерские крестьяне при этом не могли.

Одним из немногих преимуществ, предоставляемых по закону 1824 г. предпринимателям-промышленникам из крестьян, учреждавшим промышленные предприятия (что, впрочем, распространялось и на других лиц, не относящихся к купеческому сословию), являлось освобождение от платы за торговое свидетельство на 10 лет²⁷. Кроме того, когда законопроект был уже практически готов к принятию, Е. Ф. Канкрин внес в текст дополнение, освобождавшее от обложения крестьян, имевших «станы» для производства сукна, холста, пестряди, на которых работали непосредственно они сами²⁸.

В плане осуществления торговой и другой коммерческой деятельности гильдейская реформа устанавливала для крестьян следующие правила: свидетельство 1-го рода давало торговые права купца 1-й гильдии, но без личных льгот и привилегий, а также без права производить банковские и страховые операции; свидетельства 2-го и 3-го родов предоставляли торговые права купцов 2-й и 3-й гильдий соответственно; свидетельство 4-го рода приравнивало крестьян в правах к торгующим мещанам; свидетельство 5-го рода давало крестьянину право производить в столицах мелочную торговлю некоторыми товарами, а в уездных городах, имеющих менее 1 500 ревизских душ, содержать харчевни, корчмы и постоянные дворы;

свидетельство 6-го рода должны были брать крестьяне, занимавшиеся мелочной торговлей в городах (кроме столиц), а также заключавшие контракт на выполнение дозволенных законом подрядов²⁹.

В соответствии с гильдейской реформой крестьяне получили преимущественные права розничной торговли, а также кустарно-промышленной и мелкопромысловой деятельности в деревне, причем в своем селе они могли это делать беспошлинно. Городским же обывателям лавочная торговля за пределами города (кроме территории уезда, относящегося к данному городу), а также ярмарок запрещалась. По закону 14 ноября 1824 г. им запрещено было даже «водворяться» в селах и деревнях на постоянное жительство. Исключение составляли только содержатели фабрик, заводов, мельниц, гостиниц на больших дорогах и некоторых других заведений, ремесленные мастера отдельных специальностей (кузнецы, тележники, бондари и др.), приказчики заводладельцев, а также купцы и мещане, занимающиеся хлебопашеством на собственной или арендуемой земле. Иметь магазины и лавки они могли лишь при своих промышленных предприятиях для продажи собственных изделий³⁰. В целом предприниматели были территориально локализованы в торговой деятельности. Правда, это правило касалось не столько скупки товара, позволявшей практиковать каждому торговцу повсеместно, сколько его реализации, которая в каждом городе или селе составляла монополию его постоянных жителей.

Положение 1824 г. изменило нормы налогообложения крестьян, занимавшихся торгово-промышленным предпринимательством. Правительство, хотя законодательно и предоставило торгующим крестьянам первых трех групп торгово-промышленные права, соответствовавшие правам купцов, беря в расчет то обстоятельство, что купечество при выполнении ряда повинностей и служб находилось в менее выгодном положении, установило для крестьян более высокие пошлины за торговые свидетельства. Плата за свидетельства 1-го и 2-го родов увеличилась на 100 руб. и составила 2 600 и 1 100 руб. (для купцов 1-й и 2-й гильдий 2 200 и 880 руб. соответственно), а за свидетельство 3-го рода осталась прежней — 400 руб. (для купцов 3-й гильдии — 220 руб.) Владельцы свидетельств 4-го рода вместо 5 % с объявляемой суммы должны были платить 150 руб., а для обладателей свидетельств 5-го и 6-го родов устанавливалась плата в 40 и 25 руб. соответственно³¹ (таблица).

Таблица

Размеры обложения торгово-промышленной деятельности купечества и крестьянства в первой половине XIX в.*

Год	Гильдии купцов			Разряды крестьян					
	1-я	2-я	3-я	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й	6-й
Размеры государственного обложения купцов и промыслового крестьянства, руб. ассигнациями									
1812	2 375	950	380	2 500	1 000	400	2 % с капитала 2–8 тыс.		
1816	2 499,75	997,5	399	2 500	1 000	400	2 % с капитала 2–8 тыс.	Раз- ряда не	Раз- ряда не
1818	2 612,5	1 045	418	2 500	1 000	400	2 % с капитала 2–8 тыс.	было	было
1821	3 212,5	1 345	438	3 100	1 300	420	5 % с капитала 4–8 тыс.		
Стоимость промысловых свидетельств, руб. ассигнациями									
1824	2 200	880	220– 132	2 600	1 100	400	150	40	25
Стоимость промысловых свидетельств, руб. серебром									
1839	660	264	66– 30	660	264	66– 30	23– 12	Раз- ряда не было	Раз- ряда не было

* Таблица составлена по: **Рындзюнский П. Г.** Городское гражданство до реформенной России. М., 1958. С. 81,127,167.

Примечание. Показатели с диапазоном приведены с учетом «географического коэффициента», т. е. установленных различий в стоимости торгового свидетельства в зависимости от места его получения.

Гильдейская реформа 1824 г., устанавливая патентную систему обложения торговли и промыслов, учитывала не масштабы и результативность предпринимательской деятельности крестьян, а их положение в сословной структуре общества. Сословная принадлежность определяла налоговую политику, принципы исчисления различных повинностей. С наибольшей силой ограничения и регламентация коснулись мелких торговцев и промышленников – самой многочисленной части предпринимателей в стране. Вскоре практически всем стало ясно, что пошлины за крестьянские свидетельства оказались несоизмеримыми с реальными возможностями крестьян в торгово-промышленной деятельности, обремененными подушным окладом и разными личными повинностями. В особенно тяжелой ситуации оказались те из них, кто занимался городскими промыслами лишь для внесения оброка и для собственного скромного пропитания³². Поэтому специальные правительственные распоряжения 1825, 1826 и 1827 гг. изменили ряд важных положений этой реформы. В частности, были

отменены промысловые крестьянские свидетельства 5-го и 6-го родов, на 1/3 снижены пошлины на торговые свидетельства 4-го рода, освобождены от обложения самые мелкие торговцы-крестьяне, уравниены цены соответствующих крестьянских и купеческих свидетельств и билетов³³.

В 1826 г. при министерстве финансов был учрежден особый комитет для переработки основных положений торгового устава. Своеобразным результатом его деятельности можно считать закон от 9 ноября 1839 г., который стал как бы обобщением законодательной практики торгово-промышленного налогообложения в России первой половины XIX в. В нем были соединены все существовавшие на тот момент законоположения в данной области. С этого времени как объявляемые по гильдиям капиталы, так и стоимость торговых свидетельств исчислялись только в серебряном денежном эквиваленте. Кроме того, учитывались выгоды от торговой деятельности и размеры получаемой прибыли в различных районах страны, а в итоге устанавливался своего рода «географический коэффициент», определявший различия в сумме платимых пошлин по местностям. Так, с учетом территориальных различий за взятие годовых крестьянских свидетельств трех первых родов устанавливалась такая же цена, что и за гильдейские. При этом плата для купцов 1-й гильдии составляла 660 руб., 2-й гильдии — 264 руб. Льготы были предоставлены купцам 1-й гильдии из евреев, для которых плата была снижена до 540 руб., а также городам Енисейской и Иркутской губерний, где с купцов 1-й гильдии было решено взимать по 600 руб., а с купцов 2-й гильдии — всего лишь по 40 руб. в год. Для купцов 3-й гильдии размер платежей зависел от места их записи в гильдии: в столицах, губернских и портовых городах, а также в уездных городах Кронштадте, Одессе, Рыбинске, Козлове, Ельце и Екатеринбурге он составил 66 руб., в уездных и заштатных городах льготных губерний — 30 руб., в других городах и местечках — 43 руб., на Камчатке — 20 руб. Для крестьянских свидетельств 4-го рода тоже были установлены различия по местностям: в столицах, губернских и портовых городах — по 23 руб., в уездных и заштатных городах нельготных губерний — по 18 руб., в льготных — по 12 руб. Кроме того, купцы всех гильдий и крестьяне, торгующие по свидетельствам первых трех родов, если имели более 3 лавок или других торговых заведений, должны были брать особые билеты, цена которых составляла 15—30 руб.³⁴

В соответствии с гильдейской реформой 1824 г. стоимость торгового свидетельства купца составляли пошлина с капи-

тала (4 % с купцов 1-й и 2-й гильдий и по 2,5 % с купцов 3-й гильдии), 0,25%-й сбор с купеческих капиталов на общие губернские и земские повинности и особые взносы в так называемый вспомогательный капитал³⁵. В 1839 г. для купцов всех трех гильдий был установлен сбор на поддержание путей сообщения, а также на другие нужды, но исчислялся он уже не из размера объявляемого капитала, а исходя из стоимости гильдейских платежей. Ежегодно выплачиваемая купцами 1-й и 2-й гильдий сумма устанавливалась в размере 4 % с объявляемого капитала, а также 10 % с «податного рубля» на сухопутные и водяные сообщения. Для купцов 3-й гильдии эти показатели составляли 2,5 и 10 % соответственно³⁶. С 1853 г., в соответствии с принятым в 1851 г. уставом о земских повинностях, полагалось взимать с выплачиваемых при выдаче свидетельств сумм 15 % на государственные и 10 % на губернские земские повинности³⁷.

Некоторые государственные деятели, признавая неэффективной существующую в первой половине XIX в. систему обложения торгово-промышленной деятельности в целом, предлагали внедрить иные принципы налогообложения. Так, граф Мордвинов еще в начале XIX в. предлагал уничтожить гильдейские сборы, а вместо этого установить налог с прибыли предпринимателей (торговцев и промышленников) — «...самобернейший, неоскудевающий, но время от времени более обильнейшим делающийся, источник для государственных доходов»³⁸. Вопрос обсуждался на протяжении всей первой половины XIX в., но мнение Мордвинова не было поддержано. При этом высказывались разные точки зрения, в том числе совершенно противоположные. Одни предлагали не только сохранить гильдии, но и увеличить размеры объявляемого для вступления в них капитала, увеличив соответственно и налоговые платежи. Вторые возражали, что «увеличение гильдейских окладов было бы неудобным, так как и ныне уже взимаемые за торговые свидетельства пошлины в России выше, чем в других государствах». Третьи высказывались за увеличение количества гильдий с 3 до 6, а практику выдачи торговых свидетельств крестьянам предлагали прекратить, так как те из них, «...которые имеют значительные капиталы, могут приобрести посредством выкупа, право записаться в купцы»³⁹.

В целом же в 1830—50-х гг. правительство продолжало следовать курсу на сохранение существующей системы налогообложения предпринимателей, незначительно изменяя лишь отдельные ее элементы. Реальные шаги по пути ее реформирования были предприняты лишь в начале 1860-х гг. Тем не

менее следует отметить создание в 1853 г. при министерстве финансов комиссии для рассмотрения постановлений о гильдиях, работа которой, в отличие от предшествующих, была гораздо более результативной и послужила началом к пересмотру всех торговых постановлений, став своего рода исходным пунктом реформы 1863 г.

Как видно из вышесказанного, правовое поле торгово-промышленной деятельности крестьян, несмотря на расширение их предпринимательских возможностей, на протяжении первой половины XIX в. оставалось еще достаточно узким. Его основу составили целый ряд законоположений, важнейшим из которых был Манифест 14 ноября 1824 г. В соответствии с ним впервые установлено, что право учреждения фабрик и заводов не являлось исключительной прерогативой того или иного сословия, но оно автоматически связывалось со вступлением их владельцев в торговое звание. Реально это означало, что в дореформенный период торговая и промышленная функции в предпринимательской деятельности крестьян были практически нераздельными и права на их реализацию получали крестьяне — обладатели торгового свидетельства. Данное правило будет определяющим вплоть до начала 1860-х гг.

Кроме того, Е. Ф. Канкрином было введено торгово-промышленное обложение по патентной системе (вместо существовавшей ранее системы процентного сбора), ставившее крестьян в весьма уязвимое положение слишком высокими ценами торговых документов, предоставлявших право на предпринимательскую деятельность торгово-промышленного характера, а также ограничениями, связанными с сословным неравенством крестьянства, изначально устанавливавшими для них менее выгодные стартовые позиции. Хотя текст закона свидетельствует о том, что промысловое крестьянство в плане экономических прав формально уравнивалось с горожанами, однако здесь же указывалось, что «личных преимуществ» последних оно не получало. Как справедливо отмечает П. Г. Рындзюнский, невозможно отделение предпринимательских прав от личных. Запрещение крестьянам свободно располагать собой, вести кредитные дела на равных правах с горожанами и защищать свои права в суде — все это ограничивало возможности осуществления торгово-промышленной деятельности⁴⁰.

Проводя столь осторожную политику в вопросе предоставления крестьянам предпринимательских прав, государство старалось поддерживать жесткое администрирование и контроль над экономикой, обеспечивать гарантированное поступление налоговых сборов и платежей в казну, а также сохранять су-

ществующую систему сословно-иерархических отношений. В целом же в это время наблюдались, с одной стороны, явное расширение предпринимательских возможностей крестьянства в правовом плане, а с другой — сохранение прежних принципов организации труда в деревне и консервация традиционных основ функционирования хозяйственно-экономического механизма. В сфере предпринимательской деятельности складывалась любопытная ситуация, когда вновь вводимые либеральные правительственные законоположения перекрывались существующими сословно-правовыми нормами и ограничениями, консервативными по сути. Все это снижало экономическую активность сельского населения и замедляло процесс рекрутирования предпринимателей из крестьянской среды, а в общем отрицательно влияло на экономический потенциал страны.

Примечания

¹ Известный западный исследователь экономической истории дореволюционной России О. Крипп, рассуждая о кустарной промышленности, характеризует ее как второе течение в стимулировании индустриального развития России наряду с государственной политикой поощрения промышленности. Говоря о кустарной промышленности как о важной составляющей так называемых автономных сил индустриализации, она считает, что ее можно рассматривать не как искусственно созданную, а как спонтанную основу формирования индустрии, предпринимателей и рынка в деревне. Подробнее об этом см.: **Поткина И. В.** Индустриальное развитие дореволюционной России. Концепции, проблемы, дискуссии в американской и английской историографии. М., 1994. С. 100–101.

² См.: **Герман К. Ф.** Взгляд на состояние мануфактур в России и на законы, к оным относящиеся, с XVI столетия по 1814 год // Сын Отечества. 1822. Ч. 82, ц LI (51). С. 195.

³ Там же. С. 196.

⁴ См.: История предпринимательства в России. Кн. 1. От средневековья до середины XIX века. М., 2000. С. 237.

⁵ Цит по.: **Рындзюнский П. Г.** Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 76.

⁶ См.: ПСЗ-1. Т. 25. ц 18663 и 18814; Т. 26. ц 19326; Т. 32. ц 24992, 25302, 25304; и др.

⁷ См.: **Гензель П.** Промысловое обложение в России. Опыт критического исследования. Спб., 1900. С. 5.

⁸ См.: Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России, с приложением материалов по торгово-промышленной статистике. Спб., 1893. С. 112, 114.

⁹ Там же. С. 113.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 113–115.

¹² Цит. по: **Нисселович Л. Н.** История заводско-фабричного законодательства Российской империи. Ч. 2. Спб., 1884. С. 110–111.

¹³ В соответствии с действовавшим на тот момент законодательством право владеть фабриками и заводами было предоставлено только купцам 1-й и 2-й гильдий.

¹⁴ См.: ПСЗ-1. Т. 35. ц 27600; **Рыбаков Ю. Я.** Промышленное законодательство России первой половины XIX века. М., 1986. С. 30.

¹⁵ См.: **Рыбаков Ю. Я.** Указ. соч. С. 85.

¹⁶ См.: **Нисселович Л. Н.** Указ. соч. С. 112–113.

¹⁷ См.: **Иванов П. И.** История управления мануфактурной промышленности в России // Журн. МВД. 1844. Ч. 5, кн. 2. С. 220; **Ленгард А.** Российские законы о торговле и промышленности: Руководство для торгующих сословий. Спб.; Берлин, 1855. С. 7.

¹⁸ См.: **Рындзюнский П. Г.** Гильдейская реформа Канкрин 1824 года // Ист. зап. Т. 40. 1952. С. 112–113.

¹⁹ После реформы 1812 г. гильдейские платежи достигли 4,75 % с объявленного капитала, к ним добавились обязательные для купечества взносы на устройство путей сообщения и на земские повинности, а также плата за купеческие учетные книги. Фактически минимальная стоимость свидетельства купца 1-й гильдии равнялась 3 462 руб. 50 коп., 2-й — 1 445 руб. и 3-й — 478 руб.

²⁰ См.: **Рындзюнский П. Г.** Гильдейская реформа... С. 113.

²¹ История Московского купеческого общества. М., 1916. Т. 2, вып. 1. С. 25–36.

²² См.: ПСЗ-1. Т. 39. ц 30115.

²³ См.: **Рыбаков Ю. Я.** Указ. соч. С. 34.

²⁴ См.: **Нисселович Л. Н.** Указ. соч. С. 113–114.

²⁵ См.: **Рындзюнский П. Г.** Городское гражданство... С. 119.

²⁶ См.: **Нисселович Л. Н.** Указ. соч. С. 113–114.

²⁷ Там же. С. 114.

²⁸ См.: **Рындзюнский П. Г.** Городское гражданство... С. 123.

²⁹ См.: **Нисселович Л. Н.** Указ. соч. С. 127–128.

³⁰ См.: **Вольтке Г.** Право торговли и промышленности в России в историческом развитии (XIX век). Спб., 1905. С. 7.

³¹ См.: **Нисселович Л. Н.** Указ. соч. С. 128.

³² См.: **Рындзюнский П. Г.** Гильдейская реформа... С. 111.

³³ См.: **Он же.** Городское гражданство... С. 151–152.

³⁴ См.: Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России... С. 139–140.

³⁵ Там же. С. 139–140.

³⁶ См.: **Рындзюнский П. Г.** Городское гражданство... С. 167.

³⁷ См.: Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России... С. 139–140.

³⁸ Там же. С. 136.

³⁹ Там же. С. 140–141.

⁴⁰ См.: **Рындзюнский П. Г.** Городское гражданство... С. 123.

Поступила 26.05.2003 г.

УДК 323.325(470.4)

Ю. Н. Смирнов

ЗАСЕЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ КРЕСТЬЯНАМИ КАЗАЧЬИХ И КАЛМЫЦКИХ ЗЕМЕЛЬ САМАРСКОГО ЗАВОЛЖЬЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Среди мероприятий по крестьянскому вопросу, осуществленных за долгое правление Николая I, сложившаяся историографическая традиция ставит на первое место преобразования в государственной деревне. Важнейшей их частью, но менее других освещенной в исследованиях историков, стала переселенческая политика, реализуемая не только в ходе реформы Киселева, но и до нее. Настоящая статья посвящена проведению этой политики в районах Заволжья, которые с конца XVIII в. входили в состав Симбирской и Оренбургской губерний, а с 1851 г. — новой Самарской губернии. Здесь в поисках территорий для крестьян-переселенцев власти пошли на ликвидацию иррегулярных войск казаков и крещеных калмыков, их землевладения и традиционного землепользования. Источники по указанной теме представлены прежде всего документами ряда центральных и местных архивохранилищ: Российского государственного исторического архива (РГИА) и отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) в Санкт-Петербурге, Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) в Москве, государственных архивов Оренбургской и Ульяновской областей (ГАОО, ГАУО).

В первой половине XIX в. в Самарском Заволжье насчитывалось до 27 тыс. душ муж. пола служащих, отставных и малолетних казаков. Вместе с женами и дочерьми их численность достигала 55 тыс. чел. Казаки 5-го кантона Оренбургского войска проживали в Самаре и Бузулуке, пригороде Алексеевске, Мочинской слободе и крепостях Красносамарской, Борской, Ольшанской, Сорочинской, Тоцкой. Казаки еще одной крепости по р. Самаре, Новосергиевской, состояли в 4-м кантоне¹.

12 декабря 1840 г. было утверждено Положение об Оренбургском казачьем войске, которое упраздняло службу казаков в Самарском Заволжье. По указу от 8 марта 1841 г. началось выселение казаков из бывших, так называемых внутренних, кантонов на восток, на новую пограничную линию².

Формально за казаками «внутренних кантонов» числилось 716,8 тыс. дес., поступавших теперь в казну³. Однако указанные площади осваивались различными группами крестьян еще до вывода казаков. Выселение казаков в основном разрежало чересполосицу в уже существующих поселках, облегчало там земельные недостатки, возникающие в результате естественного прироста жителей и продолжавшихся переселений из других мест.

В Бузулукском уезде на отводах Мочинской слободы и семи крепостей по р. Самаре (от Красносамарской до Новосергиевской) к 1840 г. расселилось кроме этих 8 старинных казачьих поселков еще 56 казенных селений⁴. Всего в них было водворено 45 792 чел. (22 771 душа муж. пола, 23 021 душа жен. пола) государственных крестьян, включая небольшое число отставных солдат. Данные категории жителей по численности сравнивались с общим по Заволжью количеством казаков и членов их семей. Под поселение и угодья жителей указанных 56 сел и деревень было отведено 231,5 тыс. дес.

Любопытна динамика основания новых казенных поселков на отводах крепостей Самарской линии. В XVIII — начале XIX в. (до 1805 г.) образовались 16 из 56 рассматриваемых поселений. В этих самых ранних по времени появления селениях в 1840 г. проживало 15 954 чел. (7 836 муж. и 8 118 жен. пола), или более 1/3 всех поселившихся на отводах крепостей. Для них характерен пестрый национальный состав: 5 поселков имели русское население, 5 — русско-мордовское, 1 — русско-украинско-мордовское, 1 — мордовское, 1 — русско-чувашское, 1 — чувашское, 1 — русско-татарское, 1 — татарское.

В 1806—1812 гг. возникли еще 8 селений. Почти все они были русскими, и лишь одно имело смешанное русско-мордовское население. В них насчитывалось 4 254 мужчины, 4 265 женщин, 8 519 чел. обоего пола, что составляло в 1840 г. около пятой части всех поселившихся в отводах крепостей.

С 1813 до 1820 г. новых поселков государственных крестьян в рассматриваемом районе не появлялось, а за первую половину 1820-х гг. их возникло всего 3. Все они были русскими и имели в 1840 г. жителями 1 122 мужчины, 1 125 женщин, 2 247 чел. обоего пола, т. е. на них приходилась только двадцатая часть населения рассматриваемой территории.

Самая заметная волна переселений поднялась в 1827 г., и до 1832 г. она привела к появлению 27 сел и деревень. Еще по одному селению возникло в 1835 и 1840 гг. Эти 29 селений составляли более половины всех упомянутых на отводах крепостей, число жителей в них достигало 2/5 от общего чис-

ла проживающих здесь, а именно: 9 559 мужчин, 9 513 женщин, 19 072 чел. обоого пола. Как и в предшествующие годы, здесь образовывались только русские селения, лишь в одном наряде с русскими проживала мордва.

Особенности динамики переселений во времени и этнической окраске процесса, отмеченные выше на примере 56 казенных селений, отражают некоторые тенденции, характерные для всей территории Заволжья и Южного Урала. В литературе уже отмечалось, что наиболее интенсивно освоение Оренбургской губернии шло в период между 7-й и 8-й ревизиями, т. е. в 1816—1834 гг. При этом наиболее крупные переселения начались с 1825 г.⁵

Только с 1824 по 1829 г. в Оренбургскую губернию переехали или изъявили желание перейти всего 35 146 душ муж. пола⁶. В губернии самым привлекательным для новоселов являлся Бузулукский уезд. На его земли перешла 15 661 душа муж. пола, т. е. почти половина всех переселившихся в губернию. Приток переселенцев в Бузулукский уезд за 1824—1829 гг. превысил показатели 1815—1823 гг. в 34,5 раза, а податное население уезда за счет переселенцев увеличилось за эти 6 лет почти на 2/3 (против ничтожных 0,2 % за предыдущие 9 лет). В течение последующих 5 лет в уезде водворилось еще свыше 5 тыс. душ муж. пола.

Произошла окончательная смена главного направления движения переселенцев в Заволжский край. Волжское правобережье и Закамье, дававшие в XVIII в. основное число сходцев, из которых формировалось население левого берега Волги, теперь стало одним из второстепенных регионов выхода. Ближние Симбирская и Казанская губернии представлены буквально единицами новопривывших. Почти 9 из каждых 10 переселенцев являлись выходцами из сравнительно отдаленных губерний Черноземного центра и прилегающих к ним губерний к югу от Москвы. Бросается в глаза приток государственных крестьян из Курской губернии, давшей 2/5 всех новоселов края. Почти столько же, сколько курян, прибыло жителей Воронежской и Тамбовской губерний, вместе взятых. В число 5 губерний, давших наибольшее число переселенцев, вошли также Рязанская и Пензенская. Значительная протяженность маршрутов основных переселенческих партий свидетельствует о возрастании роли организационных и административных начал в миграционном процессе. Известно, что при стихийном характере этого процесса преобладают прибывшие из относительно недалеких мест, а выходцы издалека достигают окраин страны, как правило, «волнообразно», т. е. в

несколько этапов, с длительными (годами или десятилетиями) сроками проживания в промежуточных пунктах своего движения.

Национальный состав основных губерний выхода определял этническую окраску переселенческого процесса. В нем полностью преобладал русский элемент, некоторое разнообразие вносили мордовские и украинские жители вышеперечисленных губерний, незаметным стало участие чувашей и татар.

В среднем в новых селениях Бузулукского уезда водворялось по 200 ревизских душ, а в некоторые из них прибыло сразу или за очень короткий срок свыше 500 душ муж. пола. Самым большим из новых селений уезда (654 души муж. пола) стала Зуевка. Начало Зуевке было положено при активной личной поддержке министра финансов Е. Ф. Канкрин. Он неоднократно положительно отзывался на поданные в 1826—1827 гг. просьбы инициатора переселения однодворца Воронежской губернии Софрона Зуева. Они касались наделения землей в выбранном месте, включения в число переселенцев родственников из других уездов, разрешения забрать с прежних мест жительства озимый и сданный в общественные магазины хлеб, взыскания долгов с бывших односельчан⁷.

С 1837 г. контроль за ходом переселенческого дела был возложен на образованное во главе с графом П. Д. Киселевым министерство государственных имуществ. Как и Канкрин, Киселев не раз лично брал на себя ответственность за отдельные переселенческие партии, оказывая им помощь и содействие. Так, в начале 1840-х гг. из Смоленской губернии в Оренбургскую прибыло значительное число крестьян, покинувших родные места из-за неурожая. Во время поездки Киселева по Оренбургской губернии смоленские переселенцы в сентябре 1843 г. обратились к нему с просьбой отвести им земли, покинутые казаками Мочинской слободы. Министр дал свое согласие на водворение в этом бывшем казачьем поселке 722 душ муж. пола⁸.

Вслед за казаками из Заволжья были выселены ставропольские крещеные калмыки, которых к 1833 г. оставалось 3 530 чел., в том числе 1 790 душ муж. пола. Распределялись они в военно-административном отношении по ротам и улусам. В половине калмыцких рот и улусов обеспеченность землей составляла немного больше или меньше 100 дес. на 1 душу муж. пола. Но в ряде рот наделение угодьями было гораздо выше этого показателя. В Курумочинском улусе — пожалуй, наиболее ценном для оседлого населения, лежавшем почти при волжском берегу между двумя административными центра-

ми — Самарой и Ставрополем, — оно составляло около 300 дес. на 1 душу муж. пола. Ликвидация калмыцкого войска отдавала под земледельческое освоение огромную территорию в 293,5 тыс. дес.⁹

Разговоры о заселении казенными крестьянами территории ставропольского войска велись давно. Еще в 1801 г. землемер В. И. Ильинский сделал представление генерал-прокурору «о положении калмыцких земель и сколь оне выгоды будут иметь, ежели перевести их на другие Оренбургские земли, а сию заселить коронными крестьянами». В начале 1837 г. П. Д. Киселев дал свое заключение о землях ставропольских калмыков. Он однозначно считал эти земли собственностью казны, данной в пользование под условие несения военной службы. Правительство было вправе по собственному усмотрению отрезать из них необходимые площади под поселение крестьян. 24 мая 1842 г. высочайшим указом земли ставропольского войска передавались из военного ведомства под управление возглавляемого Киселевым министерства с выселением с них всех кочевых калмыков. Выселение было отложено до весны 1844 г.¹⁰

Со второй половины 1840-х гг. земли прежнего ставропольского войска стали объектом особо пристального внимания киселевского министерства. На них предполагалось вести переселение по особым правилам, и здешние новые поселки должны были стать примером для всей российской казенной деревни. В каждом сельском обществе, составляемом из нескольких сел и деревень, предусматривалось возведение еще до прибытия переселенцев общественных зданий (хлебных магазинов, домов старшины и писаря, сельских управлений и помещений для приезда чиновников, школ, сараев для помещения пожарных инструментов, общественных бань) и 8 образцовых крестьянских изб. На каждое сельское общество выделялось около 10 тыс. дес. удобной земли, которая делилась на семейные участки по 39 дес. (усадебя, пашня, сенокос, выгон и лес). Всего планировалось создание 12 сельских обществ в течение 24 лет¹¹.

Доклад об учреждении семейных участков на казенных самаро-ставропольских землях был высочайше утвержден еще 14 февраля 1844 г., но министр государственных имуществ в 1848 г. был вынужден признать: «5 лет тянется это дело безуспешно от того, что не сосредоточено его действие». Только к концу 1848 г. были закончены работы по подготовке к приему первых переселенцев в Николаевское сельское общество по р. Степной Чесноковке, составленное из одноименного села и 8 деревень. Прибытие этих переселенцев началось в 1849 г.

Всего к началу 1853 г. в указанное сельское общество были водворены 204 семьи, а еще в одно — Вязовское общество — 80 семей¹².

Одно из самых крупных мероприятий государственного феодализма в России так и осталось незавершенным. Отмена крепостного права изменила условия дальнейшего освоения казенных самаро-ставропольских земель. Хотя контроль за переселением туда был как никогда строгим, но и здесь не обошлось без самовольных сходцев. В первый же год заселения Николаевского общества в нем оказалось «11 семейств, самовольно туда зашедших, коих впоследствии разрешено было принять»¹³. Таким образом, и в этом случае Киселев не отступил от давней традиции оформления даже незаконных переходов с целью недопущения лишнего отягощения и полного разорения государственных крестьян, решившихся на такой шаг.

В целом же деятельность Е. Ф. Канкрина, П. Д. Киселева и их министерств благоприятно сказалась на ходе освоения Заволжья, как и других окраинных земель России. Можно согласиться с высказанной в литературе положительной оценкой правительственного курса «на подконтрольную и податную, но все-таки свободную колонизацию восточных районов»¹⁴. Не без поддержки властей, оказывавших переселенцам, в том числе самовольным, реальную материальную и правовую помощь, именно государственные крестьяне стали самой мощной струей в потоке переселенцев, направлявшихся в Самарское Заволжье. Это во многом определило их безусловное численное преобладание среди всех прочих сословных групп, участвовавших в заселении края.

Примечания

¹ См.: Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1907. Вып. 8. С. 423.

² ОР РНБ, ф. 120 «Бычковы», оп. 1, д. 2477, л. 3, 8 об.; ф. 571 «Перовские», оп. 1, д. 13, л. 18 об.

³ См.: Тр. Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1900. Вып. 7. С. 72.

⁴ Здесь и ниже подсчитано по: РГВИА, ф. 414, оп. 1, д. 330.

⁵ См.: Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Самара, 1885. Т. 3. С. 9; **Тарасов Ю. М.** Русская крестьянская колонизация Южного Урала. Вторая половина XVIII — первая половина XIX в. М., 1984. С. 91, 94.

⁶ Подсчитано по: РГИА, ф. 379, оп. 1, д. 8670, л. 68 — 122.

⁷ Там же, д. 654, л. 10, 10 об., 14, 14 об., 22 — 25, 30; д. 1163, л. 302 об. — 360 об.

⁸ ГАОО, ф. 71, оп. 1, д. 1, л. 27 об. — 28 об., 203, 203 об.

⁹ См.: Материалы для статистики Российской империи. Спб., 1839. С. 25—26, 57—58; РГИА, ф. 383, оп. 9, д. 7674, л. 50.

¹⁰ ГАУО, ф. 147, оп. 4, д. 11, л. 23 об.; ГАОО, ф. 18, оп. 2, д. 31, л. 5, 6 об.; ф. 167, оп. 1, д. 28, л. 2, 2 об.

¹¹ РГИА, ф. 381, оп. 2, д. 791, л. 8 об., 12, 12 об., 14, 17 об. — 18 об., 47 об.

¹² Там же, л. 6, 60, 101—105.

¹³ Там же, д. 943, л. 7 об.

¹⁴ Ист. архив. 1997. ц. 2. С. 197.

Поступила 22.04.2003 г.

УДК 364(470.51)

Н. В. Пислегин

«ОБЫДЕННЫЙ» ПАТЕРНАЛИЗМ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ И УДЕЛЬНОЙ ДЕРЕВНЕ УДМУРТИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Предреформенная политика российских властей по отношению к крестьянству и к таким его категориям, как государственные и удельные крестьяне, составлявшие в первой половине XIX в. подавляющее большинство населения «удмуртских» уездов Вятской губернии, характеризуется как патерналистская, или попечительская. Руководством к действию для чиновников, занимавшихся крестьянским управлением, можно считать слова управляющего Вятской удельной конторой П. В. Алабина: «Как управление государственных имуществ, так и удельное в среде своих действий стремятся к улучшению быта подведомственных им крестьян... трудятся для возвышения дохода казны без утеснения податного сословия... над развитием просвещения, промышленности, ремесел, торговли, земледелия, над улучшением домашнего хозяйства крестьян, устройством их лесов, над ознакомлением их с современными изобретениями... над устройством врачебной части, над искоренением пороков, предрассудков, суеверий, над возвышением нравственности народной...»¹.

Властные структуры всех уровней, следуя в указанном направлении, наибольшее внимание уделяли проблеме обеспеченности крестьян землей. Норма в 15 дес. в Удмуртии в идеале (но не на практике) фигурировала всю первую половину

XIX в. В случае земельного голода предпринимались санкционированные переселения крестьян на свободные земли в пределах Вятской или соседней с ней Оренбургской губернии, а с 40-х гг. — в Сибирь. Даже в случае самовольных крестьянских переселений местные власти часто не давали «к обратному их выселению... в видимое их разорения согласия»². Другим направлением преодоления земельного голода было наделение крестьян дополнительными участками из смежных казенных или удельных дач. Такие мероприятия проводились по результатам очередных ревизий, начиная с восьмой, для тех сельских обществ, у которых средний надел составлял менее 5 дес. на ревизскую душу, если имелись свободные государственные земли, смежные с ними³. Следует отметить, что результаты были не очень значительны: средний душевой надел в Удмуртии в 1850 г. составлял от 7,02 дес. в Малмыжском уезде до 13,2 дес. — в Глазовском⁴. Хозяйственное отделение казенной палаты (а с 1838 г. — палаты государственных имуществ) и удельная контора следили за тем, чтобы не нарушались интересы подведомственных им крестьян при проведении генерального межевания, «полюбовных размежеваний», «всемиловнейших пожалований» земель и т. п.⁵ В 1838 г. раздача земель во «всемиловнейшее пожалование» была ограничена двумя северо-восточными уездами Вятской губернии — Глазовским и Слободским, но и здесь были исключены оброчные статьи как нужные «для обращения в наделы государственным крестьянам»⁶.

Значительное место в попечительской политике занимал продовольственный вопрос. Чиновникам на местах предписывалось наблюдать за крестьянскими посевами и урожаями и докладывать об их размерах. Большое внимание уделялось состоянию хлебных магазинов при сельских управлениях, достаточному наличию в них запасов и выдаче зерна на «семена и продовольствие» пострадавшим от «неурожаев, пожаров, градобития и проч.» с оговоркой, чтобы «на случай нужды оставалась в магазинах достаточная часть»⁷. Для лучшего контроля за состоянием продовольственной части в 1822 г. была образована губернская комиссия народного продовольствия, а с 1834 г. хлебный сбор был дополнен денежным⁸. В отчете за 1845 г. вятский губернатор А. И. Середя с удовлетворением констатировал: «К отвращению же могущих произойти неурожаев начальством принимались исподволь должные меры, которые в настоящее время достигли в губернии той степени, что неурожаи не могут уже быть опасны для народа»⁹.

С образованием специальных органов управления для удельных и государственных крестьян в ходе реформ Л. А. Перовского и П. Д. Киселева с 30 — 40-х гг. XIX в. стало обращать больше внимания на усовершенствование их хозяйства. Большое значение в удельном ведомстве имела общественная запашка, с помощью которой власти пытались внедрить в «повседневное» хозяйствование новые зерновые и технические культуры, орудия труда, усовершенствованные системы земледелия. Важную роль в проникновении новаций в сельское хозяйство играли «образцовые усадьбы». Именно в них в 40 — 60-х гг. были апробированы такие новые орудия, как плуг-глыбодроб, плужок для окучивания картофеля, кочкорез для окультуривания лугов, различные молотилки и т. д.¹⁰ Здесь выращивались новые породы домашних животных, внедрялись нетрадиционные виды или сорта земледельческих культур, в том числе картофель, кукуруза и многолетние травы, шло экспериментирование с разными удобрениями и системами севооборота. В «образцовых усадьбах» получил распространение четырехпольный севооборот, когда к традиционному трехполью прибавлялся посев многолетних трав¹¹.

Большое значение в пропаганде новаций придавалось губернским и региональным сельскохозяйственным выставкам и ежегодным испытаниям лошадей, которые начали регулярно проводиться с 1849 г. Эпизодически происходили раздачи «образцовых» семян.

8 августа 1840 г. вышел указ о посадке картофеля при волостных и сельских правлениях ведомства государственных имуществ, в отношении же удельного ведомства подобные постановления относятся к началу 30-х гг. Однако насильственные меры привели к значительным крестьянским волнениям, поэтому вскоре они были отменены. Упор отныне делался на пропаганду и премирование «за разведение сего овоща преимущественно на полях и за обращение онаго в корм скоту»¹². В результате в 1861 г. сообщалось, что «посевом картофеля занимаются поселяне в более обширных размерах, вполне осознав материальные выгоды, доставляемые им этим полезным растением, [но] значительного разведения картофеля нельзя ожидать, так как быт онаго ограничивается только огородами»¹³.

Для удмуртской деревни основным занятием оставалось земледелие при явно недостаточном развитии животноводства. Преодоление этого дисбаланса также являлось важной задачей палаты государственных имуществ и удельной конторы. Значительную роль они отводили «образцовым хозяйствам», владель-

цы которых либо приобретали сами, либо получали от властей и в последующем распространяли среди соседей иностранные или отечественные породы крупного рогатого скота, овец и свиней. С 1845 г. стала функционировать земская случная конюшня. Крестьяне с недоверием отнеслись к ее деятельности, полагая, что приплод от их кобыл будет отбираться у них государством¹⁴. Результаты деятельности случной конюшни были незначительны: в 1845 г. было случено 736 маток, а в 1861 г. — 578¹⁵. В 1864 г. ее закрыли. В целом итоги в этой области были мизерны: скот оставался в основном «беспородным». Ситуацию усугубляли постоянные эпизоотии, борьба с которыми медико-полицейскими мерами не приносила должных результатов по ряду причин: нехватка ветеринаров (к 1861 г. их было всего 8)¹⁶, отсутствие согласованности в действиях различных ведомств, «беспечность и недоверие к распоряжениям начальства» со стороны крестьян и т. д.

В числе патерналистских мер можно отметить и многочисленные циркуляры и руководства, исходившие от министерств внутренних дел, государственных имуществ, императорского двора и уделов, а также наставления и пожелания частных лиц по самым разным вопросам хозяйствования, охраны здоровья и т. д. Они рассылались выборным начальникам для внедрения в сознание «непросвещенного» крестьянства либо через губернские и уездные органы власти, либо «посредством припечатывания» в приложениях к губернским ведомостям¹⁷.

Мероприятия, направленные на крестьянское просвещение, первоначальной целью ставили подготовку писарей из детей крестьян для местных органов власти. По указам 1808, 1836 и 1842 гг. стали функционировать приходские училища разной подчиненности. В 1847 г. управляющий Вятской палаты государственных имуществ А. Д. Игнатьев писал: «Несмотря на некоторые недостатки и нередко встречающиеся затруднения, грамотность и религиозное воспитание, видимо, распространяются между поселянами... не говоря о русских, многия школы наполнены мальчиками из племен вотскаго, черемискаго и татарскаго, и между ними есть дети идолопоклонников»¹⁸. С 1844 г. в училища стали допускаться девочки. К 50-м гг. в Удмуртии работало 80 школ, открытых и контролируемых различными ведомствами, в них обучалось 4 100 детей. Помимо этого в губернии функционировали фельдшерское и ветеринарное училища, а также до 300 крестьянских мальчиков обучались межеванию, сельскому хозяйству, разным ремеслам и искусствам», в том числе за пределами губернии¹⁹. Дети удельных крестьян, кроме прочего, обучались в Петербургском

земледельческом училище, в ремесленном училище в удельной слободе Кукарке и др.

Уделялось внимание «морально-политическому» воспитанию крестьян в духе теории официальной народности. Достаточно редкие случаи обращения в православие язычников и старообрядцев (последних пытались обращать в единоверие) преподносились вышестоящему начальству как крупные достижения. Практиковались поощрения и награды за «подвиги человеколюбия»: спасение погибающих, пожертвования в пользу голодающих, сирот, нуждающихся в призрении, на нужды армии и т. д. Борьба с пьянством в основном ограничивалась рядом препятствий в открытии питейных заведений. Например, в местах крестьянских сходок вообще запрещалось продавать спиртное. Волостным и сельским расправам вменялось в обязанность преследовать пьянство и расточительство²⁰.

Состояние медицинской части сами губернские власти считали малоудовлетворительным. Определенный прогресс имелся (в 1830 г. в уездах 7 врачей, 22 лекарских ученика, 1 повивальная бабка, 1861 г. — соответственно 29, 27 и 12)²¹, но этого было явно недостаточно. Открытые в 1812 г. губернские и уездные оспенные комитеты по-настоящему стали функционировать лишь с 1825 г. Оспопрививатели для крестьян готовились уездными врачами, их профессиональный уровень оставался крайне низким. Это усугублялось недоверием крестьян, особенно старообрядцев, к прививкам. Тем не менее к 40-м гг. удалось добиться того, что большая часть новорожденных прививалась. Довольно эффективными были медико-полицейские меры при эпидемиях. Практиковалось освидетельствование крестьян, возвращавшихся с заработков из других губерний.

Одним из важнейших направлений попечительской политики являлось усовершенствование управления крестьянами. Традиционным было и стремление оградить крестьян от коррупции, которой были охвачены широкие слои как коронной, так и крестьянской выборной администрации, и излишних расходов. Основные методы работы в этой области следующие: утверждение определенных форм отчетности, проведение ревизий в различных формах и на разных уровнях, проверка крестьянских жалоб и наказание виновных (штраф, отрешение от должности, предание суду). «За нужное считаем только подтвердить, чтоб все законные употреблялись средства к сбережению поселян от излишних издержек на сборы неумеренные и на расходы каких-либо прихотей волостных правлений... Соблюдение сего есть прямой долг попечительства, над

казенными поселянами установленного и обязанного сберегать каждую их, так сказать, копейку; и всякие их выгоды и пользы наблюдать, как свои собственные, при самом рачительном хозяйстве»²². Эти наставления, данные в 1800 г. сенаторами, ревизовавшими Вятскую губернию, в той или иной форме постоянно повторялись в последующее время. Можно привести примеры того, что они выполнялись. Так, компенсацией за увеличение в 1825 г. земского сбора на «прибавочное жалование» и «фуражные деньги» чиновникам земской полиции стало сокращение по губернии 75 волостей и, соответственно, ликвидация расходов на их содержание. Соединение ряда смежных волостей сохраняло «дачи» генерального межевания, чтобы «государственные поселяне во владениях своих оставались спокойными»²³. Подобных примеров много, однако не меньше и случаев обратного свойства.

В целом можно отметить незначительные результаты многих мер государственного патернализма. Жизнь деревни существенных изменений к лучшему не претерпевала. Постановления центральных и губернских властей часто оставались на бумаге. Попечительство имело ярко выраженную фискальную окраску и проводилось за счет самих крестьян. Опека и признание, особенно в государственной деревне, в большей степени ложились на плечи крестьянской общины. Но вместе с тем недостаточные результаты объясняются нехваткой средств и людей, которая во многом являлась следствием невозможности и нежелания властей изымать дополнительные ресурсы из крестьянского малопродуктивного хозяйства; в итоге возникал замкнутый круг. Заметное усиление и большее разнообразие попечительских мер наблюдается после преобразований П. Д. Киселева и Л. А. Перовского в государственной и удельной деревне.

Примечания

¹ Вятские губернские ведомости. 1859. ц 43. С. 301. Далее: ВГВ.

² ГАКО, ф. 582, оп. 6, д. 10, л. 18 об.

³ См., например: ВГВ. 1844. ц 21. С. 94–95.

⁴ См.: **Гришкина М. В.** Аграрный строй и крестьянство Удмуртии в XVII — первой половине XIX в. Ижевск, 1995. С. 28.

⁵ См., например: ГАКО, ф. 582, оп. 81, д. 249, л. 4–9, 26–28.

⁶ **Дружинин Н. М.** Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева: В 2 т. М., 1958. Т. 2. С. 10.

⁷ ГАКО, ф. 582, оп. 1, д. 47, л. 178.

⁸ См.: **Дружинин Н. М.** Указ. соч. Т. 1. С. 63.

⁹ ГАКО, ф. 582, оп. 139, л. 103.

¹⁰ См.: **Гришкина М. В.** Удмуртия в эпоху феодализма (конец XV — 1-я половина XIX в.). Ижевск, 1994. С. 148—149.

¹¹ См.: **Дружинин Н. М.** Указ. соч. Т. 2. С. 241—242.

¹² ВГВ. 1844. ц 30. С. 141—143.

¹³ ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 100, л. 6 об.

¹⁴ Там же, ф. 582, оп. 139, д. 320, л. 106.

¹⁵ Там же, л. 106 об.; ф. 574, оп. 1, д. 100, л. 7 об.

¹⁶ Там же, ф. 574, оп. 1, д. 100, л. 35.

¹⁷ ВГВ. 1838—1859.

¹⁸ Там же. 1847. ц 4. С. 19—20.

¹⁹ Там же. С. 20.

²⁰ См.: **Дружинин Н. М.** Указ. соч. Т. 2. С. 261—262.

²¹ ГАКО, ф. 582, оп. 81, д. 128, л. 311; ф. 574, оп. 1, д. 100, л. 35.

²² Выписка наставлений и приказаний, данных гг. сенаторами при осмотре Вятской губернии в марте 1800 г. Вятка, 1800. С. 38—39.

²³ ГАКО, ф. 582, оп. 81, д. 18, л. 1—2, 9.

Поступила 15.04. 2003 г.

УДК 37:323.325(470.4)

Л. М. Артамонова

ПЕРЕХОД К ПОЛИТИКЕ СОЗДАНИЯ ШКОЛ ДЛЯ КРЕСТЬЯНСТВА В 1830—40-е гг. (по материалам Самарско-Саратовского Поволжья и Заволжья)

Малоисследованной остается проблема перехода государства к политике создания и развития сельской школы по России в целом и по регионам. Мы рассматриваем деятельность в сфере начального образования органов государственного управления при Николае I. Источниками по теме послужили документы Государственного архива Ульяновской области (ГАУО), Национального архива Республики Татарстан (НАРТ), Российского государственного исторического архива (РГИА), Научного архива Русского географического общества (НА РГО). Богатый материал содержат различные издания и периодическая печать, особенно «Отчеты по министерству народного просвещения» и «Журнал министерства народного просвещения» (ЖМНП).

Формально возможность и даже желательность развития школьного образования на селе предусматривало еще законодательство Екатерины II. Первый в России Устав народных

© Л. М. Артамонова, 2004

училищ 1786 г. разрешал создание школ первой ступени начального образования, названных малыми народными училищами, не только в городах, но и в селах. «Предварительные Правила народного просвещения» 1803 г., закрепленные на следующий год в новом школьном уставе, переименовали низшее образовательное звено в «приходские училища». При этом государственная власть не предпринимала мер ни для поддержки сельских школ, ни для понуждения землевладельцев или крестьян к их заведению. Материальное содержание школ полностью возлагалось в крепостной деревне — на помещиков, в казенной — на самих жителей и местное самоуправление.

В таких условиях на создание сельских приходских школ шли некоторые просвещенные крупные помещики и отдельные священнослужители. Так, в Усольской вотчине Орловых и Орловых-Давыдовых на Самарской Луке их число достигло 17 к 1842 г. Также имеются сведения об открытии школ священниками Иоанном Бельским и Яковом Каменским в с. Ягодное и Шихозаново Казанской губернии, соответственно в 1806 и 1819 г.¹

Самим небогатым крестьянским общинам в казенной деревне заведение школ казалось непосильным делом, польза от которого была далеко не для всех очевидной. Развитие школы, тем более сельской, шло не очень успешно. Число народных училищ («главных» и «малых» вместе) с 1786 по 1800 г. возросло с 40 до 315, но это выглядело каплей в людском море России, и более половины уездов России не имели начальных школ даже в административных центрах. В 3 обширных губерниях Среднего Поволжья и Заволжья (Симбирской, Саратовской и Оренбургской) в начале XIX в. имелось всего 4 главных и 5 малых народных училищ с 671 учеником. К 1825 г. в России имелось 1 095 начальных школ, сосредоточенных по-прежнему почти только в городах. Но и тогда не было школ в 131 уездном городе России из 533².

При подобной ситуации даже в городах предписания правил 1803 г. об устройстве сельского училища на каждый или на два соседних прихода оставались только благими пожеланиями. В подобном состоянии дело начального народного образования досталось в незавидное наследство императору Николаю I. Вопреки давней традиции негативной оценки его политики в области народного просвещения внимательное изучение реальных фактов привело объективных исследователей к выводу, что именно в 1830—40-е гг. в России появилась организованная сельская школа³. Этот вывод вполне согласуется с данными по Поволжью и Заволжью.

С 1830 по 1849 г. численность приходских училищ ведения министерства народного просвещения на территории Казанского учебного округа, охватывавшего 9 губерний Поволжья и Урала, выросла с 39 до 123, но оставалась явно недостаточной даже для городов региона, не говоря о селах⁴. Министр просвещения С. С. Уваров мало уделял внимания начальной школе и прямо заявлял, что его ведомство «не принимало на себя обязанности учреждать на свой счет учебные заведения для мещан и поселян там, где в самих жителях еще не пробудилось стремление к образованию»⁵. Школьное дело не являлось монополией этого министерства, к нему были причастны другие ведомства, в том числе департамент уделов и министерство государственных имуществ, которые взяли в свои руки инициативу в развитии образования на селе.

29 октября 1832 г. последовало высочайшее повеление о заведении по одному училищу в каждом сельском приказе, объединявшем несколько близлежащих удельных селений. Главным начальником над училищами каждого удельного имения, состоявшего из нескольких приказов, становился управляющий удельной конторой. Предусматривалось, что «надзору училищного начальства министерства народного просвещения» удельные училища «не подлежат». Лишь при запросе местных органов просвещения управляющие обязаны были давать им сведения об учащихся в школах. Обучение соответствовало курсу приходского училища по уставу 1828 г.: Закон Божий, чтение, письмо, арифметика. В 1845 г. было добавлено обучение церковному нотному пению⁶.

Содержание школ было возложено «на общественный счет» жителей удельных имений и включало выплату жалованья учителю, предоставление помещения, бесплатное обеспечение школьников учебными пособиями. Учителями, как правило, назначались местные священники с жалованьем в 145 руб. серебром в год. Если учитель не имел священнического чина, то его жалованье составляло 85 руб., а занятия по Закону Божьему вел приходской священник за 75 руб. В селениях, где насчитывалось 800 и более душ мужского пола, мог быть введен в училище «высший класс» для изучения пространного катехизиса, священной истории и «для окончания арифметики». В этом случае учителю придавался помощник. Так, в начале 1840-х гг. в школе с. Обшаровка помощниками учителя были воспитанники специальных учебных заведений удельного ведомства. Павел Григорьев вышел из Красносельского главного сельского удельного училища, созданного в 1828 г. министерством императорского двора для

подготовки будущих учителей начальной школы. Андрей Нестеров обучался в земледельческом удельном училище, открытом в 1832 г.⁷

Требование о заведении школы в каждом сельском приказе выполнялось постепенно и не повсеместно. Из приказов, где не было училищ, небольшое число крестьянских детей посылалось на учебу в школы других приказов.

В Саратовском удельном имении, где насчитывалось 9 сельских приказов и 2 отделения, в 1837 г. появились сначала всего 4 школы. В 1842 г. к указанным четырем добавились 3 школы. В конце 1850-х гг. число училищ здесь пополнили школы еще в 2 селах Николаевского уезда. По данным Саратовского удельного имения, из всех окончивших школы за 1837—1859 гг. «служит уделу или приготавливается к службе» 6,07 %, «занимается крестьянскими промыслами» (хлебопашеством, садоводством, судоходством, торговлей) — 54,25, стали ремесленниками — 1,99, письмоводителями «у должностных или частных лиц» — 1,90, «поступили на военную службу» — 15,76, умерли — 8,76 %, остальные находились в бегах или были привлечены к ответственности за «дурное поведение» или «ничем не занимались по разным причинам». Под управлением Самарской удельной конторы в 1841 г. было открыто 18 училищ, каждое на 30 мальчиков. Учитывая, что число школ в удельных селениях по всей России составило в 1853 г. 204, а количество их учеников — 7 477, нетрудно убедиться, что на Самарское удельное имение к концу царствования Николая I приходилось 9 % всех училищ департамента уделов и 7 % учеников в них. В училищах данного имения в 1851 г. «из обучавшихся 540 детей окончили учение 97; некоторые из окончивших учение, смотря по способностям, поступили для научения канцелярскому порядку в Удельную контору и сельские приказы с целью подготовить хороших писарей для последних, а прочие распущены по домам для занятия крестьянскими работами». К 1854 г. число мальчиков, в них обучавшихся, достигло 600. 6 мальчиков обучались фельдшерскому, 6 — ветеринарному искусству, по 2 мальчика — у архитектора и землемера⁸.

В 1850 г. в Самарском имении появились школы для девочек. В 1851 г. в них обучались 470 девочек (44 % от всех 1 066 учениц женских школ удельного ведомства России). Роль учительниц «приняли на себя грамотные крестьянки, а изъяснение Закона Божьего и надзор за наставницами — местные священники без всякой платы». Учебные пособия приобретали за свой счет родители⁹.

На другом берегу Волги земли удельного ведомства находились в составе Сызранского удельного имения, включившего в 1845 г. купленные у графини А. А. Орловой-Чесменской многочисленные селения. Дом графского управляющего в с. Новодевичье был отдан под устройство в нем сельского приказа и училища. Школа открылась в 1847 г. Вскоре встал вопрос о предоставлении ей отдельного здания. Расходы по его возведению приняли на себя крестьяне Новодевичьего приказа, решившие «собрать уравнительно по всему приказу с 4 207 душ по 37 коп. с каждой, всего 1 556 руб. 65 коп.» Училище открылось и в с. Переволоки, также перешедшем от Орловой в это удельное имение¹⁰.

В 1837 г. было образовано министерство государственных имуществ. Возглавил его П. Д. Киселев. Началась реформа управления казенными крестьянами, составной частью которой стала политика развития среди них начального образования. В утвержденном 30 апреля 1838 г. Николаем I законе содержалось указание «о постепенном учреждении при каждом сельском обществе для крестьянских детей приходских училищ... с разрешения Министра государственных имуществ». К 1842 г. в государственной деревне России насчитывалось 770 школ, из которых 748 считались «временно-учебными заведениями» без окончательно определенного статуса. К тому же «для устройства приличных для помещения всех означенных заведений зданий возведено не было»¹¹.

По докладу П. Д. Киселева 22 июня 1842 г. было дано высочайшее повеление о переустройстве училищ для государственных крестьян на основе школьного устава 1828 г. 25 августа совет министерства государственных имуществ начал рассмотрение этого вопроса, в результате чего было разработано «Наставление для управления сельскими приходскими училищами в селениях государственных крестьян». Все учебные заведения в государственной деревне получали статус приходских училищ и переходили в ведение министерства государственных имуществ. Это привело к некоторому сокращению начальных школ духовного ведомства и министерства народного просвещения. Предполагалось по мере изыскания средств открыть постепенно 2 тыс. новых училищ в казенных селениях. Выполнение этой задачи потребовало около 10 лет, и к 1853 г. число таких школ увеличилось до 2 795¹².

На территории Заволжья государственные крестьяне проживали на территории 3 западных уездов Оренбургской губернии (Бугульминского, Бугурусланского, Бузулукского) и 2 левобережных уездов Саратовской (Николаевского и Но-

воузенского). Всего в этих уездах в 1846 г. было 55 школ и 1 724 ученика. Обучавшихся в начальных учебных заведениях министерства государственных имуществ по России в целом тогда насчитывалось 50 540 чел., из них 2 288 чел. — в Саратовской губернии и 1 808 чел. — в Оренбургской¹³. В 1850-е гг. возникли училища для государственных крестьян в Самарском и Ставропольском уездах новой Самарской губернии.

По административно-хозяйственным вопросам эти училища находились под управлением палат государственных имуществ и окружных начальников, которые заведовали казенными селениями на местах. Палаты были обязаны уведомлять губернские органы народного просвещения об открытии и закрытии приходских училищ, предоставлять перечневые ведомости об училищах. Директора и штатные смотрители училищ министерства народного просвещения должны были осматривать школы в селениях государственных крестьян. Местное епархиальное начальство предлагало для этих школ учителей из священников, дьяконов, причетников и выпускников семинарий. В разработке решений 1842—1843 гг. по школам министерства государственных имуществ учитывался опыт устройства удельных училищ¹⁴.

В ходе реформы Киселева и развития учебных заведений для казенных крестьян проявилось осознанное стремление государственной власти к развитию в стране начального образования. Усилия различных ведомств по распространению удельных и казенных училищ не просто совпадали во времени — они были звеньями одной политической линии. Конечно, при Николае I начальное образование развивалось в рамках сословного и крепостного строя тогдашней России. Однако и в этих границах были достигнуты заметные успехи в становлении сельской школы, не известные «просвещенному абсолютизму» Екатерины II и Александра I. Накапливались учительские кадры, организационно-педагогический опыт, внутренняя потребность общества в грамоте, без которых были бы невозможны достижения русской пореформенной школы.

Примечания

¹ См.: История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI — первая половина XIX века. М., 2000. С. 259; РГИА, ф. 732, оп. 1, д. 285, л. 12—14; НАРТ, ф. 92, оп. 1, д. 169, л. 1—2; д. 982, л. 6—7, 11—12, 14.

² См.: **Фальборк Г.** Народное образование в России / Г. Фальборк, В. Чарнолуский. Спб., 1900. С. 18, 23; Очерки русской культуры XVIII века. М., 1987. Ч. 2. С. 275–276.

³ См.: Очерки русской культуры XIX века. М., 1998. Т. 1. С. 239.

⁴ См.: Извлечение из Отчета министерства народного просвещения за 1831 год. Спб., 1833. Таб. 1; ЖМНП. 1850. ц 5, отд. 1. С. 75.

⁵ Цит. по: **Рождественский С. В.** Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. Спб., 1902. С. 282.

⁶ См.: **Воронов А.** Историко-статистическое обозрение учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа с 1842 по 1853 год. Спб., 1854. С. 235–236.

⁷ ГАУО, ф. 322, оп. 1, д. 503, л. 74 об. – 75; д. 179, л. 6 об.; ЖМНП. 1852. Ч. 76, ц 10, отд. 7. С. 30; 1861. Ч. 112, ц 11, отд. 4. С. 52.

⁸ ЖМНП. 1852. Ч. 76, ц 10, отд. 7. С. 30; 1861. Ч. 112, отд. 4. С. 53–54; Список населенных мест по сведениям 1859 года. Спб., 1864. Т. 36. Самарская губерния; **Каминский А.** Краткий очерк быта и состояния крестьян Самарского удельного имения // НА РГО, р. ц 34, д. 22, С. 12–13.

⁹ ЖМНП. 1852. Ч. 76, ц 10, отд. 7, С. 30–31.

¹⁰ ГАУО, ф. 322, оп. 1, д. 287, л. 578 об. – 579; д. 503, л. 72 об. – 73, 74 об. – 75; оп. 5, д. 78, л. 4, 16.

¹¹ РГИА, ф. 381, оп. 1, ч. 2, д. 360, л. 10 об., 14 об. – 15 об.

¹² См.: Общий отчет по министерству народного просвещения за 1845 год. Спб., 1846. С. 102; **Фальборк Г.** Указ. соч. С. 30; **Воронов А.** Указ. соч. С. 231–234.

¹³ Подсчитано по: РГИА, ф. 383, оп. 9, д. 7752, л. 2 об. – 7, 12 об. – 20; д. 7759, л. 2 об. – 6, 12 об. – 13, 29 об. – 33, 39 об. – 41; оп. 10, д. 8974, л. 2 – 2 об.

¹⁴ РГИА, ф. 381, оп. 1, ч. 2, д. 360, л. 9, 16 об.

Поступила 22.04.2003 г.

УДК 323.325:37(470.4)

Г. И. Григорьева

ПРОСВЕЩЕНИЕ УДЕЛЬНЫХ КРЕСТЬЯН СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

После открытия в конце XVIII в. на основе Устава народных училищ 1786 г. во многих городах Поволжья «малых народных училищ», которые в начале XIX в. были преобразованы в уездные, с конца 30-х г. XIX в. начался рост начальных учебных заведений в сельской местности, среди крестьянского населения. В государственной деревне это было свя-

© Г. И. Григорьева, 2004

зано с реформами, проводившимися под руководством министра государственных имуществ графа П. Д. Киселева. Рост начальных училищ в тот период в удельной деревне, прежде всего на территории Симбирской губернии, связан с переводом в соответствии с указом Правительствующего сената от 25 января 1835 г. более 199 тыс. ревизских душ государственных крестьян губернии в разряд удельных. Это было вызвано стремлением императорской семьи сосредоточить свои удельные имения, разбросанные по многим губерниям России, в тех местах, где они приносили значительные доходы. В обмен на крестьян Симбирской губернии в разряд государственных было переведено такое же количество бывших удельных крестьян Тамбовской и Пензенской губерний¹.

Учреждать школы при церквях «под особым надзиранием приходских священников» было предписано удельным экспедициям §194 «Учреждения об Императорской фамилии», утвержденным указом Павла I от 5 апреля 1797 г. В школы надлежало принимать детей от 6 до 10 лет, чтобы они, «не будучи в состоянии сносить никакой тягостной работы, время сие ко вреду своему праздно не провождали». Сельским удельным приказом предписывалось «уговаривать отцов, детей своих в школы посылать; однако же не чинить ни кому принуждения». Отцы, дети которых отличались успехами в учебе, должны были освобождаться от ряда мелких повинностей². Однако, несмотря на предписание закона, до середины 30-х гг. удельным ведомством мер к открытию учебных заведений для удельных крестьян, в том числе из Симбирской губернии, почти не принималось. По сообщению министра императорского двора и уделов министру народного просвещения, в 1827 г. в удельных селениях находилось всего 5 училищ, в том числе одно в Симбирской губернии³. Это было сельское одноклассное училище в с. Гулюшево Алатырского уезда, открытое в 1824 г. и содержащееся на сбор по 2 коп. с души удельных крестьян Алатырского, Ардатовского и Курмышского уездов. В училище обучались по 1–2 мальчика с каждого удельного приказа Алатырского удельного имения⁴. В 1835 г. для крестьян этого имения было открыто второе удельное училище в с. Черкасские Сыреси Алатырского уезда.

Министерство императорского двора и уделов, вице-президентом которого в 1828–1840 гг. был известный прогрессивный деятель граф Л. А. Перовский, понимало, что для увеличения доходов с имений императорской семьи необходимо прежде всего поднять благосостояние и улучшить быт удельных крестьян. Поэтому после поступления в удел всех госу-

дарственных крестьян Симбирской губернии здесь были начаты преобразования, сначала в Симбирском удельном имении, в состав которого вошли удельные приказы Симбирского и Буинского уездов, затем в начале 40-х гг. в Алатырском имении, состоявшем из приказов Алатырского, Ардатовского, Курмышского уездов. В 1837 г., стремясь изучить положение поступивших в удел крестьян, Л. А. Перовский направил предписание управляющему Симбирской удельной конторой надворному советнику С. Глинке представить в министерство «мнение о способах улучшения быта поселян Буинского уезда». По мнению С. Глинки, изложенному в рапорте в министерство в сентябре 1837 г., «чтобы устранить причины, препятствующие к благосостоянию крестьян (чуваши), необходимо действовать совокупно на нравственность, закоренелые предрассудки, суеверие и на самый образ жизни. Сему средству суть: а) устройство церквей и помещение к оной служителей просвещенных, честных и бескорыстных: они, надзирая укрепляют их в духе христианской религии о чистоте их от грубых предрассудков, глубоко в них укоренившихся; б) устройство в больших чувашских селениях школ, где малолетние дети, не закоренелые еще в образе мыслей и жизни отцов своих, легко узнают заблуждения, и не только что последуют оным, но, вероятно, будут сами способствовать истреблению таковых в своих семействах; в) истребление киреметей...; г) курные избы и нечистую жизнь, стараться по возможности переменить на образ жизни русского опрятного крестьянина»⁵.

Изучив мнение с мест, граф Перовский в первую очередь посчитал необходимым усилить распространение «святой веры» среди крестьян-инородцев, которые, по его мнению, «хотя считаются христианами, но большею частию сохраняют древние идолопоклонческие обряды, погружены в закоренелые предрассудки и суеверия»⁶. В ноябре 1837 г. министерство императорского двора утвердило строительство в Буинском уезде 9 новых деревянных церквей на каменном фундаменте и дало указание об открытии в Симбирском имении 25 сельских училищ в соответствии с «Уставом сельских училищ в удельных имениях» от 25 октября 1828 г. Главной целью этих училищ было: «1) приготовление грамотных голов, старшин и писарей в приказы; 2) распространение необходимых для каждого христианина понятий о вере и некоторых первоначальных в крестьянском быту сведений». В сельском училище должны были обучать: «1) чтению книг церковной и гражданской печати, также рукописей; 2) закону Божию, кратко и пространно катихизису и священной истории; 3) чис-

тописанию; 4) четырьмя первыми действиями арифметики с употреблением счетов»⁷.

Здания для училищ строились по единому, утвержденному департаментом уделов министерства императорского двора плану. Здание разделялось коридором на 2 части, из которых меньшая предназначалась под квартиру учителя, большая — под классную комнату. На постройку и начальное обзаведение училищных зданий производили по особым мирским приговорам единовременный сбор с крестьян, размер которого колебался в зависимости от стоимости здания и числа душ в удельном приказе.

Из 25 училищ, запланированных к открытию в Симбирском удельном имении, в августе — октябре 1839 г. во вновь построенных зданиях было открыто 10, в том числе в чувашских селах Шемурша, Нижние Чепкасы, Таяба, Тарханы и др. 18 октября 1839 г. С. Глинка в рапорте в департамент доносил, что кроме этих 10 училищ «в 5 селениях Шамкино, Сугутах, Чуратчиках, Трехбалтаево и Уразгильдиной строятся и в нынешнюю осень плотничною работаю окончены будут, затем останутся 10 к постройке на будущее время»⁸. К 1841 г. все планировавшиеся в Симбирском имении училища были открыты.

В Алатырском удельном имении первоначально департамент уделов предписанием от 20 сентября 1840 г. разрешил построить здания для сельских училищ в двух чувашских селах — Четаи и Ходары Курмышского уезда. В феврале 1841 г. управляющий имением Бороздин направил в Департамент уделов рапорт, в котором указывал, что считает необходимым сверх разрешенных департаментом уделов этих 2 училищ «открыть еще таковых два же, одно в г. Ардатове, а другое Алатырского уезда в с. Кладбищах потому, что в первом нет уездного училища, следовательно, дети живущих в городе крестьян, равно и ближайших к нему селений, остаются без всякого образования, а отдавать оных в Сыресевское или Гулюшевское сельские училища по дальнему расстоянию для крестьян весьма неудобно»⁹. Однако к этому времени уже сам департамент уделов счел необходимым открыть сельские училища в каждом удельном приказе. 29 апреля 1841 г. он направил в Алатырскую удельную контору приказ министра императорского двора о том, чтобы в удельных имениях непременно были учреждены сельские училища при каждом приказе и отделении, и учение в них открыто в течение нынешнего года в наемных квартирах, если общественные дома в это время нельзя построить. Департамент при этом предписал

конторе распорядиться о приискании для училищ квартир в тех приказах и отделениях, в которых еще нет училищ, и найти учителей, преимущественно из приходских священников, по согласованию с ними и местным епархиальным начальством. Жалованье священнику, если он брался вести все предметы, определялось в 145 руб. серебром в год, а тем из них, кто брался преподавать только Закон Божий, — 75 руб.¹⁰

Руководство Алатырской удельной конторы после получения приказа 24 мая 1841 г. обратилось с просьбой к архиепископу Симбирскому и Сызранскому Анатолию распорядиться о назначении в открываемые училища «способных и достойных священников». В письме указывались села, где будут открыты удельные училища: в Ардатовском уезде — Тазино, Атяшево, Лобаски, Козловка, Киржеманы, Наченалы и г. Ардатов, в Курмышском уезде — Ратово, Ходары, Четаи. Рассмотрев просьбу конторы, епископ Анатолий 31 мая уведомил ее, что «в г. Ардатове должность законоучителя назначается священнику Кудравцеву, в с. Ратово — священнику Утехину, в с. Козловка — священнику Троицкому». Кандидатуры в другие училища подбирались¹¹.

Так же в мае конторой было направлено предписание в удельные приказы о приискании подходящих квартир для начала в них уже в 1841 г. обучения мальчиков и составления мирских приговоров о сборе денег с крестьян на «наем означенных квартир», а в дальнейшем на строительство и начальное обзаведение специальных училищных домов и их ежегодное содержание. Уже в начале июня из приказов стали поступать рапорта о подборе квартир для училищ. Так, 4 июня Наченальский приказ сообщал, что «для открытия училища найдена удобная квартира, а законоучителем рекомендован с. Наченалы протоиерей Василий Богомолов». 14 июня Лобаскинский приказ писал, что «1) для помещения сельского училища имеется в с. Лобаски готовое строение, удобное и поместительное, устроенное в 1837 г. собственно на этот предмет бывшим в сем приказе писарем крестьянином Петром Скороходовым...; 2) обучение мальчиков по приглашению головы приказа принял на себя приходской с. Лобаски священник Павел Руссов». 16 июня Атяшевский приказ сообщал, что «в с. Атяшево квартиры удобной для открытия сельского училища не имеется, ибо крестьяне вообще почти имеют по одной только избе, но и то черной, то есть без трубы. А посему Атяшевский приказ полагает училище это, впредь до выстройки общественного дома, поместить в двух комнатах приказа, которые для того, довольно будут удобны». Далее сообщалось,

что обучать мальчиков «изъявил согласие» священник церкви с. Атяшево Андрей Макаров, окончивший Казанскую духовную семинарию. По сообщению Козловского приказа, учеников предполагалось поместить в доме крестьянина Тимофея Шишкина, нанятом за 10 руб. серебром в год. В Урусовском приказе квартира для сельского училища была нанята у крестьянина с. Кувакино Аверьяна Трофимова, учителем согласился быть протоиерей церкви села Федор Иванов. Сложнее обстояло дело в Бузаевском приказе. В связи с тем, что в центре приказа, в с. Шугурово, церковь сгорела и предстояло построить новую, первоначально предполагалось открыть училище в с. Тазино. Однако местные священники от предложения принять на себя обучение по преклонности лет отказались. Согласие дал священник церкви с. Паракино Степан Добранравов. Его кандидатура была поддержана епархией¹². В июле 1841 г. под руководством помощника управляющего конторой Аргамачева головы удельных приказов осуществили набор учащихся в училища. В соответствии с Уставом 1828 г. это были мальчики от 8 до 12 лет. В сентябре в удельные приказы были разосланы из конторы учебники и учебные пособия, закупленные по просьбе Алатырской конторы Московской удельной конторой: «Арифметики» Меморского и его же «История священная», «Катехизис» митрополита Филарета, «Букварь церковный и гражданской печати». В октябре во всех удельных приказах были составлены мирские приговоры о сборе денег с крестьян на постройку зданий для училищ, их содержание — от 20 до 30 коп. с души.

В октябре — начале ноября на наемных квартирах были открыты 8 из 12 училищ: 15 октября в с. Козловка, 16-го — в с. Четаи, 20-го — в с. Лобаски, 21-го — в Атяшево, 21-го — в Кувакино, а также в селах Кладбищи, Ратово, Наченалы, в ноябре — в г. Ардатове, с. Ходары, Паракино (в 1845 г. после строительства здания училище было перенесено в с. Шугурово). В связи с отсутствием священника в с. Киржиманы училище там было открыто лишь 15 июня 1843 г. В течение 1842—1845 гг. на собранные с крестьян деньги для училищ были выстроены специальные здания.

Первоначально срок обучения в училищах не был определен, и ученики оставались в нем по 5, 6 и даже 7 лет. Более способные проходили курс в 3 года. Учебный год продолжался с осени по окончании полевых работ до начала весны. Перед роспуском учеников на лето устраивались экзамены. Проводили их сами учителя, которые по итогам экзаменов представляли управляющему удельной конторой список учеников с

обозначением их успехов, поведения. Лучших учащихся по окончании ими курса управляющий назначал в земледельческое училище при департаменте уделов или определял писарями в приказы.

Во все созданные училища учителями были назначены приходские священники. Многие из них считали обучение детей второстепенным делом, которое приносило им побочный доход, и часто поручали занятия малограмотным дьячкам. Грамоте детей обучали по старому буквослагательному способу: сначала запоминались названия букв, затем заучивались слоги. Мог пройти год и более, пока дети начинали разбирать слова и переходили к зубрению молитв, а потом и другого материала по программе. Особое внимание обращалось на то, чтобы ученик отвечал на вопросы без записки, по книге, выучивая материал наизусть и не понимая. Позднее в училища поступили таблицы взаимного обучения по ланкастерскому методу, который предполагал анализ слов, разложение их на слоги, что упрощало первоначальное обучение. Однако учителя-священники не хотели вводить этот метод, так как он требовал от них живого, активного отношения к делу¹³. О сущности содержания обучения в удельном училище писал чувашский просветитель И. Я. Яковлев, сам обучавшийся в 1856–1860 гг. в Бурундуковском удельном училище Буинского уезда у известного деятеля просвещения протоиерея А. И. Баратынского: «В бывших удельных училищах... принята была ланкастерская система взаимного обучения, которое велось по ланкастерским таблицам русской и церковной печати, от таблиц переходили к чтению синодальных азбук, нравственных разговоров, чтению из евангелистов той и другой печати, часослова и псалтири. По закону Божию были в употреблении книги — начатки христианского учения и пространный катехизис Филарета, митрополита Московского. По письму преследовалась больше каллиграфия по прописям и письмо слов под диктовку... При обучении чтению, сознательного чтения не требовалось, а только механическое, которое шло вообще хорошо... Лучшие ученики читали в церкви без всякой подготовки. Нравственные разговоры и начатки христианского учения во всех училищах учились наизусть...»¹⁴. При таком способе обучения из начальных предметов наибольшего успеха ученики достигали в чистописании, так как для этого требовалось в основном продолжительное копирование с прописей, вследствие чего по окончании училища ученики охотно шли в писари удельных приказов.

С 1852 г. удельное ведомство начало назначать в училища помощников учителей из лиц, которые сами их окончили. На них перешла обязанность учить детей всем предметам, кроме Закона Божьего, преподавание которого продолжало оставаться за священниками. Удельное ведомство предпринимало и другие меры к поднятию уровня обучения. Ревизоры, управляющие удельными конторами и их помощники постоянно указывали священникам и учителям на то, что следует объяснять детям содержание учебников и приучать их рассказывать его своими словами.

В 1855 г. Алатырская удельная контора предписала, чтобы преподаватели и их помощники старались искоренять не только бесполезное, но даже вредное заучивание учениками книжных слов и выражений на память, без понимания значения произносимого ими, и заботились об усовершенствовании метода подготовки мальчиков к осмыслению того, что они заучивают и читают. В то же время для лучшего усвоения учащимися Закона Божьего, контроля за священниками удельные конторы стали приглашать на экзамены по этому предмету местных благочинных, почетных граждан, а в 1845 г. по соглашению с духовной консисторией учредили новую должность — особого благочинного для наблюдения за законоучителями, которые были обязаны и руководить ими¹⁵.

К 1861 г. в удельных приказах Симбирской губернии находились 72 из 254 удельных училищ России с 2 973 из 8 642 учащихся¹⁶ (таблица).

Таблица

Количество обучавшихся в Алатырском, Симбирском и Сызранском имениях

Удельное имение	Число училищ	Число обучавшихся				
		русских	татар	чувашей	мордвы	всего
Алатырское	20	390	12	96	294	792
Симбирское	29	505	19	696	101	1 321
Сызранское*	23	613	90	47	110	860
И т о г о	72	1 508	121	839	505	2 973

* В Сызранское имение входили удельные крестьяне Карсунского, Сенигилеевского и Сызранского уездов.

Однако, несмотря на принимаемые уделом меры, по мнению руководства Алатырской удельной конторы, количество грамотных в удельных селениях было недостаточно. В связи с этим в ноябре 1858 г. контора обратилась в департамент уделов с просьбой позволить учредить приходские школы при церквях в тех селениях, где не было сельских училищ. 30 мая

1859 г. департамент уведомил контору, что с утверждения председателя разрешает дозволить священникам тех селений, где нет сельских училищ, обучать крестьянских мальчиков грамоте и молитвам в их собственных домах. Срок обучения устанавливался по программе сельских училищ — от 3 до 4 лет, если же проводилось обучение только молитвам и чтению — от 1 года до 2 лет. За обучение мальчиков священникам устанавливалось вознаграждение от 30 до 60 руб. серебром в год. Управляющему имением предписывалось самому объезжать училища, проверять успехи учеников и только потом представлять священников к денежному вознаграждению¹⁷. В соответствии с этим указанием в конце 50-х — начале 60-х гг. были открыты школы при большинстве церквей селений Алатырского имения.

Удельным ведомством предпринимались меры и к развитию женского образования в Симбирской губернии. Многие учителя, священники также ратовали за развитие обучения девочек. В отсутствии просвещения они видели главную причину унижения деревенской женщины. Так, священник А. Лебедев писал, что «она вследствие своей неразвитости и невежества потеряла в себе нравственную силу, унизила себя и стала рабой своего мужа. И рабство ее и побои до тех пор будут продолжаться, пока крестьянские девицы не просветятся светом школьного учения. Школа, одна школа, сможет стереть слезы забитой, униженной и несчастной крестьянской женщины»¹⁸.

В августе 1857 г. председатель департамента уделов генерал М. Муравьев, находясь с инспекцией в удельных имениях Симбирской губернии, поручил руководству удельных контор организовать бесплатное обучение крестьянских девочек у местных священников грамоте и молитвам. 28 августа в Алатыре он посетил открытое там в середине 50-х гг. удельное девичье училище и указал, чтобы его выпускницы «по водворении их на места, могли обучать там грамоте и молитвам девочек своих селений». По мнению М. Муравьева, «цель обучения крестьянских дочерей заключается собственно в нравственно-религиозном развитии их, как будущих жен и матерей семейств, то для сего следует ограничиться единственно обучением их молитвам и грамоте настолько, насколько знание сей последней нужно для ознакомления с церковными книгами»¹⁹. В направленном им 27 ноября 1857 г. предписании в Алатырскую удельную контору указывалось: 1) при выборе девочек иметь в виду, чтобы их семьи не лишались вследствие их обучения необ-

ходимых работниц; 2) число учениц у каждого священника не должно превышать десять; 3) возраст их определить от 8 до 12 лет; 4) в рабочую пору с мая по октябрь освобождать их от всяких занятий в школах; 5) курс учения ограничить 2 годами. В соответствии с этим указанием к 1859 г. в Симбирском имении было учреждено 50 женских школ, где обучалось 949 девочек²⁰. Часть из них размещалась в зданиях удельных сельских училищ, часть в домах священников или в наемных квартирах.

После принятия «Положения» от 26 июля 1863 г. в отношении удельных крестьян и в соответствии с «Положением о начальных народных училищах» от 14 июля 1864 г. все сельские удельные училища и школы Симбирской губернии были переданы в ведение созданных уездных и губернских училищных советов, состоявших из чиновников и представителей земств. К сожалению, из-за отсутствия у земства финансовых средств большинство бывших удельных учебных заведений на территории губернии уже в 1860-е гг. было закрыто.

Примечания

¹ ГАУО, ф. 156, оп. 1, д. 25, л. 3.

² ПСЗ-1. Т. 24, ц. 17906.

³ См.: **Суперанский М. Ф.** Начальная народная школа в Симбирской губернии. Симбирск, 1908. С. 28.

⁴ См.: **Красовский В. Э.** Хронологический перечень событий Симбирской губернии. 1372–1901. Симбирск, 1901.

⁵ ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 460, л. 3–4.

⁶ Там же, д. 466, л. 2.

⁷ ЦГА ЧР, ф. 193, оп. 1, д. 208 а, л. 15–16.

⁸ ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 466, л. 139.

⁹ ЦГА ЧР, ф. 193, оп. 1, д. 175, л. 1.

¹⁰ Там же, д. 208, л. 1.

¹¹ Там же, л. 5, 13.

¹² Там же, л. 17, 20, 22, 23, 26, 39.

¹³ См.: **Суперанский М. Ф.** Указ. соч. С. 35–36.

¹⁴ ЦГА ЧР, ф. 501, оп. 1, д. 191, л. 6–7.

¹⁵ См.: **Суперанский М. Ф.** Указ. соч. С. 37.

¹⁶ Там же. С. 29.

¹⁷ ЦГА ЧР, ф. 193, оп. 1, д. 208 б.

¹⁸ **Лебедев А.** Речь о значении и необходимости женского образования // Симбирские епарх. ведомости. 1905. ц. 16. С. 403.

¹⁹ ЦГА ЧР, ф. 193, оп. 2, д. 92, л. 8, 15.

²⁰ ГАУО, ф. 318, оп. 4, д. 311, л. 22.

Поступила 12.05.2003 г.

УДК 347.177

В. И. Захаров

АНТИКРИЗИСНАЯ ПРОГРАММА М. Т. ЛОРИС-МЕЛИКОВА

На рубеже 70—80-х гг. XIX в. Россия переживала острый социально-политический кризис, связанный с переходом от традиционного общества к индустриальному.

Отмена крепостного права и последующие реформы открыли широкий простор для развития товарно-денежных отношений, одновременно породив множество новых проблем и противоречий как в экономической, так и в социальной сферах. Значительная часть крестьянства была недовольна результатами аграрных преобразований и выражала это недовольство в бунтах, количество которых возрастало из года в год.

Волновалось казачество, протестуя против введения всеобщей воинской повинности. Практически во всех крупных промышленных центрах происходили забастовки рабочих, подвергавшихся суровой эксплуатации. Либеральная часть буржуазии, интеллигенции и земских деятелей требовала демократизации политической системы.

На фоне этих событий развивалось движение революционного народничества. Народники совершили десятки террористических актов, направленных против губернаторов, министров, жандармов. С 1866 г. ими было организовано 8 покушений на жизнь императора.

В феврале 1880 г. вся Россия отмечала 25-летие царствования царя-освободителя Александра II. В многочисленных поздравительных адресах, поступивших на его имя, проводилась мысль о трудности переживаемого государством исторического момента, созданного крамолой, и выражалась «надежда, что с Божьей помощью и помощью принятых экстраординарных мер России удастся с нею справиться»¹.

Торжества были омрачены очередным покушением на жизнь императора: 5 февраля произошел взрыв в Зимнем дворце. «При означенном взрыве из числа нижних чинов л.-гв. Финляндского полка ... было убито на месте десять человек. Кроме того, 33 человека... получили более или менее тяжкие повреждения»².

Трагедия потрясла страну и заставила императора приступить к разработке мер, направленных на стабилизацию обстановки. С этой целью 12 февраля 1880 г. была учреждена Верховная распорядительная комиссия. Ее возглавил М. Т. Лорис-Меликов — харьковский губернатор, боевой генерал, герой Русско-турецкой войны. Членами комиссии были назначены Победоносцев, Каханов, Ковалевский, Шамшин, Черевин и др.

Указом от 12 февраля Лорис-Меликову были подчинены вся полиция и III Отделение. Через день он обратился к общественности с воззванием, в котором содержалось обещание «приложить все старание и умение к тому, чтоб, с одной стороны, не допустить ни малейшего послабления и не останавливаться ни перед какими строгими мерами для наказания преступных действий, позорящих наше общество, а с другой — успокоить и оградить законные интересы благомыслящей его части... Убежден, — заявлял Лорис-Меликов, — что встречу поддержку всех честных людей, преданных государю и искренне любящих свою родину»³.

Обращение произвело такое сильное впечатление, что террористы из «Народной воли» решили убить его автора. 20 февраля 1880 г. И. Млодецкий стрелял в графа, но неудачно. Несмотря на ходатайство Лорис-Меликова о смягчении участи преступника, тот был судим военным судом и казнен.

5 марта на заседание Комиссии были приглашены представители петербургской городской Думы. Речь шла о расширении прав органов городского самоуправления. Одновременно начался пересмотр дел политических поднадзорных, которых накопилось около 7 тыс.

11 апреля Лорис-Меликов представил императору обширный доклад, в котором говорилось, что в результате деятельности Верховной распорядительной комиссии в народе появилось чувство уверенности в том, что государь выведет Россию из кризиса. «Такие чувства — лучший залог для будущего, и ими нельзя не дорожить. С ними не страшны для государственной власти... ни лжеучения Запада, ни доморощенные безумцы»⁴.

Лорис-Меликов подчеркивал, что реформы начала царствования нуждаются в продолжении, что за истекшие 20 лет ситуация в стране существенно изменилась: накопились проблемы в аграрном секторе экономики, судебные учреждения и адвокатура потеряли доверие благонадежной части населения, земское и городское самоуправление из-за отсутствия средств и поддержки со стороны государства не справляются с по-

ставленными задачами, вместе с тем упала и роль дворянства, всегда бывшего опорой трона.

Реформа в области просвещения привела к тому, что «молодые люди, не кончив научной подготовки, не приспособленные к труду и практической деятельности, стали выбрасываться школою в жизнь и стали искать исхода в деятельности вне закона, пополняя собою ряды последователей социальных лжеучений»⁵. Положение, по мнению Лорис-Меликова, усугублялось неудачными действиями полиции, злоупотреблениями администрации и отсутствием «надлежащего руководства периодической печатью». Аналитическая часть доклада вполне адекватно отражала кризисную ситуацию, сложившуюся в России к тому времени.

Лорис-Меликов, в отличие от либералов, не питал конституционных иллюзий. Он считал, что «для России немислима никакая организация народного представительства в формах, заимствованных с Запада; формы эти не только чужды русскому народу, но могли бы даже поколебать все основные его политические воззрения и внести в них полную смуту, последствия коей трудно и представить. Равным образом... представляется далеко несвоевременным... предложение о пользе образования у нас земской думы или земского собора... простое воссоздание древнего представительства являлось бы трудноосуществимым и, во всяком случае, опасным опытом возвращения к прошедшему»⁶.

Автор доклада выражал уверенность в том, что вывести Россию из кризиса сможет только государь. Лорис-Меликов стремился убедить Александра II в том, что «необходимы, рядом с мерами непоколебимой твердости к злоумышленникам, и меры, которые отняли бы почву из-под вредных лжеучений и укрепили бы ее для законного порядка. Тогда оживленная вновь Россия сумеет побороть те хаотические призраки, какие представляются в туманной дали лжепророками нового времени. Без этого одни злодеи будут сменять других, оставляя за собой яд для будущих поколений»⁷.

Таким образом, главной причиной кризисного состояния общества Лорис-Меликов считал распространение революционных и социалистических идей. Отсюда — программа действий. В общих чертах она сводилась к следующим пунктам.

1. Твердо и решительно бороться с революционерами и пропагандистами социалистической утопии.

2. Консолидировать действия полиции, суда, прокуратуры и всех органов государственной власти.

3. Расширить права существовавших органов самоуправления.

4. Проявить самое пристальное внимание со стороны государства к насущным потребностям народа.

5. Пересмотреть кадровый состав государственных учреждений, прежде всего министерства просвещения, и избавиться от чиновников, не соответствующих своему предназначению.

Император одобрил этот план, следствием чего явились увольнение министра просвещения и обер-прокурора Святейшего синода Д. А. Толстого и назначение на эти должности, соответственно, А. А. Сабурова и К. П. Победоносцева. Товарищем министра финансов был назначен киевский профессор Н. Х. Бунге. 28 июля 1880 г. Лорис-Меликов предложил упразднить Верховную распорядительную комиссию и передать ее дела в министерство внутренних дел (МВД). 6 августа был опубликован соответствующий указ. С этого времени Лорис-Меликов занял должность министра внутренних дел. Функции III Отделения передавались департаменту государственной полиции в структуре МВД.

Таким образом, Лорис-Меликов сосредоточил в своих руках огромную власть. 11 августа он предложил Александру II провести сенаторскую ревизию целого ряда губерний по ведомству МВД, судебному, финансовому ведомствам, по линии министерства государственных имуществ и просвещения. Предполагалось выявить все факторы экономического и социально-политического характера, обусловившие кризисную ситуацию, а затем приступить к поиску путей выхода из нее. На эти мероприятия отводилось 5–7 лет.

Программа Лорис-Меликова была опубликована в газетах и стала достоянием гласности. Российское общество оживилось: перед ним открывались новые перспективы прогрессивного развития.

Вершиной деятельности Лорис-Меликова является его проект, представленный императору 28 января 1881 г. В нем говорилось о необходимости «прибегнуть к представительным формам для поддержания порядка в России», для чего предлагалось:

1) создать 2 подготовительные комиссии — административно-хозяйственную и финансовую;

2) в распоряжение этих комиссий передать материалы, собранные в ходе ревизии;

3) ввести в состав комиссий как государственных чиновников, так и лиц, известных своими специальными трудами в науке или опытностью по разным отраслям государственного управления или народной жизни. В обязанности этих

комиссий включить составление законопроектов в тех пределах, которые будут указаны высочайшей волей;

4) далее законопроекты должны передаваться в общую комиссию, которая составлялась: а) из назначенных членов подготовительных комиссий; б) из выборных лиц от земств и крупных городов; в) из назначенных особым порядком членов от тех местностей, в которых положение о земских учреждениях не было введено;

5) законопроекты, проработанные в Общей комиссии, далее должны передаваться законным порядком в Государственный совет.

За императором сохранялось право утверждать или отклонять законопроекты. У Лорис-Меликова не было и мысли об ограничении принципа самодержавной власти. На совещании 8 марта 1881 г. он заявил: «Я воспитан, государь, иначе, чем люди, выросшие в канцеляриях: если б я только заметил в ком-нибудь желание ограничить самодержавие, я его убил бы; если б я не мог убить его, я убил бы себя. Все те вопросы, которые предположено отнести к ведению редакционной комиссии, обсуждаются и ныне обществом — в земских, городских и дворянских собраниях; но решаются они в канцеляриях. Пусть же будут они внесены на свет божий и решаются не наемными людьми, служащими за жалованье, а людьми, выбранными землею»⁸.

17 февраля 1881 г. на особом совещании проект Лорис-Меликова был обсужден, одобрен и подписан императором. На 4 марта было назначено его слушание на заседании Совета министров. Утром рокового дня 1 марта 1881 г. Александр II вручил министру текст правительственного сообщения в печати о созыве общей комиссии.

Не вызывает сомнений тот факт, что теоретически проект преобразований, предложенный Лорис-Меликовым, наиболее полно соответствовал исторической ситуации и перспективам социально-экономического и политического развития России. Однако история распорядилась иначе: террористы из «Народной воли» убили царя-освободителя, российский престол занял Александр III, и правительственная политика резко отклонилась «вправо». Что касается отношения нового императора к реформаторской программе М. Т. Лорис-Меликова, то о нем наглядно свидетельствует его резолюция на докладе: «Слава богу, этот преступный и спешный шаг к конституции не был сделан и весь этот фантастический проект был отвергнут в Совете министров весьма незначительным меньшинством»⁹.

Примечания

¹ Цит. по: **Глинский Б. Б.** Революционный период русской истории (1861—1881 гг.): Ист. очерки. Ч. 2. Спб., 1913. С. 412.

² Там же. С. 402—403.

³ Там же. С. 432.

⁴ Там же. С. 436.

⁵ Там же. С. 439.

⁶ Всеподданейший доклад министра внутренних дел графа М. Т. Лорис-Меликова // Былое. 1918. ц 10—11. С. 162—163.

⁷ Цит. по: **Глинский Б. Б.** Указ. соч. С. 441.

⁸ Изложение рассказа М. Т. Лорис-Меликова в Совете министров 8 марта 1881 г. // Былое. 1918. ц 10—11. С. 187—193.

⁹ Цит. по: Хрестоматия по истории СССР. 1861—1917. М., 1990. С. 191.

Поступила 30.04.2003 г.

УДК 63—051(470.40)

М. В. Плехова

СЕМЕЙНЫЕ РАЗДЕЛЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Русская деревенская община представляла собой сложное целое, единицей которого являлась большая патриархальная семья. Индивидуалистическая тенденция экономического развития в пореформенную эпоху не могла не повлиять разлагающим образом на эту ячейку общины. Распад больших семей стал предметом горячих споров и насущной проблемой в административных сферах, где имелись совершенно основательные опасения, как бы разделы крестьянских семей не оказали вредного воздействия на платежные силы хозяйств. И. Гурвич в работе «Экономическое положение русской деревни» (Нью-Йорк, 1892) представил выводы, к которым пришли русские исследователи Г. И. Успенский, А. Я. Ефименко, А. Н. Энгельгардт относительно причин и хода разложения большой крестьянской семьи, основываясь на личных наблюдениях. «Пока занятия всех членов семьи были одинаковыми, до тех пор узы кооперации крепко связывали их в одно целое. Доходы семьи, которые являлись плодом коллективного труда ее членов, составляли коллективную семейную собственность. Когда изме-

© М. В. Плехова, 2004

нившиеся условия жизни заставили семью обращаться для получения доходов к самым разнообразным источникам, старый семейный строй был потрясен до основания. Плотник, работавший целое лето в каком-нибудь отдаленном городе, не являлся уже активным членом земледельческой семейной кооперации. С другой стороны, доход плотника был больше дохода его старшего брата, который по-прежнему продолжал заниматься на сельскохозяйственные работы в соседних местностях; благодаря этому дух индивидуализма восстал против прежнего порядка. Вековой деспотизм старших членов семьи над младшими стал невыносим... Таким образом, растущая экономическая дифференциация в пределах семьи сделала ее распадение на отдельные супружеские пары неизбежным»¹.

Итак, увеличение числа семейных разделов и прирост крестьянских дворов имели глубокие причины, связанные с нарушением замкнутости семей, ослаблением патриархальных устоев под влиянием развивающихся товарно-денежных отношений.

В свою очередь, царское правительство пыталось административными мерами приостановить семейные разделы, усложнив условия семейных разделов. По Положению 19 февраля 1861 г. совершеннолетним сыновьям разрешалось уходить от отца при согласии сельского схода, выраженного простым большинством голосов. Но это условие либо вовсе не соблюдалось, либо выполнялось для проформы. С 1861 по 1882 г. в 46 губерниях Европейской России разделились 2 371 248 крестьянских семейств, из них сельскими сходами было разрешено 303 149 разделов, т.е. всего лишь 12,8 %².

Аналогичная тенденция в отношении семейных разделов проявилась и среди бывших государственных крестьян Пензенской губернии. В 1874 г. на территории губернии проживали 81 877 семейств бывших государственных крестьян. По уездам они распределялись следующим образом: Инсарский уезд — 11 368 семей, Саранский — 6 462, Пензенский — 2 705, Краснослободский — 16 486, Нижнеомовский — 10 477, Чембарский — 5 934, Мокшанский — 1 925, Городищенский — 8 979, Наровчатский — 11 409, Керенский — 6 132. В 1884 г. прибавилось 17 144 семьи, и их число составило 99 021³. Количество семей бывших государственных крестьян возрастало главным образом за счет крестьянских семейных разделов. Так, с 1874 по 1883 г. включительно у бывших государственных крестьян Пензенской губернии произошло 15 610 разделов⁴. Динамику семейных разделов на территории губернии можно проследить по табл. 1.

Таблица 1

**Сведения о числе семейных разделов
у бывших государственных крестьян Пензенской губернии
с 1 января 1874 г. по 1 января 1884 г.***

Уезд	Число семейных разделов									
	1874	1875	1876	1877	1878	1879	1880	1881	1882	1883
Инсарский	264	229	253	237	260	280	232	250	262	225
Пензенский	52	53	38	16	41	45	54	49	67	59
Краснослободский	292	325	274	253	284	358	318	358	286	274
Н.-Ломовский	123	104	101	124	147	163	185	194	178	203
Чембарский	348	151	23	130	99	144	125	144	156	117
Мокшанский	52	25	46	35	54	54	61	66	77	48
Городищенский	180	137	127	141	133	205	189	194	156	161
Наровчатский	176	246	212	184	197	250	218	242	229	264
Керенский	126	120	110	93	89	115	115	136	124	165
Саранский	103	116	106	115	95	89	128	125	124	110
Итого	1 716	1 506	1 290	1 328	1 399	1 703	1 625	1 758	1 659	1 626

* Таблица составлена по: ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 5843, л. 28–29.

По уездам семейные разделы распределялись следующим образом: в Инсарском уезде — 2 492 раздела (или 16 %), в Пензенском — 474 (3 %), в Краснослободском — 3 022 (19,4 %), в Нижнеломовском — 1 522 (9,8 %), в Чембарском — 1 437 (9,2 %), в Мокшанском — 518 (3,3 %), в Городищенском — 1 623 (10,4 %), Наровчатском — 2 218 (14,2 %), Керенском — 1 193 (7,6 %), Саранском — 1 111 (7,1 %). У бывших помещичьих крестьян Пензенской губернии за 1874–1883 гг. произошло 15 970 семейных разделов, а численность крестьянских семейств увеличилась с 84 562 в 1874 г. до 103 535 в 1884 г.⁵

Рост крестьянских семейных разделов повлек за собой и изменения состава крестьянских семей. Если большая патриархальная семья имела 3–4 взрослых работников мужского пола, то в результате разделов типичным явлением становится семья, имеющая в своем составе 1–2 работников. В Пензенской губернии рост числа семей с 1–2 работниками среди бывших государственных крестьян наблюдался, но был не-

значительным. Если в 1874 г. количество семей, имеющих 1 — 2 работников, составляло 75,8 %, то в 1884 г. оно увеличилось на 1,8 % и достигло 77,6 % от общего количества семей. Наиболее полно состав крестьянских семей отражен в табл. 2.

Таблица 2

Состав разделившихся семейств бывших государственных крестьян по числу работников*

Год	Кол-во семейств			
	с 1 работником	с 2 работниками	с 3 работниками	с 4 работниками
1874	37 246	24 837	12 590	7 204
1884	48 047	28 785	14 849	7 340

* Таблица составлена по: ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 5843, л. 28—29.

Из табл. 2 виден рост количества семей всех категорий. Несмотря на разложение большой семьи, у бывших государственных крестьян Пензенской губернии в 1884 г. большие семейства составляли 7,4 % от общего количества семей.

В 80-е г. XIX в. царское правительство ужесточило условия разрешения семейных разделов. Так, 12 января 1885 г. канцелярия пензенского губернатора доложила министру внутренних дел, что «...большая часть народонаселения губернии сама осознала вред, который происходит от разделов, как это видно из того, что из всех крестьянских обществ губернии, 1 262 постановили приговоры, которыми приняты меры по ограничению семейных разделов: раздел семейства дозволяется только с разрешения сельского схода и согласия родителей или старших в семействе; семейство, желающее разделиться, должно быть свободно от недоимок; каждый член семейства должен иметь средства на то, чтобы приобрести или построить на отдельной, надлежащего размера усадьбе, избу с надворными постройками, обязан завести рабочий скот с земельскими орудиями, чтобы каждое новое семейство имело самостоятельное хозяйство, нести все повинности и платежи и удовлетворять все насущные свои потребности; если же раздел был произведен самовольно, без соблюдения указанных условий, то его следует считать неправильным и, в случае какого-либо взыскания, последнее следует производить как бы с не разделившегося семейства, т. е. следует взыскивать со всех новых семейств, которые прежде составляли одно целое, хотя бы платеж относился к одному из членов»⁶.

Несмотря на закон от 18 марта 1886 г., в соответствии с которым состоявшимся считался раздел, за который проголо-

совало 2/3 крестьян на сельском сходе, самовольные разделы в Пензенской губернии даже преобладали над разрешенными, составив за 6 лет (1891–1896) 51,7 % разделов⁷.

Итак, административные меры царского правительства не ликвидировали индивидуалистической тенденции в среде крестьян. На смену натуральной семейной кооперации неизбежно должна была прийти собственная семья землевладельца.

Примечания

¹ Гурвич И. А. Экономическое положение русской деревни. М., 1941. С. 60.

² См.: Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство европейской России. 1881–1904. М., 1980. С. 24.

³ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 5843, л. 28–29. Сведения о числе семейных разделов по Пензенской губернии с 1 января 1874 по 1 января 1884 г.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, л. 30.

⁷ См.: Анфимов А. М. Указ. соч. С. 26.

Поступила 12.05.2003 г.

УДК 323.325:008(470.345)

Т. М. Гусева

УЧАСТИЕ КРЕСТЬЯНСКИХ ОБЩЕСТВ В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРЫ МОРДОВСКОГО КРАЯ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Проблема крестьянской грамоты, а точнее, неграмотности, является одной из ключевых для изучения культуры крестьянства. Ее значение существенно возрастает в пореформенное время в силу расширения контактов крестьян с внешним миром.

Сопоставление показателей грамотности различных сословий в 6 уездах Мордовии (Саранском, Краснослободском, Инсарском, Ардатовском, Темниковском, Спасском) показало, что в 1897 г. наибольший процент грамотных наблюдался в среде духовенства (68,2 %) и дворянства (59,6 %). Менее половины представителей городского сословия (43,4 %) были грамотны. Наименее образованными оказались представители крестьянства (10,5 %)¹. Именно этот класс, в пореформенное время

в большинстве своем практически лишенный возможности получить образование, нуждался в просвещении.

Начальная школа является важнейшим средством распространения культуры, способствующей образованию общественно-культурной среды. Реформа 1861 г. открыла новый этап в развитии народного образования: она поставила государство перед проблемой обучения многих миллионов крестьян, получивших свободу. Поэтому одновременно с подготовкой крестьянской реформы начали разрабатываться предложения о создании сельских училищ. Основная часть чиновников от образования, сам император закономерно рассматривали школу как своеобразную «внутреннюю охрану царства». Они были далеки от мысли уничтожения сословности образования. В частности, известна мысль Александра II о создании для детей податных сословий специальных училищ, дающих «полезное для их состояния образование, не отрывающее от привычного труда»². Иными словами, сословный подход к образованию был открыто заложен в политике 60-х гг. как тенденция, однако реализация его в условиях того времени была невозможна. Создаваемые начальные училища представляли собой школу массового типа. Это были приходские училища с единой программой обучения, дающей элементарное образование: чтение, письмо, счет, Закон Божий.

В пореформенное время в Мордовии сеть школьного образования заметно расширяется. Во всех уездах дело начального народного образования велось на совместные средства уездных земств и крестьянских обществ. Чаще всего земство брало на себя уплату жалованья педагогическому персоналу и снабжение школы учебными пособиями, а сельские общества обязывались предоставлять помещения для школ, содержать их и ремонтировать. По этому вопросу уездные земские собрания принимали особые правила, в которых устанавливалось распределение расходов между земством и обществом. Так, в правилах, утвержденных темниковским уездным земским собранием в 1895 г., говорилось, что общество при желании открыть у себя совместно с земством школу обязано построить здание под училище и под квартиру учителя по типу, указанному училищным советом; обязано за свой счет ремонтировать здание, страховать, отапливать, освещать его и нанимать сторожа, а от земства должны идти содержание учителей и средства на приобретение необходимых учебников... При неисполнении обществом второго пункта со стороны училищного совета должна быть определена сумма на каждую категорию расходов, каковую

сумму общество и обязано вносить в смету, если не желает закрытия училища.

Спасское уездное земское собрание утвердило, что школы открываются по ходатайствам сельских обществ, которые обязывались выстроить помещение для школы, отоплять, освещать, содержать его и завести классную мебель. Земство должно выплачивать жалованье учителям и законоучителям и давать средства на приобретение учебников и учебных принадлежностей. По постановлениям 1897 и 1899 гг. земство приходит также на помощь сельским обществам в деле ремонта школьных помещений и классной мебели³.

Во второй половине 1860-х гг. влияние земства на процесс народного просвещения было еще невелико. Земские расходы на образование, по Положению о земских учреждениях 1864 г., считались необязательными, а открытие ими своих школ не предусматривалось. Кроме того, они на первых порах располагали весьма скудными средствами, поэтому в то время большая часть расходов на народное образование приходилось на сельские общества. Например, расходы на народное образование в Ардатовском уезде Симбирской губернии в 1875 г. составили: от земств — 884 руб., от сельских обществ — 5 743 руб., в 1880 г.: от земства — 6 120 руб., от сельских обществ — 9 306 руб.⁴ Материальное состояние народного образования в каждом уезде зависело от многих причин: экономического развития уезда, от осознанности крестьянами потребности в образовании, степени развития уездного земства, от отношения к народному образованию местных властей. Сопоставление сведений о Мордовии с общероссийскими данными показывает, что многие уездные земства края (краснослободское, лукояновское, спасское, наровчатское, саранское) проявляли больше активности в финансировании народного образования, чем уездные земства в среднем по России. Расходы сельских обществ Мордовии были недалеко от общероссийского показателя. Государственные дотации намного уступали совместным вложениям земств и сельских обществ.

Наибольшее число училищ в Алатырском уезде (31,4 %) построено обществами крестьян совместно с земством. Почти столько (26,9 %) построили крестьяне без участия других ведомств. Довольно много училищ (11,9 %) было открыто на общие средства крестьян и духовенства, а также только на средства духовного ведомства (10,4 %). Казна на свои средства построила в Алатырском уезде лишь 6 % всех училищ, совместно с обществом крестьян и земством — 1,4 и 3 % соответственно. В Ардатовском уезде наибольший процент школ

(55,7 %) приходится на построенные одними крестьянами. Следующее по количеству число школ построено совместно обществом крестьян и духовным ведомством (16,5 %). Казна на свои средства построила всего 1,3 % училищ, с участием обществ крестьян — 1,3 %, с участием земства — 1,2 %⁵. В мордовском крае, как и в других регионах страны, сельские общества до начала XX в. несли на себе основное бремя хозяйственных забот о школе.

В большинстве уездов инициатива открытия школ исходила от сельских обществ: крестьяне общиной или селением выступали с прошением перед уездным исправником. «Пензенские губернские ведомости» сообщили, что Саранский уезд в деле народного образования далеко опередил другие уезды губернии. В 1875 г. еще 5 обществ, а именно села: Соколовка, Ремезянки, Малые Березняки, Дурасовка и Новосильцево — заявили о желании иметь у себя училища. Некоторые из них назначили на содержание училищ довольно значительную сумму, как, например, Соколовское (123 руб. ежегодно); Саранский училищный совет назначил также в ежегодное пособие из суммы земства училищам: в с. Соколовка — 132 руб., в Ремезянском — 182 руб. Таким образом, в ведении саранского училищного совета в 1875 г. оказались 25 училищ. Мальчики уже не боялись училищ, как прежде, а посещали школу с охотой и усердием, а число учеников увеличилось до того, что все училища переполнены учащимися.

В отчетах земских управ Пензенской губернии за 1901 г. говорилось о том, что сельские общества принимали активное участие в распространении образования. Это проявлялось в ассигновании сумм, расходуемых на жалованье преподавателям и на содержание училищных помещений: мелкий ремонт, отопление, наем прислуги. Все сельские училища имели собственные помещения, построенные на средства сельских обществ⁶.

В том же отчете по Саранскому уезду сообщалось, что в уезде действуют 36 сельских начальных училища, в которых учатся 1 474 мальчика и 327 девочек, работают 14 учителей, 28 учительниц и 34 законоучителя. На содержание училищ расходуется: от казны — 225 руб., от земства — 265 руб. и от сельских обществ — 4 620 руб. Эти цифры свидетельствуют о заинтересованности сельских обществ в развитии образования на селе.

Вопрос о постройке школьных зданий разрешался такими путями: во-первых, выдачей земством беспроцентных ссуд; во-вторых, постройкой школ на средства земства или выдачей

безвозвратных пособий; в-третьих, постройкой школьных помещений полностью за счет сельского общества. Так, в постановлении Темниковского уездного земского собрания (1895) указывалось, что на постройку школьного здания и на его ремонт общество может получить из земства необходимую сумму взаимобразно, без процентов, сроком на 3 года, для чего земство должно ежегодно вносить в смету 1 500 руб. для составления особого фонда на постройку зданий. В 1898 г. Темниковское уездное земское собрание постановило взять ссуду у тамбовского губернского капитала в 8 700 руб. на постройку 5 школьных зданий⁷.

Неся главную тяжесть расходов для начальной школы и в то же время испытывая упадок экономического благосостояния, обусловленный малоземельем и неурожаями, крестьянские общества не всегда были аккуратными плательщиками. Отсюда постоянные жалобы училищных советов и уездных земских собраний на недоимочность крестьянских обществ в отношении училищных сборов⁸. «Особенно наибольшим трудом доставалась та часть жалования учителя, которая получалась им из средств сельского общества. Все недороды, неурожай, пожары и другие бедствия, испытываемые крестьянами, отражались на нем. Учителю приходилось ждать денег по три-пять месяцев»⁹.

Интересно, что материальные соображения, с одной стороны, мешали крестьянам стать сторонниками учения, а с другой — побуждали их отдавать детей в школу. Польза грамотности, по мнению крестьянина, заключалась в следующем: грамотный человек знаком с правильной речью, понимает роль образованных классов, может писать письма, деловые бумаги, читать книги для развития себя и односельчан. Закончившие школу крестьяне могли найти себе занятие в городе, стать фельдшером, землемером, иконописцем, учителем, а у зажиточных появлялась возможность поступить в гимназию. Окончив школу, можно было поступить в духовное училище и стать священником (дети причетников часто так и поступали), поступив на военную службу — получить двухгодичную льготу и облегчение военной службы в виде получения должности инструктора, полкового писаря. Эти льготы для грамотных юношей предусматривались военным уставом 1874 г.

На отношение крестьян к школе влияли особенности их жизненного уклада и крестьянского менталитета. Известно, что денежный вопрос был самым большим для земледельческой деревни, особенно в неблагоприятное время. Но поскольку в первые послереформенные десятилетия основные материаль-

ные затраты по строительству школ легли именно на сельские общества, то нехватка средств часто являлась препятствием для развития школьной сети. И без того обремененные многочисленными поборами, крестьяне боялись новых затрат. В 1883 г. священник с. Мордовские Парки Краснослободского уезда А. Быстров сообщал: «Приход у нас небольшой — всего 500 душ, он уже истощен средствами на постройку церкви. Постройку училища откладывали, т. к. меньшинство не соглашалось, ссылаясь на недостаток средств»¹⁰.

Смирясь с неизбежными и привычными повинностями, крестьяне не торопились вносить добровольные пожертвования на школу, польза от которой не была до конца ясна. Когда в 80-е г. XIX в. стала активно развиваться сеть церковно-приходских школ, прихожане часто подозревали священника в том, что он просит деньги не на школу, а себе лично. Эта мысль была высказана на инсарском земском собрании 1885 г.¹¹ О подобных фактах, имевшихся в Саранском уезде, сообщал А. И. Масловский: «Крестьяне не хотят платить денег священнику за школу, говоря, что духовенство и так богато»¹². Преодолевая недоверчивость, они постепенно приучались вносить средства на содержание школ. По Симбирской губернии в 1902/03 учебном году было получено 78 % положительных ответов на вопрос: «Исправно ли крестьяне исполняют обязанности по отношению к школе?», и только 22 % отрицательных¹³. Это еще раз доказывает осознанную потребность крестьян в обучении. Участие крестьян в материальном обеспечении делало школу своей для сельского населения.

Однако немногие крестьяне все-таки проявляли желание обучать своих детей грамоте. На вопросы симбирского губернского земства: «Заметно ли в населении сочувствие к училищу и в чем это выражается? Увеличивается или уменьшается за последние годы число желающих учиться? Если не все места заняты в школе, то от чего это зависит? Не заметно ли в местном населении желания, чтобы все дети (мальчики и девочки) или одни мальчики обучались грамоте? Как население выражает это желание и не было ли со стороны его по этому вопросу особых ходатайств?» — от учителей были получены следующие ответы. «Сочувствие к учению есть, но поддерживается плохо. Число учащихся равномерно. Места заняты. Определенно же детям мешают домашние работы и бедность. Население желает, чтобы все мальчики были обучены» (с. Ардатово Алатырского уезда). «За последние годы сочувствие населения к училищу выразилось ассигновкой на переустройство училищного здания из общественных сумм (300 руб.); число

желающих обучаться ежегодно почти одно и то же, причиной этого до сих пор была теснота училищного помещения. Свободных мест в школе нет. Некоторые лица совершенно равнодушны к школьному обучению, поэтому ходатайств по вопросу о всеобщем обучении не было», — отвечал учитель церковно-приходской школы с. Налитово Алатырского уезда.

Учитель земской школы мордовского села Каласево из Ардатовского уезда сообщал: «Возрастание сочувствие крестьян к училищу замечается из того, что они охотнее стали выполнять свои обязанности по отношению к училищу и реже стали задерживать учащихся детей для исполнения домашних работ. Число желающих учиться увеличивается. Не все места в школе заняты потому, что она при постройке соизмерялась с количеством обучающихся детей из двух селений, в настоящее же время в другом селении открыта своя школа, почему и количество учащихся стало меньше. Особых ходатайств о желании обучать девочек со стороны крестьян не было, но за последние два года количество обучающихся девочек увеличилось с 2 до 11».

Учитель земской школы с. Резоватово Ардатовского уезда отвечал: «Сочувствие большое, что видно из того, что население выстроило прекрасное здание на 150 человек. Почти все дети школьного возраста обучаются. Ежегодно число желающих учиться возрастает. В школе остается много свободных мест ввиду того, что когда строилась школа, то обучались в нашей школе и из соседних селений и деревень, где в настоящее время существуют школы грамоты и в с. Резоватове открыта женская школа грамоты. Желание, чтобы все мальчики учились, заметно, относительно же девочек нельзя сказать, из 2 500 душ населения девочек учится только 15».

Учитель церковно-приходской школы мордовского села Популево Ардатовского уезда писал, что население ассигновало на постройку нового школьного здания 300 руб. и 120 руб. ежегодно на содержание. Помещение не может вместить больше, хотя желающих может быть еще приблизительно до 70 чел. Мальчики обучаются почти все, а девочек немного. «Потребность в обучении детей среди населения большая, — писал учитель министерской школы с. Большие Березники Карсунского уезда. — Здесь за редкостью можно будет встретить скоро, если родитель оставит своего сына неграмотным. В селе две школы, и обе переполнены. Места в школе все заняты. Из 200 учащихся 70 девочек. Есть желание даже выстроить школу исключительно для девочек, хотя оно проявляется только у интеллигентных лиц населения»¹⁴.

Желание отдавать своих детей в школы объяснялось еще и тем, что, согласно ст. 56 нового законодательства относительно воинской повинности, закончившие школу крестьяне-новобранцы имели преимущество: они служили 4 года вместо положенных 6 лет. Таким образом, видя преимущество и заинтересованность в этом, крестьяне принимали соответствующие решения. Анализ фондов саранского, инсарского и краснослободского уездных рекрутских присутствий ЦГА РМ показывает увеличение числа грамотных новобранцев в 1874 г. в несколько раз по сравнению с началом 1860-х гг.¹⁵ В сборнике-календаре Тамбовской губернии на 1903 г. приводятся данные грамотности рекрутов. Например, в 1874 г. в Темниковском уезде грамотных рекрутов было 12,28 %, а в 1902 г. — уже 49,19 %. С 1906 г. в связи с тем, что количество льготников, имевших свидетельство о знании курса начальной школы, составляло более половины новобранцев, льготы по воинской повинности были отменены¹⁶.

Наблюдалось и равнодушное отношение к школе: некоторые крестьяне не видели практической целесообразности в школьных занятиях своих детей.

Сельский учитель был поставлен в крайнюю зависимость от должностных лиц крестьянского управления. «Учащим очень часто приходится обращаться с нуждами по училищу к сельскому начальству, — писал один из учителей Симбирской губернии, — и эти частые просьбы нередко порождают неприятности. Иной раз сельский староста, просто по капризу, не хочет исполнять просьбу учащего и, что называется, водит его за нос своими обещаниями. Ходит, ходит учащий за старостой, а цели все-таки не достигает. Тогда учащий вынужден бывает обратиться за содействием к земскому начальнику. Тут-то и зарождаются неприятности: учащего обвиняют в доносе, в клеветничестве. И все это большей частью происходит из-за мелочей вроде приобретения для школы ведра, кружки, вставки оконного стекла»¹⁷. «Если учитель почему-либо не сошелся с волостным писарем или с сельским, — писал один из учителей Симбирской губернии, — всякое требование его или требование учебного начальства о ремонте училища, постройке его и т. д. передается сельским властям, затем и всему обществу, как выдумки учителя, и общество начинает смотреть на учителя враждебно. Чаще всего эти столкновения происходят из-за отопления, освещения и исполнения обязанностей сторожа в училищах, которые обыкновенно отдаются обществом с торгов и берут их или родственники старост, или мироеды, с которыми и приходится ладить учителю, испол-

нять все их желания, или же брать эти обязанности на себя за ничтожную цену и дополнять из собственного жалованья, а чтобы общество не передало эти обязанности кому другому, приходится против своей совести, угощать водкой»¹⁸.

Крестьянская община была заинтересована также в медицинском обслуживании населения. В статьях расходов мирских денег планировалось и медицинское обслуживание однообщинников. Общим положением 19 февраля 1861 г. призрение неимущих в деревнях было возложено на сельские общества и на волостные сходы. Мир и община в случае заболевания однообщинника могли оплатить лечащему врачу, лечебному заведению расходы за своего больного. В 1871 г. пензенское губернское собрание постановило, что плата за больного крестьянина должна взыскиваться с семейства или тех обществ, к которому принадлежал больной¹⁹. Так, в 1894 г. на нужды медицинского обслуживания крестьяне миром потратили: в Темниковском уезде — 125 руб., в Лукояновском — 1 353, Саранском — 416, Инсарском — 406, Ардатовском — 269 руб.²⁰

Примечания

¹ См.: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Спб., 1904. Т. 25.

² **Рождественский С. В.** Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. 1802—1902. Спб., 1902. С. 370.

³ См.: Сборник материалов и статистических сведений по народному образованию в Тамбовской губернии. Тамбов, 1899. Вып. 1. С. 32, 35.

⁴ См.: **Суперанский М. Ф.** Начальная народная школа в Симбирской губернии. Симбирск, 1905. С. 259—260.

⁵ См.: Начальное народное образование в Симбирской губернии по данным 1902—1903 гг. Симбирск, 1905. С. 58.

⁶ ГАПО, ф. 5, д. 9255, л. 327—356.

⁷ См.: Сборник материалов... С. 36.

⁸ См.: **Суперанский М. Ф.** Начальная народная школа... С. 250.

⁹ **Он же.** Быт учащихся в начальных школах Симбирской губернии. Симбирск, 1905. С. 11—12.

¹⁰ Пензенские епарх. ведомости. 1883. ц. 12.

¹¹ Там же. 1885. ц. 21.

¹² Там же. 1887. ц. 1.

¹³ См.: Начальное народное образование... С. 34.

¹⁴ **Колесников К. П.** Начальное народное образование в Симбирской губернии по данным 1902—1903 гг. Симбирск, 1905. С. 29.

¹⁵ ЦГА РМ, ф. 78, оп. 1, д. 57, л. 38; ф. 113, оп. 1, д. 53, л. 50; ф. 127, оп. 1, д. 40, л. 60.

¹⁶ ГАПО, ф. 81, оп. 1, д. 1203.

¹⁷ **Суперанский М. Ф.** Быт учащих... С. 9—10.

¹⁸ Там же. С. 10—11.

¹⁹ См.: 25-летняя деятельность земских учреждений Пензенской губернии 1865—89 гг. Пенза, 1894. С. 214.

²⁰ См.: Мирские расходы, доходы за 1894. Спб., 1898. С. 10.

Поступила 12.05.2003 г.

УДК 323.325:35(470)

В. И. Первушкин, Г. В. Гарбуз

**КРЕСТЬЯНСКИЙ «МИР» И ОРГАНЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИИ
В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.
(на примере Пензенской губернии)**

Известно, что объединение крестьян, живущих в одном или нескольких селениях и решающих совместно земельные, хозяйственные, налоговые и другие вопросы, принято называть общиной, в среде же сельского населения этот термин носил иное наименование — «мир», или «общество».

Действительно, община — это целый мир, мир крестьянина. Здесь столетиями копился социальный опыт; он был так же многообразен, как приемы хлебопашества, и как в земледелии крестьянин приспособлял эти приемы, сложившиеся в результате длительной коллективной практики, к конкретным природным условиям, так и община изменялась, перестраиваясь в зависимости от социальных обстоятельств.

До начала проникновения капитализма в деревню сельские общины у народов пензенского края отличались замкнутостью. Они неохотно принимали в свою среду людей со стороны. В капиталистический период эта замкнутость была нарушена. Разорявшаяся беднота, не способная обрабатывать землю, часто отдавала ее в аренду или совсем от нее отказывалась. Если община не страдала от малоземелья, то она охотно принимала на пустующие земли людей со стороны, часто другой национальности, особенно русских.

Кроме традиционных функций общины — перераспределение пахотных земель и сенокосных участков — ее обязанностью была забота об осиротевших детях. Община могла вме-

шиваться и во внутрисемейные дела. В первую очередь это было связано с системой круговой поруки, т. е. она следила, чтобы семья была способна платить налоги. Но община вмешивалась и в дела состоятельных семей. Это было связано со спецификой быта общины народов пензенского края, в которой соседские отношения тесно переплетались с родственными. В общинах действовал негласный закон родственной помощи, какой бы тяжелой и нежелательной она ни была.

Капиталистические отношения способствовали расслоению общины: с одной стороны, выделялись зажиточные крестьяне, с другой — бедные. Развивающиеся товарные отношения заставляли крестьянина везти сельскохозяйственную продукцию на рынок. Главным предметом продажи был хлеб. Чтобы получить богатый урожай, землю приходилось обрабатывать более тщательно, применяя новые агротехнические приемы, удобрения и т. п. Но этому мешали общинные переделы земли, так как путем жребия земля, за которой ухаживал крестьянин, могла перейти к другому. Это одна из причин того, что с конца XIX в. переделы становились редкими, а где-то уже начинали носить формальный характер. В рассматриваемое время все большее значение получает аренда земли. Особенно широко она была распространена среди татарского и мордовского населения. Землю арендовали как зажиточные крестьяне, так и бедняки: первые таким способом увеличивали производство товарной продукции, вторые пытались как-то выжить.

Не углубляясь в подробности функционирования общины, отметим, что основным документом, который исходил от нее, был «приговор» — решение схода. Приговоры выносились устно, но наиболее важные записывались. Сельский сход состоял из глав или старейшин семей от каждого двора, преимущественно мужчин. У русского населения пензенского края сходы обычно собирались 1 раз в месяц. Исполнение административных функций (сбор налогов, податей, контроль за общественным порядком и другое) возлагалось на выборных должностных лиц — старост, сборщиков податей, десятских. Всех их выбирали на сходе большинством голосов. Старост обычно избирали на 3 года, всех других должностных лиц — на 1 год. Сход выносил решения, выполнять которые обязаны были все члены общины.

Общины, являясь органами крестьянского *самоуправления*, постоянно контактировали с государственными органами крестьянского *управления*, которые обладали судебной и административной властью и осуществляли надзор за их деятельностью. Аппарат крестьянского управления представ-

лял собой административную пирамиду, в основании которой находился институт земских начальников — непосредственных проводников правительственной политики на местах. Промежуточное положение занимали уездные съезды, направляющие деятельность крестьянских учреждений в рамках уезда. На вершине пирамиды находилось губернское присутствие¹.

Штат земских начальников в Пензенской губернии насчитывал 50 земских участков². Закон 1889 г. делал земского начальника, по мнению П.Н. Зырянова, почти неограниченным самодержцем на своем участке³. Его власть простиралась не только на крестьянских должностных лиц и крестьянские сходы, но и на каждого отдельного крестьянина. По этому закону земским начальником мог стать имеющий высшее образование потомственный дворянин (желательно из местных землевладельцев), имевший опыт службы в одном из государственных учреждений, связанных с крестьянским управлением⁴. Обладание недвижимостью в пределах губернии было непременным условием утверждения в должности. Назначение на должность оформлялось высочайшим указом. Подбор кандидатов осуществляли губернаторы совместно с предводителями дворянства. В случае разногласий между ними министерство внутренних дел (МВД) могло утвердить любую из предложенных кандидатур или предложить своего кандидата. Желание губернаторов и предводителей дворянства видеть на соответствующих постах своих приверженцев и встречное желание МВД обеспечить себя надежными исполнителями на местах порождали неразбериху в кадровых вопросах. На некоторые участки назначались сразу несколько кандидатов, другие долгое время оставались незанятыми. Особенно тяжелое положение создалось в 1907 г. в Пензенской губернии. Стремление губернатора С. В. Александровского во что бы то ни стало утвердить на должности земских начальников «своих» людей привело к образованию множества вакансий и созданию вакуума власти в деревне. Дошло до того, что пензенские крестьяне стали обращаться к правительству с просьбами скорее назначить им земских начальников. Сельским жителям было безразлично, на кого ориентируется их участковый начальник, они хотели видеть на этом посту «сведущего и знакомого с положением крестьян» чиновника⁵.

Такое положение складывалось в силу того, что земские начальники имели право рассматривать все приговоры сельских сходов. Они могли остановить или отменить приговоры, которые, по их мнению, не соответствовали закону или

нарушали права членов сельских обществ, чем активно пользовались, пытаясь заставить крестьянские общины действовать в нужном им направлении. Земские начальники разбирали жалобы крестьян на действия должностных лиц крестьянского самоуправления и постановления сельских сходов, решали дела об опеке над малолетними сиротами, обеспечивали реализацию приговоров крестьянских обществ об удалении порочных лиц. На них возлагался контроль за поступлением налогов. В некоторых случаях земские начальники могли подменять полицейских чиновников в решении вопросов охраны общественного порядка и осуществлять руководство полицией в пределах своего участка⁶.

Однако попытки правительства сделать из земского начальника действенный инструмент контроля за крестьянской жизнью не увенчались успехом. Поэтому в начале XX столетия особое значение приобретали уездные съезды как учреждения, призванные оказывать поддержку земским начальникам и одновременно осуществлять ближайший контроль за их деятельностью. Председателем съезда являлся уездный предводитель дворянства. В состав съезда входили все земские начальники, председатель земской управы, уездный исправник, уездный член окружного суда, городской судья (если таковой имелся) и податной инспектор.

Заседания уездного съезда носили распорядительный, административный и судебный характер. Распорядительные заседания определяли работы съезда. Для проведения других заседаний съезд делился на два присутствия — административное и судебное. Административное присутствие составляли уездный предводитель дворянства и земские начальники. Заседания проходили не реже 1 раза в месяц. Административное присутствие осуществляло надзор за деятельностью земских начальников. Именно оно рассматривало дела об увольнении от службы и предании суду должностных лиц крестьянского самоуправления. Судебное присутствие уездного съезда играло роль кассационной инстанции, куда подавались жалобы на действия волостных судов и земских начальников. В состав присутствия наряду с предводителем дворянства и земскими начальниками, заседавшими по очереди, входили член окружного суда, городской судья и мировые судьи⁷.

Уездные съезды могли отменять приговоры сельских и волостных сходов, уже прошедшие проверку у земских начальников, и утверждать приговоры относительно переделов общинной земли. Решения съездов по этим вопросам были окончательными, и пересмотреть их мог только Сенат⁸.

Губернское присутствие осуществляло надзор за деятельностью земских начальников и уездных съездов. Оно могло ограничиться взысканием, отстранить от должности или даже уволить земского начальника. По административным делам решения губернского присутствия были окончательными. По судебным делам, включавшим в себя принятие решений по должностным преступлениям лиц, подчиненных присутствию, а также по отмене окончательных приговоров и решений уездных съездов губернское присутствие часто выносило лишь свое суждение, предоставляя право окончательного решения Сенату и другим государственным учреждениям⁹.

Ревизионную и большинство других функций исполняли в основном непеременные члены губернского присутствия. Обычно таковых в составе присутствия было трое. В поволжских губернских присутствиях преобладало предметное распределение дел. В пензенском губернском присутствии всеми делами, относящимися к продовольственной части, заведовал А. А. Путилов¹⁰, а делами, связанными с землеустройством, — А. В. Цеклинский; он же занимался и судебными делами присутствия¹¹.

В начале XX в. в деятельности земских начальников на первый план постепенно выдвинулись землеустроительные функции, что привело к изменениям в кадровой политике министерства внутренних дел. К предварительным испытаниям кандидатов на должности земских начальников стали привлекать непеременных членов губернских землеустроительных комиссий. Пензенский губернатор И. Ф. Кошко вынужден был снять кандидатуру А. Н. Кашкарова, рекомендованного на должность земского начальника Мокшанского уезда, так как в МВД поступили сведения о невнимательном отношении последнего к вопросам землеустройства¹². Причина заключается в том, что в период Столыпинской аграрной реформы органы крестьянского управления были основными проводниками правительственной политики в пензенской деревне.

Новые реалии общественной жизни и государственного устройства России в начале XX в., вызванные к жизни процессом модернизации, не внесли принципиальных изменений в структуру и функционирование органов местного управления. Наоборот, в провинциальном административном аппарате усилились тенденции, характерные для самодержавной системы управления, потому община пыталась отстаивать интересы крестьянства, насколько это было возможно в тех социально-политических условиях. Ей необходимо было учитывать и интересы отдельного хозяйства, и всей общины в целом. По-

стоянное разрешение противоречий, связанных с взаимоотношениями общины и государственной власти, создавало основу для накопления большого социального опыта.

Примечания

¹ См.: Труды съезда непреременных членов губернских присутствий. 1907. Спб., 1908. С. 4.

² ГАПО, ф. 53, оп. 1, д. 1356, л. 261 об. — 262.

³ См.: **Зырянов П. Н.** Крах внутренней политики третьиюньской монархии в области местного управления (1907 — 1914): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1972. С. 144.

⁴ Свод законов Российской империи. Спб., 1902. Т. 9. С. 147. Ст. 6. Далее: СЗРИ.

⁵ ГАПО, ф. 53, оп. 1, д. 657 а, л. 22.

⁶ СЗРИ. Т. 9. С. 151. Ст. 24.

⁷ Там же. С. 158. Ст. 67.

⁸ ГАПО, ф. 53, оп. 1, д. 262 а, л. 15 об.

⁹ РГИА, ф. 1291, оп. 120, 1913, д. 90.

¹⁰ ГАПО, ф. 53, оп. 1, д. 3127 б, л. 2.

¹¹ См.: **Кожко И. Ф.** Воспоминания губернатора. Новгород — Самара — Пенза. Пг., 1916. С. 236.

¹² ГАПО, ф. 53, оп. 1, д. 657, л. 46.

Поступила 9.04.2003 г.

УДК 336.22:323.325(470.4)

О. И. Марискин

ПОДАТНЫЕ ФУНКЦИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в. (по материалам Среднего Поволжья)

Отмена в 1861 г. крепостного права стала важнейшим событием, определившим развитие России, в целом модернизацию страны, ее переход из аграрной в аграрно-индустриальную и индустриальную стадии во второй половине XIX — первой трети XX в. Вследствие этого понимание механизма российского исторического процесса, в том числе современного положения России, следует искать во взаимоотношениях крестьянства и власти, в частности в их фискальной стороне.

© О. И. Марискин, 2004

Отечественная историография имеет определенные наработки по изучению податных функций общины. Так, недоимочности общин и круговой поруке в пореформенный период посвящены специальные работы Н. К. Бржевского¹ и М. С. Симоновой². Отдельные аспекты взаимоотношения государства и крестьянства России — через призму налогообложения, затрагивались в исследованиях А. М. Анфимова, Н. И. Ананьич, О. Г. Вронского, П. Н. Зырянова, Л. И. Кучумовой, В. Г. Тюкавкина³ и др. На материалах Среднего Поволжья тема анализировалась в трудах П. С. Кабытова, А. С. Патрушева, П. И. Савельева, Ю. И. Смыкова⁴. Социальные отношения в деревне и роль крестьянской общины в советский период исследовались В. В. Кабановым⁵, В. П. Даниловым⁶, В. Я. Осокиной⁷. В то же время эволюция податных функций общины в период модернизации России во второй половине XIX — первой трети XX в. не служила предметом комплексного исследования, многие вопросы остаются пока дискуссионными или слабо изученными.

В пореформенный период сельское общество выступало перед государством в качестве единого юридического лица по выполнению административных, хозяйственных, финансовых и судебных обязательств.

Общинная собственность на землю являлась основой существования общины как податной единицы. Сельскому обществу предоставлялась полная самостоятельность в податном деле, оно получало 1 окладной лист, разверстывало подати и собирало их, взыскивало недоимку или раскладывало ее на остальных членов общества, вносило деньги в казначейство, учитывало должностных лиц, определяло порядок податного счетоводства и отчетности. Вмешательство сторонних обществу органов наступало лишь тогда, когда налично имелась недоимка и надо было принять меры по ее взысканию, но не с недоимщика, ответственного лишь перед обществом, а с целого общества, призываемого к ответу по круговой поруке⁸.

Круговая порука в платежах обуславливала наличие паспортной системы, при которой выдача документов для временного оставления сельского общества, чаще всего для ухода на заработки, зависела от согласия членов общества, имевшего право вызвать своего однообщинника этапным порядком на место постоянного жительства. При получении паспорта крестьянин, явившись в волостное правление, должен был непременно доставить от своего сельского старосты так называемый покормежный билет («кормежку»); не предъявивший его не получал паспорта⁹. На «кормежке» стояла подпись сельского

старосты и старшего члена семьи, где они подписывались, что не имеют препятствий для получения паспорта¹⁰.

Все платежи и сборы, кроме сборов на некоторые мирские потребности, раскладывались обществом по тем разверсточным единицам (ревизским душам, наличным душам, работникам и т. п.), которые были приняты крестьянами для раздела надельной земли; с изменением основания раздела последней изменялись и основания раскладки податей.

В Среднем Поволжье препятствием для перехода с разверстки по ревизским душам на новые разверсточные единицы служило ожидание ревизии, существовавшее у крестьян убеждение, будто делить землю можно одновременно с казенной ревизией. Поэтому до конца 70-х и начала 80-х гг. XIX в. земельных переделов по новым основаниям почти не было. Однако тщетное ожидание ревизии в течение 20 лет, большое несоответствие наделов с разверсточной единицей, затруднение в отбывании повинностей в совокупности побудили, наконец, крестьян к массовому распределению земли по новым основаниям. В частности, к концу XIX в. в Казанской губернии 54,74 % общин делили землю по наличным душам, 39,15 — по ревизским, 1,64 — по работникам, 1,5 — по тяглам, 0,55 — по едокам, 0,14 — по дворам¹¹.

Исправное или неисправное поступление платежей с земельных участков служило формальным критерием оценки рабочей способности семьи. Для преследования этой цели община обладала дисциплинарным правом. Именно в системе принудительных мер заключалась главная сущность круговой поруки.

В отношении неисправных плательщиков всех видов податей сельское общество могло принимать, согласно ст. 188 Положения о крестьянах, следующие меры взыскания: 1) обратиться на возмещение недоимок доход с принадлежащего недоимщику в собственность недвижимого имущества; 2) отдать самого недоимщика или кого-либо из членов семейства в посторонние заработки; 3) определить к недоимщику опекуна; 4) подвергнуть продаже принадлежащее недоимщику лично недвижимое имущество; 5) продать ту часть движимого имущества и строений недоимщика, которые не составляют необходимости в его хозяйстве; 6) отобрать у недоимщика часть отведенных ему полевых угодий или даже весь его полевой надел (временно).

Самому обществу предоставлялось право в каждом случае выбирать одну или несколько из указанных мер взыскания, но к последним трем общество могло обращаться только

в крайних случаях, когда все другие взыскания оказывались недостаточными для пополнения недоимки.

В действительности в податном отношении сельская община выступала своеобразным барьером-буфером. С одной стороны, община – механизм фискального изъятия, составная часть государственной налоговой системы. С другой – она предохраняла крестьян от произвола чиновников при сборе налогов, была инструментом борьбы против чрезмерного налогового гнета.

Материалы исследований Вольного экономического и Русского географического обществ (конец 70-х гг. XIX в.), а также Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева (конец 1890-х гг.) иллюстрируют как данное положение, так и факты применения принудительных мер взыскания.

В. Э. Красовский относительно сбора платежей в Ново-Алехинской общине Симбирского уезда 30 октября 1878 г. сообщал, что только нерадивым крестьянам сельский сход делает сначала строгий выговор, потом приговаривает к нескольким ударам розг, потом по приговору схода сельский староста приступает к описи имущества и, наконец, его продаже. Если вырученные от продажи имущества деньги не покроют всех недоимок, то мир отдает землю недоимщика другим крестьянам в аренду до тех пор, пока вырученные от сдачи земли деньги не покроют всей недоимки. Отмечались случаи отдачи в заработки какому-либо зажиточному крестьянину, а если недоимщик не справлялся и уходил с заработка раньше срока, то мир постановлял приговор об удалении его из общества и недоимку раскладывал на всех членов общины¹².

В Акулевской чувашской общине Акулевской волости Чебоксарского уезда до наступления срока взноса податей мир не принимал никаких принудительных мер. В случае полной несостоятельности к уплате податей и других сборов мир с разрешения схода отбирал у недоимщика землю и передавал изъявившему желание ее взять (с обязательством уплаты всех повинностей). Затем, если и этого оказывалось недостаточно, мир в присутствии старосты и других сельских начальников приступал к продаже имущества недоимщика. Продаже подвергались: скот, птица, одежда, разные изделия, но вообще все, что окажется не особенно нужным в хозяйстве. Женское имущество не продавалось. «Случаи, когда всему обществу приходится платить за недоимщиков, бывают очень редко, но если встречаются, то сам мир раскладывает недоимки»¹³.

На первом месте по применению принудительных мер, согласно ст. 188 Положения о крестьянах, стояли опись и про-

даже имущества. Опись имущества неплательщиков отмечалась в конце XIX в. до 60 % недоимочных селений России, продажа имущества — от 4 до 20 % селений к числу селений, в которых была проведена опись¹⁴. В Симбирском и Ардатовском уездах Симбирской губернии продаж имущества производилось мало: в первом уезде за 1885—1890 гг. было не более 50 описей, а продаж совсем не было, а во втором — 6 описей и 5 продаж на сумму до 785 руб. В Карсунском уезде по 67 селениям было описано имущества на 325 тыс. руб., а продано лишь на 538 руб.¹⁵

В Саранском уезде Пензенской губернии за 3 года было 53 случая описи всего имущества сельских обществ и 8 случаев продажи. В 1887 г. продажа произведена в 4 селениях при недоимке 9 991 руб., продано на 96 руб. В 1888 г. при недоимке 13 482 руб. продано на 87 руб. В 1890 г. при недоимке 190 руб. продано на 90 руб.¹⁶

Сельская администрация оказалась также подвержена давлению со стороны полиции. Волостные старшины подвергались аресту в 37 % уездах России¹⁷, сельские старосты — в 53 % уездов¹⁸. В Спасском уезде Казанской губернии, если арест крестьян-неплательщиков производился на срок от 3 до 5 сут, то сельского старосту арестовывали за неисправный сбор на срок от 5 до 14 сут¹⁹. Для старосты срок мог увеличиться и до месяца со штрафом в 3 руб.²⁰

Кроме этого наказания полиция (урядники, стражники), злоупотребляя своей властью (превышая ее), желая в точности исполнить «приказание своего начальства, — по сообщению казанских респондентов Этнографического бюро В. Н. Тенишева, — бьют неисправных плательщиков тайно от всех плетками, нагайками, кулаками по голове, лицу, за волосы, бороду, оскорбляя всячески, унижают, насмеваются, сажают в подпол, в ямы, в погреб, морят голодом, чтобы добиться своего, чтобы уплатил немедленно и где хочет, тут и берет, без всякого снисхождения, милости, отсрочки, льгот, причины»²¹.

По сообщению И. Каблукова, в Посопском обществе Саранского уезда Пензенской губернии, если на сходе во главе участвовал 1 сельский староста, то при неуплате податей неисправный плательщик, несмотря на его иногда даже основательные ссылки по поводу неплатежа, заключался на полсутки или сутки под арест в холодный чулан при сборной избе, если присутствовал волостной старшина, то неисправный плательщик немедленно отправлялся под арест в «холодную» при волостном правлении в Саранске. Больше всего крестьяне боялись, когда на сходе присутствовал уездный исправник, который, по выражению крестьян, «ставит банки» и «пу-

щает кровь», т. е. неисправных плательщиков «поколачивает или заставляет производить эту расправу полицейскому уряднику»²².

К концу XIX в. уже крайне редко наблюдалось развертывание недоимки между плательщиками по приговору схода, что, по справедливому мнению М. С. Симоновой, свидетельствовало об отмирании круговой поруки²³. Число дополнительных раскладок по круговой поруке отмечалось в 28 из 48 губерний Европейской России (58,3 %). В Пензенской губернии в 1891 г. зарегистрировано 50 таких случаев (одна раскладка приходилась на 25 недоимочных селений)²⁴.

Формально отмена круговой поруки при сборе крестьянами налоговых платежей происходила поэтапно. Еще в начале 60-х гг. XIX в. министр внутренних дел П. А. Валуев пытался повлиять на принципы разрабатывавшейся в Податной комиссии реформы в сторону отказа от круговой поруки и принципа саморазверстки налогов сельским обществом. 9 октября 1862 г. он отправил управляющему министерством финансов записку с изложением своих взглядов: «Самообложение членов податного общества для уравнительного между ними распределения заранее указанной суммы налога есть спутник круговой поруки; но круговая порука есть один из главных признаков несовершенства податной системы; при усовершенствовании ее круговое ручательство должно устраниваться, а вместе с тем и прежний повод к саморазверстанию налога между членами общества»²⁵.

По Положениям 19 февраля 1861 г. единственной категорией, освобожденной от кругового ручательства, были крестьяне мелкопоместных владельцев, имевших менее чем 21 душу (ст. 7 Дополнительных правил об имениях мелкопоместных владельцев). 17 ноября 1869 г. Общим собранием Государственного совета утверждено положение, по которому от круговой поруки освобождались крестьяне селений, насчитывающих менее 40 душ²⁶ (утверждено по проекту М. Х. Рейтерна «О составлении окладных листов по селениям»).

Далее законом от 23 июня 1899 г. селения или часть их с общинным пользованием, владеющие менее чем 60 душевыми по ревизскому счету наделами, освобождались от круговой ответственности по всем казенным и земским окладным сборам. Тем самым была предопределена судьба круговой поруки: в министерстве финансов начали готовить проект ее окончательной отмены.

Закон 1899 г. предоставил сельским обществам самим устанавливать в течение года сроки, в которые каждое селение в

отдельности обязано было вносить известную долю годового оклада. Новый порядок взыскания окладных сборов поставил время уплаты податей в зависимость от момента наибольшей платежеспособности населения, дав этим возможность крестьянству без особого напряжения своих платежных сил вносить причитающиеся по частным срокам сравнительно незначительные доли оклада²⁷. Такой порядок побудил плательщиков более сознательно относиться к своим податным обязанностям и устранил возможность прежнего беспорядочного накопления недоимок и произвольного применения круговой поруки. По отчетам податных инспекторов Казанской губернии «О ходе взыскания по правилам 1899 г.», случаев составления приговоров о разверстке недобора между домохозяевами не было совершенно²⁸. Отмечены единичные случаи применения круговой поруки в Пензенской и Симбирской губерниях.

Почти исключительной мерой взыскания недоборов была опись имущества, применявшаяся, например, в довольно значительных размерах в большей части податных участков Самарской губернии. Но продажи имущества с торгов были единичными²⁹.

Круговая порука, не применяемая фактически, в то же время служила тормозом для успешного поступления сборов, так как исправные домохозяева опасались подвергнуться, после аккуратного выполнения своих собственных податных обязанностей, еще и уплате разверстанных сумм³⁰.

Наконец, законопроектом от 12 марта 1903 г. уплата окладных сборов переносилась на личную ответственность каждого отдельного домохозяина как с общинным, так и с подворным (наследственным) владением земель. Одновременно с этим были упразднены и все ограничения, предусмотренные Уставом о паспортах для сельских обывателей и лиц бывших податных сословий, которые, таким образом, были уравнены в правовом отношении с прочими сословиями.

«Черный передел» практически всех сельскохозяйственных земель в 1918 г. означал: во-первых, «осереднячивание» крестьянского хозяйства, натурализацию производства, ослабление рыночных связей и в конечном счете демодернизацию страны; во-вторых — возрождение общины, которая к 1927 г. на территории РСФСР охватывала 95,5 % крестьянских земель³¹.

Отсутствие в первые годы Советской власти единой бюджетной, финансовой политики и налаженного налогового аппарата привело к тому, что обложение все более теряло свой смысл. Советы не взяли на себя задачи взимания государственных налогов, что сводило поступление государственных

доходов большей частью к нулю. Более того, Советы сами стремились переложить податные функции на общину, используя традиционный разverstочный механизм и коллективную, круговую ответственность при фискальных сборах³².

О высокой степени распространенности коллективной ответственности при сборе налогов, продразверстке и исполнении натуральных повинностей говорит тот факт, что при отмене продразверстки в декрете ВЦИК от 21 марта 1921 г. «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом» специально оговаривалась и ликвидация круговой поруки. До этого изъятие у населения излишков с применением круговой поруки предусматривалось даже специальным законом о реквизиции и конфискации (СУ. 1920. ц. 29. Ст. 143)³³.

С заменой в 1921 г. продразверстки продналогом меры принуждения при сборе налогов оставались прежними. Предусматривалась возможность введения военного поста в тех селениях, которые в массовом порядке уклонялись от сдачи продовольственного налога, — т. е., по сути, та же коллективная ответственность. При первых признаках противодействия сбору налога, согласно постановлению СТО от 12 августа 1921 г., продкомам вменялось в обязанность немедленно принимать самые решительные меры принудительного характера: вводить в упорствующие селения воинские части, немедленно направляя туда выездные сессии ревтрибуналов. При введении войска обеспечивались сельскими обществами по полной норме боевого пайка³⁴.

Губпродкомиссары и упродкомиссары получили также право различного рода экономических мероприятий: запрещения продажи и покупки на рынках местного оборота тех или иных отдельных продуктов, подлежащих налоговому обложению, и полного закрытия рынков местного оборота³⁵.

В 1921 г. критическое состояние Поволжских губерний, которое в голодных районах обострилось до крайности, вызвало местами массовый отказ населения от уплаты налога, развитие бандитизма, поголовное употребление в пищу суррогатов и даже людоедство³⁶. Военный постой в таких районах не применялся, однако в относительно благополучных местностях он имел широкую практику.

Например, ввод вооруженной силы в Краснослободском уезде Пензенской губернии, по данным протокола заседаний губпродколлегии и комиссии о сложении продналога от 5 ноября 1921 г., производился в 6 волостях. По Керенскому уезду вооруженная сила вводилась во всех волостях, в некоторых даже по несколько раз, но эта мера приносила малую

пользу в деле. При появлении отряда в какой-либо деревне сначала ссыпка хлеба и сдача других продуктов начинали увеличиваться, «но как только население осваивалось с отрядом, заводились знакомства и дружеские отношения – сильно падала»³⁷. Как хорошую меру продкомиссар Керенского уезда Заплетин отметил ревтрибунал и аресты: арестовано 25, суду ревтрибунала передано 1 037, осуждено 30³⁸.

В общей сложности на октябрь 1921 г. из 33 губерний России военный постой вводился в 18 губерниях (55 %), а на декабрь 1921 г. из 43 губерний – в 25 (59 %)³⁹.

С введением в 1923 г. единого сельскохозяйственного налога (ЕСХН), ставшего основным налогом для крестьянских хозяйств на протяжении 20-х гг. XX в., произошла денатурализация системы налогообложения, чем ознаменовался переход к аграрно-индустриальному этапу развития страны. Сельская община во взаимоотношениях с государством с этого времени не представляла собой единое податное лицо и утратила свою фискальную сущность. Ведение лицевых расчетных счетов и окладных листов каждому налогоплательщику и представление сведений о выполнении налога возлагалось на сельсоветы.

В то же время, по обычаю, община имела право на самообложение, которое было традиционным, органически присущим ей способом удовлетворения основных управленческих, хозяйственных и культурных потребностей деревни. Мирские сборы отличались от прочих налогов и сборов прежде всего тем, что здесь предварительно определялись сами потребности общины, а потом уже, соответственно потребностям, община устанавливала налог.

Распространенность и значение самообложения в деревне 20-х гг. XX в. обуславливались силой общинных традиций. При этом сказывалась также нехватка средств, отпускаемых на сельские нужды из вышестоящих бюджетов. Община повсеместно и полностью содержала за счет самообложения выборных должностных лиц и работников аппарата сельских советов, а до укрепления волостей – и волисполкомов⁴⁰. Так, проверка низового аппарата Пензенской губернии в 1925 г. показала, что «самообложение процветает, доходя до огромных размеров. Большая доля идет на оплату сельских должностных лиц»⁴¹. Одного этого факта вполне достаточно, чтобы констатировать традиционный (общинный) характер сельского управления в рассматриваемый период. Кроме того, все важнейшие общественные, хозяйственные и земельные вопросы решались сначала на отдельных, затем на совместных за-

седаниях сельского совета и представителей общины, а потом выносились на решение сельского схода⁴².

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 29 августа 1924 г. «О самообложении населения для удовлетворения местных общественных нужд» самообложение легализовалось, но устанавливалась норма о необязательности (добровольности) выплат по самообложению для тех, кто за такое решение не голосовал⁴³, что сделало закон неработающим, так как община допускала самообложение к обществу в целом, а не к отдельным ее членам.

Постановлением 24 августа 1927 г. ЦИК и СНК СССР «О самообложении населения»⁴⁴ вводилось самообложение, обязательное для всех граждан данного селения. Перечень местных культурных и хозяйственных нужд, на удовлетворение которых могло устанавливаться такое самообложение, содержалось в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 7 января 1928 г. «О порядке самообложения населения»⁴⁵. Это устройство и хозяйственное содержание учреждений культуры, просвещения, здравоохранения и социального обеспечения, а также учреждений, имеющих целью поднятие сельского хозяйства, строительство и ремонт дорог и мостов, противопожарная охрана, благоустройство и охрана селений.

Вплоть до начала 1928 г. самообложение являлось важнейшим элементом общинного самоуправления в деревне. С утверждением «поналогового» принципа раскладки оно было включено в государственную бюджетную сферу, а община отстранена от исчисления, разверстки и сборов по самообложению.

В декабре 1928 г. 4-я сессия ЦИК Союза ССР утвердила «Общие начала землепользования и землеустройства», по которым общества были целиком подчинены сельсоветам: последний должен был утверждать постановления общин, касающиеся земельных вопросов, и имел право отменить постановление общества, если оно нарушало законы и распоряжения высших органов, противоречило задачам кооперирования или нарушало интересы бедноты.

Юридической основой для упразднения крестьянской общины послужило постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 30 июля 1930 г. «О ликвидации земельных обществ в районах сплошной коллективизации». Оно обязывало ликвидировать земельные общества, если в пределах данного общества коллективизировано не менее 75 % крестьянских хозяйств⁴⁶. Местные органы Советской власти опускали эту планку ниже.

В результате уже к середине 1930-х гг. подавляющее большинство поземельных общин Среднего Поволжья было ликвидировано. Вместе с земельными общинами уничтожались и общинное самоуправление.

Насильственная ломка традиционного института говорит о том, что сельская община не исчерпала себя, имела внутренние резервы для саморазвития и совершенствования. В целом ее необходимо рассматривать как динамическую структуру, во всяком случае, как неотъемлемую часть российского общества на протяжении длительного периода истории.

Примечания

¹ См.: **Бржевский Н. К.** Натуральные повинности крестьян и мирские сборы. Спб., 1908; **Он же.** Круговая порука сельских обществ. Спб., 1898; **Он же.** Недоимочность и круговая порука сельских обществ. Спб., 1897; **Он же.** Очерки юридического быта крестьян. Спб., 1902.

² См.: **Симонова М. С.** Отмена круговой поруки // Ист. зап. М., 1969. Т. 83. С. 159–195.

³ См.: **Анфимов А. М.** Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России: 1881–1904 гг. М., 1984; **Ананьич Н. И.** К истории отмены подушной подати в России // Ист. зап. М., 1974. Т. 94. С. 183–212; **Вронский О. Г.** Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905–1917). М., 2000; **Зырянов П. Н.** Крестьянская община Европейской России 1907–1914 гг. М., 1992; **Кучумова Л. И.** Сельская поземельная община в Европейской России в 60–70-е гг. XIX в. // Ист. зап. М., 1981. Т. 106. С. 323–348; **Тюкавкин В. Г.** Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001.

⁴ См.: **Кабытов П. С.** Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1982; **Он же.** Русское крестьянство в начале XX века. Самара, 1999; **Патрушев А. С.** Марийская деревня в период империализма. Йошкар-Ола, 1974; **Савельев П. И.** Пути аграрного капитализма в России. XIX век: (по материалам Поволжья). Самара, 1994; **Смыков Ю. И.** Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма: (Соц.-экон. исслед.). М., 1984.

⁵ См.: **Кабанов В. В.** Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988; **Он же.** Крестьянская община и кооперация России XX века. М., 1997.

⁶ См.: **Данилов В. П.** К вопросу о характере и значении крестьянской поземельной общины в России // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 341–359; **Он же.** Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977; **Он же.** Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979; **Он же.** Советская налоговая политика в доколхозной деревне // Октябрь и советское крестьянство. 1917–1927 гг. М., 1977. С. 165–191.

- ⁷ См.: **Осокина В. Я.** Социалистическое строительство в деревне и община 1920—1933 гг. М., 1978.
- ⁸ См.: **Бржевский Н. К.** Недоимочность... С. 162.
- ⁹ АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 1362, л. 28.
- ¹⁰ Там же, л. 30.
- ¹¹ См.: Общий свод данных хозяйственно-статистического исследования Казанской губернии. Часть экон. Казань, 1896. С. 354.
- ¹² РГИА, ф. 91, оп. 2, д. 768, л. 4.
- ¹³ Там же, д. 777, л. 21.
- ¹⁴ См.: Свод сведений о поступлении и взимании казенных, земских и общественных окладных сборов за 1891 год. Спб., 1898. С. 43.
- ¹⁵ АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 1526, л. 1.
- ¹⁶ Там же, л. 8.
- ¹⁷ См.: Свод сведений... С. 46.
- ¹⁸ Там же. С. 47.
- ¹⁹ АРЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 466, л. 29.
- ²⁰ Там же, л. 30.
- ²¹ Там же, л. 31.
- ²² ГАРФ, ф. 586, оп. 1, д. 115, л. 64.
- ²³ См.: **Симонова М. С.** Указ. соч. С. 173.
- ²⁴ См.: Свод сведений... С. 44.
- ²⁵ **Чернуха В. Г.** Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60—70-е годы XIX в.). Л., 1972. С. 198.
- ²⁶ ПСЗ-2. Т. 44, ц 47687.
- ²⁷ См.: Свод сведений общественных окладных сборов за 1900 г. По данным податных инспекторов. Спб., 1907. С. 8.
- ²⁸ РГИА, ф. 573, оп. 5, д. 6550, л. 7.
- ²⁹ Там же, д. 6531, л. 5 об.
- ³⁰ Там же, д. 6550, л. 8 об.
- ³¹ См.: **Данилов В. П.** Аграрные реформы и аграрная революция в России // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 319.
- ³² См.: **Кабанов В. В.** Крестьянское хозяйство... С. 178.
- ³³ НАРТ, ф. Р-3451, оп. 1, д. 351, л. 136.
- ³⁴ ГАПО, ф. Р-9, оп. 1, д. 487, л. 11.
- ³⁵ См.: **Брагинский М.** Ответственность за неплатеж сельхозналога // Ежегод. сов. юстиции. 1926. ц 33. С. 984—985.
- ³⁶ РГАЭ, ф. 1943, оп. 6, д. 493, л. 19 об.
- ³⁷ ГАПО, ф. Р-9, оп. 1, д. 488, л. 20.
- ³⁸ Там же, д. 405, л. 567, 570.
- ³⁹ РГАЭ, ф. 1943, оп. 6, д. 990, л. 6 — 6 об.
- ⁴⁰ См.: Волисполкомы и сельсоветы по данным обследования ЦКК РКП(б) и НК РКИ. М., 1924. С. 95.
- ⁴¹ **Розит Д. П.** Проверка работы низового аппарата в деревне. Основные итоги проверки низового аппарата членами ЦКК РКП(б) в 12 уездах и округах СССР. М., 1926. С. 49.

⁴² ЦГА РМ, ф. Р-55, оп. 1, д. 79, л. 147 – 148.

⁴³ СЗ СССР. 1924. ц 6. Ст. 69.

⁴⁴ Там же. 1927. ц 57. Ст. 509.

⁴⁵ СУ РСФСР. 1928. ц 8. Ст. 73.

⁴⁶ Там же. 1930. ц 51. Ст. 621.

Поступила 14.05.2003 г.

УДК 323.325:332.021.8:63

А. А. Соловьев

ВЯТСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО В УСЛОВИЯХ РЕФОРМ (80-е гг. XIX в. — начало XX в.)

Изучение аграрной истории регионов пореформенной России занимает важное место в работах историков-аграрников. Россия в это время являлась по преимуществу аграрной страной с преобладающим крестьянским населением. Интерес к этой теме обуславливается природно-климатическими, историко-культурными и этническими особенностями регионов империи, имевшими непосредственное влияние на буржуазную эволюцию отечественного крестьянского хозяйства.

Нами рассматривается вятское крестьянство конца XIX в. Состоявшее большей частью из бывших государственных крестьян различной национальной принадлежности, именно в 1880–90-е гг. оно испытало значительное давление законодательной политики правительства и административных решений местных властей. Тогда были введены закон о переходе на обязательный выкуп бывших помещичьих крестьян с 1883 г., отмена подушной подати и начало с 1887 г. выкупной операции среди бывших государственных крестьян, изменение промежуточных сроков сбора налогов с крестьян с 1887 г., а также переселенческая политика правительства. Закономерен вопрос: как эти решения повлияли на социально-экономическое положение, настроения и мобильность крестьянства конкретного уезда и волости, насколько они соответствовали целям модернизации российского общества?

Вятская губерния связывала между собой такие важные экономические районы Российской империи, как Урал, Поволжье и Европейский Север. В ней сочетались различные климатические зоны. Наряду с южными — земледельческими —

выделялись уезды, где основная часть населения была охвачена неземледельческими занятиями.

Наибольшее влияние на социально-экономическое положение вятского крестьянства оказали налоговые реформы. Законодательным основанием переложения оброчной подати и лесного налога в выкупные платежи служил п. 5 закона от 12 июня 1886 г., согласно которому сумма выкупных платежей должна была распределяться между селениями соразмерно окладам оброчной подати и лесного налога. При этом выкупные платежи не должны были превышать окладов оброчной подати и лесного налога более чем на $2/3$ от суммы окладов оброчной и подушной подати и окладов бывших помещичьих крестьян в ближайших селениях.

При разверстке выкупных платежей по уездам значительный крен был сделан в сторону южных, земледельческих районов. Например, в Кытмановском сельском обществе Глазовского уезда сумма окладных сборов 1888 г. составила лишь 72,7 % от данных 1886 г. В Ярославской волости Слободского уезда сумма годового оклада 1887 г. равнялась 78 % от показателей предыдущего года¹. В южных волостях годовой оклад вырос в большинстве волостей. Так, в Яранском уезде казенные сборы возросли на 41,4 %², в Турекской волости Уржумского уезда — на 35,4 %³.

Для полного сбора налогов с 1887 г. в Вятской губернии были изменены сроки внесения платежей. Если раньше основной сбор налогов происходил в зимние и весенние месяцы, то с 1887 г. — осенью, когда у крестьян еще имелись запасы хлеба. Однако данное нововведение негативно сказалось на благосостоянии большинства крестьянства, так как осенняя продажа хлебов происходила по низким ценам: в условиях осеннего бездорожья приходилось довольствоваться ближайшими рынками с низкими хлебными ценами. Тем не менее ряд уездных полицейских чинов еще более сужали сроки внесения податей. Так, глазовский уездный исправник издал циркуляр о завершении сбора податей к 15 октября, а в Орловском уезде (более промысловом) один из земских начальников установил конечным сроком сбора податей 15 августа.

Значительное увеличение налогов произошло в ряде земледельческих уездов по земскому поземельному сбору за счет перевода земель низших категорий в высшие. Так, если в 1886 г. площадь пахотных земель 1-го разряда для обложения земским сбором составляла по Уржумскому уезду 321, Яранскому — 161 тыс. дес., то в 1897 г. — соответственно 362 и 23 тыс. дес.⁴

Все это значительно увеличило объемы вывозимого из губернии хлеба. Если в 1886 г. из района Вятки в Рыбинск было отправлено 3 818 тыс. пуд. хлеба⁵, то только за зиму 1902 г. на пристанях р. Вятки было заготовлено к отправке водным путем 4 755 811 пуд. различных сельскохозяйственных продуктов. По Пермь-Котласской линии Пермской железной дороги было отправлено в 1902 г. 3 393 тыс. пуд. зерна и мучных продуктов⁶. Одним из важнейших торговых центров хлебной торговли был г. Елабуга, где действовала елабужская фирма И. Г. Стахеева.

При такой жесткой фискальной политике властей, как отмечал П. Голубев, население несло «неисчислимые потери... от недовыручки при продаже от 20 до 50 %; от продажи не только излишних, но даже необходимых в хозяйстве хлеба, скота и других предметов; от покупки затем ...нужных предметов по высоким ценам...»⁷. Принятые меры позволили губернским властям собрать с населения все причитающиеся в 1887 — 1890 гг. налоги. Более того, казенные окладные сборы даже превысили намеченные суммы: в 1887 г. — на 11,5 %, 1888 г. — на 11,1, в 1889 — 9,0, 1890 г. — 2,0 %. (В соседних губерниях имелся недобор.)

Податные успехи в значительной мере были достигнуты за счет распродажи живого и мертвого инвентаря крестьян. Так, из губернского продовольственного капитала было выдано крестьянам ссуд: в 1887 г. — 35 тыс. руб., 1888 — 103 тыс., 1889 — 95 тыс., 1890 г. — 84 тыс. руб. Численность лошадей составила в губернии: в 1886 г. — 709 тыс. гол., 1887 — 688 тыс., 1888 — 674 тыс., 1889 — 657 тыс. гол.⁸ Таким образом, нарушался важнейший принцип реформы — соответствие выкупных платежей действительной доходности земли.

Неурожайные 1891 и 1892 гг. в Вятской губернии имели более серьезные последствия, чем у соседей. Жесткая практика взимания налогов хотя и сохранилась, но претерпела ряд изменений. Некоторые земские начальники и полицейские исправники докладывали губернатору о невозможности выполнения заданий по сбору податей в связи с крайней бедностью. Другие широко применяли, например, продажу имущества с торгов в счет идущих с земли платежей. Таким чиновникам объявлялась благодарность от губернатора «...за распорядительность и деятельное участие в успешном поступлении сборов»⁹. Характерными явлениями для вятской деревни 90-х гг. XIX в. становились рассрочки и отсрочки налоговых сборов, а также снижение выкупных платежей.

Истощенные и малопродуктивные крестьянские земли не всегда окупали даже поземельные налоги. Владение такой землей чаще стало восприниматься как повинность. Сравнительные данные двух подворных переписей конца XIX — начала XX в. по Вятской губернии показывают, что в это время происходило заметное уравнивание крестьянского надела и увеличение средних по посеvu групп дворов. На рубеже веков участились случаи отказа отдельных крестьянских обществ от своих наделов. Так, крестьяне поч. Верхнего Кыржавожа Турекской волости Уржумского уезда отказывались подписывать владенные записи, требуя от властей более плодородную землю, а старую, за неимением желающих ее взять, предлагали сдать в казну¹⁰. В Таранковской волости Нолинского уезда трижды назначались торги на землю переселившегося в Сибирь крестьянина И. З. Говязина. Однако односельчане отказывались от земли и поэтому, в связи с отсутствием желающих, земля была принята в казну¹¹. В Котельничском уезде в 1904 г. отмечался случай, когда крестьяне просили разрешения уступить из своего надела 68 дес. земли крестьянам других селений «на началах выкупной операции»¹².

Участились и несанкционированные переселения в Сибирь. Значительное распространение крестьянское переселение получило после издания закона от 13 июля 1889 г. Наибольший отток из губернии отмечался в неурожайные годы. За 1896 — 1905 гг. из губернии насовсем выехали 48 817 чел., большей частью из земледельческих уездов: Котельничского — 10 823 чел., Яранского — 6 168, Уржумского — 5 219, Сарапульского — 5 150. В 8 уездах губернии из 11 наибольший отток переселенцев отмечен в 1899 г.¹³

При решающей роли общины в перераспределении наделной земли и наличии круговой поруки немаловажным было отношение общины к переселениям. В малоземельных волостях с ценной землей община старалась вытолкнуть из своей среды лишних членов. В селениях с истощенной неплодородной почвой такие переселения, наоборот, воспринимались как потеря налогоплательщика и, следовательно, как повышение податей с оставшейся части общинников. Так, например, крестьяне д. Ключа Илема Уржумского уезда в 1890 г. в письме, направленном в губернское присутствие, просили не увольнять из своего общества односельчанцев, ходатайствовавших о переселении в другую волость, «...ибо с переселением их у них в деревне останутся одни только бедняки, которые не в силах будут ни обрабатывать землю, ни вносить за нее выкупные платежи»¹⁴.

Таким образом, в 80–90-х гг. XIX в. в вятской деревне происходили противоречивые процессы. С одной стороны, крестьяне получили возможность самостоятельно устраивать свою жизнь, возросли их инициатива и предприимчивость, определились стартовые условия и направления движения крестьянского хозяйства в сторону буржуазной эволюции (особенно в неземледельческих хозяйствах). Значительно увеличился объем товарного хлеба, вывозимого за пределы губернии, росла мобильность крестьянского населения. С другой стороны, высокие налоги выкачивали из крестьянского бюджета значительную часть доходов и накоплений, что снижало инициативу и предприимчивость основной массы крестьянства, возможность самостоятельно интенсифицировать сельскохозяйственное производство.

Попытки распространения новых аграрных технологий, предпринятые земством, не привели к серьезным изменениям в земледельческом хозяйстве. Для крестьян такая помощь еще ассоциировалась с увеличением налогового бремени: «...а что он (агроном. — А. С.) обещает семян бесплатно, да денег на изгородь, так ведь земство с нас же после податями втроене возьмет...»¹⁵. Товарное производство хлеба носило «остаточный» принцип. Целевым назначением сельскохозяйственного производства оставались потребности крестьянской семьи. В исследуемый период в вятской деревне укрепилась сельская община, а среди крестьян распространялись «потребительские» настроения: «...большинство в надежде на помощь правительства, земства и общества Красного Креста остаются без работы, говоря: Царь прокормит...»¹⁶. Аграрные реформы конца XIX в., направленные на модернизацию экономики, не только не привели к желаемым результатам, но и укрепили традиционное крестьянское хозяйство, задержали буржуазную эволюцию сельского хозяйства.

Примечания

¹ ГАКО, ф. 176, оп. 1, д. 4227, л. 1.

² Там же, ф. 616, оп. 3, д. 157, л. 7, 8.

³ См.: Историко-статистический сборник сведений по вопросу экономического и культурного развития вятского края. Вятка, 1896. С. 63–65.

⁴ См.: Земская роспись, смета и раскладка губернского земского сбора на 1886–1897 гг. Вятка, 1886, 1897.

⁵ См.: Отчет по исследованию волжской хлебной торговли, произведенный по поручению министра финансов и государственных имуществ в 1886 г. А. А. Клоповым. Спб., 1887. С. 113–114.

⁶ См.: Памятная книжка Вятской губернии на 1904 г. Вятка, 1903. Отд. 1. С. 42–47.

⁷ РГИА, ф. 573, оп. 7, д. 8666, л. 1, 2.

⁸ Там же.

⁹ ГАКО, ф. 582, оп. 104, д. 2, л. 2, 99.

¹⁰ РГИА, ф. 391, оп. 2, д. 182, л. 44, 45.

¹¹ Там же, ф. 573, оп. 7, д. 8666, л. 1, 2.

¹² Там же, д. 8538, л. 1 об.

¹³ См.: Обзор Вятской губернии: Приложение к Всеподданнейшему отчету вятского губернатора за 1896–1905 гг. Вятка, 1896–1906.

¹⁴ РГИА, ф. 391, оп. 2, д. 182, л. 181.

¹⁵ Памятная книжка Вятской губернии на 1905 г. Вятка, 1905. Отд. 1. С. 169.

¹⁶ ГАКО, ф. 574, оп. 2, д. 273, л. 126.

Поступила 4.04.2003 г.

УДК 314:63–051(470.51)

Е. М. Берестова

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ МЕНТАЛИТЕТ
КРЕСТЬЯН УДМУРТИИ
(вторая половина XIX — начало XX в.)**

Демографический менталитет крестьянского населения Удмуртии складывался под влиянием различных факторов. Одним из них являлась конфессиональная принадлежность. Подавляющее большинство населения Удмуртии в рассматриваемый период официально принадлежало к православной церкви. Являясь государственной и господствующей идеологией, она влияла на все сферы жизни населения России. По существу, православная вера освящала и регламентировала жизнь человека от рождения до смерти. Церковь организовывала и личную жизнь людей путем строгого нормирования семейно-брачных отношений и формирования особого взгляда на жизнь и смерть. Нами будет проанализирована степень воздействия православной церкви на семейно-брачные отношения в Удмуртии.

Согласно догматам православной церкви, христианская семья была единственно возможным сочетанием плотской жизни со служением Богу. Освященная таинством венчания семья являлась своего рода малой церковью. По мнению от-

© Е. М. Берестова, 2004

цов церкви, в холостом состоянии верующий христианин может пребывать только в двух случаях: если он посвятил себя служению богу или физически неспособен к брачной жизни.

В русской крестьянской среде взгляд церкви на брак как на моральный долг каждого человека получил полную поддержку. Как отмечает Б. Н. Миронов: «С точки зрения русского земледельца XVIII — начала XX в., брак — важнейшее условие порядочности человека, его материального благосостояния и общественного веса. Вступление же в брак — моральный долг»¹. Действительно, холостой мужчина в деревне все-таки не воспринимался, он находился в полном подчинении у старших, не имел голоса в семье, не участвовал в сельском сходе. Незамужняя женщина также имела очень низкий общественный статус. Подобные взгляды на брак в определенной степени обуславливались и экономическими причинами. Только женатый крестьянин мог получить земельный надел, что автоматически включало его в число налогоплательщиков и давало ему личные права. Кроме того, крестьянское хозяйство нормально функционировало лишь при наличии в нем и женских, и мужских рук, так как для него было характерно четкое разделение труда на исключительно мужскую и исключительно женскую работу.

Для всего населения Удмуртии, которое, как и по всей России, в рассматриваемый период было по преимуществу крестьянским вне зависимости от национальности, был характерен высокий уровень брачности.

У русских крестьян законным признавался только брак, освященный в церкви. Долгое время обряд венчания воспринимался лишь как своеобразный способ юридического оформления брака. Однако с течением времени христианская догматика и ритуалы усваивались все более прочно и уже в XVI в. большая часть населения считала совершенно естественным и необходимым совершение церковного обряда, который становился составной частью традиционного свадебного ритуала. Обряд венчания занимал особенное место в жизни крестьян и назывался ими «суд Божий». «Обряд венчания, — отмечал этнограф конца XIX в., — одно из самых великих таинств для крестьянина. Он не только уважает его, но и благоговейно готовится к нему, со страхом встречает. Тут Бог благословляет человека на новую жизнь, решает для него счастье или несчастье. Был жених добрый, невеста честная — присудит Господь толику счастья в брачной жизни, нет — не пошлет Господь и радости. Момент таинства поэтому — самый крупный и страшный в жизни — момент исполнения

предначертания Божьего. Отсюда и название таинства судом Божьим»².

У нерусского населения Удмуртии отношение к церковному браку было несколько иным. По сообщениям духовенства, еще в начале XIX в. подавляющее большинство удмуртских и марийских мужчин и женщин не спешили освятить свой союз в церкви. Сводное сожителство оставалось одним из наиболее часто встречающихся прегрешений нерусского населения против христианской веры и нравственности на протяжении всего столетия. Под воздействием миссионерской деятельности православного духовенства подобная практика постепенно изживалась. Однако даже в 1899 г. в Удмуртии насчитывалось около 1 700 пар, живущих невенчанными, в том числе в Глазовском уезде — 93, Малмыжском — 482, в Елабужском — 581 и в Сарапульском — 538³. По мнению духовенства, существовали 2 основные причины сохранения сводных сожителств: первая — недостаточность средств у нерусского населения и вторая — излишняя свобода в отношениях мужчин и женщин у удмуртов, марийцев и бесермян.

Для искоренения сводных сожителств духовенство предпринимало разные меры. Во-первых, священники должны были проводить беседы с населением и убеждать пары, живущие без церковного благословения, повенчаться. Для этого в помощь духовенству в 1897 г. в «Вятских епархиальных ведомостях» было напечатано поучение «Против безбрачных сожителств», составленное помощником епархиального миссионера священником Николаем Тихвинским⁴. Оно состояло из четырех частей: «Супружество в Ветхом Завете», «Брак в Новом Завете», «Благодать, сообщаемая через таинство брака», «Заключительное увещание». Позднее «Почтение» было издано отдельной брошюрой и рекомендовано для обязательного прочтения во всех приходах с нерусским населением.

Во-вторых, Вятская духовная консистория неоднократно пыталась сократить расходы нерусского населения на оплату венчания. В частности, духовенству было приказано самим вести переписку о венчании несовершеннолетних, освободив от этого их родных (Указ Вятской духовной консистории ц 3283 от 10 февраля 1903 г.). В Указе от 5 февраля 1887 г. ц 1772 говорилось, что священники, допустившие в своих приходах сводные сожителства по небрежности или из-за вымогательства платы за венчание, будут исключены из наградных списков и подвергнуты взысканию епархиального начальства. Распоряжением Вятской

духовной консистории ц 19712 от 11 ноября 1903 г. духовенству епархии строго запрещалось при браке требовать от прихожан уплаты руги за прошедший год и денег за требы, исправляемые в долг. Кроме того, приказывалось «подтвердить духовенству всей епархии к исполнению прежде бывшего распоряжения епархиального начальства, касающегося причтов инородческих приходов, а именно: а) выдавать сведения о невестах без оплаты гербовым сбором по официальным удостоверениям о бедности их и венчать инородцев безвозмездно, в случае крайней бедности их (указы консистории от 25 августа 1898 г. ц 11698 и от 15 октября 1902 г. ц 15095) и б) в видах освобождения инородцев от расхода на марки, затрудняющие браки несовершеннолетних, входить к Его Превосвященству не с прошениями от родителей жениха или невесты о повенчании несовершеннолетних, а рапортами причтов, в которых излагались бы причины, побуждающие к венчанию, и справки о времени рождения»⁵.

В-третьих, священникам инородческих приходов постоянно указывалось на недопустимость сводных сожительств: указ от 29 марта 1883 г. ц 2491 «Об устранении в жизни инородцев сожительств без церковного венчания», указ от 6 декабря 1887 г. ц 11637 «Об увещевании беззаконников к нравственной христианской жизни», указ от 30 апреля 1898 г. ц 6004 «О распространении среди инородцев брошюры священника Николая Тихвинского «Против безбрачных сожительств» и др. Для искоренения сводных сожительств в своих приходах духовенство должно было предпринимать все меры вплоть до административных. В частности, на основании п. 5 ст. 681 раздела 2 свода законов (т. 2, 1892 г.) духовенству разрешалось прибегать к помощи полиции при возвращении девиц, живущих без брака, в дом их родителей (Указ Вятской духовной консистории ц 8540 от 16 мая 1903 г.).

Но усилия епархиального начальства и проповеди духовенства не всегда давали желаемые результаты. В частности, священник с. Крымская Слудка 2-го благочинного округа Елабужского уезда сообщал, что на территории его прихода находится д. Саратак-Пельга, где проживают удмурты (всего 80 домов). В этой деревне 16 пар живут невенчанными, причем некоторые по несколько лет (5, 6 и даже 13). Увещевания и беседы, проводимые священником совместно с инородческим миссионером Стефаном Емельяновым, никакого воздействия не оказали. Некоторые из них не только не хотели венчаться, но и не желали слушать уговоры священника. В связи с этим священник Дьяконов

просил Сарапульское духовное правление посоветовать, какие еще меры можно предпринять, а также обращался за содействием к становому приставу 1-го стана⁶.

В борьбе со сводными сожительствами своей паствы духовенство Удмуртии обращалось за содействием и к представителям других конфессий. Так, например, в 1894 – 1895 гг. Вятская духовная консистория вела переписку с Оренбургским магометанским духовным собранием по поводу прекращения безбрачного сожительства крестьянки Екатерины Смолиной с мусульманином Мухамед Рахим Гибасовым⁷.

Борьба православного духовенства со сводными сожительствами была составной частью его миссионерской деятельности. Дальнейшее сокращение, а затем и полное искоренение безбрачных сожителей священники связывали с христианским просвещением.

Православная церковь регламентировала также возраст вступления в брак. Однако необходимо отметить, что хотя по закону было запрещено жениться мужчинам ранее 18 лет и женщинам ранее 16, такие браки встречались. В таком случае родители жениха или невесты обращались к епархиальному начальству с прошением о разрешении венчания⁸. Венчать несовершеннолетних без письменного разрешения епархиального начальства было строго запрещено. Так, сарапульский священник Михаил Суворов за венчание несовершеннолетних без разрешения от Сарапульского духовного правления был оштрафован и наказан наложением епитимьи⁹. Чаще всего в качестве причины для заключения такого брака назывались отсутствие женских рук в доме жениха и необходимость вести хозяйство. Особенно часто браки несовершеннолетних заключались в период Первой мировой войны. Духовенство весьма неохотно давало на них разрешение, но если дело касалось удмуртов или марийцев, священники шли на уступки, опасаясь распространения сводных сожителей.

Огромное влияние православная церковь оказывала и на сезонность браков. В течение года они распределялись неравномерно. Церковь воспрещала венчание на протяжении четырех постов – Великого (48 дней), Рождественского (40), Петрова (20) и Успенского (15 дней). Кроме того, венчание было запрещено с 25 декабря до 6 января, во все дни Масленицы (неделя перед Великим постом) и Пасхальной недели, в кануны и в самые дни церковных и государственных праздников, а также накануне среды, пятницы и воскресенья в течение года. Следовательно, в марте и де-

кабре браки не должны заключаться, а для апреля, июня и августа должно быть характерно небольшое количество браков, что и наблюдается на примере Удмуртии. Частые колебания числа венчаний в феврале объясняются переходящим характером Великого поста, который мог начинаться и в феврале, и в марте. По русским приходам с. Июльское и Полозово максимальное количество браков заключалось в январе — феврале и октябре — ноябре. Многочисленные браки зимой и осенью были связаны также с аграрным циклом: с окончанием сельских работ в сентябре начиналось время свадеб (с перерывом в декабре в связи с Рождественским постом), достигавшее апогея в январе — феврале и замиравшее к началу нового цикла работ в марте — апреле. По приходам удмуртских сел максимум браков приходился на январь — февраль и июнь — июль.

Что касается расторжения брака, то церковь всегда смотрела на него отрицательно. Однако только в первой половине XIX в. духовенству в основном удалось добиться того, что официальный развод стал возможен только с санкции духовного суда и при строгом соблюдении требований к причинам развода. Это совпадало с другой тенденцией: со временем идея священности и вечности брака (считалось, что и на том свете, в стране праведников, муж соединится со своей первой женой) все более укоренялась в сознании крестьян. В результате во второй половине XIX в. развод стал рассматриваться крестьянами как тягчайший грех¹⁰.

К концу XIX в. было 7 законных поводов для расторжения брака¹¹, но даже на таких основаниях развод был сильно затруднен. С 1896 по 1904 г. Сарапульским духовным правлением было рассмотрено 35 дел о разводе, в подавляющем большинстве причиной для этого являлись уголовные наказания одного из супругов¹².

Помимо регулирования процесса вступления в брак и его расторжения церковь пыталась влиять и на семейные взаимоотношения. В частности, церковь строго охранялась чистота брачных уз. Измена одного из супругов могла повлечь за собой не только развод, но и запрещение к вступлению в новый брак для виновной стороны. Помимо этих радикальных мер широко практиковались такие наказания, как церковное покаяние или заключение в монастырь. Так, в 1896 — 1903 гг. заключению в Сарапульский женский монастырь сроком от 4 до 6 мес. за прелюбодеяние были подвергнуты 4 крестьянки Сарапульского викариатства и 2 мещанки г. Сарапула¹³.

Как следует из вышеприведенных данных, православная церковь оказывала огромное воздействие на формирование демографического менталитета крестьянского населения Удмуртии. Церковью регулировались брачный возраст, степень родства и свойства вступающих в брак, а также сезонность браков. Церковное законодательство в сфере семейного права было возведено в ранг государственных законов, поэтому церковь становилась своеобразным регулятором демографических процессов.

Примечания

¹ **Миронов Б. Н.** Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.) СПб., 2000. С. 161.

² Цит. по: **Миронов Б. Н.** Указ. соч. С. 162.

³ См.: Вятские епарх. ведомости. 1900. ц 9. С. 382–399. Далее: ВЕВ.

⁴ См.: **Тихвинский Н.** Против безбрачных сожителств // ВЕВ. 1897. ц 23. С. 1148–1169.

⁵ ЦГА УР, ф. 245, оп. 1, д. 4988, л. 126–27 об.

⁶ Там же, ф. 45, оп. 1, д. 1363, л. 3–8.

⁷ Там же, д. 440, л. 9–23.

⁸ Там же, оп. 4, д. 45, л. 119.

⁹ Там же, д. 56, л. 38.

¹⁰ См.: Православная жизнь русских крестьян XIX — XX веков. М., 2001. С. 26.

¹¹ См.: **Суворов Н.** Развитие церковного устройства. Спб., 1898. С. 389–391.

¹² ЦГА УР, ф. 245, оп. 1, д. 762, л. 1–116.

¹³ Там же, л. 2 об., 9, 24 об., 56 об., 63.

Поступила 8.04.2003 г.

УДК 323.325:13(470)

О. А. Сухова

ОБРАЗ «ЦАРЯ» В МАССОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В НАЧАЛЕ XX в. (по материалам Пензенской губернии)

Изучение повседневного поведения народных масс в качестве одного из важнейших факторов социальной динамики акцентирует внимание исследователей на вопросах анализа си-

© О. А. Сухова, 2004

стемобразующих элементов собственно группового или массового поведения, рассматриваемого в первую очередь как проявление соответствующего типа общественного сознания.

В общей структуре родового (т. е. первичного и в то же время продолжающего функционировать) уровня сознания российской общины монархические представления занимали важнейшие позиции, так как образ «Царя» являлся центральным связующим звеном, расположенным между множеством однотипных миров, объединяющих крестьянство в его земной юдоли, и «Царством Божиим». Именно поэтому, как считает М. М. Громько, идеал справедливого монарха, который сможет «привести порядки на земле в соответствие с божественной Правдой», выступал органической частью крестьянской социальной утопии¹.

В цепи упрощенно-схематизированных представлений о строении социального бытия: «мир» — «Царь» — «Бог» — последние два элемента воспринимались в общественном сознании нераздельно-взаимообразно. Идея параллелизма двух ликов власти — «монаршей» и «божественной» пришла на Русь из Византии. Однако понятие о мессианском предназначении русского монарха, появившееся в ходе распространения концепции «Москва — третий Рим», кардинальным образом изменило ее содержание. Из обозначения должности верховного правителя слово «царь» превратилось в имя собственное, которое стало трактоваться как «одно из божественных имен — наименование человека царем могло приобретать в этих условиях мистический смысл»².

Разрушение общины, провозглашенное целью государственной экономической политики, военные испытания, выпавшие на долю России в начале XX в., в представлениях родового сознания оценивались как вызовы, идущие извне и сопряженные со смертельной опасностью для общинного мироустройства.

Проявления социокультурного кризиса оказывали деструктивное воздействие, угрожающее распадом иерархичности всех человеческих отношений в общине. Не осталось неизменным и содержание монархических представлений большинства населения империи.

Обилие адресов и приговоров, составляемых и направляемых волостными сходами на имя Высочайшей Особы в 1905 и 1907 гг. по различным поводам (в связи с Русско-японской войной, манифестами 1905 г., террористическими актами и пр.), и анализ их текстов позволяют констатировать сохранение в целом архаического содержания образа «Царя» в системе крестьянских представлений о социальной иерархии. Бе-

зусловно, не следует принимать на веру содержание подобных документов, признавая адекватность написанного подлинным суждениям и представлениям крестьянства. Сомнение в истинности сказанного может возникнуть из-за возможности проявления социальной мимикрии (т. е. воспроизведения ставших традиционными эпитетов и обращений к царствующей персоне, функционирующих в официальной культуре) или формального признания необходимости подтверждать любовь и благодарность (привычные образы, утратившие прежний смысл) и пр.

Однако отрицать сохранение силы воздействия на массовое сознание знаковых образов, связанных с именем монарха, не представляется возможным. Об этом свидетельствуют и архивные документы. Так, в феврале 1907 г. от «бывших» нижних чинов Маньчжурской армии из крестьян с. Атемар Саранского уезда Пензенской губернии в адрес императора поступило обращение «с выражением верноподданнических чувств» и поднесением иконы. Адрес этот был возвращен императором с собственноручной надписью: «От имени сына моего, приемника нижних чинов бывшей Маньчжурской армии, благодарю за присланную в благословение икону»³. Прибытие памятного документа в с. Атемар 18 февраля 1907 г. было обставлено местными властями с «возможной торжественностью». Поражают масштабы описываемого мероприятия. На площади перед храмом собралось более 2,5 тыс. зрителей. «Во всем был полный порядок и на население торжественное возвращение адреса произвело очень сильное впечатление»⁴.

Вместе с тем помимо восхваления «неусыпной отеческой заботливости возлюбленного Монарха» приговоры такого рода дают ценнейший материал о содержании массовых ожиданий в данный период. Если речь идет о «манифесте», то непременно о даровании «милостей» народу. Чувство благодарности присутствует в адресах не само по себе, а в качестве ответной реакции «за сложение долгов», «за Царские милости по выдаче продовольственной и семенной ссуды». Каких еще «милостей» могло ожидать крестьянство после отмены выкупных платежей?

Еще в 1881 г. в одном из своих знаменитых писем агроном и публицист А. Н. Энгельгардт привел реплику одного из представителей крестьянского сословия: «Читали, — скажут, — в волости бумагу насчет земли». «Насчет “милости” бумага пришла, равнять будут». «Все ждут милости, — писал он, — все уверены — весь мужик уверен, что милость насчет земли будет, что бы там господа ни делали»⁵. В основе мужицкой

веры лежало убеждение в том, что это Царь хочет, чтобы «всем было равно», только «мир да Царь не эгоисты», потому что всех Царь «одинаково любит, всех ему одинаково жалко» и «функция Царя — всех равнять»⁶.

На том же убеждении строились и доводы «косника Ивана Семенова», распространявшего слухи о грядущем «черном переделе» в Пензенском уезде в 1902 г. В с. Белокаменка некоторые крестьяне «уверовали пропаганде» и отказались брать «землю из доли» в местном имении. В ходе дознания, проведенного уездным исправником, выяснилось, что косник Иван Семенов читал в селе неграмотным крестьянам «газетку», в которой якобы сообщалось (по показаниям крестьянина И. Синявина), как «приезжал Государь к ним в Курскую губернию и говорил с волостными старшинами и сельскими старостами о земле, что землю от помещиков можно отбирать не грабежом, как было в некоторых губерниях, а законом, и обещал крестьянам не оставить их своим попечением...»⁷.

К числу массовых источников в деле изучения данной проблематики относятся и рапорты уездных исправников по вопросам дознания о фактах оскорбления особы Его Императорского Величества и богохульства. Текстовая обработка «крепких» высказываний в адрес «Царя» и «Бога» и критическое рассмотрение сопутствующих обстоятельств по существу «дела» дают возможность выявить и проанализировать общие тенденции развития, прежде всего девиантного начала, в структуре родового сознания.

В условиях социокультурного кризиса, принимая во внимание этнопсихологические особенности русского народа, можно прогнозировать определенную рокировку противоположных элементов равновесной системы, которую и представляла собой крестьянская община. Естественной защитной реакцией на вызовы, созданные модернизационными процессами и разрушающие состояние гомеостаза, в том числе на уровне мотивации поведенческой практики, становится компенсация «нормы» на «аномалию»; то, что раньше имело единичный характер, теперь становится явлением массового порядка. К тому же пребывание в «нетрезвом состоянии», когда чаще всего и совершались государственные преступления подобного рода, предполагает подавление сознательной личности и возобладание бессознательного, которое (по замечанию Г. Лебона) всегда коллективно. Это позволяет нам использовать данные тексты в качестве источников по реконструированию смыслового содержания массовых оценочных суждений по поводу царствующей династии. Последние получили широкое распрост-

ранение не одновременно с фиксируемыми высказываниями, но в периоды активизации процессов массообразования, когда под воздействием острого переживания предельной кризисности сложившейся ситуации, сильнее эмоционального состояния, граничащего с аффектом, человеку требуется физическое соединение с другими людьми, испытывающими подобные ощущения. Именно эта психологическая потребность человека «в идентификации себя с большой общностью» для регуляции собственных эмоций лежит, по мнению Д. В. Ольшанского, в основе возникновения массы⁸. Аффективность эмоционального восприятия окружающей действительности также стимулирует тиражирование в массовом сознании девиантных образцов поведения и мышления.

С другой стороны, в высказываниях и в поведении в целом наиболее радикально настроенных крестьян сублимировалось предельно-критическое отношение к миру, в том или ином качестве присутствовавшее в сознании большинства населения сельской России. Нередко это не просто фраза, брошенная в состоянии аффекта деревенским пьяницей и дебоширом, а аргументированное суждение «мироода-говоруна», человека состоятельного и пользующегося уважением и влиянием на сельских собраниях.

При всей разрозненности данных, сопоставляя документы 1903–1904 и 1913–1914 гг., можно определить важнейшую тенденцию динамики значений негативных высказываний в адрес «Царя», о которой уже упоминалось: происходила постепенная десакрализация, т. е. разрушение мистического содержания «образа», низведение «Богоносца» на более низкую и абсолютно неадекватную родовым представлениям ступень социальной иерархии — в ранг «начальствующего сословия». Это, в свою очередь, в представлениях крестьянства снимало чувство ответственности за нанесение оскорблений словом или действием.

Анализ содержания высказываний свидетельствует, что в родовом сознании российского крестьянства в начале XX в. имелись представления о возможности уничтожить «Царя» («повесить», «зарезать или застрелить», «голову сшибить» и т. д.) в смысле желательности наступления возмездия за неправедность. Интересно отметить, что в первый предреволюционный период более характерным, чем десятилетие спустя, был мотив желания казни реально действующему императору как не оправдавшему социальных надежд.

Отражение функционального предназначения «Царя» в коллективных представлениях практически не изменило свою смысловую наполняемость.

Тем не менее в документах, относящихся к 1913 г., мы уже встречаем следы важнейших качественных изменений, связанных со смысловым значением царского образа, постепенно лишавшегося своего сакрального содержания. Теперь, напротив, негативизм суждений достигался путем подчеркнуто выраженной подмены понятий в предельно противоположных оценочных характеристиках. «Божественное» начало в монархических представлениях крестьянства приобретало «демонический» оттенок, что свидетельствовало о готовности отвергнуть привычные идиомы и в возможной перспективе подготавливало почву для этического оправдания антиправительственных действий. Допустимой крайностью среди присваиваемых личности монарха эпитетов становится слово «чорт», логически завершающее собой общий ряд негативных высказываний: «дурак», «вор», «сволочь» и пр. В документах более раннего происхождения нам не удалось отыскать аналогичного суждения, что и позволяет предположить вышеизложенное.

Более того, на фоне разрушающей общину экономической политики государства родовое сознание, по-видимому, начало изживать представления и о востребованности самого института царской власти, произвольно подготавливая переход к иному типу социокультурной трансформации. Это объясняет появление высказываний такого рода: «... я лучше Государя Императора...», «... сам он состоит у нас на жаловании», «Я сам Царь и Бог»⁹.

В ходе Первой мировой войны, неумолимо уничтожавшей последние привычные картины повседневной действительности, демонизация образа «Царя» приобретает тиражируемый характер на фоне распространения апокалиптических настроений. К 1916 г. «патриотический подъем», как сообщал в своем донесении начальник Пензенского ГЖУ П. Н. Кременецкий, «сильно упал и стало замечаться разочарование и утомленность войной»¹⁰. Среди крестьянства губернии распространялись высказывания, препятствующие воспроизводству имперско-патерналистских ценностей в массовом сознании: «Сколько ни набирают народу, а осилить немца не могут, потому что есть измена...» Можно лишь догадываться, как «высоко» по иерархической лестнице поднималось в своих поисках первопричины кризисной ситуации пензенское крестьянство.

Качественным отличием российской имперской иерархии в сравнении с индустриальными империями прошлого и потребительскими квазиимпериями настоящего, по мнению

В. П. Булдакова, являлось то, что закреплялась она «не на базе формального права, индивидуальной собственности и гражданского законопослушания, а на вере низов в «свою» власть, подобно дирижеру, использующую все социальные слои в интересах всеобщей гармонии»¹¹.

К сожалению, в конкретно-исторической ситуации монарх не выполнил своего статусно-ролевого предназначения, зафиксированного в архетипах крестьянской ментальности, и оказался чуждым элементом в системе имперских представлений. Государство не смогло предложить способа относительно безболезненной адаптации крестьянского «мироустройства» к темпам и масштабам модернизационных процессов в России. В индустриальной эпохе, куда очень быстро стремилась империя, патриархальному крестьянству не было места. И «самое реликтовое сословие» скорее почувствовало, чем осознало, приближение своей гибели. Рост массовых проявлений социальной агрессии был вызван активизацией защитных механизмов родового сознания, главной функцией которого было сохранение целостности «мира» и постоянное воспроизводство той системы ценностей, которая соответствовала законам общинного бытия.

Примечания

¹ См.: **Громыко М. М.** Мир русской деревни. М., 1991. С. 239.

² **Успенский Б. А.** Царь и Бог / Б. А. Успенский, В. М. Живов // Успенский Б. А. Избр. тр. Л., 1994. Т. 1. С. 117.

³ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 7796, л. 16.

⁴ Там же, л. 17 об.

⁵ **Энгельгардт А. Н.** Из деревни. 12 писем. 1872–1887. СПб., 1999. С. 401.

⁶ Там же. С. 402.

⁷ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 7365, л. 37, 38.

⁸ См.: **Ольшанский Д. В.** Психология масс. СПб., 2001. С. 50.

⁹ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 7949.

¹⁰ Крестьянское движение в России в 1914–1917 гг. М.; Л., 1965. С. 336.

¹¹ **Булдаков В. П.** Имперство и российская революционность // Отеч. история. 1997. ц 1. С. 44.

Поступила 15.04.2003 г.

УДК 352.075:323.325(470.51)

А. М. Субботина

**ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ
КРЕСТЬЯНСКОГО СОЗНАНИЯ
В ПРАКТИКЕ ЗЕМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
(по материалам истории Удмуртии)**

Одной из характерных черт истории России второй половины XIX — начала XX в. стало усиление трансформационных процессов в среде крестьянского населения страны. Важная роль в этом принадлежала органам земского самоуправления. Интересные выводы дает исследование вопроса об участии крестьян в работе земских органов, особенно в так называемых крестьянских губерниях. К числу таковых относились Глазовский, Елабужский, Малмыжский, Сарапульский уезды Вятской губернии, соотносимые с современной территорией Удмуртии. Здесь земства действовали в 1867 — 1918 гг.

Земское самоуправление ярко воплотило в себе идею объединения местного сообщества независимо от сословной, религиозной, национальной принадлежности в целях социально-экономического и культурного развития регионов. Однако ее реализация происходила в условиях переходного состояния страны. Поэтому земская избирательная система вынуждена была учитывать сословную структуру российского общества, что отразилось в способе деления избирателей на курии. В меньшей степени сословность была свойственна «Положению» 1864 г., в большей — «Положению» 1890 г. Кроме того, закон устанавливал ограничения избирательных прав по возрасту, полу, судимости, должности, а «Положение» 1890 г. — и по национальности.

Количество земских собраний и представительство в них разных избирательных курий регулировались специальным расписанием, в основе которого лежал имущественный ценз. Уездные землевладельцы получили явное преимущество по сравнению с городами и сельскими обществами. По мысли авторов, это должно было обеспечить преобладание в земстве главного крупного земельного собственника страны, «класса образованного и развитого, пользовавшегося и доселе политическими правами и опытного в гражданской жизни», т. е. дворянства. По тем же соображениям максимальная норма крестьянского представительства не должна была превышать половины состава земского собрания.

Как показали первые выборы, в уездные земские собрания созыва 1867–1870 гг. на территории Удмуртии прошли 21 % дворян и чиновников, 7 – священников, 22 – купцов и почетных граждан, 50 – крестьян. Между тем в земских губерниях страны, по результатам первых выборов 1865–1867 гг., дворяне и чиновники составили 41,6 % уездных земских гласных, духовенство – 6,5, купцы – 10,4, мещане – 0,45, крестьяне – 38,45 %¹. Таким образом, по сравнению с общероссийскими данными состав уездных земских собраний четырех «удмуртских» уездов характеризовался недостаточным представительством дворян, значительной долей купцов на фоне абсолютного преобладания крестьян. В последующие годы обнаружившие себя тенденции сословного состава местных органов земского самоуправления получили дальнейшее развитие.

Преобладающие в земских собраниях и управах крестьянские гласные и члены управ вызывали достаточно сложную реакцию со стороны представителей привилегированных сословий. Так, еще в 1864 г. вятский губернатор в одном из вариантов записки о применении к губернии «Положения о земских учреждениях» писал: «Участие сельских сословий в земских собраниях в настоящее время при недостатке народного образования, не может принести пользы... и представляется только как средство ознакомить означенные сословия с общественной жизнью... По крайней мере до сих пор сельские заседатели при уездных и полицейских управах большей частью избираются на всю жизнь... [Это] свидетельствует о равнодушии сельского сословия к общественным делам сколько от неразвитости, столько и от того, что служебные обязанности, вызывая крестьянина в город, отвлекают его от занятий своим хозяйством»². В ходе выборов состава Елабужской земской управы в 1867 г. ряд гласных из помещиков, чиновников и купцов обратились с жалобой к председателю Елабужской избирательной комиссии, что «лица этих сословий были забаллотированы почти исключительно крестьянами, подученными не избирать эти сословия» старшиной Ардышевым и писарем Теплицыным³. Только длительное сотрудничество в рамках земских собраний позволило снять конфликт и даже направлять ходатайства от имени земства об увеличении представительства от сельских обществ.

Причинами периодически прорывавшегося недовольства активной части земской общественности стали пассивность крестьянских гласных и их подверженность административ-

ному влиянию. В 1906 г. земцы и публицисты, обсуждая результаты земских выборов от сельских обществ, обвиняли губернатора князя С. Д. Горчакова в том, что в крестьянские гласные прошли большей частью волостные старшины, писари и кулаки. Глазовское уездное земское собрание назвало 13 гласных от крестьян «представителями черной сотни»⁴. Однако и до 1906 г. в земские собрания по сельской курии проходили перечисленные лица. Особенно усилилась эта тенденция после предоставления «Положением» 1890 г. губернатору права окончательного утверждения крестьянских гласных. В 1900 г. губернатор Е. Н. Клингенберг, обращаясь к земским начальникам, выразил надежду, что они «сумеют воспользоваться своим нравственным влиянием на крестьян, дабы убедить их в необходимости осмотрительного и целесообразного выбора представителей в земские собрания»⁵. Не случайно царское правительство в начале XX в. часто не утверждало на земских должностях либеральных представителей привилегированных сословий в пользу крестьян.

Отметим также, что на местах крестьяне в основном не отождествляли себя с земством и его решениями. Публицист Мултановский, анализируя крестьянские письма в нижегородскую земскую газету и отмечая, что вятчане ушли не дальше нижегородцев, писал: «...им известно, что земство — это не казна, но тоже начальство, потому что ездит с колокольчиком и может ругать старшину и старосту. А потом им известно, что в платёжной книжке есть “земские” и их платить надо»⁶. Такое отношение было во многом обусловлено незавершенностью земской реформы в отношении низовой, крестьянской земской единицы и негативно влияло на дальнейшую судьбу земства.

Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. открыла новую страницу в истории земства. Свержение монархии устраняло препятствия на пути к свободной политической деятельности и сделало возможным реализацию программы земского либерализма. Главными направлениями земской реформы были изменение избирательной системы, введение волостной земской единицы и распространение земского самоуправления на ранее не охваченные им регионы. Нужно отметить, что многие положения реформы, особенно в отношении волостного земства, были разработаны еще царским правительством.

Избирательным правом обладали российские граждане, достигшие 20-летнего возраста, без различия пола, национальности и вероисповедания. Сословный принцип деления

избирателей и имущественный ценз отменялись. Вводился территориальный принцип формирования избирательных округов. Изменялась и система голосования. Закон допускал осуществление голосования на выборах в волостные собрания по мажоритарной или пропорциональной системам, в уездные — только по пропорциональной системе. Новым было также введение тайного голосования с использованием бюллетеней (заполнялись на русском языке).

Грамотных людей на территории Удмуртии в 10-е гг. XX в. среди мужского населения было 27 %, женского — 6,5 %, а в некоторых волостях процент грамотных приближался к нулю (в связи с этим избирательным комиссиям рекомендовалось выдавать бюллетени избирателям сразу по их получении и оказывать помощь безграмотным в их заполнении). Единственной политической организацией, имевшей влияние в некоторых городах и заводских поселках, были Советы. Поэтому составление списков кандидатов от организаций, необходимое при пропорциональной системе, в сельских районах могло вызвать затруднения. Кроме того, земская реформа проходила в условиях войны, обострения продовольственного и финансового кризисов, введения хлебной монополии и осуществления сельскохозяйственной переписи. Вполне объяснимо, что население отнеслось к ней неоднозначно. Процесс организации нового земства растянулся на август — октябрь 1917 г.

Растянutosть выборного процесса во времени была связана как с организационными проблемами, так и с противодействием населения некоторых местностей. Неприятие крестьян вызывали внесение их в избирательные списки, способ формирования избирательных комиссий, процедура выборов и даже сами волостные земства. Во многом негативное отношение к выборам было обусловлено выходом закона о хлебной монополии и осуществлением сельскохозяйственной переписи. Боясь хлебных реквизиций и повышения налогообложения, крестьяне отказывались быть включенными в какие бы то ни было списки. Недоверие к реформе выразилось также в убежденности некоторых крестьян в том, что закон о волостном земстве был принят не Временным правительством, а «местными буржуями». В качестве доказательства указывалось на отсутствие подписи Временного правительства на бюллетенях. Различной была реакция на реформу со стороны представителей разных конфессий. Старообрядцы видели в волостном земстве «печать Антихриста». Противодействие мусульман вызывало участие в голосовании женщин.

Формы протеста были разными: от отказа предоставлять сведения и участвовать в выборах до применения насилия. Пассивность населения демонстрируют данные о количестве пришедших на избирательные пункты. В выборах волостных земских гласных приняли участие в Глазовском уезде — 41 % избирателей, в Сарапульском — 28⁷, в Малмыжском — 38 %⁸. По сообщению Малмыжского земства, наибольший интерес к выборам проявили русские и марийцы. Меньшее участие в голосовании приняли удмурты и татары, особенно женщины, многие из которых не знали русского языка. Выборы уездных гласных продемонстрировали еще больший абсентеизм избирателей. В Глазовском уезде, например, в голосовании приняли участие 40 % внесенных в списки⁹, в Малмыжском — 18,3 %. В Ижевской волости Сарапульского уезда на избирательные пункты пришли только 17,4 % внесенных в списки¹⁰, в Сарапуле — 5 %¹¹.

Результаты выборов показали, что большинство в земских собраниях по-прежнему принадлежало крестьянам. В Елабужском уезде крестьянами были 71,7 % уездных гласных, в Глазовском — 58 %¹². В волостных земских собраниях крестьяне абсолютно преобладали. Так, в Малмыжском уезде из 1 016 волостных гласных только 26 (2,5 %) являлись представителями интеллигентских профессий. Оставшиеся 97,5 % приходились на крестьян, из которых 30 % были неграмотными. Не случайно Малмыжская уездная земская управа в октябре 1917 г. в докладе собранию выражала опасение, что волостные земства при таком составе «вряд ли могут дать необходимую широту взгляда и инициативу»¹³.

Короткая история революционного земства показала, насколько непрочными являлись его позиции в крестьянской среде. Волостные земские собрания избирали делегатов на съезды Советов, принявших роковые для земства решения о его ликвидации. Преобразование земских органов в советские прошло в условиях равнодушия основной массы населения и даже земских служащих. Несмотря на полувековой период деятельности по улучшению благосостояния крестьянства, земство так и осталось для него чужим. Представления о демократии и справедливости земской либеральной общественности и крестьянского населения в ситуации революционного кризиса резко разошлись. Таким образом, задача трансформации сознания крестьян в направлении формирования их общественно-политической активности получила совершенно неожиданное для земства негативное решение.

Примечания

¹ См.: **Веселовский Б. Б.** История земства за сорок лет. Спб., 1911. Т. 3. С. 49.

² ГАКО, ф. 582, оп. 27, д. 3, л. 8.

³ Там же, оп. 108, д. 26, л. 114.

⁴ См.: **Захватаев И.** Вятское земство и администрация // Вятская речь. 1914. № 105. С. 8.

⁵ ЦГА УР, ф. 95, оп. 1, д. 79, л. 12.

⁶ Цит. по: Памятная книжка Вятской губернии на 1906 г. Вятка, 1906. Отд. 2. С. 112.

⁷ ГАКО, ф. 1345, оп. 2, д. 88, л. 45 об. – 50.

⁸ Там же, д. 4, л. 113–114 об.

⁹ ЦГА УР, ф. 5, оп. 1, д. 98, л. 149–150.

¹⁰ См.: Из корреспонденции в газ. «Кама»... 26 сент. (9 окт.) 1917 г. // Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии. Ижевск, 1957. С. 134.

¹¹ Вятская речь. 1917. № 197. С. 3.

¹² ЦГА УР, ф. 5, оп. 1, д. 98, л. 150–151 об.

¹³ Журналы Малмыжского уездного земского собрания экстренной сессии 15 по 18 октября 1917 г. Малмыж, 1918. С. 15.

Поступила 08.04.2003 г.

УДК 663.2:391/393(470)

М. В. Савченко

ШИНКАРСТВО — НАРОДНЫЙ ПРОМЫСЕЛ НАЧАЛА XX в. В РОССИИ: ПРИЧИНЫ, ХОД, СЛЕДСТВИЯ (по материалам Пензенской губернии)

За исходную точку питейной реформы 1894 г. был принят следующий принцип: борьба с неумеренным употреблением алкоголя населением России необходима и возможна не только в нравственных, но и в финансовых интересах. Осуществить на практике данную цель было возможно только посредством изъятия питейной торговли из частных рук.

Казенная водка в опечатанной посуде реализовывалась покупателю по установленным министерством финансов ценам и в строго установленное время. В Пензенской губернии в городах находились 45 казенных лавок и в 267 селениях — 275 лавок. Кроме того, сохранились частные питейные заве-

© М. В. Савченко, 2004

дения, торговавшие водкой с разрешения казны, которых насчитывалось порядка 254¹. В связи с тем, что оклад продавцов спиртных напитков прямо зависел от объемов проданной водки, они были заинтересованы в увеличении сбыта спиртного, что противоречило целям казенной винной монополии. За два десятилетия действия казенной винной монополии из общего числа уволенных продавцов казенных винных лавок 24 % лишились службы за сбыт спиртного в посуде незаконного образца, за хранение вина с нарушениями печати, за снятие печати, отлив водки и замену ее водой, за торговлю в неустановленное время или по повышенным ценам, за допущение распития водки в лавке².

Главным орудием правительства в борьбе с увеличением потребления населением спиртных напитков являлась система жесткой регламентации времени работы всех питейных заведений. Его устанавливало Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей. Торговля крепкими напитками производилась в городах с 7 ч утра до 10 ч вечера, а в селениях в течение апреля — августа до 10 ч вечера, в остальные месяцы — до 8 ч вечера. Так как основная часть населения (особенно сельского) потребляла водку в выходные и праздничные дни, то правительство пыталось ограничить именно бытовое потребление. В воскресные и праздничные дни торговля начиналась по окончании поздней Божественной литургии, вообще запрещалась в пятницу Страстной недели, первый день Святой Пасхи и первый день Рождества Христова, а также во время проведения волостных, сельских, гумных сходов, разбирательств в суде, лагерных сборов или маневров³. Несмотря на все эти меры, за первые 5 лет существования казенной продажи питей потребление спиртного увеличилось с 0,58 до 0,67 ведра на душу населения⁴.

Запрещение торговли спиртным в выходные и праздничные дни привело к сокращению доступа к спиртному у населения, связанного с бытовым его потреблением. В результате массовые размеры приняло нарушение акцизного законодательства — шинкарство (незаконная торговля казенными спиртными напитками). В 1912 г. правительство официально признало, что казенные и частные питейные заведения превратились в оптовые склады водки, распродаваемой затем в значительном количестве нелегальными продавцами. В Пензенской губернии в 1904 г. было зафиксировано 916 дел о нарушении питейного устава, 832 из них — дела о беспатентной торговле водкой, в 1911 г. зафиксировано 1 099 дел о шинкарстве, а в 1913 г. — 2 130⁵.

Развитию незаконной торговли водкой способствовала ликвидация в 1902 г. премий акцизным чинам и полиции за открытие шинкарства. Эти факты подтверждаются и статистикой: если в 1901 г. из общего числа дел о шинкарстве были открыты акцизными чиновниками — 31 %, полицией — 45, частными лицами — 23, то к 1911 г. из общего числа таких же дел 4 % открыты акцизными чиновниками, 17 — полицией, 1 — сельскими и волостными старостами и 78 % — частными лицами⁶. Уменьшение заинтересованности чиновников в раскрытии данных преступлений привело к тому, что численность шинкарей стала сильно увеличиваться, так как частное лицо не имело права досмотра помещения и, следовательно, не могло доказать факта шинкарства. Частные лица, доносившие о случаях шинкарства, были стеснены двумя обстоятельствами. Во-первых, большинство жителей общины пользовалось услугами шинкарей, во время закрытия официальных мест торговли спиртным сдать шинкаря означало навлечь на себя недовольство большинства жителей. Во-вторых, с доносами на шинкарей обращались в крайних случаях, чаще всего соседи, которые боялись за собственное имущество, так как у шинков скапливалось большое количество пьяных, что могло привести к нарушению порядка (шум, драки, грабежи) или пожару.

Доказать обвинение в шинкарстве было сложно, в связи с этим из общего числа дел, возбужденных о беспатентной продаже водки, в 30 % случаев суды выносили оправдательные приговоры. Шинкари хранили водку дома в запечатанной посуде, как они говорили, «для собственного употребления в праздники», поэтому уличить их в нарушении закона не представлялось возможным⁷.

Шинкари получали доход от беспатентной торговли водкой по 5—20 коп. с 1 бутылки. Осуществлялось это в двух видах: 31 % шинкарей торговали навынос в запечатанной посуде, 69 % торговали распивочно⁸. Торговлей навынос занимались в основном женщины и девушки: они брали бутылку водки и либо продавали ее около дома, либо несли на базар, ярмарку, в места общественных гуляний. Такая торговля была безопасней, штраф составлял до 10 руб. Распивочная торговля производилась из дома шинкаря, куда приходили желающие выпить, шинкари часто предлагали бесплатную закуску, но стоимость водки была намного выше — 5—10 коп. за 1 рюмку. Таким образом, прибыль получалась больше, но увеличивался и риск шинкаря: штраф за такую торговлю составлял до 30 руб.⁹ Массовому распространению шинкарства способствовали продавцы казенных винных лавок, не выполняющие

правила, по которым за один раз одному покупателю отпускалось не более ведра водки.

В связи с массовым развитием шинкарства правительство предприняло ряд мер, касающихся продавцов казенных винных лавок, но к уменьшению шинкарства это не привело. Во-первых, была ликвидирована зависимость заработка продавца от объема проданных питей. Во-вторых, на них была возложена обязанность еженедельно доставлять «тайные отчеты», в которых указывалось, кто сколько выбирает водки, место жительства и цели, на которые приобретались напитки. Главным итогом обработки «тайных отчетов» было установление факта, что шинкарство стало массовым крестьянским промыслом: им занимались бедняки, не имевшие возможности по-другому прокормить семью, а также состоятельные жители и даже служащие, состоявшие на службе в государственных учреждениях. Например, в с. Татарский Лак в отчете казенной винной лавки ц 160 содержались подробные характеристики на каждого шинкаря, которых в одном селе насчитывалось около десяти: «Авдотья Чивкина — торгует из нужды, так как бедна, муж пьяница, семья большая — семь малолетних детей, если не будет торговать, пойдет по миру... крестьянин Тимофей Кузнецов — стар, беден, одинок, земли не имеет, кормится шинкарством и заявляет, что если попадет в тюрьму, то ничего против иметь не будет; крестьянка Надежда Парфенова — старая дева, одинока, имеет на одну душу землю, могла бы кормиться, но занимается шинкарством как промыслом; крестьянин Петр Такаев занимается шинкарством как промыслом, его жена, сноха и дочь также привлечены им к этой торговле, во время сессий Окружного суда состоит присяжным заседателем; другой шинок содержит помощник волостного писаря Попов, состоящий в дружбе с местным урядником, посему ничего не опасается...»¹⁰.

Исследование данных отчетов позволило подтвердить вывод о том, что водка чаще всего незаконно приобреталась именно на обрядовые и общественные мероприятия. Кроме того, шинки были привлекательны для населения и в том плане, что в них можно было купить спиртное в долг или под залог имущества.

Таким образом, при существовавшей в годы казенной винной монополии системе торговли, когда государство было заинтересовано в получении бюджетных поступлений от продажи водки, стимулировавшей алкоголизацию населения, частичными запретительными мерами, касающимися только системы торговли спиртными напитками, добиться уменьше-

ния их потребления оказалось невозможно. Наоборот, данная система стимулировала бесчисленный рост нарушений, связанных с распространением спиртного, одним из которых стало шинкарство. Увеличиваясь из года в год в арифметической прогрессии, оно не только угрожало увеличением алкоголизации населения, но и наносило вред государству, которое недополучало огромные денежные суммы от продажи монопольного товара. Можно с уверенностью сказать, что одной из причин введения запрета на продажу водки в годы Первой мировой войны стал именно этот новый крестьянский промысел — шинкарство, бороться с которым государству оказалось не под силу.

Примечания

¹ См.: Отчет по казенной продаже питей Пензенского акцизного управления за 1905 г. Пенза, 1906. С. 17.

² ГАПО, ф. 71, оп. 1, д. 21, л. 20—95.

³ См.: **Фридман М. И.** Доходы и расходы русского государства. М., 1906. С. 22.

⁴ ГАПО, ф. 71, оп. 1, д. 131, л. 78.

⁵ См.: Отчеты по казенной продаже питей Пензенского акцизного управления за 1904—1913 гг. Пенза, 1905—1914.

⁶ Там же.

⁷ ГАПО, ф. 71, оп. 1, д. 162, 189, 190. Например, в Пензе в мелочной лавке владелица торговала водкой навывнос. По доносу одного из посетителей полиция произвела обыск и обнаружила 12 бутылок водки емкостью 1/40 ведра. Содержательница была оправдана по приговору городского суда, так как доказала, что хранила такое большое количество водки для мужа, страдающего запоем, причем конфискованное спиртное было возвращено. Через несколько месяцев она опять была задержана, по приговору суда ей пришлось уплатить штраф в размере 5 руб.

⁸ См.: Отчет по казенной продаже питей... С. 96.

⁹ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 7318, л. 9, 139.

¹⁰ Там же, ф. 164, оп. 1, д. 76, л. 32—34.

Поступила 30.04.2003 г.

УДК 93/99(470.40)–058.51

*Н. А. Зоткина***ИМЕНЕМ ХРИСТОВЫМ: КРАТКИЙ ОЧЕРК
ИЗ ИСТОРИИ «ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО» НИЩЕНСТВА
ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX вв.**

Бедность огромных слоев населения — извечное проклятие России. Увы, социальные контрасты, соседство роскоши и нищеты — ее неотъемлемый признак, не изжитый и в годы Советской власти. В настоящее время прекращение уголовных преследований за бродяжничество и нищенство, миграционные процессы, изменение ситуации на рынке труда, всеобщее обнищание населения и другие факторы способствуют значительному развитию этого явления.

Нищенство на Руси существует несколько веков. Многие, в том числе древнейшие, памятники литературы и права зафиксировали его, но неоспоримым остается тот факт, что нищета и нищенство очень долго не попадали в фокус научных исследований. Отправной точкой в изучении указанной проблемы можно считать 50-е гг. XIX в., когда после поражения в Крымской войне и смерти Николая I общественно-политическая ситуация в стране изменилась коренным образом: в печати стали обсуждаться различные социальные вопросы — рабочий, национальный, женский, аграрный и т. д. Дошло дело и до нищенства. Причины, происхождение, формы борьбы с этим злом привлекали внимание Н. Костомарова, А. Шапова, М. Воронова, А. Левитова, М. Курбановского, И. Прыжова. Первоначально исследования носили описательный характер. Но всякому явлению свойственна эволюция. Со временем в работу включились не только историки, этнографы, правоведы, социологи — данные о нищенстве стали собирать священники, литераторы, чиновники. Одновременно создавалась статистика бедности и нищеты, составляемая различными губернскими, уездными попечительными комиссиями, земством, которые в своей деятельности преследовали разные цели¹.

Таким образом, к концу XIX в. накопился обширный эмпирический материал, который предстояло осмыслить целостно. С опорой на него в 90-е гг. XIX в. — начале XX в. вышли интереснейшие публикации². Параллельно шло непосредственное изучение «нищенских гнезд», анализировались результа-

ты анкетных опросов, личных бесед и наблюдений за поведением нищих³. В итоге в первое десятилетие XX в. сложилась уже научно обоснованная социологическая гипотеза относительно рассматриваемого феномена, который стал одним из центральных вопросов историко-социологической мысли.

В последнее время проблема нищенства отечественной историографией была совсем забыта, как и проблемы проституции, алкоголизма и им подобные, в изучении которых российская дореволюционная девиантология достигла несомненных высот. Несмотря на то, что все эти социальные недуги не исчезали из жизни общества, официальная установка — в стране Советов «бокса нет, секса нет, джаза нет» — опредилила ориентиры и приоритеты историко-социологических исследований на долгие десятилетия. Лишь только в конце 1990-х гг. социальная девиантология в России стала восставать из пепла и, лишенная какой-либо опоры в советской науке, ориентируется на материалы дореволюционного периода и зарубежных ученых. Это характерно и для проблемы нищенства⁴.

Что такое нищенство? Кто такие нищие в социально-экономическом и политическом отношении? Прежде всего, это социальные изгои с абсолютно атрофировавшимися политическими интересами, с инстинктивной враждой к непонятному и чуждому им устройству общества, безнадежные бедняки, обреченные на прозябание, занимающие последнюю ступень социальной лестницы, дальше которой в социальном пространстве опускаться некуда, лишенные возможности подняться с нее. Чаще всего это старики, калеки, дети, по каким-либо обстоятельствам оставшиеся без опеки.

Занимаясь данным вопросом, исследователи сразу столкнулись с проблемой соотношения собственно нищенства и попрошайничества, разделяя их, ибо если для нищих попрошайничество — единственный способ выживания, то не все попрошайки — действительно подлинно нуждающиеся... К первым социологи относились снисходительно, даже в некоторой степени с пониманием, ко вторым — нетерпимо, квалифицируя их как «зло в самом нищенстве», окрестив их «профессионалами». О них и пойдет речь в настоящей работе.

Социальная гетерогенность слоя нищих, особенно профессиональных, несомненна, но все-таки в земледельческой провинции, впрочем, как и во всей России, его основу составляли выходцы из деревни. Масштабы распространения нищенского «ремесла» среди крестьян Пензенского края на рубеже

XIX — XX вв. значительно варьировались по уездам и волостям. Так, в Керенском, Чембарском, Нижнеломовском, Наровчатском, Мокшанском уездах, как правило, сбором милостыни занимались «некоторые из крестьян, потерпевшие от бедствий, как-то пожаров, градобитий и т. п., совершенно одинокие, неспособные к труду по слепоте, увечью и преклонности лет люди, так называемые “случайные нищие”»⁵.

Можно с уверенностью отметить, что среди местного населения профессиональное нищенство сколько-нибудь серьезного развития не получило, хотя нельзя исключать единичные случаи. В других уездах — Пензенском, Городищенском, Краснослободском (частично, за исключением некоторых волостей) — профессиональное нищенство среди жителей было ощутимо в такой степени, что уездные исправники помимо признания существования этого явления пытались производить подсчеты «профессионалов»⁶. И наконец, на всю Россию гремела «слава» калунов Саранского, Инсарского и Рыбкинской волости Краснослободского уезда. Здесь целые села практически поголовно занимались нищенством в виде отхожего промысла. Это Голицыно, Акшенас, Митрофаниха, Клин, Зиновка, Говорово, Языково — в Саранском уезде, Архаровка, Княжевка, Гармаковка, Ускляй, Русский Шелдан, Сипягино, Любятино — в Инсарском⁷. О масштабах развития здесь профессионального нищенства говорят следующие цифры: в Краснослободском уезде в с. Черемисы нищенством занималась 41 семья из 121 имеющихся в селении домохозяйств, в с. Ворона — 23 из 72, в д. Кирляй — 15 семей из 49⁸. В селах Саранского и Инсарского уездов положение было еще серьезнее⁹. На свой промысел крестьяне означенных областей разбредались по всей Европейской и даже азиатской России: пензенских калунов прекрасно знали в обеих столицах, в крупнейших городах Поволжья, Кавказа, юга империи¹⁰.

Характерным был тот факт, что «работнички рукопротяжной фабрики» бросали заниматься сельским хозяйством и из поколение в поколение под видом солдат, калек, погорельцев, переселенцев, семьями, часто не пешком, а на подводах, нанимая себе помощников, отправлялись на промысел, своими корнями уходящий в века. Не занимаясь производительным трудом, паразитируя за счет общества, эти псевдобедняки жили безбедно. Столичная и провинциальная пресса, архивные фонды документально подтверждают нарисованные социологами красочные картины праздного быта подобных «шатунов». По данным уездных исправников, калуны зарабатывали в год до 300 руб. на душу¹¹. Трудовая активность «профессионалов» в

отличие от действительно нуждающихся лиц слабо варьировалась в зависимости от времени года. Они возвращались в места малой родины, как правило, летом, проводя отпуск в разгуле и пьянстве¹². На «профессиональное» нищенство почти не влияли недороды или высокие урожаи хлеба. Более того, «в голодные годы нищие от дороговизны хлеба только выигрывали, сбывая его по более выгодной цене»¹³.

О повседневной жизни и быте как подлинно нуждающихся, так и «профессиональных» нищих, об их месте в системе социальной стратификации, коллективной психологии и субкультуре можно говорить бесконечно долго. Для современного уровня историко-социологических знаний по данной проблеме все эти параметры более или менее полно описаны в работах дореволюционных социологов и на довольно высоком аналитическом уровне обобщены И. А. Голосенко¹⁴.

Так или иначе, исследование изучаемого явления будет бесполезным без выяснения причин его возникновения, функционирования и перспектив ликвидации, по крайней мере таких, какими их видели социологи, государственники, общественные деятели в начале XX в. Из всего комплекса причин существования нищенства в целом¹⁵ немногие были виновны в колоссальном и все прогрессировавшем развитии этой аномии («профессионального» нищенства) на пензенской земле. В частности, А. Бахтиаров замечал, что нищенство как таковое имеет характер проблемы не только социально-экономической, но и социально-психологической, культурной, что совершенно справедливо¹⁶.

В отчетах уездных исправников, работах исследователей помимо прочего очень часто мелькает слово «привычка». «Возникновение нищенства, — писал краснослободский уездный исправник, — зависит от условий экономических, главным образом, но поддерживается и развивается уже привычкою и легким способом добывания куска хлеба»¹⁷. К такому выводу пришло большинство отечественных социологов и историков. Его правильность подтверждает и тот факт, что в Пензенской губернии «профессиональное» нищенство было более всего развито в Архангельско-Голицынской волости Саранского уезда, крестьяне которой по реформе 1861 г. получили высший в Поволжье душевой надел¹⁸. Народное «нищелюбие» также в немалой степени способствовало прогрессированию нищенства, эксплуатировавшего народный обычай проявлять милосердие путем мелкой денежной подачи. Этот обычай, настолько же гуманный, насколько патриархальный, явился творцом и источником существования «профессионального» нищенства¹⁹.

Долгое время, начиная с Ивана Грозного, борьба с нищенством сводилась к репрессивной политике со стороны государственной власти. Но, как показала история, система запретов оказалась мертвой буквой. Например, этап и ссылка, наиболее рьяно практиковавшиеся относительно праздношатающихся злостных нищих и бродяг, помогали мало: подавляющее большинство высланных на места своей родины вновь возвращались в города; полученную в приемнике экипировку, которая, вкупе с пересылкой, дорого обходилась казне, подобные «летуны» продавали скупщикам и вновь наряжались в лохмотья. Мероприятия по ограничению выдачи паспортов крестьянам, на которые был сделан упор в Пензенской губернии, привели лишь к росту недоимок и взяточничества, не сократив масштабов явления²⁰. Местная администрация, угадывая желания начальства, докладывала в центр, что борьба с проблемой происходит успешно, в доказательство своей правоты приводя статистику отсутствия роста «нищенских гнезд» (на самом деле чиновники переставали вести регистрацию нищих)²¹. Между тем ситуация была катастрофична. Так, в Саранском уезде с 1861 по 1898 г. были судимы только за бродяжничество 147 чел.²² Безусловно, данная цифра ничтожна в сравнении с показателями, например, Петербургской губернии, откуда только в 1892 г. по этапу было отправлено 807 чел.²³ Но следует учитывать тот факт, что определенную долю этих нищих составляли пензенские калуны, предпочитавшие «работать» на стороне.

Разуверившись в эффективности прежних репрессивных мер, в начале XX в. правительство и общественность обратились к организации так называемой системы призрения. Безусловно, отсутствие или нехватка приютов, богаделен, благотворительных и других организаций сказывались на картине нищенства, расширяя его масштабы, но несомненным было и то, что на «профессиональное» нищенство этот недостаток практически не влиял. Более того, «профессионалы» не нуждались и не хотели быть призреваемыми (в таком случае они лишались «прелестей» своей жизни) и, как свидетельствуют архивные данные, избегали богаделен, лечебниц, домов трудолюбия и им подобных заведений. В итоге новая форма социальной политики государства, в немалой степени защищавшая бедняков (хотя и недостаточно), не смогла поколебать позиций «профессионального» нищенства. Дальше — больше: с началом Первой мировой войны эта общественная аномия стала шириться, достигнув апогея в годы «военного коммунизма».

Примечания

¹ См.: **Голосенко И. А.** Нищенство как социальная проблема (из истории дореволюционной социологии бедности) // Социс. 1996. ц 7. С. 27.

² См.: **Дриль Д.** Бродяжничество и нищенство и меры борьбы с ними. Спб., 1877; **Линев Д. А.** Причины русского нищенства и необходимые против него меры. Спб., 1891; **Прыжов И.** Нищие на Святой Руси. Казань, 1913; **Новобергский Я.** По пути к вырождению. Спб., 1913; и др.

³ См.: **Бахтиаров А.** Босяки. Очерки с натуры. Спб., 1903; **Максимов Е.** Бродячая Русь. Христа ради. Спб., 1877; **Он же.** Происхождение нищенства и меры борьбы с ним. Спб., 1901; **Левинстим А. А.** Профессиональное нищенство, его причины и формы. Спб., 1901.

⁴ См.: **Голосенко И. А.** Нищенство... С. 27–35; **Он же.** Нищенство в России // Социс. 1996. ц 8. С. 18–24; **Он же.** Нищета и нищенство. Очерк российской социологии бедности // Рос. провинция. 1995. ц 2. С. 71–76.

⁵ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 7013, л. 32.

⁶ Там же, л. 35.

⁷ Там же, л. 15, 48, 60.

⁸ Там же, л. 35.

⁹ Там же, д. 6880, л. 1 об.

¹⁰ Там же, д. 7013, л. 43.

¹¹ Там же, л. 15 об., 43.

¹² Там же, л. 43, д. 6880, л. 2.

¹³ Там же, д. 7013, л. 42 об.

¹⁴ См.: **Голосенко И. А.** Нищенство...; **Он же.** Нищенство в России; **Он же.** Нищета и нищенство.

¹⁵ Выделяются следующие группы причин: 1) Экономические (имущественная недостаточность, малоземелье, безработица); 2) юридические (слабость правовой защиты населения); 3) культурные (древний обычай сводить народное призрение к раздаче мелкой милостыни и т. д.); 4) административные (малоэффективная система государственного призрения).

¹⁶ См.: **Бахтиаров А.** Указ. соч. С. 64–66, 87.

¹⁷ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 7013, л. 35.

¹⁸ Там же, л. 18, д. 6880, л. 1–1 об.

¹⁹ См.: **Голосенко И. А.** Нищенство в России. С. 18.

²⁰ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 7013, л. 67.

²¹ Там же.

²² Там же, л. 16.

²³ Там же.

Поступила 24.04.2003 г.

УДК 63—058.32(470.4)

*Е. П. Погодин***СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ КУПЕЧЕСТВА
СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В XVII — НАЧАЛЕ XX в.**

Изучение опыта ведения хозяйства русским и нерусским (прежде всего татарским, чувашским, марийским, мордовским, удмуртским и др.) купечеством на территории Среднего Поволжья в XVII — начале XX в. на сегодняшний день является важнейшей задачей историографии. Эта проблема стала разрабатываться сравнительно недавно. Советские историки, абсолютизируя экономическую историю, в то же время обходили стороной историю национальной торгово-промышленной буржуазии. Большевики объявили купцов врагами народа, паразитами и ликвидировали их как класс. Между тем даже беглое знакомство с экономической историей показывает, что купечество способствовало укреплению экономической мощи страны не только в торговле и промышленности, как это принято традиционно считать, но и в аграрной сфере. Не случайно К. И. Арсеньев и К. Герман, виднейшие русские статистики начала XIX в., характеризуя население России «по состояниям», делили его на «класс производящий», к которому относили земледельцев, ремесленников и купцов, и «класс непроизводящий» (т.е. живущий за счет производящего), куда причисляли дворян, духовенство, чиновничество, военных и разночинцев¹.

Рассматриваемая нами тема тесно связана с такими сложными и дискуссионными проблемами, как генезис капитализма, формирование национальной буржуазии и всероссийского рынка. В литературе отмечалось, что в дореформенный период в России возникали капиталистические отношения в сельском хозяйстве (применение отдельными помещиками труда вольнонаемных рабочих, купеческое предпринимательство и т. д.)², но до сих пор отсутствуют конкретный анализ и обобщение процесса купеческого предпринимательства в сельском хозяйстве. Выбор темы настоящего исследования обусловлен не только ее слабой изученностью и отсутствием обобщения выявленных материалов, но и тем, что разложение крепостнической системы в сельском хозяйстве как раз нагляднее всего происходило в купеческом аграрном секторе экономики. Изучая социальные проблемы развития сельского хозяйства, историки в основном обращали внимание на поме-

щищье и крестьянское хозяйство. Между тем развитие капиталистического уклада проходило прежде всего в купеческом хозяйстве, которое нередко было многоотраслевым и охватывало целый ряд уездов и городов Среднего Поволжья, имело здесь специфические особенности. Тем самым организация и развитие купеческого хозяйства приобретают центральное и определяющее значение.

Помимо чисто научно-исторического интереса к выбранной теме исследования обращение к ней обусловлено и тем, что начавшиеся в 1990-е гг. в России рыночные реформы должны опираться на исторический опыт прошлого, в частности на аграрную капиталистическую модернизацию. Поиск оптимальной модели российского рыночного хозяйства требует изучения традиций отечественного предпринимательства и экономической культуры социальных слоев регионов.

Для полноты характеристики экономической деятельности купечества следует подчеркнуть, что купцам не было чуждо и занятие земледелием, животноводством, огородничеством, садоводством, причем не только потребительским, но и торговым, что было свойственно для большинства городов России, не говоря уже о сельской местности.

В XVII – XVIII вв. в Среднем Поволжье аграрный сектор (пашенное земледелие, освоение лесов под пашни и сенокосы, огородничество, садоводство, животноводство, рыболовство, охота) городской экономики по удельному весу был преобладающим. Традиционно этими видами сельскохозяйственной деятельности занималась значительная часть горожан, в том числе купцов.

Марийский историк А. Г. Иванов, проанализировав наказы купцов уездных городов Среднего Поволжья в Уложенную комиссию 1767 – 1768 гг., пришел к выводу, что купечество региона в условиях специфического «аграрного» типа русского города в инациональном окружении рассматривало различные сферы товарного земледелия, животноводства, огородничества, садоводства в качестве важнейших направлений своей предпринимательской деятельности³.

Наиболее близкими сельскохозяйственными занятиями были для тех купцов, которые сами в недавнем прошлом являлись крестьянами. Часто, уже находясь в купеческом звании, бывшие крестьяне продолжали заниматься сельским хозяйством. В. Н. Яковцевский установил, что в середине XVIII в. до 50 % купечества, в основном из 3-й гильдии, только юридически числилось в купеческом сословии, а фактически жило по деревням и занималось земледелием или поступало внаем⁴.

В 1722 г. в Алатыре из 78 «купеческих людей» торговали лишь 10 чел., в 1801 г. торги имели 13 купеческих семей из 39⁵. Академик И. И. Лепехин, путешествовавший по России в 1768 — 1769 гг., отметил, что «купечество Алатыря не весьма зажиточно: торгуют мелочными товарами, а наиболее всего питаются от хлебопашества»⁶. В Буинске в конце XVIII в. также только небольшая часть жителей занималась коммерцией, а большинство питались от своего хлебопашества⁷. В 1765 г. в Саратовском округе купцы 3-й гильдии «по большей части имели для сеяния хлеба и разного овоща хутора и содержали всякий для домового своего довольствия и продажи на отдачу в тягло подушных денег скот»⁸.

Многие купцы г. Яранска в одноименном уезде имели оброчные «пашенные земли и сенные покосы, луга и мельницы» с хоромными строениями. «Первостатейные» купцы города получали от товарного земледельческого и животноводческого предпринимательства немалую прибыль. В то же время основная масса «маломощных» купцов от хлебопашества едва сводила концы с концами и с трудом могла прокормить себя и свою семью⁹.

Особенностью аграрного сектора экономики Царевококшайска являлось то, что горожане кроме хлебопашества, животноводства, огородничества «более занимались в разведении хмелевых садов». По свидетельству анкеты Коммерц-коллегии 1764 г., царевококшайцы имели «хмелью садового много число». При этом «к таковым садам ис царевококшайского купечества многие искусны». В географическом описании 1767 г. особо подчеркивалось, что у царевококшайских купцов «промыслы по большей части хмелем». В то же время «изрядные» доходы они получали «от пашенных земель, которые земли нанимают в уезде у черемис в годы и наемными ж людьми пашут, хлеб сеют и сена косят. И на тех землях многие имеют скотные двory и хмельники свои, а на удобных местах хмельницы». Иными словами, купцы активно арендовали сенокосные угодья марийских крестьян под хмельники. Хмель в большом количестве вывозился в Петербург, Москву, Смоленск, Тверь, Тобольск, Новгород, на Ирбитскую ярмарку, где продавался с немалой выгодой¹⁰.

Одна из особенностей сельского хозяйства Среднего Поволжья состояла в наличии множества хозяйств купцов в сельских местностях (это явление было распространено также в северных черносошных районах и в Приуралье — в местах обитания главным образом государственных крестьян). Хозяйства купцов нередко создавались на землях, арендованных

или захваченных у государственных крестьян. По мнению В. Д. Дмитриева, в Чувашии существовало не менее полутора земельных владений купцов и чиновников, которые по своему размеру во многих случаях не уступали помещичьим владениям (напомним прямо противоположное мнение И. Д. Кузнецова, правда, спроецированное на XVII в., о том, что редко кто из купцов прикупал или на кабальных началах захватывал общинные земли, превращался фактически в помещика¹¹). Большинство из таких владельцев содержали в сельских местностях мельницы и винокуренные заводы, а некоторые из них специально нанимали земли с целью организации земледельческого хозяйства. Нередко купцы разворачивали многоотраслевые хозяйства, где в качестве рабочей силы использовались купленные крепостные дворовые люди и попавшие в кабально-ростовщическую зависимость чувашские крестьяне. Следовательно, форма эксплуатации в этих хозяйствах оставалась крепостнической, что было обусловлено господством феодального строя, но в отличие от помещичьих купеческие хозяйства были почти полностью товарными. В них зерновая продукция либо продавалась, либо употреблялась на производство хлебного вина, если владелец был содержанием винокуренного завода. Преобладающая часть продукции животноводства также поступала на рынок¹².

Купцы, будучи по натуре предпринимателями, обладая кругозором и знаниями в силу специфики своей профессии, нередко конкурировали с самыми передовыми помещиками в области применения на практике новых агротехнических знаний и тем самым двигали прогресс в сельском хозяйстве. Так, казанский военный губернатор И. А. Баратынский в отчете к царю не без гордости докладывал, что на состоявшейся в 1850 г. Санкт-Петербургской выставке сельскохозяйственных произведений ядринский купец Тогузов за представление улучшенной породы картофеля был награжден большой серебряной медалью, в то время как помещик Чебоксарского уезда действительный статский советник Лобачевский был удостоен малой серебряной медали за предъявленное на выставке руно шерсти¹³.

К сожалению, в литературе очень часто пишется о том, что некоторые помещики применяли машины для обработки почвы, вводили многополье, рациональный плодосмен, новые сорта сельскохозяйственных культур, но неоправданно редко говорится о продвижении техники сельскохозяйственного производства и культуры земледелия купцами-предпринимателями. А ведь в сельском хозяйстве были не только «помещики-

рационализаторы», использовавшие труд вольнонаемных рабочих и заграничную технику, но и «купцы-новаторы», которые в пример другим отмечались наградами. Отдельные представители купечества получили высшее агрономическое образование (российское и зарубежное), занимались научными изысканиями в области аграрного производства.

Купцы, как истинные предприниматели, которые во всем искали себе выгоду, покупали и арендовали у городов, казны, удельного и церковно-монастырского ведомств, помещиков и крестьянских общин пахотные, сенокосные, лесные, садово-огородные и пустующие земли и вблизи городов, и в уездах. Там они выращивали товарный хлеб, хмель, картофель, овощи, разводили скот и пр. Нередко увеличение поголовья скота в хозяйстве купцов обеспечивалось не только за счет традиционных естественных кормовых угодий, но и благодаря использованию отходов своего же винокуренного производства (барда). В XVII — XVIII вв. формируются очаги и центры торгового земледелия: хмелеводства, товарного хлеба, льноводства, коноплеводства, около городов — торговое огородничество, табаководство. Уже для того времени характерно соединение торгового капитала не только с промышленным, но и с аграрным делом. Капиталистический уклад складывался в сельском хозяйстве в XVIII в. в первую очередь в купеческом предпринимательском (нередко многоотраслевом) хозяйстве, основанном на вольнонаемном труде, хотя зародыши капиталистических отношений здесь имелись уже в XVII в.

Особенно активно процесс купли земли купцами происходил в пореформенный период, когда на земельный рынок все чаще стали поступать помещичьи земли. Дворянское землевладение сокращалось, и формировалась буржуазная собственность на землю. Хотя «чумазые ленд-лорды» порой имели огромные земельные владения, главным источником доходов для них оставались торговля и промышленное производство. Сельскохозяйственные занятия купечества в основном были подспорьем (хотя и немаловажным) в их торгово-промышленной деятельности. Часть купцов занималась скупкой и перепродажей земельных участков, наживая таким способом капитал. Многие купцы, как и помещики, сдавали землю в аренду крестьянам на кабальных условиях, выступая в роли ростовщиков. Особенность социально-экономического развития России и Среднего Поволжья заключалась в слабом развитии частной купеческой собственности, в первую очередь на землю, и как следствие этого — недостаточное развитие «третьего сословия».

В период первой русской революции 1905 — 1907 гг. экономии купцов подвергались нападениям так же, как и имения помещиков. Крестьяне еще больше ненавидели помещиков из числа купцов, которые, покупая имения дворян, спешили с избытком возратить затраченный капитал. Ненависть к «чумазым ленд-лордам» порождалась не только экономическими, но и чисто психологическими причинами. У крестьян вызывали чувство протеста успехи тех, кто совсем недавно в социальном плане стоял с ними наравне. Под натиском крестьян купцы вынуждены были продавать земли. Большая часть их была приобретена Крестьянским поземельным банком и перепродана по более высокой цене крестьянам.

По-разному хозяйничали купцы в своих сельскохозяйственных имениях. Одни добивались образцового капиталистического хозяйства, широко применяли труд наемных сельскохозяйственных рабочих и машин, другие копировали не самые лучшие феодально-крепостнические методы ведения хозяйства, тем самым сохраняя в аграрном секторе региона «живые остатки крепостничества». Своеобразное переплетение и взаимодействие развивающегося аграрного капитализма и остатков крепостничества накладывали яркий отпечаток на социально-классовую структуру общества.

Примечания

¹ См.: **Арсеньев К. И.** Начертание статистики Российского государства. Спб., 1818. Ч. 1. С. 63, 65; **Окунь С. Б.** Очерки истории СССР. Конец XVIII — первая четверть XIX века. Л., 1956. С. 6.

² См.: **Хромов П. А.** Очерки экономики докапиталистической России. М., 1988. С. 45.

³ См.: **Иванов А. Г.** Предпринимательство купечества уездных городов Среднего Поволжья в середине XVIII века // Предпринимательство Поволжья: истоки, традиции, проблемы и тенденции развития. Чебоксары, 1998. С. 5.

⁴ См.: **Яковцевский В. Н.** Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1953. С. 49, 55, 75, 76.

⁵ См.: **Кочетков В. Д.** Алатырь. Чебоксары, 1978. С. 36.

⁶ **Лепехин И. И.** Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году: В 2 ч. Спб., 1771. Ч. 1. С. 96.

⁷ См.: **Ахмадуллин Ш. А.** Буинск: страницы истории. Казань, 1991. С. 13.

⁸ **Яковцевский В. Н.** Указ. соч. С. 54.

⁹ См.: **Иванов А. Г.** Предпринимательство... С. 12—13.

¹⁰ См.: **Иванов А. Г.** Очерки по истории Марийского края XVIII века. Йошкар-Ола, 1995. С. 267, 269, 283.

¹¹ См.: **Кузнецов И. Д.** Очерки по истории чувашского крестьянства. Чебоксары, 1957. С. 97.

¹² См.: **Димитриев В. Д.** История Чувашии XVIII века. Чебоксары, 1959. С. 133–134.

¹³ РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 2181, л. 1142. В 1923 г. на Всесоюзной выставке, организованной с целью дать представление о тогдашнем состоянии сельского хозяйства, познакомить широкие массы населения с достижениями сельскохозяйственной науки и возможностями широкого использования, Чувашская автономная область была представлена одним крестьянским двором и продукцией, выпускаемой артелями промысловой кооперации. В одном из уголков выставочной территории был построен двор крестьянина-середняка: изба, амбар, надворные постройки с надписью на воротах «Чувашская автономная область». В избе проживала подлинная чувашская семья из с. Альгешево Чебоксарского уезда. Глава семьи с дочерью демонстрировали технологию производства рогожи; хозяйка дома пряла нитки; во дворе в клетушке сидел старик и плел лапти, а молодой человек занимался токарным ремеслом по дереву (см.: **Шорников А. М.** Подъем агрикультуры — важный фактор реконструкции сельского хозяйства Чувашии в 1920 — 1930 годах // Вопросы истории сельского хозяйства Чувашии. Чебоксары, 1984. С. 57–58). Как видим, «подъем агрикультуры» спустя 70 лет был разительным и весьма показательным: исчезли дворянско-помещичья, чиновническая и купеческая сферы аграрной культуры.

Поступила 28.04.2003 г.

УДК 323.325(470.345)

М. И. Роднов

МОРДОВСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО ПЕРЕПИСИ 1917 г.

К числу главных этнических групп населения Уфимской губернии, включавшей основную часть территории современной Республики Башкортостан, относилось мордовское крестьянство, небольшими компактными группами и отдельными селениями широко расселившееся в первую очередь по южной, степной и лесостепной частям Башкирии. Новым источником по социально-экономическому и демографическому развитию мордовского крестьянства края служат первичные материалы Всероссийской сельскохозяйственной и по земельной переписи 1917 г. (подворные карточки), сохранившиеся по всем уездам края, кроме Мензелинского.

На севере Башкортостана мордовского населения было немного. Во всем Бирском уезде, например, перепись 1917 г.

© М. И. Роднов, 2004

зафиксировала лишь 2 семьи мордвы (8 чел., 1,21 дес. посева)¹. В северо-восточном Златоустовском уезде насчитывалось 3 417 чел. мордвы, из которых 3 404 чел. (99,6 %) проживали в Михайловской волости, состоявшей из единственного в округе мордовского села с 2 поселками².

В центре и на юге мордовское крестьянство было гораздо многочисленнее. В Уфимском уезде, по переписи 1917 г., их проживало 4 446 чел. (в 668 дворах)³. В Белебеевском уезде мордвы насчитывалось 2 024 хозяйства и 14 173 чел.⁴, в Стерлитамакском уезде — 2 720 дворов и 19 055 чел.⁵ Таким образом, в 5 уездах Уфимской губернии (без Мензелинского уезда и городов) в 1917 г. проживало 41 099 чел. мордвы.

В начале XX в. по южному Приуралью проходила граница между зоной господства традиционного, общинного крестьянского хозяйства (северо-запад края) и сравнительно многоземельными территориями с быстрым складыванием прослойки крестьян-предпринимателей (кулаков-фермеров). В зависимости от места проживания этнической группы социальное развитие приобретало различные темпы⁶.

Сравним мордовское крестьянство южного Стерлитамакского уезда, где на плодородных черноземах выросло многочисленное кулачество, и Уфимского уезда, в котором мордва была сконцентрирована в густонаселенных волостях рядом с помещичьими имениями вокруг губернского центра (таблица⁷).

Таблица

Мордовское население 2 уездов Уфимской губернии*

Волость	Всего хозяйств мордвы	В том числе с посевом свыше 10 дес.	%	Средний посев на мордовский двор, дес.
<i>Стерлитамакский уезд:</i>				
Аллагуватовская	54	44	81,5	26,62
Бегеняш-Абукановская	307	77	25,1	8,24
Дедовская	88	53	60,2	16,19
Зиргановская	294	18	6,1	4,71
Ишпаровская	325	85	26,2	8,74
Калкашевская	68	34	50	15,25
Карагушевская	110	69	62,7	21,28
Покровская	217	68	31,3	8,08
Федоровская	943	201	21,3	7,01
Четырмановская	200	108	54	12
<i>Уфимский уезд:</i>				
Абраевская	172	5	2,9	4,26
Булгаковская	203	28	13,8	6,62
Осоргинская	248	10	4	4,84

* Взяты волости, где имелось не менее 40 дворов мордвы.

Перепись 1917 г. проводилась на четвертом году мировой войны, когда экономическая разруха достигла значительных размеров. По сравнению с довоенным уровнем удельный вес зажиточных хозяйств сократился примерно на 20–30 %. Тем не менее в южном Стерлитамакском уезде в 4 волостях среди мордвы предпринимательские (кулацкие, фермерские) семьи охватывали от 21 до 31 % всех жителей, а в 5 волостях они составляли уже абсолютное большинство населения (50,0–81,5 %). Исключением была Зиргановская волость, где мордва почти целиком проживала в большом селе Зирган (татары, мордва, русские, чуваша, прочие, всего 5 982 чел.), представлявшем уже поселок полугородского типа, а жители занимались ремеслом, торговлей, обслуживанием окружавшего богатого зернового района. В Уфимском уезде доля предпринимательских элементов среди мордвы оставалась невысокой (3–14 %), хотя нигде средний посев на хозяйство не опускался ниже 4 дес.

Такие же показатели дают и третий уезд со значительным мордовским крестьянством — Белебеевский, а также Михайловская волость Златоустовского уезда (25,3 % зажиточных дворов)⁸. В северо-западных волостях Белебеевского уезда, лежавших на границе с Нечерноземьем (Бакалинская, Ермекеевская, Николаевская, Старотураевская), доминировала община с середняцко-бедняцкими массами, удельный вес зажиточных дворов здесь колебался от 3,5 до 20,0 %. Зато вдоль Самаро-Златоустовской железной дороги, где особенно бурно складывалось торговое земледелие, в 6 волостях (Васильевская, Ильинская, Казангуловская, Семено-Макаровская, Тюменяковская, Чермасанская) сельская верхушка у мордвы охватывала 31–41 % всего населения, в 3 случаях предприниматели составляли большинство деревни — Нигаметуллинская волость (46 дворов, 63 %), Зильдяровская (44 двора, 82 %), Имай-Карамалинская (84 двора, 85 %)⁹. Как и у соседних народов, среди мордвы в начале XX в. сложились так называемые фермерские (кулацкие) поселки на частновладельческой земле, почти целиком состоявшие из богатых хозяйств. Многочисленные зажиточные дворы существовали и внутри мордовских общин, в ряде случаев фактически игравших там решающую роль.

В целом по уровню социального развития мордва (исключая сравнительно немногочисленные северные группы) входила в ряды самого состоятельного населения, у которых сформировался крупный слой предпринимательских, товарных, фермерско-кулацких хозяйств. Условно можно признать, что мор-

два делила с украинцами 3–4-е место по удельному весу этнического кулачества после немцев и эстонцев.

Причины такого активного складывания среди мордвы Уфимской губернии предпринимательской прослойки в общем очевидны — проживание в благоприятной местности (обилие высокоплодородных, дешевых земель, низкая плотность населения и отсутствие демографического давления на экономику, сравнительная слабость общинных устоев, наличие рядом транспортных путей), высокая земледельческая культура, почти полное отсутствие крепостнических пережитков (по сословию преобладали бывшие государственные крестьяне), очень большая близость к русским (православие), что позволяло мордве легко включаться в рыночные отношения, а также традиционное национальное трудолюбие.

К началу XX в. среди мордовского крестьянства сложились просто огромные хозяйства, которые безоговорочно можно отнести к фермерским. Например, в Сафаровской волости (юг Уфимского уезда) процветал мордовский «клан» Михайловых — Павел Степанович (97,5 дес. посева), Димитрий Ефимович (69), Василий Степанович (75), а самым крупным — «рекордсменом» губернии было хозяйство Ф. и И. С. Михайловых (254 дес. посева, 2-е по размеру в уезде)¹⁰. В Стерлитамакском уезде из 10 самых крупных посевищиков в 1917 г. мордвы было пятеро, в том числе С. М. и Я. С. Никитины (235,5 дес., 1-е место), Н. К. Пятаев (143), Т. И. Кожаев (134), П. К. Пятаев (131), М. Т. Паньшина (128 дес.)¹¹. В Белебеевском уезде в п. Гордеевка Имай-Карамалинской волости проживали И. В. Меркулов (81 дес. посева), Г. Ф. Меркулов (62,25), Я. М. Константинов (80,25), И. Л. Буйлов (53,63 дес.)¹².

Недалеко от Федоровки — центра одноименной волости Стерлитамакского уезда — располагался хутор Никитиных. Семену Макаровичу (66 лет в 1917 г.) и Якову Семеновичу (45 лет) принадлежало единолично 1,6 тыс. дес. земли (873 дес. пашни), из которой 460 дес. сдавалось в аренду. В семье было 5 работников (всего 15 чел.), поэтому приглашались годовые, сроковые, поденные, 18 сдельных батраков. Мордовские предприниматели были оснащены по последнему слову техники — 13 плугов, 3 сеялки, 2 жнейки, молотилка, 2 веялки, косилка, сепаратор и пара мельниц. Хозяева держали 42 рабочие лошади, 35 коров и много прочего скота, в 1917 г. засевали 180 дес. пшеницы, 30 — ржи, 24 — овса, 0,5 дес. картошки и 1 дес. конопли. Завершала картину пасека на 33 улья¹³.

Итак, в начале XX в. в южной части Уфимской губернии среди мордвы сформировался значительный слой зажиточных, предпринимательских (фермерско-кулацких) хозяйств, поставивших на рынок массу товарной продукции. Видимо, башкирская мордва по уровню социально-экономического развития превосходила крестьянство на исторической родине¹⁴. Наряду с русскими, украинцами, немцами и другими этносами края она отличалась наивысшей степенью вовлеченности в рыночную экономику.

Примечания

¹ См.: **Роднов М. И.** Крестьяне Бирского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 1997. С. 119.

² См.: **Он же.** Крестьянство Златоустовского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 2002. С. 38, 61, 67.

³ См.: **Он же.** Крестьянство Уфимского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 1997. С. 189.

⁴ Подсчитано по: ЦГИА РБ, ф. Р-473, оп. 1, д. 169–267, 503, 518, 562.

⁵ Там же, д. 242, 437–502, 504–505, 513.

⁶ См.: **Роднов М. И.** Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа, 2002.

⁷ ЦГИА РБ, ф. Р-473, оп. 1, д. 439, 444, 445, 455–457, 461–463, 467–468, 470–471, 474–476, 496, 499, 504, 505; **Роднов М. И.** Крестьянство Уфимского уезда... С. 172, 174, 180.

⁸ См.: **Роднов М. И.** Крестьянство Златоустовского уезда... С. 61.

⁹ ЦГИА РБ, ф. Р-473, оп. 1, д. 177–178, 184–185, 195–196, 198–203, 208–209, 212–215, 232–235, 237, 245, 246, 249–251, 503.

¹⁰ Там же, д. 559.

¹¹ См.: **Роднов М. И.** Крупно-крестьянское хозяйство Стерлитамакского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 1997. С. 31.

¹² ЦГИА РБ, ф. Р-473, оп. 1, д. 209.

¹³ См.: **Роднов М. И.** Крупно-крестьянское хозяйство... С. 138.

¹⁴ См.: **Полин Н. В.** Мордовская деревня накануне Октября // Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья. Дооктябрьский период. Йошкар-Ола, 1978. С. 163. (Слой кулацких хозяйств в мордовской деревне определен в 14,1 %.)

Поступила 28.04.2003 г.

УДК 316.462(470.4)

*Е. М. Михайлова***ПРАВЫЕ ПАРТИИ ПОВОЛЖЬЯ И ВЛАСТЬ (1905—1917 гг.)**

Проблема взаимоотношений правых партий и власти — одна из интереснейших в историографии правомонархического движения в России начала XX в. Общая концепция, выработанная на сей счет в советской исторической науке, состояла в рассмотрении правых сил как одного из звеньев правительственного лагеря, созданного и курируемого самим самодержавием. Действительно ли столь односторонне строились их отношения? Попытаемся взглянуть на эту проблему на примере взаимоотношений, сложившихся между правыми партиями и организациями Поволжья, с одной стороны, и местной и имперской властью — с другой.

Революционная стихия и незавершенный процесс модернизации обусловили появление на политической авансцене России начала XX в. правых партий и организаций, отстаивавших традиционные основы общежития, исходивших из незыблемости принципов триединства «православия, самодержавия и народности» в общественной жизни страны. Возникновение традиционалистско-монархических партий было вызвано рядом факторов. Прежде всего, модернизационный процесс начала XX столетия в своей интенсивности еще не разрушил фундамент традиционного существования. Преобладание патриархальной ментальности, достаточно высокой (несмотря на секуляризацию общества) религиозности населения способствовали перерастанию антиреволюционных настроений немалой части населения в политические организации. В условиях кризиса власти, ее неспособности быстро стабилизировать политическую ситуацию в стране явно ощущалась необходимость в силе, которая взяла бы на себя задачу восполнить на началах самообороны недостатки правительственной охраны, связанной государственными формальностями¹, сыграть «отрезвляющую роль в общественном движении»². Поэтому возникшие в конце 1905 — начале 1906 г. правые партии, в том числе в Поволжье³, нашли поддержку как имперской, так и местных властей. На верноподданническую телеграмму царю от членов Казанского отдела Русского собрания Николай II ответил: «Благодарю искренне Казанский отдел Русского собрания»⁴. Подобный ответ на выражение верноподданничества получили практически все отделы правых, обративши-

еся к царю с адресом. Свидетельством признания доктрин правых стали и приемы самодержцем их deputаций. В частности, в марте в Царское Село из Казанской губернии выехала внушительная группа правых, куда вошли представители дворянства, крестьянства, а также члены ЦНРО, Казанского отдела Русского собрания и ОЦСПП⁵.

Солидарность с созданными правыми партиями проявили и некоторые местные власти. Например, в число почетных членов казанского ЦНРО входили губернатор, вице-губернатор и другие должностные лица Казани⁶. Деятельное участие в организации отделения СРН в Симбирске принимали «секретарь губернского присутствия Крейман, член того же присутствия Корольков, земский начальник, гласный губернского земства Рютчи»⁷, вошедшие после открытия в отдел. В Безсоновском отделе СРН Пензенского уезда состояли 1 волостной старшина, 1 волостной писарь, 2 помощника писаря, 4 волостных судьи⁸. В работе Первого Волжско-Камского областного патриотического съезда, состоявшегося 21 – 25 ноября 1908 г. в Казани, наряду с представителями духовенства участвовали и должностные лица: председатель Судебной палаты Н. П. Галкин-Враской, помощник попечителя Казанского учебного округа А. А. Остроумов, казанский губернский тюремный инспектор В. З. Малама, гласный думы Д. И. Образцов и др.⁹ Как вспоминал позже кадет А. А. Кизеветтер, черносотенцы «чувствовали за собою какую-то опору, которая давала им возможность игнорировать самого Столыпина, формально возглавлявшего правительство»¹⁰. Не без подобной, в определенной степени, поддержки правые партии в 1906 – 1908 гг. стали одной из массовых политических сил¹¹, противостоявшей революционной стихии, но не оказавшей поддержки трону тогда, когда последний в этом более всего нуждался. В феврале – марте 1917 г. у самодержавия реальных защитников со стороны правых не оказалось.

Когда и как произошли изменения в отношениях правых партий с властью? В чем причины этого? Третьеиюньский режим и спад революционного движения существенно повлияли на функционирование правомонархических сил. Правые партии, рассчитывавшие быть достойно признанными, занять соответствующее место в системе третьеиюньской реформации, столкнулись с начавшейся дистанцированностью от них власти. Правда, процесс охлаждения власти к своим защитникам стал проявляться еще ранее. Его важнейшей причиной послужило то, что правые были среди тех, кто открыто выражал антисемитизм. Обвиняя евреев во всемирном заговоре,

организации революции, в экономическом засилье, в идеях «поработить русский народ», они требовали ужесточить ограничительное законодательство в отношении евреев, закрыть им доступ в учебные заведения страны, запретить заниматься определенными видами профессиональной деятельности и открывать собственные школы как нации, «не привнесшей в Россию собственной территории». В и без того беспокойной обстановке имперская власть не могла позволить правым излишнюю свободу проявления антисемитских настроений во избежание ухудшения политической ситуации. Свою роль сыграло и давление со стороны отечественных и международных банков, влиятельные представители которых могли указывать на несовместимость выдачи кредитов правительству, терпящему антисемитские выступления правых¹².

Явный «холод» в отношениях правых партий и властей наметился с приходом на пост премьер-министра П. А. Столыпина. Правые как центра, так и провинций довольно часто критиковали правительство за слабость, «либеральничанье», продолжение «политики уступок». Еще до третьеиюньских политических изменений в ряде правых организаций стали раздаваться голоса об использовании довольно категоричных методов в усмирении левых сил. В марте 1907 г. председатель АНМП Н. Н. Тиханович-Савицкий отправил на имя наместника Кавказа И. И. Воронцова-Дашкова телеграмму с предложением-требованием «принять решительные меры против армян и других революционеров, избивающих и угрожающих членам Патриотического Общества в Тифлисе и наметивших убить 200 русских рабочих-патриотов», а для этого выдать «винтовки и другое оружие русскому патриотическому населению для самообороны»¹³.

Идея нашла сторонников на проходившем в апреле – мае 1907 г. в Москве Четвертом Всероссийском съезде русских людей. В работе секции съезда по общественной безопасности, возглавляемой профессором В. Ф. Залесским, ряд ораторов выступили с предложениями «оградить эту безопасность разоружением еврейской самообороны, легализацией русской и введением диктатуры»¹⁴. Реакция власти на ход и решения съезда, как и следовало ожидать, была соответствующей. В срочной шифрованной телеграмме от 29 апреля 1907 г. московскому генерал-губернатору П. А. Столыпин отметил необходимость «удержания съезда в пределах законности»¹⁵. Предложенный на съезде рецепт борьбы с революцией был слишком рискованным для многонационального государства, и в дальнейшем власти старались «сдер-

живать» политические проявления правых, в том числе в их стремлении возложить на себя функции государственных структур. Из выносимой на съезд представителей монархических организаций Астраханской губернии в августе 1907 г. повестки «1) о выборах в 3-ю Государственную Думу; 2) о мерах к ослаблению пропаганды революционных партий; 3) о способах для мирного развития монархических организаций в пределах Астраханской губернии; 4) о выяснении неотложных нужд населения губернии» — министерство внутренних дел изъяло последний пункт как не относящийся к компетенции партии¹⁶. Аналогичный отказ был дан и на просьбу В. Ф. Залесского обсудить на Первом Волжско-Камском областном патриотическом съезде вопрос о государственной обороне¹⁷.

Негативное отношение со стороны властей вызывали встречавшиеся в правых изданиях нелицеприятные как для местной, так и для имперской администрации обвинения в попустительстве, в провоцировании роста революционных настроений. Среди региональных правых изданий наиболее решительной являлась «Русская правда» АНМП, нередко помещавшая на своих страницах статьи с изобличением «возмутительной» политики правительства. Перечислим несколько тем из номеров «Русской правды»: «Жиды в Астраханской гимназии», где ряд сановных лиц, включая П. А. Столыпина, названы «жидолюбями»; «Возмутительная политика», осуждавшая политику русского правительства в Персии; «Развращение женщин и детей с разрешения Правительства»; «Бессознательная подготовка революции Столыпиным и октябристами» и др. За проявленную оппозицию ряд номеров «Русской правды» был конфискован¹⁸. Привлекался к суду и председатель АНМП Н. Н. Тиханович-Савицкий¹⁹.

В то время, как немалая часть правых признала Государственную думу в качестве законосовещательного органа, группа крайне правых выступила за восстановление неограниченного самодержавия. В 1908 г. Н. Н. Тиханович-Савицкий опубликовал брошюру «Новые Основные Законы и Царские Манифесты», где поставил проблему кодификации «Основных законов» Российской империи 1906 г. в соответствии с принципами самодержавной власти. С того же времени в «Русской правде» стал регулярным подзаголовок «Новые Основные Законы, идущие в разрез со всеми Манифестами Государя Императора, внесшие в умы населения полнейший разлад и обещающие бесконечную смуту в будущем, должны быть изменены», за что редактор газеты А. Е. Руднев по требова-

нию астраханского губернатора И. Н. Соколовского был привлечен к суду и приговорен к штрафу²⁰.

Довольно резкой критике со стороны региональных правых организаций подвергалось правительство П. А. Столыпина за указ от 9 ноября 1906 г. Поволжье представляло собой регион с сильными общинными традициями, и большинство здешних правых партий и организаций рассматривали указ о выделении крестьян из общины как путь к пролетаризации и обезземелению крестьян. Если председатель ЦНРО В. Ф. Залесский в разъяснениях программных положений ограничился высказыванием своей точки зрения: «Нельзя оказывать такого содействия!»²¹, то Н. Н. Тиханович-Савицкий открыто муссировал в печати антистольпинскую позицию относительно земельного вопроса: «Столыпин и октябристы, настаивая на принятии полностью закона 9 ноября, способствуют непомерному развитию пролетариата в лице обезземеленных крестьян — ведут Россию к революции»²². Поддержал в этом Тихановича-Савицкого и ПВБСРН во главе с епископом Гермогеном, обратившийся к П. А. Столыпину с требованием защиты общины и прошением не использовать принудительных мер в землеустройстве по новому закону. Тиражированное для распространения прошение было конфисковано губернатором как способное «разжечь страсти в сельском населении, вызвать смуту в его среде на аграрной почве, угрожать общественному порядку и безопасности и затормозить дело землеустройства крестьян»²³.

Нередко при подстрекательстве СРН дело доходило до открытого сопротивления и бойкотирования землеустроительных комиссий, заканчивавшихся вооруженным столкновением и арестом крестьян²⁴. Неспроста в донесении в Департамент полиции в мае 1916 г. начальник саратовского ГЖУ отмечал: «...в случаях каких-либо вообще аграрных беспорядков Союз русского народа не может почитаться вполне надежной организацией, ибо, возможно, будет агитировать против помещиков...»²⁵. Обострял ситуацию председатель Царицынского отдела ПВБСРН иеромонах Илиодор, выбравший объектом для нападок как власть, так и богатые слои населения. Первую иеромонах обвинял в казнокрадстве, коррупции; вторых, среди которых выделял прежде всего помещиков, — в бедственном положении крестьянства, в их обезземелении. Призывая к расправе над «продажными» сановниками, купцами, помещиками, фабрикантами, он предлагал сформировать новую власть, не обюрокращенную и способную «защитить устои русской православной духовной жизни»²⁶.

Постоянными критическими нападками в адрес правительства, обвинениями в неумении подавить революционное движение и приостановить процесс революционизирования российского общества правые постепенно превращались в опасную для самой власти оппозиционную силу, способную занять другую политическую нишу: социальная программа, требования перераспределения собственности в определенной степени сближали их с революционными партиями. Наметившаяся уже в 1907 г. дистанция к 1917 г. стала непреодолимой.

Примечания

¹ См.: Правые партии. 1905—1917: Док. и материалы: В 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 627—628; **Леонов С. В.** Партийная система России (конец XIX в. — 1917 год) // Вопр. истории. 1999. ц 11—12. С. 34.

² **Крыжановский С. Е.** Заметки русского консерватора // Вопр. истории. 1997. ц 3. С. 126.

³ К их числу относились: Царско-народное русское общество (ЦНРО) под председательством профессора кафедры энциклопедии, истории философии и права Казанского университета В. Ф. Залесского, возникшее в октябре 1905 г. и насчитывавшее в 1906 г. до 15 тыс. чел.; организованное в декабре 1905 г. под председательством купца А. И. Кукарникова Общество церковных старост и приходских попечителей (ОЦСПП) с максимальной численностью до 500 чел.; созданная в ноябре 1905 г. и возглавляемая владельцем музыкального магазина Н. Н. Тихановичем-Савицким Астраханская народно-монархическая партия (АНМП), численность которой, по некоторым данным, в октябре 1906 г. доходила до 18 тыс. чел.; Православный всероссийский братский союз русского народа (ПВБСРН), организованный в 1907 г. по инициативе епископа Саратовского и Царицынского Гермогена и имевший в своих рядах до 7 тыс. членов в конце 1907 г. Кроме того, немалое влияние в регионе имели Казанский отдел Русского собрания (председатель — коллежский асессор, казначей Казанского университета А. Т. Соловьев) и отделы Союза русского народа. Основную массу в них составили крестьяне.

⁴ Казанские губернские ведомости. 1906. 3 янв.

⁵ См.: Вечернее эхо. 1906. 16 марта.

⁶ См.: Обновление. 1906. 24 февр.

⁷ Наши дни. 1907. ц 4.

⁸ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 7770, л. 12.

⁹ См.: Первый Волжско-Камский областной патриотический съезд в Казани. 21—25 ноября 1908 г. Харьков, 1909. С. 1.

¹⁰ **Кизеветтер А. А.** На рубеже двух столетий (Воспоминания 1881—1914 гг.). Прага, 1929. С. 507—508.

¹¹ См.: **Степанов С. А.** Черная сотня в России (1905—1914 гг.). М., 1992. С. 108—109; **Он же.** Численность и состав черносотенных союзов и орга-

низаций // Политические партии России в период революции 1905–1907 гг. Количественный анализ. М., 1987. С. 194–195, 221, 227; **Кирьянов Ю. И.** Численность и состав крайних правых партий в России (1905–1917 гг.): тенденции и причины изменений // Отеч. история. 1999. ц 5. С. 29–43; **Он же.** Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001. С. 69–103; **Михайлова Е. М.** Черносотенные организации Среднего Поволжья в 1905–1917 гг. Чебоксары, 2000. С. 44–46, 237–247; Правые партии и организации в Поволжье: идеологические концепции и организационное устройство (1905–1917). М., 2002. С. 4, 31, 45.

¹² См.: **Кизветтер А. А.** Указ. соч. С. 507–508; **Кирьянов Ю. И.** Правые партии в России. С. 390.

¹³ Рус. правда. 1907. 22 марта.

¹⁴ Правые партии. Т. 1. С. 316.

¹⁵ Там же. С. 675.

¹⁶ РГИА, ф. 1284, оп. 187, г. 1907, д. 117, л. 1–3; Рус. правда. 1907. 28 июня.

¹⁷ РГИА, ф. 1284, оп. 187, г. 1905, д. 237 а, л. 159–159 об.

¹⁸ ГААО, ф. 1, оп. 19, д. 156, л. 4–14; Рус. правда. 1907. 13 дек.; 1908. 13 апр., 6 мая; 1909. 31 янв., 23 апр.; и др.

¹⁹ ГААО, ф. 745, оп. 1, д. 2, л. 30; д. 7, л. 20; Рус. правда. 1908. 28 нояб., 20 дек.; 1909. 9 нояб.; 1911. 6 янв.

²⁰ ГААО, ф. 745, оп. 1, л. 2, л. 66; Рус. правда. 1908. 28 нояб.

²¹ **Залесский В. Ф.** Политические партии. Общедоступные заметки. Казань, 1906. С. 19.

²² Рус. правда. 1909. 16 окт.

²³ ГАСаратО, ф. 176, оп. 1, д. 112, л. 55–56.

²⁴ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 8277, л. 3–8 об., 19, 22, 27–28, 39–40; д. 8965, л. 26 об.–34.

²⁵ Правые партии. Т. 2. С. 710.

²⁶ ГАСаратО, ф. 1, оп. 1, д. 7589, л. 53, 61, 181; д. 7913, л. 15; Харьковская весть. 1908. 23 авг.

Поступила 25.04.2003 г.

УДК 316.462:323.325(470.4)

П. С. Кабытов

ВЛАСТЬ И КРЕСТЬЯНСТВО ПОВОЛЖЬЯ В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ СТОЛЫПИНСКОЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ

Проблемы взаимоотношений власти и крестьянства в советской историографии, как правило, рассматривались через призму классовой борьбы. Основное внимание уделялось изу-

© П. С. Кабытов, 2004

чению социальных конфликтов в деревне, которые в период революции 1905—1907 гг. приняли массовый характер. В соответствии с марксистско-ленинской методологией историки ставили цель выявить соотношение двух социальных войн. Разрабатывалась методика подсчета крестьянских выступлений по видам и формам борьбы, их направленности. Приходится констатировать, что историки, особенно в провинции, пытались сознательно увеличить количество выступлений, для того чтобы показать масштабы крестьянских волнений. Аграрная политика правительства изучалась лишь в связи с реализацией столыпинского земельного законодательства. Здесь также просматривается тенденция к преувеличению масштабов крестьянского противодействия проведению землеустроительных работ.

В исследованиях С. М. Дубровского, А. М. Анфимова, П. Н. Зырянова, В. Г. Тюкавкина основательно рассмотрена ситуация, связанная с изданием указа 9 ноября 1906 г. и закона 14 июня 1910 г. В меньшей степени историки касались взаимоотношений местной коронной администрации с крестьянством в период реализации столыпинского землеустройства. В изучении этой темы можно выделить несколько аспектов:

1) роль коронной администрации в организации и деятельности комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности и выявление предложений, с которыми выступили дворянские собрания по крестьянскому вопросу;

2) действия коронной администрации в период первой русской революции, в которых можно выявить использование как увещательных, так и репрессивных мер, особенно осенью 1905 г. и в 1906 г.;

3) новый этап в действиях властей, начиная с принятия указа 9 ноября 1906 г., когда администрация приступила к созданию землеустроительных комиссий.

В землеустроительные комиссии на демократической основе (путем выборов) включались представители от уездных земств и крестьянских общин, а также от властных структур. Активное участие в процессе разрушения общины должны были принимать съезды земских начальников, которые утверждали заявления о выходе тех крестьян, которые не были утверждены на сельских сходах.

Указ 9 ноября 1906 г. и принятый III Государственной думой закон 14 июня 1910 г. (который подтверждал этот указ и официально упразднял общины, не производившие общих переделов в течение 35 лет) на практике свидетельствовали о

том, что правительство в решении аграрного вопроса шло старым путем, перекладывая центр тяжести на плечи сельской поземельной общины.

Закон 14 июня 1910 г. юридически закреплял политику правительства в отношении общины. Огромное значение придавалось созданию хуторских и отрубных хозяйств. Необходимо отметить, что этот закон устанавливал новый порядок перехода целых селений и общин к отрубному владению: вопрос о выходе из общины и укреплении земли решался на сельском сходе простым большинством голосов вместо большинства и 2/3 голосов, как было прежде.

Вершиной столыпинского аграрного законодательства стало «Положение о землеустройстве», принятое 25 мая 1911 г. Оно расширило права землеустроительных комиссий по насаждению хуторов и отрубов не только на надельных, но и на вненадельных землях крестьянских товариществ и единоличных собственников, а также по разбиранию спор и жалоб, возникающих при землеустройстве.

Землеустроительные комиссии выделяли отдельных домохозяев из общины, разверстывали общинные и подворно-наследственные земли на хутора и отруба. К тому же землеустроительные работы проводились в сложных однопланых общинах, где необходимо было разделить земли между селениями и их частями и выделить земли выселкам. Такой вид работ требовался для создания впоследствии на этих землях хуторских и отрубных хозяйств. Наряду с проведением землеустройства на надельных землях существенно расширилась деятельность Крестьянского поземельного банка и переселение в другие районы страны.

Сельская поземельная община и в начале XX в. жестко регламентировала как экономическую, так и духовную жизнь крестьян. В какой-то степени она закрепощала крестьянина тем, что лишала свободы выбора или, во всяком случае, резко ограничивала его возможности. Говоря современным языком, жизнь крестьянина была запрограммирована, задана всем хозяйственным укладом и традициями, восходящими в древнее прошлое. Известно, что патриархальные регулятивные системы отличаются отсутствием у индивидов права выбора, весьма ограниченными возможностями выхода их за пределы заданных образцов. Формирование личности есть процесс ломки патриархальных рамок и происходит он в крайне резкой форме — индивидуум как бы противопоставляет свое «Я» — «миру», социуму (в сознании выделенца «мир» ассоциируется с «Они» — общинники). Тем самым выделенец стремится

к полной и абсолютной автономии от окружающих. Это противопоставление своего «Я» «миру» осуществлялось на практике уже в момент подачи выделенцами заявления о выходе из общины и укрепления земельных наделов в личную собственность, так как он разрывал связи не только с укладом жизни, но и с мирскими традициями.

Конечно, среди выделенцев были представители разных социальных слоев¹. Указом 9 ноября 1906 г. воспользовались прежде всего зажиточные хозяева, которых депутат III Государственной думы Н. Е. Марков-второй определял как класс «мелких собственников, или крестьян-помещиков»². Но среди вышедших из общины были и бедняки. Появление среди них людей, решивших навсегда порвать связи с деревней, пойти наперекор «мнению всех», переориентировать себя на город и превратиться из крестьянина в рабочего стало важной социально-психологической предпосылкой зарождения в деревне личности нового типа, способной в 1917 г. встать во главе низовых крестьянских организаций и повести за собой массы.

Рассмотрим подробнее мотивы выхода крестьян из общины. Ценнейший материал по этому вопросу содержится в анкете Вольного экономического общества, которая была обработана И. В. Чернышевым³. Кроме того, весьма велика информативная емкость таких источников, как «опросные листы для сбора сведений об укреплении в личную собственность наделов на основании закона 14 июня 1910 г. по уездам Казанской губернии», корреспондентские карточки земств, жалобы и заявления крестьян на действия землеустроителей. Лаконичные ответы крестьян отражают их отношение к аграрной политике правительства: она прямо и недвусмысленно указывала, что дело не столько в форме землевладения, сколько в том, что «земли мало»⁴. Крестьянин М. В. Савинов из Казанского уезда писал: «Хуторское хозяйство, конечно, хорошо только тем, у кого надел земли достаточен»⁵. Корреспондент Вольного экономического общества (Наровчатский уезд Пензенской губернии) отмечал: «У помещиков, конечно, цель та, насадить более собственников и тем умножить себе товарищей, чтобы в будущей борьбе сделать перевес против малоземельных крестьян. Цель единственная — захватить земли (по милости указа 9 ноября), но никак не для улучшения хозяйства, и этот захват конечно поведет к непримиримой вечной вражде; пройдет время, создадутся несчастные безземельные, которые вместо защитников отечества будут непримиримыми врагами»⁶. И. Д. Дикунов, крестьянин с. Караваево Казанского

уезда, писал, что большинство крестьян предпочитают общинную форму землевладения, и указывал следующие причины: пастьба скота, учение детей, церковь, заносы во время зимы, привычка⁷.

Земельные наделы укрепляли в личную собственность 3 группы хозяйств: 1) беднейшие — с целью продажи и переселения или на банковские земли, или в Сибирь, на Алтай и в Казахстан; 2) средние — для улучшения землепользования; 3) зажиточные — для закрепления за собой излишков земли⁸. Отметим, что удельный вес продавцов наделной земли от общего числа укрепивших землю в личную собственность достиг за 1907 — 1914 гг. 82,5 %. Общее количество продавцов составило 10 806 666 чел., они продали 3 767 872 дес. (86,4 %) укрепленной земли⁹. По количеству проданной земли на первом месте стоял южный степной район, за ним шел Центрально-Черноземный, затем — юго-восточный степной, Центрально-Промышленный. Как правило, укрепляли землю в личную собственность беднота и зажиточные хозяева. Например, в Самарском уезде Самарской губернии при обработке подворной переписи крестьянских хозяйств земские статистики обнаружили тенденцию выхода из общины 2 крайних групп. Первая не вела хозяйства на земле и состояла из беднейших крестьян, которые занимались отходом или переселялись в другие районы страны. Сравнительно небольшая группа домохозяев, имеющая посев свыше 15 дес. земли, укрепила в личную собственность такую же площадь земельных угодий, что и многочисленная группа беспосевных хозяйств¹⁰.

Известно, что процесс классовой дифференциации в русской деревне зашел довольно глубоко: многие крестьяне порывали связи с земледелием; укрепляя наделы и сводя их в одно место, они рассчитывали их подороже продать. Например, крестьянин д. Федоровка Лаишевского уезда Казанской губернии укрепил землю потому, что «имел семью в 8 человек и скудные средства к жизни. В укреплении земли... [он] увидел случай получить помощь через продажу надела, так как по причине малоземелья не надеялся заниматься сельским хозяйством и прокормить им свою семью, а потому... его продал»¹¹. Некоторые крестьяне укрепляли земельные наделы в личную собственность для того, чтобы затем сдать их в аренду. Часть крестьян выходила из общины с целью ликвидировать чересполосицу и дальнотемелье, выделить ее на одно место и вести на ней отрубное или хуторское хозяйство. Крестьянин с. Ошняк Лаишевского уезда Казанской губернии мотивировал причины укрепления земли тем, что у него «в

трех полях 45 полос, то я и укрепил... с тем, чтобы соединить ее всю вместе, чтобы удобно ее было обрабатывать»¹². Другой крестьянин того же уезда писал: «Живя в общине, невозможно даже вести точное хозяйство, потому что земля, которую ты обрабатываешь, находится не в одном месте, как на участке, а в нескольких местах, потому и не знаешь точно количество земли»¹³. Корреспондент из с. Алднярово Цивильского уезда Казанской губернии вышел из общины в связи с тем, что из-за переделов удобренная земля передавалась другим владельцам¹⁴.

По мнению крестьян, сельская община, хорошо или плохо, но гарантировала защиту крестьян от произвола властей, выступала за сохранение традиций и обычаев, осуществляла на практике равенство всех ее членов, взаимопомощь. С ней они связывали свои надежды на получение земли, так как демократическое большинство общины продолжало надеяться на то, что все частновладельческие земли должны перейти в их пользование бесплатно. Крестьяне Екатеринославской губернии не одобряли закон «о выделе из общины, — писал в Департамент полиции начальник харьковского охранного отделения Д. Л. Якобсен, — так как он ослабляет общинную жизнь и ведет к обеднению выделившихся, которые продают землю, а деньги проживают, увеличивая собой сельский пролетариат»¹⁵.

На многих сельских сходах крестьяне открыто говорили о негативных сторонах столыпинского землеустройства. 1 января 1907 г. сельский сход крестьян с. Писцово Костромской губернии постановил: «Это не закон, а ловушка нашему брату»¹⁶. Более того, под влиянием революционной пропаганды крестьяне Чистопольского уезда Казанской губернии считали, что нужно всеми мерами стараться побудить народ против этого закона¹⁷. Крестьяне с. Домашки Самарской губернии, решительно выступив против проведения землеустроительных работ, 18 августа 1911 г. заявили земскому начальнику и землемеру: «Не признаем вашего закона. Наши отцы и деды жили в общине, а вы выдумали какой-то новый закон»¹⁸.

Столыпинская земельная реформа была прогрессивна в социально-экономическом плане, ибо она даже при сохранении помещного землевладения в какой-то степени, хоть и в отдаленной перспективе, вела к расчистке полукрепостнических отношений в землепользовании и землевладении. П. А. Столыпин, проводя реформу методами насилия, стремился уничтожить сельскую поземельную общину, которая, как известно, сдерживала развитие капитализма. «Как земельно-передельный аппа-

рат, — пишет В. Г. Тюкавкин, — как союз по владению землей община была полукрепостнической, и крестьянство выступало против нее»¹⁹. Столыпинская земельная реформа еще более углубила водораздел между теми, кто пытался разрушить общину, и сторонниками ее сохранения. В русской деревне «тесно переплетались два противоположных течения: одно антиобщинное (со стороны кулачества и части бедняков, желавших выйти из общины), другое — за сохранение общины»²⁰.

Несмотря на наличие большого числа исследований по истории Столыпинской земельной реформы, до сих пор мы не располагаем достаточно полными данными о масштабах крестьянского движения в 1908—1914 гг. Отсутствие единой методики подсчета крестьянских выступлений негативно сказалось на изучении его количественных характеристик. В новейших работах обычно приводятся данные С. М. Дубровского и подсчеты, сделанные составителями сборника документов «Крестьянское движение в России в 1907—1914 гг.», которые дают общее представление о масштабах и динамике классовой борьбы. Мы считаем целесообразным использовать данные Г. А. Герасименко о применении властями вооруженных санкций против крестьян при проведении землеустроительных работ.

Надо отметить, что С. М. Дубровский приводил общие данные о классовой борьбе крестьянства, объединяя выступления и против помещиков и царской администрации, и против столыпинского землеустройства. Составители сборника «Крестьянское движение в 1907—1914 гг.» пошли по линии разделения этих данных. В целом мы констатируем увеличение удельного веса выступлений против столыпинского землеустройства, что представляло в тот период новую форму массового (особенно, начиная с 1910 г.) аграрного движения. Об этом, в частности, свидетельствуют и данные Г. А. Герасименко²¹.

Борьба крестьян против землеустройства шла в различных формах. Прежде всего, мощное противодействие развернулось уже на стадии выборов в землеустроительные комиссии. Из-за бойкота крестьянами выборов в 1906 г. землеустроительные комиссии были образованы лишь в 184 уездах²². Противодействие столыпинскому землеустройству усилилось на сельских сходах, которые рассматривали и утверждали заявления крестьян о выходе из сельской общины и укреплении земли в личную собственность. Активизировалась община в связи с обсуждением на сельских сходах приговоров и наказов крестьян депутатам I и II Государственной думы, а

также в процессе формирования в ходе революции 1905—1907 гг. демократического большинства в деревне. Эти процессы возросли в период проведения Столыпинской земельной реформы. Община, резко осуждая частнособственнические устремления выделенцев, не давала согласия на укрепление в личную собственность наделной земли. На настроения крестьян определенное воздействие оказывала агитация социал-демократов, эсеров, крестьян-отходников, которые призывали не повиноваться властям, не подчиняться указу 9 ноября 1906 г. о выходе из общины и укреплении земельных наделов. Но большее значение имело то, что община как любой социальный организм должна была выработать эффективную систему самозащиты, самосохранения. Естественно, что и в новых условиях важное значение приобретали приверженность крестьян к «старине», а иногда и апелляция к тому героическому времени деревенского «мира», когда «мир стоял единым фронтом против власти бар и чиновников»²³. Важную роль продолжали играть патриархальные общинные устремления крестьян, так как ареал патриархальной психологии оставался еще довольно широким.

Как видим, Столыпинская реформа создавала условия для оживления традиций, сплочения крестьян в защите своего общинного строя. Мы считаем, что на воззрения крестьян не могла не влиять идея равенства, которая находила конкретное воплощение в их стремлении всех уравнивать. Особенно оно преобладало в сознании деревенской бедноты, существенную часть которой в Центральной России составляли пауперы. В целом сельская поземельная община, несмотря на все позднейшие деформации, продолжала играть роль товарищеского союза, придерживающегося демократических традиций, поэтому борьба за сохранение общины имела прогрессивный характер. Большую роль играло стремление крестьян сохранить земельные угодья, не допустить расхищения главного богатства общины — земли и других владений. Но с другой стороны, наряду с экономическими мотивами крестьян не менее важными были их патриархальные общинные устремления, что позволяет видеть элементы консерватизма в их сознании. Особенно наглядно это проявлялось в старании крестьян вернуть земли отрубников и хуторян обратно в сельский «мир».

Особое недовольство крестьян вызвало положение указа 9 ноября 1906 г., а затем и закона 14 июня 1910 г., по которому все вышедшие из общины могли свести свои полосы в один участок в лучшем поле. Таким образом, самые плодородные общинные земли отдавались выделенцам на поток и разграб-

ление, а крестьянам-общинникам оставались земли худшего качества. Не случайно поэтому хуторяне и отрубники, даже имевшие всего лишь от 1 до 5 дес. земли, в сознании крестьян-общинников ассоциировались с помещиками (новые помещики). Многие сельские сходы отказывались утверждать приговоры об укреплении земли в личную собственность. Крестьяне слобод Казацкой и Стрелковой Белгородского уезда Курской губернии в течение 2 лет отказывались от проведения землеустроительных работ. Когда часть крестьян, в числе которых были сельские старосты, подала заявление о выходе из общины, то сельский сход «сменил своих старост-собственников и избрал новых старост-общинников, которым без утверждения земским начальником передали (должностные) знаки»²⁴.

Обычно на сельских сходах крестьяне заявляли выделенцам: «Кто укрепит в своем земельном наделе, то за это будут посланы на самую плохую землю»²⁵. Желавшие выделиться из общины пребывали в нерешительности и колебались. В районах преобладания помещичье-буржуазной аграрной эволюции, например в Тамбовской губернии, губернатор отмечал боязнь крестьян выходить из общины, так как общинники «почти всегда относятся к таким заявлениям недоброжелательно». Далее губернатор писал, что община требовала выселения из деревни выделенцев за 10 и более верст от села, «куда крестьяне в малом числе (переселяться) опасаются»²⁶.

Как видим, экономической основой борьбы против столыпинского землеустройства было стремление крестьян не только сохранить от расхищения общинные земли, но и вернуть общинников и хуторян обратно в сельский «мир».

Примечания

¹ См.: **Сидельников С. М.** Аграрная реформа Столыпина. М., 1973. С. 278.

² Там же.

³ См.: **Чернышев И. В.** Община после 9 ноября 1906 г.: по анкете Вольного экономического общества. Пг., 1917. Ч. 1, 2.

⁴ НАРТ, ф. 81, оп. 11, д. 153, л. 5.

⁵ Там же.

⁶ Цит по: **Чернышев И. В.** Указ. соч. Ч. 2. С. 32.

⁷ НАРТ, ф. 81, оп. 11, д. 153, л. 7.

⁸ См.: **Дубровский С. М.** Столыпинская земельная реформа. М., 1963. С. 208; **Чернышев И. В.** Указ. соч. Ч. 1. С. 106, 128; Ч. 2. С. 58, 60.

⁹ См.: **Сидельников С. М.** Указ. соч. С. 151.

¹⁰ См.: Подворная перепись крестьянских хозяйств Самарской губернии: Самарский уезд. Самара, 1913. С. 144.

¹¹ НАРТ, ф. 81, оп. 11, д. 137, л. 30.

¹² НАРТ, ф. 81, оп. 11, д. 137, л. 37.

¹³ Там же, д. 138, л. 21.

¹⁴ Там же, д. 142, л. 60—61.

¹⁵ Крестьянское движение в России в 1907—1914 гг. М., 1966. С. 156.

¹⁶ Цит. по: **Герасименко Г. А.** Противодействие крестьян столыпинской аграрной политике // История СССР. 1984. ц 3. С. 130.

¹⁷ НАРТ, ф. 1, оп. 4, д. 3587, л. 19—20.

¹⁸ ГАСамО, ф. 3, оп. 233, д. 5273, л. 44.

¹⁹ **Тюкавкин В. Г.** Изменения социально-политического и правового положения крестьянства в период столыпинщины // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России. Воронеж, 1983. С. 256.

²⁰ Там же.

²¹ См.: **Герасименко Г. А.** Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики. Саратов, 1985. С. 91, 173, 185, 196, 208, 267.

²² Там же. С. 31.

²³ **Феноменов М. Я.** Современная деревня: Опыт краеведческого обследования одной деревни. М.; Л., 1925. С. 28.

²⁴ **Сидельников С. М.** Указ. соч. С. 269.

²⁵ ГАСаратО, ф. 421, оп. 1, д. 3220, л. 2, 4.

²⁶ **Сидельников С. М.** Указ. соч. С. 261.

Поступила 11.04.2003 г.

*Секция 2. Аграрные отношения
и крестьянство Среднего Поволжья
(1917–1930-е гг.)*

УДК 323.325:316.323.72(470.41)

С. В. Стариков

**КАЗАНСКИЕ ЛЕВЫЕ СОЦИАЛИСТЫ
И КРЕСТЬЯНСТВО ГУБЕРНИИ О ВОЙНЕ
И БРЕСТСКОМ МИРЕ (ноябрь 1917 — март 1918 г.)**

Самым болезненным и сложным вопросом российской революции 1917–1918 гг. являлся вопрос о том, как выйти из войны и как добиться наиболее приемлемого мира. Он постоянно беспокоил умы политиков, общественности, современников событий. Стремление найти выход из сложившейся ситуации было едва ли не всеобщим. С началом 1917 г. миллионы солдат-фронтовиков, рабочих и крестьян охватила надежда, но буржуазно-демократические и умеренно-социалистические партии, входившие в состав Временного правительства, практически ничего не сделали, чтобы приблизить долгожданный мир. В итоге Россия получила массовое дезертирство, распад армии, пораженческие настроения.

Октябрьский военный переворот 1917 г., изменив политическую ситуацию, не снял остроты проблемы. Декрет о мире, принятый на II Всероссийском съезде Советов, встреченный с ликованием на фронте и в тылу, лишь в общих словах содержал требование заключения демократического мира без аннексий и контрибуций. Но как этого добиться, похоже, и сами большевики осенью 1917 г. представляли недостаточно четко, не верили, что такой мир с «империалистами» возможен. Прагматический подход уступил место революционной эйфории о назревании мировой пролетарской революции, которая, по мнению большевиков и левых эсеров, снимет противоречие. Они видели свою задачу в том, чтобы ускорить ее приближение. Декрет о мире в этой связи имел прямое пропагандистское значение и был обращен не столько к правительствам воюющих стран, сколько к «сознательным пролетариям Европы и Америки», которые должны поддержать русскую революцию, превратив ее в мировую пролетарскую.

Мирные переговоры, начавшиеся в Брест-Литовске в декабре 1917 г., рассматривались правившими левыми партиями как средство разоблачения «империалистов» и ускорения мировой революции. Известно, что переговоры шли тяжело, тактика затягивания, принятая Совнаркомом в качестве официальной, не давала плодов. Германская сторона толкала переговоры в русло сепаратных и вела дело к аннексии занятых немцами территорий. Революция в Европе не наступала, и это усиливало разногласия как в правящей советской коалиции, так и внутри большевистской партии, а также вело к появлению более прагматического подхода к проблеме войны и мира. Подавляющая часть большевистского руководства продолжала считать недопустимым любой сепаратный мир с Германией, оценивая все шаги к нему предательством интересов мировой революции, капитуляцией перед мировым империализмом. Левые коммунисты и левые эсеры были убежденными сторонниками революционной войны. Л. Д. Троцкий со своей формулой «ни мира, ни войны» занимал среднюю, компромиссную позицию.

В. И. Ленин, очевидно, одним из первых встал на путь прагматизма: армии нет, в случае германского наступления Советской власти грозит неминуемая гибель, задержка мировой революции вообще чревата разгромом всех революционных сил. В. И. Ленин, несомненно, учитывал мнение фронтовиков и невероятную усталость народа от войны. Наступал момент выбора. Ценой огромного напряжения и даже угрозой отставки в условиях начавшегося немецкого наступления В. И. Ленину удалось настоять на принятии условий «похабного» мира, предъявленных противником. Подписанный мир для всех левых партий стал не победой, а первым крупным поражением их курса на мировую революцию, началом возвращения к прагматизму в политике. Решающую роль при этом сыграла позиция самых широких слоев населения, в первую очередь крестьянства, разных регионов России.

События, связанные с подготовкой и подписанием мирного договора, вызвали в Казани, как и в других центрах Поволжья, множество эмоций, скоропалительных решений. Казанские социалисты не приняли условий мира, их позиции были схожими при наличии некоторых своеобразных подходов к оценке текущего момента. Пока шли переговоры, левые эсеры бдительно следили за их ходом. Левоэсеровские газеты Казани постоянно выражали свое отношение к ходу дебатов в Брест-Литовске, оценив первоначальный отказ советской делегации от подписания аннексионистского договора и приказ

о полной демобилизации как объявление войны мировому империализму. «Мы, революционные социалисты, — писал в передовице председатель исполкома губернского Совета крестьянских депутатов К. Ю. Шнуровский, — верим, что революция убьет войну. Мы верим, что скоро мир загорится пламенем великого пожара социальной революции. Вне этой веры для нас нет жизни»¹. Левые эсеры были убеждены, что «наша социалистическая революция» должна слиться с международной революцией, а принятие германских условий мира «ставит крест» на революции в Германии. Героическое сопротивление революционной России, по их мнению, поднимет международный пролетариат. «Пусть германские полки идут вглубь России, — резюмировала их позицию газета «Трудовой путь». — Тем скорее их охватит огонь революции»².

Большевики Казани примкнули к той части своей партии, которая высказывалась решительно против Брестского мира и выступала за революционную войну против германского империализма. При этом они заявляли, что и внутренняя, гражданская война ими будет усилена. Левые эсеры в принципе с ними соглашались. Социал-демократические интернационалисты без сомнений и колебаний отвергли «похабный мир», ставший тяжелым ударом для трудящихся всех стран. В то же время они стояли за прекращение внутренней войны, за объединенную власть всей демократии³. В Казани состоялось объединенное заседание партийных комитетов большевиков, левых эсеров, социал-демократических интернационалистов. Об этом сообщил большевик К. Я. Грасис на экстренном собрании Казанского Совета 26 февраля 1918 г. «У нас, в Казани, — сказал он об условиях мира, — отрицательный взгляд поддержан всеми против одного. Мы все согласны с решением ЦК партии левых эсеров»⁴. Судя по его выступлению, левые эсеры дали идеальную оценку заключенному миру, и казанские левые социалисты заняли эту единственно верную позицию. «Я уверен, — выступал К. Я. Грасис, — что наша армия под красными знаменами пройдет ураганным огнем вплоть до Берлина!»⁵

Голос казанских левых сил прозвучал в телеграмме на имя ВЦИК и СНК, принятой на заседании партийных комитетов: «Предложить ЦИК прекратить мирные переговоры с правительством Германской империи, принять все меры к организации революционной обороны; постановление ЦИК о соглашении с германскими условиями мира пересмотреть и немедленно отменить. Казанские революционные социалистические партии будут бороться до последней капли крови против

международной контрреволюции. В этом направлении казанская демократия отдаст все свои силы на поддержку ЦИК и СНК. Необходимо созвать Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Предлагаем съезд созвать в Казани»⁶.

3 марта 1918 г. мир был подписан. Казанские левые эсеры на страницах газеты «За землю и волю» не высказывали особо резких суждений в отношении случившегося, хотя продолжали считать, что «Россия раздавлена и осмеяна», что спасение по-прежнему в революционной войне. Казанский комитет РКП(б) 15 марта 1918 г. принял специальное постановление о вступлении всех членов партии в ряды Красной армии или Красной гвардии «ввиду того, что нашему социалистическому отечеству грозит смертельная опасность со стороны германских империалистических захватчиков и международной контрреволюции»⁷.

В течение всего марта 1918 г. вопрос о «несчастном мире» оставался в поле активного внимания. Обсуждался он и на открывшемся 20 марта IV Казанском губернском крестьянском съезде. К. Ю. Шнуровский в докладе при открытии съезда сказал, что «теперь русская революция переживает трагические часы. Борьба достигла величайшего напряжения и перед нами вопрос: быть или не быть русской революции»⁸. Докладчик, безусловно, сгущал краски, не зная настроений делегатов съезда. Когда же вопрос о мире начали обсуждать, выяснилось, что и делегаты не знают мнения своих волостей, несмотря на то, что некоторые уездные крестьянские съезды уже в начале марта вынесли свой вердикт о войне и мире. Например, Спасский уездный крестьянский съезд 5—6 марта 1918 г. послал телеграмму в Петроград, в Смольный о недопустимости подписания аннексионистского мира и предложил мобилизовать силы, в том числе Красную армию, которая «уничтожит немецкие шайки разбойников и буржуазию всего мира, сделавшую соглашательство уничтожить русскую и всемирную революцию»⁹.

IV съезд оказался в затруднительном положении и решил послать на места своих представителей, созвать волостные собрания и таким образом составить общую картину. В командировку выехали делегаты, а также члены губернского Совета крестьянских депутатов. Предварительно созданная специальная комиссия составила вопросник, включавший в себя возможные варианты ответов. Работа была проделана немалая. В результате опроса ответы были получены из 158 волостей. Мнения подразделили на 10 категорий. Получились следующие результаты:

- 1) мир считали приемлемым 37 волостей;
- 2) считали мир неприемлемым, желали продолжать войну 32 волости;
- 3) определенно высказывалась в защиту революции, но признавала мир как неизбежное зло 31 волость;
- 4) признавали мир при условии, что Германия не будет вмешиваться во внутренние дела России, 12 волостей;
- 5) воздерживались 7 волостей;
- 6) предоставляли решить вопрос по большинству голосов крестьянскому съезду 22 волости;
- 7) требовала передать решение вопроса о мире международной конференции 1 волость;
- 8) оставляли вопрос открытым 2 волости;
- 9) требовали полный текст мирного договора 5 волостей;
- 10) предъявляли различные требования: созвать Учредительное собрание, заключить перемирие на неопределенное время и т.п. — 9 волостей¹⁰.

За каждой сводкой стояли конкретные решения, высказывания, надежды, негодование. Палитра мнений, судя по сохранившимся текстам, была очень яркой, неоднозначной. В большинстве из них отвергались грабительские условия мира, но, ввиду усталости и невозможности воевать, присутствовало фактическое желание прекратить войну и добиться мира. Следует учесть, что многие резолюции принимались под влиянием солдат-фронтовиков, которым надоела «проклятая» война. Кузнечихинский волостной сход Спасского уезда принял решение от заключения «похабного мира с германскими империалистами воздержаться, так как он даст нам не свободу и землю, а царя и нагайку»¹¹. Давали о себе знать политические разногласия между левыми эсерами и большевиками, нараставшие после 3 марта 1918 г.

Многое зависело от политических пристрастий командированных в волости. Ряд наказов оказался составлен в левозеро-эсеро-эсеро-эсеро духе. Крестьянский съезд Трех-Озерской волости Спасского уезда 20 марта 1918 г. высказался в поддержку партии левых эсеров, не признающих «позорного мира и стремящихся к разложению немецкой армии», поддержав в то же время «правильность действий народных комиссаров»¹². Жедяевский волостной съезд того же уезда в числе 1 172 чел. выступил против принятия «германского мира» и поддержал платформу левых эсеров¹³.

Алым-Касинское волостное собрание Чебоксарского уезда 30 марта 1918 г. после доклада делегата съезда Золоткова и обширных прений единогласно присоединилось к резолюции левых

эсеров о том, что мирные условия неприемлемы, необходимо встать на защиту русской революции, поддержав восстание против «насильников» добровольческими партизанскими отрядами¹⁴. Крестьяне Балтасинской волости Казанского уезда готовы были, как отмечалось на волостном сходе, в случае «восстановления немецкими разбойниками старых постылых господско-помещичьих порядков в России поддержать восстание против них добровольческими партизанскими отрядами, но только в районе своей волости»¹⁵. Интересная ситуация возникла 19 марта 1918 г. на Алексеевском волостном собрании Лаишевского уезда. Приехавший на сход левый эсер А. И. Назарычев познакомил крестьян с условиями мира, предложив 2 резолюции: левоэсеровскую и большевистскую. После прений собрание 87 голосами против 23 приняло резолюцию большевиков, предложенную И. Ф. Фалиным. В ней отмечалось, что условия мира тяжелы, но их нужно в данный момент принять, ибо нет сил воевать, все устали нравственно и физически. А. И. Назарычев отказался взять резолюцию в Казань, и тогда собравшиеся поручили это сделать И. Ф. Фалину¹⁶.

Левые эсеры считали ошибкой большевиков подписание Брестского мира. По мнению А. Л. Колегаева, он дал не мир, а войну, и никакой передышки, на которую рассчитывали большевики, не получилось¹⁷. Тем не менее позиция крестьянства губернии неизбежно корректировала левоэсеровские позиции по Брестскому миру. Не приняв его по революционно-идеологическим мотивам, казанские левые эсеры весной 1918 г. молчаливо взирали на сложившуюся реальность, опасаясь потери своей социальной базы и раскола в казанском блоке левых сил.

Примечания

¹ За землю и волю [Казань]. 1918. 15 февр.

² Трудовой путь [Казань]. 1918. 28 февр.

³ Там же.

⁴ ЦГА ИПД РТ, ф. 30, оп. 3, д. 231, л. 35.

⁵ Там же, л. 38.

⁶ Трудовой путь.

⁷ Упрочение Советской власти в Татарии (октябрь 1917—июль 1918 г.) Казань, 1964. С. 260.

⁸ За землю и волю. 22 марта.

⁹ ЦГА ИПД РТ, ф. 36, оп. 1, д. 251, л. 1.

¹⁰ См.: Упрочение Советской власти в Татарии. С. 303—304.

¹¹ НАРТ, ф. 983, оп. 1, д. 55, л. 212 об.

¹² Там же, д. 54, л. 76.

¹³ НАРТ, ф. 983, оп. 1, д. 82, л. 105.

¹⁴ Там же, л. 33—33 об.

¹⁵ Там же, л. 72.

¹⁶ См.: Упрочение Советской власти в Татарии... С. 262.

¹⁷ За землю и волю. 25 мая.

Поступила 17.04.2003 г.

УДК 323.325:323.4(470.341)

А. А. Фоменков

КРЕСТЬЯНСТВО И ЧЕРНОСОТЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ (на примере Нижегородской губернии)

Известно, что до революции 1917 г. крестьянство являлось основным сословием в Российской империи. По некоторым данным, оно составляло 86 % тогдашнего населения страны (вообще статистика того времени весьма спорная — в состав крестьянского сословия включались не только лица, занимавшиеся сельским хозяйством, но и рабочие, предприниматели, выходцы из этого сословия; в частности, именно крестьянином числился знаменитый нижегородский предприниматель Петр Егорович Бугров, торговавший как купец 1-й гильдии¹). Естественно, что для успешной деятельности практически все политические силы страны должны были бороться за российское крестьянство. В полной мере это относится и к черносотенцам, т.е. к Союзу русского народа (СРН), Русскому народному союзу Михаила Архангела и подобным организациям.

Следует подчеркнуть, что система ценностей тогдашнего российского крестьянства была неоднозначной. Небезынтересный факт приведен в очерке Б. Алтайского², который наглядно иллюстрирует двойственность их политических взглядов. Один из рядовых томских правомонархистов говорил: «Народная свобода — подписуемся и что крестьянину земли надо — принимаем. Но чтоб Россию разделить — не позволим, и чтоб [кто-то] бунтовал — прекратить...»³. Таким образом, эсеровские экономические требования в умах многих российских земледельцев вполне сочетались с ярким монархизмом.

Наглядно проявлялся и радикализм во взглядах российских крестьян. Вылилось это не только в разгромы помещичь-

их усадеб, но и в черносотенные погромы. В целом и те и другие имели общую психологическую основу, хотя интеллигенция считала все избиения левых и либералов реакционными, а акции против дворян «прогрессивными», но сами погромщики таких различий не делали⁴, а действия их объясняются именно радикализмом. Сегодня у исследователей имеются достаточно точные данные об участниках некоторых черносотенных погромов. Так, по оценкам М. Л. Размолодина, 84,3 % погромщиков (сведения о событиях конца октября 1905 г. в Ярославской губернии) были по сословной принадлежности крестьянами (как правило, приехавшими в город на заработки на небольшие промышленные предприятия и не успевшими воспринять городскую культуру, в связи с чем плохо разбирающимися в политике), 15,7 % — мещанами. Возраст и тех и других колебался от 22 до 60 лет⁵.

В событиях 10 июля 1905 г. на Острожной площади в Нижнем Новгороде (разгон антиправительственной демонстрации, сопряженный с жертвами среди левых) также приняли участие прежде всего крестьяне. Во всяком случае, среди осужденных за это деяние к крестьянскому сословию принадлежали все, кроме числящегося купцом Журавлева⁶. Впрочем, далеко не все нижегородские погромщики занимались земледелием — среди осужденных таковых не имелось (двое были шорниками, двое — извозчиками, еще один — портным, также участвовали содержатель квартир для извозчиков, лавочник, дворник, столяр и владелец извозного промысла).

Возможно, что несколько иная картина наблюдалась в ходе аналогичных событий в небольших уездных городках, где основные участники не только принадлежали к крестьянскому сословию, но даже занимались сельским хозяйством. Во всяком случае, вполне вероятно, что именно таким образом обстояли дела в конце октября 1905 г. в г. Горбатове (Нижегородская губерния).

Активное участие крестьяне приняли и в первых акциях, организовавшихся вскоре после Манифеста 17 октября черносотенцев. В частности, в Нижнем Новгороде таковая состоялась 21 октября 1905 г. и выразилась в крестном ходе с хоругвями, национальными флагами, портретами Николая II и императрицы по ул. Большая Покровка (до сих пор является центральной в городе) и нижней части города. Процессию сопровождал балахнинский епископ Исидор. Подобное шествие повторилось, и в следующие два дня к нему «...присоединились... крестьяне соседних деревень, причем толпа достигала до 20 000 человек...»⁷.

Выходцами из крестьянского сословия в большинстве своем являлись организаторы первой в Нижегородском крае черносотенной организации Союз «Белое знамя», и нет ничего удивительного в том, что, принимая свою программу, они в числе прочего декларировали требования: о необходимости Думы как органа, обеспечивающего единение царя и народа (п. 1); об уравнении всех сословий перед законом (п. 2); о наделении крестьян землей как государственной, так и частной путем выкупа или законного отчуждения (п. 4) и о необходимости улучшения положения рабочих (п. 5)⁸. Такой перечень свидетельствует не о выражении интересов прежде всего помещиков, но о понимании правыми (во всяком случае, в регионах) чаяний простого народа.

Другим ярким примером подобных взглядов нижегородских монархистов может служить позиция одного из их лидеров С. П. Смотракова: на одном из собраний он требовал проводить в Думу «...поменьше бар да генералов и побольше рабочего люда»⁹, а по земельному вопросу придерживался той позиции, что «...его должны разрешить сами крестьяне, ибо им более всех известны свои нужды»¹⁰. В целом следует признать, что выходцы именно из крестьянского сословия составляли абсолютное большинство среди членов черносотенных организаций в Нижнем Новгороде, причем их доля в процентном соотношении выросла после того, как из числа правомонархистов вышли некоторые представители купечества и интеллигенции. В цифрах показатели, судя по всему, мало чем отличаются от аналогичных в Ярославле: крестьяне — 78,6 %, мещане — 20,1 % членов СРН¹¹.

В уездных отделах и подотделах ситуация обстояла по-разному. В селах (не торгово-промышленных) решающую роль среди черносотенцев играли либо представители местной сельской буржуазии, либо священнослужители, но подавляющую часть рядовых членов составляли именно земледельцы (сходная ситуация наблюдалась, например, в губерниях Центрально-Черноземного района¹²). В уездных городах и торгово-промышленных селах обстановка была несколько иной. В частности, в с. Лысково Нижегородской губернии из 343 имевшихся в нем черносотенцев крестьянским трудом занимались только 5, 30 чел. жили за счет домашнего хозяйства (9 % от общего числа «союзников»). Остальные же числившиеся крестьянами занимались на самом деле торговлей либо ремеслами. Впрочем, насущные требования земледельцев им явно были известны не по слухам. В целом же необходимо подчеркнуть тенденцию, заключающуюся в следующей пропорции: чем ниже

(имеется в виду географический смысл, т.е. речь идет прежде всего об уездных городках, селах и т.д.) уровень отдела или подотдела, тем выше в руководящем составе процент крестьян (как земледельцев, так и числящихся таковыми)¹³.

Наиболее известным из нижегородских крестьян-черносотенцев стал Василий Михайлович Тятинин из с. Гордеевка, бывший депутатом Государственной думы 4-го созыва. Впрочем, сельским хозяйством он не занимался, а имел трактир в Гордеевке и один арендовал на Нижегородской ярмарке¹⁴.

Таким образом, с полным основанием следует считать большинство нижегородских (а вероятнее всего, не только нижегородских) черносотенцев выходцами из крестьянского сословия (последние довольно часто не занимались сельским хозяйством, но являлись мелкими предпринимателями) либо мещан, т.е. тех, кто, по мнению У. Лакера, является низшим слоем среднего класса¹⁵.

Необходимо также сказать, что советскими исследователями подчеркивался мелкобуржуазный социальный состав Союза русского народа, выражавший интересы прежде всего помещиков. Скорее всего, подобная точка зрения ошибочна. Так, еще В. И. Ленин, рассматривая политические партии сквозь призму классовой борьбы, обратил внимание на глубоко народный демократизм черносотенцев. Он отмечал, что «нет-нет, и прорвется голос подлинной мужицкой жизни, мужицкий демократизм через всю черносотенную затхлость и натасканность»¹⁶. Ленин указывал, в частности, на епископа Никона, занимавшего отнюдь не помещичью сторону в спорах по земельному вопросу и поддерживаемого в этом многими депутатами-правомонархистами из крестьян. Недостаточность классового подхода в оценке социального состава черносотенного движения очевидна: причины, побуждавшие крестьян правых взглядов занимать антидворянскую позицию в земельном вопросе, вполне понятны, но адекватного объяснения сходных воззрений представителя эксплуататорского класса — духовенства — в ленинской статье не прозвучало. Весьма подробно рассмотрел эту ситуацию в своей монографии С. А. Степанов, писавший о наличии еще во II Государственной думе антидворянски настроенных правых депутатов от Волыни — последние были по социальному положению крестьянами и священнослужителями¹⁷. Кроме того, Степановым упоминается и другой пример — обнародование правыми думцами в марте 1908 г. так называемого проекта 42-х, суть которого заключалась в принудительном отчуждении и введении прогрессивного налога на помещичьи земли,

причем его инициаторы не вняли доводам правых экономистов о нецелесообразности любого существенного сокращения помещичьего землевладения¹⁸. Подобные казусы приводит также А. А. Фоменков¹⁹. Между тем причины таких демаршей правых депутатов вполне очевидны — занимавшиеся сельским хозяйством, несмотря на монархизм, стремились получить землю, а священники часто сами были выходцами из крестьянского сословия и очень хорошо знали нужды земледельцев.

Изучение социального состава правомонархического движения в России приводит к следующему наблюдению: отрицать его дворянскую составляющую нельзя, и это, в свою очередь, делает очевидной необходимость более подробного анализа различных течений среди дореволюционных черносотенцев. Одним из первых дал достаточно верную их классификацию А. Я. Аврех²⁰, указавший на существование внутри правых двух пластов — низшего (прежде всего Союз русского народа) и высшего (император, его ближайшее окружение, правительство). Совет объединенного дворянства А. Я. Аврех, хотя и с оговорками, отнес к первому, что, с нашей точки зрения, не вполне точно. Правильнее было бы, вероятно, поделить все правое движение на простонародную (СРН) и дворянскую (прочие вышеперечисленные структуры) составляющие. Разумеется, представители дворянства входили в Союз русского народа, но не всегда именно они определяли лицо движения, по крайней мере, в регионах в большинстве случаев именно так и обстояло дело, что позволяет говорить о конкретных попытках дореволюционных монархистов решить крестьянский вопрос именно в пользу самих крестьян.

Примечания

¹ См.: **Седов А. В.** Основатель нижегородской фирмы Бугровых // *Вопр. истории.* 1994. ц 7. С. 178.

² См.: **Алтайский Б.** Кое-что о черной сотне // *Народный труд.* Спб., 1906. Вып. 2.

³ Цит. по: **Кирьянов Ю. И.** Правые партии в России. 1911 — 1917. М., 2001. С. 33.

⁴ См.: **Пайпс Р.** Русская революция. М., 1994. Ч. 1. С. 57.

⁵ См.: **Размолodin М. Л.** Черносотенные организации губерний Верхнего Поволжья в 1905 — 1914 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1999. С. 17.

⁶ См.: Как черносотенцы... разгромили революционеров 10 июля 1905 года в г. Нижнем Новгороде. Спб., 1908. С. 20.

⁷ Революционное движение в Нижнем Новгороде и Нижегородской губернии в 1905 — 1907 гг. Горький, 1955. С. 244.

⁸ ГОПАНО, ф. 1866, оп. 4, д. 208, л. 10–11 об.

⁹ Нижегородский листок. 1906. ц 143. С. 2.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: **Размолодин М. Л.** Указ. соч. С. 19.

¹² См.: **Слесарев Ю. В.** Деятельность правых организаций Центрально-Черноземного региона в 1905–1917 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 1998. С. 18.

¹³ См.: **Степанов С. А.** Черная сотня в России. 1905 – 1914. М., 1994. С. 111–112.

¹⁴ См.: Нижегородский листок. 1912. ц 279. С. 3; Нижегородские губернские ведомости. 1912. ц 41. С. 218; Волгарь. 1912. ц 279. С. 3; **Макаров И.** Нижегородские хоругвеносцы // Город и горожане. Н. Новгород, 1995. ц 14. С. 3.

¹⁵ См.: **Лакцр У.** Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М., 1994. С. 53.

¹⁶ **Ленин В. И.** О черносотенстве // Полн. собр. соч. Т. 24. С. 18.

¹⁷ См.: **Степанов С. А.** Указ. соч. С. 243.

¹⁸ <http://www.nationalism.org/eliseev/dvoryanstvo.htm>

¹⁹ См.: **Фоменков А. А.** Черносотенцы и консервативная революция: попытка применения новой методологии к изучению политических партий России начала XX века // Запад и Восток: традиции, взаимодействие, новации. Владимир, 2000. С. 394–396.

²⁰ См.: **Аврех А. Я.** Царизм и IV Дума. 1912 – 1914 гг. М., 1981. С. 224.

Поступила 23.04.2003 г.

УДК 340.131(470.4)

Н. Н. Кабытова

ЗАКОН И СПРАВЕДЛИВОСТЬ В «ЧЕРНОМ ПЕРЕДЕЛЕ» 1917 г.

Среди основных факторов общенационального кризиса в России аграрный вопрос к осени 1917 г. выдвинулся на первое место. Крестьянский «черный передел» в аграрном Поволжье принял небывалый размах и определял взаимоотношения власти и общества как в деревне, так и в городе. Это было связано не только с численным превосходством крестьянского населения, но и с особенностями функционирования народного хозяйства. Обострение продовольственного вопроса прямо влияло на ход социальной революции и поляризовало полити-

ческие силы общества. Крестьянские выступления против хлебной монополии, объявленной Временным правительством, перерастали в настоящие восстания против правительственных войск, посылаемых в деревню для наведения порядка.

Перераспределением собственности, а следовательно, и власти в сельской местности занялись низовые крестьянские комитеты, вышедшие из-под контроля не только местной администрации, но и Советов. В. И. Ленин чутко уловил своеобразие русской революции, выделяя ее коренные вопросы: «Перед лицом такого факта, как крестьянское восстание, все остальные политические симптомы, даже если бы они противоречили этому назреванию общенационального кризиса, не имели бы ровнехонько никакого значения»¹. Анализируя расстановку политических сил, он отмечал, что «после аграрного в общегосударственной жизни России особенно большое значение имеет... национальный вопрос»² и по этим «коренным... вопросам пролетариат “не изолирован” на редкость»³. В Поволжье оба эти вопроса приобрели в 1917 г. особую остроту, но противоречия социальные здесь превалировали над национальными.

Стремление к ликвидации частной собственности на землю и другие средства производства сплачивало в единый революционный поток многонациональное крестьянство Поволжья. Поэтому из национальных партий и объединений имели поддержку прежде всего социалисты. В ходе подготовки к выборам волостных земств и особенно депутатов Учредительного собрания со всей очевидностью проявилось стремление политических партий использовать крестьянское движение для мобилизации своего электората. Ареной острейшей политической борьбы в Поволжье летом и осенью 1917 г. стали губернские и уездные крестьянские съезды. У них были разный статус и механизм функционирования. Уездные съезды собирались для координации действий волостных исполнительных комитетов. На губернские съезды делегаты избирались на сельских сходах, волостных собраниях и съездах в соответствии с определенными еще весной 1917 г. нормами представительства. Организационную работу по созыву съездов выполняли губернские Советы крестьянских депутатов, которым выделялись делегатские квоты. Как правило, это были члены исполкомов Советов крестьянских депутатов, по партийной принадлежности преимущественно эсеры.

Временное правительство после июльского политического кризиса уже не ограничивалось объявлениями о противозаконности постановлений крестьянских съездов, сходов, собраний по аграрному вопросу. Новый премьер-министр социалист

А. Ф. Керенский проводил более жесткую политику в отношении радикальных организаций, чем его предшественник либерал Г. Е. Львов⁴. Министерство внутренних дел предписывало губернским комиссарам активнее использовать административно-судебные органы и воинские команды для пресечения конфискационной деятельности низовых крестьянских организаций⁵. Выполнить эти предписания на местах было затруднительно, а чаще просто невозможно. Тыловые гарнизоны были распространены левыми социалистами и, как правило, не подчинялись никому⁶. Только в Казанской губернии, где находился штаб военного округа, удавалось иногда изыскать силы для восстановления законного порядка, но действия их были малоэффективны. В каждую деревню послать солдат невозможно, да и взять их было неоткуда. Местные органы власти старались обойтись без таких непопулярных мер, как подавление социального протеста воинской силой, что могло окончательно расстроить взаимоотношения власти и общества.

Крестьянские съезды рассматривались не только политическими партиями, но и местными административными структурами как организующие объединения, способные хоть как-нибудь стабилизировать ситуацию в деревне. В июле — августе 1917 г. губернские крестьянские съезды проходили в 3 поволжских городах: Симбирске, Пензе и Самаре. Роль и значение их в организации крестьянства были неодинаковы, но везде лидировали эсеры. II Симбирский губернский крестьянский съезд, состоявшийся 15 — 20 июля 1917 г., сосредоточил внимание на аграрном вопросе. Он присоединился к решениям I Всероссийского крестьянского съезда, но потребовал немедленного издания временного земельного закона до созыва Учредительного собрания⁷. Выработать собственное положение о передаче всех частновладельческих земель в руки крестьянства губернский съезд не решился, однако его законодательная инициатива предусматривала передачу функций регулирования аграрных отношений местным земельным комитетам. Это объясняется тем, что организатором II крестьянского съезда выступил Симбирский губернский земельный комитет⁸, в который поступали настойчивые предложения от низовых организаций о «переделе всей земли»⁹. Свое решение делегаты съезда мотивировали также тем, что «земельные комитеты в глазах крестьянства пользовались известным авторитетом... Состав земельных комитетов в уездах губернии был вполне демократичен... бедные и средние крестьяне. Поэтому постановлений в ущерб чаяниям крестьянства они не выносили и пользуются доверием большинства населения»¹⁰.

Итак, приоритет низовых земельных комитетов в решении аграрного вопроса объяснялся их социальным составом. Следовательно, на поддержку крестьян могли рассчитывать только те политические объединения, которые пообещают решить земельный вопрос в Учредительном собрании в духе их требований.

В Пензенской губернии очередной крестьянский съезд проходил в обстановке реализации радикальных постановлений по земельному вопросу. Крестьяне-общинники под руководством волостных исполнительных и земельных комитетов приступили к массовым организованным захватам земель помещиков и других собственников. На заседании Пензенского губернского земельного комитета в июле 1917 г. представители от уездов сообщали, что им «пришлось считаться с существующим уже положением дела в результате проведения постановления крестьянского съезда от 15 мая... земли уже были распределены населению... Помещичья земля взята на учет... Земли хуторян и отрубников крестьяне взяли в общий уравнильный передел по соглашению и без соглашения; в большинстве волостей взят на учет инвентарь»¹¹.

III Пензенский губернский крестьянский съезд состоялся 5 — 8 августа 1917 г. и сосредоточил внимание на двух основных вопросах: об организаторской деятельности Совета крестьянских депутатов и о проведении в жизнь постановлений II съезда по земельному вопросу. Все попытки Временного правительства остановить «черный передел» на местах не имели успеха. Пензенский губернский крестьянский съезд в своем постановлении по земельному вопросу подтвердил «исключительное право земельных комитетов на учет, заведование и распределение земель и лесов»¹². Он признал также вредными «самовольные выступления как отдельных лиц, так и целых обществ»¹³.

Постановление было принято по инициативе и под давлением губернского комиссара. За неделю до съезда он разослал следующее предписание уездным и волостным исполнительным комитетам: «1) Принять немедленно самые энергичные меры к недопущению и прекращению всяких самовольных незаконных действий со стороны населения, препятствующих землевладельцам в уборке полей и посевов. 2) Никким образом не выносить постановлений и резолюций, дающих повод населению к проявлению насильственных и преступных действий против землевладельцев»¹⁴. Умеренность постановлений данного съезда объясняется как его составом (из 300 делегатов половина были члены губернской конференции эсеровской

партии), так и общей политической обстановкой в стране, характеризующейся временным спадом революционной активности масс. Отметим, что в своих революционных действиях крестьяне губернии летом и осенью 1917 г. опирались на более радикальные, четкие и конкретные постановления II съезда, расценивая резолюции III съезда лишь как подтверждение предыдущего.

Крестьяне уже разочаровались в эсерах, находившихся у власти в губернии с середины мая 1917 г., и стали искать поддержку своих конфискационных притязаний в социально-экономической области у радикалов. Характерно в этом отношении письмо крестьянина из с. Ямщина Инсарского уезда Пензенской губернии в редакцию «Деревенской правды», где он выразил политические симпатии группы односельчан: «Я нахожу, что нас могут спасти только тов. большевики, а здесь у нас лишь одна партия социалистов-революционеров... у нас есть сознательные солдаты, которые хотят голосовать в Учредительное собрание за тов. большевиков, а списка у нас нет. Прошу вас, спасайте нас. Ждем, чтобы приехал агитатор от тов. большевиков»¹⁵.

В сентябре—октябре 1917 г. усилился кризис местной власти. Советы и комитеты все чаще стали критиковать действия администрации. Пензенский губернский комиссар в докладе министру внутренних дел от 19 сентября 1917 г. признался: «Влияние и авторитет власти растеряны. Последние события показали, что наибольшим авторитетом из общественных организаций пользуется Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, и комиссариат считает своей обязанностью в трудные минуты прибегать к содействию Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»¹⁶. Земские деятели также отмечали, что большинству членов земских управ крестьяне «выразили недоверие и требовали замены их более левыми элементами»¹⁷. Иногда комитетчики даже арестовывали земцев, убеждавших их отказаться от захвата частных имений¹⁸. В таких условиях местная администрация, запуганная крестьянским террором, вынуждена была «просить Совет Республики и Временное правительство издать в спешном порядке соответствующий декрет о немедленной передаче частновладельческих земель и лесов в ведение и распоряжение земельных комитетов»¹⁹.

Крайне напряженная обстановка сложилась летом и осенью 1917 г. в Самарской губернии. Повсеместно крестьяне на основании «Временных правил пользования землей», выработанных II губернским съездом, осуществляли раздел земель, отобранных ими у землевладельцев. Во многих местах приняло ши-

рокие масштабы движение крестьян-общинников за возврат отрубных и хуторских земель²⁰. Только одной земельной комиссией губернского Совета крестьянских депутатов за 2 месяца было «разобрано 370 дел, возникших на почве проведения в жизнь указанных «Правил»»²¹.

III Самарский губернский крестьянский съезд, объединившийся затем со Всесословным, состоялся 20 — 27 августа 1917 г. По замыслу организаторов он должен был разрядить напряженную обстановку в губернии. Однако нерешительная позиция руководства крестьянского Совета, занятая им в ходе реализации «Временных правил пользования землей», подверглась на съезде резкой критике. Сентенции председателя исполкома губсовета Г. М. Соколова о том, что и «на местах пришлось сталкиваться с защитниками циркуляров Временного правительства, крестьянских делегатов не удовлетворили. Они потребовали заслушать отчет о переговорах местных руководителей с министрами Временного правительства в Петрограде. Поведение губернских руководителей в столице было неприглядным²², и они предложили отложить обсуждение этого вопроса до общесословного съезда. Эсеры-максималисты К. К. Гецольд и В. А. Кузьмин обвинили их в отходе от программных лозунгов партии, «соглашении с буржуазией»²³, отказе «от революционной тактики и наступлении против рабочих, солдат и крестьян»²⁴. Большевики, в свою очередь, призвали крестьян «осудить действия Временного правительства и его представителей на местах»²⁵.

Настойчивые требования крестьян закрепить местным законом уже осуществляемые ими изменения аграрных отношений привели к обсуждению на общесословном съезде мероприятий по землепользованию в новых условиях. «Общая инструкция волостным земельным комитетам», утвержденная Самарским губернским земельным комитетом 20 августа 1917 г., легла в основу разработанных съездом «Правил об обложении платежом в пользу государства лиц, пользующихся в 1917 г. казенными, частновладельческими, банковскими и иными землями»²⁶. В ходе дискуссии часть ораторов призывала собрание «не утверждать этих правил, как не согласных с правилами, выработанными II губернским крестьянским съездом». Крестьянские делегаты в обложении земель различного качества разными налогами видели аренду, что было шагом назад в решении земельного вопроса. Взамен этого предлагалось установить одинаковый общий налог на все земли различного качества, разных ведомств и владельцев. Другая часть ораторов, ссылаясь на распоряжения Временного прави-

тельства сохранить до Учредительного собрания границы владений и уездов и большую крайнюю нужду государства в средствах, просила съезд не видеть “хитрой механики” в правилах обложения, так как они составлялись людьми, преданными делу крестьянства»²⁷.

В практической деятельности крестьяне использовали из всех правил и инструкций лишь те пункты, которые позволяли им расширять процесс экспроприации земель у частных владельцев²⁸. «Инструкция» предусматривала «в интересах расширения площади посева под яровые на 1918 г. комитетам взять в свое ведение не только все земли, на которых владельцы не ведут собственного хозяйства, но также принять на учет для распределения излишка среди безземельных и малоземельных земли собственников и арендаторов, на коих имеются хозяйства»²⁹. Таким образом, эсеры использовали крестьянский съезд для обеспечения победы своей партии на выборах волостных земств и Учредительного собрания, а низовые крестьянские комитеты – для обоснования «законности» земельных захватов.

Губернские крестьянские съезды, проходившие в Поволжье в сентябре 1917 г., также использовались эсерами для агитационной кампании по выборам Учредительного собрания в пользу своей партии. Крестьянское движение в это время нарастало. Сельские и волостные крестьянские комитеты решали земельный, лесной, продовольственный вопросы в соответствии с постановлениями крестьянских съездов, пусть даже высказанными в форме наказов Учредительному собранию. Запретительные циркуляры Временного правительства не могли быть реализованы из-за слабости местной власти. Резкая поляризация политических сил в стране, ускоренная Корниловским мятежом, осенью 1917 г. проявилась не только в городских, но и в сельских общественных организациях. Стремясь закрепить результаты перераспределения земельной собственности, проведенного летом 1917 г., крестьянские комитеты поддерживали лишь те структуры, которые одобряли «черный передел».

В Казанской губернии левоэсеровский Совет крестьянских депутатов встал на защиту своих радикальных постановлений по земельному вопросу. Когда губернская администрация попыталась привлечь к судебной ответственности экспроприаторов чужой земельной собственности, Совет предложил губернскому комиссару «принять немедленно меры к приостановлению самочинных арестов»³⁰. В тех уездах Казанской губернии, где крестьянские комитеты возглавлялись большевиками или

левыми эсерами, целенаправленно осуществлялись ликвидация частной собственности на землю, экспроприация и взятие на учет сельскохозяйственного инвентаря владельцев. Умеренные социалисты с горечью отмечали, что в Спасском и Лаишевском уездах «все мало-мальски сознательное население терроризировано маркой большевика». На уездных съездах Казанской губернии летом и осенью 1917 г. по требованиям волостных комитетов уездные комиссары сменялись представителями левых партий. Постоянно переизбирались и сами комитеты общественной безопасности с целью изменения их состава в пользу радикальных элементов.

Размежевание в партии социалистов-революционеров в Казанской губернии наглядно проявилось в противоположных позициях по аграрному вопросу левых и умеренных. Казанский губернский земельный комитет 24 августа 1917 г. выработал «Инструкцию волостным земельным комитетам», направленную на ограничение захватов земли, лугов, лесов и сельскохозяйственного инвентаря частных владельцев, согласно которой комитеты должны были «стремиться к достижению соглашения с частными владельцами о предоставлении последними земли в арендное пользование», к охране отрубов и хуторов, к пользованию монастырскими землями на арендных началах, к сохранению всего живого и мертвого инвентаря за помещиками и другими частными владельцами³¹. Таким образом умеренные социалисты, возглавлявшие губернский земельный комитет, пытались сдержать разрушавший производительные силы деревни «черный передел».

II Казанский губернский крестьянский съезд, состоявшийся 10 — 14 сентября 1917 г., наоборот, принял радикальные решения по всем социально-экономическим вопросам. В резолюции съезда по земельному вопросу, принятой единогласно, Временное правительство обвинялось в том, что не привело к исполнению постановлений Всероссийского Совета крестьянских депутатов о земле. Отмечалось, что вместо того, чтобы удовлетворять требования крестьян, помещики получили документальную поддержку от правительства, его следователи и прокуроры привлекают к суду и арестовывают крестьян, борющихся за землю и волю. В связи с этим съезд объявил себя единственным защитником крестьянских требований, подтвердил, что вся земля, а равно и весь инвентарь, живой и мертвый, должны быть переданы в пользование крестьянства через земельные комитеты до Учредительного собрания.

Размах крестьянского движения в Саратовской губернии к осени 1917 г. нарастал еще стремительнее, чем в других рай-

онах Поволжья. Его вызвали следующие обстоятельства: несомненное влияние крестьянского восстания в соседнем Центрально-Черноземном регионе и отсутствие местной законодательной базы для осуществления аграрных требований крестьян-общинников. Поземельные отношения регулировались на уездном и даже волостном уровнях исходя из местных условий и расстановки партийно-политических сил.

Саратовский губернский крестьянский съезд, состоявшийся 10 — 14 сентября 1917 г., принял решения, отражавшие позиции умеренных социалистов. Они предпринимали попытки спасти исполнительную власть, создавая переходные контрольно-законодательные структуры для выражения общественного мнения. Резко осуждая Корниловский мятеж, делегаты съезда обвиняли «помещиков и капиталистов» в том, что они «разрушали работу как в стране, так и в правительстве»³². В связи с этим съезд выступил за новый состав Временного правительства, «ответственный перед центральными органами народной демократии»³³. Явно отставало от реальности постановление съезда по земельному вопросу, в котором он полностью присоединился к резолюции Всероссийского Совета крестьянских депутатов об изъятии всех земель из товарооборота и передаче их в уравнильное пользование трудового народа. Конкретного механизма реализации данного постановления Саратовский губернский крестьянский съезд так и не выработал.

Уездные крестьянские съезды, прошедшие в Саратовской губернии осенью 1917 г., по вопросам о земле и власти приняли аналогичные губернскому съезду постановления, откладывая их разрешение до Учредительного собрания. Тем не менее пожелания съездов о необходимости отмены частной собственности на землю низовые крестьянские комитеты воспринимали как закон. Только когда конфликт между местной властью и крестьянством стал непримиримым, саратовские «эсеры заволновались и почти накануне Октября предложили создать при исполкоме земельную комиссию», которая разрабатывала «обязательное постановление, облегчающее переход земли во временное пользование крестьян до Учредительного собрания»³⁴. На выборах в Учредительное собрание эсеры еще сохранили свой электорат. Однако большевики, придя к власти, «изданием местного закона о передаче крестьянам помещичьей земли выбили всякую почву у эсеров и разрушили ту организационную преграду, какую они воздвигли, отъединив исполком рабочих от исполкома крестьянского»³⁵.

В Симбирской губернии, где политическая дифференциация в демократическом лагере была незначительна, решения крес-

тьянских съездов, созывавшихся осенью 1917 г., были еще осторожнее. III Симбирский губернский крестьянский съезд состоялся 25 — 27 сентября 1917 г. по инициативе Симбирского губернского Совета крестьянских депутатов для оказания поддержки местным органам власти и самоуправления, которые все больше теряли доверие в массах. На съезде присутствовало всего 206 делегатов, главным образом представителей губернских и уездных административных структур, общественных организаций и политических партий — почти все эсеры. По земельному вопросу съезд, крестьянский лишь по названию, принял декларацию о том, что «земля должна перейти в распоряжение народа без всякого выкупа»³⁶. Конкретных мероприятий для реализации этого пожелания разработано не было. Выражая полную поддержку Временному правительству, съезд решился «настаивать на созыве Учредительного собрания в срок», так как «крестьяне недовольны затягиванием земельного вопроса»³⁷.

Во всех поволжских губерниях общественные объединения, возникшие в ходе революции, проявляли разную степень активности. Однако сельские и волостные комитеты дистанцировались от уездных и в еще большей степени — от губернских, настаивая на немедленном и радикальном решении аграрного вопроса. Вне зависимости от степени развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве региона все низовые крестьянские организации стремились к «черному переделу» и пытались использовать в своих интересах прежде всего крестьянские съезды. Решения съездов рассматривались ими в качестве правовой основы для перераспределения земли. Земства, даже демократизированные, были не способны осуществлять радикальные требования крестьян по аграрному вопросу. Являясь организациями общесловными, они не могли ущемлять интересы одних слоев общества ради других, пусть и составлявших большинство.

Напротив, Советы и низовые комитеты имитировали идеально-общинные формы народного представительства. С нарастанием недовольства низов деятельностью новых властных институтов, много обещавших, но ничего не делавших, создавались условия для победы радикальных политиков. В Поволжье уже в мае — июне 1917 г. на волне крестьянского движения произошла замена руководителей губернской администрации Временного правительства представителями умеренных социалистов. Дальнейшие кризисы либеральной власти также были вызваны давлением радикальных масс, требовавших немедленного удовлетворения своих социальных ожиданий.

Примечания

- ¹ Ленин В.И. Кризис назрел // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 277.
- ² Там же.
- ³ Он же. Удержат ли большевики государственную власть // Там же. С. 299.
- ⁴ См.: Басманов М. И. Александр Федорович Керенский / М. И. Басманов, Г. А. Герасименко, К. В. Гусев. М., 1996. С. 110.
- ⁵ См.: Монсеева О. Н. Советы крестьянских депутатов в 1917 году. М., 1967. С. 97.
- ⁶ См.: Люкшин Д. И. Крестьяне-общинники Казанской губернии в социально-политических сдвигах начала XX века: Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1995. С. 151.
- ⁷ ГАУО, ф. 947, оп. 1, д. 91, л. 4.
- ⁸ Там же, ф. 677, оп. 2, д. 10, л. 3.
- ⁹ Там же, л. 5 об.
- ¹⁰ Там же, л. 6 об., 7.
- ¹¹ ГАПО, ф. 486, оп. 1, д. 1, л. 70 об., 71.
- ¹² Нар. газ. Пенза, 1917. 8 авг.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ ГАПО, ф. 206, оп. 1, д. 3, л. 58.
- ¹⁵ Деревенская правда. М., 1917. 21 окт.
- ¹⁶ ГАПО, ф. 206, оп. 1, д. 45, л. 27 об.
- ¹⁷ Там же, ф. 486, оп. 1, д. 2, л. 31 об.
- ¹⁸ Там же, ф. 206, оп. 1, д. 53, л. 32, 77.
- ¹⁹ Там же, д. 49, л. 57, 57 об.
- ²⁰ См.: Протоколы III Самарского губернского крестьянского съезда. Самара, 1917. С. 8.
- ²¹ Там же.
- ²² С.А. Волков при утверждении его в должности губернского комиссара в МВД заявил о своем несогласии с постановлениями II губернского крестьянского съезда. См.: Кострикин В. И. Земельные комитеты в 1917 году. М., 1975. С. 180—182.
- ²³ Протоколы заседаний III Самарского губернского крестьянского съезда. С. 34.
- ²⁴ Там же. С. 80.
- ²⁵ Там же. С. 78, 85.
- ²⁶ ГАРФ, ф. 8976, оп. 1, д. 423, л. 59 об.
- ²⁷ Там же, л. 60.
- ²⁸ ГАСамО, ф. 175, оп. 1, д. 1412, л. 93 об.
- ²⁹ Там же, л. 98.
- ³⁰ Изв. Казанского губернского Совета крестьянских депутатов. 1917. 23 июля.
- ³¹ См.: Социалист-революционер. [Казань]. 1917. 13 авг.
- ³² НАРТ, ф. 1324, оп. 1, д. 1, л. 224.
- ³³ Изв. Кузнецкого исполнительного комитета народной власти. 1917. 28 сент.

³⁴ Изв. Кузнецкого исполнительного комитета народной власти. 1917. 28 сент.

³⁵ Антонов-Саратовский В. П. Под стягом пролетарской борьбы. М.; Л., 1925. С. 133.

³⁶ Там же. С. 134.

³⁷ Симбирская нар. газ. 1917. 1 окт.

Поступила 07.04.2003 г.

УДК 349.42(470.4)

Н. В. Липатова

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ В ПОВОЛЖЬЕ ЗАКОНА О ХЛЕБНОЙ МОНОПОЛИИ

В одной из агитационных брошюр эпохи 1917 г. М. Н. Гернет отмечал, что «не всюду законы оправданы, они часто дают мало прав тем, кого обременяют непосильными обязанностями... Несовершенство закона вызывает борьбу против самого закона еще более упорную, чем против власти»¹. Это в полной мере относится и к закону о хлебной монополии, принятому 25 марта 1917 г. Его реализация ярко характеризует государственную политику по отношению к крестьянству в революционную эпоху.

Сроки введения в действие рассматриваемого постановления были разные. В Симбирской губернии только с 1 июля были введены ограничения на продажу ржаного хлеба². В этот же день последовала реакция прессы: «Кроме карточек, иные способы покупки хлеба недоступны»³. В середине июня продовольственный комитет Саратова провел учет городских запасов и ввел карточки. С 1 июля хлеб продавался только по карточкам, а с 1 августа внедрялась жесткая система распределения всех продуктов⁴.

Согласно центральному делению всех регионов России Поволжье автоматически было включено в хлебопроизводящую часть страны. Любопытен и тот факт, что в 1917 г. в анализе, проведенном местными Советами, ситуация представлялась в относительно привлекательном свете: «Незначительная часть Симбирской губернии нуждается в хлебе, а юго-восточные уезды (Сызранский, Сенгилеевский, Буинский, Ардатовский) изобилуют им». Документ подчеркивал, что в некоторых местностях хлеб продается свободно, но одновременно с досадой отмечал, что,

© Н. В. Липатова, 2004

несмотря на пропаганду норм потребления, население проводимыми мерами недовольно⁵. По мнению экспертов Советов, в Саратовской губернии свободные запасы у населения также имелись в достаточном количестве. Здесь были установлены месячные нормы потребления на муку — 50 фунтов (20,5 кг) и сахар — 1 фунт (0,41 кг). Отношение населения к проводимым мерам, отмечалось в отчете, «доброжелательное»⁶. В Самарской губернии свободные запасы были выявлены только в Бузулуке в размере 1 млн пуд. (16 тыс. т) хлеба. Твердые цены и нормы потребления не были установлены, так как требовали большего обоснования⁷.

На самом деле положительные новости не всегда соответствовали действительности. Симбирские власти сообщали в телеграммах: «Губерния терпит острую нужду в продовольствии. Вывоз хлеба не допустим». 13 сентября самарское руководство рапортовало: «Телеграмма министра продовольствия не соответствует реальному положению дела, и никакие закупки в губернии не могут быть разрешены»⁸. Продовольственные комиссии Поволжья неоднократно обращались к правительству с просьбой о переводе губерний из хлебопроизводящих в хлебопотребляющие, так как статус региона не отвечал реальному положению вещей⁹.

Центральные власти либо предлагали закупить хлеб в соседней губернии, либо оставляли телеграммы без ответа. Продовольственная управа Симбирска имела разрешение в связи с «отчаянным положением»¹⁰ на вывоз 10 тыс. пуд. (160 т) хлеба из Самарской губернии, но крестьяне Спасской и Хворостовской волостей препятствовали вывозу¹¹. Первая партия хлеба, направленная в Симбирск из Самары, была расхищена ими еще по пути, не успев пересечь границу губернии¹². Подобные случаи были неединичными. В Балаково 19 октября по требованию населения была арестована баржа с зерном, которое закупил самарский продовольственный комитет¹³. Просьба саратовских властей к столичному руководству о разрешении поставок продовольствия из Самары осталась без ответа¹⁴. В Симбирске 17 сентября 1917 г. по требованию населения не собирать хлеб в уездах губернии было задержано в районе Волго-Бугульминской дороги 150 тыс. пуд. (2 400 т) хлеба, следовавших в Самару¹⁵.

Ситуация, по мнению властей, осложнялась еще и тем, что, во-первых, крестьянство не уяснило вполне значение закона о хлебной монополии, во-вторых, оно было недовольно нормами, особенно кормовыми, и, в-третьих, вред продовольственному делу наносила железнодорожная разруха.

Чтобы преодолеть все трудности и добиться взаимопонимания города и села, Временное правительство предлагало местным органам власти установить твердые цены на товары первой необходимости, на закупку хлеба и иного продовольствия у крестьянства, упорядочить работу транспорта и наладить свободную продажу продовольствия, которое крестьяне не могли бы привозить в город¹⁶. Так, уже в апреле 1917 г. милиция Симбирска была обязана обеспечить гражданам города возможность приобретать запасы из первых рук. Всем перекупщикам запрещалось появляться на рынках до 12 ч дня и приобретать припасы у крестьян.

Саратовские власти обратились к Временному правительству с предложением отменить закон, вдвое повышавший закупочные цены на зерно. Они считали это инфляционной мерой. В самом городе и губернии началась активная борьба с перекупщиками, спекулянтами, в том числе с солдатами, торговавшими на черном рынке зерном¹⁷.

В целях усиления контроля над распределением хлеба в Самарской губернии власти решили подчинить себе хлебопекарни. Документ о передаче имущества касался шести из них. Было решено начать с самой крупной — хлебопекарни К. Н. Неклютина (инженер по профессии, позже он был министром при А. В. Колчаке). Неклютин доказывал Совету, что комитет посягает на частную собственность, а это является незаконным и квалифицируется как грабеж. Однако продовольственный комитет заявил, что забирает производство под свой контроль. Вопрос о компенсации владельцу остался открытым. Неклютин подал жалобу в Петроград, вмешалось Общество фабрикантов и заводчиков, но комитет Временного правительства был бессилён. Министр продовольствия прислал бумагу, где указывалось, что хлебопекарню следует вернуть владельцу, но потом власть перешла к большевикам, и вопрос отпал автоматически¹⁸.

В то же время, опираясь на вооруженные отряды Красной гвардии Советов рабочих и солдатских депутатов (их первоначальной целью была борьба с мешочничеством)¹⁹, власть объявила беспощадную борьбу спекулянтам и нарушителям закона о хлебной монополии, хотя это не всегда приводило к положительным результатам. Совет начал проводить обыски, распорядился закрыть торговые помещения и произвести официальный учет товаров, который длился 3 недели из-за незнакомства проверяющих с товарным делом. Люди уезжали с базара, не купив необходимого. Вновь начинались волнения, что ухудшило положение²⁰. В результате повальных обысков по-

что половина жителей Симбирска лишилась своих хлебных и мучных талонов на трехмесячный срок, так как они были изъяты.

Малейший инцидент грозил обернуться ростом беспорядков. При анализе газетных сообщений становится ясно, что чаще всего гнев горожан был направлен против правительственных чиновников и состоятельных граждан, которые добывали товары в обход очереди. «Произошел возмутительный случай... в Сызрани — убийство презренным гнусным самосудом. Несоознательная толпа, не чувствуя пагубности своего поступка, убила двух братьев Чернухиных... Такие деяния — это широкие двери контрреволюции. Средневековым ужасом пахнет от этого убийства... Все сознательные солдаты, рабочие и крестьяне должны беспощадным образом осудить это злодеяние...», — так оценил это событие Сызранский Совет²¹. Братья Л. и В. Чернухины владели мельницей. Во время пожара 16 июня Л. Чернухин не позволил выносить хлеб с мельницы, объясняя тем, что опасности для него нет. Но толпа не вняла словам и убила его; второй брат был убит «за компанию», как выразился один из самосудчиков²².

Зимой 1918 г. в Тереньге отряды Красной гвардии были обстреляны крестьянами и солдатами. «Крестьяне не сдавали хлеба, пришлось применять оружие», — вспоминал один из бойцов отряда. В с. Топорники Сызранского уезда крестьяне собрались на сход и требовали объяснить, куда девался хлеб. Сборщику хлеба грозили смертью, раздавались призывы зарыть его живым.

Власти проводили и разъяснительную работу. Так, священник с. Баевка Ардатовского уезда Симбирской губернии, телеграфируя Совету, просил прислать делегатов «для разъяснения свобод и хлебного вопроса»²³. Инструкторы Советов пытались агитационными мерами пробудить сознательность в крестьянах, убедить в необходимости сдавать хлеб, но чем ближе были весенние работы, тем труднее стало избегать конфликтов, так как к лету стали очевидны пустота обещаний и тщетность надежд на то, что взамен хлеба крестьянам дадут столь нужные промышленные товары и обеспечат семенами. Закон о хлебной монополии провалился, но подал пример, как за короткий срок накормить город. Впоследствии эти методы перейдут в арсенал советского руководства. Разрешение хлебного и продовольственных вопросов разбилось о безжалостную политику и суровые законы революционного времени, когда власти больше всего были заняты собственным положением.

Примечания

- ¹ Гернет М. Н. Суд или самосуд. М., 1917. С. 4.
- ² ЦДНИУО, ф. 57, оп. 1, д. 207, л. 17.
- ³ Симбирянин. 1917. 3 июля. С. 2.
- ⁴ См.: Саратовский Совет рабочих депутатов 1917–18 гг. М., 1931. С. 196.
- ⁵ См.: Шефлер М. Организация продовольственного дела. М., 1917. С. 28.
- ⁶ Там же. С. 8–9.
- ⁷ Там же. С. 11.
- ⁸ ЦДНИУО, ф. 57, оп. 1, д. 207, л. 8.
- ⁹ ГАРФ, ф. 1791, оп. 6, д. 391, л. 94.
- ¹⁰ Там же, л. 95.
- ¹¹ Там же, д. 165, л. 30.
- ¹² ЦДНИУО, ф. 57, оп. 1, д. 207, л. 9.
- ¹³ ГАРФ, ф. 1791, оп. 6, д. 167, л. 74.
- ¹⁴ ЦДНИУО, ф. 57, оп. 1, д. 207, л. 10.
- ¹⁵ ГАРФ, ф. 1791, оп. 6, д. 172, л. 26.
- ¹⁶ См.: Шефлер М. Указ. соч. С. 29.
- ¹⁷ Изв. Саратовского Совета. 1917. 26 сент. С. 3.
- ¹⁸ ЦДНИСО, ф. 3500, оп. 1, д. 199, л. 34.
- ¹⁹ Там же, д. 208, л. 49.
- ²⁰ ГАРФ, ф. 7190, оп. 6, д. 172, л. 18.
- ²¹ ЦДНИУО, ф. 57, оп. 1, д. 214, л. 18.
- ²² ГАРФ, ф. 1791, оп. 6, д. 172, л. 11.
- ²³ ГАУО, ф. 677, оп. 2, д. 6, л. 147.

Поступила 09.04.2003 г.

УДК 316.334.3:323.325(470.344)

Т. В. Немцева

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ ЧУВАШСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В 1917 г.

Социально-политические настроения чувашского крестьянства в 1917 г. можно проследить на основе проходивших крестьянских съездов, ставших формой их массового участия в политической и общественной жизни, средством содействия демократизации органов власти.

Социальные характеристики к началу XX в. у чувашского народа были достаточно однородны: по данным переписи 1897 г., в губерниях Среднего Поволжья и Приуралья к сословию кре-

© Т. В. Немцева, 2004

стьян принадлежали 99,95 % чувашей, 98,25 % из них работали в сельском хозяйстве, доля городского населения составляла 0,32–0,72 %, а грамотных в возрасте старше 10 лет было среди чувашей 9,82 %¹. Чувашский край был одним из аграрных районов России, там преобладал общинный уклад, лишь незначительная часть (0,5 %) чувашских крестьян ушла на хутора и отруба. В силу ряда причин: относительно низкого уровня образованности, слабой вовлеченности в процессы политической жизни, зависимости ментальности крестьянства от природно-географического фактора — среди чувашских крестьян-общинников доминировали традиции коллективизма, антисобственности настроения. Их привлекала эсеровская программа социализации земли и ее уравнительного распределения.

К 1917 г. чувашское крестьянство приобрело определенный комплекс политических представлений. Из газет, листовок и прокламаций оно узнавало о происходящих в стране событиях, знакомилось с различными программами социально-экономического и политического переустройства жизни. Устная и печатная пропаганда, которую вели политические партии и организации, способствовала формированию его взглядов на складывающуюся ситуацию. Таким образом, чувашское крестьянство постепенно вовлекалось в политическую и общественную жизнь страны путем участия в работе и созыва общественных съездов и собраний, особенно многочисленных весной — летом 1917 г.

Крестьянские съезды проходили во многих волостях Алатырского (апрель), Чебоксарского (4–5 мая), Цивильского (20 мая), Ядринского (10–13 июня) уездов. Оживлению в среде крестьянства и крестьянской интеллигенции во многом способствовала подготовка к Всероссийскому съезду Советов крестьянских депутатов (4–28 мая 1917 г.). Поскольку социальный и партийный состав съезда во многом зависел от подготовительной работы на местах, казанские и симбирские губернские комитеты партии эсеров прилагали все силы к тому, чтобы завладеть монопольным правом на влияние среди крестьянства, призывали их участвовать в «покрытии всей России сетью крестьянских Советов»².

Повестка дня большинства съездов была одинакова: рассматривались вопросы о формах государственного устройства России, доверии к Временному правительству, земле, войне, мире, Учредительном собрании. В постановлениях съездов также содержались напутствия делегатам на Всероссийский съезд крестьянских депутатов. По вопросу о государственном устройстве новой России делегаты высказывались о необходимости сто-

ять за свободную демократическую республику с одной палатой и признать за всеми национальностями полное право на самоопределение³. Весьма революционной в свете крестьянских запросов выглядела резолюция по аграрному вопросу. Так, например, делегаты Чебоксарского уезда требовали, чтобы «вся земля удельная, церковная, кабинетская, монастырская, частновладельческая и земля помещиков перешла из частных рук в общегосударственную собственность без всякой платы, и чтобы она была отдана в пользование только тем, кто сам будет над ней трудиться... Частную собственность и торговлю землей считать недопустимой»⁴.

По поводу войны отмечалось, что ее следует прекратить при первом удобном случае без всяких денежных и земельных захватов за счет другого государства, а проблему восстановления разрушенных и разграбленных стран решить за счет имущих классов всех воюющих народов. «Войну следует окончить на основе самоопределения народов и всемирном братстве трудящихся, но ни в коем случае не прибегать к сепаратному миру», — заявляли крестьяне Сидельниковской волости Чебоксарского уезда⁵.

Крестьянские депутаты Чебоксарского уезда по вопросу об отношении к Временному правительству дали городскому Совету рабочих и солдатских депутатов и будущему уездному Совету крестьянских депутатов наказ доверять ему «в пределах выполнения его обязательств и воли народа» и следить за этим выполнением. «В разрешении рабочих вопросов и законодательства, — указывалось в документах съездов, — крестьянский депутат должен руководствоваться постановлением самих рабочих, заинтересованных ”в этом деле“, а обязанность крестьян состоит в оказании им надлежащей поддержки»⁶. Съезд, стремясь помочь населению в разрешении его жизненных проблем, потребовал ввести бесплатное всеобщее обучение, увеличить количество учебных заведений и предоставить каждому народу России право на культурное самоопределение, выразил сочувствие утверждению государственной монополии на хлеб⁷.

Делегаты Ядринского уездного крестьянского съезда предлагали удалить из учебных заведений лиц духовного звания, церковно-приходские начальные школы преобразовать в школы земского типа, обучение вести на родном языке и т. п. Их силами также начал функционировать организационный комитет по устройству уездного крестьянского союза. Создавались волостные и сельские Советы крестьянских депутатов.

Основными вопросами второго Цивильского (20 августа), третьего (3—4 сентября) и четвертого (8 октября) Алатырского

уездных крестьянских съездов были выборы в Учредительное собрание, на которое чувашские крестьяне и сельская интеллигенция возлагали большие надежды.

Чувашское крестьянство понимало необходимость учета национальных интересов. Принципы национального равноправия осуществлялись путем создания различных комитетов и других выборных органов, на которых гласных выбирали от всех национальностей пропорционально этническому составу населения данной местности⁸.

Национальный вопрос не остался без внимания и на III Казанском губернском съезде Советов крестьянских депутатов, состоявшемся 14—16 декабря 1917 г. В резолюции об организации власти в губернии отмечалось, что Совет крестьянских депутатов должен организоваться при непосредственном участии крестьян губернии без различия пола и национальности. Была принята специальная резолюция по национальному вопросу: констатировалось, что он имеет большое значение и от благоприятного его разрешения «зависит развитие завоеванной свободы»; осуждалась национальная политика свергнутого революцией самодержавного правительства, сводившаяся к подавлению национальностей, натравливанию их друг на друга и запрещающая «свободно молиться, учиться на родном языке». Крестьянские депутаты считали, что политика правительства в национальном вопросе должна строиться на новых началах. Одним из главных условий мирного сосуществования населяющих губернию народностей съезд считал предоставление им полной свободы самоопределения, которая, по мнению делегатов, должна была послужить залогом успешного строительства новой жизни, основанной на взаимном доверии и уважении всех национальностей⁹. Важное значение имело также требование депутатов предоставить равные права на образование и занятие должностей независимо от национальности.

Таким образом, социально-политические настроения чувашского крестьянства в 1917 г. отличались вниманием к формам государственного устройства России, к вопросам о доверии Временному правительству, о войне и мире, земле, народном образовании, об Учредительном собрании. Большинство крестьянских съездов высказывалось за федеративное устройство России, поддержку Временного правительства, заключение мира, за передачу некрестьянской земли земельным комитетам. Также поднимались вопросы национального характера (о преподавании в чувашских школах на родном языке, назначении в национальные приходы чувашских священников и т. п.). В ходе

работы съездов крестьяне-делегаты продемонстрировали как свою организованность, так и достаточную политическую зрелость: они знали, чего хотят, имели программу и целенаправленно действовали по ее утверждению. Крестьянство также показало себя в качестве широкой и надежной социальной опоры лидера национального движения — чувашской интеллигенции.

В целом события весны — лета 1917 г. наглядно свидетельствовали о пробуждении крестьянских масс, их активном стремлении сознательно влиять на ход политических событий в стране.

Примечания

¹ Благодаря стараниям церковных школ, системе Н. И. Ильминского и деятельности И.Я. Яковлева эти показатели были выше, чем у большинства «малых» этносов России.

² История Чувашии новейшего времени. Чебоксары, 2001. Кн. 1. С. 28.

³ НАРТ, ф. Р-98, оп. 1, д. 45, л. 59.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, л. 59 об.

⁷ Там же.

⁸ См.: **Макарова Г. П.** Крестьянство Поволжья в национально-освободительном движении 1917 г. // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в период строительства социализма. Чебоксары, 1982. С. 7.

⁹ За землю и волю. [Казань]. 1917. 19 дек.

Поступила 15.04.2003 г.

УДК 323.325:32(470.345)

А. П. Солдаткин

КРЕСТЬЯНСТВО И ВЛАСТЬ НА ТЕРРИТОРИИ МОРДОВИИ В 1917 г.

Мордовский край со слабо развитой промышленностью и незначительным числом пролетариев накануне революционных событий 1917 г. представлял собой типичный аграрный регион с преобладанием в социальной структуре крестьянства. Анализ взаимоотношений власти и наиболее массовой социальной силы представляет несомненный научный интерес. Кроме

© А. П. Солдаткин, 2004

того, семнадцатый год — своеобразная лакуна в историографии Мордовии: исследователями он не затрагивался несколько десятков лет¹. Безусловно, назрела необходимость без идеологических штампов рассмотреть эволюцию Мордовии в 1917 г. Среди многочисленных вопросов темы в данной статье акцент будет сделан на аграрной политике власти и реакции на нее крестьянства.

Революционный водоворот затронул крестьянство с первых дней. Так, 7 марта 1917 г. крестьяне Большевьясской волости Саранского уезда собрались в волостное село для решения неотложных дел, вызванных революцией. Прежде всего, упразднили старое волостное управление, разоружили полицию, для организации дальнейшей жизни избрали исполнительный комитет из 10 чел. и милицию. Собрание объявило свободную продажу всех продуктов, определило время для торговли с 7 до 19 ч, установило контроль над ценами, запретило производство и продажу спиртных напитков. 12 марта 1917 г. крестьяне с. Акшино Инсарского уезда изгнали помещика Остапова, запретили управляющему именем продажу и вывоз имущества. Остапов в прошении Пензенскому окружному суду писал: «...вышеозначенные правонарушения в моем имении явились последствием преступного бездействия, а в некоторых случаях и превышения власти со стороны Ново-Акшинского волостного комитета во главе с председателем Захригиным»². Чаше всего попытки Временного правительства поставить под контроль низовые органы власти, в первую очередь волысполкомы, терпели неудачу. Сельские и волостные органы отражали интересы крестьян и нередко возглавляли их борьбу.

Причиной кризиса власти в немалой степени являлась не отвечающая интересам народа экономическая политика. Первые шаги Временного правительства продолжали политику царской власти на повышение роли государства в управлении экономикой. 25 марта (7 апреля) 1917 г. было издано постановление «О передаче хлеба в распоряжение государства и его местных продовольственных органов», подтверждающее монополию государства на хлеб и твердые цены на него. 5 мая образовано министерство продовольствия. Продовольственные комитеты создавались на демократической основе и по инструкции в них входили: «3 от частных землевладельцев, 6 от крестьян по избранию волостного схода, 3 от местных кооперативов, 2 от рабочих профсоюзов или больничных касс если таковые имеются, 1 от местного торгово-промышленного класса, 3 от местных земских служащих»³. Разработанные нормы пре-

дусматривали оставлять владельцу на еду 1,25 пуда (20 кг) зерна, для взрослых рабочих — по 1,5 пуда (24 кг) на душу в месяц, крупы — по 10 золотников (42,6 г) на душу в день; для прокорма скота: для рабочих лошадей — по 8 ф. (3,28 кг) овса или ячменя и по 10 ф. (4,1 кг) кукурузы и т. д.⁴

Поставкам подлежали не только зерно и мясо, а право определения нормы предоставлялось сельскому сходу. Именно он решал, какое хозяйство и сколько сдаст скота. Практическая реализация данного положения показывала, что, например, по Тенишевской и Аксельской волостям Краснослободского уезда первая вообще не поставила скот, а вторая вместо 125 гол. дала только 25. В результате саботажа уездные продовольственные органы взяли поставки мяса в свои руки, «...так как полагаться на обещания сходов не приходится»⁵. Крестьяне продолжали противоборствовать и волей схода или волисполкома устранили от должности председателей и членов продкомитетов, а многие сами отказывались работать и самовольно оставляли должности. В этой связи крестьянам разъяснялась ст. 40 Временного положения о местных продовольственных органах, согласно которой «устранение от должностей председателей и членов продовольственных управ принадлежит исключительно губернскому продкомитету»⁶. Виновным в устранении от должности, равно и оставившим их без разрешения угрожали наказанием по суду. Так постепенно уходила революционная эйфория и обнажались противоречия. Крестьянские массы настойчиво вели свою линию, и в некоторых волостях принимались решения об аресте даже частновладельческого скота во избежание его продажи и поставок на нужды армии⁷.

К лету 1917 г. обострился вопрос о судьбе нового урожая, на волостные продуправы возлагалась обязанность помогать в уборке полей, покосе и посеве озимых, если хозяева не способны этого сделать сами. На местах крестьяне препятствовали уборке хлебов сельскохозяйственными машинами, снимали с работ в имениях военнопленных и рабочих, принуждали владельцев и арендаторов платить нанимаемым более установленной платы (и не деньгами, а хлебом), насильственно захватывали хлеба, торговые продукты, покосы, инвентарь и т. д. Министр продовольствия Пошехонов в телеграмме от 27 июля 1917 г. писал: «При таком положении невозможно своевременно и в полной мере использовать урожай текущего года, а также обеспечить будущий урожай, что угрожает оставить всю страну и армию без хлеба. Поэтому необходимо для спасения Родины и революции принять все меры...». Вместо конкрет-

ных жестких мер приказывалось «объявить населению, что за самовольные незаконные действия виновные помимо возмещения убытков подлежат строгой уголовной ответственности»⁸. Однако механизм наказания давал сбой и безнаказанность только активизировала действия крестьян. В ноябре 1917 г. в Мордовию пришло указание: «Имея в виду, что деятельность волостных продовольственных комитетов не дала положительных результатов, правительство решило передать продовольственное дело в руки нового выборного земства и начать передачу с волостных продкомитетов»⁹.

Другой важной проблемой являлся вопрос о земле: его разрешение откладывалось до созыва Учредительного собрания. Между тем народ жаждал быстрых перемен. 19 марта Нижегородский губернский крестьянский съезд постановил: «...вся земля должна принадлежать государству и быть в пользовании трудового народа»¹⁰. 9 апреля 1917 г. Пензенский губернский крестьянский съезд в качестве временных мер к разрешению крестьянского вопроса передал регулирование земельных отношений местным исполнительным комитетам с запрещением владельцам рубить леса, уничтожать имущество, продавать, закладывать землю и закреплять ее в собственность. При этом была отменена арендная плата, а пастбища и луга поступали в распоряжение крестьянских комитетов безвозмездно и помимо воли владельцев¹¹.

11 апреля Временное правительство в постановлении «Об охране посевов» предупредило крестьянство об уголовной и гражданской ответственности за захват земель, лесов, пастбищ, посевов, скота, инвентаря, за снятие рабочих у землевладельцев. Для охраны частной собственности на места рассылались отряды вооруженных солдат.

Подъем крестьянского движения за землю весной 1917 г. заставил правительство объявить о проведении аграрной реформы. Еще в марте государству были переданы все кабинетские и удельные земли, а 21 апреля (4 мая) вышло постановление «Об утверждении земельных комитетов». В задачи комитетов входили лишь подготовка земельной реформы и разработка неотложных временных мер впредь до разрешения земельного вопроса Учредительным собранием. Все земельные комитеты объявлялись органами министерства земледелия. Крестьянство выдвигало новые требования, и II Крестьянский съезд в Пензе (11—14 мая 1917 г.), развивая решения I съезда по земельному вопросу, фактически потребовал конфискации всех помещичьих земель, полной отмены частной собственности помещиков на землю, скот и сельскохозяйственный ин-

вентарь. Министр земледелия эсер В. М. Чернов отменил данное решение, и комиссар Пензенской губернии эсер Ф. Ф. Федорович был вызван в Петроград, где ему разъяснили, что «проводить аграрную политику необходимо в русле требований вышестоящих органов»¹².

Под влиянием центра Пензенский губисполком принял решение об изъятии у волостных комитетов права распоряжаться землей. Уездные исполкомы провели экстренные съезды и совещания для отмены принятых решений. В Инсарском уезде 22 мая 1917 г. состоялось объединенное заседание земской управы, исполнительных, продовольственных комитетов и Советов. «...Собрание выразило полное доверие Временному губернскому совету крестьянских депутатов от 25 мая 1917 г. оно высказалось в том смысле, что постановление это не есть закон, а лишь выраженное Советом пожелание»¹³.

Такие же решения были приняты на крестьянских съездах Саранского, Краснослободского и Наровчатского уездов. Словесная эквилибристика не приносила пользы, крестьяне говорили, что решение губернского съезда выше, чем уездного, и отбирали земли у помещиков и кулаков¹⁴. Чтобы сдержать разрастающееся аграрное движение, в Пензе решили: «...движение за землю возглавить и ввести в определенное, соответствующее интересам государства русло»¹⁵. 15 июня 1917 г. состоялось заседание бюро Пензенского губисполкома с участием представителя министра земледелия Акселя, на котором постановили расширить функции земельных комитетов по учету, заведыванию, распределению земли и инвентаря. Пункты 2—4 принятой резолюции предоставляли земкомитетам право «во избежание недосева» брать на учет неэксплуатируемые земли и сельскохозяйственный инвентарь помещиков и распоряжаться ими. Однако арендная плата за землю и инвентарь должна была поступать в руки владельцев, а не земельных комитетов, и только в «спорных случаях» она, за вычетом налогов, должна была храниться до решения Учредительного собрания в местном казначействе. «Землю и инвентарь, уже перешедшие во временное пользование крестьян, земкомитеты берут на учет на тех же основаниях»¹⁶.

Фактически земкомитеты превращались в органы, изымающие у крестьян арендную плату в пользу земельных собственников. По решению III Саранского крестьянского съезда (18—19 июня 1917 г.) над деятельностью земельных комитетов устанавливался строгий контроль со стороны уисполкома. В решении указывалось: «...размер платы, устанавливаемый

волостными земельными комитетами за пользование взятым на учет инвентарем, утверждается уездным земельным комитетом, каковой разрешает и спорные вопросы»¹⁷. Таким образом, земкомитеты склонялись к соблюдению законности, а для диалога с землевладельцами создавались примирительные камеры.

При организации примирительных камер предусматривался следующий состав: «2 члена от волкомитета, 2 от землевладельцев»¹⁸. Однако волостные земкомитеты, отражая интересы крестьян, по-своему регулировали земельные отношения: пересматривали в одностороннем порядке условия аренды и оплаты труда, увеличивали в принудительном порядке для помещиков площадь арендуемой крестьянами земли и т. д. Например, в июне 1917 г. Бабеевский волземкомитет Темниковского уезда установил арендную плату за пользование лугами Санаксарского монастыря в 3 руб. за выкошенную десятину. В Наровчатском уезде высшую планку размера арендной платы за землю волземкомитеты установили в 6 руб. за десятину¹⁹. При этом крестьяне-арендаторы, выражая ненависть к вековым угнетателям, предпочитали плату вносить не помещикам (как полагалось), а в комитеты. Многие низовые комитеты санкционировали захват части помещичьей земли. Так, 13 июля Тенишевский волостной земельный комитет Краснослободского уезда, ссылаясь на постановление волостного схода, вынес решение об изъятии у землевладельца Золотова 1 442 дес. земли в пользу Тенишевского общества.

После июньских событий в Петрограде в провинции были посланы распоряжения «применять принудительные меры для подавления крестьянского движения вплоть до посылки отдельных воинских частей»²⁰. Министр внутренних дел меньшевик Никитин предложил направить с фронта в 20 крестьянских губерний, охваченных крестьянским восстанием, верные кавалерийские части под предлогом улучшения снабжения армии продовольствием. 18 июня Пензенский совет одобрил действия Временного правительства и в августе санкционировал отправку на фронт 70 наиболее революционно настроенных депутатов.

Таким образом, многие из мероприятий Временного правительства, призванные смягчить и снять напряжение в обществе, только усугубляли противоречия и его раскол. Попытки внедрить западные либеральные модели развития в условиях российской действительности не усиливали новую государственность, а подрывали ее ненадежные основы. Опьяненное свободой общество становилось все более неконтролируемым.

Примечания

¹ См.: **Купряшкин Т. Е.** 1917 год в Мордовии / Т. Е. Купряшкин, В. И. Самаркин. Саранск, 1939; **Дорожкин М. В.** Установление Советской власти в Мордовии. Саранск, 1957; **Захаркина А. Е.** Мордовия в годы трех народных революций: Хроника (1895 – май 1918) / А. Е. Захаркина, И. И. Фирстов. Саранск, 1957; **Воронин И. Д.** Саранск. Саранск, 1961; **Зиновьев Е. А.** Крестьянские комитеты Мордовии в период от февраля к октябрю 1917 г. // Тр. НИИЯЛИЭ. Саранск, 1961. Вып. 21; **Сафаргалиев М. Г.** Победа Февральской буржуазно-демократической революции в Мордовии // Зап. Мордов. ун-та. Саранск, 1963. Т. 28.

² Цит. по: **Зиновьев Е. А.** Указ. соч. С. 85.

³ ЦГА РМ, ф. Р-472, оп. 1, д. 4, л. 40.

⁴ Там же, ф. Р-542, оп. 1, д. 1, л. 3 об.

⁵ Там же, л. 29 об.

⁶ Там же, ф. Р-396, оп. 1, д. 2, л. 69.

⁷ Там же, ф. Р-30, оп. 1, д. 1, л. 50.

⁸ Там же, ф. Р-396, оп. 1, д. 2, л. 67.

⁹ Там же, ф. Р-472, оп. 1, д. 4, л. 200.

¹⁰ Цит. по: **Захаркина А. Е.** Указ. соч. С. 197.

¹¹ См.: **Ефимов И. А.** Нарастание революционного движения в Мордовии весной и летом 1917 г. // История Мордовской АССР. Саранск, 1976. Ч. 2. С. 6.

¹² Цит. по: **Капитонов И. В.** Возникновение и деятельность организаций партии социалистов-революционеров на территории Мордовии в первой четверти XX века: Дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 1996. С. 114.

¹³ ГАРФ, ф. 398, оп. 2, д. 123, л. 110.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ **Зиновьев Е. А.** Указ. соч. С. 92.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ЦГА РМ, ф. Р-396, оп. 1, д. 2, л. 7.

¹⁹ ГАПО, ф. 303, оп. 1, д. 2, л. 24.

²⁰ **Зиновьев Е. А.** Указ. соч. С. 94.

Поступила 19.05.2003 г.

УДК 323.325:332(470.41)

*А. А. Иванов***АГРАРНАЯ РЕФОРМА НА ЛОКАЛЬНОМ УРОВНЕ:
СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЗЕМЛИ ПО-КРЕСТЬЯНСКИ
В ЦАРЕВОКОКШАЙСКОМ УЕЗДЕ
КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ (1918 г.)***

Термин «общинная революция», введенный в отечественную историографию с 1990-х гг., понимается большинством исследователей примерно как ряд поступательных действий крестьян-общинников по «затягиванию петли на своей шее» в результате «войны» (она велась в различных формах — от банальных потрав и порубок до захватов собственности, и не только земельной, совершения насилия вплоть до наиболее тяжких преступлений против личности) с окружающим обществом (помещиками, органами управления, участковыми землепользователями, соседними сельскими сообществами и т. д.)¹. Истоки подобной конфликтности прежде «мирных» сельских обывателей объясняются в литературе ситуацией «без царя», возникшей в бывшей империи после Февраля 1917 г. на пике обостренного желания добиться наконец-то веками ожидаемой справедливости, причем без учета интересов прочих слоев общества. Своего рода «производственной базой» для подобного поведения стали захват и перераспределение земельных ресурсов прежних собственников, к концу 1917 — первой половине 1918 г. оформленные законодательно (в последнее время такая процедура часто именуется «черный передел»). Именно эти действия рассматриваются по всем законам политэкономии как природообразующая часть «общинной революции».

На первый взгляд, предложенная схема вполне логична. Но как быть с огромными районами государства, не знавшими помещичьей собственности на землю? Аграрные реформы осуществлялись и в них. Точно так же и община не отказывалась от своей роли единственного распорядителя всей жизнью местной округи и первого авторитета для своих членов. Думается, что, несмотря на сложность характеристики стереотипов поведения деревенского социума накануне и в первые годы

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект 03–01–00248а/В.

после установления Советской власти по земельному вопросу (прежде всего и, пожалуй, главным образом), более емкое понятие «аграрная революция» (мы, разумеется, не претендуем на его авторство) наиболее приемлемо для анализа данной стороны истории крестьянства различных районов и этнических групп (возможно, и в «своих» хронологических рамках).

При этом не вызывает сомнения положение о постоянной борьбе 2 тенденций в революции: 1) крестьянском представлении о земле, праве на нее и труде на ней и 2) стремлении власти подчинить труд земледельца (как максимум) и самой принимать решение о конечном использовании полученных ресурсов (результатов сельскохозяйственного труда). По политическим мотивам власть периодически поворачивалась «лицом к крестьянству», пока после нескольких лет упорного противостояния, замешанного с ее стороны попеременно на умозрительных коммунальных схемах и экономической целесообразности, введением новой экономической политики — с вытекающим земельным законодательством — не предоставила самый долгосрочный «кредит» для реализации экономических возможностей общинников в истории советской деревни. Локальный уровень (уезд, волость) как нельзя лучше обрисовывает полную драматизма и далекую от общего знаменателя картину взаимоотношений селян и представителей органов управления, каждый из которых был абсолютно уверен в своей правоте. В настоящей статье предлагается опыт реконструкции наложения аграрного реформирования на поведенческую мораль территориально-хозяйственных организаций крестьян Царевококшайского уезда Казанской губернии в период действия Основного закона о социализации земли (до конца 1918 г.).

Уникальность (в масштабах губернии) Царевококшайского уезда в вопросах землепользования и структуры сельскохозяйственных угодий заключалась в том, что в нем повсеместно преобладали казенные земли (составляя вместе с удельными не менее 2/3 всего фонда), а доля помещичьего и другого ненадельного владения была ничтожной (около 2 % фонда). Более половины площади уезда покрывали леса, находившиеся в государственном распоряжении².

После Февраля 1917 г. крестьяне уезда (практически все — общинники по духу и хозяйственной деятельности), как и их товарищи из чисто хлебопроизводящих губерний и уездов, безусловно, приняли участие в аграрном движении. Его острие (после вовлечения в собственное распоряжение всех возможных нетрудовых земель сельскохозяйственного значения, среди которых преобладали так называемые столыпинские вы-

деленцы) было направлено на порубки, по терминологии ими же выбранных комитетов, — «хищничество» лесов, достигшее в первом и втором революционных годах огромных размеров. Некоторые перспективы увеличения своего землепользования местные общинники связывали с расчисткой лесов под пашню. Проблема поднималась на всевозможных местных форумах конца 1917 — первой половины 1918 г. Но в условиях государственной монополии на леса передача последних под сельскохозяйственные угодья отодвигалась в неопределенное будущее и в рассматриваемый период не решалась.

В происходивших на фоне общей демократизации в стране в годы революции совместных действиях сельских жителей конкретных сообществ необычайно возрос авторитет местной власти. И для этого совсем не обязательно было вести коллективную борьбу с помещиками. Веяния времени, доносившиеся до деревни из популярной агитации политических партий, рассказов соплеменников-фронтовиков, но главное — паралич органов управления в условиях смены власти, а соответственно, безнаказанность и ощущение возможности самореализоваться на сельском и волостном уровнях (впервые в истории) — укрепляли уверенность выборных и представительных самостоятельных организаций сельского населения в их праве сами быть властью, и даже более того — решать общегосударственные вопросы. Власть (независимо от партийной принадлежности) не допускала подобной мысли, но действовала не всегда решительно (для первой половины 1918 г.), поскольку сама себя считала властью народной и работающей для этого самого народа, исходя из чего не сразу смогла приобрести авторитет жителей подведомственной территории (в России власть и сила для деревенского люда традиционно были синонимами).

Одним из проявлений подобного противостояния стал вопрос о некоторых тонкостях реализации общероссийского и местного аграрного законодательства после принятия Основного закона о социализации земли (февраль 1918 г.). Крестьяне уезда в целом одобрили закон. Правда, они предложили и некоторые поправки к восьми из пятидесяти трех его статей³. По закону распределение земли между отдельными пользователями должно было производиться на уравнилельно-трудовых началах по местным потребительно-трудовым нормам. Во Временной инструкции переходных мер по проведению в жизнь закона о социализации земли (апрель 1918 г.) прямо указывалось, что земля должна быть разделена по едокам, но речь шла только о бывших нетрудовых землях. Надельные же зем-

ли стали объектом законотворчества местных (губернских и уездных) представительств и их выборных органов.

На проходившем в марте 1918 г. VIII Царевококшайском уездном съезде Советов крестьянских депутатов сельским обществам было предложено самим решать: производить весной передел земли по едокам или нет. В спорных случаях вопрос отдавался на усмотрение волостных Советов⁴. Однако на состоявшемся спустя несколько дней IV Казанском губернском съезде было принято решение: «С текущей весны сельские общества приступают к обязательному переделу наделенных земельных угодий». В случае, если общества не успеют переверстать яровые земли, необходимо было провести частичную передачу от многоземельных малоземельным, и обязательным должен был быть передел земли под паровую пашню⁵. Так возник юридический казус, типичный для регионального законодательства первых революционных лет. Уездные власти должны были подчиниться губернским и принять все меры к выполнению вышестоящих распоряжений. Но так не думали крестьяне конкретного уезда, уже высказавшие свою точку зрения на будущее (на 1918 г., а может, и на больший срок) поземельное устройство. Передел земли по едокам, а также наделение землей пришлых («неприписных») членов сельских обществ, примаков и «незаконнорожденных» детей стали тем камнем преткновения, вокруг которого развернулось противостояние местных властей и крестьян-общинников, ставшее хрестоматийным в историографии.

Противостояние шло с переменным успехом, но скорее в пользу сельских «обывателей», чем уездных властей. Сельские общества в большинстве своем отказывались делить землю по едокам и наделять ею пришлых. Фонды уездного и волостных Советов сохранили огромное количество спорных земельных дел, возникших именно на этой почве. Красноречивый случай (один из многих) произошел в Большеяшнурском сельском обществе Арбанской волости в мае – июне 1918 г. Крестьяне общества, несмотря на постановление губернского съезда о разделе земли по едокам, не собирались приступать к этой процедуре. По инициативе одного малоземельного в волостном отделе было направлено заявление с просьбой поспособствовать в данном деле. На место выехал член волостного земельного отдела. Как он сам писал в протоколе, им было созвано общее собрание, на котором присутствующие ознакомились с законом о социализации земли, постановлениями губернского съезда и инструкцией Наркомзема. В ответ, «несмотря на все предложения граждане дер. Большого Яшнура не соглашаются,

[заявляя], что при переделе земли по едокам мы обществом будем получать большой убыток, т. е. меньше урожая; и также [заявляя, что те, кто имеют землю] по числу едоков не могут засеивать свои поля и в свое время не могут платить подать». Через неделю на сельском сходе выступал уже член уездного земельного отдела. Он повторил все требования предыдущего оратора, но большеяшнурское «общество категорически заявило, что они не будут делить земли по наличным едокам». После того как представитель власти предупредил их об ответственности по закону, тогда они единогласно отказались поделить землю **согласно закону** (выделено нами. — *А. И.*)⁶.

Не всегда местные власти могли настоять на полной реализации аграрного законодательства, как это было в мае 1918 г. в Петриковской волости. В постановлении граждан д. Кугунер (составленном в присутствии председателей уездного исполкома, волысполкома и сельского Совета) о наделении землей 2 своих членов констатировалось: «Закон о социализации земли Российской Федеративной Советской Республики признать и [согласно] постановлению 4-го Казанского губернского съезда о проведении в жизнь § 21 о наделении примаков, наделить Белякова и Арсентьева землей наравне со всеми гражданами нашего общества. Никаких насильственных мер против них не принимать, а в случае, кто примет меры насилья, тот за свой поступок отвечает **сам** (выделено нами. — *А. И.*) пред судом революционного трибунала»⁷.

Уместно здесь привести и «выписку» из недельной давности приговора общего собрания того же общества: «...единогласно постановили приговор о выдворении примаков из села Пуялки Ивана Кузьмина Белякова и деревни Томшаровой Ефрема Арсентьева в том, что они имеют собственные отцовские земли; поэтому мы выдворяем их; имеем общий голос единогласно: не примем примаков и отстраняем их от голосования»⁸. Последняя проблема была остра не только в революционное время (на нее указывалось, например, в докладах уездного земельного комитета еще в самом начале 1918 г.)⁹. В дореволюционный период община очень редко наделяла земель генетически не связанных с ней членов. Поэтому традиционный взгляд общинников на «размывание» пришлыми элементами своего сообщества преодолевался очень трудно. Органы Советской власти справедливо усматривали в подобном консерватизме ущемление равноправия граждан, желающих хозяйствовать на земле. Тем более, что оно было составной частью социальной революции, «железными буквами» вписанной в официальное законодательство.

Больше проблем создавало местным властям несогласие сельских обществ на уравнильное распределение земли. Уездный земельный отдел поставил перед собой задачу: во что бы то ни стало добиться выполнения постановления губернского съезда. В течение года им была разслана серия распоряжений по волостным отделам, тон которых менялся от рекомендательных до жестко директивных. Еще в мае уездотдел «просил» волземотделы озаботиться выработкой формуляров для письменного оформления переделов земли, участвовать в работе сельских сходов и лично разъяснять правила по регулированию земельных отношений. В июне уездное ведомство уже «предлагало» принять все меры «к тому, чтобы передел наличной земли по едокам был произведен обязательно». В октябре терпение царвококшайских властей иссякло. Признав, что юридическая норма губернского съезда по-прежнему выполнена незначительно, уездотдел в очередной раз предложил волостным земельным отделам принять решительные меры к распределению земель сельских обществ по едокам. Для этого местным властям предоставлялись беспрецедентные даже в общероссийском масштабе полномочия: «...разъяснить населению тех сельских обществ, где передел еще не произведен, о необходимости совершения этого передела обязательно в настоящем году, не стесняясь тем, что часть земли находится под озимовым посевом; в том случае, если часть земли, находящаяся под посевом у одного из домохозяев, по расчету должна отойти к другому, то последний должен будет воспользоваться в будущем году и урожаем хлеба с этого участка, без уплаты за труд по обработке земли и стоимости семян, так как владелец такового несомненно принимал участие в давлении на несвоевременный передел земли и тем самым являлся виновником в неисполнении требования Советской власти»¹⁰. Не помогало и это. К концу 1918 — началу 1919 г. в 4 из 12 волостей уезда передел земли не был произведен вовсе, в остальных он затронул менее половины селений, но и тогда разверсточной единицей выступали не едок (как требовалось), а мужская душа, ревизская душа, работник и т. д.¹¹

До недавних пор для объяснения сложившейся ситуации не было необходимости пускаться в теоретические рассуждения. Виновники обозначались как бы сами собой: кулаки и их покровители — эсеры, засевающие в советских органах, срывающие все мероприятия большевистской власти. Современный уровень исторического познания с большей долей объективности может раскрыть проблему. Для этого в нашем случае (не отвергая зависимости производственной организации

деревенской жизни от ее социальной структуры, а в последнее время часто упоминаемой клановой стратификации сельских сообществ) достаточно обратиться к самим источникам. В докладе Краснококшайского уездного земельного отдела местному X съезду Советов (март 1919 г.) в разделе «О переделах земли» прямо назывались причины сложившейся ситуации: «Одной из причин к такому положению служило давление деревенских кулаков на малосознательный элемент, а главным же тормозом в этом деле являлась чересполосица между несколькими селениями; в этих случаях те из селений, в фактическом пользовании коих земли находится более, чем им полагалось бы, на добровольный передел не пошли, принудительных же мер принять не пришлось вследствие отсутствия указания о таковых»¹². Среди прочих причин выделялись также «сознательное подпольное влияние лиц, стоящих у власти сельского и волостного управлений, в большинстве случаев лично заинтересованных в этом деле», и «несвоевременное получение на местах распоряжений об этом и неясное толкование о его (передела. — *А. И.*) пользе»¹³.

Таким образом, историческое наследие: сложные земельные, фактически беспеределные и устоявшие перед всеми катаклизмами второй половины XIX — начала XX в. общины уезда — сформировало определенные стереотипы поведения деревенского социума в области земельных отношений, которые отчетливо проявились на фоне начавшейся с конца 1917 г. советской земельной реформы. Аграрная революция получила импульс для нетрадиционного (одного из многих) — «царевококшайского» — витка развития.

Примечания

¹ См.: **Бухараев В. М.** Российская смута начала XX века как общинная революция / В. М. Бухараев, Д. И. Люкшин // Историческая наука в меняющемся мире. Казань, 1994. Вып. 2; **Они же.** Крестьяне России в 1917 году. Пиррова победа «общинной революции» // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998; **Телицын В. Л.** Октябрь 1917 г. и крестьянство: поведенческий императив и хозяйственная обусловленность // Там же; и др.

² См.: **Иванов А. А.** Национализация земли и перераспределение земельного фонда в национальной деревне Среднего Поволжья до начала массовой коллективизации (на материалах Марийской АО) // Мар. археогр. вестн. 2000. Вып. 10. С. 103—104.

³ См.: Первая советская весна в деревне: Крестьянство Марийского края и земельный вопрос в 1918 году. Йошкар-Ола, 2002. С. 81—88.

⁴ Там же. С. 88.

⁵ Первая советская весна в деревне... С. 115.

⁶ Там же. С. 221–222.

⁷ Там же. С. 204.

⁸ Там же. С. 200.

⁹ Там же. С. 73–74.

¹⁰ Там же. С. 274–277.

¹¹ Там же. С. 306, 319–321.

¹² Там же. С. 330.

¹³ Там же. С. 319–320.

Поступила 18.04.2003 г.

УДК 316.343:63–051«653»(470.51)

В. А. Макшакова

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ КРЕСТЬЯН В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (по материалам Удмуртии)

За первые три с половиной года (октябрь 1917 г. — весна 1921 г.) в значительной мере определились облик Советского государства и направление его социальной политики. Политика и экономика были подчинены идее социалистической революции и строительства социализма. Крестьянству также отводилась немаловажная роль: оно должно было стать не только идеологическим «попутчиком основной движущей силы революции — рабочего класса», но социальной и материальной базой всех социалистических свершений. Отношение крестьян к возлагаемой на них ответственности было, как отмечают многие ученые, неоднозначным. Приспособление к новым структурам власти в среде крестьянства зависело от близости интересов экономического, социального и культурного характера. Это объясняет локальные варианты адаптации, обусловленные хозяйственными и этнокультурными особенностями крестьянского хозяйства, а также историческим прошлым. Любая региональная специфика приспособляемости к таким поворотным, выводящим на новый виток истории процессам, как становление и укрепление Советской власти, является уникальной и требует пристального внимания исследователя (особенно если помнить, что крестьянство составляло 97 % населения рассматриваемого региона¹). Важно учесть, как человек интерпретирует всю социально-политическую ситуацию, вырабатывает меры социальной защиты.

© В. А. Макшакова, 2004

Советская власть на территории Удмуртии была установлена в течение октября 1917 г. — апреля 1918 г. С этого времени начались разработка и частичная реализация мер, направленных на организацию социально-экономических отношений в деревне в русле социалистического строительства. Общность хозяйственных интересов Советов и крестьянских обществ позволила власти большевиков завоевать симпатии крестьянской массы. В деревне начали создаваться исполнительные комитеты волостных Советов крестьянских депутатов. Однако были и случаи разгона Советских органов и назначения новой власти. Часто происходила простая смена вывесок, а волостные управы оставались у власти в том же составе. Это позволяло еще на какое-то время старой волостной власти, состоящей преимущественно из зажиточных представителей деревни, сохранить функции управления.

Крестьянство Удмуртии было вовлечено в процесс передела земель, узаконенного актом большевистского правительства. Декрет включал в себя вековое требование крестьян об уравнительно-трудовом праве землепользования. Крестьянство, получив в безвозмездное пользование 1 958 229 дес. наделной земли и 303 848 дес. частновладельческой, было далеко от разрешения проблем малоземелья. В 1920 г. крестьянских хозяйств без посева насчитывалось 4,7 %, только к 1925 г. их количество удалось сократить до 1,8 %². Для развертывания этой сложной работы нужны были квалифицированные кадры, но их не хватало: даже к 1922 г. в области имелось лишь 12 землеустроителей, на 1 агронома приходилось более 100 деревень с 3—4 тыс. крестьянских хозяйств, разбросанных на площади более 500 км² земли³. Более того, передел земли обострил межнациональные отношения в деревне. Несмотря на узаконенное право Советов распоряжаться землей, община выступала важнейшей социально-экономической организацией крестьян. Осторожное в своих действиях, привыкшее полагаться на многовековой опыт удмуртское крестьянство осуществило передел земли, исходя из принципов общинного землепользования. Страх перед реальной угрозой голода был одной из причин консолидации крестьянства в рамках традиционной общины. Продовольственный кризис, который сложился в деревнях Удмуртии, заставил общину включить все свои защитные функции.

Введение продразверстки и монополии на хлеб значительно ухудшило отношение к Советской власти. Выполнение продразверстки в 1918 г. Елабужским, а в 1919 г. Сарапульским уездами обернулось многочисленными выступлениями крестьян,

доходившими в своих действиях до массовых убийств продуполномоченных. У некоторых крестьян складывалось мнение, что борьба за свои права на существование не завершена. Крестьянин Киясовской волости, например, выразился так: «У советской власти нет ни золотника правды. Воевать еще надо!»⁴.

Недовольство экономической политикой толкало крестьян на поддержку сил контрреволюции, что, в свою очередь, обращало на них гнев большевистской власти и впоследствии становилось компрометирующим аргументом, позволяющим дискредитировать деревню. Удмуртская политическая элита в лице Т. К. Борисова справедливо утверждала, что в стране в целом, а в Удмуртии в особенности, осуществляется неправильная политика в отношении крестьянства. Принцип диктатуры пролетариата понимается в корне неверно: не должен один трудовой класс стоять над другим трудовым классом⁵. Ошибочная социально-экономическая политика ухудшила адаптационные возможности, привела к отрицательной динамике приспособляемости.

Голод, начавшийся летом 1921 г., еще более обострил отношения между крестьянством и Советской властью. Все происходило в сложных условиях административно-территориального несовершенства молодой Удмуртской автономии. Лишенная внутренних источников финансирования, она находилась в полной экономической зависимости от центра, что мешало организовать эффективную и быструю помощь голодающему населению, основная доля которого приходилась на сельскую местность. Только за 1921 г. умерли 29 907 чел.⁶ В то же время надо отметить, что борьба с голодом впервые в истории России велась как широкомасштабная государственная кампания.

Если экономическая политика Советской власти в первые годы ее существования вызывала однозначный протест крестьянства, то с социальной стратегией партии большевиков дело обстояло иначе. Как отмечают большинство ученых, в удмуртской деревне слабее, чем в общероссийском масштабе, была выражена социальная дифференциация⁷. Еще в период жарких дебатов о национально-государственном самоопределении удмуртского народа Т. К. Борисов в своем докладе подчеркивал: «...У нас среди вотяков нет крупных капиталистов и кулацкого элемента сравнительно мало. Поэтому социальная революция среди вотского населения происходит более тихо, но зато она будет более затяжная»⁸.

Несмотря на социальную консолидацию в рамках общины, в связи с кризисом в политической и экономической сфере среди крестьянства возник социальный антагонизм. Фавори-

тизация бедноты как основная социальная линия политики партии большевиков наблюдалась с начала становления Советской власти. Антикрестьянская экономическая политика была бы невозможна в отсутствии того слоя крестьян, который бы помог осуществить мероприятия, связанные с изъятием продовольственных ресурсов. Однобокая, в русле классового подхода к реализации социальной программы, политика привела к разобщенности социально-экономических интересов крестьянства. Доносы стали обыденным явлением. Тот, у кого раньше приходилось просить помощи, теперь в свете новой социально-политической доктрины становился врагом и виновником всех несчастий. Декрет от 9 мая 1918 г. санкционировал передачу доносителям половины стоимости не заявленного к сдаче и реквизируемого по доносу хлеба. Волостные исполнительные комитеты принимали решения по обложению налога не в пользу имущих слоев деревни, перекладывая основную тяжесть налогового бремени на зажиточную часть, тем самым вовлекая ее на путь противостояния власти. Социальные противоречия становились руководством для вынесения решений на волостных собраниях. Приведем наиболее типичное постановление, наглядно демонстрирующее социальное расслоение деревни.

В повестке дня: изыскание средств на содержание комитета Ежеской волости.

Решение: товарищ Ходырев вносит предложение покрыть часть расходов обложением кулаков, торговцев и ремесленников, которые, вместо того, чтобы избираться в армию, своим обиранием потребителя нажили капитал. Предложение Ходырева собранием единогласно принимается. Выносится резолюция: поручить исполкому обложить торговцев, промышленников и ремесленников 3 % оборотного рубля, а остальную недоимку по смете (принятая смета — 16 250 руб.) разложить на население волости по количеству десятин земли.

Товарищи Костицын и Щуклин вносят предложение обложить подоходным налогом тех, кто пользовался отсрочкой во время войны⁹.

Практика вынесения подобных решений стала довольно частой. Поддерживаемая властными структурами беднейшая часть крестьянства имела больше шансов приспособиться к новой власти, так как всеми силами вовлекалась в структуры управления. Важным мероприятием для сельской жизни явилось создание комитетов бедноты. Предназначенные для помощи Советской власти в проведении продовольственной политики и социальной защиты бедняков, комбеды стали объектом нападков со стороны зажиточной части крестьянства. В

сравнении с другими регионами относительно большой слой удмуртских середняков не стал активным сторонником деятельности комитетов бедноты. Это осложняло выполнение возложенных на них задач, делало их уязвимыми перед нападениями зажиточных крестьян, в глазах которых комбеды были пристанищем лодырей, пьяниц и уголовного элемента.

Отрицательной динамике адаптационных процессов способствовало поведение продотрядов. Выражая волю власти, они часто действовали, как шайка разбойников, дискредитируя тем самым Советскую власть.

Любые революционные преобразования требуют живой молодой энергии. Скептицизм зрелого человека, склонность к рассуждениям уступают место способности к действию, которой обладает юношество. Интерес ко всему происходящему, осознание своего места в новом мире усиливали разрыв между старым и молодым поколениями. Студенты естественно-агрономического отделения провели в то время анкетирование с целью выявить влияние революции среди удмуртов, проживающих в сельской местности. Данные анкеты позволили сделать вывод, что активному вовлечению в процесс социалистических преобразований в большей мере была подвержена молодежь. Отмечались увеличение интереса к общественной жизни, изменение отношения к знахарям, участие молодых женщин в делах управления¹⁰.

Поведение молодежи, вовлеченной в структуры Советской власти, настораживало старшее поколение, в глазах которого происходили ломка традиционной социализации подрастающего поколения, разрыв преемственности духовных ценностей и, наконец, угроза потери рабочих рук, необходимых крестьянской семье. Секретно-оперативным отделом Вотского обкома заботливо изымались письма, адресованные молодым советским сотрудникам их родными. Вот одно из них: «Опять ты ходишь на различные собрания и еще попала в делегатки какая-то, что выдумала, кого спросила... не посоветовала со своими, можно было отказаться, смотри если что будут, то поздно, опять за старое, смотри, берегись меня пока не поздно откажись, они тебя хлебом не кормят»¹¹.

Вовлечению крестьянской молодежи в структуру советских органов способствовала политика национального образования. Даже в самый трудный период Гражданской войны открывались школы, в 1921 г. в вузы Москвы, Петрограда, Вятки и других крупных научных центров был командирован 221 чел.¹² Проводилась работа также по подготовке кадров со средним специальным образованием. Перед молодежью открывались

перспективы на будущее, которых старый режим дать не мог в силу своего великодержавного отношения к нерусским народам. Более того, удмуртская молодежь видела перед собой примеры для подражания: Т. К. Борисов, К. Герд, И. Векшин, А. Векшина (Ошальчи Оки). Это позволило части крестьянской молодежи найти свою нишу для самореализации и самоутверждения в процессе социалистических преобразований.

Взаимодействие и взаимопонимание крестьян и власти могло быть основано на оправдании последней надежд крестьянства. Рассматривая мероприятия Советской власти лишь с хозяйственной точки зрения, оно позволило нейтрализовать себя как политическую оппозицию и получить хотя бы частичный контроль над собой. Создалась ситуация культивирования в среде крестьян завышенных социальных ожиданий. Итогом первых преобразований в деревне, предпринятых Советской властью в условиях Гражданской войны, голода, явились многочисленные выступления крестьян. Обещание «защищать свое право на хлеб с топорами и вилами в руках»¹³ крестьяне реализовали по всей территории Удмуртии. Оставаясь единственной материальной базой социалистических преобразований, крестьянство в процессе своего противостояния вырабатывало адаптационные механизмы поведения, скорее похожие на вынужденное приспособление к сложившимся условиям и далекие от истинной интеграции в новую социально-политическую среду. Крестьянство, которому пришлось приспособляться к новым политическим реалиям, осваивало более рациональный тип поведения в сфере хозяйствования, в социальных отношениях. Взаимосвязь всех сфер жизнедеятельности очевидна, ибо взаимопроникновение их обеспечивает комплекс адаптационных процессов, завершение которых дает возможность утверждать об интеграции крестьян в новую социально-политическую структуру советского общества.

Классовый подход в осуществлении социальной политики имел огромное влияние на процесс адаптации крестьян к новым формам социально-экономических отношений. Социальное единство крестьян, несмотря на проводимую политику раскола, доказало свою жизнеспособность в форме традиционной общинной организации. Невмешательство новой власти в структуру общинных отношений обеспечило крестьянам относительно терпимые условия адаптации к социалистическим преобразованиям в деревне.

Адаптационные возможности крестьян зависели от объективных факторов: во-первых, от хозяйственной возможности преодоления кризисной продовольственной ситуации, сложив-

шейся в деревне и в целом по стране, во-вторых, от социально-структурной принадлежности, которая влияла на отношение большевиков к крестьянину: формировалась оценка его политической благонадежности, в-третьих, от психолого-возрастных особенностей, помогающих или противостоящих нововведениям.

Примечания

- ¹ Архив УИИЯЛ, д.105, л. 2.
- ² См.: **Шибанов К. И.** Социалистическое преобразование удмуртской деревни. Ижевск, 1963.
- ³ См.: **Куликов К. И.** Трокай. Ижевск, 1991. С. 117.
- ⁴ ЦГА УР, ф. Р-370, оп. 1, д. 120, л. 5.
- ⁵ См.: **Куликов К. И.** Трокай. С. 119.
- ⁶ См.: Вотская Автономная область (природа — культура — хозяйство). 1921 — 1926 гг. Ижевск, 1926.
- ⁷ См.: **Куликов К. И.** Удмуртия — субъект России. Проблемы экономики, политики национальных отношений. Ижевск, 1999; **Никитина Г. А.** Удмуртская община в советский период (1917 — начало 1937 г.). Ижевск, 1998; **Шкляев Г. К.** Удмурты. Ижевск, 1993.
- ⁸ Архив УИИЯЛ, д. 109, л. 51.
- ⁹ НОА УИИЯЛ УрО ОАН, оп. 2 Н, д. 105, л. 55.
- ¹⁰ Архив УИИЯЛ, д. 11, л. 1—12.
- ¹¹ ЦДНИ, ф. 16, оп. 1, д. 16. л. 11.
- ¹² См.: **Куликов К. И.** Трокай. С. 99; ЦГА УР, ф. Р-174, оп. 1, д. 88, л. 22.
- ¹³ Архив УИИЯЛ, д. 52, т. 1, л. 95.

Поступила 25.04.2003 г.

УДК 316.343:63—051“653”(470.42)

М. Д. Точеный

КРЕСТЬЯНСТВО КАК ОДИН ИЗ ОБЪЕКТОВ КРАСНОГО ТЕРРОРА В 1917—1920 гг. (по материалам Симбирской губернии)

Одним из слоев населения, на который большевики обрушили красный террор, стало крестьянство. Самарская исследовательница Ю. Ю. Аншакова, по нашему мнению, правильно отметила как общие, так и частные причины крестьянских восстаний в Симбирской губернии. Их много. Это и непомерно

© М. Д. Точеный, 2004

высокий уровень обложения крестьянского хозяйства, и развал торговых отношений между городом и деревней, негативно сказавшийся на жизни сельского населения, и процесс политической централизации, приведший к диктатуре на местах большевистских организаций, красноармейских и продовольственных отрядов. Целью восстаний, по ее мнению, было установление на местах крестьянского правления в форме достаточно самостоятельных Советов. Основным лозунгом чапанной войны, вспыхнувшей в марте 1919 г. на территории Симбирской и Самарской губерний, являлось требование «Долой коммунистов! Да здравствует Советская власть!». Реквизиции зерна и собственности довели жителей деревень и сел до отчаяния и озлобления¹.

Усугубляли положение в деревне местные руководители, которые самодурством, пьянством, грабежами толкали крестьян на вооруженное восстание. Губернское руководство во главе с И. Варейкисом было не способно оценить действия восставших крестьян. Оно искренне полагало, что организатором чапанного мятежа был желтый интернационал². Вот как интерпретировал эти события М. Гольман: «Деревенские кулаки стихийно разнуздались как недоученные матерые степные жеребцы и гнусно заржали во весь свой жеребячий рот. В один прекрасный день, в одно и то же время в Бектяшке, Новодевичьем, Белом Яру и Хрящевке были свергнуты Советы, избраны волостные старшины и завязались вооруженные столкновения с продотрядниками. Нами были получены телеграммы о зверской расправе с народными судьями и некоторыми членами Сенгилеевского исполкома, бывшими в этих селах по делам службы. Военными и гражданскими органами Советской власти были приняты меры, в результате которых от 4 указанных сел остались только одни названия. Бедноте и середнякам было предложено выйти из деревень, после чего в ожесточенном бою погибло несколько сот кулаков, а остальные разбежались по лесам. Кулацкий бунт раздавлен Красной армией беспощадно. Участие деревенской интеллигенции оставило также свои следы. Но зато теперь от этой деревенской интеллигенции, как и от кулаков, не осталось никаких следов. Для деревенских кулаков нужно создать концентрационные лагеря, чтобы они не лопались от обжорства. Всякие эксперименты гуманной жалости и сострадания к классовому врагу могут иметь место, когда классовый враг перестанет быть таковым. Грибы сморчки надо вырывать с корнем. Пусть кулачье помнит, что ни левые, ни правые эсеры, участие которых в этом бунте несомненно, не могут надеяться на декреты об амнистии»³.

Руководители симбирских большевиков старались подчеркнуть, что чапанным мятежом руководили правые или левые эсеры, а также белогвардейцы. Например, редактор «Известий Симбирского Совета» А. В. Швер утверждал: «При усмирении выяснилось, что крестьянство, участвующее в восстании, во-первых, состоит из кулачества, во-вторых, имеются данные, что восстанием руководят офицеры... беднота с негодованием относится к такому восстанию»⁴. На самом деле это было не так. Даже корреспондент «Правды» В. Виров, обзвывая серию мятежей в Поволжье, на Украине и в других районах страны, писал: «С глубокой болью в сердце приходится констатировать такие факты, что представители Советской власти на местах грубо попирают всякие законы и создают такую невыносимую атмосферу в деревне, при которой вполне естественно могут возникнуть всякого рода “кулацкие восстания”. А вещи творились поистине безобразные: реквизиции скота и излишков хлеба обращались в форменный грабеж и безнаказанный разбой, сборы чрезвычайного налога — в вымогательство, связанное с самым безобразными пытками. Никакие бы “кулацкие восстания” не имели бы места, если бы не было вопиющих злоупотреблений местными представителями Советской власти»⁵.

В. Виров был совершенно прав. В августе 1920 г. ревтрибунал рассмотрел в Симбирске дело о 19 организаторах чапанного восстания в с. Березняки Карсунского уезда. Члены революционного трибунала установили, что в марте прошлого года весь Карсунский уезд был охвачен пожарами крестьянских мятежей, стихийно возникших на почве недовольства отдельными представителями Советской власти, неумело подходившими к жителям деревень и сел. В гробовой тишине председатель ревтрибунала Румянцев огласил приговор: «Активные участники восстания приговариваются к расстрелу, но учитывая бедняцкое происхождение всех приговоренных, заменить расстрел заключением в тюрьму на разные сроки до 15 лет»⁶. Уже после развала СССР прокуратура Ульяновской области реабилитировала участников чапанного восстания, тем более что большинство восставших было расстреляно с формулировкой: «Вел антисоветскую агитацию»⁷. Поэтому Ю. Ю. Аншакова сделала аргументированное заключение, что «восстание вспыхнуло спонтанно и носило общекрестьянский характер. Эсеров и белых было слишком мало, чтобы как-то повлиять на характер чапанной войны»⁸.

После столь масштабного мятежа ЦК РКП(б) в мае 1919 г. направил в Симбирскую губернию М. И. Калинина —

благообразную фигуру, которая освящала самые страшные репрессии тоталитарного режима. Его речи крестьяне воспринимали с удовольствием: председатель ВЦИК обладал даром демагогии и лицемерия. Он обещал сельским труженикам, что «никакого давления и насилия со стороны партийных товарищей и правительства Советской республики не будет, что большевики несут лишь коммунистическое учение и что они сами должны многому у крестьян учиться». М. И. Калинин торжественно заверял крестьян, что «коммунистический строй никогда не будет насильно соединять их дворовое имущество, скот и прочее. Кто хочет — пусть соединяется. На крестьянское хозяйство никто не может покушаться». Председатель ВЦИК многократно подчеркивал в выступлениях на сходах: «Крестьянин, у которого две-три коровы, не может называться кулаком! Вычислено, что в среднем в губерниях на 100 крестьян — один кулак. А в Донской области средний крестьянин имеет 5 лошадей и 10 быков. Кулак тот, кто отдает деньги и хлеб в рост, кто постоянно прикупает землю, кто сам не трудится, а наживается на чужом труде». Последним перлом Калинина было заявление о том, что Советская власть поставила целью построить общество, в котором не будет чиновничества вообще: «Рабочие и крестьяне будут управлять страной сами; сегодня ты за сохой, а завтра управляешь волостью, уездом, губернией, государством. А послезавтра опять иди к сохе»⁹.

Как показала история Советского государства, речи председателя ВЦИК перед симбирскими крестьянами оказались не просто утопическими миражами, но злостным обманом. Например, приехавший из Москвы уполномоченный ВЦИК Каганович только за 3 дня арестовал в Ключищенской и Подкуровской волостях сразу 300 кулаков¹⁰. Голод же 1921—1922 гг. был вызван в значительной мере расстрелами хозяйственных зажиточных мужиков и поголовным ограблением крестьян.

РКП(б) сразу нашла формы объединений крестьянства, которые достаточно легко контролировать, используя террор. Незадолго до этого В. И. Ленин с гордостью говорил, что они провели в жизнь аграрную программу эсеров, идя навстречу пожеланиям крестьян. Но уже в начале 1919 г. большевистские газеты запестрели материалами о новых видах организации сельских тружеников. И. Варейкис заявил 15 января в газете «Пролетарий», что крестьянам хватит ютиться в старом эсеровском шалаше уравнительного землепользования, пора заложить каменный фундамент крупной сельскохозяйственной промышленности. Под новой основой он имел в виду проведение

«социальной революции» в организации производства на селе. Выступая 18 января на VII губернском съезде Советов, И. Варейкис пояснил, что путь к успеху — создание сельскохозяйственных коммун, «которые были бы подчинены государству»¹¹. Через 2 дня в речи на этом же форуме лидер симбирских большевиков подчеркнул, что создание сельскохозяйственных коммун — единственный путь решения всех деревенских проблем. А 9 февраля И. Варейкис в присутствии ему жестком и безапелляционном стиле заявил, что при истреблении кулачества и при вступлении всех бедняков в коммуны «мы добьемся полной свободы». Он поставил задачу: новые объединения крестьян должны начать вспашку земель уже весной нынешнего года¹².

Красный террор был направлен фактически против всего населения России: он не ограничивался классовыми и партийными рамками, национальными признаками, возрастом и полом. Диктатура какой-либо партии, как показывает исторический процесс, всегда приводит страну к трагедии. Она становится еще более ужасающей, если представители деспотичной власти не обладают знаниями и опытом управления. Поразительно, но Симбирской губернией в 1918—1920 гг. руководили 110 ведущих коммунистов, из которых лишь один имел высшее образование.

Примечания

¹ См.: **Аншакова Ю. Ю.** Крестьянские восстания в Среднем Поволжье в 1918—1920 годах: Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1998. С. 97—98.

² См.: Изв. Симбирского Совета. 1919. 11 марта.

³ Пролетарий. 1919. 14 марта.

⁴ Изв. Симбирского Совета. 14 марта.

⁵ Цит. по: Известия Симбирского Совета. 26 апр.

⁶ Заря. 1920. 28 авг.

⁷ См.: Книга памяти жертв политических репрессий. Ульяновск, 1996. С. 497—522, 735 и др.

⁸ **Аншакова Ю. Ю.** Указ. соч. С. 122.

⁹ Заря. 1919. 24, 29 мая.

¹⁰ Там же. 13 сент.

¹¹ Пролетарий. 1919. 22 янв.

¹² Там же. 9 февр.

Поступила 28.04.2003 г.

УДК 316.343:63–051“653”–055.2

*О. А. Тарабрина***РОЛЬ ЖЕНЩИН-КРЕСТЬЯНОК
В СОБЫТИЯХ 1918—1920 гг.**

В современной историографии проблемам проникновения женщин в общественную жизнь уделяется мало внимания. Гендерный подход в изучении Гражданской войны, ее женское восприятие являются очень актуальной темой, причем совершенно не изученной. В центре данной проблемы — конкретно-исторический контекст повседневности российских женщин, образующие его обстоятельства, рассмотрение модели формирования жизненных принципов, поведение женщин в сложнейшей ситуации. Благодаря событиям революции 1917 г. женщины получили возможность проявить себя в качестве одной из действующих сил Гражданской войны.

Поддержка большевистской революции крестьянством Поволжья была вполне закономерной, поскольку земледельческие районы издавна отличались засильем помещичьего землевладения, сохраняли полукрепостнический режим и всегда выделялись активным крестьянским антипомещичьим движением. Победившая революция переросла в Гражданскую войну, бедствия которой крайне осложняли отношения между крестьянством и большевистской властью вплоть до массовых восстаний. Поволжье стало одним из наиболее крупных районов, охваченных крестьянским движением 1919—1920 гг.

Как правило, крестьяне выступали в защиту своих священников и сельской церкви, против насилия и притеснений со стороны местной власти. Однако подавляющее большинство крестьянских восстаний и в 1920 г. возникало на почве недовольства продовольственной политикой и другими действиями Советской власти.

В этот период по всей территории Поволжья действовала система агитации. Из известных нам женщин, бывших агитаторами в Поволжье, назовем Дмитриеву и Смирницкую. В их обязанности агитаторов входила пропаганда идей большевиков и Советской власти среди крестьянского населения. Дмитриева также собирала сведения для укома РКП(б) о злоупотреблениях комитетов бедноты при сборе чрезвычайного налога¹. Смирницкую постигла тяжелая судьба: она была зверски убита мятежниками в Сызранском уезде Самарской губернии².

Такие действия со стороны восставших крестьян проводились неоднократно. Их жертвами становились не только агитаторы, но и учителя, жены красноармейцев³.

Гражданская война известна не только общими восстаниями крестьян. В с. Мосты, Тягло-Озерское и Михайло-Овсянка Самарской губернии происходили женские восстания⁴, которые были сразу ликвидированы. Причиной послужили неоставление семян, конфискация другого имущества, которая налагалась за невыполнение продразверстки. Многие женщины начинали открыто протестовать против военных действий, требуя вернуть домой мужчин, объединялись в различные военные отряды, например, террористический отряд Марии Никифоровой. Анархистка по убеждениям, она привлекала женщин антибольшевистскими и антисоветскими лозунгами. Активное участие М. Никифорова принимала в махновском движении⁵.

Незначительные волнения происходили всецело на почве трудного экономического положения крестьянства, грубых обращений продработников и милиции при выполнении разверсток. Особенного вреда волнения не принесли, проводились они небольшими группами. В некоторых из них большинство составляли женщины-красноармейки, но вообще во всех группах участвовало в основном беднейшее крестьянство под руководством нескольких кулаков. Продолжались они несколько часов и ликвидировались мирным путем, без жертв⁶.

Засуха, гибель урожая и голод, поразившие Поволжье, крайне затрудняли возвращение участников повстанческого движения к обычной крестьянской жизни. Многим возвращаться было не к чему, и это продлеvalo существование вооруженных отрядов, действия которых ограничивались налетами на продовольственные склады и гарнизоны мелких поселений, маневренными рейдами из района в район под давлением превосходящих воинских сил. В обозах этих отрядов следовали жены, дети, родственницы командиров и бойцов. Как говорил военный прокурор И. М. Калинин, устанавливался «бабий фронт»⁷, который был крайне неустойчивым и все время продвигался вперед. Все эти женщины вместе со своими мужчинами требовали квартир, подвод, продовольствия.

Колоссальное влияние на положение крестьянства, а именно женщин-крестьянок, оказывало государство, местные органы власти. Оно распоряжалось судьбой их мужей, вовлекая тех в гражданские распри. Иногда получалось, что мужья воевали за белых, а в это время большевистские агитаторы прививали их женам идеи Советской власти. Были случаи, когда мест-

ные органы власти, комитеты бедноты распоряжались судьбой незамужних женщин. В Симбирской губернии комбед ввел национализацию молодых женщин: члены комитета отдавали их своим приятелям, не считаясь ни с мнением родителей, ни с требованием здравого смысла⁸. Женщина не имела права голоса, не могла самостоятельно отстаивать свои права перед государством. На произвольные мероприятия комбедов В. И. Лениным была отправлена телеграмма в губисполком с требованием провести расследование и наказать зачинщиков. В дальнейшем проведение этих акций было крайне ограничено, а затем ликвидировано.

Точное определение политики большевиков во время Гражданской войны дал И. Эренбург: «Большевики разрушили государство, общество, церковь... Возвели в культ Гражданскую войну и повседневное убийство... Никогда насилие не культивировалось с такой страстью, как в дни “диктатуры пролетариата”»⁹.

Крестьяне в начале 1918 г. вступали в стадию борьбы за право быть хозяином на земле, свободно распоряжаться результатами своего труда, против крайне тяжелых государственных повинностей, связанных со снабжением продовольствием города и армии, мобилизациями и обеспечением нужд фронта. Все эти повинности оказались объективно неизбежными в условиях Гражданской войны. Большевики, опираясь на комитеты бедноты и вооруженные отряды рабочих из голодавших промышленных центров, добивались «высоких» результатов. С помощью силы они взяли из деревни хлеб и солдат для Красной армии. Ответной реакцией на подобные действия Советской власти стало массовое крестьянское сопротивление. Оно заключалось в противоборстве крестьян политике Советской власти и большевистской партии. Действия и восставших, и карательных экспедиций отличались крайней жестокостью. Редкие призывы к взаимопониманию и взаимопрощению тонули в многоголосице доведенных до отчаяния крестьянских масс и свирепости усмирителей. Ожесточенные толпы мятежников убивали тех, кто имел какое-либо отношение к большевикам, к власти Советов. Особую неприязнь восставшие испытывали к учителям: убивали и мужчин, и женщин, причем к последним были наиболее жестоки. Так, в с. Старый Кувак учительницу перед тем, как убить, предварительно сильно покалечили ножом¹⁰. Подобные случаи зверства были повсеместны.

Гражданскую войну, как и любую другую, характеризует падение нравственности. Рост проституции наиболее заметен

в этот период. Многие крестьянки, которые уезжали из деревни в город, не могли найти там работу и были вынуждены следовать за боевыми отрядами. Прекратила существование легальная проституция¹¹. В Самаре вопрос о мерах борьбы с проституцией решал исполнительный комитет Самарского Совета рабочих и красноармейских депутатов. Было постановлено образовать комиссию представителей отдела здравоохранения для разработки мер борьбы с проституцией как очагом заболеваний. Также губисполком отменил постановление о заключении проституток в концентрационные лагеря, считая этот способ малоэффективным¹². В годы войны проституция распространилась очень широко: этому способствовало военное положение.

Гражданская война сильно повлияла на положение женщин: они начали отстаивать свои права перед окружающими, государством, менять поведение. Идеи равенства дали им возможность выразить недовольство политикой Советской власти, участвуя в восстаниях с требованиями изменения курса правительства. В то же время женщин убивали за их принадлежность к правящей партии. Права их ущемлялись, они подвергались насилию как со стороны мужчин, так и со стороны государства. Рост проституции и массовые убийства ярко показывают, насколько безнравственной была Гражданская война. Особенно жестоко она проявила себя в сельской местности, среди крестьян.

Примечания

¹ См.: Крестьянское движение в Поволжье. 1919—1922 гг. М., 2002. С. 52.

² Там же. С. 145.

³ См.: Крестьянское движение в Поволжье... С. 105, 383, 621.

⁴ Там же. С. 627.

⁵ См.: **Махно Н. И.** Воспоминания. М., 1992. С. 80—83.

⁶ См.: Крестьянское движение в Поволжье... С. 610.

⁷ См.: **Калинин И. М.** Под знаменем Врангеля: Заметки бывшего военного прокурора. Ростов н/Д., 1991. С. 119.

⁸ См.: Крестьянское движение в Поволжье... С. 55.

⁹ Киевская жизнь. 1919. 5(18) сент.

¹⁰ См.: Самарское Поволжье в XX веке. Самара, 2000. С. 216.

¹¹ См.: **Калинин И. М.** Указ. соч.; **Лебина Н. Б.** Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920—1930 годы. СПб., 1999.

¹² См.: Самарское Поволжье... С. 157—158.

Поступила 17.04.2003 г.

УДК 316.343:63 – 051“653”

*Т. В. Еферица***СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
КРЕСТЬЯНСТВА В 1920-е гг.:
МАКРОУРОВНЕВЫЙ АНАЛИЗ**

В советской историографии Октябрьская революция являлась общепризнанным хронологическим рубежом. Впрочем взятие какого-либо закона в качестве точки отсчета было характерно для историков еще XVII – XVIII вв. В современной отечественной науке, как и среди подавляющего большинства зарубежных советологов, этот подход сохраняется, и историю России делят на «дореволюционную» и «послереволюционную», причем вне зависимости от предмета исследования. Однако мы отдаем себе отчет в том, что закон не всегда служит отражением объективно сложившихся «новых» условий. Чаще всего любой закон идет впереди действительных событий, знаменуя собой новую идеологию, концепцию общественного развития. Особенно зримо это проявляется при анализе истории социальных процессов и институтов с точки зрения генетического подхода. Конкретным подтверждением выступает история крестьянства в первое десятилетие Советской власти. Традиционные проблемы крестьянской повседневной жизни (малоземелье, малообеспечиваемость, пожары, отсутствие инвентаря, тягловой силы, семейные неурядицы, тяжелые болезни, инвалидность, престарелые родители и малые дети, обрядовая сторона, уборка урожая и др.) обострились, а кризисная ситуация в масштабах страны и Советская власть высветили новые проблемы (голод, налоги, коллективизация). В данной статье мы коснемся вопросов социально-экономических проблем крестьянства и попытаемся очертить структуру модели его социальной поддержки.

Проблема малоземелья была основной причиной революции в деревне. С приходом к власти большевиков началось земельное перераспределение. В декабре 1917 г. волостные земства стали решать вопрос о земле, экспроприированной у владельцев, однако в период «слабой власти» они плохо справлялись с задачами охраны частновладельческой земли, лесов и их распределения. Волостные, уездные, губернские земельные комитеты были созданы в соответствии с декретом от 4 декабря 1917 г. Они приступили к распределению земли по уравнитель-

ному принципу — по душам обоего пола и вне зависимости от возраста. Комитеты ведали также ссудами на приобретение семян, арендой земли и рабочего скота, распределением леса. Весной 1918 г. в губерниях и уездах прошли съезды крестьянских депутатов, которые утвердили план распределения земель сельскохозяйственного назначения согласно закону о социализации земли. В этих целях созывался уездный крестьянский съезд, в состав которого включали по одному представителю от каждого сельского общества, земельного товарищества. Затем отведенную для волости землю распределяли между сельскими обществами, земельными товариществами и другими коллективами. Волостной крестьянский сход, в который входили по равному числу представители сельских обществ, товариществ и других земельных коллективов и весь волостной земельный комитет, переданную землю распределяли между поземельными обществами, коллективами и товариществами.

Распределение между отдельными хозяевами осуществлялось под наблюдением волостного земельного комитета. Сам способ распределения решался внутри общества самостоятельно. Непременно наделялись землей наличные земельные хозяйства, в том числе и безземельные, как приписные, так и неприписные, оседло живущие и принадлежащие к составу местного населения сельскохозяйственные рабочие. Лица, продавшие часть или целиком свои наделы вследствие крайней нужды, должны были также получить при распределении земли полные наделы. Продавшие же свои наделы или часть их без крайней к тому необходимости дополнительного наделения лишались. К началу августа 1918 г. почти вся паровая земля была уже распределена и земельные споры были редким явлением¹. В некоторой степени вопрос малоземелья на тот период был смягчен, однако ситуация аграрного перенаселения объективно не позволяла решить его окончательно и он постоянно вставал в последующие годы. По секретным данным 13-й партийной конференции, оставался значительный процент малопосевных групп крестьянских хозяйств (табл. 1).

Таблица 1

Удельный вес разных группировок крестьян, %*

Группировки крестьянских хозяйств	1923 г.	1924 г.
Без посева	5,3	—
Малопосевные (2 — 3 дес.)	43,0	37,1
Среднепосевные (до 10 дес.)	48,9	55,1
Многопосевные (свыше 10 дес.)	2,8	3,5

* Таблица составлена по: РГАЭ, ф. 478, оп. 1, д. 1815.

После первого распределения земель основными проблемами стали чересполосица, узкополосица, дальнотемелье, частые земельные переделы, нормы наделения землей. Ведущий экономист, постоянный эксперт Народного комиссариата земледелия (НКЗ) П. Маслов заметил, что «чем плотнее земледельческое население и чем при этом экстенсивнее земледельческое хозяйство (государство), тем сильнее проявляется стремление к уравнительному землепользованию с обязательным севооборотом»². В 1921 г. НКЗ стал пропагандировать практикуемый в Тамбовской губернии метод распределения земли: в местностях с достаточным земельным запасом нормой наделения следовало считать исчисленную эмпирико-статистическим путем на основании данных о чистоземледельческих хозяйствах. Там, где такой возможности не было, — целесообразнее исчислять норму с поправкой до среднеарифметической. Сам размер нормы наделения надо было рассчитывать по наличным душам, едокам обоего пола. При этом каждого нетрудоспособного члена семьи возрастом до 12 лет или больного следовало считать за 1/2 едока; каждого члена семьи от 12 до 16 лет — за 3/4 едока, свыше 16 лет — за 1 едока. Если в семье имелись только нетрудоспособные, то на каждого отводилось по 1/2 количества земли на едока³.

Наркомзем принимал меры к урегулированию и ограничению переделов земли. Действующий Земельный кодекс разрешал уравнительные переделы в обществах с общинным порядком землепользования и указывал сроки севооборота с полным переделом, а также учитывал частные переделы в виде скидок-накидок (1 раз в течение 1 севооборота). Однако декрет не соблюдался на местах, и в Наркомзем шли письма крестьян с возмущениями: «... требования общего передела на практике сводятся к отобранию земли у старательного меньшинства унавоженных земель... а унавоженные земли часто попадают в руки не имеющих инвентаря, лодырям, недавно прибывшим, и в результате хорошие полосы запускаются, а старательные хозяева принуждаются к использованию истощенных участков...»⁴. 30 апреля 1925 г. было принято постановление пленума ЦК РКП(б) о прекращении частых переделов, противоречащих Земельному кодексу⁵. По всей России шла агитация перехода на широкие полосы, отмечался подъем выхода на отруба (особенно за хутора — так выступали зажиточные крестьяне).

По мере укрепления власти на местах все активнее стал внедряться принцип социально-классового подхода в вопросах землеустройства. Так, 18 ноября 1924 г. было принято решение,

одобренное всеми заинтересованными структурами, «о проведении на местах классовой линии в вопросах землеустройства, обслуживании бедняцко-средняцких слоев, зажима кулацких, земельных выделов, запрещении хуторов и развитии товарищеских форм землепользования... госбюджетное землеустройство коллективов и беднейших слоев деревни»⁶. Таким образом, после первого революционного перераспределения земли (помещичьей, монастырской, казенных и т. п.) настало время второго перераспределения внутри самого крестьянства — от наиболее обеспеченных к наименее. Тем самым искусственно создавалась новая конфликтная зона в крестьянском мире.

На всем протяжении данного периода налоги являлись одной из серьезнейших проблем в крестьянском хозяйстве, хотя их действие было разным. Так, годы продразверстки воспринимались крестьянами как экстремальная ситуация, которая выжимала из деревни все силы. Власти понимали, что крестьянству требуется передышка после системы продразверстки и трудгужповинности 1920 — 1922 гг., продналога 1921 — 1922 гг., продналога и неурожая 1921 г. и неурожая последних 2 лет. Натурналог требовал больших затрат по взиманию и доставке, к тому же имелись утечка, воровство, выбраковка и порча продуктов. Крестьяне возмущались: «... скоро вы ползете в скворечник скворца облагать... налоги прижали настолько, что на лапти не осталось...»⁷. В 1922 — 1923 гг. система натуральных налогов была заменена единым натуральным налогом. Такой шаг, безусловно, упростил налогообложение, сбор налогов. И самим крестьянам проще стало выполнять налоговые обязательства перед государством. Единый натуральный налог являлся базовым, но не основным. На тот период действовали также единовременный общегражданский налог на восстановление сельского хозяйства и ликвидацию последствий голода, трудовой, гужевой, подворно-денежный налог и другие в порядке самообложения. Затем декретом ВЦИК и СНК от 10 мая 1923 г. был введен единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН), который стал основным для крестьянских хозяйств на протяжении 1920-х гг. Декрет положил начало переходу от модели натурального налога к смешанному — натурально-денежному обложению с перспективой на денежную модель. Однако надо иметь в виду, что государство, кроме того, активно использовало механизмы косвенного обложения населения, в 20-е гг. оно стало в обязательном порядке производить страхование населения и его имущества. Сохранились волостное и сельское самообложение, промысловый налог,

подходядно-имущественный, гербовый сбор, наследственные пошлыны, рента, погашение ссуды.

Изменения налогового законодательства начала 20-х гг., анализ бюджетов крестьянских хозяйств территории Мордовии свидетельствуют о том, что доля налогов в доходной части хозяйства в среднем снизилась на 17 %. Вместе с тем Советская власть активно пользовалась механизмом перераспределения налогов с «бедняков, маломощных крестьян на зажиточных». Так, в 1923—1924 гг. крестьянское хозяйство в среднем платило 8,7 % условно-чистого дохода, тогда как малопосевные группы отчисляли от 4,4 до 7,4 %, многопосевные — свыше 12 %⁸. В материалах НКЗ за 1924 г. под грифом «совершенно секретно» был дан краткий обзор состояния села по материалам выборочного обследования: «...у кулацкого хозяйства, даже после раскулачивания, осталось достаточное количество инвентаря и тягловой силы. Земля у него лучше по качеству и по месту расположения. Средний урожай у него, вследствие наличия живого и мертвого инвентаря и своевременной обработки полей, выше обыкновенно в 1,5 — 2 раза, чем у середняка, и в 2 — 2,5 раза, чем у бедняка. В связи с этим кулацкое хозяйство, несмотря на недороды, не только не испытывает недостатка в хлебе, но и в состоянии выбросить на рынок большое количество зерновых продуктов. Налог для него не тяжел, в процентном отношении к валовой продукции ниже, чем у бедняков. На бедняках и недород, и налог сказались сильно. Бедняки испытывают острую потребность в обеспеченности инвентарем и тягловой силой, отмечается разбросанность земли. Бедняк повсеместно идет внаем к кулаку за инвентарь или сдает землю в аренду (до 50 % всех безлошадных хозяйств). Урожайность низкая. Налог тяжел. Если его выплатят, то 30 — 40 % хозяйств разорятся. Своего хлеба не хватает, и с февраля — марта вынуждены хлеб покупать. Некоторую помощь оказывает семссуда, однако процент возврата очень высок (10 ф. с пуда). Средняки: ставки налога для [них] гораздо выше, чем для бедняцких. Следовательно, налог очень тяжел: [он] приводит к дальнейшей дифференциации на селе — укреплению кулацких хозяйств, обеднению середняков, разорению бедняков»⁹.

Восстановление внутреннего рынка, стабилизация финансовой системы, укрепление государственного сектора, благоприятная экономическая ситуация в стране позволили в 1924/25 г. перейти к сбору единого сельскохозяйственного налога в денежной форме. В конечном счете продуманное налогообложение

привело к снижению суммы налогов и поднятию крестьянского хозяйства. Так, его общая доходность на территории Мордовии в 1924/25 г. составляла 259 руб. 91 коп., в 1925/26 г. — 395 руб. 08 коп. Доходность крестьянского хозяйства от сельскохозяйственного производства в 1924/25 г. равнялась 63,5 %, в 1925/26 г. — 66,5 %. Размер уплаченных налогов в 1924/25 г. в среднем на 1 крестьянское хозяйство составил 4,2 % к условно-чистому доходу, а в 1925/26 г. — 1,3 %. Проводившийся в Советском государстве социально-классовый подход в системе налогообложения привел тому, что процент налогов к условно-чистому доходу колебался от 0,33 до 3,59: первые две группы платили 1 %, группы с посевом от 2,1 до 10,09 дес. — от 1,2 до 1,5 %, предпоследняя группа — 2,4 % и последняя (свыше 16 дес.) — 3,59 %.

Таким образом, налоговое бремя населения значительно понизилось по сравнению с годами «военного коммунизма» и первыми годами нэпа. Ослабление налогового давления на крестьянское хозяйство привело к увеличению его основных капиталов. Их стоимость в среднем на 1 хозяйство составила в 1923/24 г. — 718,53 руб., в 1924/25 г. — 723,87 руб., в 1925/26 г. — 724,97 руб. В целом в 1924/25 г. и следующем 1925/26 г. происходило абсолютное сокращение налогов. В этот период процент изъятия дохода деревни достиг низшего предела (7,6 и 6,9 %), что благоприятно влияло на товарность крестьянского хозяйства и на социальное самочувствие крестьян. В 1926/27 г. Советская власть углубляла принцип дифференцированного подхода при налогообложении, развивала перераспределительную систему. На апрельском пленуме 1926 г. ЦК ВКП(б) актуализировал задачу построения такой системы обложения крестьянского населения, которая, облегчая налоговое бремя для маломощных слоев крестьянства, по своему типу максимально приближалось бы к системе подоходного налога. В связи с этим принятый закон о ЕСХН на 1926/27 г. вводил обложение по «совокупности доходов», т. е. исчисление налога производилось не в натуральных, а в денежных единицах. Таким образом, изменения в 1926/27 г. ЕСХН предусматривали усиление прогрессивности и освобождение от налога бедноты.

Исследователь В. В. Кондрашин справедливо указал на то, что «в крестьянском менталитете голод занимает важное место... принцип жизни “выжить” определяет мотивацию поведения крестьянской семьи... в сознании крестьян отмечается мистификация слова “Царь-голод”»¹⁰. Страшным бедствием для крестьян 20-х гг. стали засуха, голод 1921 г. и неурожаи пос-

ледующих двух лет. НКЗ СССР по степени сложности ситуации выделил 4 группы пострадавших районов страны:

1) признаны голодными со всеми вытекающими из сего последствиями: Татарская Республика, Марийская, Чувашская, Вотская обл., Симбирская, Самарская, Уфимская губ., Башкирская Республика, Саратовская губ., область Немецкого Поволжья, Царицынская, Астраханская губ., Калмыцкая обл., Вятская губ. (ряд уездов), Пермская губ., Крымская Республика (ряд уездов), 6 губерний Киргизской Республики;

2) признаны неурожайными с распространением на них льгот п. 7 декрета о натуралоге для голодных губерний: уезды Екатеринбургской, Тюменской, Омской, Ставропольской, Терской губ.;

3) признаны неурожайными с применением к ним декрета от 3 августа 1921 г. об отсрочках семсуды на 1923/24 г. и отсрочках недоимок по продналогу 1921 г.: уезды Пермской, Тюменской, Екатеринбургской, Воронежской губ.;

4) признаны неурожайными и нуждающимися в помощи без применения последующих льгот: уезды Екатеринбургской, Пензенской, Нижегородской, Тамбовской губ., Кабардинской и Донской областей¹¹.

Всего были признаны пострадавшими 37 327 тыс. чел., особо остро голод коснулся 23 227 тыс. чел., что составляло 32,2 % ко всему населению Российской Федерации (табл. 2).

Таблица 2
Число сельского населения в пострадавших губерниях, чел.*

Губерния	Население
1	2
Самарская	2 343 877
Симбирская	1 481 494
Пензенская	1 595 174
Саратовская	2 628 867
Марксшадтская	419 042
Вятская	2 546 817
Чувашская	362 436
Марийская	529 959
Александровская	1 302 400
Уральская	784 700
Симферопольская	370 700
Николаевская	15 651 000
Рязанская	2 015 375
Тамбовская	3 142 902
Челябинская	1 157 436
Татарская	2 420 320
Екатеринославская	2 547 300
Ставропольская	10 966 125

Окончание табл. 2

1	2
Нижегородская	1 555 043
Пермская	1 293 341
Костромская	1 001 004
Одесская	137 600
Астраханская	267 482
Курская	2 513 147
Воронежская	283 929
Уфимская	2 345 812
Царицынская	391 590
Красно-Черноморская	2 446 858
Вологодская	835 412
Донская	1 801 195

* Таблица составлена по: РГАЭ, ф. 478, оп. 1, д. 2120, л. 1.

Как справедливо заметил советолог М. Левин, жизнь людей зависела от собранного урожая. При скудных запасах все надежды семья возлагала на будущий сезон, а плохой урожай грозил обернуться настоящей катастрофой¹².

Во время неурожая в Поволжье Комиссия помощи сельским местностям при ВЦИК была преобразована во Всероссийский ЦК помощи голодающим. Его основные задачи: согласование, объединение, руководство и усиление работы наркоматов. На местах создавались областные, губернские, уездные и волостные комиссии помгола. Жесткое государственное регулирование рынка и перераспределение средств способствовали проведению эффективной работы, только за 1921 г. на обсеменение озимых полей в голодных губерниях в яровой посев было затрачено 33 млн пуд. (528 тыс. т) ржи, на закупку сельскохозяйственной техники, переброску картофеля, эвакуацию части населения (377 353 чел. рабочей силы, 130 655 беженцев, 50 788 выселенцев, 22 557 детей), организацию продовольствия (общественное питание, столовые) — 12 млн пуд. (192 тыс. т) хлеба. Частные пожертвования в РСФСР составили 25,5 млрд деньгами и продуктами 1 160 650 пуд. (18 570 т) хлеба и 710 776 пуд. (11 372 т) другого продовольствия¹³. Всего за период продовольственного кризиса помощью было охвачено 22 965 657 чел., из них 19 515 282 чел. сельского населения, 3 245 575 — городского; беспризорных детей — 534 884, инвалидов труда — 4 457, других — 42 840, войны — 16 395, беженцев — 178 444, безработных — 147 850. Всего хозяйств — 3 836 253, без рабочего скота — 1 636 055 (42,7 % ко всем хозяйствам), без посева — 397 915 (10,4 %) ¹⁴.

В результате политических и экономических катаклизмов начала Советской власти снизился уровень жизни крестьянского населения, ухудшилось его питание. С 1921 по 1929 г. ежегодно организовывались весенние выборочные обследования крестьянских хозяйств — так называемые окрасы — с целью получения данных о размерах посевных площадей (состав земельных угодий, аренда, промыслы, скот, птица, рынок). Бланки монографического бюджетного обследования крестьянских хозяйств включали: историю хозяйства, состав семьи, денежный баланс, посев и сбор хлебов, работу в полевом хозяйстве, характеристику усадьбы, скотоводство, инвентарь и имущество, а также структуру питания¹⁵.

В 1920 г. нормы потребления среди крестьянства были ниже норм мирного времени и составляли 3 365 кал в среднем в день на взрослого едока в потребляющих районах и 3 856 кал — в производящих. В феврале 1921 г. — 3 280 и 3 638 кал соответственно, а в голодающих — 2 478 кал¹⁶. Наркомпрод определил норму «голодного пайка» — 877 кал для взрослого и 706 — для ребенка. Последствия голода продолжались сказываться и в 1923 г. Калорийность питания достигала только 74 % нормы. Так, к категории «бедный» (по определению ЦСУ) была отнесена следующая семья: глава семьи — Сидор Ильич, 45 лет, его жена — Феодора Ивановна, 37 лет, всего 5 детей (2, 5, 8, 12 и 15 лет). Всего работников 2 и 1 полуроботник, едоков — 7, из них 3 полуюдока. Хозяйство располагало: землей — 5,77 дес., коровой, курами, отсутствовали сельскохозяйственный инвентарь и лошадь. В день семья потребляла: черный хлеб — 15 фунтов (6,15 кг), яйца — 7 шт., картофель — 5 фунтов (2,05 кг), капуста — 2 фунта (0,82 кг); сахар — 2 фунта (0,82 кг) в месяц. В 1914 г. семья питалась лучше: черный хлеб — 15 фунтов (6,15 кг), говядина — 1 фунт (0,41 кг), баранина — 1/2 фунта (0,21 кг), рыба — 1 фунт (0,41 кг), картофель — 5—6 фунтов (2,05—2,46 кг), капуста — 2 фунта (0,82 кг); сахар — 2 фунта (0,82 кг) в месяц. Однако молоко, масло, творог, белый хлеб для семьи были недоступны¹⁷.

В 1920-е гг. ежедневное питание крестьянской семьи не отличалось разнообразием — на завтрак картофель, чай с хлебом, на обед — щи, картофель или каша, в 4 ч дня пили чай с хлебом, на ужин — то, что осталось от обеда. Питание различных экономических групп отличалось по качеству. Бескоровные хозяйства практически не видели молока, сливочного масла, мяса.

Спутниками голода являлись тиф, туберкулез, цинга, желудочно-кишечные заболевания. Так, за вторую половину 1921 г.

в голодающих губерниях было зарегистрировано более 100 тыс. заболевших сыпным, возвратным и брюшным тифом, 67 791 — холерой и 16 423 — цингой. Только за период с 1918 по 1921 г. различными видами тифа переболело более 7 млн чел. Если в 1917 г. на 10 тыс. отмечалось 7,1 случая заболеваний сыпным тифом, то в 1918 г. — 12,3, в 1919 — 196,1, в 1920 г. — 264,9. Антисанитарное состояние способствовало быстрому распространению заболеваний. Так, по данным Т. В. Приваловой, в 1924 г. от всех заболевших оспой 89,13 % проживали в сельской местности, в 1925 г. — 85,55 %¹⁸. Антисанитарные условия жизни являлись также следствием бытовой неустроенности, когда в одной избе проживали взрослые и дети, в зимний период — скот; где готовили еду — там же мастерили, спали и т.д.

Крестьянские разделы в 20-е гг. ежегодно охватывали от 2 до 4 % хозяйств и очень сильно влияли на экономку, так как семейные разделы приводили к экономическому ослаблению образовавшихся в результате хозяйств, усилению темпов выселения и ликвидации хозяйств в деревне, что, в свою очередь, вело к полной пролетаризации части крестьянства и уходу в города. Аналитики ЦСУ отмечали, что при обычных условиях развития мелких крестьянских хозяйств происходит увеличение их числа из года в год. Только в случае осложнения эволюции — событий катастрофического порядка (война, неурожай) — процесс размножения крестьянских хозяйств приостанавливался или даже сокращался, как это было в 1922 и 1923 гг.

Если бы не было голодного 1921 г. — коэффициент разделов за период с 1920 по 1925 г. должен был быть выше, а коэффициент соединения, выселений и ликвидаций — ниже. При этом ЦСУ дает следующие объяснения:

1) чем шире земельный фонд района и чем экстенсивнее ведение хозяйства, тем больше возможности стать самостоятельным (но в районах с меньшим развитием промышленности меньше рабочих мест, поэтому происходит увеличение хозяйств);

2) в северных и северо-западных губерниях больше возможностей отлива сельского населения в города. В период Гражданской войны в результате условий, созданных революцией, в земельных отношениях наблюдалась аграризация населения, которая привела к образованию мелких самостоятельных хозяйств. Право на землю каждого желающего на ней работать воспринималось и как возможность для зависимых семей стать самостоятельными хозяйствами. Необходимо также учитывать поведение и желания солдат, вернувшихся с войны¹⁹.

По данным наблюдений Н. Росницкого, в 1926 г. рост количества дворов обгонял рост населения, что приводило к мельчанию хозяйств. Как правило, категория середняков формировалась за счет многосемейственности, большого количества рабочей силы, а значит, пашни, скота и инвентаря. Категория бедняка пополнялась по следующим причинам: недород, пожар, падеж скота, уход на военную службу, физические недостатки, неудачи, безделье, но чаще всего хозяйственные разделы, недостаток рабочих рук²⁰.

Кроме экономической стороны семейных разделов была и социальная — раздоры внутри семьи, между родственниками. М. Левин относительно семейных разделов красноречиво заметил: «Эта борьба за ухват, квашню и кошель требовала немалых сил. Она создавала огромную напряженность, разлад, вражду, заставляя взрослых сыновей и их жен подумывать о выделе из двора. Вдобавок к трениям между отцом и сыновьями и борьбе свекрови с невестками существовала борьба сексуальных притязаний большака, известная как снохачество»²¹. Каждый семейный раздел затрагивал интересы всего поземельного общества, так как требовалось проводить заново передел земли, что вызывало возмущение сельчан.

18 января 1922 г. НКЗ разослал циркуляр во все уезмотделы, волземотделы и сельсоветы, в котором значилось: 1) приговоры о семейно-имущественных разделах составляются общим собранием деревни и объединением хуторов под председательством деревенского выборного при наличии не менее 1/2 из всех домохозяев, имеющих право выбора по Конституции; 2) собрание устанавливает возможность и допустимость раздела с хозяйственной стороны (будут ли они в состоянии самостоятельно вести хозяйство, сколько трудоспособных, построек, скота, фуража, хлеба, сельскохозяйственных орудий и т. д.); 3) среднее трудовое хозяйство должно включать: 2 жилые избы, сени (дом пятистенный), скотный двор, хлев, конюшню, амбар, осенний сарай, хлебный сарай, гумно и баню на 5 хозяев... При разделе имущества разведенных супругов руководствоваться гл. 5 ст. 100—132 Кодекса законов об актах гражданского состояния от 22 октября 1918 г.²²

В ряду социальных проблем, возникающих на микроуровне в крестьянской среде, необходимо также отметить положение женщины — тяжелейший физический труд (задание корма скоту, дойка, уборка навоза, уход за приплодом, выгон скота, стрижка овец, уход за птицей, приготовление пищи, уборка по дому, стирка, уход за больными и детьми, работа в поле), плохое медицинское обслуживание, частые беременности, подчинен-

ное положение по отношению к мужчинам. Имелись проблемы погорельцев, одиноких стариков, инвалидов, беспризорных детей и пр. В рамках статьи мы не можем всесторонне осветить весь блок социально-экономических проблем крестьянства.

С приходом к власти большевиков сразу стала оформляться советская модель социального обеспечения. Суть перемен заключалась в том, что вместо патерналистской модели общественного призрения, которая характеризовалась децентрализованностью, адресностью, акцентированностью на местные органы самоуправления, принципами взаимовыручки и самообеспечения, активным привлечением общественности, создавалась новая. Принципиально она отличалась тем, что государство признавалось главным субъектом: все социальные учреждения подlezали огосударствлению, национализировались, любая общественная инициатива подавлялась, устанавливались жесткие нормативы, следствием чего стала бюрократия. Вводился так называемый классовый подход. Модель социального обеспечения требовала аккумулировать огромные средства для решения всех социальных проблем в обществе, однако у новой власти были крайне ограничены средства, поэтому новая модель распространялась на городское население и на определенные категории сельского населения — революционные борцы, инвалиды войны, семьи красноармейцев.

Среди подавляющей части населения страны — крестьянства — вплоть до 1960-х гг. реализовывалась модель, в основе которой лежал принцип самообеспечения. Во-первых, имелась развитая сеть неформальных институтов — стариков, соседей, семьи, которые решали множество житейских проблем (наследование, переделы земли, договоры, различные обиды, конфликты в семье и между семьями, моральные проступки).

Во-вторых, действовала крестьянская община, где рассматривали поземельные, налоговые проблемы, вопросы семсуды, кооперации, обсуждали помощь нуждающимся (организация «помочей», общественной запашки, образования и лечения, другие вопросы повседневной жизни крестьян). Как отметили В. П. Данилов и Л. В. Данилова, в 20-е гг. свершилось возрождение общины, которая к 1927 г. на территории РСФСР охватывала 95,5 % крестьянских земель. При этом менталитет крестьянства — общинный, который сформировался в рамках замкнутого локального сообщества в сельских соседских организациях²³.

В-третьих, декретом 14 мая 1921 г. «Об улучшении постановки дела социального обеспечения рабочих, крестьянских и семейств красноармейцев» на селе стали создаваться

крестьянские комитеты общественной взаимопомощи, действующие по принципу самообеспечения и взаимоподдержки. На начало 1923 г. их было зафиксировано 70 тыс. Однако деятельность их была малоэффективна, а местами сильно критиковалась со стороны крестьянства²⁴. Затем в ходе распада общин и проведения сплошной коллективизации появились новые социальные структуры. С 1931 г. стали создаваться кассы общественной взаимопомощи колхозников, которые функционировали на тех же традиционных принципах. Лишь в 1964 г. вышел закон о пенсиях и пособиях членам колхоза, который заложил основу пенсионного обеспечения колхозников.

Таким образом, в истории социальных потребностей крестьянства и организации социальной поддержки вплоть до 1960-х гг. действовала архаичная система, построенная на самообеспечении, взаимовыручке и поддержке. Советская модель социального обеспечения (с твердыми государственными гарантиями) стала распространяться на крестьянство не раньше 60-х гг. XX в.

Примечания

¹ РГАЭ, ф. 478, оп. 6, д. 826.

² **Маслов П.** Аграрный вопрос в России. М.; Л., 1926.

³ РГАЭ, ф. 478, оп. 7, д. 161.

⁴ Там же.

⁵ Там же, д. 43.

⁶ Там же, оп. 1, д. 1215.

⁷ Там же, д. 856.

⁸ См.: **Еферица Т. В.** Налоговая политика и крестьянское хозяйство в 1920—1930-е годы / Т. В. Еферица, О. И. Марискин, Т. Д. Надькин. Саранск, 1998.

⁹ РГАЭ, ф. 478, оп. 1, д. 1433.

¹⁰ **Кондрашин В. В.** Голод в крестьянском менталитете // Менталитет и аграрное развитие России (19— начало 20 в.). М., 1996. С. 115—124.

¹¹ РГАЭ, ф. 478, оп. 106; ф. 478, оп. 1, д. 2137; д. 2120.

¹² См.: **Левин М.** Деревенское бытие: нравы, верования, обычаи // Крестьяноведение. Теория, история, современность. М., 1997. С. 84.

¹³ См.: Материалы ко Всероссийскому совещанию представителей комиссии помощи голодающим в Москве 1 декабря 1921 г. М., 1922.

¹⁴ РГАЭ, ф. 478, оп. 106.

¹⁵ Там же, ф. 1562, оп. 71, д. 351.

¹⁶ См.: **Привалова Т. В.** Питание российского крестьянства на рубеже веков // Крестьяноведение... С. 128.

¹⁷ РГАЭ, ф. 1562, оп. 9, д. 74.

¹⁸ См.: **Привалова Т. В.** Быт российской деревни 60-е гг. 19 в. — 20-е гг. 20 в. (медико-санитарное состояние деревни). М., 2000. С. 99.

¹⁹ РГАЭ, ф. 1562, оп. 71, д. 351.

²⁰ См.: **Росницкий Н.** Лицо деревни: по материалам обследования 28 волостей и 32730 крестьянских хозяйств Пензенской губ. М.; Л., 1926.

²¹ **Левин М.** Указ. соч. С. 84.

²² РГАЭ, ф. 478, оп. 1, д. 1215.

²³ См.: **Данилов В. П.** Крестьянский менталитет и община / В. П. Данилов, Л. В. Данилова // Менталитет и аграрное развитие России... С. 22–40.

²⁴ См.: **Михалкевич В. Н.** Социальное обеспечение колхозников. М., 1970. С. 3; Социальное обеспечение за 5 лет (30 апреля 1918 г. — 30 апреля 1923 г.). М., 1923.

Поступила 06.05.2003 г.

УДК 346.27(470.345)

А. П. Терняев

СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫЕ АСПЕКТЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ КОММУН И АРТЕЛЕЙ В МОРДОВИИ В ПЕРИОД НЭПА

В начале новой экономической политики на территории Мордовии существовало 89 коллективных хозяйств всех форм — коммуны, артели, тозы. Последняя форма коллективных хозяйств, являющаяся наиболее простой и доступной для крестьян, в нашем исследовании рассматриваться не будет. По социальному составу колхозы были в основном бедняцкими. По данным обследования 1925 г., бедняки составляли 79 %, середняки — 17 и зажиточные крестьяне — 4 %¹.

Создаваемые коммуны и артели должны были показать преимущества ведения коллективного хозяйства над индивидуальным, колхозы — стать примером не только экономической целесообразности, но и нового образа жизни, построенного на коммунистической идеологии. Чем отличались коллективные хозяйства в социально-бытовом плане от индивидуальных крестьянских хозяйств, можно видеть на примере коммунального объединения «Светлый путь» Беднодемьяновского уезда, в которое входили Вихровско-Торбеевская коммуна «Авангард» и Пичкиряевско-Майданская артель «Свобода».

Согласно акту обследования коммунального объединения, новый быт проявлял себя главным образом в отсутствии икон (хотя в некоторых местах они еще имелись) и замене их пор-

третами вождей революции (в основном Ленина и Калинина), в оставлении обрядности и почитания церковных праздников и даче новых имен, например «Владилен».

Распределение в коммунах производилось по принципу «по потребности». Питание было индивидуальным, т. е. семейным. Общественное питание не организовывалось отчасти из-за отсутствия помещения для кухни и столовой, а отчасти, как говорится в акте обследования, из-за неумения или нежелания женщин хорошо готовить. В коммуне «Авангард» общественное питание, кроме того, было признано еще и опасным из-за сифилиса. В результате всего перечисленного осенью 1924 г. столовая была переделана в овчарню. «Для какой цели она, собственно, только и была пригодна», — говорится в акте обследования.

Что касается жилищных условий, то 204 члена мордовской артели «Свобода» размещались в собственных помещениях (4 жилых дома) и в арендованных у Спиртотреста. Весь заработок и прочие поступления артели шли в общий котел. Для обслуживания членов имелись портняжная и сапожная мастерские, баня. Общая кухня и столовая не действовали.

Культурно-идеологическая работа в «Свободе» велась слабо: не было инструкторов, знающих мордовский язык. При этом грамотность в артели была доведена до 70 %. В часы досуга члены артели пользовались библиотекой и газетами в «красном уголке» при мельнице хлебопродуктов, с которой у артели на этот счет имелась договоренность. Кроме того, правление артели дополнительно выписывало центральные, местные и национальные газеты.

Обучение детей в коммунальном объединении было поставлено следующим образом. Дети младшего возраста к октябрю собирались в коммуну «Свобода», где с ними вела занятия учительница. Старшие же учились либо в школе-семилетке при ст. Торбеево, либо в школе 2-й ступени в Беднодемьяновске. Относительно последней группы некоторые коммунары определенно говорили, что это уже почти «отрезанные ломти»: в коммуну они не вернутся, а предпочтут службу или работу на фабрике как более материально и культурно их обеспечивающую. В коммуне же будут оставаться лишь менее способные, развитые и предприимчивые².

Гораздо более плачевным было положение коммунаров Мало-Азясской коммуны Краснослободского уезда. В декабре 1925 г. ее посетили агроном Рыбкинского агроучастка Арапов и представитель от Рыбкинского ВИКа. В акте обследования коммуны, составленном ими, читаем следующее:

«Культурно-просветительная работа по сообщению учителя и ответственного секретаря ячейки РКП(б) Бурыкина совершенно отсутствует. При всем старании ячейки, наладить работу не удастся. Кроме школы в коммуне нет ничего. Нет читальни, нет клуба, нет кружков самообразования, нет газеты. Члены коммуны не интересуются, по сообщению ячейки, культурно-просветительным делом. Апатия, лень, неорганизованность, вражда между членами и вообще, разгильдяйство являются этому причиной. Если взять бытовую сторону членов коммуны, то и здесь дело обстоит не совсем ладно. Живут по-старому, никакой спайки между членами нет. Каждый живет, нет, вернее хочет жить своим домком. Встречаются даже среди членов и такие, которые имеют своих собственных свиней и коз, за которыми отдельно ухаживают и которых отдельно кормят. Религиозные праздники отмечают молебнами, выпивкой, хорошим столом, советские — ничем...

Вместо того, чтобы в сельскохозяйственном отношении показать новые пути, ведущие к увеличению производительности земли, коммуна почти застыла в старых формах хозяйствования... Настоящий руководитель товарищ Паршин слаб. По словам членов всегда пьян, что может подтвердить отчасти и комиссия, которая при своем посещении коммуны нашла руководителя сильно пьяным. С ним же был в пьяном виде и член коммуны, он же член партии РКП(б) товарищ Паршин Тимофей»³.

В ужасающем состоянии находились жилые постройки коммуны. Как было отмечено в акте ее обследования, «лестницы, коридоры и уборные характеризуются отсутствием санитарных и гигиенических условий. В комнате члена коммуны товарища Кудрявцевой нет ни одного застекленного окна: стекло заменяют здесь доски и конопля»⁴.

Примеры подобного рода встречались не только в Рыбкинской волости. В Краснослободском уезде в 1921 г. было 11 коллективных хозяйств, из которых 2 артели — Селищенская и Мельсиновская — подлежали ликвидации: первая потому, что не пожелала прирезки земли к одному клину, а вторая — оттого, что не жила по уставу и являлась, согласно отчету о деятельности Краснослободского уезмотдела, плохим примером перед населением. Кроме того, в последней было менее 15 чел. трудоспособных членов⁵.

Коллективным хозяйствам не уделялось должного внимания со стороны органов власти: похоже, что она была заинтересована лишь в создании колхозов, но не в их достойном существовании и внутреннем развитии.

«Работы со стороны советских и партийных органов в коммунах не было ни инструктивной, ни культурно-просветительской, ни хотя бы поверхностно-обследовательской», — отмечается в акте обследования коммунального объединения «Светлый путь». — Из представителей вышестоящих организаций, посетивших коммунальное объединение, коммунары могли назвать лишь инспектора Пензенского общества Сельхозкредита, бывшего осенью 1924 г., и представителя ЦК РКП(б), бывшего в конце августа 1925 г. Последний, правда, понял нужды коммунаров и поместил в «Крестьянской газете» статью под названием «Коммуне надо помочь». Остальные, если и бывали, начиная примерно с 1923 г., то никаких следов в памяти коммунаров не оставили»⁶.

Слабое внимание со стороны местных властей по отношению к деятельности создаваемых коллективных хозяйств, судя по всему, было повсеместным. Вот строки из письма членов правления колхоза «Пролетарий» Саранского уезда в уездный центр: «Низовой аппарат Советской власти, наш сельсовет и ВИК в деле строительства колхозов ничего не ведет и в помощь бедняку не идет, только целится последнюю ногу подшибить нашему колхозу, защищая интересы богача, кулака и только лишь с ним гуляя... Словом низовой аппарат не уделяет несколько внимания в строительстве колхозов...»⁷.

Даже наиболее активная часть Советской власти на местах — члены РКП(б) — подвергались критике не только населением, но и самой партией. На заседании пленума Пензенского губкома РКП(б) в августе 1925 г. было отмечено следующее: «Партийцы на селе имеют очень слабое влияние, слабо политически подготовлены, с весьма недостаточным опытом в работе, что особенно отрицательно, не имеют и не пользуются авторитетом в глазах широких масс населения... У многих партийцев еще до сих пор не сжиты привычки и навыки работы, давно осужденные всей партией. И весь вред... заключается в том, что ряд партийцев — действуя и применяя в повседневной своей работе методы военного коммунизма — считают себя правыми. Есть и другое не менее вредное явление: равнодушие и безразличное отношение ко всему, что делается вокруг. Почти полная пассивность»⁸.

Были в коммунах проблемы и другого рода. Как в любом коллективе, здесь нередко возникали конфликты. Оставляли желать лучшего взаимоотношения между членами коммунального объединения «Светлый путь». Вот что пишет на этот счет инспектор, посетивший коммуну «Авангард» в 1925 г.: «Кто прав, кто виноват — судить достаточных оснований нет, но одно

было для меня несомненно, что по каким-то причинам один из коммунаров с женой (Куприн) в работе по молотье участия не принимает, несмотря на спешность этой работы и приглашение (какое-то несмелое и безличное) заведующего хозяйством»⁹.

Конфликты между членами коммун, безусловно, происходили, и в большинстве случаев из-за мелочей, на почве личных интересов. Случались ссоры из-за несогласия части членов с проводимыми правлением агрономическими мероприятиями¹⁰, иногда — на национальной почве. В качестве примера приведем изложение дела по жалобе бывших членов коммуны «Заря» Инсарского уезда Ивана и Степана Рогачевых, рассмотренное на открытом судебном заседании Инсарской уземкомиссии 23 февраля 1924 г.

Согласно показаниям Ивана Рогачева, национальный спор между членами коммуны возник в тот момент, когда в коммуну были приняты двое русских, но на этом же собрании было отказано в приеме желающим вступить в коммуну мордвинам. Мордовская часть коммуны стояла за принятие всех заявивших желание стать коммунарами в тот момент. Спор зашел слишком далеко, и наиболее активных его участников, сторонников принятия в коммуну всех изъявивших желание — Ивана и Степана Рогачевых — из коммуны исключили под предлогом халатного отношения к ведению коммунального хозяйства.

На заседании Инсарской уземкомиссии Иван Рогачев требовал, чтобы им как исключенным были выделены имущество и земля, чтобы они могли образовать отдельное мордовское коммунальное хозяйство. В результате слушания этого дела Инсарская уземкомиссия вынесла решение о разделе коммуны «Заря» на 2 части по национальному признаку, т. е. фактически удовлетворила требования Ивана Рогачева¹¹.

Советское правительство пыталось расширить коллективный сектор в сельском хозяйстве, однако часто наталкивалось на неприятие большей части жителей деревни. Отметим, что так было не только на заре Советского государства, но и в конце 1920-х гг., когда новая власть уже вполне утвердилась. Об этом свидетельствует, в частности, письмо, написанное в апреле 1928 г. одним из членов правления колхоза «Пролетарий» Саранского уезда в уездный центр: «С первого начала я подобрал очень большую группу в числе 28 домохозяев, что составляет 1/2 часть нашего общества деревни Кочуново, в то время, те же самые кулачки, зажиточные мужички не дремали, а у нас их является очень много эксплуататоров, они завели большую (агитацию) среди бедняков, вошедших в колхоз “Пролетарий”, — начали пропагандировать, что вы нынче впишитесь в колхоз, а

завтра пойдете в колонию, вы не думайте, что вам пишут и напевают, это все ложь и что Советской власти существовать осталось очень мало, возьмет в руки буржуазия, тогда вас всех постреляют и повешают и кроме того, не нынче завтра будет война. Вот эти кулаки нашей деревни строительству колхоза нашего подставили ногу и наш колхоз пошел на убыль, из числа 28 домохозяев осталось только 9 домохозяев с числом 45 едоков...». Далее, как бы подводя итог положению немногочисленных членов колхоза в среде односельчан, автор письма говорит следующее: «Население смотрит в общем с насмешкой и угрозами, я даже опасаясь ходить до деревни, то и гляди, что-нибудь получится плохое»¹².

Таким образом, существовавшие в Мордовии в период нэпа коммуны и артели наталкивались на массу трудностей как внутреннего (бытовая неустроенность, конфликты между членами и т. д.), так и внешнего (враждебное отношение со стороны населения, отсутствие должной поддержки со стороны местных властей) характера. Эти трудности дополнялись проблемами в хозяйственной деятельности: неудовлетворительной материально-технической оснащенностью, а главное — отсутствием у крестьян опыта полностью коллективного ведения хозяйства.

Все вышеуказанное обусловило резкое сокращение количества коммун, начавшееся во время голода 1921 — 1922 гг. В 1921 г. в Мордовии было 35 коммун, в 1923 — 15, в 1926 — 8. Количество артелей с 1924 г. стало увеличиваться, но в 1926 г. также не достигало уровня 1921 г. (23 артели в 1921 г. и 18 — в 1926 г.)¹³.

Примечания

¹ См.: История советского крестьянства Мордовии. Ч. 1. 1917 — 1937 годы. Саранск, 1987. С. 107.

² РФ НИИГН, И-652, л. 16.

³ Там же, И-671, л. 160 — 162.

⁴ Там же.

⁵ Там же, И-1101, л. 15 — 18.

⁶ Там же, И-652, л. 16.

⁷ Там же, И-671, л. 148 — 151.

⁸ Там же, И-560, л. 26.

⁹ Там же, И-652, л. 11 — 16.

¹⁰ Там же, И-1101, л. 29.

¹¹ Там же, И-546, л. 109 — 115.

¹² Там же, И-671, л. 148 — 151.

¹³ См.: История советского крестьянства Мордовии. С. 107.

УДК 63–051:612.393.1

С. Е. Панин

КРЕСТЬЯНСТВО И САМОГОН В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В 1920-е гг.

До начала Первой мировой войны население России почти не знало вкуса самогона. Крестьяне Среднего Поволжья традиционно изготавливали крепкое пиво и брагу, однако на домашнее производство крепких спиртных напитков было наложено своеобразное табу. Двухсотлетний надзор со стороны помещиков и государства привел к тому, что население практически утратило технологию их производства, а доступность и сравнительная дешевизна высококачественной водки подавляли потребность гнать самогон. Однако под действием «сухого закона» 1914 г., милитаризации экономики, в обстановке жесткой аномии в обществе самодельное производство алкоголя начало стремительно расти. Так, например, в 1915 г. полиция раскрыла почти 6 тыс. случаев незаконного «производства» алкоголя в Российской империи¹. Но именно в 1920-е гг. произошла коренная ломка культурной нормы производства и потребления крепкого спиртного.

В годы Гражданской войны и «военного коммунизма» в условиях отсутствия легального спиртного самогон получил широкое распространение. Крестьянам было выгодно перекурить хлеб, так как самогон было легче спрятать и хранить, а при продаже он давал большую прибыль. Отходы же от выгонки почти целиком шли на корм скоту. Это позволяло уклониться от продразверстки или хотя бы снизить ее тяжесть. Таким образом, можно предположить, что самогоноварение выступало как форма повседневного сопротивления крестьян новой власти. Кроме того, из-за постоянных стрессов потребность в «наркотизации» у крестьян усилилась. Удовлетворить ее помимо самогона было нечем, так как большевики сначала вообще не собирались заниматься продажей спиртного на государственном уровне и, по сути, подтвердили рескрипт 1914 г.²

Введение нэпа существенно не изменило ситуацию. «Ножницы цен» между сельскохозяйственными и промышленными товарами были таковы, что крестьянину оказалось выгоднее сбывать в городе не хлеб, а выкуренный из него самогон, и уже на полученные от его продажи деньги приобретать товары промышленного производства. Это позволяло ему не только

преодолевать разницу в ценах, но и получать прибыль. Так, например, ведро самогона, на которое шло около 2 пуд. (32 кг) муки, в 1924 г. в среднем продавалось за 17 руб., т. е. за 1 пуд (16 кг) муки в виде самогона крестьянин выручал 8 руб. 50 коп., тогда как мука в среднем продавалась по 1 руб. 34 коп. за пуд³.

В Среднем Поволжье в условиях аграрного перенаселения и малоземелья для многих крестьян производство и торговля самогоном стали основным источником существования, нередко приносившим неплохой доход. «3–4 раза выгонишь как следует — можно, пожалуй, и лошадь купить», — говорили крестьяне Пензенской губернии⁴. Основными производителями товарного самогона в 1920-е гг. являлись беднейшие крестьяне и, частично, середняки. Хотя нередко были случаи, когда бедняки и середняки выступали только как «технические исполнители», работая за небольшое вознаграждение на зажиточных крестьян.

На протяжении первой половины 1920-х гг. последовательно была разрешена продажа вина, пива, наливок, настоек и даже «русской горькой» — 30-градусной настойки. Однако эти «нововведения» почти не коснулись жителей деревень. Большая часть мест продажи легального спиртного находилась в городах. Например, в 1922/23 бюджетном году в Пензенской губернии — сугубо аграрном регионе — было зарегистрировано 156 торговых заведений с продажей вина, водочных изделий и пива. Из них в Пензе — 89, в уездных городах — 50, а в сельской местности — лишь 17. Но даже если в селе и открывалась торговая точка, то объемы продаж там были минимальные: высокие цены на спиртное, поддерживаемые государством, не мотивировали крестьян на его покупку. Так, в январе 1924 г. в Пензенской губернии розничная цена 1 бутылки вина, в зависимости от качества, колебалась от 1 руб. 24 коп. до 5 руб., а 1 бутылка водочных изделий в среднем стоила 2 руб. золотом. Для сравнения: в начале 1924 г. себестоимость 1/4 ведра самогона (1 ведро = 12,299 4 л) составляла 40 коп., а рыночная цена: в деревне — 1 руб. 20 коп., в городе — 1 руб. 50 коп. Кроме того, невысокая крепость этих напитков не устраивала крестьян⁵. Выпуск в 1925 г. 40-градусной водки не изменил расстановку сил. Основным мотивом предпочтения самогона по отношению к водке была его дешевизна. Так, продажная средняя цена 1 бутылки самогона в Пензенской губернии в 1927 г. составляла: ниже 40° — 47 коп., 40° — 38 коп., выше 40° — 46 коп., хотя часто (в 1926/27 бюджетном году) фиксировалась цена за 1 бутылку 27 коп. В это же время государственная цена бутылки водки составля-

ла 1 руб. 10 коп.⁶ Вследствие вышеперечисленных причин, сохранявшихся и во второй половине десятилетия, крестьяне продолжали гнать и потреблять самогон.

Регионы Среднего Поволжья оказались чрезвычайно зараженными самогонварением. Во второй половине 1920-х гг. более 25 % крестьянских хозяйств Пензенской, Самарской, Ульяновской губерний, Татарской и Чувашской АССР гнали самогон (табл. 1)⁷.

Таблица 1

Производство самогона и количество самогонных аппаратов в сельской местности в 1927 г.

Территория	Хозяйства, гнавшие самогон		Кол-во хозяйств, на к-рые приходится 1 самогонный аппарат	Кол-во самогонных аппаратов на 10 хозяйств, гнавших самогон
	для собственного потребления, %	на продажу, %		
Пензенская губерния	45,9	9,7	9,8	1,8
Самарская губерния	21,9	4,0	38,8	1,0
Ульяновская губерния	35,8	5,6	18,0	1,3
Татарская АССР	48,0	5,8	13,0	1,4
Чувашская АССР	52,3	5,7	9,4	1,8

Самогон изготавливался двумя методами: 1) путем подогрева бражки непосредственно на огне — в результате получалась мутноватая жидкость с резким вкусом и запахом гари (только «первач» был лучшего качества) и 2) путем перегонки при помощи пара — самогон получался светлый и более высокой крепости (40—50°, а при повторной перегонке — 60—80°)⁸. Выход самогона из различных продуктов существенно варьировал. Так, средний выход самогона из 1 пуда продукта составлял (в ведрах): мука — 0,7, зерно — 0,6, картофель — 0,37, сахар — 1,58, ячмень, овес, кукуруза и другие хлебные продукты — 0,32, сахарная свекла и иные корнеплоды — 0,19, мед, фрукты и т. п. — 0,89. О том, сколько продуктов тратили крестьяне Среднего Поволжья на производство самогона, смотри в табл. 2.

Таблица 2

Потрачено продуктов на самогон в 1927 г., тыс. пуд. (т)

Территория	Мука	Зерно	Картофель	Другие продукты
1	2	3	4	5
Пензенская губерния	1 250,0 (20 000)	486,0 (7 776)	1 000,0 (16 000)	616,0 (9 856)
Самарская губерния	1 057,0 (16 912)	158,0 (2 528)	78,2 (1 251)	14,0 (224)

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5
Ульяновская губерния	818,8 (13 101)	223,6 (3 578)	218,0 (3 488)	—
Татарская АССР	1 224,7 (19 595)	272,7 (4 363)	680,0 (10 880)	—
Чувашская АССР	442,4 (7 078)	213,9 (3 422)	145,5 (2 328)	8,5 (136)

Примерно 1/4 часть самогона в России в 1920-е гг. делалась с применением примесей — «для большей забористости». Наиболее популярными из них в изучаемый период были: хмель, горчица, хрен, бензин, керосин, табак, полынь, перец, куриный помет, известь, купорос, мыльный камень, наркотики, белена, дурман, денатурат. У крестьян Среднего Поволжья пользовались спросом в качестве примесей купорос, табак и хмель. При потреблении самогона давал впечатление повышенной крепости от содержащихся в нем резких и сильно действующих примесей (сивушных масел, альдегидов, эфиров, кислот и т. д.), которые не удавалось отделить от спирта при кустарном ведении производства. Лабораторные исследования, проведенные во второй половине 20-х гг., показали, что этих примесей содержалось в самогоне в несколько раз больше, чем даже в сыром заводском спирте, так называемой сивухе, которая еще при царском правительстве была изъята из продажи вследствие ядовитости⁹.

В конечном счете объемы потребленного крестьянами алкоголя, в первую очередь самогона, превысили соответствующие показатели по довоенному потреблению водки. Лидером, в масштабе РСФСР, стала Пензенская губерния, где душевое потребление самогона в сельской местности в 1927 г. составило 12,7 л (1,03 ведра). Не отставала от нее и Ульяновская губерния — 10,6 л (0,86 ведра)¹⁰. Для сравнения: в 1912 г. среднедушевое потребление водки крестьянами Пензенской губернии составило: по данным монопольной статистики, 0,67 ведра, по подсчетам Д. Н. Воронова, 0,81 ведра¹¹. Кроме того, самогон в отличие от водки был опасно доступен. Исследователь проблемы И. Кацва описывал ситуацию следующим образом: «Достать самогон можно в любом месте, в любое время дня и ночи, в кредит и за наличный расчет, в обмен на продукты и прочее...»¹². И если водку официально (не через шинки) отпускали с 16 лет, то к самогону получали доступ подростки и дети. Это происходило не только посредством продажи, но и в процессе производства. О данной проблеме в «центр» писали из Пензенской губернии: «Изготавливающие самогон родители сами приучают пить своих детей, заставляя помогать им при гонке и прода-

вать самогон, ссылаясь, что самогон ничего не стоит, так как гонится из своего хлеба; дети пьют от 8 лет; случается, что крадут у родителей самогон и, собравшись где-нибудь на огороде, выпивают сообща, как бы справляя какой-нибудь праздник»¹³.

Советская власть главный упор в борьбе с самогоном сделала на запрет и административные методы воздействия. Милиция проводила обыски и облавы «налетом», но не проявляя излишнего рвения и не чувствуя поддержки населения. Инициатива возбуждения этих дел почти целиком принадлежала милиции. Так, самогонные обыски, проведенные в феврале 1923 г. в Пензенской губернии, делались: по инициативе милиции — 1 031, учреждений — 2, частных лиц — 9¹⁴. Работники уездных административных органов, вчерашние крестьяне, понимали мотивы деятельности самогонщиков и сами не чурались «испить из пьянящего источника», особенно в том случае, когда он доставался им бесплатно (в виде «подарка» или в результате конфискации). При этом они были не против и сами выгнать самогон. Данная ситуация нашла яркое отражение в крестьянских частушках 1920-х гг.: / А те, кто с ней борьбу ведут, / Те также аппетитно пьют. / Ее уничтожители — / Ее же потребители. / или / Милиция на печи / Тараканов ловит, / А народ свободно / Самогонку гонит /¹⁵.

Основные меры наказания за производство и продажу самогона и аппаратов для его изготовления, назначаемые народными судами и налагаемые административными органами в 1920-е гг., — штраф и принудительные работы. Но они были малоэффективны, так как в Пензенской губернии составляли обычно 3 — 5 и 10 руб. Отметим, что при назначении штрафа суды и административные органы исходили из классового подхода. Например, по данным прокуратуры Пензенского округа за 1929 г., средняя сумма штрафа за самогонование составляла: для кулака — 14 руб., середняка — 6, бедняка — 1 руб. И это в то время, когда именно бедняки являлись главными производителями товарного самогона. Штрафы часто не платили, а принудительные работы в условиях чрезвычайно высокой безработицы превращались в фикцию. Как отмечал начальник милиции Пензенского уезда Державин: «Они (самогонщики. — С.П.) регистрируются в Карательном п/отделе и встают на учет Биржи Труда. Но так как огромная безработица, то они лишь появляются в нужное время для перерегистрации»¹⁶.

Крестьяне к борьбе с самогоном административными мерами относились резко отрицательно. Они считали, что единственным методом борьбы с ним может быть лишь продажа доступной, качественной и дешевой водки. Но власть не вняла «на-

родному гласу», и поэтому число самогонщиков год от года увеличивалось. Так, если в 1922/23 г. в Пензенской губернии их было зарегистрировано 14 299 чел., то в 1923/24 — уже 27 540 чел.¹⁷ Если до событий 1917 г. в обычном крестьянском праве кустарное производство и употребление крепких самодельных спиртных напитков считались явной девиацией, то в 1920-е гг., под влиянием властных инициатив, не учитывавших потребности крестьян, данное отклонение претерпело инверсию в норму повседневной крестьянской жизни. Именно с этого времени крестьяне в России, и в частности в Среднем Поволжье, стали рассматривать выгонку и потребление самогона как свое «святое право».

Примечания

¹ См.: **Мак-Ки А.** Сухой закон в годы первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России. 1914–1917 гг. // Россия и первая мировая война. СПб., 1999. С. 156.

² См., например: **Павлюченков С. А.** Веселие Руси: революция и самогон // Революция человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997; **Тихомирова Н. М.** Объективные интенции к росту алкогольного потребления в послеоктябрьской России // Вестн. молодых ученых. История. 1999. ц 1; и др.

³ См.: Статистический обзор деятельности местных административных органов НКВД. М., 1925. Вып. 4 — 5. С. 61.

⁴ См.: **Росницкий Н.** Лицо деревни. По материалам обследования крестьянских хозяйств Пензенской губернии. М.; Л., 1926. С. 121.

⁵ ГАПО, ф. Р-2, оп. 4, д. 205, л. 839; ф. Р-342, оп. 1, д. 218, л. 124.

⁶ Там же, ф. Р-2, оп. 1, д. 3256, л. 16.

⁷ См.: Алкоголь в современной деревне. М., 1929.

⁸ См.: **Воронов Д. Н.** Алкоголь в современном быту. М.; Л., 1930. С. 90.

⁹ См.: Бюл. ЦСП. 1927. ц 3; Профессиональная медицина. 1926. ц 2.

¹⁰ См.: Алкоголь в современной деревне. С. 17.

¹¹ См. подробнее: **Воронов Д. Н.** Алкоголизм в городе и деревне в связи с бытом населения. Обследование потребления вина в Пензенской губернии в 1912 году. Пенза, 1913.

¹² **Кацва И.** К вопросу о борьбе с алкоголизмом // Адм. вестн. 1927. ц 1. С. 7.

¹³ Алкоголь в современной деревне. С. 52.

¹⁴ ГАРФ, ф. 393, оп. 42, д. 32, л. 143.

¹⁵ Частушки / Собр. Р. Акульшиным. М.; Л., 1929.

¹⁶ ГАПО, ф. Р-2, оп. 1, д. 1817, л. 351; ф. Р-342, оп. 1, д. 193, л. 119; ф. Р-503, оп. 2, д. 59, л. 28.

¹⁷ Там же, ф. Р-2, оп. 1, д. 1819, л. 2; ГАРФ, ф. А-353, оп. 16, д. 2, л. 25.

УДК 93(470.345)

Т. Д. Надькин

ПРОВЕДЕНИЕ ХЛЕБОЗАГОТОВИТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ 1929 г. В МОРДОВИИ

Общегосударственный кризис с выполнением хлебозаготовок в конце 20-х гг., предложенные и осуществленные методы разрешения данной проблемы значительно повлияли на состояние деревни как России в целом, так и Мордовии в частности. В ходе проведения хлебозаготовительной кампании летом — осенью 1929 г. политика экономического вытеснения зажиточных слоев постепенно стала перерастать в насильственную ликвидацию отдельных пока еще хозяйств, отнесенных к «кулацким».

План хлебозаготовок 1928 г. не был выполнен в Мордовии, так как из задания 57 680 т было собрано всего 40 673,6 т, или 70,5 %¹. Предварительные расчеты хлебофуражного баланса Мордовского округа на 1929 г. показали, что соотношение сбора и расхода зерновых будет отрицательным и в этом году. По составленному балансу зерновых культур Мордовского округа на 15 июля 1929 г. приход в 1928/29 г. исчислялся в 548 160 т, в 1929/30 г. — в 614 558 т, а расход — соответственно, в 626 123 т и в 663 098 т².

Партийный и хозяйственный актив Мордовского округа осознавал, что «в вопросе хлебозаготовок в текущем году внутри самого округа также будет встречать трудности вообще, не считаясь с основным затруднением, что держателем возможной товарности хлеба является группа населения более зажиточная»³. Кроме того, предполагалось, что часть хлеба из Мордовии будет уходить в соседние не производящие его регионы. Таким образом, вначале при планировании хлебофуражного баланса округа предпринимались попытки учесть определенные объективные факторы, которые должны были существенно повлиять на проведение хлебозаготовок.

Однако на практике с 1929 г. хлебозаготовки из временных «чрезвычайных» мер были превращены в узаконенное государством плановое принудительное изъятие у крестьянских хозяйств так называемых хлебных излишков. Влияние же объективных факторов стало учитываться только с точки зрения «сопротивления кулацко-зажиточной» части деревни. Власть, очевидно, учла все «недочеты» предыдущих хлебозаготовок, и

по отношению к крестьянам стали применяться более жесткие меры воздействия с целью изъятия хлеба, даже если его количество было ограничено и не являлось излишками.

Окружной план хлебозаготовок был определен в 52 800 т, и 30 августа контрольные цифры были предъявлены руководству каждого из 23 районов. Все райкомы и райисполкомы обязывались произвести распределение полученного задания по сельсоветам не позднее 5 сентября с тем, чтобы последние довели контрольное задание до села и крестьянских дворов не позднее 10 сентября 1929 г. Большинство районов округа выполнили эту директиву. Но в Беднодемьяновском, Наровчатском, Козловском и Рузаевском районах в отдельных селах распределение хлебозаготовительного плана по дворам затянулось до 15–22 сентября. Кроме того, 21 сельсовет отказался от принятия контрольных заданий, а 5 сельсоветов возбудили ходатайство перед районными органами об их снижении на 50 %. Лишь после применения административных мер воздействия (арест председателей и членов сельсоветов, отдельных крестьян) план хлебозаготовок принимался в селе на следующий же день⁴.

С целью бесперебойного поступления хлеба Средне-Волжская областная оперативная «хлебная пятерка» на своем заседании 5 октября рекомендовала окружкомам до 20 октября не менее чем к 3–4 % крестьянских хозяйств применить ст. 61 УК РСФСР. Обязательные задания должны были даваться 10–15 % всех крестьянских хозяйств («кулацко-зажиточной прослойке»)⁵. Согласно отчету о проведении хлебозаготовительной кампании, на 18 ноября 1929 г. в Мордовии план заготовок был распределен следующим образом:

«а) социалистический сектор: колхозы — 240 тыс. пуд. (7,75 % от плана), совхозы — 60 тыс. пуд. (1,5 % от плана); б) кулацко-зажиточные хозяйства — 12 % от общего числа хозяйств (примерно 30 тыс. хозяйств) — 1 284 тыс. пуд. (39 % от плана); в) середняцкие хозяйства — 51 % от общего числа хозяйств — 1 551 тыс. пуд. (47 % от плана); г) бедняцкие хозяйства — 7 % от общего числа хозяйств — 165 тыс. пуд. (5 % от плана); д) совсем не привлечено бедняцких хозяйств — 32 % от общего числа хозяйств округа»⁶.

В начале хлебозаготовительной кампании (июль — август) заготовки велись вяло. Крестьяне не желали продавать государству хлеб, так как заготовительные органы принимали его по цене значительно ниже, чем рыночная. Например, цена 1 пуда ржи у заготовителя в Ардатовском районе была 88 коп., а на рынке — 2 руб. 48 коп., в Торбеевском — 93 коп. и 5 руб. 50 коп., в

Чамзинском — 92 коп. и 2 руб. 80 коп. соответственно и т. д.⁷ Кроме того, в сельской потребкооперации отсутствовали самые необходимые в хозяйстве товары: мануфактура, хозяйственное и туалетного мыло, гвозди, нитки, иголки, сахар и др. Завоз товаров в Мордовский округ не только не повышался по мере выполнения годового хлебозаготовительного плана, но даже стал снижаться по сравнению с предыдущим годом⁸.

Крестьяне предпочитали продавать хлеб на рынке и при этом рассуждали так: «Сдам пуд хлеба по государственной цене 92 коп., а за эти деньги на вольном рынке можно купить 5 пачек махорки и 5 листов курительной бумаги или 2 фунта мыла, так как в кооперации этих товаров нет»⁹. На рынок хлеб в небольшом количестве (1–2 пуд.) вывозили и бедняцкие хозяйства. По объяснению одного бедняка, так как для внутривоспроизводственного оборота ему нужно 5–10 руб., для этого он должен был сдать в хлебозаготовки 5–10 пуд. хлеба, каковых у него не было, а с продажи на рынке 1 пуда он в основном удовлетворял свои потребности¹⁰.

Таким образом, ряд сложившихся объективных условий (дефицитность зерновых, влияние соседних регионов, отсутствие товаров в потребкооперации, разрыв цен, а также перегибы в предыдущую хлебозаготовительную кампанию и т. п.) препятствовали выполнению государственных хлебозаготовок и в 1929 г.

Выход из сложившейся ситуации был найден в ужесточении репрессий за невыполнение государственных заданий. Темпы хлебозаготовок в округе стали нарастать с начала сентября из пятидневки в пятидневку. Одновременно усиливался и нажим на деревню. К 3 ноября 1929 г. годовое задание по продовольственным культурам было выполнено на 105 %. Вместе с тем по линии ОГПУ из деревни было «изъято» больше 400 чел., по ст. 61 УК РСФСР привлечено к ответственности 950 крестьянских хозяйств (или 0,37 % от всех хозяйств округа)¹¹.

В течение только октября Окружной суд рассмотрел 19 дел по ст. 58 УК РСФСР. Привлечено по этим делам 81 чел., из них 77 осуждено и 4 оправдано. Из 77 чел. 17 были приговорены к расстрелу (из них 4 попа, 1 псаломщик, 5 кулаков, 4 бывших торговца и 3 зажиточных крестьянина). Остальные 50 чел. приговорены к различным срокам лишения свободы, 8 — к принудительным работам и 2 осуждены условно¹².

В ответ на репрессии в ходе хлебозаготовок в Мордовии участились случаи террора (угрозы, избиения, убийства и поджоги) по отношению к отдельным работникам местного

актива. При этом четко прослеживается их рост по мере усиления темпа хлебозаготовок: в июле был 1 террористический акт, в августе — 12, в сентябре — 35, в октябре — 45 и в ноябре — 18¹³.

В борьбу против политики Советского государства в деревне втягивались практически все слои крестьянства Мордовии — от бедноты до зажиточных. Безоговорочно против была «кулацко-зажиточная верхушка», к которой в хлебозаготовки отнесли до 12 % хозяйств Мордовского округа (например, в Ардатовском районе к выполнению твердых заданий было привлечено 551 хозяйство (8,43 %), Ромодановском — 1 296 (9,7 %), Чамзинском — 783 (6,3 %), в Наровчатском — 597 (8 %) ¹⁴).

Терпеливое вначале отношение к хлебозаготовкам середняков постепенно менялось в сторону откровенной враждебности к Советской власти. Отсутствовала безусловная поддержка и со стороны, казалось бы, союзников — батрацко-бедняцких слоев. Настроение крестьянской массы в этот период особенно четко можно проследить по докладным запискам и спецсводкам ОГПУ в связи с вооруженным конфликтом на КВЖД и с хлебозаготовительной кампанией. Факты, изложенные в них, говорят о поразительном единодушном неприятии политики руководства страны представителями различных слоев деревни Мордовии. Надежда на скорую войну с Китаем и капиталистическими странами и на изменения в политическом строе СССР красной нитью проходит через основную массу высказываний крестьян, зафиксированных в данных документах. Приведем только несколько выдержек.

Зажиточный крестьянин В. И. Преведенцев (с. Андалово Зубово-Полянского района) говорил: «Война с Китаем уже началась, и китайские войска заняли у нас два города, скорее бы нашу сволочь передушили»; середняк, член сельсовета В. П. Юртаев (с. Старые Пиченгуши Ельниковского района): «Советская власть, это не власть, а грабировка»; середняк Г. Тудялкин, инвалид Гражданской войны (с. Кечушево Ардатовского района): «Советская власть грубо ошиблась. Во время Гражданской войны, несмотря на то, что красноармейцы были голодные и босы, но сумели отразить врага. Это потому, что крестьяне чувствовали себя свободными людьми, а теперь возьмем настроение крестьянских масс, то, пожалуй, что Советская власть окажется как дупляное дерево»; середняк П. Д. Череншаев, колхозник (с. Левжа Рузаевского района): «Советской власти подходит крах. Во всем ощущается недо-

статок, как например: нет никаких товаров, ни продуктов. Власть берет от крестьян последний хлеб... В случае если вспыхнет война, то наступит конец коммунистам и Советской власти»; середняк С. М. Лыков, командир запаса (с. Лада, Ромодановский район), «будучи в пивной, где было очень много крестьян, в беседе... сказал: “Если будет война, то часть, которую мне дадут, вся будет идти против коммунистов и советской власти”»; бедняк П. А. Потапкин (с. Мордовские Парки, Краснослободский район): «Если будет война, то я в первую очередь порежу коммунистов, сколько успею»¹⁵.

Необходимо отметить, что местные органы власти (сельские советы) нередко были против непосильных хлебозаготовок и репрессий в их результате. Выше уже упоминалось, что 21 сельсовет отказался от принятия заданий по хлебозаготовкам. Во время проведения основных мероприятий на селе (хлебозаготовки, займы, самообложение, налоги, весенняя и осенняя посевные кампании и т.п.) с 1 апреля по 10 октября 1929 г. только по 9 районам было снято 113 председателей сельсоветов, из них 61 (54 %) — «за связь с кулачеством»; членов сельсоветов по 6 районам — 308 чел., из них «за связь с кулачеством» 218 (71 %) ¹⁶.

Несогласие с линией руководства ВКП(б) в сельском хозяйстве и методами проведения хлебозаготовок — проявление так называемого правого уклона — высказывали во многих районных парторганизациях округа. С точки зрения руководства окружкома, «правый уклон» проявился: а) в нежелании видеть классы в деревне и отрицании классовой борьбы в реконструктивный период (Талызино, Ельники, Кочкурово); б) поддержке теории «мирного вращивания» кулака в социализм (Краснослободск, Теньгушево); в) непонимании объективных причин продовольственных затруднений, путей их преодоления, недооценке совхозов и колхозов (Атяшево, Рузаевка, Теньгушево, Козловка, Дубенки, Талызино, Кочкурово); г) неверии в посильность темпов индустриализации (Рузаевка, Темников, Атяшево); д) поддержке теории деградации сельского хозяйства, обвинений партии в военно-феодалной эксплуатации деревни и неверии в подъем бедняцких хозяйств (Талызино, Рыбкино)¹⁷.

Таким образом, во многих парторганизациях Мордовии имелись силы, способные противостоять нарастанию насилия в деревне. Но, как показали дальнейшие события, чтобы кардинально изменить ситуацию, сложившуюся в центральных органах партии и государства к ноябрю 1929 г., их оказалось недостаточно и в масштабе всей страны.

Хлебозаготовительный план 1929 г., как в целом по СССР и РСФСР, так и по Средне-Волжскому краю, был перевыполнен. В Мордовии, например, было заготовлено 57 600 т¹⁸ при плане 52 800 т. Хлебозаготовительная кампания 1929 г. явилась своеобразным прологом грядущего «великого перелома», так как ее «успешное» выполнение послужило одной из причин форсирования перехода к широкомасштабному «наступлению» на единоличников. В ходе хлебозаготовок были апробированы методы проведения в недалеком будущем как политики насильственной ликвидации зажиточного крестьянства (так называемого кулачества), так и сплошной коллективизации.

Примечания

¹ ЦДНИ РМ, ф. 326, оп. 1, д. 559, л. 85.

² Там же, д. 548, л. 14.

³ Там же, д. 559, л. 85.

⁴ Там же, д. 558, л. 123.

⁵ Там же, д. 946, л. 15—16.

⁶ Там же, д. 552, л. 123.

⁷ ЦГА РМ, ф. Р-318, оп. 1, д. 25, л. 3—223.

⁸ ЦДНИ РМ, ф. 326, оп. 1, д. 616, л. 145—146.

⁹ Там же, д. 551, л. 10.

¹⁰ Там же, л. 21.

¹¹ Там же, л. 118.

¹² Там же, д. 621, л. 121.

¹³ Там же, д. 554, л. 41.

¹⁴ Там же, л. 52; д. 555, л. 79; д. 621, л. 110.

¹⁵ Там же, д. 614, л. 84, 116, 166, 266.

¹⁶ Там же, д. 555, л. 120.

¹⁷ Там же, д. 562, л. 26.

¹⁸ См.: **Агеев М. В.** Победа колхозного строя в Мордовской АССР. Саранск, 1960. С. 123.

УДК 323.325(470.343)

И. Ф. Ялтаев

РАСКУЛАЧИВАНИЕ КРЕСТЬЯН В МАРИЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ: ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП

Массовое раскулачивание и выселение крестьян, так называемых кулаков, в Марийской автономной области (МАО) началось в феврале 1930 г. Этой акции советских и партийных работников предшествовала тщательная подготовительная работа. Первичные меры по отношению к кулацким хозяйствам были определены на XV съезде партии, проходившем в декабре 1927 г., когда обсуждались задачи партийных и советских органов страны в деревне по коллективизации сельского хозяйства. В решении съезда указывалось, что к элементам частнокапиталистического хозяйства должна быть применена политика решительного хозяйственного вытеснения¹.

В январе 1928 г. партийное руководство области, рассматривая состояние сельского хозяйства, пришло к выводу, что в Марийской автономной области «кулак тоже есть» и «надо решительно его изолировать»². Процесс начался с обложения крестьянских хозяйств «прогрессивным», т. е. повышенным, налогом. Основным критерием определения кулацкого хозяйства стало получение крестьянами годового дохода свыше 450 руб.³ Для многих крестьян «прогрессивный» налог оказался непосильным, поэтому местные власти в счет погашения налога у крестьян продавали скот, имущество.

Следующей мерой по изолированию и хозяйственному вытеснению кулачества стали хлебозаготовки, проводимые в конце 1920-х гг. Установленные государством низкие закупочные цены на хлеб не позволяли крестьянам покупать сельхозмашины и промышленные товары. В итоге многие крестьяне отказывались сдавать хлеб государству, а некоторые вообще не имели излишков. В связи с возникшими трудностями с хлебозаготовкой в январе 1928 г. областной комитет партии предложил секретарям канткомов партии принимать самые решительные меры. Для проведения хлебозаготовок на местах создавались особые «тройки» из представителей партийных и советских работников, действия которых напоминали методы продотрядов времен «военного коммунизма». Работой «троек» руководили направленные из области уполномоченные. В ка-

честве решительных мер власти привлекали крестьян к суду, а хлеб конфисковывали. Так, только за период хлебозаготовительной кампании 1928 г. судебными органами области был привлечен 201 чел., из них 101 чел. приговорен к лишению свободы. По данным обкома партии, привлеченными оказались 110 середняков, 55 — выше среднего, 16 кулаков, остальные — торговцы и арендаторы мельниц⁴. Таким образом, видно, что удар был нанесен тем крестьянским хозяйствам, которые своим трудом выращивали хлеб.

Проведение налоговой политики и хлебозаготовок немедленно сказалось на развитии животноводства области — сократилось поголовье скота в крестьянских хозяйствах. Так, в 1928/29 г. по сравнению с 1927/28 г. поголовье коров уменьшилось на 2 200 гол., овец и коз — на 2 100, свиней — на 1 500⁵. Для борьбы с кулачеством в это же время в кантонах области создаются комиссии по проверке социального состава колхозов, задачей которых было проведение «классового фильтра» коллективных крестьянских хозяйств. Соблюдение классового принципа становится главным и при землеустроительных работах, выборах в местные органы власти и т. д. В конце 20-х гг. чистка Советов, лишение крестьян избирательных прав принимают массовый характер.

После проведения в 1929 г. «классового фильтра» и чистки колхоза от «чуждых элементов», по данным обкома партии, удельный вес кулаков в них снизился по сравнению с 1928 г. с 5,9 до 0,7 % (на 1 октября 1929 г.)⁶. Увеличился удельный вес бедняков в сельхозкооперациях с 38,7 до 58,8 %⁷. Выросла бедняцкая часть крестьянства в выборных органах власти с 17,2 до 28,7 %⁸.

Усиление борьбы с кулачеством стало особенно заметным после принятия СНК СССР постановления от 21 мая 1929 г., в котором были определены перечни признаков кулацких хозяйств⁹. Согласно данному постановлению, к кулакам были отнесены крестьянские хозяйства, имеющие мельницы, маслобойки, крупорушки и т. д. Кулаками считались крестьяне, сдающие внаем сельхозмашины, применяющие наемный труд (который до этого разрешался и регламентировался советским законом), а также лица, занимающиеся предпринимательством, торговлей хлебом, скотом и т. д. Так имущественное положение крестьян стало главным критерием при определении кулацкого хозяйства.

В это же время через областные газеты и журналы велась большевистская пропаганда об антиколхозных действиях кулачества, звучали призывы бороться с кулаками — врагами

Советской власти. В 1929 г. власти от призывов перешли к решительным мерам: на собраниях бедноты в деревнях МАО начали выявлять кулаков. Используя пресловутую ст. 58 УК РСФСР, крестьян стали лишать свободы, высылать из области. Для эффективной борьбы с кулачеством в конце 1929 г. прокуратура МАО приняла решение к 1 января 1930 г. при сельских советах организовать «примирительные камеры»¹⁰.

Своеобразной репетицией по раскулачиванию крестьянских хозяйств в МАО стала акция советских и партийных работников по взысканию недоимок с частников. Ее провели согласно секретной инструкции Нижегородской краевой прокуратуры, направленной всем окружным и областным прокурорам края в начале 1930 г. Подготовительная работа по изъятию недоимок проводилась в строжайшем секрете. 12 января президиумом облисполкома был создан областной штаб рабочей бригады по ликвидации недоимок в составе 6 чел., куда вошли представители прокуратуры, суда, ОГПУ, финорганов¹¹. В г. Козьмодемьянск, Йошкар-Ола, в кантонных центрах Сернур, Мари-Турек были организованы оперативные «тройки». В помощь им в качестве исполнителей дополнительно привлекли 159 чел. из рабочих, батраков и колхозников¹². Для проведения этой секретной акции они заранее получили все необходимые документы: анкеты на недоимщиков, ордера на обыск, акты описи имущества, протоколы обысков и т. д.

Операция по изъятию недоимок в Йошкар-Оле, Козьмодемьянске началась в ночь на 14 января и завершилась в течение суток, а в кантонах — 21 января и продолжалась 5 дней. В ее ходе рабочими бригадами области было взыскано недоимок на общую сумму 117 тыс. 286 руб., из них деньгами — 19 тыс. 261 руб., остальное — за счет конфискации вещей, строений, драгоценностей и т. д.¹³ Часть драгоценностей и вещей во время обысков и изъятия имущества присваивались представителями рабочей бригады. Это же допускалось затем и в ходе массового раскулачивания крестьян.

Так партийные и советские работники области в конце 20-х гг., создавая образ врага — кулака в деревне, формируя общественное мнение о необходимости борьбы с ним, постепенно перешли к ликвидации его как класса. Деятельность различных «бригад», «троек» и им подобных была подчинена одной цели — выявить отношение основной массы крестьянства к социалистическим преобразованиям в деревне и сломить его активное или пассивное сопротивление преобразованиям.

Переход к политике ликвидации кулачества как класса был провозглашен Сталиным в конце 1929 г., но соответствующие

постановления были приняты только в начале 1930 г. Так, 5 января 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». В нем подчеркивалось, что в сельском хозяйстве страны есть все условия «... для замены крупного кулацкого производства крупным производством колхозов... и полное основание перейти... от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса»¹⁴.

Конкретные пути ликвидации кулачества были даны в постановлении ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством»¹⁵. Кроме того, на места сразу же были направлены многочисленные указания и секретные инструкции по претворению в жизнь данного постановления. В начале февраля 1930 г. партийные и советские работники области, имея большой опыт по организации деятельности различных «троек», рабочих «бригад», приступили к раскулачиванию крестьян в деревнях МАО.

Примечания

¹ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 4. С. 262.

² ГАРМЭ, П-1, оп. 1, д. 499, л. 123, 130.

³ Там же, ф. Р-250, оп. 4, д. 31, л. 188.

⁴ Там же, П-1, оп. 1, д. 513, л. 39.

⁵ Подсчитано по: ГАРМЭ, П-1, оп. 1, д. 432, л. 87.

⁶ Там же, д. 515, л. 150.

⁷ Там же, л. 13.

⁸ Там же, л. 9.

⁹ См.: Коллективизация: истоки, сущность, последствия. Беседа за круглым столом // История СССР. 1989. № 3. С. 28.

¹⁰ ГАРМЭ, П-1, оп. 1, д. 515, л. 62.

¹¹ Там же, ф. Р-384, оп. 4, д. 14, л. 12.

¹² Там же.

¹³ Там же, л. 13.

¹⁴ Правда. 1930. 6 янв.

¹⁵ Известия. 1930. 2 февр.

УДК 63—051(470.344)

Ю. П. Смирнов

**КРЕСТЬЯНСТВО В УСЛОВИЯХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
ДЕРЕВНИ: ХАРАКТЕР ВОСПРИЯТИЯ
(по материалам Чувашской АССР)**

Коренное переустройство общественной жизни, начавшееся после Октября 1917 г., не могло ограничиваться социально-политической, идеологической и духовной составляющими. Обеспечить полную реализацию планов по созданию государства и общества нового типа могли лишь радикальные перемены в экономике, хозяйственном укладе, мировосприятии крестьян, представлявших основную массу населения России в первые десятилетия XX в. Из двух вариантов преобразования сельского хозяйства — затяжного по времени, постепенно-эволюционного, с одной стороны, и быстрого, революционно-мобилизующего — с другой — руководство страны выбрало последний и столкнулось с немалыми трудностями в его осуществлении.

Несмотря на то, что власть сосредоточила в своих руках все стратегические ресурсы, силовые функции, рычаги принуждения, процесс массовой коллективизации сначала откровенно пробуксовывал. Доводившиеся сверху планы коллективизации должны были строго выполняться. «Руководителей колхозов и совхозов, проявлявших бездеятельность, не справляющихся с задачами партии, привлекать к ответственности вплоть до предания суду», — говорилось в постановлении СНК РСФСР о ходе подготовки к весенней сельскохозяйственной кампании¹.

Подобная постановка вопроса стала поводом для крайних мер и нарушений, и в первую очередь принципа добровольности — обязательного согласия каждого крестьянина на вступление в колхоз. В стремлении повысить план, в погоне за показателями охвата коллективизацией районные ответственные работники и сельский актив насильно принуждали крестьян вступать в колхозы. Отказывающимся угрожали раскулачиванием, выселением, лишением избирательных прав, штрафами. Крестьян-единоличников лишали права приобретать товары первой необходимости из магазинов потреббщества. Применение подобных методов могло дать быстрые ре-

зультаты для отчетности, но не способствовало глубинному решению проблемы: следовало убедить крестьянина-единоличника в преимуществах новой формы хозяйствования, нужно было привить ему уверенность в том, что в новых условиях он будет чувствовать себя увереннее. Однако на это требовалось время, которое руководством страны не предоставлялось: от всех ждали быстрых результатов.

Администрирование и насильственное насаждение колхозов проводились в разных формах. Как правило, в колхоз записывали не по личным заявлениям крестьян. Обычно уполномоченные из района или области, руководители сельских исполнительных комитетов (СИК) и партийных ячеек в деревнях созывали общие собрания граждан по вопросам коллективизации крестьянских хозяйств. Кто-либо из приезжего начальства выступал с докладом о том, как нужна и полезна организация колхоза в деревне. Местные активисты поддерживали эти предложения, а выступавших против коллективизации, как правило, не было. Вопрос о создании колхозов решался общим голосованием. Например, в с. Акулево Чебоксарского района организация колхоза произошла в ходе собрания, посвященного необходимости колхозного строительства в СССР, через опрос присутствующих об их желании, т. е. списком, а не на основании индивидуальных добровольно поданных заявлений².

Широко распространялось административное принуждение крестьян к вступлению в колхозы. Так, уполномоченные обкома партии по Малояльчикскому району в отчете сообщали, что в д. М. Таяба из 270 дворов в колхоз вступили лишь 17 хозяйств. В результате проведения индивидуальной работы за короткий срок это число удалось довести до 109 хозяйств (почти половина). На общем собрании граждан было объявлено, что тот, кто не вступит в артель, получит земли на окраине района, верстах в 30 и более. Каждый единоличник вызывался по списку в президиум, ему давалось 5 мин на обдумывание. В результате принуждения в колхоз записались дополнительно 20 хозяйств, но в посемейно-имущественный список подписались лишь 6 чел.³

В д. Пихтулино Чебоксарского района были случаи записи в колхозы заочно. Местные работники угрожали прекратить отпуск промтоваров, а не записывающимся в колхозы обещали нарезать земельные наделы вдали от селений. Организаторы колхоза всеми путями добивались 100%-го обобществления домашнего скота и даже птицы⁴. В с. Абашево Чебоксарского района партия проводила коллективизацию угрозами и принуждениями. Было заявлено, что каждый не за-

писавшийся в колхоз будет выслан на Соловки. В результате в колхоз вошло все село⁵.

В Новошимкусском сельсовете Яльчикского района бригада райисполкома организовала обыск в 16 хозяйствах крестьян, не согласных вступить в колхоз, наложила на них штрафы и незаконно изъяла имущество. В Янтиковском сельсовете этого же района 40 бедняцко-средняцких хозяйств были обложены дополнительным налогом. В Янашевском сельсовете такому незаконному насилию были повергнуты 14 хозяйств, из них 9 — средняцких. Здесь каждое хозяйство было обложено налогом по 500 руб. со сроком уплаты его в течение 24 ч. Поскольку крестьяне отказались платить такой непосильный налог, сельсовет организовал распродажу их имущества. При этом присутствовал инструктор райкома партии, но он беззаконие не предотвратил⁶.

Грубым насилием в период коллективизации было обобществление в некоторых селениях мелкого рогатого скота и птицы. Такое ошибочное и вредное указание районам было дано правлением Чувашиколхозсоюза. Только в Чебоксарском районе кроме 1 105 гол. крупного рогатого скота было обобществлено 1 265 гол. свиней, 3 063 гол. овец, 2 154 гол. птицы и 1 000 пчелосемей⁷.

Приведенные факты свидетельствуют о полном пренебрежении к настроениям крестьянства, игнорировании его неготовности и нежелания отказаться от единоличного хозяйства. В связи с этим крестьянство проявило массовое недовольство против колхозного движения. Во многих населенных пунктах прошли выступления с требованием роспуска (ликвидации) колхозов, кулаки вновь вселялись в свои экспроприированные дома, открывались церкви. 23 марта 1930 г. в с. Б. Яльчики около здания сельсовета собралась толпа из 200 — 300 чел., преимущественно женщин. Они требовали распустить колхоз. Случаи организованного выступления женщин против колхозного строительства были отмечены в Чебоксарском районе в д. Пихтулино 14 и 15 мая 1930 г.: они выгнали личный обобществленный скот из колхозного стада. В Чемуршах женщины приостановили 15 мая колхозное землеустройство. Жители с. Синьял-Покровский и Хоры-Зор не пустили скот в общественное стадо⁸.

В бескомпромиссную борьбу против колхозов и связанной с этим перестройки общества вступило притесненное кулачество, которое саботировало хлебозаготовки, выступало против землеустроительных работ и других хозяйственно-политических задач Советской власти, вело антиколхозную агитацию, осу-

ществляло террор против партийных и советских работников, сельского актива, представителей общественности. В д. Малые Карачуры Чебоксарского района кулаки убили молодого председателя колхоза «Пчела» Соловьева, избili комсомольца В. Новикова, угрожали убийством землемеру Степанову⁹. Террористические акты и антиколхозные выступления произошли и в Малояльчикском районе. Так, например, был зверски избит кулаками д. Баиглычево рабочий-двадцатипятилетний, председатель колхоза Иван Григорьевич Орехов. По сведениям, представленным из 1 141 колхоза республики, со дня их организации до 1 июня 1931 г. было совершено 379 покушений на активистов, 96 поджогов их домов и колхозных построек, 36 случаев отравления колхозного скота и т. д.

Одновременно с ростом антиколхозного движения среди крестьян начался массовый выход из колхозов. Так, в Чебоксарском районе на 1 марта насчитывалось 68 % коллективизированных крестьянских хозяйств, а на 1 июня осталось только 12 % хозяйств¹⁰. Из 45 колхозов, организованных в Малояльчикском районе с 1 октября 1929 г. по 1 мая 1930 г., двадцать пять ликвидировались или разорились.

Причинами массового выхода крестьян явились не только насильственная коллективизация и враждебные действия кулачества. Нельзя не отметить чрезвычайную спешку, которая также влияла на распад колхозов. Допускались случаи отвода колхозам самых лучших земель, при этом совершенно игнорировались интересы большинства оставшихся вне колхоза. В результате обострялись отношения между колхозниками и неколхозниками. Недостаточно учитывались и национальные особенности республики: для Чувашии были характерны экономическая и культурная отсталость коренного населения, недостаточный уровень политической зрелости национальных кадров, наличие религиозно-бытовых предрассудков и сильная привязанность чувашского крестьянства к индивидуальному хозяйству, перманентное недоверие к органам власти на всех уровнях.

Таким образом, планировавшаяся как мобильная и ускоренная по времени кампания по коллективизации сельского хозяйства столкнулась с глухим недовольством и открытым сопротивлением крестьянских масс, особенно остро проявившимся в наиболее отсталых районах, к которым в первую очередь относились национальные окраины. Для решения поставленных руководством страны задач был нужен комплекс мер, в том числе в сфере просвещения — образовательного, социально-политического, санитарно-гигиенического. Возникла объективная необходимость в более гибкой политике с учетом местных осо-

бенностей и интересов населения, но главное — требовалось время для изменения мышления крестьян. В целом предпринятая в начале десятилетия коллективизация в полной мере осуществилась в годы Великой Отечественной войны, когда фактор внешней угрозы, равный для всех, вынудил население сплотиться, и с этого момента механизм формирования колхозного сообщества заработал эффективно. Из войны крестьянство вышло, по сути, обновленным, в полной мере колхозным.

Примечания

¹ Красная Чувашия. 1930. 16 февр.

² ЦГА ЧР, ф. 197, оп. 1, д. 1015, л. 42.

³ Там же, д. 998, л. 24.

⁴ Там же, оп. 2, д. 34, л. 16.

⁵ См.: Красная Чувашия. 16 марта.

⁶ ЦГА ЧР, ф. 72260, оп. 1, д. 14, л. 56.

⁷ Там же, д. 327, л. 53.

⁸ Там же, д. 92, л. 50.

⁹ См.: Очерки истории Чувашской областной организации КПСС. Чебоксары, 1974. С. 203.

¹⁰ ЦГА ЧР, ф. 197, оп. 9, д. 14, л. 229.

Поступила 11.04.2003 г.

УДК 323.25(470.4)

В. В. Кондрашин

ГОЛОД 1932 — 1933 гг. В ПОВОЛЖЬЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

2003 г. характеризуется печальной датой — 70-летием голода 1932 — 1933 гг. в советской деревне. Он навсегда вошел в историю России в качестве одной из самых трагических страниц яркого свидетельства жестокости эпохи и политического режима, завершившего ценой миллионов жизней крестьян исторически закономерную индустриальную модернизацию России. Трагедия 1932 — 1933 гг. не обошла стороной и поволжскую деревню.

Начиная с 1930-х и до середины 1980-х гг. голод 1932 — 1933 гг. в СССР, в том числе в Поволжье, замалчивался, был

© В. В. Кондрашин, 2004

запретным для исследователей, принадлежал к числу так называемых белых пятен советской истории. Эта тема могла затрагиваться в исторической литературе лишь в одном контексте — в плане идеологической борьбы с «буржуазными фальсификаторами» истории советской деревни¹. В то же время в условиях запрета на данную тему осмелился заговорить в своих произведениях писатель М. Алексеев, лично переживший 1933 г. в Поволжье².

С началом в СССР политики гласности ситуация изменилась, тема сталинского голода стала активно изучаться исследователями. Они рассматривали ее в общем контексте взаимоотношений коммунистов и крестьянства и в результате пришли к выводу об антикрестьянской политике Советского правительства, целью которой была эксплуатация деревни, выкачивание из нее ресурсов ради индустриальной модернизации страны. Крестьяне оказались «сырым материалом» для строительства социалистического строя. Ценой огромных жертв, лишений они обеспечили Советской России рывок в индустриальное общество. Голод 1932 — 1933 гг. стал закономерным явлением в этой цепи событий. Историки указали на преступный характер сталинской политики раскулачивания, которая не могла быть оправдана никакими сиюминутными соображениями. Ее последствия, так же, как и насильственной коллективизации в целом, негативно сказались на дальнейшей истории советского общества и привели его к гибели. Непосредственными причинами голода стали коллективизация и неразрывно связанные с ней принудительные хлебозаготовки³.

Тема голода 1932 — 1933 гг. в Поволжье впервые была затронута в публикациях одного из ведущих российских историков-аграрников И. Е. Зеленина. В них он охарактеризовал ход хлебозаготовительной кампании 1932 г. на Нижней Волге и работу там в декабре 1932 г. комиссии ЦК ВКП(б) по вопросам хлебозаготовок, возглавляемой секретарем ЦК партии П. Постышевым⁴.

Значительная работа по изучению истории коллективизации и голода 1932 — 1933 гг. была проведена в 1990-е гг. историками Поволжья⁵. Именно в их исследованиях тема получила всестороннее освещение. Они составили карту голода, на которой указали наиболее пораженные в 1932 — 1933 гг. районы Поволжья. Авторы уделили внимание анализу региональной специфики коллективизации. Так, в работах Т. В. Ефериной, О. И. Марискина, Т. Д. Надькина и других историков Республики Мордовия показаны особенности коллективизации и голода в этой части Среднего Поволжья⁶. Причем наиболее пло-

дотворно в данном направлении работает Т. Д. Надькин. Положению в начале 1930-х гг. в Татарии посвящен специальный сборник документов, составленный казанскими историками А. Г. Галямовой и Р. Н. Гибадулиной⁷. Тема голода 1932 — 1933 гг. в Поволжье получила отражение в краеведческой литературе⁸.

Обобщающей работой о трагедии 1932 — 1933 гг. в регионе стала совместная монография Д. Пеннер (США) и В. В. Кондрашина «Голод: 1932 — 1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани)» (Самара; Пенза, 2002). Широко используя комплекс источников (архивных материалов, воспоминаний очевидцев, опубликованной литературы), авторы воссоздали в монографии конкретно-историческую панораму событий, показав, как и почему все происходило. Проблема рассматривается ими в контексте мировой истории борьбы с голодом.

Крупнейшим достижением российской и зарубежной науки в 1990-е гг. стала публикация серии документальных сборников, посвященных истории коллективизации, под общим названием «Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание»⁹. В них опубликованы уникальные, ранее не доступные ученым материалы, характеризующие причины, ход и последствия коллективизации, в том числе в Поволжье¹⁰. Авторами представлен широкий комплекс источников из центральных и местных архивов, позволяющий восстановить целостную картину основных аспектов коллективизации и голода 1932 — 1933 гг. В сборниках введены в научный оборот документы, раскрывающие подлинный механизм принятия «сверху» решений по реформированию деревни, показана персональная роль в данном вопросе Сталина и его ближайшего окружения. Они знакомят читателя с большим массивом документов, исходящих непосредственно из крестьянской среды, что позволяет лучше понять крестьянское восприятие государственной аграрной политики. Третий том серии посвящен периоду 1931 — 1933 гг. и содержит материалы, глубоко и всесторонне раскрывающие обстоятельства голода в основных зерновых районах СССР, включая Поволжье¹¹.

На региональном уровне, как видно из опубликованных работ по проблеме коллективизации и голода 1932 — 1933 гг., в том числе в Поволжье, воспроизведены выводы ведущих московских историков, однако они конкретизированы на материалах местных архивов. Тема голода 1932 — 1932 гг. в Поволжье была затронута и в публикациях зарубежных ученых. Так, Р. Конквест указал, что «главной мишенью террора голо-

дом» стала Республика немцев Поволжья¹². Недостатком работ Конквеста на эту тему является слабая источниковая база. Среди японских исследователей отметим Хироси Окуду, написавшего прекрасную монографию о положении поволжской деревни в годы сталинской «революции сверху»¹³.

Современные российские ученые в целом положительно оценили вклад зарубежных коллег в изучение советской коллективизации и голода 1932—1933 гг., указав при этом на необходимость более пристального внимания к региональным аспектам и источникам¹⁴.

Анализ опубликованных работ российских и зарубежных исследователей, основанных на обширной источниковой базе, свидетельствует о совпадении оценок главных событий 1932—1933 гг. в советской (поволжской) деревне. Этот факт указывает на плодотворность и целесообразность дальнейшего научного сотрудничества ученых разных стран в области изучения истории России, в том числе голода 1932—1933 гг., как на общероссийском, так и на региональном уровне.

Примечания

¹ См.: БСЭ. М., 1939. Т. 41. С. 593—604.

² См.: Алексеев М. Драчуны. М., 1982.

³ См.: Данилов В. П. Коллективизация сельского хозяйства в СССР // История СССР. 1990. ц 5. С. 7—30; Зеленин И. Е. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации // История СССР. 1989. ц 2. С. 3—19; Никонов Н. А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII—XX вв.). М., 1995; и др.

⁴ См.: Зеленин И. Е. Указ. соч. С. 16—17.

⁵ См.: Балакин Д. Б. Карта голода 1932—1933 гг. в Поволжье и на Южном Урале / Д. Б. Балакин, В. В. Кондрашин // Историческая демография: новые подходы, методы, источники. М., 1992. С. 78—79; Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. 1918—1941. Ч. 2. Автономная республика 1924—1941. Саратов, 1994; Кондрашин В. В. Голод 1932—1933 годов в деревнях Поволжья // Вопр. истории. 1991. ц 6. С. 176—181; Он же. Голод 1932—1933 годов в деревнях Поволжья (по воспоминаниям очевидцев) // Новые страницы истории Отечества. Пенза, 1992. С. 164—170; Он же. The 1932—33 Famine in the Villages Along the Volga // Russian Studies in History. Fall 1992 / Vol. 31, Nr. 2. P. 19—30; Он же. Голод 1932—1933 годов в пензенской деревне // Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии. Пенза, 1992. С. 112—116; Он же. Организованный голод 1932—1933 гг. в Поволжье // Крестьяне и власть. Тамбов, 1995. С. 101—102; Он же. Голод 1932—1933 гг. в деревнях Поволжья // Голодомор 1932—1933 рр. в Україні: причини і наслідки. Київ, 1995. С. 123—132; Он же. Документы архивов бюро ЗАГС как источник

по истории поволжской деревни // Актуальные проблемы археологии, источниковедения и историографии. Вологда, 1995. С. 68–72; **Он же**. Голод в крестьянском менталитете // Менталитет и аграрное развитие России. М., 1995. С. 115–123, 378–380; **Он же**. Голод 1932–1933 гг. в Поволжье // Вопросы крестьяноведения. Саратов, 1996. Вып. 3. С. 92–99; и др.; **Савельев С. И.** Раскулачивание: истоки, цели, методы, следствия (на материалах Нижне-Волжского края АССР немцев Поволжья) // Аграрный вопрос в России при формировании рынка. Саратов, 1993. С. 143–155; и др.

⁶ См.: **Еферица Т. В.** Крестьянская община в период коллективизации (по материалам ЦГА РМ) // Проблемы истории мордовского края. Саранск, 1993; **Еферица Т. В.** Налоговая политика и крестьянское хозяйство в 1920 – 1930-е годы / Т. В. Еферица, О. И. Марискин, Т. Д. Надькин. Саранск, 1998; **Надькин Т. Д.** Борьба крестьянства Мордовии против насильственной коллективизации с осени 1929 до весны 1932 г. (по материалам ЦГА РМ) // Вестн. Мордов. ун-та. 1994. ц 1; **Он же**. Сплошная коллективизация и раскулачивание крестьянских хозяйств в Мордовии (осень 1929–1932 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 1996; **Он же**. Кровавое лето 1931-го года // Странник. 1996. ц 3; **Он же**. Коллективизация крестьянских хозяйств в Мордовии в 1931 – 1932 гг. Второй отлив из колхозов // Экономика Мордовии: история и современность. Вып. 113. Саранск, 1997. С. 100–112; **Он же**. Раскулачивание и депортация крестьянских хозяйств в 1931–1933 гг. // Гуманитарные науки и образование: проблемы и перспективы. Саранск, 1997. С. 153–156; **Он же**. Первый этап коллективизации крестьянских хозяйств в Мордовии // Актуальные вопросы истории и этнологии. Саранск, 1998. Вып. 1. С. 37–50; **Он же**. Формы противодействия крестьян Мордовии политике Советского государства в деревне в 1929–1932 гг. // Там же. С. 144–147; **Он же**. Хлебозаготовки и голод начала 30-х гг. в деревне Мордовии // Там же. Саранск, 1999. Вып. 2. С. 45–49; **Он же**. Налогообложение «кулацких хозяйств» в первой половине 30-х годов (по материалам Мордовии) // Там же. Саранск, 2001. Вып. 3. С. 44–49; **Он же**. Коллективизация и раскулачивание в Мордовии в начале 30-х годов. Саранск, 2001; и др.; **Филатов Л. Г.** Коллективизация в Мордовии: Проблемы, особенности, время завершения // На перекрестке мнений. Саранск, 1990. С. 188–199; **Он же**. Деревня Мордовии в годы коллективизации. Саранск, 2002; и др.

⁷ См.: «Альметьевское» дело. Трагические страницы из истории крестьянства Альметьевского района (конец 20-х – начало 30-х гг.). Казань, 1999.

⁸ См., например: **Полубояров М.** Зачеркнутая строка, или Организованный голод // Волга. 1991. ц 4. С. 127–137; и др.

⁹ О данных проектах и изданиях подробнее см.: **Мякинков С. И.** Презентация международных научных проектов по истории российского крестьянства XX в. // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. М., 1999. С. 299–306.

¹⁰ См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Док. и материалы: В 5 т. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929. М., 1999. Док. ц 55, 105, 127, 174, 193, 197, 215, 227, 254 и др.; Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. М., 2000. Док. ц 1, 14, 22, 56, 57, 64, 87, 88, 123, 188, 216, 241, 259; Т. 3. Конец 1930 – 1933. М., 2001.

¹¹ Там же. Т. 3. Док. ц 14, 19, 35, 42, 49, 52, 56, 63, 68, 69, 76, 80, 87, 97, 123, 138, 145, 162, 186, 193, 200, 223, 225, 227, 233, 234, 238, 239, 242, 243, 253, 257, 266, 276, 287–293, 298, 309–312, 319, 325, 328, 332, 341, 346–348, 350–351, 359, 362, 363, 366, 370, 372, 378, 383 и др.

¹² См.: **Конквест Р.** Жатва скорби. Советская коллективизация и терпор голодом. Лондон, 1988. С. 409–410.

¹³ См.: **Hiroshi Okuda.** Revolution on the Volga: the Soviet Countryside under Stalinist Rule 1929–1934, Tokyo, 1996. (На япон. яз.).

¹⁴ См.: **Баранов Е. Ю.** Причины и последствия голода 1932–1933 гг. в СССР: дискуссии российских и зарубежных ученых // Третьи Уральские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 1999. С. 95–100; **Булкина Л. В.** Сравнительная англо-американская и отечественная историография проблем преобразования сельского хозяйства в 20–30-е гг. в Среднем Поволжье (к постановке проблемы) // XXVI Огаревские чтения. Саранск, 1993. С. 13; и др.

Поступила 09.04.2003 г.

УДК 93:63

Е. В. Касимов

РОЛЬ КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Кредитная политика Советского правительства явилась мощным и, главное, эффективным орудием в осуществлении коллективизации сельского хозяйства страны. В этом мы можем убедиться, проанализировав документы правительственных и кредитных учреждений за 1929 – 1932 гг.

Прежде всего роль широкого кредитования коллективных хозяйств заключалась в стимулировании коллективизации и кооперирования крестьянства. Появилось даже образное сравнение сельскохозяйственного кредита с «кровью, которой питается коллективизация сельского хозяйства»¹. Постановлением СНК СССР «О фондах кооперирования и коллективизации деревенской бедноты и батрачества» от 19 сентября 1929 г.

© Е. В. Касимов, 2004

бедноте выдавались беспроцентные возвратные ссуды на срок от 5 до 10 лет для уплаты вступительных и паевых взносов в сельскохозяйственные коллективы. В 1930 г. размер кредитования колхозов Чувашии увеличился в 6 раз против 1929 г. и за 1929/30 г. при 12,15 % коллективизации удельный вес колхозов в выполнении плана кредитования составил 67,6 %, в особом квартале — 85,3 %². За 1931 г. коллективные хозяйства Чувашии получили 87,9 % выделенных кредитов³, хотя на 1 января 1931 г. объединяли лишь 43,33 % крестьянских хозяйств. Кредиты колхозам выдавались на льготных условиях по сравнению с единоличниками: на более длительный срок и под меньший процент. В «погоне за темпами» не обошлось без так называемых перегибов: в районах, где процент коллективизации достигал 60 %, постановлением Чувашского сельскохозяйственного банка кредитование единоличников прекращалось⁴.

Естественно, что большие средства направлялись в колхозы не ради формального вовлечения все большего числа крестьянского населения в сельскохозяйственные кооперативы. Кредитование шло по линии укрепления обобщественного сектора колхозов. Ссуды выдавались на покупку рабочего или племенного скота, сельскохозяйственных машин, мелиорацию, закладку садов и огородов, строительство животноводческих построек и предприятий по переработке сельскохозяйственных продуктов, приобретение минеральных удобрений и средств для борьбы с вредителями. Например, за коммунной «Красный батрак» Алатырского района на 1 октября 1931 г. числилась задолженность в 54 924 руб. по более чем 20 видам ссуд⁵.

Участие колхозников своими собственными средствами (вступительные паевые взносы и вклады) в формировании основного капитала колхозов было в те годы незначительно — лишь 12,1 % по итогам выборочного обследования колхозного строительства в Малоальчикском и Канашском районах на 1 декабря 1929 г.⁶ Указание Нижегородского краевого союза колхозов от 11 октября 1929 г. об установлении по Нижегородскому краю паев от 25 руб. в товариществах по совместной обработке земли до 100 руб. в коммунах⁷ часто не соблюдалось. В результате основной капитал коллективных хозяйств составлялся главным образом из кредитных и безвозвратных государственных поступлений. Способствуя увеличению неделимых фондов колхозов, Советское правительство еще больше сплачивало крестьян вокруг колхозов, так как трудно говорить о ведении действительно коллективного хозяйства, пока формально обобщественный скот по-прежнему на-

ходится на подворье колхозников ввиду отсутствия специально приспособленных конюшен, телятников и т. п.

Отметим, что столь внушительные размеры кредитования, нарастание задолженности колхозов по ссудам создали особый механизм давления государства на колхозы. Невыполнение с их стороны обязательных поставок вело помимо прочих мер к досрочному взысканию кредитов.

Оказывая помощь коллективным хозяйствам, Советское правительство поощряло укрупнение существующих колхозов и их переход к формам с более высокой степенью обобществления. Планы кредитования строились исходя из необходимости обеспечения первоочередного кредитного обслуживания крупных колхозов⁸ и тех групп коллективных хозяйств, которые имели возможность укрупниться путем слияния⁹. Особые льготы и преимущества предоставлялись коммунам и сельскохозяйственным артелям. По шкале кредитования, утвержденной Наркомземом РСФСР, коммунам мог быть отпущен кредит на покупку рабочего скота, достигавший 75 — 85 % стоимости животных, артелям — не более 65 — 75 %, товариществам по совместной обработке земли — 55 — 65 %¹⁰. Специально предписывалось при реализации кредитов обращать внимание на то, что «в крупных колхозах и районах сплошной коллективизации должен быть обобществлен весь наличный рабочий скот на 100 % и крупный рогатый скот не менее, чем на 80 %»¹¹. В марте 1930 г., после начала массового выхода крестьян из колхозов и появления статьи И. В. Сталина «Головокружение от успехов», эти указания внезапно превратились в «нарушения и искажения» установок партии, в стремление «забежать вперед» и, соответственно, перестали действовать.

Кредитная политика Советского правительства сыграла роль в усилении планового начала в работе колхозов, предусматривая выдачу ссуд на основе производственных планов и приходно-расходных смет, несмотря на то, что в годы сплошной коллективизации колхозы кредитовались почти исключительно по разовым заявкам.

Особое значение проводимой государством кредитной политики заключалось в мобилизации денежных средств крестьян, использовании их инвестиций на нужды индустриализации и коллективизации. Государство не выдавало кредиты на полную стоимость предполагаемых затрат. Согласно ориентировочным нормам, кредиты на рабочий скот и минеральные удобрения не могли превышать 75 — 85 % всей стоимости, на сельскохозяйственные постройки — 50 %, на садо-

водство и огородничество — 70 — 80 % и т. д. При этом давалось указание максимально усиливать размеры собственных вложений колхозов¹². В крупных колхозах кредитные вложения не должны были превышать 1 рубля на 1 руб. вложений самого населения¹³. В единоличном секторе собственные вложения составляли еще больший процент. Более того, в I квартале 1931 г. правительство сделало попытку увеличить долевое участие всех колхозов в кредитуемых мероприятиях до 50 — 60 %, но она провалилась и пришлось уже в начале марта возвратиться к прежней шкале кредитования¹⁴. Вскоре, 12 июня 1931 г., Совнарком СССР издал декрет «О порядке образования фонда долгосрочного производственного кредитования сельского хозяйства и изменениях в порядке кредитования колхозов и во взаимоотношениях их с кредитной системой», которым отменил шкалу кредитования, установив, что теперь «в пределах районного лимита земельные органы совместно с райколхозсоюзами сами определяют размер кредитования для каждого отдельного колхоза, причем с учетом его экономической мощности»¹⁵. Таким образом, колхоз мог получить кредит полностью на всю сумму приобретаемых средств производства или, наоборот, всего 10 — 15 % суммы¹⁶. Очевидно, после этого преобразования средства самого населения меньше привлекаться не стали.

Значение колхозов в мобилизации денежных средств крестьянского населения не ограничивалось долевым участием в производственном кредитовании. Колхозному сектору отводилась роль лидера в реализации всевозможных государственных займов. Логика здесь проста: ежегодно увеличивается помощь государства колхозам, а одним из источников этих средств являются государственные займы. Например, каждый колхоз обязан был приобрести «3-й займ индустриализации» не менее чем на 5 руб. на каждое хозяйство в колхозе¹⁷, займ «Пятилетка в 4 года» — на 7,5 руб.¹⁸ Уместно вспомнить, что с 1927 по 1940 г. ни один год не обошелся без выпуска займа...

После постановления Колхозцентра СССР и РСФСР от 26 сентября 1930 г. «в целях широкого привлечения средств колхозов и колхозников на развитие мероприятий по социалистическому переустройству сельского хозяйства» правления колхозов обязали все наличные средства за исключением небольшого аванса держать в кредитных товариществах или сберегательных кассах¹⁹.

Наконец, колхозы своими средствами прямо участвовали в формировании фондов кредитования: в фонды кооперирования и коллективизации деревенской бедноты и батрачества

сельскохозяйственные коллективы и их кустовые объединения отчисляли 5 % от чистой прибыли, в фонд долгосрочного кредитования с середины 1931 г. шло от 1,0 до 1,5 % реализуемой товарной продукции колхозов Чувашской Республики в зависимости от размера намечаемого кредитования данного района или колхоза и его хозяйственной мощности²⁰.

В целом разрабатываемые планы кредитования сельского хозяйства, носившие директивный характер, зависели от выполнения планов мобилизации средств населения и колхозов. Так, сумев мобилизовать у населения в I квартале 1931 г. лишь 67 % запланированной суммы, Чувашская контора Госбанка провела кредитование сельского хозяйства республики в объеме 64 % квартального плана²¹. Отчетливо эта зависимость проявлялась и в дальнейшем.

Все вышесказанное показывает, что льготное кредитование колхозов и бедняцких хозяйств оказалось важным фактором ускорения коллективизации сельского хозяйства в Чувашской Республике. Государственных кредиты стали рычагом для привлечения финансовых средств самого населения. Кредитная политика Советского правительства способствовала появлению «перегибов» в коллективизации, проявившихся в создании колхозов-гигантов и принудительном обобществлении имущества крестьян. Она вела к усилению контроля за деятельностью колхозов со стороны Чувашколхозсоюза и Наркомзема ЧАССР. Без широкого производственного кредитования колхозов и бедняцко-средняцких хозяйств не могла состояться массовая коллективизация.

Примечания

¹ ЦГА ЧР, ф. 199, оп. 1, д. 17, л. 200, 249.

² Там же, д. 158, л. 67.

³ Там же, л. 109.

⁴ Там же, ф. 210, оп. 1, д. 361, л. 13.

⁵ Там же, ф. 199, оп. 1, д. 54, ч. 1, л. 57—60 об.

⁶ Там же, л. 297.

⁷ Там же, д. 17, л. 208.

⁸ См.: План колхозного строительства по Чувашской АССР на 1929 — 1930 гг. и весенняя сельскохозяйственная кампания 1930 года. Чебоксары, 1930. С. 41.

⁹ ЦГА ЧР, ф. 199, оп. 1, д. 17, л. 41.

¹⁰ Там же, д. 41, л. 249.

¹¹ Там же, д. 25, л. 261.

¹² Там же, д. 22, л. 114.

¹³ Там же, д. 25, л. 261.

¹⁴ ЦГА ЧР, ф. 199, оп. 1, д. 158, л. 30 об.

¹⁵ Там же, д. 176, л. 99.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, д. 41, л. 57.

¹⁸ Там же, д. 160, л. 16.

¹⁹ Там же, д. 69, л. 271.

²⁰ Там же, д. 175, л. 25.

²¹ Там же, д. 158, л. 95.

Поступила 28.04.2003 г.

УДК 343.43(470.343)

К. Н. Сануков

РЕПРЕССИИ 1930-х гг. И КРЕСТЬЯНСТВО МАРИЙСКОЙ АССР

Одной из самых мрачных страниц истории нашего Отечества являются политические репрессии 1930-х гг., которые обрушились на все социальные группы населения, в том числе крестьянство. К сожалению, в имеющейся историко-политической литературе до последнего времени основное внимание уделяется репрессированию политической и идеологической элиты страны. Поэтому у многих людей, интересующихся историей советского государства 1920—30-х гг., складывается одностороннее представление о происходивших тогда процессах. Есть необходимость более обстоятельно рассмотреть репрессивную политику Советской власти в отношении крестьянства, составлявшего тогда большинство населения страны. Значительный вклад в раскрытие темы может внести и региональный аспект.

Политика террора и репрессий среди крестьян проводилась Советским государством с самого начала его существования. Но с переходом к политике ускоренного строительства социалистической экономики на рубеже 1920—30-х гг. она стала особенно масштабной. Для ее выполнения не только выкачивались финансовые и материальные средства из села, но и в широких масштабах стала осуществляться насильственная переброска крестьян на «стройки социализма» в качестве бесплатной рабочей силы.

Коллективизация сельского хозяйства сопровождалась разнуданным администрированием, произволом и насилием в отно-

шении жителей деревни, «раскулачиванием» и выселением из родных мест зажиточных крестьян. В Нижегородском крае, куда с 1929 по 1936 г. входили Марийская и Удмуртская автономные области и Чувашская АССР, усиленная работа в этом направлении началась в январе 1930 г. По тогдашней официальной статистике, «кулацкие» хозяйства в Марийской автономной области составляли около 3 % крестьянского населения, а фактически было раскулачено 10 – 15 % хозяйств.

Документы свидетельствуют, что раскулачивание и выселение были не просто наказанием за высокое социальное положение и благополучие и не только мерой пресечения предполагаемого или ожидаемого преступления. В первую очередь они ставили целью трудовую эксплуатацию репрессированных. Например, в инструкции президиума Нижегородского крайисполкома в марте 1931 г. указывалось, что в число выселяемых не допускается включение таких семей, в которых при наличии имеется большое количество малолетних детей и стариков, но нет достаточного числа трудоспособных членов. Семья должна примерно иметь не менее 50 % трудоспособного состава. Ход и результаты коллективизации вызывали критические высказывания, которые квалифицировались как «антисоветские» (и попадали под действие 58-й статьи).

В 1934 г. в Марийской автономной области разразился голод, но заготовительная политика не менялась. «Первой заповедью» колхозников тогда провозглашалось выполнение плана поставок зерна государству. Колхозники голодали, ели мякину, лебеду, а колхозный хлеб выгребали по плану государственных заготовок, как и в предыдущие годы, подчистую. Любые попытки говорить об этом вслух, а тем более использовать часть продукции для поддержания голодающих крестьян-колхозников до выполнения плана хлебосдачи решительно пресекались. И именно по этой линии практиковалось больше всего беззакония, продолжая практику продотрядов времен Гражданской войны, «раскулачиваний» 1930 г. и предваря 1937-й год.

Приведем для примера характерный случай, произошедший в Оршанском районе. По обвинению в «растранижении хлеба» были арестованы 10 членов колхоза «Комсомолец» Южинского сельсовета, в том числе комсорг. Это было сделано без санкции прокурора. Только на следующий день работники ОГПУ пришли к районному прокурору за санкцией на арест, не имея материалов для обвинения. Районный прокурор Ф. В. Вершинин такой санкции не дал, а арестованных велел освободить, о чем сразу стало известно обкому партии. Освобождение арестованных и недача санкции были расценены как

«правооппортунистическая практика», прокурору объявили выговор по партийной линии. Всех десятерых колхозников вновь арестовали и засудили на разные сроки.

Голодные последствия коллективизации в Марийской автономной области возрастали. Но и в такой обстановке партийные органы строго контролировали выполнение колхозами хлебопоставок государству. Летом 1937 г. еще до начала уборки урожая обком ВКП(б) дал в районы строгие директивы: не допускать «разбазаривания» хлеба. В начале уборочных работ из Оршанского района поступали сведения, что в ряде колхозов, еще не выполнив «первой заповеди», организовали в поле общественное питание. 29 июля на бюро обкома партии был поставлен вопрос «О ходе уборки урожая и антигосударственных тенденциях в Оршанском районе». Председателя райисполкома С. П. Лобанова сняли с работы и исключили из партии за то, что разрешил организовать общественное питание в колхозах на уборке вместо быстрой сдачи зерна государству. 4 августа обком вернулся к этому вопросу и принял решение, призванное ужесточить и политизировать наказание, придать этому делу широкую гласность: в срочном порядке закончить следствие и провести открытый показательный судебный процесс над «врагами народа» Лобановым и Дрожжиным (заведующим райзо). Агачеву — инструктору обкома, ведавшему печатью, было поручено дать указания райкомам ВКП(б) и редакторам районных газет о мобилизации колхозников на разоблачение и разгром врагов народа в сельском хозяйстве.

В течение нескольких дней в Оршанке шел процесс «вредителей», среди которых наряду с председателем райисполкома и заведующим районным сельхозуправлением проходили несколько руководителей колхозов и специалистов. Они были репрессированы по обвинению в «антигосударственных действиях», т. е. за то, что до завершения сдачи хлеба государству организовали общественное питание колхозников.

Многие из раскулаченных и высланных на небольшой срок «кулаков» вернулись в родные места в 1935 — 1937 гг. Землю, постройки, сельхозинвентарь, рабочую скотину и конфискованное имущество им не вернули. Лишенные экономической основы для существования, они были обречены на голод и нищету, жизнь в землянках. Но и такой «жизни» скоро пришел конец. В разгар большого террора 1937 г. руководство Коммунистической партии и Советского правительства вспомнило о них и решило с ними расправиться окончательно. 2 июля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение углубить и расширить репрессии, придав им плановый (в соответ-

ствии с законами социализма) характер. Было намечено провести в масштабе всей страны крупную плановую операцию «против кулаков, уголовников и прочих антисоветских элементов», так как большая часть бывших кулаков и уголовников, вернувшихся в свои области из ссылки, являются главными зачинщиками антисоветских и диверсионных преступлений в колхозах и совхозах, на транспорте и в некоторых отраслях промышленности. Партийным комитетам и руководящим органам НКВД областей, краев, республик было предписано взять на учет возвратившихся на родину кулаков и уголовников, чтобы наиболее враждебные из них немедленно были арестованы и расстреляны, а остальные элементы — менее активные, но все-таки враждебные — были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД.

Во исполнение этого решения нарком НКВД СССР Н.И. Ежов 30 июля издал под грифом «совершенно секретно» приказ ц 00447, утвержденный на следующий день Политбюро. В нем выражалась озабоченность, что, согласно материалам следствия по делам антисоветских формирований, в сельской местности осело много бывших кулаков, ранее репрессированных, скрывшихся от репрессий, бежавших из лагерей, ссылки и трудпоселков. Нарком приказал беспощадно разгромить «банду антисоветских элементов», защитить трудящихся от их контрреволюционных происков и, наконец, навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ Советского государства. В соответствии с этим он приказал: с 5 августа 1937 г. начать во всех республиках, краях и областях операцию (сроком 4 мес.) по репрессированию бывших кулаков, антисоветских элементов и уголовников.

Если по другим «делам» в это время были репрессированы общественно-политические деятели, которые могли воздействовать на общественную жизнь, и ведущие интеллигенты, влиявшие на умы и настроения людей, то по приказу от 30 июля уничтожались или отправлялись в лагеря обычные крестьяне (они составляли большинство), сельские учителя, церковники и другие «социально опасные элементы».

Все местные органы НКВД получили плановые цифры на расстрел (первая категория) и отправку в лагеря (вторая категория). По этой разрядке в Марийской АССР необходимо было репрессировать 1 800 чел., из них расстрелять 300, отправить в лагеря — 1 500. Примерно такое же соотношение наблюдалось в других регионах. Это показывает, что большинство репрессированных крестьян не расстреливались, а отправлялись в лагеря: их бесплатный труд использовался в ГУЛАГе.

Политбюро ЦК ВКП(б) 31 июля, утверждая приказ ц 00447, обязал Совнарком выделить из резервного фонда на проведение этой операции 75 млн руб., из них 25 млн — на оплату железнодорожного тарифа. Репрессированных было решено использовать на строительствах: а) ГУЛАГа НКВД СССР; б) новых лагерей в глубинных пунктах Казахстана; в) новых лагерей, специально организуемых для лесозаготовительных работ силами осужденных. Для последней цели были выделены крупные лесные массивы на Севере и в Сибири, на организацию в них лагерей и проведение подготовительных работ было отпущено еще 10 млн руб.

Приказ ц 00447 в Марийской республике был успешно перевыполнен. Плановые цифры, указанные в нем, были названы «ориентировочными», местные органы могли представить «мотивированные ходатайства» об их изменении. В соответствии с этим 15 сентября бюро Марийского обкома партии приняло постановление: «Просить ЦК ВКП(б) разрешить дополнительно репрессировать 500 чел.»

Начальник управления НКВД по Марийской АССР А. И. Карачаров на пленуме обкома ВКП(б) в апреле 1938 г. с удовлетворением говорил, что в 1937 г. была проведена огромная работа — нанесен сокрушительный удар по кулачеству, республика хорошо очищена от этих сил. С августа по январь были изъяты тысячи человек (помимо буржуазно-националистической организации), ликвидирована «кулацкая сила», которая побывала в ссылках, была судима, сослана, вернулась и устроилась в колхозах. Если бы ЦК партии предусмотрительно не дал соответствующей директивы очиститься, эти тысячи человек остались бы в деревне. Теперь же этот элемент был изъят и сослан в лагерь, проведена массовая операция.

Параллельно в 1937 г. была ликвидирована выдуманная «Марийская буржуазно-националистическая организация», по обвинению в принадлежности к которой в основном репрессировали интеллигенцию, в том числе специалистов сельского хозяйства и сельских интеллигентов, связанных с крестьянством как по происхождению, так и по характеру работы. По этому поводу Карачаров говорил, что буржуазно-националистическая организация в основном ликвидирована, но это только ее руководство. За 20 лет она пустила глубокие корни в селе. Руководители, выходцы из деревни, насаждали повстанческие ячейки в колхозах, деревнях... За последнее время работники НКВД вскрыли, что в Оршанском, Куженерском, Ронгинском, Пектубаевском, Косолаповском районах десятки колхозов были поражены повстанческим движением. В Ронгин-

ском районе по этой установке в 4 деревнях — Кюр-Сола, Якай-Сола, Шуми-Сола, Ашламаш — в 1938 г. были расстреляны практически все мужчины старше 16 лет. Система ГУЛАГа охватывала всю страну. Внутри нее проводилось своеобразное перемещение населения. Из южных областей, краев, республик репрессированные отправлялись в среднюю полосу, например в Марийскую АССР, а репрессированные здесь этапировались на север (в Архангельскую область, Коми АССР и т. д.).

В Марийской АССР тогда проводилась усиленная вырубка леса, значительно превышавшая естественный прирост, и большинство лесозаготовительных предприятий были обеспечены дешевой рабочей силой с принудительным трудом заключенных. Таким образом, безжалостная репрессивная машина 1930-х гг. обрушилась на все слои населения страны, в том числе на крестьянство.

Поступила 25.04.2003 г.

УДК 021.2

Е. В. Егорова

МЕСТО И РОЛЬ МАССОВЫХ БИБЛИОТЕК В СИСТЕМЕ СКЛАДЫВАЮЩЕГОСЯ ТОТАЛИТАРНОГО ГОСУДАРСТВА

Октябрь 1917 г. явился отправной точкой нового этапа в развитии массовых библиотек. До этого единой сети народных библиотек не существовало. Работа по ее упорядочению, начавшаяся под эгидой земств, по ряду объективных причин не была завершена.

Новое руководство страны, пришедшее к власти в октябре 1917 г., взяв за основу выработанные до революции главные принципы библиотечного дела — общедоступность и бесплатность, на первое место поставило классовость и партийность, предопределив идеологизацию библиотек в последующем. Данные учреждения объявлялись «проводниками принципов коммунизма» в массы и рассматривались прежде всего как важнейший инструмент политического воспитания трудящихся.

Мероприятия по огосударствлению и централизации библиотечного дела, при всей неоднозначности последствий, в целом носили прогрессивный характер. Гражданская война при-

вела к разорению и уничтожению многих библиотек. В данных условиях перевод в сферу ведения государства способствовал их физическому сохранению и развитию. Централизация привела к более эффективному руководству библиотеками, усилению их взаимосвязи, более рациональному комплектованию фондов.

Деятельность библиотек всегда влияла на культуру страны в целом и отдельных личностей в частности. Исходя из этого формирующееся тоталитарное государство, создавая систему идеологического влияния на массы, начало активно использовать возможности библиотек. Происходила смена приоритетов в их деятельности с культурно-просветительной, образовательной функций на агитационную, политико-просветительную. Внешкольный отдел Наркомпроса был преобразован в Политико-просветительный отдел. В конце 1920 г. организован Главполитпросвет РСФСР, в ведение которого поступили все общедоступные библиотеки и другие просветительные учреждения. Работой Главполитпросвета руководили ЦК ВКП(б), а на местах — местные партийные организации, постоянно росло идеологическое влияние ВКП(б) на деятельность библиотек, развивалась специальная теория «руководства чтением масс». 27 марта 1934 г. вышло постановление ЦИК СССР «О библиотечном деле в Союзе ССР», практически завершившее этапизацию библиотек.

В первые годы Советской власти деятельность библиотек в большей степени была направлена на решение конкретных политических задач. Утверждение новой власти, а в связи с этим смена государственного строя, обстановка Гражданской войны и разрухи всех сфер хозяйства вызывали необходимость серьезной идеологической работы среди населения. Особое внимание молодое государство уделяло деревне, так как подавляющее большинство населения составляли крестьяне. Библиотекам и избам-читальням в этом отношении отводилась очень важная роль. Они должны были стать оплотом партийной организации в деревне, проводником агитационной и политической работы. Активный процесс образования изб-читален происходил в 1920 — 1921 гг. Они являлись первичной общественной и клубной ячейкой, через которую осуществлялась вся политпросветработа в деревне. В их задачи входило поднятие общего культурного уровня населения, распространение политических, сельскохозяйственных и других знаний, а также ознакомление крестьян с новыми мероприятиями Советской власти.

Включение библиотек в сферу политических и идеологических интересов государства повлекло за собой самое активное их участие во всех политических кампаниях, первой из

которых стала пропаганда новой экономической политики. В первое время идеи хозрасчета и самокупаемости, активно внедрявшиеся в различных сферах народного хозяйства, привели к прекращению государственного финансирования библиотек и изб-читален и переводу их на местный бюджет. В результате значительно сократилась библиотечная сеть. Так, из 98 изб-читален Можгинского уезда к марту 1922 г. функционировали только 8¹. В Сарапульском уезде из 60 библиотек, находившихся в ведении УОНО в октябре 1921 г., через год осталось только 3, закрылись 208 изб-читален². Подобное положение наблюдалось во всех уездах области. В целом сеть массовых библиотек на селе в РСФСР сократилась на 60—70 %.

Важная роль отводилась библиотекам в пропаганде идей коллективизации и индустриализации, в распространении сельскохозяйственных и технических знаний. Принципы партийности и классовости существенно повлияли на комплектование библиотек. Государству требовалась новая, идеологически выдержанная книга, пропаганда которой возлагалась на библиотеки. Наибольшее количество книг поступало в канун революционных праздников и в период проведения какой-либо политической акции. Одновременно из библиотечных фондов изымалась «идеологически вредная» литература, не соответствующая «духу революции, социализма и диалектического материализма». Такие чистки значительно обедняли библиотечные фонды.

Изменились содержание и формы массовой работы библиотек. Сотрудники организовывали книжные выставки, готовили рекомендательные списки на актуальные темы, оформляли плакаты, литературные монтажи, проводили литературные вечера и читательские конференции. Широкое распространение получили громкие читки литературы. Одним из важных направлений работы являлась организация передвижных библиотек на селе, на фермах, в колхозных бригадах. Передвижки значительно расширили возможности библиотек по привлечению новых читателей и расширению сферы библиотечного обслуживания.

В работе библиотек рассматриваемого периода можно выделить 3 основных направления: политическое, образовательное (педагогическое) и социально-экономическое. К первому относилась пропаганда идей социализма и коммунизма посредством предоставления читателям соответствующей литературы. Ко второму — клубная и кружковая работа. Третье заключалось в том, чтобы «сделать книгу постоянным орудием улучшения жизни и труда»³.

Экономическая и политическая стабилизация в стране сдерживалась низким уровнем грамотности населения. Согласно переписи 1920 г., грамотность населения (в возрасте 8 лет и старше) составляла 41 %⁴. В национальных регионах, таких, как Удмуртия, этот показатель был значительно ниже. Уровень грамотности в Вятской губернии, в состав которой входила большая часть территории современной Удмуртии, согласно переписи населения 1897 г., составлял всего 18 %⁵. По национальному признаку грамотными среди русского населения губернии были 29,3 % мужчин и 8,1 % женщин, среди удмуртов — 10,3 % мужчин и всего 0,5 % женщин⁶.

Преобразования в политической и экономической сферах потребовали значительного повышения уровня образованности населения, подготовки специалистов различных отраслей хозяйства. Библиотеки включились в беспрецедентную по масштабам акцию — ликвидацию неграмотности населения на всей территории государства. Согласно отчетам о состоянии культурно-просветительной работы, к 1933 г. количество грамотного населения в области удалось довести до 86 %⁷, хотя надо учитывать, что эти цифры несколько завышены.

Постепенная стабилизация экономики несколько улучшила и состояние библиотечного дела. Библиотечная сеть вновь начала увеличиваться. В 1930 г. в области было 35 библиотек и 90 изб-читален⁸, в 1934 г. — 45 и 186 соответственно⁹. На февраль 1936 г. число библиотек, находившихся в ведении политпросвета, достигло 78¹⁰. Всего по стране сеть общедоступных библиотек возросла с 17,7 тыс. в 1921 г. до 50,8 тыс. в 1934 г.

В целом, характеризуя состояние библиотечного дела в 1920 — 1930-х гг., можно сделать следующие выводы.

1. Прежде всего, изменилась государственная политика в отношении библиотек. До 1917 г. большинство библиотек России были негосударственными (т. е. их открыли органы местного самоуправления, общественные организации и частные лица). Вмешательство государства ограничивалось контролем за их деятельностью. В отношении библиотек власть проводила ограничительно-охранительную политику, стремясь в первую очередь не допустить политической активности последних, ограничив их деятельность просветительской, культурной составляющей (причем в минимальном размере).

2. Глобальные социальные изменения 1917 г. видоизменили деятельность всех социальных институтов, в том числе библиотечного дела и роли библиотек в обществе.

3. Первые два десятилетия Советской власти характеризовались постоянным процессом огосударствления библиотечно-

го дела. Библиотеки оказались включенными в сферу государственной политики. Проведя национализацию библиотечной сети, государство выступало теперь в качестве непосредственного владельца, организатора библиотек. В его руках оказались все необходимые полномочия и рычаги для осуществления руководства и полного контроля над деятельностью библиотек.

4. Процесс этатизации библиотек сопровождался их идеологизацией и политизацией. Библиотеки рассматривались теперь как важнейший инструмент политического воспитания масс. Превращение их в политизированные учреждения сводило на нет провозглашаемые на официальном уровне демократические принципы организации библиотечного дела, шло в разрез с их гуманистической, культурной и информационной миссией.

5. В этот период были достигнуты и определенные успехи в области библиотечного дела, созданы основные звенья в цепи управления им. В 1934 г. проведена перепись библиотек страны. Их централизация способствовала упорядочению и более рациональному формированию библиотечной сети. Развитие системы высшего и среднего специального образования привело к увеличению числа учебных, научных и специальных библиотек, сложилась система централизованного комплектования библиотечных фондов, укреплялась материально-техническая база, были заложены основы профессионального библиотечного образования, подготовки и переподготовки библиотечных кадров.

6. Процесс огосударствления библиотечной сферы при кажущемся видовом разнообразии привел к постепенному подчинению государству всех библиотек и их нивелировке. В теории большая часть библиотек оставалась негосударственными — общественными, ведомственными, профсоюзными и т. п. Но на практике все они являлись государственными, так как не имели возможности самостоятельно осуществлять свою деятельность, оставались подконтрольными государственным структурам. В результате основным отличием библиотек стал видовой состав их книжного фонда (универсальный, отраслевой или специальный) и контингент читателей (дети, взрослые, специалисты и т. д.).

7. Тем не менее в рассматриваемый период произошло несомненное улучшение, по сравнению с дореволюционным периодом, постановки библиотечного дела в стране, что привело к расширению библиотечной сети. Это, а также активная пропаганда книги, участие библиотек в ликвидации неграмотности населения способствовали приобщению к печатному слову, а через него — к

достижениям человеческой культуры и науки миллионов крестьян и рабочих по всей стране, ранее не имевших возможности пользоваться библиотекой и книгой.

В заключение отметим, что в 1920 — 30-е гг. библиотеки сыграли заметную роль в процессе становления системы тоталитарного государства, осуществляя идеологическую поддержку проводимой им политики.

Примечания

¹ ЦГА УР, ф. Р-174, оп. 1, ед. хр. 72, л. 165 об.—168.

² См.: **Васильева О. И.** О деятельности местных органов народного образования в 1920-е гг. (по материалам Сарапульского уездного (окружного) отдела народного образования) // Проблемы экономической и социально-политической истории Удмуртии. Ижевск, 2001. С. 213—233.

³ ЦГА УР, ф. Р-180, оп. 1, ед. хр. 17, л. 143.

⁴ См.: **Кузьмин М. Н.** Культурность населения Советской России как фактор выбора политической модели // Формирование административно-командной системы (20—30-е годы). М., 1992. С. 121.

⁵ См.: Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Т. 10. Вятская губерния. М., 1904. 260 с.

⁶ См.: **Блинов Н. Н.** Сарапул и Среднее Прикамье. Былое и современное. [Сарапул], 1908. С. 71.

⁷ ЦГА УР, ф. Р-174, оп. 1, ед. хр. 1155, л. 3.

⁸ Там же, ед. хр. 1157, л. 17.

⁹ Там же, ф. Р-738, оп. 1, ед. 268, л. 42—43.

¹⁰ Там же, ед. 169, л. 3.

Поступила 21.04.2003 г.

*Секция 3. Аграрная политика и крестьянство
(2-я половина 1930-х — начало 2000-х гг.)*

УДК 338.431(470.345)

Ю. Ф. Кожурин

**ПО ПОВОДУ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ
ИДЕНТИФИКАЦИИ АГРАРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (на примере Мордовии 1930-х гг.)**

Коллективизация — это политика отчуждения крестьянина от права собственности на движимое и недвижимое имущество, на свои способности, являющиеся источником и средством извлечения прибыли. Всякая политика отчуждения личности от прав и свобод вызывает недовольство, что и составляет предмет научного анализа исследователей¹. В работах ученых, интересующихся проблемами коллективизации в Мордовии, в частности Ю.Ф. Кожурин, обозначилась тенденция рассматривать данное социокультурное явление вне связи с процессом цивилизационной деятельности большевистской власти².

Между тем всякое социокультурное явление есть проявление интегративности системы организации жизнедеятельности людей в интересах удовлетворения потребностей. Одни люди в ней занимают доминирующее положение и играют роль социальных детерминантов — субъектов общественных отношений, руководствуясь знаниями и сознательно используя культурные ценности, в т. ч. властные институты, для осуществления интересов. Для них не вера, а знания становятся основанием для понимания роли и значения своей цивилизованности. Личность — субъект общественных отношений — это человек с развитым социальным сознанием, реализующий способности понимать значение общественных институтов для воплощения интересов.

Другие в силу целого ряда объективных и субъективных обстоятельств недооценивают значение своей способности понимать роль институциональных форм выражения социокультурных ценностей для осуществления интересов. Они, как правило, не проявляют стремления к самостоятельной общественной деятельности, являются представителями массовизированного (группового) субъекта общественных отношений, выпол-

няя таким образом функцию средства реализации интересов социальных детерминантов.

Интегральное общественных интересов личностей-субъектов становится основанием интересов общества, закрепляемых в идейных положениях соглашений, регламентов, законодательных актов социально дифференцирующих или объединяющих людей, образующих данную социокультурную систему. Поэтому «существенная цель собственно цивилизационного подхода к объяснению общественных явлений состоит в том, чтобы, связав разные стороны жизни общества, показать именно место духовных факторов в функционировании общества в целом, в том числе и их влияние на его материальную жизнь...»³, включая и такое социокультурное явление, как коллективизация в советском обществе.

Понимание цивилизационного значения коллективизации связано с познанием необходимости этого явления для возникшей системы организации жизнедеятельности общества, базировавшегося на принципе прерогативы государства в отношении распоряжения источниками извлечения прибыли. СССР являлось монопольным собственником земли и недр. В результате коллективизации «все межи, разделявшие ранее земельные наделы членов артели», уничтожались «и все полевые наделы» превращались в единый земельный массив, находящийся в коллективном пользовании. «Земля, занимаемая артелью (как и всякая другая земля в СССР)» провозглашалась общенародной государственной собственностью. «Она, согласно законам рабоче-крестьянского государства», закреплялась «за артелью в бессрочное пользование, то есть навечно», и не подлежала «ни купле-продаже, ни сдаче артели в аренду». Обобществлению подверглось движимое и недвижимое имущество крестьянства — средство получения прибыли. За ним сохранялось право иметь «в личном пользовании» «мелкий сельскохозяйственный инвентарь, потребный для работ на приусадебной земле»⁴.

Крестьянское хозяйство перестало быть конкурирующей стороной экономического процесса. Крестьянам вменялась обязанность «строго беречь колхозную собственность и государственные машины, работающие на колхозных полях, *работать честно* (курсив наш. — Ю.К.), подчиняться требованиям устава, постановлениям общего собрания и правления, соблюдать правила внутреннего распорядка, аккуратно выполнять возлагаемые на них правлением и бригадиром работы и общественные обязанности, строго соблюдать дисциплину труда». Непосредственным организатором их труда

становился бригадир, который был обязан «наилучшим образом использовать каждого колхозника своей бригады, не допуская при распределении работы никакого кумовства, семейственности...»⁵. В итоге власть делала ставку на человека, связанного с другими социальными индивидами этатическими социокультурными ценностями. Поэтому не случайно именно культивация этатического патриотизма становилась содержанием цивилизационной деятельности власти, сущность которого в этом случае сводилась к закреплению в общественном сознании крестьянина необходимости любить Советскую Родину и защищать социалистическое государство. Так, Сталин, обращаясь к рабочим и крестьянам Советского Союза, подчеркивал, что в прошлом у них «не было и не могло быть Отечества». Определяя свое кредо, он отмечал: «Задача, которой я посвящаю свою жизнь состоит в возвышении... рабочего класса. Задачей этой является не укрепление какого-либо «национального» государства, а укрепление государства социалистического, и значит — интернационального»⁶. В этом отношении цивилизационное значение аграрных преобразований советской власти следует рассматривать с учетом социокультурной идентификации методов и средств ее реализации.

Принцип **«работать честно»** становился средством активизации труда крестьянина, вынужденного реализовывать свои способности на основе утверждавшейся системы внеэкономического инициирования его общественно-трудовой деятельности. При этом возникала противоположность между интересами личности и государства. Однако для того, чтобы достичь честного отношения крестьянина к труду, необходимы стимулы, определяющие мотивацию его деятельности. История человечества свидетельствует о том, что все многообразие общественных стимулов труда так или иначе связано с реализацией **внеэкономического** и **экономического** способов его инициирования.

Советская власть, закрепив право собственности на источники извлечения прибыли — землю, недра, движимое и недвижимое имущество, способности человека — за государством, избрала в виде приоритетного метода внеэкономический. Этому способствовала также исторически сложившаяся традиция этатического характера организации жизнедеятельности людей, которая определяла взаимоотношения власти и людей. В российской структуре «власть — общество» власть, т. е. субъекты общественного процесса, использующие возможности институциональных форм массовой мобилиза-

ции человеческого ресурса, практически **всегда** воспринимала людей как объектов общественно-экономических отношений и средства реализации своей воли. Причем воля цивилизационных детерминантов — субъектов руководства — не всегда совпадала с интересами общества уже в силу того обстоятельства, что они действовали согласно личным интересам. Это определяло соотношение убеждения и принуждения, экономического и внеэкономического методов и средств воздействия на человека, превращенного в объект общественных отношений, а также ментальности и цивилизованности в общественном сознании.

Деятельность власти, направленная на консервацию корригируемых, культивируемых и рекультивируемых традиций, ориентировала подавляющую массу людей на абсолютную приоритетность интересов государства по отношению к интересам личности. Ментальная установка поведенческой деятельности человека в структуре «власть — общество» питалась за счет сохранения архаики социокультурных методов и средств мобилизации социальной активности людей. Уверенность большевиков, Сталина в том, что большая часть крестьянства будет относиться к власти покорно, основывалась на знании психологии массы, состоящей из людей с неразвитым или отсутствующим общественным сознанием. Устойчивость социума достигалась в результате рекультивации социокультурных ценностей **мессианско-идеократического цивилизационного типа**. Это определяло духовное содержание преобразовательной деятельности большевиков.

Что касается антицерковной деятельности, то реанимация политики воинствующего атеизма, приведшая к массовым разрушениям и закрытиям церквей, совпала по времени с политикой коллективизации. И это не случайно. Так, 28 января 1930 г. на заседании бюро Средневолжского крайкома ВКП (б) отмечалось: «Вопрос закрытия церквей есть один из вопросов наступления на кулака. Тут надо ударить покрепче». Подводя итоги обсуждения проблемы раскулачивания и антицерковной политики, первый секретарь крайкома М. Хатаевич констатировал: «Если мы под корень режим кулачество, мы должны уничтожить организационную базу, которой является церковь»⁷. Таким образом, антицерковная деятельность рассматривалась властью как эффективное цивилизационное средство, с помощью которого возможен переход к советской форме социокультурной подсистемы региона — атеистического вида мессианско-идеократического цивилизационного типа.

Примечания

¹ См.: **Надькин Т. Д.** Деревня Мордовии в годы коллективизации. Саранск, 2002 (Монография подводит своеобразный итог заочной дискуссии, состоявшейся в 1975 г. между М. В. Дорожкиным и Л. Г. Филатовым.); **Дорожкин М. В.** Некоторые вопросы историографии колхозного строительства в Мордовии // Исследования по истории Мордовской АССР: Тр. МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1975. Вып. 55. С. 3; **Филатов Л. Г.** О некоторых особенностях коллективизации сельского хозяйства Мордовии // История СССР. 1968. № 6. С. 113 (Л. Г. Филатов антисоветскую активность крестьянских выступлений связывает не только с раскулачиванием, но и с поздним образованием национальной государственности, сопряженной с изменением административно-территориальных границ, приведшим к ломке традиционных социально-экономических отношений и ориентации населения. Власть, проигнорировавшая традиции реализации социально-экономических интересов населения, инициировала рост его недовольства. Это не могло не сказаться на остроте борьбы крестьянства с властью, для которой очередным поводом послужила политика коллективизации.)

² См.: **Кожурин Ю. Ф.** Цивилизация: Идентификация социокультурной системы региона. Саранск, 2003 (При этом под цивилизацией автор понимает реализацию имманентного свойства человека воспроизводить социокультурные ценности в интересах удовлетворения своих потребностей. Это свойство человек приобрел в ходе социальной эволюции, оказавшись в состоянии субъекта, жизнедеятельность которого стала тотально зависимой от культурных ценностей производящего хозяйства.)

³ **Ерасов Б. С.** Цивилизации: Универсалии и самобытность. М., 2002. С. 31.

⁴ Примерный устав сельскохозяйственной артели, принятый II Всесоюзным съездом колхозников-ударников и утвержденный Советом народных комиссаров Союза ССР и Центральным Комитетом ВКП (б) 17 февраля 1935 г. // Хрестоматия по истории отечественного государства и права. 1917 — 1991 гг. М., 1997. С. 222—223.

⁵ Там же.

⁶ **Сталин И. В.** Полн. собр. соч. Т. 13. С. 39, 105.

⁷ ЦДНИ РМ, ф. 269, оп. 1, д. 5, л. 92—93.

Поступила 14.05.2003 г.

УДК 631.173.2(470.345)

В. С. Каблюк

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ МАШИННО-ТРАКТОРНЫХ СТАНЦИЙ В МОРДОВИИ (1933—1941 гг.)

Предшественниками МТС (с 1927 г.) были прокатные пункты и тракторные колонны, которые создавались при сельскохозяйственных кооперативах, крестьянских комитетах, совхозах, земельных органах с целью оказания хозяйственной помощи крестьянам-беднякам. К 1928 г. в Мордовии таких единиц насчитывалось 43, в них — около 1,5 тыс. орудий труда и машин, 13 тракторов, сотни рабочих лошадей.

В 1929 г. СНК СССР принял решение о создании в важнейших зерновых районах страны (к таковым Мордовия не относилась) первых 102 МТС. Оно было одобрено ноябрьским (1929 г.) Пленумом ЦК ВКП(б). 5 декабря 1929 г. в постановлении Мордовского обкома партии «Об итогах колхозного строительства в области в 1929 году и о задачах по дальнейшему развертыванию коллективизации» впервые был поставлен вопрос об организации в Мордовии двух МТС¹. Учитывая реальность (промышленность страны не имела возможности снабдить крестьянские хозяйства в полной мере тракторами и другой сельскохозяйственной техникой), колхозы образовывали машинно-конные и трактороконные базы.

По указу Средневолжского крайкома ВКП(б), выполнявшего решение ЦК партии от 5 января 1930 г., Мордовский обком ВКП(б) начал строительство машинно-конных колонн (МКК). В марте 1930 г. в области действовало (по данным 12 районов) 78 колонн, состоявших из 207 бригад, имевших 15 тракторов, 9 861 лошадь, 5 149 плугов, 570 железных борон, 254 сеялки. В весенне-посевную страду функционировало около 100 МКК. В некоторых районах (Ардатовский, Ельниковский, Инсарский, Рыбкинский и др.) их не было. Поэтому область не выполнила задание: намечалось создать 260 колонн. В январе—марте 1930 г. в Ковылкинском и Кочкуровском районах были организованы 2 МТС, в которых насчитывалось 77 тракторов, 198 постоянных и сезонных рабочих. В связи с тем, что МТС не имели опыта работы, в весенне-посевную кампанию 1930 г. трактора обработали 1,5 % яровых прикрепленных к ним колхозов².

Первые МТС создавались прежде всего в районах, где мордовское население составляло большинство и коллективизация

проходила медленнее. Так, в 1931 г. из 13 МТС 9 располагались в национальных районах, в 1932, 1934 и 1935 гг. соответственно 22 и 15, 27 и 17, 30 и 18. В районах с русским населением в 1933—1935 гг. функционировали 9 таких организаций. В татарском районе первая МТС была организована в 1934 г., вторая — в 1935 г.

По проекту развертывания МТС в Мордовской автономной области на 1932 г. их число намечалось довести до 42, включая 13 действующих (Зарубкинская (Зубово-Полянский район), Рузаевская, Торбеевская, Ковылкинская, Инсарская, Саранская, Ромодановская, Воеводская (Кочкуровский район), Чамзинская, Дубенская, Атяшевская, Ардатовская, Ичалковская), которые специализировались по различным направлениям сельскохозяйственной деятельности (конопледовческое, льняное, овощное, картофележивотноводческое, картофелесвиноводческое, махорочное), т. е. с 1932 г. они постепенно переходили на обслуживание всех отраслей колхозного производства, а не только зерновой, как это было в первые годы 1-й пятилетки. К весне 1932 г. предполагалось образовать 20 МТС, к осени — 9. На 1 января 1933 г. их насчитывалось 24³.

В последующие годы положение с организацией в Мордовии новых МТС не улучшилось. Например, в 1937 г. было создано 5 МТС, намечалось — 11. Главная причина — недостаточность материальных и технических средств. Например, в 1934 г. на строительство Рыбкинской МТС было получено 12,5 тыс. руб., в 1935 г. средства не выделялись и СНК Мордовии просил у Наркомзема СССР 80 тыс. руб. в кредит⁴. Только в 1936 г. план организации МТС был выполнен: введено в эксплуатацию 8 МТС. К началу 1941 г. республика имела 52 МТС. В течение года намечалось ввести в строй 5 новых, разукрупнив существующие (Селищинская (Краснослободский район), Чеберчинская (Дубенский), Алашеевская (Атяшевский), Александровская (Теньгушевский), Елховская (Лямбирский), Идеевская (Темниковский район)), с учетом создания минимальных условий для выполнения сельскохозяйственных работ в устанавленные агротехнические сроки в зависимости от возможностей районов.

Выполнение данного задания зависело от наличия и состояния машинно-тракторного парка МТС. Мощность его росла, однако была недостаточной. Если в 1933 г. имелось 589 (522) тракторов, 18 комбайнов, 31 автомашина, то в 1937 и 1942 гг. соответственно 2 138 (2 013 мощностью 35 тыс. л. с.), 312, 309; 4 144, 1 812, 977. (В 1933 г. насчитывалось 11 грузовых машин, 1935 г. — 49, 1936 г. — 207, 1937 г. — 400 и 200 дви-

гателей, в 1938 г. — 345.) В 1939 г. тракторный парк возрос на 500 единиц, комбайнов — на 150 единиц. Общая мощность тракторов в 1937 г. составила 33 056 (л. с.), в 1938 и 1939 гг. соответственно 48 506 и 57 900. Удельный вес тракторов в общей мощности равнялся в 1938 г. 54,8 %, в 1939 г. — 55,9 %. Как видно, увеличение незначительное, однако основная часть наиболее тяжелых сельскохозяйственных работ выполнялась техникой МТС. В 1934 г. их механизация составила 16,2 %, в 1935, 1936, 1937 и 1939 гг. соответственно 26, 33, 46 и 50⁵.

В 1939 г. по сравнению с 1938 г. процент механизации значительно вырос. Так, в 1938 г. механизация при посеве яровых составила 19,6 %, в 1939 г. — 30,8, подъеме паров соответственно 63,0 и 95,2, подъеме зяби — 30,8 и 81,0, при уборке зерновых — 17,1 и 21,7. В среднем в республике процент выполнения от плана тракторных работ в 1939 г. составил 65,5%, выработка на один условный трактор в мягкой пахоте — 79,1%, или 412 га. В 1940 г. уровень механизации весенней пахоты достиг 83 %, вспашки пара — 87,6, подъема зяби — 74,2, посева яровых и бобовых — 49,9, озимых — 35,8 %. Объем тракторных работ (без молотбы) в этом году по сравнению с 1937 г. увеличился почти в 3,5 раза. Уборка зерновых комбайнами составила 16,7 %, так как сказывалась их недостаточность.

Между МТС и колхозами заключались генеральные договоры на производственное обслуживание. В тех колхозах, где это не было предусмотрено, механизаторы работали в последнюю очередь, что влекло за собой нарушения агротехники и сроков выполнения основных сельскохозяйственных работ. Если в 1933 г. в зону обслуживания 24 МТС входило 699 колхозов (49,6 % от их числа) с площадью пашни 722,4 тыс. га, то в 1936 и 1937 гг. соответственно 36 — 40, 1 104 (79), 1 087,1; 46 — 1 329 (94,9), 982,8. К 1941 г. 52 МТС обслуживали почти все колхозы.

МТС в выполнении народнохозяйственного плана играли большую роль. Однако в 1933—1941 гг. их финансовое обеспечение было недостаточным и нерегулярным. Это в первую очередь сказывалось на организации новых МТС. В 1936 г. по линии МТС намечалось произвести капиталовложений на сумму 6 335,8 тыс. руб., в 1935 — 3 353,8 тыс. руб., что было на 8 % больше. Из намеченных 10 085,22 тыс. руб. капиталовложений в сельское хозяйство (без махоркосовхозов) 6 702,13 отводилось на энергетику и инвентарь, 2 079,52 тыс. руб. — на строительство и др. Средства на капитальный ремонт Мордовия получала нерегулярно. Так, в IV квартале 1936 г. на капитальный ремонт 295 тракторов Куйбышевское крайзу должно было

выделить 346 тыс. руб., однако (на 28 декабря 1936 г.) Наркомземом переведено 130 тыс. руб. В результате план был сорван⁶.

В МТС республики часто допускался перерасход, который был связан в основном с ремонтом техники и выплатой заработной платы. В 1935 г. он в среднем по лимитам Наркомзема СССР на общехозяйственные расходы в одной МТС составил 7,5 тыс. руб. Перерасход на текущий и средний ремонт тракторов, комбайнов и двигателей в 1937 г. в 521 тыс. руб. объяснялся низким качеством ремонта тракторов, плохой организацией труда рабочих. Так, в Саранской МТС он равнялся 36 тыс. руб., Рыбкинской, Темниковской, Чукальской, Игнатовской, Березниковской соответственно 37, 51, 47, 36 и 39. Доставка запчастей непосредственно с заводов и перегоны техники из МТС в ремонтные мастерские приводили к ежегодным перерасходам бензина. В 1937 г. из-за превышения среднегодовой ставки заработной платы отдельных категорий был допущен общий перерасход ее фонда в 610 тыс. руб. Кроме того, отсутствие контроля за расходованием в МТС фондов заработной платы и других средств привело к перерасходу административно-управленческих расходов и заработной платы в 198 тыс. руб., командировочных — 171 тыс. руб.⁷

В то же время многие МТС имели задолженность по заработной плате рабочим и служащим. На 1 января 1936 г. она составила 671,2 тыс. руб., т. е. более 2-месячного фонда, трактористам — 186,4 при задолженности колхозов в 529,2 тыс. руб. В Ковылкинской МТС в августе 1935 г. задолженность равнялась 30 тыс. руб., составив 2,5 месяца. В целом в МТС на 1 апреля 1936 г. она составила 1 213,7 тыс. руб. В 1935 г. для ее погашения по заработной плате и другим расходам МТС дополнительно должны были получить от государства 44,7 тыс. руб. к перечисленным 333,4 тыс. руб.⁸

На выполнение производственных заданий МТС в значительной мере влияли хорошее качество и своевременность ремонта техники, чему уделялось постоянное внимание административных, исполнительных и партийных органов Мордовии. Руководство сельской механизации разработало и разослало в населенные пункты своего рода памятку, в которой подробно (26 пунктов) говорилось, как надо хранить сельскохозяйственный инвентарь. Но неудовлетворительной как в подготовке почв, так и в проведении сева признана была работа тракторного парка и в 1941 г. Причинами, как и в предыдущие годы, были плохая организация труда в ряде тракторных бригад МТС, некачественный ремонт тракторов, грубое нарушение правил технического ухода за ними.

Архивные материалы рассказывают о фактах безответственного отношения руководителей колхозов, совхозов, МТС к сохранности общественной собственности. Во многих хозяйствах сельскохозяйственный инвентарь постоянно находился под открытым небом, поэтому дорогостоящие машины и детали преждевременно выбывали из строя, как, например, в Атяшевском межрайонном складе Сельхозснабжения⁹. В результате подобная бесхозяйственность вела к снижению темпов и качества сельскохозяйственных работ, наносился огромный ущерб коллективным хозяйствам. Данные проблемы рассматривались на высоком уровне, в частности на заседаниях Средневолжского крайисполкома, малый президиум которого предупреждал директоров совхозов, МТС и правления колхозов, что «за непринятие мер к сохранению сельскохозяйственного инвентаря они будут привлекаться к суровой ответственности как за расхищение социалистической собственности»¹⁰.

Одной из причин плохой работы МТС являлся недостаток кадров, особенно квалифицированных, способных управлять сложной техникой. Обком ВКП(б) поставил задачу перед партийными организациями, коллективами МТС решить данный вопрос. В Мордовии с начала их деятельности открылись курсы по овладению техникой; при райзо и МТС – различные краткосрочные курсы, на которых в 1935/36 уч. г. было подготовлено 577 звеньевых, 912 севцов, 1 125 плугарей, 750 бороновальщиков и т. д.¹¹ Однако хороших специалистов не хватало. В 1937 г. штаты МТС не были укомплектованы. Наркомзем принимал меры, но положение оставалось прежним из-за низкой оплаты и в связи с этим текучести кадров. В 1939–1940 гг. невыполнение планов работ МТС объяснялось тем, что трактористы были призваны в Красную Армию¹².

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что стремление Советского государства превратить сельское хозяйство в свою монопольную собственность при помощи т. н. коллективизации привело не только к отторжению земли у крестьян и их фактическому обезземеливанию, но и к тому, что они перестали владеть сельскохозяйственной техникой и во многом потеряли интерес к труду. Государство, сосредоточив ее в своих руках в лице МТС, полностью подчинило крестьян себе. Но их существование показало, что данное положение чревато серьезными последствиями.

Такая ситуация складывалась во всей стране, в т. ч. и в Мордовии. МТС не сумели обеспечить хороших темпов развития сельского хозяйства республики, несмотря на положительные моменты в их работе. Это объяснялось не столько «вре-

дительством» и «враждебной» деятельностью «врагов народа», как утверждала партийная пропаганда, сколько тем, что оторванные от средств производства работники МТС, в недавнем прошлом сами крестьяне, практически не видели стимулов к труду, а также недостатками руководства МТС.

Примечания

¹ См.: Победа колхозного строя в МАССР. Саранск, 1970. С. 160

² См.: История советского крестьянства Мордовии. Саранск, 1987. Ч. 1. С. 184.

³ ЦГА РМ, ф. 318, оп. 1, д. 287, л. 61–62.

⁴ Там же, ф. 516, оп. 1, д. 262, л. 56.

⁵ Там же, д. 66, л. 24.

⁶ Там же, ф. 1566, оп. 1, д. 28, л. 5–6; ф. 228, оп. 1, д. 176, л. 219.

⁷ Там же, ф. 516, оп. 1, д. 88, л. 42; ф. 1516, оп. 1, д. 282, л. 151, 153.

⁸ Там же, ф. 516, оп. 1, д. 88, л. 43; ф. 228, оп. 1, д. 176, л. 23–24.

⁹ Там же, ф. 109, оп. 1, д. 185, л. 115.

¹⁰ Там же, ф. 238, оп. 4, д. 27, л. 22–26.

¹¹ См.: История советского крестьянства Мордовии. С. 206.

¹² ЦГА РМ, ф. 516, оп. 1, д. 282, л. 41а; д. 528, л. 48.

Поступила 14.05.2003 г.

УДК 947:63

С. В. Митин

ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛИТИКИ ПАРТИЙНЫХ И СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ НА СЕЛЕ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

К концу первой недели Великой Отечественной войны советское руководство стало осознавать глубину трагедии, постигшей страну, и необходимость новой ориентировки руководства республик и областей в сложившейся обстановке. 29 июня 1941 г. партийным и советским организациям прифронтовых областей была направлена секретная директива СНК СССР и ЦК ВКП(б). В ней говорилось о масштабах военных поражений, нависшей опасности; содержался призыв перестроить работу на военный лад, мобилизовать силы народа на отпор врагу.

© С.В. Митин, 2004

Война потребовала перестройки политической, идеологической и экономической системы, различных звеньев партийного, государственного и хозяйственного аппарата. Формы и методы работы партийных и советских органов стали ужесточаться, содержание внутренней и внешней политики изменяться. Политическая система, в основе которой лежала строго централизованная структура партийно-государственных органов при руководящей роли партии, имела определенный опыт функционирования в чрезвычайных условиях. Она концентрировала усилия народа на решении первоочередных народнохозяйственных задач, на преодолении объективных или искусственно создаваемых трудностей.

В связи с военным положением встала необходимость коренного изменения методов руководства управленческих органов. Главным направлением их деятельности в сельскохозяйственном производстве стала максимальная мобилизация внутренних сил сельского хозяйства, так как поступление денежных средств и материальных ресурсов сюда почти полностью прекратилось. На коммунистов возлагалась большая ответственность. Работники райкомов ВКП(б), члены первичных партийных организаций, депутаты местных Советов по требованию вышестоящих организаций стремились усилить свое влияние на проведение сельскохозяйственных работ. Поэтому для осуществления контроля за ними партийных деятелей стали посылать в села и деревни. Их роль на подведомственной территории в новых условиях усилилась.

В годы войны обкомы и райкомы ВКП(б), не являясь органами исполнительной власти, стали фактически выполнять ее функции. Изменения претерпели не только содержание работы и структура аппарата управления, но и организационно-правовые формы деятельности местных Советов, первичных партийных организаций. В их работе все чаще стали преобладать методы принуждения и контроля. Несмотря на это, сельским органам управления приходилось в тяжелых условиях решать различные проблемы. Одной из них была мобилизация на фронт. За 2 года войны из 16 тыс. руководящих работников республики в армию было направлено более 9 тыс. чел. В результате на селе сокращалось количество первичных партийных организаций. Например, в конце 1941 г. в Ельниковском и Мельцанском районах их не осталось, в Чамзинском районе функционировала одна¹.

Недостаток людей на руководящие должности пытались исправить путем увеличения приема в Коммунистическую партию, отходя от идей классового подхода при решении данного воп-

роса. В большом количестве стали принимать представителей интеллигенции и крестьянства. На освобожденные должности, связанные с уходом того или иного руководителя на фронт, часто назначались молодые и неопытные кадры, заработала система подготовки председателей колхозов, в местные сельсоветы избирались новые депутаты. За год и 3 месяца войны в ВКП(б) было принято 1 150 чел., из них 240 колхозников. На фронт выбыло 1 593 чел. Несмотря на проводившуюся работу, количество коммунистов в Мордовии постоянно сокращалось.

Об ужесточении политики Коммунистической партии в области сельского хозяйства в первые месяцы войны говорилось постановление ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1941 г., где указывалось о создании в МТС и совхозах политотделов, в состав каждого из них входило 3 чел.: начальник, являвшийся заместителем директора МТС или совхоза, его заместитель и помощник по комсомольской работе. Они проводили политмассовую работу, организовывали повсеместно коллективы агитаторов, различные виды соревнования, выдвигали и воспитывали новые кадры, а главное — осуществляли контроль за деятельностью колхозов, совхозов и МТС. Однако не будучи специалистами часто мешали хозяйственным руководителям. В итоге нарушался принцип единоначалия, сельскохозяйственные кампании начинались и заканчивались в угоду волевым решениям партийных организаций различного ранга. Политотделы были чрезвычайными органами, поэтому, когда перестройка сельского хозяйства на военный лад была завершена, а первичные партийные организации деревни постепенно стали укрепляться, необходимость в них отпала. В мае 1943 г. решением ЦК ВКП(б) они были ликвидированы².

Кроме политотделов МТС и совхозов в начале войны получила распространение другая форма контроля над крестьянами и их принуждения — т. н. система уполномоченных. Во время каждой сельскохозяйственной кампании (сев, прополочные работы, уборочная, ремонт сельхозтехники и др.) в колхозы и совхозы для повседневного наблюдения направлялись уполномоченные. Они подбирались из работников райкомов ВКП(б), райисполкомов, районных отделений НКВД, милиции. В основном это были люди, не знающие сельского хозяйства, но считавшие себя вправе вмешиваться в ход сельскохозяйственных дел. В результате, как и в политотделах, нарушался принцип единоначалия. Если уполномоченный не был согласен с хозяйственными руководителями, он направлял в райком ВКП(б) различные жалобы и докладные. Райком вызывал того или иного хозяйственника и применял к нему различные меры воздей-

ствия. Система уполномоченных в отличие от политотделов существовала до конца войны.

Следует отметить, что первые месяцы войны негативно сказались на состоянии сельского хозяйства Мордовии. Колхозы, совхозы и личные крестьянские хозяйства ослабевали, все меньше оставалось работоспособных мужчин. В ходе перестройки сельскохозяйственного производства на военный лад возросло внеэкономическое принуждение крестьян к работе, без материальной заинтересованности (хлеб на трудодни выдавался в минимальном количестве). Со стороны органов НКВД и партийных функционеров усилилась предупредительно-карательная реакция.

Об этой ситуации свидетельствовал указ «О повышении обязательного минимума трудодней» от 15 февраля 1942 г., который зависел от территории проживания. В Мордовии он увеличивался от 100 до 120 трудодней в год. Трудоспособные колхозники, не выработавшие (без уважительных причин) обязательного минимума трудодней, привлекались в суд, присуждавший им до 6 месяцев исправительно-трудовых работ в колхозах с удержанием в пользу предприятия 25 % выработанных трудодней. Правлениям колхозов предоставлялось право считать выбывшими из артели трудоспособных колхозников, не выработавших в течение года обязательного минимума трудодней, и лишать их приусадебных участков.

Примечания

¹ ЦДНИ РМ, ф. 269, оп. 3, д. 334, л. 104; д. 138, л. 156.

² См.: Арутюнян Ю. В. Из истории МТС в период Великой Отечественной войны 1941–1945 // Вопр. истории. 1958. № 8. С. 88.

Поступила 06.05.2003 г.

УДК 331.105.444(470.345):947

*Э. Ю. Сальникова***ОРГАНИЗАЦИОННАЯ И ПОЛИТИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ РАБОТА СЕЛЬСКИХ ПРОФСОЮЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МОРДОВИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

В годы Великой Отечественной войны важное значение в организационной и политико-просветительной областях имела работа профсоюзов. Вся деятельность самой массовой общественной организации проходила под девизом «Все для фронта, все для победы!». К началу военных действий она насчитывала в Мордовии, по неполным данным, около 70 % всех трудящихся (в России 82,9 % от общего числа рабочих, служащих и учащихся).

В первый день войны секретарь ВЦСПС Н. М. Шверник созвал экстренное совещание руководящих профсоюзных работников, на котором были определены их задачи в условиях военного времени, пересмотрена структура. Многие производственные союзы были объединены в более крупные, изменены штаты, созданы новые комиссии, организовывались отраслевые профсоюзы (в МАССР обкомы профсоюзов рабочих совхозов, торфяной и местной промышленности).

Руководящим профсоюзным работникам предписывалось считать себя мобилизованными. Впоследствии значительное их число ушло на фронт. Среди них были председатели обкомов профсоюзов работников искусств Конкин, финансово-банковских работников Свитин, работников политпросветучреждений Уханова, окрпрофбюро ЦК профсоюза рабочих городских предприятий по МАССР Лукачев, член окрпрофбюро ЦК профсоюза МТС и земорганов по МАССР Захаров, большинство председателей фабрично-заводских или местных комитетов (ФЗМК). Учитывая эти обстоятельства, 31 июля 1941 г. ВЦСПС принял постановление «О замене выборных профработников, призванных в ряды Красной Армии, Военно-морского флота и вступивших в народное ополчение», согласно которому в случае необходимости председателями комитетов профсоюзов могли быть избраны члены профсоюзов, не являющиеся членами ФЗМК и цехкомов. В обкомы профсоюзов допускалась кооптация. Трудности с регулярным созывом пленумов районных и областных комитетов профсоюзов обусло-

вили необходимость принятия секретариатом ВЦСПС решения о воссоздании президиумов, ликвидированных в довоенное время. Собрания и совещания проходили большей частью в бригадах и профсоюзных группах, реже созывались общие профсоюзные собрания. На долгие годы пришлось отложить организованное обучение данных кадров и актива¹.

В это время работа профсоюзов проходила в основном в первичных организациях, где решалась судьба успешного выполнения заданий фронта. Их главной задачей было развитие инициативы и активности рабочих и служащих в выпуске вооружения и другой необходимой для фронта продукции, повышение производительности труда рабочих и колхозников. Повсеместно пересматривались принятые ранее обязательства о досрочном выполнении производственных заданий.

С первых дней войны на предприятиях, в колхозах и совхозах республики развернулось коллективное соревнование за образцовое выполнение фронтовых заказов. Так, коллектив Ромодановской МТС в течение 1942 г. соревновался с коллективом Салминской МТС. Победителями в весеннем севе, во время уборочной и ремонта тракторов стали ромодановцы². Проходили также индивидуальные соревнования. В 1942 г. было распространено стахановское движение. Если на весеннем севе в МТС и в машинно-тракторных мастерских (МТМ) насчитывалось 205 трактористов-стахановцев, то в уборочную 238. Многие из них Наркомземом СССР и ЦК отраслевого профсоюза были награждены значком «Отличник социалистического сельского хозяйства», в т. ч. 4 председателя рабочих комитетов профсоюза. В начале декабря 1942 г. на предпусковых работах при строительстве Торбеевской мельницы трудились 17 стахановцев и 24 ударника, лучшими из которых были И.М. Великанов и Ф.П. Кугрышев, выполнявшие плановые показатели соответственно на 168 % и 118 %.

Профсоюзные организации, действовавшие под строгим руководством партийных комитетов, обобщали и распространяли передовой опыт работы, вскрывали недостатки, изыскивали пути быстрейшей перестройки всего производства на военный лад, всемерно поощряли проявление самостоятельности и творчества. Ни одно из заседаний обкомов профсоюзов, ФЗМК не проходило без обсуждения производственных вопросов.

В 1943 г., который был отмечен успешными действиями Красной Армии на фронте, вдохновлявшими тружеников тыла на подвиги во имя победы над врагом, по-прежнему преимуществом у членов профсоюзов пользовались индивидуальные соревнования. В том же году в г. Саранске прошел слет ста-

хановцев. Обком профсоюза работников МТС и земорганов организовал соревнование за право участия во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. В 6 районах республики были проведены кустовые совещания руководителей профсоюзных органов. Обком профсоюза рабочих мукомольной промышленности и элеваторов провел соревнование за звание «Отличник заготовок». Среди награжденных этим знаком в 1943 г. были председатель месткома Саранского элеватора Трошин и механик Ковылкинской конторы заготзерна Шеметов³.

Впервые за годы войны профсоюзные органы стали возрождать соревнования среди лидеров первичных профсоюзных организаций. Лучшими председателями месткомов профсоюза работников мукомольной промышленности и элеваторов за отличную постановку производственной и организационно-воспитательной работы стали Немойкин, Смирнов и Кудряшов. 1943 г. стал годом массового возрождения коллективных форм соревнования. Всесоюзное социалистическое соревнование охватило все отрасли народного хозяйства республики. В 1942 г. ВЦСПС совместно с ЦК профсоюзов и наркоматами предложили его условия. Итоги подводились ежемесячно. Для победителей были учреждены переходящие красные знамена, установлены денежные премии. Так, за III квартал 1943 г. победителем социалистического соревнования среди мельничных управлений стало Саранское управление (директор Э. А. Рохлицкий), выполнившее плановые задания на 116 %⁴. Совхоз «Самаевский» (директор П. Д. Лешов) за IV квартал 1943 г. стал лучшим среди хозяйств республики⁵. В 1943 г. возродились соревнования отраслевых комитетов профсоюзов с соседними регионами. Обком профсоюза Медсантруд заключил договор на соревнование с родственным обкомом Чувашской АССР⁶.

Важное значение для дальнейшего развития соревнований имело решение XII Пленума ВЦСПС (15 марта 1944 г.), подчеркнувшее их всенародный характер. В соревнованиях участвовало свыше 80 % рабочих и служащих страны. Выполняя решения пленума, областные организации профсоюзов Мордовии вносили свои коррективы в условия морального поощрения передовиков производства. Обком профсоюза рабочих совхозов установил, что за победу в соревновании в течение трех месяцев победитель заносится на Доску почета, шести месяцев — в Книгу почета. Последнему на общем собрании вручалась Почетная грамота⁷.

В 1944 г. за успешное выполнение плана сельскохозяйственных работ 6 колхозов были награждены переходящими крас-

ными знаменами, 50 занесены на республиканскую Доску почета⁸. Всеобщее признание в это время получили комсомольско-молодежные, или молодежные бригады. В 1944 г. в сельском хозяйстве республики было создано 356 комсомольско-молодежных звеньев. В МТС действовали 300 молодежных тракторных бригад⁹. Среди них развернулось соревнование за звание фронтовых, целью которых было добиться выполнения отдельными рабочими и членами бригады ежедневных производственных норм не менее чем на 200 %.

Великая Отечественная война внесла существенные изменения в работу профсоюзов по охране труда. С 16 по 30 сентября 1941 г. обком профсоюза МТС и земорганов обсудил на своем заседании вопрос о состоянии охраны труда и техники безопасности в торбеевских МТМ. Замечания руководителям делались весьма серьезные, ссылки на военное время не принимались¹⁰. В 1942 г. возобновилась прерванная войной практика заключения договоров по охране труда, сутью которых являлось неукоснительное соблюдение правил техники безопасности. Хотя должности освобожденных технических инспекторов при обкомах профсоюзов в основном были сокращены (кроме сельского хозяйства), их функции с успехом стали выполнять общественники — председатели и активисты комиссий по охране труда.

В это время расширилось применение женского труда и труда подростков. Профсоюзы оказывали помощь женщинам, которых было большинство на производстве: к концу войны удельный вес женского труда в народном хозяйстве республики составлял 67,5 % (в СССР 55), среди промышленных рабочих — почти 70, подростков — 15,2 %. По предложению ВЦСПС был принят закон, освобождающий женщин от сверхурочных работ на 4 месяца беременности. Труд (в ночное время) кормящих матерей запрещался.

С начала войны на первом плане у профсоюзных организаций кроме агитационно-пропагандистской работы была военно-оборонная и лечебно-оздоровительная деятельность. В июле 1941 г. секретариат ВЦСПС принял постановление «О мероприятиях, связанных с подготовкой медицинских сестер и санитарных дружинниц». Расходы на оплату преподавателям, приобретение наглядных пособий, перевязочного материала производили профсоюзные комитеты. Списки обучающихся утверждались на заседаниях коллегиальных профсоюзных органов. В среднем подготовка одной медсестры обходилась в 200 руб., сандружинницы — в 100 руб.¹¹ Практически все профсоюзные комитеты республики контролировали посе-

щаемость и использование подготовленных кадров по назначению.

По решению ВЦСПС профсоюзы занимались также формированием народного ополчения. В конце июля и начале августа 1941 г. в таких соединениях гг. Саранска и Рузаевки проходили военную подготовку около 3 000 чел. Руководствуясь постановлением Государственного комитета обороны от 17 сентября 1941 г. «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР», профсоюзные организации получили указание ВЦСПС наладить всеобуч на предприятиях и в учреждениях.

Профсоюзные организации большое внимание уделяли раненым бойцам. В Мордовии в первый год войны было организовано 13 госпиталей, над которыми коллективами колхозов, промышленных предприятий и учреждений было установлено шефство. Представители профсоюзных организаций входили в состав республиканского комитета по обслуживанию раненых бойцов и командиров, находящихся на лечении. Благодаря правильному налаживанию работы госпиталей, бескорыстной помощи населения и общественных организаций работники здравоохранения Мордовии добились значительных успехов: за годы войны эвакуогоспитали возвратили в действующую армию 79 % находившихся на излечении бойцов и командиров¹².

С первых дней войны профсоюзы республики проводили большую работу по созданию Фонда обороны Родины, подержав призыв московского завода «Красный Пролетарий» (31 июля 1941 г.) ко всем трудящимся страны ежемесячно до окончания войны отчислять однодневный заработок. Так, в августе 1941 г. председатель месткома Саранского райзо Цветков докладывал на совещании оргбюро ЦК профсоюза работников МТС и земорганов по МАССР о ежемесячном отчислении однодневного заработка в этот фонд, а коллективом инкубаторной станции — 2 %. Служащие конторы Сельхозснабжения (председатель месткома Ратникова), кроме отчисления однодневного заработка, провели сбор цветного металла, организовали воскресник по уборке урожая¹³.

По данным председателя месткома профсоюза Березина, с начала войны по 1 апреля 1942 г. аппарат обкома ВКП(б) направил в Фонд обороны 41 тыс. руб. По данным на 28 августа 1944 г., трудящиеся Рузаевки перечислили 816 тыс. руб. за неиспользованные отпуска, сдали облигаций на сумму 4 797 тыс. руб. В 1942 г. железнодорожниками на собранные средства (107,2 тыс. руб.) была построена поезд-баня. Профсоюзные комитеты всех уровней принимали участие в целевом сборе

средств на вооружение. В первый год войны 276 членов профсоюза, работавших в МТС, МТМ и райзо, внесли на строительство танков 9,9 тыс. руб., а 170 чел. в один день подписались на денежно-вещевую лотерею на сумму 11,9 тыс. руб.¹⁴

За 2 года войны на танко- и самолетостроение 32 организациями обкома профсоюза рабочих мукомольной промышленности и элеваторов сдано в Фонд обороны 182,5 тыс. руб., ценных сбережений на сумму 51,6 тыс. руб. За неиспользованные отпуска внесено 94,5 тыс. руб. К 11 марта 1943 г. на строительство танковой колонны «Мордовский колхозник» было собрано 14,6 тыс. руб., сдано облигаций государственных займов на сумму 16,7 тыс. руб. Всего с начала Великой Отечественной войны по 1 мая 1944 г. трудящиеся республики из личных сбережений внесли на строительство танков и самолетов 99,7 тыс. руб., в т. ч. 54,5 наличными и 45,2 тыс. руб. облигациями¹⁵. Много внимания со стороны профсоюзов требовала работа по сбору теплых вещей для бойцов, отправлению им посылок. Они наряду с производственной деятельностью стремились создавать условия для удовлетворения материально-бытовых нужд рабочих и служащих.

Постановлением СНК МАССР от 30 октября 1941 г. была введена карточная система в городах Ардатове, Краснослободске, Темникове и поселках Ширингуши и Ковылкино. В Саранске и Рузаевке она действовала с августа этого года. Для расширения сети общественного питания и организации дополнительного снабжения рабочих в децентрализованном порядке СНК СССР 19 февраля 1942 г. принял постановление о создании отделов рабочего снабжения. Контроль за их деятельностью осуществляли профсоюзы. Судя по постановлению, принятому в 1943 г. президиумом обкома профсоюза рабочих мукомольной промышленности и элеваторов, он был явно недостаточным, так как «...широко было распространено «самоснабжение», незаконная выдача рабочих карточек служащим... значительно возросли расхищения и разбазаривание продовольственных и промышленных товаров...»¹⁶. Пленум ВЦСПС (март 1944 г.) обязал все профсоюзные органы, в т. ч. созданные при ФЗМК комиссии по рабочему снабжению, наладить действенный контроль за работой столовых, магазинов, подсобных хозяйств. С этого времени началась решительная борьба за улучшение общественного питания и снабжения рабочих и служащих.

Важным источником пополнения продовольственных ресурсов каждой семьи было индивидуальное и коллективное огородничество. В 1942 г. при ФЗМК и некоторых обкомах профсоюзных органов были созданы соответствующие комис-

сии, которые заключали договоры с администрациями городов и рабочих поселков на выделение земли. Весной 1942 г. промышленные предприятия Саранска имели 607 га, а по линии заготзерна в 1943 г. площади посевов в подсобных хозяйствах увеличились на 300 %¹⁷. Примерно настолько увеличились размеры индивидуальных огородов. Поэтому не случайно практически на каждом заседании коллегиального органа профсоюзов республики с 1942 по 1945 г. в весенний и осенний периоды обсуждались вопросы организации помощи индивидуальным огородникам. В связи с этим в 1944 г. население городов Мордовии стало получать животных и растительных жиров, рыбы и картофеля в таком же объеме, как накануне войны¹⁸. Однако главным источником продовольственного снабжения страны оставались колхозы и совхозы. За военные годы Мордовия сдала государству 0,5 млн т хлеба и др. сельскохозяйственной продукции.

Во время военных действий для нужд армии из сельского хозяйства было направлено 97 % автомашин и 20 % тракторов. Если на 1 января 1942 г. в колхозах Мордовии насчитывалось 83 224 лошади, то на 10 августа этого года — 65 771. В связи с призывом в армию сократилось число работающих мужчин и квалифицированных механизаторских кадров. В 1941 г. из 5 040 трактористов на фронт ушли 2 105, из 705 комбайнеров — 320. Объем работ, выполняемых тракторами и комбайнами, уменьшился более чем в 2 раза. По этой причине 1942 и 1943 гг. были очень трудными для сельского хозяйства Мордовии. В этих условиях особое внимание уделялось подготовке новых кадров, особенно среди женщин. В 1942 г. в период сева (по данным 35 МТС) в 34 специальных женских тракторных бригадах работали 1 770 чел.¹⁹

Немаловажное значение имело также оказание помощи семьям военнослужащих, снабжение трудящихся дровами. Для этого в 1943 г. в каждом рабочем комитете и месткоме были созданы специальные комиссии под руководством председателей. Так, например, члены профсоюза работников МТС и земорганов получали на отопительный сезон по 5—7 м³ дров при норме от 3 до 5 м³. Однако были случаи невнимательного отношения к нуждам семей фронтовиков. В 1942 г. только после вмешательства оргбюро ЦК профсоюза работников МТС и земорганов семье красноармейца Н.А. Ратникова, ранее работавшего в конторе Сельхозснаба, выделили 3 м³ дров, 3 м мануфактуры и 200 руб. В связи с этим он прислал на имя председателя оргбюро М.Ф. Свечкиной благодарственное письмо за помощь жене и 3 детям²⁰.

В годы войны стала общенародным делом забота о детях. 7 февраля 1942 г. СНК МАССР принял постановление «О создании комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей». По данным 1943 г., ее возглавлял заместитель Председателя СНК МАССР Кшнякин, а из 7 членов комиссии 4 были председателями обкомов профсоюзов. Профсоюзные организации активно участвовали в сборе теплых вещей для детей, в организации детских домов и интернатов. С их помощью финансировалась работа детских площадок в Ардатове, Инсаре, Краснослободске, Темникове, Торбееве, Рузаевке²¹.

14 сентября 1944 г. обком профсоюза рабочих совхозов (председатель С. И. Червяков) принял постановление о поддержке инициативы рабочих, специалистов и служащих совхоза «Красная Пресня» отчислять 10 % месячного заработка в Фонд помощи детям фронтовиков. Всего республикой (на 1 апреля 1944 г.) отправлено 1 187,4 тыс. руб., 105 024 кг хлеба, 327 808 овощей, 438 мяса, 257 масла, 718 кг шерсти, 1 029 овчин, 1 084 шт. яиц, 475 пар обуви, 231 пара валенок, 106 пальто, 4 208 пар варежек и носков, 1 523 принадлежности белья и др. мелких вещей, 1 625 м мануфактуры²².

Практически во все годы войны, кроме летнего периода 1941 г., действовали пионерские лагеря, путевки в которые оплачивались за счет средств социального страхования. Так, обком профсоюза рабочих мукомольной промышленности и элеваторов приобрел 100 детских путевок, а обком профсоюза работников МТС и земорганов в 1944 г. принял решение выдавать детям военнослужащих бесплатные путевки в пионерские лагеря, остальным — за 50 % от их стоимости²³.

Крайне тяжелое положение с жильем в начале войны заставило соответствующие комиссии профсоюзов серьезно заняться этими вопросами. Рядом организаций, особенно с 1944 г., стали выделяться ссуды и средства на индивидуальные постройки. Немаловажен тот факт, что на заседаниях президиума обкома профсоюза рабочих совхозов резко критиковались директора ряда хозяйств за невнимательное отношение к нуждам индивидуальных застройщиков, за неукomплектованность строительных бригад и отсутствие должной заготовки стройматериалов.

Несмотря на тяжелые условия военного времени, профсоюзы республики принимали участие в оказании помощи освобожденным от оккупации территориям. В 1942 — 1943 гг. в Смоленскую, Орловскую, Рязанскую, Тульскую области было передано около 4 тыс. лошадей, 3 тыс. свиней, 10 тыс. гол. КРС, оказана помощь г. Ленинграду. С 1944 г. организовано шеф-

ство над районами Гомельской области. Сотни посланцев Мордовии помогали восстанавливать г. Сталинград. Предприятия «Мордовлеса» отправили сюда сотни вагонов с пиломатериалами, десятки тысяч кубических метров делового леса²⁴.

Культурно-массовая и политико-просветительная работа профсоюзных органов была направлена на воспитание трудящихся в духе патриотизма, мужества и ненависти к врагу. Профсоюзные активисты проводили беседы, чтения газет и сообщений сводок Совинформбюро о положении на фронтах, выпускали стенгазеты. Члены комиссии ФЭМК по культурно-массовой работе организовывали мероприятия в красных уголках и читальнях, здесь же в конце войны начали действовать кружки художественной самодеятельности.

Таким образом, оставаясь самой массовой общественной организацией, профсоюзы, перестроив свою деятельность в соответствии с текущими требованиями, оказали трудящимся республики ощутимую материальную помощь в военное время. Несмотря на массовый уход членов и лидеров организации на фронт, была проделана значительная работа по мобилизации людских и материальных ресурсов.

Примечания

¹ См.: Из истории профсоюзов Мордовии. 1918—1978 гг. Саранск, 1979. С. 159.

² ЦГА РМ, ф. Р-655, оп. 1, д. 4, л. 1.

³ Там же, ф. Р-765, оп. 1, д. 11, л. 93—94.

⁴ Там же, ф. Р-659, оп. 1, д. 5, л. 18; ф. Р-761, оп. 1, д. 8, л. 21.

⁵ См.: История Мордовской АССР: В 2 т. Саранск, 1981. Т. 2. С.243.

⁶ ЦГА РМ, ф. Р-761, оп.1, д. 8, л. 28.

⁷ Там же, ф. Р-655, оп. 1, д. 4, л. 8—9.

⁸ См.: История советского крестьянства Мордовии. Саранск, 1989. С. 59; ЦГА РМ, ф. Р-159, оп. 1, д. 2, л. 1.

⁹ ЦГА РМ, ф. Р-655, оп. 1, д. 1, л. 5.

¹⁰ См.: **Алексеев Б. Л.** Исторический опыт участия профсоюзов республик Волго-Вятского района в решении социальных вопросов (1920—1998). Чебоксары, 1999. С. 93.

¹¹ ЦГА РМ, ф. Р-765, оп. 1, д. 2, л. 44.

¹² Там же, л. 3.

¹³ Там же, ф. Р-659, оп. 1, д. 3, л. 36.

¹⁴ Там же, л. 46.

¹⁵ См.: История Мордовской АССР. С. 244.

¹⁶ ЦГА РМ, ф. Р-659, оп. 1, д. 3, л. 46.

¹⁷ См.: История Мордовской АССР. С. 3.

¹⁸ См.: История советского крестьянства Мордовии. С. 45–53.

¹⁹ ЦГА РМ, ф. Р-765, оп. 1, д. 2, л. 94.

²⁰ Там же, ф. Р-656, оп. 1, д. 9, л. 175.

²¹ Там же, л. 108, 113; ф. Р-761, оп. 1, д. 3, л. 43.

²² Там же, ф. Р-659, оп. 1, д. 5, л. 19.

²³ Там же, ф. Р-761, оп. 1, д. 11, л. 113; д. 8, л. 43.

²⁴ См.: История Мордовской АССР. С. 256–257.

Поступила 12.05.2003 г.

УДК 334.735(470.345)

П. И. Кульков

ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ МОРДОВИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С началом Великой Отечественной войны кооператоры республики работали в экстремальных условиях. Война резко увеличила число тех, которые остро нуждались в самом необходимом: в жилье, одежде, обуви, в продуктах питания. Это были прежде всего женщины и дети, эвакуированные из Белоруссии, прибалтийских республик, западных областей РСФСР, семьи мобилизованных на фронт военнослужащих нашей республики. Так, на 20 мая 1942 г. во всех районах Мордовии, в городах Саранске и Рузаевке размещались 53 242 эвакуированных, в т. ч. 24 722 дитя с родителями, 2 191 — без них, 26 чел. старше 16 лет¹. Государственные органы должны были обеспечить их продуктами питания и предметами первой необходимости. Забота о них, особенно в сельских районах, легла и на потребкооперацию.

Преодолевая трудности военного времени, кооперативные организации изыскивали возможности для снабжения населения различными товарами. В письме (от 23 сентября 1943 г.) старший лейтенант П.В. Анашкин, участник боев за Сталинград, обращался с просьбой к председателю правления Мордовпотребсоюза Г.Ф. Бердникову об оказании материальной помощи своей семье, имеющей 4 детей, старшему из которых было 7 лет. В связи с этим Большеберезниковскому райпотребсоюзу предложено прикрепить детей к столовой, выдать из подсобного хозяйства овощи, обувь и одежду и обеспечить их дровами².

Особое внимание уделяли детским домам, оздоровительным площадкам. В 1944 г. были разработаны мероприятия по ук-

© П. И. Кульков, 2004

реплению здоровья детей в летней период; намечалось организовать пионерские лагеря на 1 200 чел. и оздоровительные площадки на 950 чел. В пионерских лагерях общего типа дети отдыхали 21 день, санаторного — 40, на оздоровительных площадках — 30 дней. За снабжение лагерей и площадок продуктами питания несли ответственность организации торговли и потребкооперации. Кроме этого на основании постановления СНК МАССР от 3 августа 1944 г. Мордовпотребсоюз организовал в 20 районах республики столовые по обслуживанию детей военнослужащих в количестве 1 600 чел., выделив 1 400 кг растительного масла, 960 — мяса, 950 кг рыбы³.

С первых дней войны в стране была введена карточная система снабжения продуктами и промтоварами. Поэтому перед потребкооперацией Мордовии была поставлена задача обеспечивать ими сельских учителей и медработников. Многие кооперативные организации не всегда быстро ее решали. В письмах к руководству потребсоюза республики, Центросоюза, обкома ВКП(б) и правительства Мордовии коллективы учителей, медработников, организаций эвакуированных сообщалось об их неудовлетворительной работе. Такие письма поступали и в редакции газет. В «Красной Мордовии» регулярно публиковали материалы под рубрикой «Заботиться об эвакуированном населении». Учителя Куриловской средней школы Ромодановского района 22 января 1943 г. направили протокол своего собрания о плохом снабжении хлебом, который был некачественным, их и работников детского дома, а также о том, что вместо хлеба им выдавали муку или зерно. Это признал в своей докладной записке «О состоянии торговли хлебом на селе по системе потребительской кооперации МАССР за I полугодие 1944 года» Г. Ф. Бердников: «Начиная с 01.01.44 года потребительская кооперация МАССР получает от заготзерно исключительно зерном». Сельская интеллигенция, жены эвакуированных военных отправили заявление прокурору Мордовской АССР, а копию — в Мордовпотребсоюз. При этом они выявили, что семьям военных, проживающих в Ширингушском районе, на II квартал 1943 г. было выделено хозяйственное мыло, спички и соль. Но им руководитель Ширингушского райпотребсоюза отказал в этом⁴.

Для улучшения снабжения населения продуктами питания Мордовпотребсоюз привлекал местные ресурсы, которыми располагала республика: овощи, фрукты, ягоды, грибы и др. Некоторые райпотребсоюзы начали их активную заготовку. В Краснослободском районе, как писала 9 сентября 1941 г. «Крас-

ная Мордовия», заготпункт райпотребсоюза купил 9,5 т огурцов, плодоперерабатывающий — 1,5 ябллок, 20 вишни, 5 т черной смородины, 3 ц грибов. Колхозники, потребкооперация освоили производство сушеного картофеля. Работник Темниковского рабкоопа Мордовпотребсоюза С. С. Кицаев сдал 300 кг сушеного картофеля, выпуская в день по 50 кг⁵. В 1942 г. заведующий Батушевским сельмагом Атяшевского района А. П. Семейкин засушил в хлебопекарне 350 кг при плане 200, работник Атяшевского сельпо Н.Е. Евдокимова — 25 при плане 20, А. Ермолаева — 20 кг. Сушку производили в печах. Правление Мордовпотребсоюза премировало А. П. Семейкина на сумму 500 руб. с правом приобретения промтоваров через торговую сеть Атяшевского райпотребсоюза⁶.

В целом, как отмечала «Красная Мордовия» 26 ноября 1941 г., заготовительное управление Мордовпотребсоюза неудовлетворительно занималось заготовкой сушеных овощей и картофеля. Предприятие не имело сортировочной базы с сушильной печью и упаковочной тары; не было технологов и др. специалистов по сортировке и сушке продуктов. Исполняющий обязанности начальника сектора технических культур и плодоовощей Уполнаркомзага СССР по МАССР В. Головачесов приводил факты бездеятельности ряда руководителей Краснослободского, Лямбирского, Ковылкинского, Кадошкинского и Ичалковского райпотребсоюзов, где не была подготовлена техническая база по заготовке сушеных овощей и картофеля. Некоторые сельпо, например Инсарское, не принимали продукцию⁷.

Потребкооперация закупала у колхозов и колхозников также зерно, особенно активно в 1943 г. По установленным нормам на 1 руб. проданного зерна можно было купить: соли — на 2 руб., керосина — 5, хозяйственного мыла — 3, хлопчатобумажной ткани — 25, винно-водочных изделий — на 40 руб. Для отоваривания зерна и картофеля государством было выделено товаров на 13,5 млн руб. Т. Бояркина (колхоз «Передовик» Атяшевского района) первая в республике продала 60 пуд. хлеба, Ф.П. Куркин («25-й Октябрь» того же района) — 74,5, И. Т. Забродин («Красная Заря» Ардатовского) — 56, А. Степушкина («Поляна» Атяшевского) — 100, колхозники из колхоза имени Андреева Ельниковского района И. Ф. Никишов, К. П. Шитов, Е. М. Парфенова, Е. Т. Ветчинникова, П. С. Ларина, М. Н. Гнилова соответственно 45, 44, 35, 30, 27 и 19⁸. За годы войны кооператоры республики отправили на фронт 1 691 т сушеного картофеля и овощей, несколько вагонов подарков, отчислили в виде военного займа 22 млн руб.⁹

Работники потребкооперации Мордовии не только закупали продовольственные товары, но и производили их в своих подсобных хозяйствах. В 1942 г. Мордовпотребсоюзом план по откорму свиней был выполнен на 71,9 %, забоя КРС — 39,3, посева — на 83 %¹⁰. В последующие военные годы планы также не выполнялись. Например, в 1943 г. поставки свиней на откорм были выполнены на 29 %, а снято с откорма 36,1 % животных. План по поголовью свиней выполнен на 43 %, КРС — 24,5, овец и коз — на 59 %. Средней выход мяса с 1 гол. составил 31 кг против 67,5 кг по плану. В 1944 г. поставили на откорм 227 гол. свиней, или 22,7 %, намечалось 1 000, сняли с откорма 433, или 43,3 %, планировалось 1 000 гол.; получено 58,7 ц, или 6,5 % мяса от забоя, предполагалось 900 ц. В этом же году было засеяно 964,6 га, или план выполнен на 98,4 %. Урожай зерновых, бобовых и крупяных культур составил 4,5 ц/га, по плану — 9; картофеля соответственно 15,3 и 100. 200 га всех культур погибло. Планы многих видов сельскохозяйственных заготовок также не выполнялись. Так, в 1941 г. из 44 видов выполнено по 14, в 1942 и в 1944 гг. соответственно 54 и 5, 48 и 13. Годовой план в 1942 г. выполнен на 30,2 %, в 1943 и в 1944 гг. соответственно на 63,0 и 66,4¹¹.

В годы войны, когда промышленность работала в основном на нужды фронта и были нарушены экономические связи с другими краями и областями, большое значение приобрело производство товаров широкого потребления из местного сырья. В Мордовии это были текстильный утиль, старая резиновая обувь и др. Сюда было завезено несколько комплектов машин для производства гвоздей кустарным способом из отходов проволоки; из промышленных и других отходов можно было изготавливать мотыги, скребницы, грабли, вилы, пуговицы, расчески, гребни, хозяйственное мыло. Республика располагала огромными ресурсами глины, леса, а значит, была возможность выпуска кирпича, гончарных изделий, мебели, колес, дегтя и т. д.

В 1942 г. кооперативные организации начали открывать собственные производства товаров широкого потребления. На предприятиях Мордовпотребсоюза было выработано в этом году продукции на 761,5 тыс. руб., в т. ч. гончарных изделий — на 30, лесощепных — 497, обуви — на 115 тыс. руб. Большеберезниковский райпотребсоюз (председатель Кисаров) выпустил на 60 тыс. руб. мебели, заготовил на 300 тыс. руб. мочала. Инициативу в производстве товаров для населения проявила председатель Лобасковского сельпо Ичалковского района Шиш. Она открыла трикотажный цех, в котором работали 20 вязальщиц,

вырабатывавших в каждом квартале продукции на 100 тыс. руб. Здесь было организовано изготовление корзин и др. предметов первой необходимости. В Атяшевском райпотребсоюзе начали выпускать ученические мелки, шерстяные носки, рукавицы, открыли мастерскую по ремонту домашних вещей. В Паранейском сельпо производили трикотажные изделия и выдывали овчины¹².

Однако многие организации потребсоюза республики слабо вовлекали в товарооборот продукцию из местного сырья. В «Красной Мордовии» (17 февраля 1942 г.) заместитель председателя Госплана республики М. Бор писал, что товары местного производства в товарообороте Мордовпотребсоюза занимают всего 8–9 %. За 9 месяцев 1941 г. их доля в общем товарообороте в Мельцанском районе составила 2,2 %, Теньгушевском — 1,5, в Торбеевском районе — 1,4 %. Далее он констатировал, что нет в продаже простейшей глиняной и деревянной посуды, пуговиц, крючков к одежде, гребешков, расчесок и что торгующие организации считают недостойно заниматься изготовлением деревянных лопат, кроватей и др.

Положение с производством товаров из местного сырья не улучшилось и в 1942 г. Нарком торговли Мордовии В. Кротов в своей статье в «Красной Мордовии» от 3 марта 1943 г. отмечал, что в 1942 г. Наркомат местной промышленности не выполнил план по переработке шерсти, выпуску лесощепильных товаров, суррогатов чая. В этом же году в торговую сеть коопинсоюзом поставлено товаров на 50 %, промкооперацией — 34, леспромсоюзом — 42, Управлением лесоохраны и лесонасаждений — на 60,7 %. Многие промыслы, по мнению наркома, заброшены: в с. Ичалки — гончарное производство, с. Дубенки — кирпичное, смоляное, г. Ардатове — деревянной точеной посуды и бондарных изделий, в с. Большие Березники — галантерейных товаров. Качество товаров в основном было неудовлетворительное. Во 2-м полугодии 1942 г. было забраковано местной продукции на 355 тыс. руб., или 40 % изготовленного.

Директивные органы республики обязывали Мордовпотребсоюз организовать соответствующие производства, используя свои отходы: рога, кости, шерсть, резиновую обувь и др. Однако кооперативные организации не проявляли инициативы¹³. Поэтому руководством отмечалась неудовлетворительная работа Мордовпотребсоюза в годы войны. Такую же оценку давал Центросоюз СССР и РСФСР. В своем постановлении от 29 апреля 1944 г. о результатах финансово-хозяйственной деятельности Мордовпотребсоюза по отчету за 1943 г. он ука-

зал, что работники потребкооперации республики «не занимались привлечением в оборот товаров местного производства». Вместе с тем в документе зафиксированы его значительные успехи: годовой план розничного товарооборота был выполнен на 120,3 %; перевыполнены планы закупки хлеба (101,0) и картофеля (103,4), заготовки грибов сухих (195) и солено-маринованных (186,6), пушнины (119,4), шерсти (102,3), соленых огурцов (227,2), помидоров (186,0); задание ГКО по сушке картофеля и овощей на собственных предприятиях выполнено на 262,0 %. К числу недостатков отнесено: невыполнение плана по общественному питанию (83,9 %), выпуску блюд (57,5), выпечке хлеба (57,2), по заготовке яиц (68,6), меда (33,3), лек-техсырья (24,6), шиповника (12,0), квашеной капусты (57,3 %). Децентрализованные закупки в 1943 г. произведены на сумму 10,5 млн руб., или 5,7 % к обороту¹⁴.

Направления и темпы развития хозяйственной деятельности Мордовпотребсоюза были сохранены в 1944 и 1945 гг. Так, розничный годовой план товарооборота с общественным питанием в 1944 г. выполнен на 144 %, в 1945 г. — на 121,2 (в основном за счет реализации водки, удельный вес которой в торговом обороте 1945 г. составил 72,1 %). План сельскохозяйственных заготовок в суммарном выражении, как и в предыдущие годы, был выполнен на 60,8 %¹⁵.

В годы войны в структуре Мордовпотребсоюза произошли изменения. Например, в 1944 г. вновь образованы Болдовский и Казенно-Майданский райпотребсоюзы; насчитывалось 186 сельпо и горпо (их число сократилось на 2 единицы), 13 заготконтор (на 1 января 1941 г. функционировало 12), 2 межрайбазы (были сокращены), 30 раймагов. Существенные как в количественном, так и качественном отношении перемены произошли в сельской торговой сети. Если на 1 января 1941 г. действовал 121 сельмаг, то на 1 января 1946 г. — 80. Из 13 культмагов остался один, из 1 379 магазинов, лавок, палаток и ларьков — 940. Большинство сельмагов практически превратилось в лавки и ларьки с бедным ассортиментом товаров. Сеть общественного питания за эти годы сократилась на 10 единиц¹⁶.

С началом войны резко осложнилась кадровая проблема. Многие работники Мордовпотребсоюза были призваны в Красную Армию. Среди них были заместители председателя правления: по торговле — И. А. Реунков, кадрам — А. В. Сертаков; начальники отделов: производственного — В. П. Чадов, финансового — Г. В. Волков, организационного — Ф. И. Болтунов; заместители начальников: торгового управления — А. М. Ко-

маров, управления заготовок — К. Д. Мельников, планово-экономического управления — И. Н. Батюнин, финансового отдела — М. С. Черняк, заместитель главного бухгалтера Н. М. Миронов, заведующий учетом управления заготовок А. С. Блинов, инструкторы организационного отдела С. В. Явкин и Г. И. Пронин. На фронт направлены председатели райпотребсоюзов: Большеберезниковского — Михеев, Ромодановского — Юрин, Ширингушского — Маслов, Теньгушевского — Наумов.

Руководство потребсоюза республики стремилось создать необходимый резерв для их замены, установить строгий учет номенклатурных работников. Однако в декабре 1941 г. правление констатировало, что отдел кадров этих проблем не решил. План подготовки и переподготовки основных кооперативных работников также не выполнялся. В связи с тем, что в 1943—1944 гг. к руководству пришли малоопытные работники, в деятельности кооперативных организаций выявились крупные недостатки. Неудовлетворительная работа кооператоров была отмечена руководством республики, которое считало, что в Мордовпотребсоюзе плохо занимаются подбором специалистов и не ведут борьбу за очищение потребительской системы от воров.

На эти недостатки указывал и Мордовский обком ВКП(б). В одном из его документов отмечалось, что в 1943 г. сменились 71 председатель райпотребсоюзов, 77 директоров заготконтор. В центральном аппарате Мордовпотребсоюза 35 % руководителей работали в торговой системе первый год, 27 % — около двух. Из 65 руководителей райпотребсоюзов 24, или почти 37 %, также работали в торговой системе первый год. Далее говорилось, что начальником торгового управления был В. М. Кудрявцев, окончивший 7 классов (в данной системе с 1942 г.); производственное управление возглавлял И. С. Стрельцов (имел начальное образование, в системе с 1941 г.). В документе приводились курьезные факты, когда старшим товароведом в центральном аппарате по торговле мукой и хлебом была музейный работник, а заготовителем в райсоюзе — военнопленный румын¹⁷.

В связи с этим бюро Мордовского обкома ВКП(б) рассмотрело вопрос о председателе правления Мордовпотребсоюза Г. Ф. Бердникове и признало его работу неудовлетворительной. 31 августа 1944 г. он был освобожден от занимаемой должности как не справившийся с работой. Руководителем кооператоров Мордовии был утвержден Н. Г. Поршаков. В 1930-е — нач. 1940-х гг. он занимал различные руководящие должности в кооперативной системе республики.

Во время войны руководителей потребительской системы МАССР назначали советско-партийные органы. Председателей райпотребсоюзов назначали и смещали практически без уведомления правления Мордовпотребсоюза исполкомы райсоветов и бюро райкомов партии, нарушая постановление ЦК ВКП(б) от 25 марта 1939 г. и решение бюро Мордовского обкома ВКП(б) от 28 февраля 1944 г. В письме на имя секретаря обкома П. Петушкова от 12 января 1945 г. Н.Г. Поршаков писал, что в 1944 г. в потребсоюзе республики освобождено 30 председателей райпотребсоюзов; в Ардатовском и Ковылкинском — 4, Большеберезниковском и Саранском — 3 председателя, что вызывает озабоченность. В налаживании работы мешало и то, что многие помещения этой системы были заняты другими организациями: в Казенно-Майданском, Атяшевском, Ельниковском, Большеберезниковском районах по 2, Лямбирском и Ичалковском — по 1 помещению. С июня 1941 г. в здании торгово-кооперативной школы располагалась фельдшерско-акушерская школа¹⁸.

За годы войны произошли значительные качественные изменения кадрового состава потребкооперации республики. На 1 января 1941 г. в ней работал 7 491 чел., в т. ч. 1 656 женщин, или 22,1 %; на 1 января 1946 г. соответственно 4 728, 2 575, 54,4. Число рабочих и служащих сократилось на 3 763 чел., или на 52,9 %¹⁹. По образовательному и профессиональному уровню руководящие кадры уступали специалистам Мордовпотребсоюза начала 1930-х гг. Поэтому важнейшей проблемой Мордовпотребсоюза послевоенных лет стала подготовка специалистов со средним специальным и высшим образованием.

Примечания

¹ ЦГА РМ, ф. 447, оп. 4, д. 43, л. 1, 8, 9.

² Там же, ф. 11, оп. 1, д. 243, л. 38, 40.

³ Там же, оп. 3, д. 38, л. 50—51; д. 240, л. 61.

⁴ Там же, ф. 11, оп. 3, д. 38, л. 58; оп. 1, д. 243, л. 42.

⁵ См.: Красная Мордовия. 1941. 11 нояб.

⁶ ЦГА РМ, ф. 11, оп. 1, д. 217, л. 48; Красная Мордовия. 1942. 19 нояб.

⁷ См.: Красная Мордовия. 31 янв., 18 марта.

⁸ Там же. 1943. 14, 15 и 18 дек.

⁹ ЦГА РМ, ф. 11, оп. 1, д. 168, л. 75.

¹⁰ Там же, д. 220, л. 41.

¹¹ Там же, д. 237, л. 73; д. 263, л. 50, 51, 54; д. 204, л. 3; д. 220, л. 41; д. 263, л. 51.

¹² См.: Красная Мордовия. 3 марта, 4 авг.

¹³ Красная Мордовия. 4 апр.

¹⁴ ЦГА РМ, ф. 11, оп. 1, д. 237, л. 73.

¹⁵ Там же, д. 263, л. 50; д. 291, л. 80.

¹⁶ Там же, д. 201, л. 1; д. 291, л. 60–61.

¹⁷ ЦДНИ РМ, ф. 269, оп. 16, д. 90, л. 48–49.

¹⁸ ЦГА РМ, ф. 11, оп. 3, д. 42, л. 19; оп. 1, д. 266, л. 29.

¹⁹ Там же, оп. 1, д. 185, л. 33; д. 264, л. 49.

Поступила 13.05.2003 г.

УДК 338.43(470.344)

В. Г. Харитонова

**АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА
И СУДЬБА ЕДИНОЛИЧНЫХ КРЕСТЬЯНСКИХ
ХОЗЯЙСТВ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ
(по материалам Чувашской АССР)***

После окончания Великой Отечественной войны, последствия которой для Чувашской республики, как и для всего государства, были тяжелыми, все силы общества направлялись на восстановительные процессы. Переход к мирной жизни сопровождался постепенным ростом численности трудовых ресурсов (в связи с демобилизацией), установлением 8-часового рабочего дня, разрешением отпусков, созданием новых пропорций между отраслями промышленного и сельскохозяйственного производства, увеличением ассигнований на развитие народного хозяйства и социальную сферу. В Чувашии в отличие от страны и соседних регионов численность трудовых ресурсов, резко сократившаяся в годы войны, к концу 1950-х гг. достигла прежнего уровня. Восстановление экономики в основном было завершено к началу 1950-х гг. (однако данный вопрос требует дальнейшей разработки). Период с 1946 по 1952 г. характеризуется также размахом капитального строительства, внедрением в народное хозяйство достижений научного прогресса. К концу 1950 г. валовая продукция сельского хозяйства приблизилась к уровню довоенных показателей, но многие проблемы оставались нерешенными.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект ц 00-01-22001а/В.

Послевоенные годы явились серьезным испытанием жизнеспособности аграрного сектора и крестьянства. В исследованиях, посвященных изучению истории развития послевоенного общества, отмечается, что в экономическом отношении Великая Отечественная война привела к некоторому ограничению волюнтаристской практики: контроль государства над различными формами свободного рынка был ослаблен¹. Однако по отношению к колхозам, совхозам, селу политика советского руководства ужесточилась. Эта тенденция нашла отражение во многих аспектах взаимоотношений государства и колхозов, сказалась на положении всего сельского населения. В отечественной, как и в региональной историографии, наименее изученной остается проблема истории единоличных крестьянских хозяйств². Аграрная политика страны, ее идеологическая установка были направлены на общественную психологию и сознание. Личность крестьянина, его потребности, желания, мысли не воспринимались как представляющие ценность, индивидуальное системно разрушалось. Все это отрицательно сказывалось на состоянии сельского сообщества. Одновременно реальная ситуация складывалась так, что при высоких затратах на общественные хозяйства отдача была минимальной.

В первый послевоенный год большое внимание уделялось вовлечению в колхозы единоличных хозяйств. В 1946 г. в республике насчитывалось 13 905 таких дворов, по сравнению с 1945 г. их количество увеличилось. Также наблюдался рост обеспеченности таких хозяйств рабочими волами и лошадьми (188 гол.), коровами (1 316), свиньями (315), овцами и козами (776 гол.)³. Это происходило в условиях жесткого регламентирования перечисленного у колхозников. Данное положение прослеживается в справках «О состоянии работы по вовлечению единоличников в колхозы», составленных в каждом административном районе республики. Так, в одной из них констатируется: «...На 1 октября 1947 г. в районе (Шумерлинском) насчитывается 694 хозяйства единоличников, 13,5% к общему числу крестьянских хозяйств в районе... Единоличные хозяйства по существу льготятся по налогам, не участвуют в сдаче сельскохозяйственных продуктов государству. В результате имеющегося благодушия и благополучия в районе сложилась такая обстановка, что единоличные хозяйства обогащаются и находятся экономически в более привилегированном положении, нежели колхозники. В то время как Нижнекумашкинский колхоз на 118 хозяйств колхозников имеет только 24 рабочие лошади и 2 вола, единоличники этого селения содержат 28 рабочих лошадей и 24 рабочих вола»⁴.

В селения Шемуршинского района, в которых имелось много единоличников, были посланы ответственные работники из районного партактива. Они проводили сплошную проверку правильности обложения их хозяйств налогами, сдачи сельскохозяйственных продуктов, выплаты денежных средств за общественные дуга; вручали извещения по привлечению единоличников к гужповинности по заготовке и вывозке леса. На 1 января 1947 г. в районе действовало 474 хозяйства единоличников, в которых содержалось 12 лошадей, 72 рабочих быка, 196 коров, 395 овец и коз, 12 свиней. Комиссия района приложила «все усилия по обложению единоличных хозяйств, взысканию с них недоимок». Заседание райкома партии по вопросу «О выполнении государственных поставок и денежных платежей единоличными хозяйствами» приняло решение о вынесении им предупреждений. В 17 хозяйствах было изъято зерно, в 15 — картофель.

В Ядринском районе на 1 января 1947 г. функционировало 374 единоличных хозяйства, что составляло 6,5 % к общему количеству крестьянских хозяйств в районе. За неуплату налогов и невыполнение заданий 19 единоличников были привлечены к судебной ответственности. Перед районным активом была поставлена задача вовлечь их в колхозы любым путем. В Кувакинском районе из 109 единоличных хозяйств денежными налогами было обложено 45, 64 — получили освобождение по льготам. В 1947 г. в Алатырском районе из 723 хозяйств вступило в колхозы 411. Комиссия по Ибресинскому району отметила, что в районе прекратился прием в колхозы из числа единоличников, а в ряде случаев в связи с нераспределением доходов во многих колхозах они оказались в лучшем материальном положении. В конце 1946 г. было описано имущество 299 таких хозяйств, на 193 переданы материалы в суд. По 14 дворам дело было прекращено в связи с неплатежеспособностью, 144 рассчитались до суда, с 24 хозяйств было взыскано по исполнительным листам. В погашение сельхозналога по решению суда изъято 6 лошадей, 1 рабочий вол, у 11 хозяйств — мясо, 2 — зерно, у 13 — картофель. В это время в Ишлейском районе из 373 единоличных дворов вступило в колхозы 197, в Чурачическом, Чебоксарском, Чкаловском, Козловском, Янтиковском, Шихазанском, Вурнарском, Красноармейском, Урмарском, Цивильском, Комсомольском, Первомайском, Советском районах соответственно 361 и 89, 200 и 32, 676 и 242, 320 и 79, 512 и 78, 463 и 75, 334 и 68, 188 и 12, 1 008 и 308, 302 и 30, 511 и 149, 768 и 141, 314 и 112⁵. В Мариинско-Посадском районе вступило 86 хозяйств.

Среди единоличников многие были престарелые, инвалиды Великой Отечественной войны или в их семьях оказались погибшие на фронте, поэтому преимущественно их хозяйства не облагались налогами и они в связи с плохим экономическим состоянием не могли оказывать отрицательного влияния на организационно-хозяйственное укрепление общественных хозяйств. Некоторые становились рабочими или служащими. В 1947 г. в республике в колхозы вступило 4 396 дворов, 1948 г. — 7 879, в 1949 — 1952 гг. по 500 дворов. В 1952 г. функционировало 4 583 единоличных хозяйства, в 1956 и в 1957 гг. соответственно 697 и 373⁶.

Система землепользования в Чувашской АССР повторяла ситуацию в стране: в 1950 г. колхозы владели 91,7 % площади всех посевов, в 1958 г. — 98,2⁷. Социальная база единоличного крестьянства, на взгляд исследователей, была достаточно широкой в основном за счет колхозников⁸. В этой категории преобладали крестьяне, исключенные из общественных хозяйств. Трудовая дисциплина в колхозах была неудовлетворительной. В силу ряда причин в 1946 г. более 48,5 тыс. трудоспособных колхозников Чувашии не выполнили указаний «Закона об обязательном минимуме трудодней», свыше 2,2 тыс. чел. не работали в колхозах, в целом в СССР соответственно более 4 млн и свыше 300 тыс. В первый послевоенный год в республике количество трудодней, выработанных одним колхозником, было на 4 % ниже, чем в 1940 г., в стране — на 7 %. Доля колхозников, не выработавших минимума трудодней, в 1946—1952 гг. превышала 20 %, ни одного трудодня — колебалась от 1,5 до 1,9 %. Данные показатели были выше среднероссийских. Здесь сказывались относительное малоземелье края, наличие большого числа экономически слабых хозяйств, восстановление довоенного уровня численности сельского населения⁹.

В Вурнарском районе в 1946 г. за невыполнение минимума трудодней без уважительных причин было исключено из колхозов 15 хозяйств с лишением приусадебных участков площадью 5,27 га, в Шемуршинском — 9 хозяйств, осуждены народным судом 43 колхозника, оштрафованы 263 чел. Решением Чурачкского исполкома райсовета материалы на 17 нарушителей трудовой дисциплины были переданы в прокуратуру. В Алатырском районе за III квартал 1946 г. невыработавших минимума трудодней насчитывалось 847 чел., из них по неуважительным причинам — 315; материалы на 188 чел. были переданы в суд. В Козловском районе не выработал минимума трудодней 1 271 чел., более 200 из них были осуждены. И как уже

было в истории колхозов, постоянно наличествовали перегибы в выполнении решений партии и государства. Партийные функционеры отмечали факты неправильного исключения из колхозов в Порецком и Шумерлинском районах, которое в отдельных хозяйствах проводилось по спискам, состоявшим часто из престарелых и больных. Поводом для этого становились и другие причины, например, отказ отпустить детей в школу ФЗО¹⁰.

Налоговая политика страны в отношении крестьянских хозяйств являлась главным инструментом регулирования их положения. Крестьянский двор (и колхозный, и единоличный) облагался натуральным налогом в виде обязательных поставок зерна, мяса, молока, шерсти, яиц, картофеля и других продуктов. Его средняя норма в год после войны для колхозного хозяйства составляла 40 кг мяса, 50–100 шт. яиц, 280–320 л молока, для единоличного — была значительно выше¹¹. Постановлением СМ СССР и ЦК ВКП(б) от 19 марта 1946 г. среднегодовые нормы поставки молока государству устанавливались в размере 260 л с каждой коровы колхозника и до 300 л — с находившейся в собственности единоличника. С 1948 г. члены сельхозартели, имевшие посевы зерновых культур, привлекались к обязательным поставкам как и единоличные хозяйства. В этом году колхозникам надо было сдать 345 т зерна, единоличникам — 240¹². До выполнения государственных планов хлебозаготовок по обязательным поставкам запрещалась всякая торговля хлебом колхозами, колхозниками и единоличниками. Об этом говорилось в постановлении СМ Чувашской АССР ц 885 «О запрещении торговли хлебом», который вступил в силу 15 июля 1948 г. Продажа могла производиться с разрешения СМ СССР после выполнения республикой «...установленного плана сдачи зерна государству (по возврату ссуд, обязательным поставкам, натуроплате за работы МТС, а также за сыпке колхозами семенных и фуражных фондов)»¹³. В 1953 г. нормы были снижены, в январе 1958 г. отменены.

В определенных случаях допускалась замена одних продуктов другими и деньгами по рыночной стоимости, которая превышала государственные закупочные цены. В 1950 г. молоко сдавали по 25 коп. за 1 л при государственной розничной цене 2 руб. 70 коп. (в ценах тех лет). Долг переходил на следующий год; за него штрафовали или описывали в пользу государства крестьянское имущество, вплоть до последней коровы. Чтобы списать задолженность, требовались специальное распоряжение правительства (в каждом случае) и ходатайство районных, областных советских и партийных органов, согласие заготовительных организаций и сельхозотделов¹⁴.

Удельный вес натуральных повинностей крестьянских дворов (и колхозных, и единоличных) был весьма значительным в общей массе сельскохозяйственной продукции. В 1950 г. индивидуальными сдатчиками Чувашии заготовлено 57,5 % мяса, 65,8 молока, 72,6 яиц, 48,5 % шерсти. Доля валовой земледельческой продукции хозяйств колхозников, рабочих и служащих составила 53 %, животноводческой — 73 %. Кроме того, в 1950 г. индивидуальными производителями реализовано продукции земледелия и животноводства на 10 млн руб.¹⁵

Единоличным хозяйствам, как и колхозным дворам, необходимо было выплачивать также сельскохозяйственный налог. В послевоенные годы его размеры постоянно повышались, а в 1948 г. были отменены льготы многим хозяйствам. Если в 1940 г. его средняя сумма на один колхозный двор составляла 112 руб., то в 1952 г. — 528 руб.¹⁶ Нормы, используемые при расчете налога, пересматривались ежегодно, но оставались намного завышенными и не соответствовали уровню денежного дохода крестьянских дворов. Колхозники обращались к органам власти с письмами и жалобами на свое трудное положение. Вот некоторые выдержки из них: «...Большинство частных хозяйств не имеют возможности уплаты... поставок, обрекая себя на голод и холод зимой... Колхозники уже стали на грани преступления, готовы расхищать государственную собственность. <...> В конце концов, жизнь трудящихся городов и сел станет невозможной»¹⁷. В проекте докладной записки Наркомфина СССР Председателю СМ СССР Г.М. Маленкову (март 1953 г.) отмечалось: «Если сопоставить рост налога за указанные годы с ростом доходов крестьян за те же годы и данными о ценах колхозных рынков на сельскохозяйственные продукты, которые под влиянием систематического понижения цен ежегодно снижались, получается диспропорция в сторону экономически неоправданного увеличения налогового обложения крестьян...»¹⁸.

Жесткая государственная политика по отношению к единоличникам в послевоенные годы привела к снижению их численности. Многие из них были вынуждены вступить в колхозы, часть становилась служащими или навсегда порывала с сельским образом жизни. По официальной статистике, в 1960 г. в Чувашской АССР единоличные хозяйства в структуре производителей сельскохозяйственной продукции не значились. Во многих селениях они еще сохранялись, но в самых малых количествах. В основном это были хозяйства престарелых одиноких крестьян. С исчезновением таких дворов были утрачены опре-

деленные социальные и нравственные устои, крестьянско-хозяйские качества сельского сообщества. В его сознании все больше значимой становилась общественная психология.

Примечания

¹ См.: **Верт Н.** История Советского государства. 1900–1991. М., 1992. С. 295, 297; **Хоскинг Д.** История Советского Союза. Смоленск, 2000. С. 283; **Соколов А. К.** Курс советской истории. 1941–1991 / А. К. Соколов, В. С. Тяжелников. М., 1999. С. 147; **Данилов А. А.** Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы / А. А. Данилов, А. В. Пыжиков. М., 2001.

² См.: Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 2002; Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. Вологда, 2001.

³ Центральный государственный архив общественных объединений Чувашской Республики (ЦГА ОО ЧР), ф. 1, оп. 24, д. 256, л. 111.

⁴ Там же, д. 263, л. 147–148.

⁵ Там же, д. 476, л. 1–69.

⁶ ЦГА ЧР, ф. 197, д. 10, л. 277, 304, 329, 364, 403; д. 21, л. 2; ф. 210, оп. 26, д. 1120, л. 13, 16, 27.

⁷ См.: Чувашия за 40 лет в цифрах. Чебоксары, 1960. С. 65–66.

⁸ См.: **Моисеева И. Ю.** К истории единоличного крестьянства в послевоенные 1946–1952 гг. (По материалам Горьковской области) // Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 2002. С. 366–367.

⁹ По данным сводных годовых отчетов колхозов.

¹⁰ ЦГА ОО ЧР, ф. 1, оп. 24, д. 187, л. 22, 38, 41, 72; д. 177, л. 2, 6; д. 476, л. 12; д. 468, л. 55 об.; д. 258, л. 8.

¹¹ См.: **Попов В. П.** Крестьянство и государство (1945–1953). Париж, 1992. С. 177.

¹² ЦГА ОО ЧР, ф. 1, оп. 24, д. 553, л. 113.

¹³ ЦГА ЧР, ф. 1041, оп. 2, д. 294, л. 45.

¹⁴ См.: **Попов В. П.** Указ. соч. С. 179; ЦГА ЧР, ф. 1041, оп. 2, д. 294, л. 73.

¹⁵ См.: Чувашия за 40 лет... С. 90; ЦГА ЧР, ф. 197, оп. 48, д. 4, л. 325, 327, 329.

¹⁶ См.: **Попов В. П.** Указ. соч. С. 178, 180, 218–219; ЦГА ЧР, ф. 1041, оп. 1, д. 924, л. 32; ЦГА ОО ЧР, ф. 1, оп. 24, д. 556, л. 78.

¹⁷ Цит. по: **Попов В. П.** Указ. соч. С. 204–205, 219.

¹⁸ Цит. по: **Мотревич В. П.** Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. Свердловск, 1990. С. 260.

Поступила 07.04.2003 г.

УДК 63–051(470.41)

*А. Г. Галямова***КРЕСТЬЯНСТВО И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО
ТАТАРСКОЙ АССР В 1940-е — НАЧАЛЕ 1950-х гг.**

В советской историографии, посвященной военной проблематике, среди важных факторов победы отмечались достаточно мощные мобилизационные ресурсы аграрного производства, созданного в 1930-е гг. В постсоветский период, когда менялись интерпретации многих моментов советской истории, эта трактовка по существу не изменилась, кроме рассмотрения вклада крестьянства в победу не только как результата организованного труда, обусловленного патриотическими чувствами, но и неоправданной эксплуатации людей при помощи хорошо подходившей для этого колхозной системы. Поэтому нельзя говорить однозначно о важности этого фактора для победы Советского Союза в 1945 г.

Когда перед государством стоял вопрос о выживании, идеологический ригоризм в экономической политике в основном был отброшен. В чрезвычайно трудных условиях решения продовольственной проблемы, власти были вынуждены не обращать внимания на организацию труда крестьян. В Татарской республике, например, им отдавали в личное пользование колхозный скот и землю. Руководство шло на этот шаг в силу недостатка материальных и людских ресурсов для поддержания колхозов и совхозов. Из сел и деревень республики были мобилизованы трудоспособные работники, направлены на фронт лучшие техника и лошади. В первый год войны численность населения в колхозах уменьшилась на 9 %, трудоспособных — на 19 %¹. На весенне-полевые и уборочные работы привлекали женщин². Тенденция к сокращению сохранялась до 1944 г. В 1945 г. численность сельского населения и его трудоспособная часть увеличились соответственно на 1 и 10 %.

Всеобщая мобилизация отразилась также на управленческом аппарате аграрной сферы. Так, в Татарии во 2-й половине 1941 г. было заменено 65 % председателей колхозов и 66 % бригадиров полеводческих бригад. В ряде районов выдвигались участники «вилочных» восстаний 1920-х гг., имевшие судимость за антиколхозную агитацию³, и, правомерно предположить, предпринимчивые крестьяне, умевшие работать эффективно. При этом они стремились, насколько это было возможно в условиях во-

енного времени, отстаивать интересы крестьянства. В годы войны у них появилась надежда на ликвидацию колхозной системы, на возвращение к традиционно сложившемуся укладу жизнедеятельности.

Поэтому в первые послевоенные годы крестьяне не спешили возвращать в колхозы обобществленные в период коллективизации земельные участки и скот. По материалам проверки, проведенной в 1946 г. в 1 110 колхозах 26 районов республики (примерно их половина), было установлено самовольное расширение приусадебных участков у 3 тыс. колхозных дворов и 1 518 хозяйств, не входивших в коллективные сельскохозяйственные предприятия. Причем, как отмечалось в документе, «во многих колхозах расхищение общественных земель шло путем незаконных прирезов приусадебных участков с разрешения правлений и председателей колхозов, а в ряде случаев при прямом попустительстве местных партийных, советских и земельных органов». В «антигосударственной, противоколхозной практике самовольного захвата колхозных земель» было обвинено 14 руководящих работников Ворошиловского района, в т. ч. председатель райисполкома, начальник райотдела милиции⁴.

Однако ожиданиям крестьян не суждено было сбыться. Еще до окончания войны репрессивный характер аграрной политики стал усиливаться. Так, в течение хлебозаготовительной кампании 1943—1944 гг. было передано суду 138 председателей колхозов, в I квартале 1946 г. — 168⁵. К весне 1946 г. у крестьян было изъято более 91 тыс. га земли, так или иначе оказавшейся в их руках в годы войны, около 2 тыс. коров и лошадей⁶. Надо отметить, что усиление таких методов было связано не только с окончанием войны, но и с отчетливо проявлявшейся позицией профанации по отношению к аграрной политике государства со стороны как руководства колхозов, так и крестьянства. Анализ архивных документов за 1946—1952 гг. показывает, что почти повсеместно были распространены случаи злоупотреблений служебным положением, незаконного распоряжения имуществом, натуральными и денежными доходами колхозов, принуждения правлений и председателей колхозов выдавать бесплатно или за низкую цену имущество, скот и продукты, принадлежавшие колхозам.

Мероприятия государства по изъятию колхозных земель во 2-й половине 1940-х гг. имели в основном сиюминутный эффект, но к ним приходилось прибегать почти ежегодно. Так, в 1948 г. в 3 428 колхозах было выявлено более 20 тыс. случаев

самовольных захватов земель (3 854 га) разными организациями и лицами — не членами колхозов. Из них 3 696 га было возвращено⁷. В июле 1950 г. в постановлении СМ СССР отмечалось, что СМ ТАССР не обеспечил выполнения постановления «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельхозартели в колхозах», в результате в республике продолжалось расхищение общественных земель⁸.

Однако в 1950-е гг. крестьяне продолжали отстаивать свое право на землю. В 1951 г. в колхозе «Красный Болгарец» Куйбышевского района членами обкома ВКП(б) была «изобличена группа бывших кулаков, на протяжении ряда лет подрывавших общественное хозяйство колхоза», говорилось о полном «попустительстве со стороны руководства района в отношении деятельности единоличников», квалифицировавшейся как паразитическая, антиколхозная⁹. Например, в с. Болгары начиная с 1938 г. возвратились 15 семей, раскулаченных в начале 1930-х гг. Все они приобрели дома, обзавелись скотом, получили в колхозе приусадебные участки. А. Рябов построил двухэтажный дом с мастерской, выполнял частные заказы. Ф. Тяников, кроме двух домов, имел пасеку из 18 ульев, 2 лодки, в т. ч. моторную. В 1944 г. в село вернулся бывший зажиточный житель Н. Кузнецов, сбежавший отсюда в 1930 г., боясь раскулачивания. Он занял ранее отобранный у него дом, получил приусадебный участок, приобрел корову, 5 овец, пасеку, однако в колхоз не вступал. Данный пример свидетельствует о том, что в начале 1950-х гг. собственнические чувства крестьян были достаточно сильны.

Земля являлась главным, но не самым распространенным объектом покушения крестьян на колхозную собственность. Не получая справедливого вознаграждения за свой труд, они были вынуждены становиться на путь присвоения колхозного добра, мало работали в общественном хозяйстве. По данным архива МВД РТ, в 1946—1948 гг. ежеквартально за воровство придавалось суду от 600 до 2 000 чел. Причем наиболее крупными расхитителями были руководители сельскохозяйственного производства различных уровней.

Конечно, большинство крестьян смирилось с колхозным строем. Протестную модель надо рассматривать как их ответную реакцию на государственную политику, не создававшую необходимые условия для физического выживания сельских тружеников. Послевоенные настроения крестьян весьма точно отражены в письме жителя Апастовского района Татарии Н. Соколова, адресованном Н. Швернику: «Я до малейших клеточек своего организма, до мозга костей проникнут единой комсомоль-

ской идеей... Где же наша коммунистическая совесть, где наша правда, истина. На словах одно, на деле другое. Вам пишу я уже третье письмо, и десятки людей вам писали и писали в ЦК ВКП(б), но мер нет, люди голодают, кругом жульничество, подхалимство, ложь, обман. Крестьяне прокляли нашу партию, нашего вождя И. В. Сталина и наше ЦК, они думают, что вся Москва виновата в их страдании, в их голоде. Нет больше терпения, люди не надеются прожить до весны, это хуже зверства, хуже в 100 раз империализма. Это не коммунистическое, это империалистическое и даже хуже отношение к трудовому крестьянству, это зверство»¹⁰.

О безвыходном положении в деревнях говорилось в письме первого секретаря Татарского обкома ВКП(б) З. И. Муратова И. В. Сталину в 1950 г., где приводились конкретные цифры, показывающие отсутствие экономического интереса у крестьян к общественному труду, что привело аграрную отрасль к критическому состоянию. По продуктивности земледелия республика отставала от среднего уровня СССР. В крайне запущенном состоянии находилось также животноводство.

Массовое бегство крестьян из сел, низкие показатели сельскохозяйственного производства в стране свидетельствовали о тщетности чрезвычайных мер в аграрной сфере и заставили власти в 1-й половине 1950-х гг. сменить модель отношения к крестьянам.

Таким образом, на мой взгляд, правомерно 1940-е — начало 1950-х гг. рассматривать как единый этап в аграрной истории советского общества, в котором его мобилизационный характер усиливался, несколько ослабев с началом войны в силу недостатка как материально-технических, так и людских ресурсов. Невозможность обеспечения директивно-контролирующих методов аграрной системы обусловила отчасти возрождение самоорганизующих начал в жизни крестьянства. Однако уже в конце войны роль государственных механизмов, в т. ч. наиболее одиозных его форм — репрессивных, усилилась. При этом сопротивление крестьянства, носившее в основном пассивный, но достаточно массовый характер, заставило в начале 1950-х гг. пересмотреть сельскохозяйственную политику. Обычно это связывают с личностью Н. С. Хрущева. Не отрицая его роли, необходимо отметить, что модернизационные инициативы властей корректировались жизнью. Военно-мобилизационная модель аграрного производства в 1-й половине 1950-х гг. во многом сменилась благодаря действиям крестьянства.

Примечания

¹ Подсчеты автора по кн.: **Арутюнян Ю. В.** Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., С. 396, 398.

² См.: **Асылгараева А. Ш.** Женщины ТАССР в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945: Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1991. С.39.

³ См.: **Гильманов З. И.** Татарская АССР в Великой Отечественной войне. Казань, 1977. С. 143, 145.

⁴ Там же. С. 92—93.

⁵ Архив МВД РТ, ф. 4, оп. 59, д. 9а, л. 8.

⁶ См.: **Султанбеков Б. Ф.** История Татарстана. XX век / Б. Ф. Султанбеков, Л. А. Харисова, А. Г. Галямова. Казань, 1998. Ч. 4. С. 280.

⁷ НА РТ, ф. 118, оп. 1, д. 21, л. 2, 7.

⁸ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 32, д. 191, л. 6.

⁹ Там же, д. 158, л. 3.

¹⁰ Цит. по: **Султанбеков Б. Ф.** Указ. соч. С. 282—283.

Поступила 07.04.2003 г.

УДК 323.25(470.345)

В. А. Ломшин

ГОЛОД 1946—1948 гг. В МОРДОВИИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Большим бедствием для Советского государства после окончания Великой Отечественной войны стала засуха 1946 г., которая охватила зерновые районы России, Украины, Молдавии и привела к тому, что в целом в стране урожайность зерновых составила 4,6 ц/га, т. е. меньше, чем в 1944—1945 гг.¹ Под ударом засухи оказалась также Мордовия, где около 100 тыс. га посевов взошло только в июне после выпадения небольших дождей (с данных площадей было собрано в среднем по 1 ц/га). 48 тыс. га озимых погибло².

С учетом запасов и резервов страны зерном можно было обеспечить все голодающее население. Однако государство обязало сдать колхозы более половины урожая (52 %), что было больше, чем в годы войны. Для того чтобы выполнить этот план, в колхозах и совхозах изъяли семенное и продовольственное зерно, включая частично предназначенное к выдаче колхозникам на трудодни. Оно пошло на пополнение стратегического запаса продовольствия и в фонд экспорта, т. е. для

© В. А. Ломшин, 2004

продажи за границей и безвозмездной помощи государствам социалистического лагеря. В таких условиях государство максимально сократило продовольственные запасы. С карточной системы была снята часть сельского населения. В 1947 г. по сравнению с 1946 г. количество зерна, поступавшего на внутренний рынок, сократилось в 1,7 раза. В результате хлеба стали выпекать в 3 раза меньше, чем в 1940 г.³

Голод проявляется в двух формах: явной (абсолютная) и скрытой (относительная), когда наблюдается массовое недоедание населения. В сельской местности Мордовии 1946 – 1948 гг. голод был абсолютный. Первый секретарь Мордовского обкома ВКП(б) С.А. Кочергин в письме в ЦК партии просил И.В. Сталина об оказании продовольственной помощи республике в связи с засухой⁴. В докладной записке Председателя СМ РСФСР М.И. Родионова «О результатах проверки положения семей военнослужащих в МАССР» (приблизительно 6 июля 1946 г.) отмечалось, что число остро нуждающихся в продовольствии по сравнению с 1945 г. увеличилось на 14 тыс. чел. В Краснослободском районе в 229 семьях погибших фронтовиков и инвалидов насчитывалось 780 чел. В Большеберезниковском районе была необходима помощь 45 % фронтовых семей⁵. Такое положение наблюдалось в ряде других районов.

Секретарь Рыбкинского райкома партии в июле 1946 г. телеграфировал в СМ МАССР и обком ВКП(б) о том, что «ежедневно в райком обращаются сотни голодных с просьбой об оказании помощи». В Ардатовском районе ряд семей военнослужащих болеют на почве истощения. По данным Министерства здравоохранения республики, на 6 июля 1946 г. было зарегистрировано 1 968 случаев заболевания дистрофией. В специальном сообщении министра МВД республики Председателю СМ МАССР от 17 июля 1946 г. говорилось, что из-за отсутствия хлеба в Краснослободском районе, и особенно в селах Мордовские Парки, Слободские Дубровки, Потякши, Куликово, Селищи, создалось крайне тяжелое положение. В колхозе им. Кирова (с. Селищи) колхозник Т. С. Немов, будучи несколько дней без пищи (хлеба), съел кошку. Такие случаи были неединичными. В районе насчитывалось около 1 тыс. чел. больных дистрофией в последней стадии. Многие колхозники не могли работать⁶. Секретарь Старошайговского райкома ВКП(б) И. Киселев и председатель райисполкома П. Ососков в докладной записке от 4 июля 1946 г. Председателю СМ МАССР Н. Тингаеву, секретарю обкома ВКП(б) Тюрину сообщили, что на 2 июля 1946 г. в районе болеют дистрофией 123 чел., госпитализировано 40 чел.⁷

Первая послевоенная сельскохозяйственная кампания доказала несостоятельность потребительского подхода к деревне как к неисчерпаемому источнику людских и материальных средств. Разоренному селу Мордовии был не по силам завышенный план весеннего сева 1946 г., завершившегося к тому же с опозданием от 30—45 дней до 2 месяцев. Погоня за расширением посевных площадей в республике привела к тому, что нехватило семян, а осенью урожай зерновых не смогли убрать в срок (часть его оказалась под снегом). Просчеты в организации посевной и уборочной связали с засухой и низкой дисциплиной труда в сельском хозяйстве.

В связи с голодом весной 1947 г. деревенское население Мордовии собирало на полях перепревшее зерно и гнилой картофель, что привело к массовым заболеваниям септической ангиной. Сведения о заболевании и смертности от нее в стране противоречивы. С мест сообщалось о тысячах больных, а в справке Председателя СМ РСФСР констатировалось, что в 1945 г. заболели 193 чел., умерли — 42, в 1946 и 1947 гг. соответственно 615 и 90, 2 857 и 224⁸. 10 декабря 1947 г. вышло специальное постановление Правительства РСФСР «О мерах ликвидации эпидемиологических основ заболеваний паразитарным тифом». К сожалению, обеспечение медикаментами сельского населения, в т. ч. Мордовии, осуществлялось по остаточному принципу. По данным ЦСУ РСФСР, с декабря 1946 г. по март 1947 г. население в сельской местности России сократилось на 0,5 млн чел. Из них примерно 200 тыс. чел. умерли, остальные переехали в город⁹.

Факт голода 1946—1947 гг. И. В. Сталиным не признавался, поэтому не была организована необходимая продовольственная помощь населению. Руководство Мордовии также не информировало о сложившейся ситуации и не просило правительство об оказании помощи. Сообщения последовали уже во время массовых голоданий. На переписку и согласование уходило около месяца. Из государственного резерва выделялось намного меньше, чем просилось, или отпускались малокалорийные продукты. Нередко на запросы получали отказы. Продовольствие распределялось медленно и бесконтрольно. В некоторых местах зерно, предназначенное для голодающих и посева, использовалось в качестве его обязательных поставок.

Собрав достаточное количество зерна для обеспечения населения, власть израсходовала на голодающих около половины годового резерва, не трогая запасов, пополнив их осенью 1947 г. на 80—90 %. Таким же способом производились пополнения

резервов других продуктов питания и промтоваров перед будущими отменой карточной системы и денежной реформой.

Голод 1946—1948 гг. был вызван искусственно политикой правительства, перенесшего проблемы послевоенного кризиса на крестьянина. Однако если в стране к 1947 г. голод пошел на спад, то в Мордовии засуха 1948 г. сильнее, чем 1946 г., усугубила положение крестьян.

Примечания

¹ См.: **Зима В. Ф.** Голод в России 1946—1947 гг. // Отеч. история. 1993. к 1. С. 35.

² РФ НИИГН, И-1506, л. 352.

³ Там же.

⁴ ЦДНИ РМ, ф. 269, оп. 4, д. 176, л. 14.

⁵ См.: Мордовия 1941—1945 гг. Саранск, 1995. С. 733.

⁶ Там же.

⁷ ЦДНИ РМ, ф. 1241, оп. 1, д. 19, л. 79.

⁸ См.: **Зима В. Ф.** Указ. соч. С. 39.

⁹ Там же.

Поступила 13.05.2003 г.

УДК 338.43(470.40/.43):621.311.1

А. В. Косихин

ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РЕСПУБЛИК СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1946—1950 гг.)

Победа советского народа в Великой Отечественной войне обусловила подъем электроэнергетического хозяйства страны. Восстановление и дальнейшее развитие сельскохозяйственного производства автономных республик Среднего Поволжья требовали увеличения выпуска электроэнергии. В феврале 1945 г. Правительство СССР приняло постановление «О развитии сельской электрификации», установив республикам, краям и областям задания на 1945 г. по строительству сельских электростанций и электрификации колхозов, совхозов и МТС¹. Промышленным наркоматам поручалось значительно увеличить производство электроэнергетического оборудования и элект-

© А. В. Косихин, 2004

роматериалов, необходимых для электрификации сельского хозяйства. Эту работу возглавило «Главсельэлектро» Наркомзема СССР, в частности через свои отделения в республиках Среднего Поволжья.

В законе «О пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946 – 1950 гг.» большое внимание уделялось развитию электрификации на базе использования местных энергетических ресурсов². Задачи и условия определялись для отдельных районов, с одной стороны, потребностями их в электроэнергии, а с другой – наличием энергоресурсов. Энергоресурсы республик Среднего Поволжья складывались в этот период из водной энергии многочисленных рек, большого количества торфяных залежей, а в некоторых районах из значительной массы древесины, которая могла быть использована в качестве топлива электроустановок. По расчетам ученых Казанского филиала АН СССР, за счет водных ресурсов (при полном их использовании) могли быть удовлетворены потребности первой очереди до 50 % колхозов, второй – до 20%. В ряде районов республик обеспеченность гидроресурсами составляла 10%. Электрификацию других предполагалось осуществить на базе строительства тепловых электроустановок на торфе. В этом отношении большие надежды возлагались на Арбанское торфопредприятие в Марийской республике, постоянно увеличивавшее производство торфа для ее хозяйственных нужд, а также торфяники Заволжья Чувашии. В это время наиболее трудное положение с электроснабжением сел сложилось в Мордовской и Марийской республиках (табл. 1, 2).

Таблица 1

**Количество электростанций и их мощность
на 1 января 1947 г.*, шт. (кВт)**

АССР	Электростанции		
	всего	присоединенные к нескольким станциям	с присоединением
Марийская	16 (311)	—	16 (311)
Мордовская	11 (300)	—	11 (300)
Татарская	137 (1 848)	12 (500)	149 (2 348)
Чувашская	33 (950)	28 (620)	61 (1 570)
И т о г о	197 (3 409)	40 (1 120)	237 (4 529)

* Таблица составлена по: Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 8375, оп. 1, д. 704, л. 199–200.

Таблица 2
Сводные данные о потребителях электроэнергии на 1 января 1947 г.*

АССР	Кол-во электрифицированных предприятий, ед.			Кол-во светоточек, тыс. шт.					
	кол-хозов	МТС и МТМ	сов-хозов	в до-мах кол-хоз-ни-ков	в про-извод-ствен-ных кол-хоз-ных поме-щени-ях	в адми-нистра-тивно-обще-ствен-ных поме-ще-ниях	в МТС и сов-хозах	про-чие	все-го
Марийская	47	6	—	0,70	0,09	0,05	0,27	0,70	1,18
Мордовская	10	2	—	1,70	0,08	0,30	0,02	0,20	2,30
Татарская	54	79	6	3,60	0,97	4,40	1,10	1,40	11,47
Чувашская	74	8	1	7,70	0,70	0,50	0,60	0,50	10,00
И т о г о	185	95	7	24,95	13,70	1,84	5,25	1,99	2,10

* Таблица составлена по: РГАЭ, ф. 8375, оп. 1, д. 704, л. 203—204.

Статистика показывает, что предстояло вложить большие средства в электрификацию сельского хозяйства республик Среднего Поволжья. В связи с этим началось активное изучение местных энергоресурсов и передового опыта в энергостроительстве других республик и областей страны, в частности Башкирии и Удмуртии, Горьковской, Куйбышевской, Пензенской и Тамбовской областей. Впервые работа по исследованию энергетики Марийской АССР была предпринята в 1946—1947 гг. Поволжским лесотехническим институтом имени М. Горького под руководством профессора Ю. В. Скобельцына и доцента С. А. Никонова (по договоренности с Всесоюзным научно-исследовательским институтом механизации и электрификации сельского хозяйства). На конец 4-го пятилетия и на более отдаленную перспективу по каждому из административных районов республики был произведен расчет потребностей в энергии сельского хозяйства и местной промышленности. На основании этого территория была разделена на ряд зон, определены энергоресурсы каждого из районов по их видам: водной энергии, торфу и древесине³.

С июня по декабрь 1947 г. работа по исследованию местных возможностей развития энергетики была связана с деятельностью кафедры физики и электротехники Поволжского института (по договору с марийской конторой «Сельэлектро»). В это время осуществлялись:

1) рекогносцировочное обследование рек северо-восточных (Казанский, Новоторъяльский, Сernурский) и правобережного (Еласовский) районов, которые требовали наибольшего энергоснабжения при ограниченности энергоресурсов;

2) обследование нескольких характерных существующих сельскохозяйственных электростанций для изучения условий их эксплуатации;

3) разработка предварительного плана использования обследованных рек в указанных выше районах с выявлением мест сооружения отдельных установок, их мощности и состава потребителей.

В 1-й половине 1948 г. кафедрой были выявлены специфические для республики типы ГЭС и ТЭС, произведен анализ их основных технико-экономических показателей. При этом определено, что наиболее характерными для рек Марийской республики являлись ГЭС мощностью до 10 кВт, от 10 до 25 и от 26 до 50 кВт. Из ТЭС в сельскохозяйственных районах рекомендовалось строить преимущественно локомобильные мощностью от 30 до 50 кВт, а в дальнейшем — газогенераторные установки, работающие на торфе и дровах, мощностью от 20 до 40 кВт⁴.

В эти годы активное участие в сооружении энергоустановок принимал заслуженный деятель науки и техники Марийской АССР, доцент Поволжского института С.И. Анников. Деревянная турбина для сельской ГЭС, доступная в изготовлении силами колхозов, была разработана профессором Д.Я. Соколовым. Она позволяла развивать мощность от 10 до 50 и более 100 кВт. КПД составлял 75 — 79%. Кроме того, затраты на ее производство были в 5—6 раз меньше, чем металлической. Профессором А.Я. Миловичем была сделана попытка внедрить в практику сконструированную им плавучую ГЭС, которая позволяла использовать кинетическую энергию текущей воды без устройства стационарных сооружений. Опытный образец такой ГЭС применялся летом 1947 г. в колхозе «Передовик» Волжского района на р. Илеть. Мощность установки равнялась 25 кВт, что позволяло удовлетворять основные нужды этого колхоза⁵.

В сооружении данной ГЭС большую помощь колхозу оказал вице-президент Всесоюзной сельскохозяйственной академии имени В.И. Ленина, депутат ВС РСФСР, академик В. П. Мосолов. По его инициативе весной 1948 г. в колхозе «Партизан» Параньгинского района республики были начаты работы по строительству опытной электростанции. Для ее оборудования академия передала двигатель «Андижанец-15», который предстояло испытать для массового применения в колхозном производ-

стве. Он имел мощность в 15 л. с., расходовал примерно 250 г горючего в час. Строительство и монтаж станции осуществляла марийская контора «Сельэлектро».

5-летним планом развития народного хозяйства Мордовской АССР на 1946 – 1950 гг. намечалось построить в районах республики 172 электростанции, в т. ч. 157 ГЭС и 15 ТЭС, общей мощностью 14 340 кВт⁶. Его выполнение требовало максимального использования местных энергоресурсов. При этом было подсчитано, что сила воды и ресурсы местного топлива позволят произвести свыше 60% необходимой электроэнергии. Недостающее количество можно было получить за счет более полного применения мощностей электростанций промышленных и коммунальных предприятий. Однако, как показала практика, это не произошло.

Из табл. 1 видно, что в Мордовии имелось 11 небольших сельских электростанций (2 ГЭС и 9 ТЭС) общей мощностью 300 кВт. Из запланированных к сдаче в эксплуатацию в 1946 г. 11 электростанций общей мощностью 551 кВт введено в действие 3 (73 кВт). В стадии строительства находились Тургеневская, Сатисская и Старосиндровская ГЭС. К сооружению остальных не приступали. Главной причиной невыполнения плана являлось то, что объекты строительства были обеспечены проектно-сметной документацией на 25%. Одно из последних мест в РСФСР Мордовия занимала также по электрификации сельскохозяйственного производства, быта колхозников и рабочих совхозов (см. табл. 2). На 1 января 1947 г. из 1 652 колхозов было электрифицировано 10. В сельской местности насчитывалось 2,3 тыс. светоточек, основная масса которых (1,7 тыс.) была сосредоточена в домах колхозников⁷.

Подобные проектно-исследовательские работы по изучению местных энерговозможностей были проведены и в других республиках. Одновременно осуществлялось составление энергосхем по использованию предполагаемых мощностей. Придавая большое значение развитию электрификации аграрного сектора как важнейшему средству повышения производительности труда в колхозах, совхозах, МТС и поднятия культурного уровня населения, СМ СССР в постановлении от 29 мая 1948 г. «О плане развития сельской электрификации на 1948 – 1950 гг.» указал, что электроэнергией в сельском хозяйстве обеспечиваются в первую очередь трудоемкие производственные процессы: работа мастерских МТС, молотба, очистка, сортировка, сушка и размол зерна, орошение, водоснабжение, кормоприготовление, дойка и стрижка, а также переработка сельскохозяйственных продуктов⁸. Государство выделяло энергообо-

рудование и материалы, необходимые для строительства электростанций, оказывало финансовую помощь колхозам, приступающим к электрификации, предоставляя долгосрочный банковский кредит в размере до 75% от денежных затрат по смете до 10 лет. Так, в развитие электрификации сельского хозяйства Чувашской АССР за 1946—1949 гг. было вложено 12,4 млн руб.⁹ В результате энерговооруженность на селе за этот период возросла в 1,5 раза, что создавало определенные условия для комплексной механизации и электрификации важнейших отраслей сельского хозяйства.

Среди сельских электростанций особенно следует выделить межколхозные. По сравнению с колхозными электростанциями они были более мощные, экономичные и надежные в работе. Для строительства и эксплуатации таких объектов группа колхозов объединяла свои силы и материальные ресурсы, что позволяло рациональнее использовать имеющиеся в районе гидравлические и топливные ресурсы, снижать стоимость установленного киловатта мощности сооружаемой электростанции, повышать надежность электроснабжения. Нередко в строительстве и эксплуатации межколхозных электростанций, кроме колхозов, участвовали заинтересованные государственные предприятия и организации — совхозы, МТС, конезаводы и др. Для организации их строительства избирался совет межколхозной электростанции, который занимался обеспечением рабочей силой, транспортом, денежными средствами, строительными материалами и т.д. Государство предоставляло необходимое оборудование, электротехнические материалы, измерительные приборы и кредиты Сельхозбанка. В целях создания правильных взаимоотношений между участниками, а также с организациями «Главсельэлектро» было выработано Положение о порядке строительства и эксплуатации межколхозных электростанций и электроустановок. Колхозные и межколхозные электростанции, а также электростанции МТС и других государственных сельских предприятий являлись в рассматриваемые годы основными источниками электроснабжения сельского хозяйства.

После выхода в свет постановления Правительства СССР от 29 мая 1948 г. «О плане развития сельской электрификации на 1948—1950 гг.» активизировалась научная деятельность коллектива Станции по электрификации сельского и лесного хозяйства Казанского филиала АН СССР, возглавляемого Ю. В. Скобельцыным, по исследованию местных энергоресурсов и обобщению опыта работающих электроустановок. В частности, изучались вопросы совместной работы сельских ГЭС и

ТЭС. Такое объединение в т. н. местную энергосистему стало дальнейшим шагом к повышению эффективности работы сельских электростанций. Научными сотрудниками была разработана и апробирована система полуавтоматизации сельских ГЭС, гарантирующая их безаварийность. Опытные образцы полуавтоматической аппаратуры были изготовлены в заводских условиях и установлены на Цибикнурской и Изи-Кокшанской электростанциях Марийской АССР. Их производственные испытания показали хорошие результаты. Также осуществлялось объединение в единую энергосистему электростанций, расположенных в Мари-Турекском районе республики.

Станцией было организовано систематическое наблюдение за режимом эксплуатации ряда ТЭС и ГЭС Марийской и Татарской республик, а также Горьковской области. Благодаря исследованиям, проведенным в Суслонгерском и Медведевском леспромхозах, намечены способы лучшего применения передвижных электростанций системы ПЭС-12-200. Данная организация поддерживала тесную связь с энергетическим институтом АН СССР. Так, в 1950 г. по поручению академии выполнены исследования по следующей тематике:

1) изучение опыта и рационализации эксплуатации сельскохозяйственных электростанций и электроснабжения лесоразработок;

2) электрификация сельского хозяйства в орошаемых районах зоны Куйбышевской ГЭС¹⁰.

В 1950 г. коллективом станции была предложена схема сельскохозяйственной электроэнергетической системы в Мари-Турекском районе, предусматривавшая объединение Нартасской государственной локомобильной электростанции с небольшими колхозными электроустановками. В том году также были проведены предварительные опыты работы ГЭС на р. Ноль (колхозы им. Коминтерна и им. Мосолова) с Нартасской электростанцией, давшие весьма положительные результаты. По заданию СМ Марийской АССР обследован ряд сельскохозяйственных ГЭС с целью выявления их качества строительства и эксплуатации. Материалы, содержащие выводы и практические предложения, были рассмотрены на бюро Марийского обкома КПСС, в результате даны указания Министерству сельского хозяйства республики по устранению недостатков в сельскохозяйственном электростроительстве¹¹. Сотрудниками станции была разработана аппаратура для автоматической защиты, которая осуществляла остановку гидротурбины и подачу сигналов при нарушениях режима работы. После предварительных лабораторных исследований были подготовлены конструп-

тивные чертежи отдельных узлов аппаратуры и изготовлен опытный образец, впоследствии смонтированный на ГЭС колхоза «Ленин корно» Семеновского района Марийской республики¹². Научно-исследовательская работа организации способствовала целенаправленному развитию сельской электроэнергетики в республиках Среднего Поволжья.

В эти годы основным методом электрификации марийской деревни, как и сельских населенных пунктов других республик, являлось строительство колхозных и межколхозных электростанций, число которых в республике увеличилось с 16 в 1946 г. до 102 в 1950 г., а мощность соответственно с 311 кВт до 2 770 кВт. В 1950 г. насчитывалось 148 электрифицированных колхозов¹³, в 215 селах и деревнях — 22 615 световых точек¹⁴. Если в 1950 г. в стране было электрифицировано 15% колхозов, то в Марийской АССР — 20%¹⁵. Использование электроэнергии колхозами возросло на мельницах, при молотье, сортировке зерна, приготовлении кормов. Однако потребление ее в производственных целях было еще незначительным, а себестоимость высокая. В 1950 г. в колхозах республики действовало лишь 284 электромотора общей мощностью 1 332 кВт¹⁶; в производстве и на бытовые нужды сельскохозяйственных предприятий использовано 2 089 тыс. кВт¹⁷.

В годы 4-й пятилетки проведена значительная работа по электрификации сельского хозяйства Чувашии. 2-я сессия ВС Чувашской АССР 2-го созыва (3—5 июля 1947 г.), обсудившая 5-летний план восстановления и развития народного хозяйства республики на 1946—1950 гг., приняла решение: «Построить за пятилетие не менее 111 сельских электростанций, из них 108 ГЭС и 3 тепловых, с доведением общей мощности до 4 280 кВт. Электрифицировать к концу пятилетия все МТС, 18 сельских районных центров и не менее 450 колхозов»¹⁸.

За это время на р. Цивиль было сооружено более 30 ГЭС. Так, Ивановскую ГЭС строили колхозники 6 деревень. После ее ввода в эксплуатацию были приведены в движение молотилки, мельницы, лесопильные рамы. Она позволила механизировать резку соломы, способствовала развитию радиофикации. В 1950 г. на берегах Цивили работали 70 электромолотилок, десятки электрифицированных ферм, механических мастерских, лесопилок, мельниц, шерстобоек, что являлось наглядным примером превращения сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального¹⁹. По сравнению с 1945 г. (4%) было электрифицировано до 25% колхозов. В 4-й пятилетке в Чувашии введено в действие 85 колхозных и межколхозных электростанций общей мощностью 2 815 кВт, в т. ч. 63 ГЭС мощностью 2 043 и 22 теп-

ловых электроустановок мощностью 772, при плане 111 электростанций мощностью 4 280 кВт, в т. ч. 108 ГЭС и 3 ТЭС²⁰. Колхозные электростанции в 1950 г. по сравнению с 1940 г. увеличили производство электроэнергии в 4,5 раза²¹. Однако задание было невыполнено. В 1950 г. электроэнергией пользовались 14,7% хозяйств и 10% колхозных дворов²².

В конце 1950 г. проектно-изыскательское бюро чувашской конторы «Сельэлектро» закончило работу по составлению Энергосхемы электрификации сельского хозяйства Чувашской АССР, подготовленной в соответствии с постановлением СМ СССР от 29 мая 1948 г. «О плане развития сельской электрификации на 1948 – 1950 гг.». 16 января 1951 г. она была обсуждена специальной комиссией Министерства сельского хозяйства СССР по рассмотрению Схем использования местных энергоресурсов для электрификации сельского хозяйства²³, которая рекомендовала СМ Чувашии дополнительно выявить местные энергоресурсы для повышения уровня сельской электрификации. При этом предложено исключить из схемы строительство мелких малоэкономичных тепло- и гидроустановок, предусмотрев сооружение ТЭС укрупненной мощности в районах, имеющих значительные запасы торфа, с целью энергоснабжения также смежных районов, не располагающих энергоресурсами.

В решении комиссии подчеркивалось: «...строительство гидро- и теплоэлектростанций мощностью 25 – 30 кВт допустить лишь как исключение; в Схеме учесть электростанции мощностью 50 кВт и выше»²⁴. При размещении ГЭС рекомендовалось учесть комплексное использование рек в увязке с мелиоративными работами, водоснабжением и водным транспортом; рассмотреть вопрос о применении гидроресурсов Суры; СМ Чувашской АССР предложило изыскать основные строительные материалы и оборудование для сельской электрификации, источники финансирования, определить капвложения; представить Министерству сельского хозяйства СССР к 15 апреля 1951 г. дополнительные материалы по доработке схемы, согласно сделанных замечаний и предложений.

Судя по схеме из 60 мелких рек Чувашии энергоинтерес имели 38 и по первоначальному варианту намечалось построить 164 ГЭС суммарной мощностью 5 146 кВт, из них 143 (3 197) представляли собой каждая ГЭС мощностью до 50 кВт. Происходящее укрупнение колхозов и значительная стоимость ГЭС с малой мощностью вызвали необходимость отказаться от строительства последних. Схемой также предусматривалось осуществление работ по кольцеванию электростанций республики. Всего намечалось создать 14 энергосистем, охватывающих 53

электростанции. Для использования местных энергоресурсов было отобрано 72 торфяных месторождения с площадью залежей 1 965 га (31 %) и с запасами торфа-сырца 38,5 млн м³ (28,4 %). Энергоисточники, работающие на жидком топливе, намечалось исключить. Комиссия рекомендовала составителям схем и руководству республик «учесть вопросы комплексного обеспечения электроэнергией всех потребителей, расположенных в сельской местности (колхозы, совхозы, МТС, МТМ, ИПС, предприятия местной промышленности)»²⁵.

9 марта 1949 г. проблема электрификации сельского хозяйства Мордовской АССР рассматривалась на заседании СМ СССР, которая потребовала от директивных органов Мордовии построить до конца 1949 г. в колхозах республики 57 ГЭС общей мощностью 3 400 кВт и 13 тепловых электроустановок на местном топливе суммарной мощностью 400 кВт. В 1950 г. предполагалось соорудить 95 электростанций общей мощностью 6 570 кВт²⁶. В целях успешного выполнения намеченной программы на их строительство государство выделило 58 гидротурбин, 60 генераторов, 250 силовых трансформаторов, 10 локомотивов, большое количество другого электрооборудования и электроматериалов, а также различные строительные механизмы. Наряду с республиканской конторой «Сельэлектро» было разрешено организовать 2 специальные строительно-монтажные конторы в районах. Кроме того, колхозам республики выделено 3 млн руб. долгосрочного кредита²⁷.

25 марта 1949 г. вопрос «О развитии сельской электрификации в Мордовской АССР» обсуждался на 6-м Пленуме Мордовского обкома ВКП(б), где было принято обязательство за оставшийся период (1949—1950 гг.) электрифицировать 480 колхозов республики. Для ускорения темпов электрификации сельского хозяйства обком и СМ Мордовии обратились с просьбой в Московский обком партии об оказании шефской помощи республике в приобретении необходимых материалов и оборудования для строительства колхозных электростанций. Московский комитет дал указание ряду предприятий г. Москвы и области выделить 64 грузовых автомашины, 10 локомотивов, 10 тыс. электролампочек, свыше 15 тыс. пог. м электропроводов и другое оборудование. Он обязал трест «Мосэлектро» до 1 июня 1949 г. закончить составление технических проектов на строительство в Мордовии 20 сельских электростанций²⁸.

Благодаря помощи ЦК ВКП(б) и советского правительства, трудовых коллективов Москвы и Московской области, а также других предприятий страны, трудящиеся Мордовии добились в последующие годы определенных успехов в развитии

сельской электрификации. Общий объем строительно-монтажных работ в 1949 г. составил в денежном отношении 4 923 тыс. руб., в 1948 г. — 1 655 тыс. руб.²⁹ В 1950 г. в селах Мордовии введено в эксплуатацию 20 электростанций, на базе которых электрифицировано 22 колхоза, 16 МТС и одна лесозащитная станция. В стадии строительства находилось 15 ГЭС³⁰.

Темпы электрификации республики в 1950 г. стали выше по сравнению с 1946 г., хотя годовой план был выполнен на 31 %³¹. По выполнению плана электрификации МТС и лесозащитных станций, моторно-ремонтных мастерских Мордовия опережала ряд областей и автономных республик РСФСР, уступая, правда, многим из них по объему осуществленных работ. На 1 января 1951 г. в республике было электрифицировано 54 МТС, или 87,1 % от общего количества, и 18 совхозов, что составляло 72 %³². Электричество имели 68 колхозов, или 7,5 % от общего числа сельхозартелей, в которых было электрифицировано 8,6 тыс. дворов колхозников, т.е. 5,2 % всех дворов республики.

Однако по электрификации колхозов МАССР продолжала отставать, в частности от остальных республик Среднего Поволжья. Например, в этот период в Марийской республике насчитывалось 148 таких колхозов, или 13 % от общего количества. Следовательно, несмотря на определенные успехи в развитии сельской электроэнергетики, задания пятилетки по этому показателю не были выполнены, хотя республике оказывалась всесторонняя помощь. Кредиты, отпущенные советским правительством на строительство сельских электростанций, как правило, использовались не полностью или часто бесхозяйственно. Несвоевременное обеспечение строек рабочей силой и лесоматериалами можно было объяснить только недооценкой значения электрификации со стороны руководства районов и колхозов. «Вместо того, чтобы своевременно и по-хозяйски использовать государственные кредиты, привлечь к участию в стройках широкие слои сельской общественности, организовать работы строго по графику, многие исполкомы райсоветов, управления колхозов пустили начатые стройки на самотек»³³. Нередки были случаи, когда на местах не учитывались элементарные технические требования. По этой причине неоднократно размывало плотины в Зубово-Полянском, Дубенском, Старосиндровском и Большеберезниковском районах³⁴.

Проверка хода строительства колхозных электростанций, проведенная Мордовским обкомом ВКП(б) в августе 1949 г., показала, что строительно-монтажная контора «Сельэлектро» и Министерство сельского хозяйства республики неоператив-

но руководили сельской электрификацией. Контора «Сельэлектро» часто нарушала договорные обязательства перед колхозами. Например, очень медленно проводились проектно-исследовательские работы, качество которых часто было низким. При выборе створов ГЭС не всегда учитывалось комплексное использование рек. В результате на ряде электростанций нельзя было организовать не только самотечное, но и механическое орошение колхозных полей. Так, неудачно были спроектированы Большеберезниковская, ГЭС колхоза имени Кирова Саранского района и др. Снабжение строек электрооборудованием и электроматериалами срывалось. Управление лесного хозяйства не всегда своевременно отпускало строящимся объектам древесину, а Мордовпотребсоюз — осуществлял завоз цемента, сортового железа и электроарматуры.

Одной из главных причин низкого темпа строительства электростанций являлось отсутствие квалифицированных кадров. Иногда контора «Сельэлектро» доверяла техническое руководство лицам, не имеющим специальной подготовки. Значительного улучшения требовали бытовые условия сельских электрификаторов: не хватало общежитий, дошкольных учреждений для детей рабочих и ИТР, были трудности в обеспечении строителей промышленными и продовольственными товарами. На текучести кадров сказывалась недостаточная механизация трудоемких операций. Слабо проводилась разъяснительная работа о значении электроэнергии в подъеме производительности сельскохозяйственного труда и культуры села. Эти недостатки в последующие годы постепенно устранялись.

Практическую помощь в электрификации сельского хозяйства республик Среднего Поволжья, как уже говорилось, оказывали коллективы заводов и фабрик, строительных и других организаций, и особенно Татарской АССР. Так, в 1947 г. промышленные предприятия г. Казани направили в МТС республики 92 электромотора, 75 электро- и газосварочных аппаратов и другой техники, различные инструменты и инвентарь³⁵. 28 декабря 1949 г. на бюро Татарского обкома ВКП(б) был рассмотрен вопрос «О шефской помощи промышленными предприятиями в строительстве сельских электростанций». Бюро поддержало инициативу коллективов казанских заводов машиностроения и имени В.И. Ленина, взявших на себя обязательство оказать колхозам организационно-техническую помощь. Оно приняло заявления руководителей промышленных предприятий городов Казани, Зеленодольска и Чистополя о том, что они также примут участие в этом. Так, Агрызское отделение Казан-

ской железной дороги обязывалось оказать содействие в строительстве Кучуковской ГЭС мощностью 200 кВт, Альметьевская контора бурения — Бигашевской (36,4), Бондюжский химзавод — Татарско-Челнинской (50), Казанская ТЭЦ-1 — Старокомкинской (35) и Качемировской (40), мехкомбинат — Калмурзинской (200), жиркомбинат — Матвеевской (200), Управление трудовых резервов — Красно-Октябрьской (90), комбинат «Спартак» — Утяшкинской (74), строительный трест ц 14 — самой крупной Малокукузинской ГЭС мощностью 490 кВт³⁶.

Руководители 39 предприятий, закрепленных за строительством ГЭС, совместно с татарской конторой «Сельэлектро» были обязаны не позднее 10 января 1950 г. разработать конкретные мероприятия по оказанию необходимой помощи колхозам в строительстве сельских электростанций, уделив особое внимание подготовке строительных площадок в зимний период³⁷. В республике в годы 4-й пятилетки были приняты меры по организации производства дизельных электростанций на Казанском механическом заводе. В 1950 г. выпущено 843 единицы мощностью 45 л. с. вместо 750 по плану³⁸. В целом число сельских электростанций возросло по сравнению с предыдущим пятилетием в 16 раз, а их мощность почти в 24 раза³⁹. Ход строительства электростанций широко освещался на страницах республиканских газет «Красная Татария» и «Кзыл Татарстан», в т. ч. обмен передовым опытом.

В 1949 г. коллектив государственной электростанции ц 1 г. Йошкар-Олы, находящейся в ведении Министерства коммунального хозяйства РСФСР, оказал значительную помощь в электрификации колхозов Медведевского и Семеновского районов республики⁴⁰. На 3-й сессии ВС Чувашской АССР 2-го созыва (8—9 апреля 1948 г.) было рассмотрено положение об изготовлении на предприятиях Министерства местной промышленности малых турбин простейших конструкций мощностью до 20 л. с. для сельской электрификации, а также об организации здесь производства глиняных роликов с глазурной облицовкой, различных крюков и др.⁴¹

Одновременно с развитием электроэнергетической базы и электрификации отраслей народного хозяйства страны в республиках Среднего Поволжья принимались меры к расширению подготовки энергетических и электротехнических кадров. Она осуществлялась в вузах и техникумах Москвы, Казани, Чебоксар, Йошкар-Олы, Саранска. В частности, в 4-й пятилетке Чебоксарский энергетический техникум выпустил около 200 специалистов по тепловой и дизельной части электростанции. Внимание также обращалось на техническую и общеобразователь-

ную подготовку персонала, обслуживавшего сельские электростанции, повышение требовательности к исполнению служебных обязанностей, на изучение и соблюдение должностных инструкций, правил техники безопасности и т.д. В результате всесторонней помощи и принятых мер со стороны республиканского руководства и сельских электрификаторов производственные показатели в 1950 г. по сравнению с 1949 г. улучшились. Однако годовое задание ни одна из республик не выполнила (табл. 3).

Таблица 3
Итоги выполнения плана 1950 г. по электрификации колхозов, МТС, лесозащитных станций и мотороремонтных мастерских*

АССР	Электрификация			
	колхозов		МТС, лесозащитных станций, мотороремонтных мастерских	
	План, ед.	Фактическое выполнение плана, ед. (%)	План, ед.	Фактическое выполнение плана, ед. (%)
Марийская	60	39 (65)	10	3 (30)
Мордовская	70	22 (31)	18	16 (89)
Татарская	200	101 (50)	30	14 (46)
Чувашская	70	39 (55)	14	8 (57)

* Таблица составлена по: РГАЭ, ф. 8375, оп. 1, д. 1013, л. 12–13.

За годы 4-й пятилетки в республиках Среднего Поволжья было построено около 500 сельских электростанций (электроустановок), позволивших электрифицировать 700 хозяйств. Их электроэнергия применялась в основном для освещения и незначительно — в производственных процессах. Совхозы и колхозы в тот период, как правило, не пользовались электроэнергией государственных электростанций; присоединение сельских электронагрузок к энергосистемам было запрещено. Также не допускалось сооружение сельских электростанций, работающих на жидком топливе. В 1945–1947 гг. популяризировалось строительство небольших ГЭС. Эти ограничения и неправильные ориентировки сдерживали инициативу на местах, наносили ущерб качественному развитию сельской электрификации, снижая ее технический уровень. Часто допускалось нерациональное использование денежных средств, выделенных государством, имело место хищение строительных материалов. Вместо капитальной разработки генерального плана электрификации сельского хозяйства страны на 5 лет была составлена узкоограниченная «Принципиальная схема использования местных энергетических ресурсов для сельской электрификации СССР».

Однако несмотря на это колхозные и межколхозные электростанции сыграли положительную роль в создании промышленных центров в сельской местности и культурном ее обновлении. Радикальное решение проблемы снабжения электроэнергией сельского хозяйства республик Среднего Поволжья стало возможным после сооружения Куйбышевской и ряда других крупных ГЭС, подключения Марийской, Мордовской, Татарской и Чувашской республик к Единой энергетической системе европейской части СССР.

Примечания

- ¹ См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1941–1952 годы. М., 1968. Т. 3. С. 224–229.
- ² Там же. С. 276.
- ³ См.: **Скобельцын Ю. В.** Местная энергетика Марийской АССР // Сб. тр. Поволж. лесотехн. ин-та им. М. Горького. Козьмодемьянск, 1949. ц. 47. С. 149.
- ⁴ Там же.
- ⁵ См.: **Медведев Н.** О сельских гидроэлектростанциях // Мар. правда. 1947. 23 июля.
- ⁶ См.: Третья сессия Верховного Совета Мордовской АССР второго созыва: Стеногр. отчет. Саранск, 1948. С. 100.
- ⁷ РГАЭ, ф. 8375, оп. 1, д. 431, л. 123; д. 704, л. 203–204.
- ⁸ См.: Решения партии и правительства... С. 490–491.
- ⁹ ЦГА РЧ, ф. 203, оп. 24, д. 415, л. 31.
- ¹⁰ Государственный архив Республики Марий Эл (ГА РМЭ), ф. П-1, оп. 7, д. 105, л. 1–2.
- ¹¹ Там же, л. 5.
- ¹² См.: **Смирнов Р.** Автоматизация сельских гидроэлектростанций // Мар. правда. 1952. 13 июня.
- ¹³ РГАЭ, ф. 8375, оп. 1, д. 704, л. 200; Народное хозяйство Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1965. С. 71.
- ¹⁴ См.: **Захаров С.** Лампочка Ильича. Йошкар-Ола, 1951. С. 19.
- ¹⁵ См.: Народное хозяйство Марийской АССР. С. 71.
- ¹⁶ См.: Плюс электрификация // Мар. правда. 1961. 29 сент.
- ¹⁷ См.: Свет Великого Октября. Йошкар-Ола, 1967. С. 144.
- ¹⁸ Вторая сессия Верховного Совета Чувашской АССР второго созыва. 3–5 июля 1947 г.: Стеногр. отчет. Чебоксары, 1947. С. 259.
- ¹⁹ См.: **Покшишевский В. В.** Поволжье. М., 1951. С. 72–73.
- ²⁰ ЦГА РЧ, ф. 210, оп. 26, д. 199, л. 32; д. 512, л. 69.
- ²¹ См.: **Петров Г. П.** Энергетика Советской Чувашии. Чебоксары, 1971. С. 94.
- ²² См.: История и культура Чувашской АССР. Чебоксары, 1972. С. 8.
- ²³ ЦГА РЧ, ф. 210, оп. 26, д. 412, л. 1, 52.
- ²⁴ Там же, л. 57.

- ²⁵ ЦГА РЧ, ф. 210, оп. 26, д. 412, л. 56, 63, 70
- ²⁶ См.: Пятая сессия Верховного Совета Мордовской АССР второго созыва: Стеногр. отчет. Саранск, 1949. С. 29.
- ²⁷ См.: Красная Мордовия. 1949. 27 марта.
- ²⁸ ЦДНИ РМ, ф. 269/1, оп. 3, д. 133, л. 225, 234.
- ²⁹ ЦГА РМ, ф. 1566, оп. 2, д. 53, л. 97.
- ³⁰ См.: Красная Мордовия. 1950. 31 дек.
- ³¹ РГАЭ, ф. 8375, оп. 1, д. 1013, л. 12–13.
- ³² См.: Народное хозяйство Мордовской АССР. Саранск, 1958. С. 85.
- ³³ Ускорим строительство сельских электростанций // Красная Мордовия. 1949. 4 сент.
- ³⁴ ЦГА РМ, ф. 228, оп. 11, д. 136, л. 494–495.
- ³⁵ ЦГА РТ, ф. 128, оп. 2, д. 418, л. 93.
- ³⁶ ЦДНИ РТ, ф. 15, оп. 30, д. 149, л. 15–16.
- ³⁷ Там же, л. 21.
- ³⁸ См.: **Соколов А. А.** Казанский механический. Казань, 1969. С. 90.
- ³⁹ См.: **Скобельцын Ю. В.** Электрификация сельского хозяйства СССР // Сов. Татария. 1957. 21 сент.
- ⁴⁰ ГА РМЭ, ф. П-9, оп. 1, д. 568, л. 148.
- ⁴¹ См.: Третья сессия Верховного Совета Чувашской АССР второго созыва. 8–9 апр. 1948 г.: Стеногр. отчет. Чебоксары, 1948. С. 100, 102.

Поступила 06.05.2003 г.

УДК 63–057.177(470.345)

Т. Ю. Задкова

ИЗМЕНЕНИЕ СОСТАВА РУКОВОДЯЩИХ КАДРОВ КОЛХОЗОВ И МТС В МОРДОВСКОЙ АССР (1953 г. — середина 1960-х гг.)

На сентябрьском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС наряду с вопросами развития сельского хозяйства важное место заняло обсуждение мер по укреплению колхозов и МТС квалифицированными руководящими кадрами и специалистами в этой области. В связи с требованиями времени директора МТС и председатели колхозов должны были обладать не только специальными знаниями, чтобы организовать производство, но и умением составлять перспективные планы работы, применять достижения науки и передового опыта ведения хозяйства. Поэтому в данных условиях роль руководителей колхозов и МТС имела важное значение.

© Т. Ю. Задкова, 2004

Пленум также отметил, что большинство председателей колхозов и руководителей МТС не имеют высшего и среднего специального образования¹. Так, на 1 января 1953 г. в Мордовии в составе председателей насчитывалось 21 чел. с высшим образованием, 117 — со средним, 544 — с начальным; директоров — 5 чел. с высшим образованием и 21 практик, главных инженеров соответственно 12 и 45. В Ленинской МТС Пурдошанского района главные ветврачи, главные зоотехники и инженеры-механики не имели высшего образования; в Торбеевском районе из 3 главных механиков МТС только один был с высшим образованием².

В связи с этим одной из главных задач руководства Мордовии стало укрепление колхозов и МТС квалифицированными руководящими кадрами. К концу марта 1954 г. из предприятий промышленности и других отраслей народного хозяйства было направлено в МТС в качестве директоров 22 чел. с высшим образованием, 38 инженеров-механиков, 85 техников-механиков. Всего с 1953 по 1958 г. в данные организации приехали работать 29 чел. директорами, 43 — главными инженерами, 50 — заведующими мастерскими, 5 — главными агрономами, 8 — главными зоотехниками и 71 чел., связанный с другой работой³. Качественный состав работников МТС улучшился к началу 1957 г.: среди директоров с высшим образованием было 38 чел. и 2 практика, главных инженеров соответственно 31 и 9.

В составе руководящих работников МТС отмечалась значительная текучесть кадров. В 1953 г. было заменено 24,6 % директоров и 40 % главных специалистов, а в 1956 г. соответственно 20,3 и 20,5. Так, из 206 прибывших специалистов к январю 1957 г. уехали 123 чел., в т. ч. как несправившиеся с работой — 31, по собственному желанию или семейным обстоятельствам — 51, в связи с переводом на другую работу — 14 чел.⁴

Часто специалисты использовались непроизводительно. Многих из них, не знающих экономику МТС, направляли в наиболее отстающие и отдаленные районы республики, а специалистов министерства сельского хозяйства — в МТС, расположенные в городах, райцентрах, пристанционных пунктах. Например, из 18 чел. аппарата министерства в города назначено 11, в т. ч. в Саранск 5 чел., в то время как отстающие МТС были укомплектованы слабо. Так, в МТС Саранского района работали 14 специалистов с высшим образованием, а в Новоямской, Селищинской, Ленинской — по 1⁵. В это время постоянно сменялись также председатели колхозов. Например, в ходе отчетно-выборных собраний в колхозах, проведенных

в январе — феврале 1954 г. по итогам работы за 1953 г., было заменено 125 председателей артелей, из них 57 специалистами сельского хозяйства. В 1954 г. из 652 председателей 169 работали менее года. Тем не менее уже к концу марта 1954 г. 164 председателя артелей (25 %) были специалистами сельского хозяйства, а 222 (33 %) — имели высшее и среднее образование⁶.

С 1953 по 1955 г. партийные организации республики направляли на работу председателями колхозов 336 специалистов сельского хозяйства и практиков из числа партийного и хозяйственного актива. Из них освобождено 150, в т. ч. в Инсарском районе из 8 — 5, Ичалковском, Лямбирском и Мельцанском соответственно 14 — 6, 11 — 3 и 10 — 4. В основном это происходило в экономически слабых хозяйствах. Так, с сентября 1953 г. по январь 1955 г. в Мордовии было заменено 167 председателей из 649, что составило 46%. В колхозе им. Чапаева Рузаевского района заменено 5 председателей, из них 3 в 1954 г., им. Калинина, Сталина, «Красная Заря» Большеберезниковского и им. Кирова Дубенского районов в 1954 г. — по 3 председателя⁷.

При их освобождении не всегда соблюдался принцип выборности. Так, выступавший на 5-м Пленуме Мордовского обкома КПСС, состоявшемся 27 — 28 мая 1955 г., заместитель министра сельского хозяйства РСФСР Гаенко отмечал, что в хозяйствах республики нарушается принцип колхозной демократии, когда председателей артелей не избирали, а назначали. Например, в колхозе им. Чапаева Рузаевского района было назначено 3 председателя, а им. Молотова Ромодановского района — 4 председателя⁸.

Иногда замена приводила к положительным результатам. В начале 1954 г. председателем артели им. Тельмана Козловского района, одного из отстающих, стал агроном И.А. Бычков, имевший опыт руководящей работы. За короткое время ему удалось поднять экономику хозяйства, механизировать трудоемкие процессы на животноводческих фермах, укрепить трудовую дисциплину колхозников. В итоге денежный доход хозяйства увеличился с 362 тыс. руб. в 1953 г. до 5 877,7 тыс. руб. в 1956 г., выработка одного трудоспособного колхозника — со 180 трудодней до 310, оплата трудодня — с 50 коп. до 13 руб. и с 1 кг хлеба до 2,6 кг⁹.

Однако таких руководителей было мало. 25 марта 1955 г. ЦК КПСС и СМ СССР выступили с обращением «О мерах по дальнейшему укреплению колхозов руководящими кадрами», в котором обкомам и райкомам партии, СМ и райисполко-

мам было рекомендовано подобрать на добровольных началах для руководящей работы в колхозах опытных работников из числа партийных, советских, хозяйственных, инженерно-технических кадров, рабочих и служащих, коммунистов и беспартийных и до 1 июля 1955 г. отправить в хозяйства 30 тыс. чел.¹⁰

В связи с этим в республике началось выдвижение тридцатитысячников. На 12 апреля 1955 г. изъявили желание поехать в колхозы 444 чел., на 14 апреля — 650 чел. Некоторые работники партийных органов отказались от должностей председателей, как, например, вторые секретари Кочелаевского райкома КПСС Игнатьев (по болезни) и Рыбкинского — Здунов, заявивший, что учился не для этих целей¹¹. Несмотря на то, что в постановлении говорилось о подборе на добровольных началах, в некоторых районах данный принцип нарушался. Например, в Краснослободском районе 13 заявлений о направлении в колхозы писались под воздействием руководства района, чтобы отчитаться перед вышестоящими органами. Однако люди, рекомендованные Краснослободским райкомом КПСС, были отклонены обкомом партии как неспособные поднять отстающие колхозы или как нежелающие поехать в деревню¹².

Заявления кандидатов в тридцатитысячники, поданные в первичные партийные организации, рассматривались на их общих собраниях. Решения передавались в райкомы и горкомы партии, а ходатайства последних — в СМ и обком КПСС, которые отбирали лучших. Предложенные лица должны были пройти 3-недельные курсы по подготовке председателей колхозов и 2-месячную стажировку в одном из передовых хозяйств республики. На 8 июня 1955 г. из 1 485 чел., подавших заявления, обком партии отобрал 118 чел. Однако тридцатитысячников не хватало, так как требовалось заменить 215 председателей экономически слабых колхозов. В этом отношении республике помощь оказали представители партийных организаций из других областей. В июне 1955 г. Московский обком КПСС направил в Мордовию 30 чел.¹³

Необходимо отметить, что многие тридцатитысячники не имели сельскохозяйственного образования и опыта работы в колхозах, как, например, прокурор Ширингушского района И. С. Борискин, директор Алексеевского цемзавода И. Ф. Филатов, заместитель директора Саранской ТЭЦ С. В. Зазыгин. В списке тридцатитысячников из 17 чел. от 16 мая 1955 г. специальное образование имели 2 чел.¹⁴ Один из них — Д. Д. Широков, получивший высшее агрономическое образование и работавший заместителем директора по науке Мордовской селекционной станции, был избран председателем колхоза им. Ка-

линина Ромодановского района. За короткое время он сумел укрепить его экономику, повысить трудовую активность колхозников. Денежный доход хозяйства увеличился с 362 тыс. руб. в 1955 г. до 1 016 тыс. руб. в 1956 г., оплата трудодня — с 0,41 руб. до 2,57 руб. и с 0,51 кг хлеба до 2,5 кг.¹⁵ Определенных успехов в развитии сельскохозяйственного производства добились председатели колхозов им. Сталина Старошайговского района Я. А. Полежаев и «Память Ленина» Темниковского — И. М. Лубоятников.

В силу того, что многие тридцатитысячники не имели специального образования и опыта работы в аграрном производстве, новое назначение вызывало у них опасения, но от него они не могли отказаться. Так, И. Я. Панченко из Ждановского райкома партии в письмах на имя секретаря ЦК КПСС по сельскому хозяйству и в Мордовский обком партии сообщал, что в райкоме и в Московском комитете КПСС он говорил об отсутствии у него организаторских способностей и достаточных знаний в области сельского хозяйства, а теперь еще более утвердился в этом мнении и просит освободить его от занимаемой должности¹⁶.

Кроме решения хозяйственных проблем, тридцатитысячники столкнулись с нежеланием жен переезжать в республику, поэтому были вынуждены большую часть времени проводить в разъездах между Москвой и Мордовией, что не могло не сказаться на эффективности работы хозяйства. Например, председатель колхоза «50 лет Сталину» Ковылкинского района С. А. Дарков 205 дней в году жил в Москве, поэтому колхозники переизбрали его за недобросовестное отношение к делу. За нежелание работать были освобождены председатели колхозов им. Орджоникидзе Лямбирского района Семкин, «За мир» Рузаевского — Филиппов, им. Ленина Кочкуровского района — Филатов. Председатель колхоза им. Ворошилова Большеигнатовского района после вторичного избрания решил самовольно оставить колхоз, однако после беседы в райкоме согласился работать¹⁷.

Количество тридцатитысячников, направленных партийными организациями в хозяйства республики с апреля 1955 г. по март 1957 г. составило 264 чел., в т. ч. Московской городской партийной организацией — 67 чел. Правда, к 20 марта 1959 г. из 227 чел., прибывших в 1955—1956 гг., осталось 60 чел. Текущая кадровая оставалась высокой. Так, в 1956 г. сменилось 68 председателей, 1957 г. — 106, 1959—1960 гг. — 268 (из них в экономически слабых — 67, в 1960 г. освобождены как необеспечившие колхозное руководство — 55), 1962 г. — 84 (из них как несправившихся с работой насчитывалось 40 и скомпрометировавших себя — 12), в 1963 г. — 57 председателей¹⁸.

Кандидатуру председателя колхоза в основном предлагал райком КПСС, а общее собрание колхозников в большинстве случаев одобряло ее. Иногда были случаи, когда собрание не соглашалось с мнением райкома. Например, в декабре 1958 г. председателем колхоза «Путь к коммунизму» Большеберезниковского района стал В.Т. Тимашев. В мае председатель райисполкома Ф.А. Саяев предложил собранию заменить его как несумевшего (за 1,5 года) существенно улучшить экономическое состояние хозяйства. Колхозники выступили против этого, и он был оставлен на своем посту¹⁹.

Необходимо отметить, что отказаться от рекомендации на пост председателя колхоза было нельзя. В январе 1958 г. первичная партийная организация колхоза им. Мичурина Ромодановского района ходатайствовала перед райкомом КПСС о назначении директора Куриловской школы В.А. Наумова председателем хозяйства. Он пытался отказаться, мотивируя решение незнанием аграрного сектора. За невыполнение распоряжения бюро райкома вынесло ему строгий выговор с занесением в учетную карточку и освободило от занимаемой должности. Впоследствии на пленуме Ромодановского райкома КПСС он был исключен из кандидатов в члены райкома КПСС. Правда, начиная с 1959 г. В. А. Наумов упоминался в ряде партийных документов как председатель колхоза «Заветы Ильича» Ромодановского района²⁰.

Постепенно качественный состав председательских кадров в республике улучшался. На 1 августа 1955 г. 210 (32%) председателей колхозов имели высшее и среднее специальное образование, из них 173 являлись специалистами сельского хозяйства; на 1 апреля 1956 г. и на 1 января 1957 г. соответственно 248 (38) и 146; 366 (42,8) и 183. В 1959 г. 52 % председателей колхозов были с высшим и средним специальным образованием, на 1 мая 1960 г. и на 1 октября 1964 г. соответственно 62,7 и 76. В это время руководство республики по-прежнему большое внимание уделяло укреплению данных кадров. За 1959–1960 гг. на работу в качестве председателей колхозов из партийно-хозяйственного актива было направлено 148 чел., в т. ч. 44 — в экономически слабые хозяйства²¹.

В начале 1960-х гг. в стране развернулось гагановское движение. Лучшие председатели колхозов, бригадиры, заведующие фермами переходили на работу в отстающие хозяйства. В 1963 г. в колхоз им. Орджоникидзе Лямбирского района, в котором за 8 лет сменилось 5 председателей, перешел Л.Н. Каманин, изменивший здесь организацию труда. Так, 90 га конопли были закреплены за звеньями, введена дополнительная оплата, в резуль-

тате доход от этого производства составил 80 тыс. руб., в то время как за 4 предыдущих года — 22 тыс. руб. Впервые труд колхозников стал оплачиваться регулярно, а колхоз покупать технику²². Тем не менее движение не получило широкого распространения в республике: за это время перешли работать из передовых хозяйств в слабые 4 председателя.

В целом с 1953 по 1964 г. в Мордовии качественно улучшился состав председателей колхозов и руководителей МТС. Среди них возросло число лиц с высшим, средним и специальным образованием. Однако наблюдались прежние недостатки: большая текучесть кадров, особенно в отстающих хозяйствах, связанная в первую очередь со стремлением органов власти решить проблемы сельскохозяйственного производства путем замены руководителей; нарушение демократии в выборе председателей колхозов.

Примечания

¹ См.: Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М., 1985. Т. 8. С. 307.

² ЦДНИ РМ, ф. 269, оп. 6, д. 551, л. 8, 10; д. 126, л. 8, 50.

³ Там же, д. 140, л. 79; д. 551, л. 8.

⁴ Там же, д. 551, л. 5, 9.

⁵ Там же, д. 164, л. 16.

⁶ Там же, д. 162, л. 18; д. 144, л. 80, 108.

⁷ Там же, д. 309, л. 98; д. 329, л. 13.

⁸ Там же, д. 299, л. 36.

⁹ Там же, д. 368, л. 92; ЦГА РМ, ф. Р-516, оп. 1, д. 2314, л. 39.

¹⁰ См.: Коммунистическая партия Советского Союза... С. 501.

¹¹ ЦДНИ РМ, ф. 269, оп. 6, д. 329, л. 1–2.

¹² Там же, д. 299, л. 176.

¹³ Там же, д. 318, л. 32–34, 3; д. 369, л. 2, 118.

¹⁴ Там же, д. 318, л. 35–36.

¹⁵ ЦГА РМ, ф. Р-516, оп. 1, д. 32314, л. 39.

¹⁶ ЦДНИ РМ, ф. 269, оп. 6, д. 368, л. 18.

¹⁷ Там же, д. 551, л. 9, 12.

¹⁸ Там же, л. 11; д. 660, л. 65; д. 551, л. 23; д. 577, л. 154; д. 763, л. 98; д. 681, л. 26; оп. 7, д. 122, л. 24.

¹⁹ ЦГА РМ, ф. Р-2281, оп. 1, д. 11, л. 47049, 53.

²⁰ ЦДНИ РМ, ф. 269, оп. 6, д. 586, л. 3–4; д. 678, л. 67.

²¹ Там же, д. 342, л. 1; оп. 6, д. 551, л. 10; д. 679, л. 140; д. 819, л. 9; оп. 7, д. 174, л. 1; д. 15, л. 184; ЦГА РМ, ф. Р-516, оп. 1, д. 2210, л. 1.

²² ЦДНИ РМ, ф. 269, оп. 7, д. 15, л. 184; д. 201, л. 186.

Поступила 14.05.2003 г.

УДК 316.343.723(470.4)

О. Ю. Ельчанинова

**ДИНАМИКА И СТРУКТУРА СОВОКУПНОГО ДОХОДА
КОЛХОЗНЫХ СЕМЕЙ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
В СЕРЕДИНЕ 1950—60-х гг.**

Сегодня много говорится о плачевном состоянии российской деревни. Проблемы, существующие на селе, имеют исторические корни. Постоянное политическое и экономическое экспериментирование над крестьянами в годы советской власти не прошло для них бесследно. Они постепенно, уступая нажиму властей, превращались в поденных сельскохозяйственных рабочих, основой благосостояния которых являлось общественное производство, что лишало их личной инициативы и самостоятельности в ведении хозяйства и делало зависимыми от государственных дотаций.

Подобные тенденции стали проявляться в годы правления Н.С. Хрущева, когда аграрный сектор подвергся масштабному реформированию. Одной из его целей было значительное повышение благосостояния тружеников села и выравнивание уровня жизни в городе и в деревне. В этой связи важный аспект рассматриваемого вопроса — изучение материального положения, источников и структуры бюджета колхозных семей в середине 50—60-х гг. XX в., без которого нельзя выявить основу и социально-политические причины вышеназванных негативных явлений в сельском хозяйстве.

В решениях XIX партийного съезда намечалось поднять к 1956 г. денежные и натуральные доходы колхозников не менее чем на 40 %. Сентябрьский (1953 г.) Пленум ЦК КПСС взял курс на повышение закупочных и заготовительных цен на сельскохозяйственную продукцию и развитие личного подсобного хозяйства. Эти меры способствовали укреплению материальной базы колхозов и создали условия для существенного роста натуральной и денежной оплаты труда и увеличения семейного бюджета колхозников.

Чтобы понять, насколько изменился уровень жизни на селе, рассмотрим динамику развития и структуру совокупного дохода колхозных семей (табл. 1). Из приведенных данных видно, что с 1953 по 1962 г. как в РСФСР в целом, так и в Среднем Поволжье наблюдалась устойчивая тенденция к повышению в среднем доходов на семью колхозников и ее члена. В 1963 г.

наметился спад в их росте, который был связан с засухой, а также со снижением эффективности проводимых реформ.

Таблица 1
Структура совокупного дохода семей колхозников (1953—1963 гг.)*

Регион Год	Весь доход в среднем на 1 семью, руб.	В том числе к итогу, %				Весь до- ход в среднем на 1 чле- на семьи, руб.
		за ра- боту в кол- хозе	от личного подсобного хозяйства	за работу в государ- ственных организа- циях	про- чий	
РСФСР						
1953	1 033	33,4	45,7	18,5	2,4	283
1958	1 569	41,3	42,0	14,7	2,0	448
1962	1 654	42,5	42,6	12,9	2,0	492
1963	1 634	42,7	42,9	12,2	2,2	489
Среднее						
Поволжье						
1953	1 031	35,9	44,4	17,7	2,6	267
1958	1 468	39,5	44,3	13,8	2,4	401
1962	1 717	44,0	42,5	10,8	9,7	472
1963**	1 574	42,8	43,4	11,2	2,6	455

* Таблица составлена по: Статистический бюллетень ЦСУ РСФСР. М., 1964, июль 1964. с. 23 (303).

** В Куйбышевской и Саратовской областях соответственно 1690 и 1957; 45,7 и 51,5; 40,1 и 34,7; 12,5 и 12,3; 1,7 и 1,5; 516 и 610.

Важным показателем аграрных преобразований в рассматриваемый период является изменение структуры доходов. В табл. 1 показано, что начиная с 1953 по 1958 г. доля доходов от личного подсобного хозяйства уменьшилась, а за труд в колхозе — увеличилась. В 1963 г. в РСФСР эти доходы были почти равны, а в отдельных регионах Среднего Поволжья, и в первую очередь в Куйбышевской и Саратовской областях, доход от общественного производства преобладал в совокупном доходе колхозников. Такое положение было обусловлено следующими причинами:

1) значительным повышением закупочных цен на сельскохозяйственные продукты, что способствовало как общему увеличению оплаты труда колхозников, так и изменению соотношения натуральной и денежной частей дохода от этого в пользу последней;

2) изменением отношения властей к личному подсобному хозяйству, которое отразилось в положениях декабрьских (1958, 1959 гг.) Пленумов ЦК КПСС и было направлено на его сокращение¹.

Чтобы лучше представить ситуацию с доходами в это время, проиллюстрируем их структуру в 1963—1964 гг. на примере семьи Журавлевых из колхоза «Заветы Ильича» Ставропольского района Куйбышевской области, в составе которой были: глава семьи Федор Иванович (51 год) — объездчик в колхозе; жена Раиса Ивановна (50) — работница свекловодческого звена; сын Виктор Федорович (17 лет). Их приусадебный участок занимал 0,4 га, из них 0,2 га — посадки картофеля; в личной собственности имелись 1 корова, 2 свиньи, 10 кур. Доход семьи за год состоял из денежных поступлений в сумме 974 руб., в т. ч. за труд в колхозе — 527, в государственных и кооперативных организациях — 63, от продажи скота, птицы, продуктов сельского хозяйства — 149, прочих — 133 и из общественных фондов потребления — 102². Таким образом, доход этой семьи состоял в основном из денежных поступлений за работу на общественном производстве (54,1%) и от личного подсобного хозяйства (15 %).

Как уже отмечалось выше, существенные сдвиги произошли в соотношении натуральной (состояла в основном из зерновых) и денежной частей дохода за работу в колхозе (табл. 2; выборочное обследование в ценах соответствующих лет).

Таблица 2

Соотношение денежных и натуральных доходов колхозников в 1952—1964 гг. *, руб.

Год	Поступления за труд в колхозе на 1 семью			Денежная часть дохода к итогу, %
	денежные	натуральные (в розничных ценах)	всего	
1952	44	357	401	11,0
1958	341	484	825	41,3
1959	443	362	805	55,0
1960	357	399	756	47,2
1961	400	349	749	53,4
1962	602	457	1 059	56,9
1963	646	361	1 007	64,2
1964	822	366	1 188	69,2

* Таблица составлена по: ГАСамО, ф. 2521, оп. 30, д. 1315.

Из табл. 2 видно, что денежные поступления возросли значительно, натуральные — претерпели небольшие изменения. По данным ЦСУ РСФСР, в данном регионе в 1963 г. они составили в среднем 73,9 %, а в районах Среднего Поволжья — 68,4 %³. Выдача денег и их увеличение являлись показателем не только роста экономики колхозов, но и повышения материального благополучия сельского населения.

Наряду с указанными изменениями в жизни колхозников следует сказать об усилении дифференциации между ними по уровню доходов. Так, с 1953 по 1963 г. число семей с низкими доходами (до 300 руб.) в Среднем Поволжье сократилось почти в 4 раза, т. е. с 48 % до 12, с высокими — (900 руб. и более) увеличилось соответственно с 0,7 до 10,2 %, что не отличалось от аналогичных показателей в РСФСР⁴.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что аграрные реформы середины 1950—1960-х гг., направленные на повышение жизненного уровня сельских жителей, реализовывались в соответствии с пониманием сущности социалистических преобразований в деревне. За указанный период реально повысилось благосостояние крестьян, изменилась структура совокупного дохода за счет увеличения доли поступлений в бюджет колхозников от общественного производства. Однако политика нетерпимости к личному подсобному хозяйству и вовлечения сельских тружеников в процесс аграрного реформирования усугубила нестабильность на потребительском рынке, формировала у крестьян чувство неуверенности в будущем и неудовлетворенности результатами своего труда, уменьшая их привязанность к земле.

Примечания

¹ См.: Пленум ЦК КПСС 15—19 декабря 1958 г.: Стеногр. отчет. М., 1958. С. 77—78; Пленум ЦК КПСС 22—25 декабря 1959 г.: Стеногр. отчет. М., 1960. С. 68—70.

² ГАСамО, ф. 2521, оп. 28, д. 1464.

³ См.: Народное хозяйство СССР в 1963 г. М., 1964. С. 549—550.

⁴ ГАСамО, ф. 2521, оп. 29, д. 1136.

Поступила 15.04.2003 г.

УДК 338.43(470.345)

Е. В. Моисеев, Е. В. Русеев

АГРАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО И РЕАЛИЗАЦИЯ «СВЕРХПРОГРАММ» Н.С. ХРУЩЕВА В МОРДОВИИ НА РУБЕЖЕ 1950—1960-х гг.

Аграрное производство во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. было ведущим в экономике Мордовии, типично сельскохозяйственном регионе центральных областей страны.

© Е. В. Моисеев, Е. В. Русеев, 2004

Именно поэтому широко проводимые преобразования в этом секторе затронули республику в первую очередь. В последние годы в историографии принято говорить о «сверхпрограммах» Н.С. Хрущева в области сельского хозяйства: освоении целинных и залежных земель, распространении посевов кукурузы, программе по животноводству и увеличению производства мяса¹, направленных на коренное изменение ситуации в сельском хозяйстве страны и имевших серьезные последствия для регионов. Мордовию затронули последние две, сказавшиеся на развитии не только села и крестьянства, но и республики в целом.

В январе 1955 г. с трибуны очередного Пленума ЦК КПСС Н. С. Хрущев обратился к работникам сельского хозяйства всех зон страны с призывом о расширении площадей под посевы кукурузы на зерно и зеленый корм. В кулуарах пленума повторялись его слова, не вошедшие в официальный доклад, о том, что кукурузу надо внедрять, не останавливаясь перед принуждением, подобно тому, как в XVIII в. в России внедряли картофель². В речи на совещании работников сельского хозяйства в марте 1955 г. в Саратове он дал развернутое обоснование своей новой «сверхпрограммы»: «В развитии зернового хозяйства важно найти главное звено. Зерновых культур очень много... Однако главным звеном в решении зерновой проблемы и получении фуража для нужд животноводства, на мой взгляд, является кукуруза. Можно ли без кукурузы поднять зерновое хозяйство до такого уровня, чтобы полностью обеспечить фуражом животноводство? Можно, но для этого потребуется очень много времени, труда и средств. Можно добиться этого в более короткий срок при меньших затратах средств и труда. Нужно лишь обратить особое внимание на выращивание кукурузы... Кукуруза при всех условиях может дать зерна в два раза больше, чем любая другая зерновая культура. Я говорю о минимальной урожайности кукурузы... А передовики снимают ...по 50, 100 и более центнеров зерна кукурузы с гектара»³. В своих воспоминаниях Н.С. Хрущев писал: «...я стал большим сторонником кукурузы потому, что не было лучшей культуры. Я присягнул той из них, которая дает наибольший эффект от затраченного труда. Например, в Краснодарском крае пшеница приносит 50 центнеров с гектара. Если кукуруза дает там столько же, то глупо отдавать ей предпочтение, тем более что пшеница ценнее, питательнее и менее трудоемка. Но под силос кукуруза останется непревзойденной...»⁴.

Внедрение кукурузы, осуществляемое центральными органами с поразительным упорством, было встречено в Мордо-

вии как очередная кампания. Типично для тех лет агитационное высказывание И. А. Васькина: «По указанию нашей родной Коммунистической партии труженики полей Мордовии полностью и с большими успехами освоили возделывание королевы полей — кукурузы...»⁵. Она получила поддержку и в среде некоторых руководителей сельского хозяйства. Председатель колхоза «Первое мая» Ичалковского района В. Коряков заявлял: «Только кукуруза может явиться основой для дальнейшего развития животноводства и повышения его продуктивности. Недаром наши доярки назвали кукурузу ласковым словом “спасительница”»⁶. Аналогичны высказывания Н. М. Суродеева, работавшего заведующим орготделом Дубенского райкома партии, а затем председателем колхоза в с. Поводимове⁷. Однако звучали и трезвые голоса. Известный мордовский журналист И. З. Антонов, описывая ход партийного собрания по обсуждению вопросов о посевах кукурузы, привел слова зоотехника Н. Сураевой: «Меня агитировать за кукурузу не надо, я не только теоретически, но и на практике убедилась, что эта культура очень ценная. Так что я целиком и полностью за кукурузу... Но я против перегибов. Нельзя же... сеять только кукурузу и ничего больше. Тем более, что нашему колхозу для содержания имеющегося скота пока вполне достаточно полтора гектара кукурузы...»⁸.

Динамику роста посевных площадей под кукурузу в Мордовии см. в табл. 1.

Таблица 1

**Посевы кукурузы в Мордовской АССР
в середине 1950-х—первой половине 1960-х гг., тыс. га***

Показатель	1955	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964
Вся посевная площадь	68,6	69,3	51,7	90,4	101,9	144,2	124,8	90,7
В том числе								
на силос	40,3	31,3	37,1	60,7	82,6	89,1	87,9	74,1
на зеленый корм	28,3	38,0	14,6	29,7	19,3	55,1	36,9	16,6
Посевные площади колхозов	62,3	63,5	47,3	71,5	80,0	110,7	96,8	68,6
В том числе								
на силос	36,0	27,7	33,5	47,3	64,5	69,3	67,7	57,2
на зеленый корм	26,3	35,8	13,8	24,2	15,5	41,4	29,1	11,4
Посевные площади совхозов	6,3	5,8	4,4	18,9	21,9	33,5	28,0	22,1
В том числе								
на силос	4,3	3,6	3,6	13,4	18,1	19,8	20,2	16,9
на зеленый корм	2,0	2,2	0,8	5,5	3,8	13,7	7,8	5,2

* Таблица составлена по: Народное хозяйство Мордовской АССР. Саранск, 1958. С. 35—37; 1965. С. 33—34, 37—38.

Данные табл. 1 свидетельствуют о том, что до 1962 г. площади под кукурузу в республике неуклонно росли, занимая все большее место в структуре посевов, серьезно деформируя ее. В 1955 г. (первый год возделывания кукурузы в Мордовии) в структуре посевных площадей кукуруза под силос заняла 3,8 %, на зеленый корм — 2,7 (6,5 % от общей посевной площади), в 1962 г. — соответственно 7,1 и 4,4 % (11,5 %)⁹. Посевы кукурузы увеличивались очень быстро. Так, в 1962 г. (по сравнению с предыдущим годом) хозяйства Ардатовского управления засеяли кукурузой почти на 6,5 тыс. га больше¹⁰. Столь стремительный рост посевных площадей объясним только давлением со стороны властных структур. Известный русский писатель Е. И. Носов вспоминал: «В стране началась памятная кукурузная кампания, в том ее проявлении не понятая и не принятая народом. Вообще-то сама по себе культура она продуктивная, если с ней обращаться по уму. Но Кострома не Айова... Во многих российских местах кукуруза оказалась самозванкой, непрошено посаженной на престол нашего земледелия. Внедряли ее таранно, ударом кулака по столу, не слушая никаких резонов, вешались выговоры, отбирались партбилеты, не глядя ни на широту, ни на долготу. Не имея свободных земель в тогдашних пахотных регионах, ее поначалу вводили, вернее, вколачивали в уже занятые угодья, тесня не только традиционные, испытанные кормовые культуры, но и зерновые тоже. Однако это не дало желаемого результата. И тогда трактора ворвались в луга...»¹¹.

Однако стоит отметить и положительные последствия для отдельных хозяйств. Так, одними из первых пытались адаптировать кукурузу к условиям Мордовии в колхозе «Красное знамя» Ардатовского района. По оценке И. Антонова, это привело к кардинальным изменениям в хозяйстве: «...Колхоз пошел в гору и стал неузнаваемым. Теперь те же земли стали давать здесь совсем иные урожаи, привилась и кукуруза. Да и как еще пошла! Комсомольско-молодежное звено Нины Денисовой получило даже рекордный урожай на своих участках — по семьсот центнеров зеленой массы и початков с гектара! Механизация сева и обработки посевов кукурузы, закладка силоса наземным способом позволили колхозу снизить себестоимость тонны силоса в два раза против прошлогоднего, доведя ее до шестнадцати рублей»¹². В отдельных хозяйствах добились повышения производительности труда, широко практикуя квадратно-гнездовой посев кукурузы. Так, в 1955 г. Саранская МТС произвела таким способом посев кукурузы на площади 817 га, выработав на каждую кукурузную сеялку до 102 га¹³.

В колхозе «Красное знамя» Чамзинского района за счет увеличения посевов кукурузы пошло в гору животноводство. В 1960—1961 гг. колхозные кукурузоводы получали по 400—500 ц зеленой массы с початками молочно-восковой спелости, силоса заложили столько, что его стало хватать на круглый год¹⁴. В том же 1960 г. в Атяшевском районе в колхозе «Рассвет» с площади 250 га получено зеленой массы кукурузы по 550 ц/га, колхозе «Ильич» со 120 га — по 500, им. Коминтерна со 150 — по 437 ц/га¹⁵. В целом по району урожай кукурузы на силос составил 336 ц/га, что дало возможность заложить по 21 т силоса на 1 фуражную корову¹⁶.

Достаточно быстро в хозяйствах Мордовии определили, что наиболее выгодно сеять кукурузу на силос. Однако география ее посевов была неоднородной, что было обусловлено климатическими особенностями, почвой и др. (табл. 2).

Таблица 2

**Посевные площади кукурузы на силос
в Мордовской АССР, тыс. га***

Район	Колхозы			Совхозы		
	1959 г.	1963 г.	1964 г.	1959 г.	1963 г.	1964 г.
Ардатовский	1,6	3,8	3,3	0,4	1,1	0,8
Атюрьевский	1,3	0,9	1,0	—	1,5	1,3
Атяшевский	2,4	4,9	3,7	—	0,3	0,2
Большеберезниковский	1,6	2,7	2,6	—	—	—
Большеигнатовский	0,8	2,5	2,2	—	—	—
Дубенский	1,5	2,6	1,9	0,1	0,8	0,6
Ельниковский	0,9	2,2	2,2	—	—	—
Зубово-Полянский	1,4	3,3	3,3	—	—	—
Инсарский	1,9	4,2	3,9	0,1	1,3	1,1
Ичалковский	2,2	3,5	3,5	0,1	0,2	0,2
Ковылкинский	2,8	4,7	4,1	0,4	2,2	2,2
Кочуровский	1,8	4,1	3,4	—	1,5	1,2
Краснослободский	1,7	4,4	3,8	—	0,5	0,4
Ромодановский	2,9	4,2	3,9	0,6	1,4	1,2
Рузаевский	2,0	2,9	2,5	0,5	1,3	1,2
Старошайговский	2,0	4,9	3,5	0,1	1,3	1,1
Темниковский	1,3	3,7	2,9	—	—	—
Теньгушевский	0,7	0,9	0,9	—	—	—
Торбеевский	1,8	4,5	3,3	0,5	2,0	2,7
Чамзинский	0,9	2,8	1,3	0,3	1,6	1,2
Всего по республике	33,5	67,7	57,2	3,1	17,0	15,4

* Таблица составлена по: Народное хозяйство Мордовской АССР. Саранск, 1965. С. 45.

Первоначальные отзывы специалистов относительно посевов кукурузы были довольно оптимистичными. Н. В. Рыскин

в 1959 г. писал: «Многочисленный опыт передовых колхозов нашей республики показал, что кукуруза при правильном ее возделывании наиболее выгодная кормовая культура»¹⁷. Он рассмотрел пример колхоза «1 Мая» Саранского района, где в 1958 г. был получен урожай кукурузы в 305 ц/га, что по выходу кормовых единиц в несколько раз превысило другие кормовые культуры, а затраты оказались значительно ниже. Так, на 1 ц кукурузы (в переводе на кормовые единицы) было израсходовано 0,6 трудодня, а сена, однолетних трав — 2, сена многолетних трав — 1,2, картофеля — 2,6, овса — 0,8, подсолнечника (на силос) — 0,5, вики на зерно — 2, ячменя — 0,5 трудодня. Как видно, по производству кормовых единиц на затраченный трудодень и затратам на единицу продукции кукуруза, несмотря на хорошие урожаи, несколько уступала подсолнечнику (на силос) и ячменю, что объяснялось значительным расходом ручного труда при выращивании этой культуры. В 1958 г. в колхозе на 1 га кукурузы было затрачено 71,5 трудодня, подсолнечника — 12 трудодней, ячменя — 14,3, овса — 15,2 трудодня¹⁸. Отсюда вывод: «...внедрение комплексной механизации возделывания кукурузы имеет огромное экономическое значение»¹⁹. Позднее суждения Н.В. Рыскина несколько изменились. В 1967 г. он уже писал: «Необоснованные рекомендации по системе земледелия и структуре посевных площадей оказали известное отрицательное влияние на урожайность не только кукурузы, но и других сельскохозяйственных культур. Безмерное расширение посевов кукурузы приводило к тому, что во многих хозяйствах еще размещали на малопродуктивных землях, запаздывали с проведением необходимых агротехнических мероприятий, что приводило к снижению урожайности зеленой массы»²⁰.

Через два года Н. С. Хрущев запустил в действие еще одну «сверхпрограмму», призванную ускорить развитие такой трудоемкой отрасли сельского хозяйства, как животноводство, и проходившую под броским лозунгом: «В ближайшие годы догнать США по производству мяса, масла и молока на душу населения». Изначально ее реализация была поставлена в условия, вызывавшие неприятие их серьезными экономистами и хозяйственниками. Однако Н. С. Хрущев не отказался от мысли добиться резкого скачка в производстве мяса. С его одобрения руководство Рязанской области выступило с обязательством только за 1959 г. увеличить производство мяса в области в 3,8 раза, а государственные заготовки — в 3 раза. Под нажимом сверху другие области и республики повышали свои (только что принятые) обязательства. Руководители

Мордовии были вынуждены рекомендовать увеличение плановых заданий районам, а те — хозяйствам. Председатель колхоза «Первое мая» Ичалковского района В. Коряков вспоминал: «В погоне за высокими процентами выполнения плана продажи животноводческих продуктов государству, в погоне за внешним благополучием иные руководители вставали на преступный путь обмана партии и народа. Ведь что получалось за последние годы? Не успел я принять бразды правления колхозом, как меня, молодого руководителя, стали принуждать искусственно завышать производство мяса и молока в перерасчете на сто гектаров сельскохозяйственных угодий. Получалась очень неприглядная картина. Мы брали на себя обязательства (очень часто эти обязательства не обсуждались на бригадных и общих собраниях колхозников), не учитывая реальных возможностей. В прошлом году мы брали обязательство продать государству в два раза больше мяса, чем намечалось планом. Как будто неплохие обязательства, и, главное, они были по плечу нашему хозяйству. Но районным руководителям показалось этого мало. На митинге, посвященном досрочному выполнению районом двух квартальных планов продажи мяса, мне предложили выступить и дать обещание, что артель выполнит три годовых плана. На митинге я выступил и заверил в этом труженников района. Потом приехал домой, просчитал и пришел к выводу: при всем старании людей такого количества мяса артель за счет своего собственного производства дать не сможет. Поэтому надо было или сократить поголовье скота, или закупить его у населения. Правление пошло по второму пути. Перед общественностью района мы формально оказались «чистыми»: два с половиной годовых плана мяса продали. Но какой ценой! Третий план стал хозяйству в копейку. Если так вести дело и дальше, то можно загубить хозяйство, а колхозники за это спасибо не скажут... Еще непригляднее получилось с молоком. В среднем от каждой коровы мы получили по 2400 килограммов молока. Однако нас заставили взять обязательства выше. Чтобы «восполнить» этот пробел, покупали молоко у колхозников... масло с рынка и даже из магазинов и сдавали его на заготовку. Такие «операции» обходились колхозу очень дорого!..»²¹.

Ценой больших усилий республике удалось поднять поголовье скота. Если в 1956 г. поголовье КРС в колхозах и совхозах составляло 96,9 тыс. гол., то в 1961 г. — 191,3 тыс. гол. (рост почти в 2 раза): коров было 41,1 тыс. гол., стало 69,4 тыс. гол. (рост на 68,6 %); поголовье свиней за этот период выросло на 75,3 %²² (табл. 3).

Таблица 3
Поголовье продуктивного скота в Мордовской АССР, тыс. гол.*

Год	КРС		Свиньи	Овцы и козы
	всего	в т. ч. коровы		
1953	325,8	140,3	342,4	673,8
1954	345,8	152,4	350,7	755,7
1955	332,2	157,3	289,4	768,8
1956	368,2	165,3	373,6	904,1
1957	270,0	150,0	167,0	615,0
1958	297,0	169,0	172,0	659,0
1959	330,0	177,0	192,0	722,0
1960	333,0	174,0	218,0	653,0
1961	325,0	173,0	215,0	574,0
1962	360,0	182,0	257,0	593,0
1963	402,0	193,0	310,0	654,0
1964	402,0	201,0	155,0	551,0

*Таблица составлена по: Народное хозяйство Мордовской АССР. Саранск, 1958. С. 48; 1965. С. 58.

Следует отметить, что материалы различных статистических сборников противоречат друг другу и архивным данным. Так, в сборнике статуправления МАССР 1965 г. при характеристике поголовья продуктивного скота в колхозах и совхозах республики приводится цифра 173,9 тыс. гол.²³, а в докладе Мордовского обкома КПСС «Об итогах XXII съезда КПСС и задачах областной партийной организации» — 191,3²⁴; в сборнике 1958 г. — 368,2²⁵, в юбилейном сборнике «Мордовской АССР 50 лет» — 265,4 тыс. гол.²⁶ Невольно вспоминаются слова Н. С. Хрущева: «Важно знать правду. А советская статистика отражает действительность, как кривое зеркало»²⁷. Выходит, рискованно доверять официальной статистике, однако следует признать, что, даже завышая данные, она все-таки отражала общую тенденцию роста.

При увеличении поголовья скота росло производство продуктов животноводства (табл. 4). Республика продала государству: молока в 1956 г. — 65,4 тыс. т, 1960 г. — 100,4, на 10 ноября 1961 г. — 101 тыс. т; мяса соответственно — 22,4 тыс. т, 38,7 и 25,9 тыс. т; яиц — 18,8 млн шт., 33,8 и 23,4 млн шт.²⁸

Таблица 4
**Производство продуктов животноводства
 в МАССР в конце 1950-х — первой половине 1960-х гг.***

Продукция	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964
1	2	3	4	5	6	7	8

Мясо всех видов
 (живой вес), тыс. т 57,9 76,4 78,9 65,6 70,6 82,1 71,1

Окончание табл. 4

1	2	3	4	5	6	7	8
Мясо всех видов (убойный вес), тыс. т	34,2	44,6	46,1	39,9	43,8	49,2	42,7
Молоко, тыс. т	302,2	314,3	349,2	345,8	370,9	355,8	350,9
Яйцо, млн шт.	133,2	159,6	159,6	141,5	154,2	143,0	144,0

* Таблица составлена по: Народное хозяйство Мордовской АССР. Саранск, 1965. С. 55; Мордовская АССР за годы Советской власти. Саранск, 1967. С. 96; Мордовской АССР 50 лет. Саранск, 1979. С. 61.

Данные таблицы свидетельствуют о том, что первоначально (1959—1960) республике удалось нарастить производство основных продуктов животноводства, но не удвоить или утроить, как предполагалось по примеру Рязанской области. Успех 1959—1960 гг. был достигнут и за счет личных подсобных хозяйств (ЛПХ) колхозников, рабочих, служащих и других групп населения (табл. 5).

Таблица 5

**Производство продуктов животноводства в ЛПХ МАССР
в конце 1950-х — первой половине 1960-х гг.***

Продукция	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964
Мясо всех видов (живой вес), тыс. т	34,6	46,8	48,1	40,0	36,4	49,7	42,7
Мясо всех видов (убойный вес), тыс. т	20,3	27,0	27,8	24,3	22,6	29,2	25,7
Молоко, тыс. т	210,8	210,8	236,3	218,5	220,3	213,7	206,8
Яйцо, млн шт.	123,2	134,3	145,0	125,9	133,7	120,5	118,6

* Таблица составлена по: Народное хозяйство Мордовской АССР. Саранск, 1965. С. 55.

В ЛПХ республики в период резкого подъема производства в 1959 г. было произведено 61,5 % мяса всех видов в живом весе и 61,3 % в убойном весе, тогда как в колхозах соответственно 30,1 и 30,2 %²⁹; в 1960 г. в ЛПХ — 61,6 и 60,4 %, в колхозах — 28,7 и 28 %³⁰. Несмотря на это, органы власти негативно относились к содержанию скота в ЛПХ. Фактически они пытались реализовать идеи Н.С. Хрущева применительно к личному хозяйству работников совхозов: «Наличие больших приусадебных участков и скота в личной собственности стало серьезным препятствием на пути развития совхозного производства... В периоды напряженных сельскохозяйственных работ значительная часть трудоспособного населения вынуждена заниматься малопродуктивным

трудом в личном хозяйстве, что наносит ущерб интересам совхозного производства»³¹. Однако ЛПХ продолжали оставаться основными производителями картофеля, овощей и яиц, давали около половины молочной и мясной продукции, которая частично реализовалась на сельских и городских рынках.

Реализация «сверхпрограмм» Н. С. Хрущева неоднозначно отразилась на развитии сельского хозяйства. Появление, а затем резкое расширение посевов кукурузы изменили традиционную структуру посевных площадей в регионе, нередко в хозяйствах новую культуру размещали на малопригодных землях, запаздывали с проведением необходимых агротехнических мероприятий. Попытки решать проблемы животноводства с помощью навязывания и резкого скачка привели к перенапряжению сил, а затем спаду.

Примечания

¹ См.: **Русинов Н. В.** Аграрная политика КПСС в 50 — первой половине 60-х годов: опыт и уроки // *Вопр. истории.* 1988. ц 9. С. 48; **Зеленин И. Е.** Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001. С. 8.

² См.: **Медведев Р. А.** Н. С. Хрущев. Политическая биография. М., 1990. С. 77.

³ **Хрущев Н. С.** Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М., 1962. Т. 2. С. 27—28.

⁴ **Хрущев Н. С.** Воспоминания. М., 1997. С. 434.

⁵ **Васькин И. А.** Шестьдесят героических лет // *Лит. Мордовия.* 1963. ц 31. С. 20.

⁶ **Коряков В.** Равнение на маяки коммунизма // *Там же.* 1961. ц 22. С. 12.

⁷ См.: **Киреев Г.** Хозяева жизни // *Там же.* ц 25. С. 49.

⁸ **Антонов И.** В одном колхозе: Очерк // *Там же.* 1956. ц 16. С. 204—205.

⁹ См.: *Народное хозяйство Мордовской АССР.* Саранск, 1965. С. 33—36.

¹⁰ См.: **Ширяев А.** Сельская новь // *Лит. Мордовия.* 1962. ц 29. С. 100.

¹¹ *Никита Сергеевич Хрущев: Материалы к биографии.* М., 1989. С. 102.

¹² **Антонов И.** Заря над степью // *Лит. Мордовия.* 1960. ц 19—20. С. 138.

¹³ ЦДНИ РМ, ф. 269, оп. 6, д. 383, л. 36.

¹⁴ См.: **Ширяев А.** Указ. соч. С. 98.

¹⁵ ЦГА РМ, ф. Р-1741, оп. 2, д. 100, л. 250.

¹⁶ *Там же.*

¹⁷ **Рыскин Н. В.** Размещение и специализация сельского хозяйства Мордовии. Саранск, 1959. С. 333.

¹⁸ Рыскин Н. В. Указ. соч. С. 334.

¹⁹ Там же.

²⁰ Под звездой Октября. Саранск, 1967. С. 178.

²¹ Коряков В. Равнение на маяки коммунизма // Лит. Мордовия. 1961. № 22. С. 6.

²² ЦДНИ РМ, ф. 269, оп. 6, д. 869, л. 173.

²³ См.: Народное хозяйство Мордовской АССР. С. 59.

²⁴ ЦДНИ РМ.

²⁵ См.: Народное хозяйство Мордовской АССР. Саранск, 1958. С. 48.

²⁶ См.: Мордовской АССР 50 лет. Саранск, 1979. С. 54.

²⁷ Хрущев Н. С. Воспоминания. С. 435.

²⁸ ЦДНИ РМ, л. 174.

²⁹ См.: Народное хозяйство Мордовской АССР. С. 55.

³⁰ Там же.

³¹ Хрущев Н. С. Указ. соч. Т. 3. С. 391–392.

Поступила 15.05.2003 г.

УДК 37.014(470.345)

Г. А. Куршева

РЕФОРМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х — СЕРЕДИНЕ 1960-х гг. (на примере Мордовии)

Вторая половина 1950-х — середина 1960-х гг. вошли в отечественную историю как годы реформирования многих сторон советской действительности. В последнее время попытки и результаты этих реформ (в т. ч. и в такой социокультурной сфере, как образование) привлекают внимание исследователей¹.

В июле 1958 г. Н. С. Хрущев направил членам ЦК КПСС записку «Об укреплении связи школы с жизнью», которую зачитывали на собраниях руководителей народного образования и публиковали для обсуждения в газетах. Предлагалось упразднить ставшую уже привычной для населения общеобразовательную среднюю школу, в частности: «В городах и рабочих поселках дети, получившие 7–8-летнее образование, должны, может быть, идти в школы типа фабзавуча. Они будут продолжать учебу, но чтобы эта учеба была тесно связана с профессиональным образованием, помогала учащимся приобрести производственные знания и трудовые навыки. В

© Г. А. Куршева, 2004

сельской местности учащиеся после 7—8 лет обучения в школе должны будут получить практические навыки и знания по агрономии и другим отраслям сельского хозяйства или обучаться 2—3 года какому-либо ремеслу... Но можно пойти и по такому пути: заканчивать первый этап получения среднего образования молодежью 8-летним образованием с тем, чтобы после окончания восьмилетки все юноши и девушки шли работать на производство. При такой организации общеобразовательной школы нам придется ежегодно определять на работу в ближайший период времени от 2 до 3,5 миллионов подростков, причем примерно 40 % из них в городе, остальных в деревне»². Полное среднее образование Н.С. Хрущев предлагал давать в вечерних (сменных) школах с 3—4-летним обучением при 2—3 днях в неделю, свободных от производства. Обычные общеобразовательные школы советовал сохранить лишь «в относительно небольшом числе». По мнению педагогов, взгляды Н.С.Хрущева сводились к недооценке привычных и территориально близких для населения дневных общеобразовательных средних школ, а также к подмене политехнического обучения и посильного производительного труда школьников принудительным профессиональным образованием с крайне ограниченными возможностями выбора профессии³.

В ноябре 1958 г. газеты опубликовали тезисы ЦК КПСС о перестройке школы, а в декабре Верховный Совет СССР принял закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». В июне 1959 г. сессия Верховного Совета Мордовской АССР рассмотрела вопрос об улучшении работы в системе народного образования республики и в соответствии с общесоюзным законом приняла постановление «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в Мордовской АССР», в котором были намечены меры по осуществлению в республике всеобщего обязательного восьмилетнего образования для детей и подростков с 7 до 15—16 лет и дальнейшего развития среднего образования. В этом же постановлении было определено место и назначение вечерних школ, в которых работающая молодежь должна получать полное среднее образование и повышать профессиональную квалификацию. Совету Министров Мордовской АССР, исполкомам городских и районных Советов депутатов трудящихся было предложено принять необходимые меры по дальнейшему укреплению учебно-материальной базы школ республики. Колхозам, совхозам, промышленным предприятиям, кооперативным и другим обще-

ственным организациям было рекомендовано принимать активное участие в строительстве школьных зданий, помещений для учебных мастерских и школьных интернатов. Совет Министров МАССР должен был разработать и осуществить мероприятия по подготовке и переподготовке учителей, повышению их идейно-теоретического уровня и улучшению условий труда и быта. Особое внимание уделялось дальнейшему развитию национальной школы. Верховный Совет Мордовской АССР считал необходимым ввести изучение русского языка всеми учащимися нерусских школ и обязал Министерство просвещения МАССР принять меры к улучшению его преподавания в национальных школах⁴.

Реализация обозначенной реформы образования в республике существенно отличалась от предложений Н.С. Хрущева. Жизнь внесла свои коррективы: основой среднего образования оставалась дневная средняя школа, в 9–11-х классах которой примерно 1/3 учебного времени отводилась на производственное обучение и труд учащихся. Однако определенные изменения в системе образовательных школ происходили (табл. 1).

Таблица 1

**Число общеобразовательных школ в МАССР
во 2-й половине 1950-х — середине 1960-х гг.***

Учебный год	Школы					Из числа средних с производственным обучением
	всего	начальные	семи-летние	восьми-летние	средние	
1953/54	1 294	782	364	—	148	—
1954/55	1 303	769	362	—	172	—
1955/56	1 299	763	357	—	179	—
1956/57	1 298	759	352	—	187	—
1958/59	1 302	757	341	—	204	—
1959/60	1 334	758	336	8	211	21
1960/61	1 363	751	248	109	199	56
1961/62	1 410	738	83	284	195	110
1962/63	1 466	733	—	370	197	166
1963/64	1 484	716	—	374	197	197
1964/65	1 465	700	—	377	194	194

* Таблица составлена по: Народное хозяйство Мордовской АССР. Саранск, 1958. С. 110–111; 1965. С. 118–119; Мордовская АССР за годы Советской власти. 1917–1967 гг. Саранск, 1967. С.155; ЦГА РМ, ф. Р-2238, оп. 1, д. 2036, л. 146–149.

По данным табл. 1 четко прослеживается процесс создания новой восьмилетней школы и осуществление с 1 сентября 1962 г. всеобщего обязательного восьмилетнего обучения

всех детей и подростков в возрасте от 7 до 15–16 лет (увеличение количества восьмилетних школ и сокращение семилетних). В 1961 г. за счет централизованных капиталовложений введено в эксплуатацию школьных зданий на 3 400 ученических мест; построено инициативным способом или на долевых началах 158 школ на 7 710 мест, 37 учебных мастерских на 978 мест, 9 школьных интернатов на 200 мест и 3 физкультурных зала⁵. Однако переход на всеобщее обязательное восьмилетнее обучение осуществлялся не везде одинаково: в Инсарском, Кочкуровском, Ардатовском, Мельцанском и Рыбкинском районах в 1961 г. план по реорганизации семилетних школ в восьмилетние не был выполнен. Во многих школах неудовлетворительно выполнялся закон о всеобуче. На начало 1962 г. не было охвачено обучением 1 525 детей школьного возраста. Кроме того, в течение первого полугодия из 1–7-х классов выбыло по разным причинам 507 учащихся⁶.

К 1962/63 уч. г. все семилетние школы были реорганизованы в восьмилетние: функционировало 370 восьмилетних школ, в которых обучалось 76,6 тыс. чел.⁷ 23 января 1964 г. на заседании Совета Министров РСФСР был заслушан отчет Совета Министров МАССР, отмечены недостатки в осуществлении всеобщего обязательного восьмилетнего обучения детей школьного возраста в республике. Принятые меры позволили сократить число учащихся, не охваченных обучением в школе без уважительных причин. В 1965/66 уч. г. в республике уже не было детей в возрасте 7–15 лет, которые не посещали школу без уважительных причин.

С реформированием общеобразовательной системы были созданы новые структуры, в частности средние школы с производственным обучением (табл. 2).

Таблица 2

Размещение средних школ с производственным обучением в МАССР в 1959/60 – 1964/65 уч. г.*

Показатель	1959/60	1960/61	1961/62	1962/63	1963/64	1964/65
Всего школ	21 (9,9 %)	56 (28,1 %)	110 (56,4 %)	166 (84,2 %)	197 (100%)	194
В том числе						
в городах						
и поселках городского типа	12	20	31	38	38	37
в сельской местности	9	36	79	128	159	157

* Таблица составлена по: Народное хозяйство Мордовской АССР. Саранск, 1965. С. 118–120.

В 1—4 классах стали преподавать ручной труд, в 5—7-х были введены практические работы, 8—10-х — основы производства, практикумы по машиноведению и электротехнике⁸. Трудовое воспитание учащихся стало осуществляться с первого года обучения на уроках труда в классах, школьных мастерских и на учебно-опытных участках путем организации для учащихся 5—8-х классов двухнедельной общественно-производственной практики; для девочек были введены специальные занятия по домоводству⁹. Учебным планом предусматривалось привлечение учащихся для выполнения посильных общественно-полезных дел: изготовление учетного оборудования для школ и детских учреждений, работа по уходу за общественными парками и садами, участие в благоустройстве населенных пунктов, оказание помощи колхозам и совхозам в выращивании огородных, технических и зерновых культур, разведении домашней птицы, выращивании молодняка общественного скота и т. п. Было отведено большое место организации самообслуживания: уборке своего класса, школьного коридора, двора и сада, спален в школьных интернатах, работа в школьном буфете и т. д. В средней школе с производственным обучением в 9—11-х классах выделялось по 2 дня в неделю для работы учащихся на производстве. В сельских средних школах время для производственной работы учащихся планировалось с учетом характера и сезонности сельскохозяйственных работ¹⁰.

Первоначально число школ с производственным обучением преобладало в городах. Но уже в 1960/61 уч. г. их стало намного больше в сельской местности, чему способствовало создание ученических производственных бригад. В летнее время они объединяли до 60 тыс. школьников¹¹. В 1958 г. в республике было 450 ученических производственных бригад, которые вырастили различных сельскохозяйственных культур на площади 2 300 га, в том числе вводимой в те годы кукурузы на площади 1 300 га¹². Особенно широкое распространение такие бригады получили в школах Чамзинского, Ардатовского и Темниковского районов. В 1959 г. в Чамзинском районе при всех средних школах были созданы летние ученические производственные лагеря. За счет средств колхозов в большинстве школ были построены домики лагерного типа, приобретен необходимый инвентарь. Труд учащихся в лагерях сочетался с отдыхом, культурно-массовыми мероприятиями, спортом, занятиями в различных кружках: юннатов, радиотехников, авиа-моделистов. 17 средних и восьмилетних школ Чамзинского района в течение 4 лет являлись участниками ВДНХ СССР,

9 из них получили дипломы, 20 юных опытников, 4 учителя и заведующий районо были награждены медалями и ценными подарками ВДНХ СССР¹³. По примеру школ и колхозов Чамзинского района стали организовываться летние ученические лагеря и в других районах республики. Если в 1962 г. ученических производственных лагерей было всего 12, то в 1966 г. — более 70¹⁴. Образцовой была признана Аксельская средняя школа Пурдошанского района. В 1959 г. здесь работали 5 ученических бригад, созданных по месту жительства учащихся. Они вырастили урожай кукурузы на 15 га, картофеля на 8, свеклы на 4 га, вели уход за садом на площади 3 га и обслуживали ферму молдняка КРС в 100 гол. В 1960 г. школа возделывала 30 га кукурузы, 6 картофеля, продолжала работать по уходу за 3 га сада, вырастила и передала колхозу 750 цыплят. Большая работа велась на пришкольном учебно-опытном участке, состоявшем из 4 разделов (сад, огород, цветник и полевой севооборот). В каждом разделе учащиеся проводили опыты, предусмотренные программой, в частности по сортоиспытанию кукурузы, картофеля, томатов и некоторых других культур¹⁵.

Перестройка мордовской национальной школы имела свою специфику. Выступая на второй сессии Верховного Совета МАССР 12 июня 1959 г., министр просвещения МАССР М. В. Дорожкин отмечал: «Мордовская школа значительно отстает от современных требований. Главный недостаток в ее работе, как и в работе русской школы, — отрыв обучения от жизни. Но кроме этого основного недостатка, она имеет... специфические трудности. В связи с тем, что в мордовской школе, кроме тех дисциплин, которые изучаются в русской школе, введены еще родной язык и родная литература, учащиеся имеют большую нагрузку... Время для изучения родного языка и родной литературы отводится за счет общеобразовательных и политехнических дисциплин, что... ухудшает условия для прочного усвоения программного материала. Поэтому при перестройке мордовской школы... нам надо принимать разумные меры, устраняющие ее специфические трудности»¹⁶. Министерство просвещения МАССР изучало мнение родителей, учителей, методистов и научных работников по вопросам языка обучения, изучения родного языка и родной литературы, а также иностранного языка в мордовской школе. В план организации учебной работы в мордовской школе, разработанный с учетом мнения общественности, были включены все дисциплины, которые изучаются в русской школе, и кроме них введено преподавание родного языка и родной литературы. Их изучение завершалось программой восьмилетней школы. Время на изучение родного языка и родной литературы

было выделено за счет частичного увеличения недельной нагрузки и некоторого сокращения времени, отведенного на изучение русского и иностранного языков, на труд. Изучение русского языка (наряду с родным языком) введено с 1-го класса, и в отличие от русской школы не завершалось с окончанием восьмилетней школы, а доводилось до 11-го класса средней школы с производственным обучением. Это давало возможность восполнить некоторый пробел в знаниях учащихся, имевшийся после окончания 8 классов. Учитывая пожелания большинства родителей, обучение учащихся мордовских школ велось в начальных классах на родном языке, а в последующих — на русском¹⁷.

20 августа 1957 г. бюро ЦК КПСС по РСФСР приняло решение об организации Мордовского государственного университета. 19 сентября 1957 г. аналогичное решение принял Совет Министров СССР, 28 сентября — Совет Министров РСФСР. 7 октября бюро Мордовского обкома КПСС и Совет Министров МАССР приняли постановление о мероприятиях по организации университета, в соответствии с которыми 30 октября в Саранске произошло его торжественное открытие¹⁸. 30 июня 1962 г. Совет Министров РСФСР принял постановление об открытии Мордовского государственного педагогического института, которое 25 июля было продублировано Советом Министров МАССР¹⁹. Оформление вузов республики привело к серьезным изменениям в системе подготовки специалистов (табл. 3).

Таблица 3
Подготовка специалистов в вузах МАССР в 1958/59 — 1963/64 уч.г.*

Показатель	1958/59	1959/60	1960/61	1961/62	1962/63	1963/64
Число вузов	1	1	1	1	2	2
Число студентов	4 076	3 935	4 480	5 364	7 087	9 289
В том числе						
дневного						
отделения	2 155	1 962	2 070	2 429	3 136	3 894
вечернего						
отделения	—	70	316	614	1 047	1 556
заочного						
отделения	1 921	1 903	2 094	2 321	2 904	3 839
Выпуск						
специалистов	584	843	723	529	708	486
В том числе						
с дневного						
отделения	228	537	389	192	479	359
с вечернего						
отделения	—	—	—	—	—	—
с заочного						
отделения	356	306	334	337	229	127

* Таблица составлена по: Народное хозяйство Мордовской АССР. Саранск, 1965. С. 132.

Структурные изменения в системе вузовского образования позволили вдвое увеличить число студентов всех видов обучения, создать форму вечернего высшего образования. В целом же реформы в сфере образования 1950–60-х гг. оказали существенное влияние на региональный социум: повысился образовательный уровень населения и потенциал региона, что позитивно сказалось на обеспечении собственными кадрами социально-экономического развития республики.

Примечания

¹ См.: **Пыжиков А. В.** Хрущевская «оттепель». М., 2002.

² Правда. 1958. 21 сент.

³ См.: **Медведев Р. А.** Н.С. Хрущев. Политическая биография. М., 1990. С. 146.

⁴ См.: Вторая сессия Верховного Совета Мордовской АССР пятого созыва (12 июня 1959 г.). Саранск, 1959.

⁵ ЦГА РМ, ф. Р-228, оп.1, д. 2036, л. 146.

⁶ Там же.

⁷ См.: Народное хозяйство Мордовской АССР. Саранск, 1965. С. 118, 120.

⁸ ЦГА РМ, ф. Р-234, оп. 8, д. 234, л. 4.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, л. 5.

¹¹ См.: Под звездой Октября. Саранск, 1967. С. 224.

¹² ЦГА РМ, ф. Р-234, оп. 8, д. 234, л. 5.

¹³ См.: Под звездой Октября.

¹⁴ Там же.

¹⁵ ЦГА РМ, ф. Р-228, оп. 1, д. 1922, л. 231–232.

¹⁶ Там же, ф. Р-234, л. 30.

¹⁷ Там же, л. 31.

¹⁸ ЦДНИ РМ, ф. 269, оп. 6, д. 488, л. 42–43.

¹⁹ ЦГА РМ, ф. Р-228, оп.1, д. 2045, л. 192–194.

Поступила 13.05.2003 г.

УДК 63–057.21

*О. Б. Кевбрина***ДИНАМИКА И СТРУКТУРА КАДРОВ СПЕЦИАЛИСТОВ
МОРДОВПОТРЕБСОЮЗА (1950–1975 гг.)**

В 1950-е гг. кадровый состав специалистов потребкооперации Мордовии интенсивно менялся, что было обусловлено увеличением масштабов торгово-хозяйственной деятельности системы, состоянием ее структуры и организации, а также административно-территориальным делением республики. Движение кадров — сложный социально-экономический процесс с неоднозначными тенденциями, которые четко прослеживаются в системе Мордовпотребсоюза в рассматриваемые годы. Отрицательной тенденцией являлась текучесть кадров, вносящая расстройство в работу кооперативных организаций и предприятий и приводившая к невосполнимым материальным и моральным потерям. На собрании совета Мордовпотребсоюза по итогам работы за 1952 г. отмечалось, что в течение года сменилось 103 номенклатурных работника из 394, т. е. текучесть составила 26 %¹. Среди председателей райпотребсоюзов были замещены 8 (21 %), директоров заготконтор — 8 (45), заведующих торгами — 9 (28), главных бухгалтеров-ревизоров — 10 (21), председателей сельпо — 53 (35 %). В объяснительной записке к отчету приводится несколько иная информация: за этот год сменилось 11 бухгалтеров, что составило 38 %, 46 старших бухгалтеров (31 % к их общему числу). Сменяемость других счетных работников достигла в среднем 20 %². Одной из важнейших причин такой текучести был низкий образовательный уровень номенклатурных работников, что было отмечено в постановлении правления Мордовпотребсоюза «О повышении общеобразовательных знаний руководящих кадров системы потребительской кооперации» (1951): лица с законченным средним образованием составляли среди председателей райсоюзов 21,9 %, заведующих торгами — 15,6, директоров заготконтор — 21,9, главных бухгалтеров — 25, инструкторов-ревизоров — 18,7, плановиков — 62,5 %. Степень насыщенности специалистами по отношению к должностям в 1952 г. среди счетных работников была равна 12,9 %, торговых — 1,7, плановых — 38,6 %³. Приведенные факты говорят о том, что в республике с большими трудностями выполнялось постановление президиума правления Центросоюза СССР от 13 ноября 1947 г.,

требовавшее, чтобы номенклатурные работники (заведующие торгами, инструкторы, ревизоры районных союзов, главные бухгалтеры и плановики) имели среднее специальное образование, и их должности следовало замещать только лицами с соответствующим образованием.

Частая сменяемость кадров обуславливалась также недостатками в работе с кадрами со стороны правления Мордовпотребсоюза, райсоюзов и сельпо: нередко их подбирали по приятельским отношениям, родству, землячеству; выпускникам вузов и техникумов, торгово-кооперативной школы не создавались условия для работы, роста квалификации; некоторые специалисты уходили с работы из-за неудовлетворительных жилищных условий, низкой заработной платы. Типичной в сложившихся условиях была жалоба И.Г. Топоркова, выпускника Иркутского кооперативного техникума 1949 г., технолога отдела хлебопечения Мордовпотребсоюза, от 12 апреля 1951 г.: жил на частной квартире, платил 80 руб. в месяц, кроме того за отопление — 1 600 руб.; просил выделить ему ведомственную квартиру⁴. Не проявлялось должной заботы и о выпускниках торгово-кооперативной школы. Так, на заседании бюро Мордовского ОК КПСС 26 мая 1953 г. отмечалось, что из 700 чел., окончивших эту школу за последние 6 лет, в системе работало только 300 чел.⁵ К середине 1950-х гг. текучесть кадров достигла 30—40 %. За эти недостатки были освобождены от работы заместитель председателя Мордовпотребсоюза по работе с кадрами П.В. Самарин и руководитель Мордовпотребсоюза А.И. Астафьев.

Но не только эта отрицательная тенденция доминировала в динамике кооперативных кадров Мордовии. В постановлении IV съезда работников потребкооперации республики (1954) впервые было обращено внимание на роль не вообще специалистов-кооператоров, а конкретно товароведов, которые были названы «центральной фигурой в деле внедрения и поднятия культуры во всей торговой работе, а также в деле обеспечения поставки товаров по ассортименту и качеству в соответствии со спросом населения», поэтому необходимо «поднять роль товароведов-инструкторов и усилить руководство их работой»⁶.

Работа с кадрами специалистов стала более целенаправленной и планомерной с приходом в 1956 г. к руководству системой потребительской кооперации республики И. И. Косенкова. В течение 8—9 лет произошли значительные количественные и качественные изменения в составе кооперативных кадров. Если в 1950 г. в системе потребкооперации республики

работали 5 573 чел., в т. ч. 7 с высшим образованием, 132 — со средним специальным, то в 1958 г. соответственно — 8 305; 60 и 325 чел. На 1 000 работающих в 1950 г. приходилось 1,3 чел. с высшим образованием, 23,7 чел. со средним специальным, на 1 января 1959 г. — соответственно 7,2 и 39,1 чел. Усиленная работа кооперативной школы республики, помощь учебных заведений других регионов позволили кооперативной сети Мордовии укрепить подготовленными кадрами потребительские общества и райсоюзы, ее центральный аппарат.

В сводном отчете о составе и движении руководящих работников райсоюзов и сельпо республиканского потребсоюза на 1 января 1956 г. отмечалось, что из 169 работников (председатели райсоюзов, их заместители по торговле, директора райзаготконтор, инструкторы-ревизоры, главные бухгалтеры) с высшим образованием не было никого. Из 32 председателей райсоюзов среднее специальное образование имели 2 чел. (6,3 %), 31 заместителя по торговле — 7 (22,6), 32 директоров райзаготконтор — 3 (9,4), 42 инструкторов-ревизоров — 4 (9,5), из 32 главных бухгалтеров райсоюзов — 6 чел. (18,8%). Ни у одного из 126 председателей сельпо не было ни высшего, ни среднего специального образования⁷. В 1956 г. молодой специалист Козлачков, выпускник Рязанского кооперативного техникума, был выдвинут на должность заведующего торгом Атюрьевского райпотребсоюза, И. П. Гуляйкин, окончивший Московский заочный кооперативный техникум, стал председателем Кочелаевского райсоюза, выпускники того же техникума И. Ф. Тараскин — председателем Старосиндровского райсоюза, Д. А. Дугин — заместителем председателя того же райсоюза по заготовкам; инструктор отдела общественного питания И. Д. Аксенов был выдвинут на должность начальника сырьевого отдела заготуправления Мордовпотребсоюза. В 1957 г. первым председателем райсоюза (Чамзинка) с высшим образованием стал выпускник Львовского торгово-экономического института Павлов; на руководящие должности были выдвинуты 9 молодых специалистов (5 заместителей председателей райпо по торговле, 2 главных бухгалтера, 2 заместителя директоров межрайбаз). Так стал заместителем директора Саранской универсальной базы Р.М. Устьяк, выпускник этого института. К концу года в системе был 41 специалист, в т. ч. 21 с высшим торговым и заготовительным образованием, 7 работали преподавателями техникума, 9 — в центральном аппарате потребсоюза. Из 302 специалистов со средним специальным образованием было 104 товароведа, 132 бухгалтера, 37 плановиков и др. Из 28 выпускников техникумов 18 стали работать

товароведами, 8 — бухгалтерами, 1 — плановиком, 1 — технологом по переработке плодов и овощей.

В 1958 г. в Мордовпотребсоюз прибыло 39 выпускников техникума: 16 товароведов, 11 бухгалтеров, 7 технологов по переработке плодов и пищевых продуктов, 3 строителя, 2 плановика. Всего в штате числилось 320 чел., из них с торговым и заготовительным образованием — 306, в т. ч. 119 товароведов, 37 плановиков, 141 бухгалтер, 9 технологов по переработке плодов и овощей. Специалистами высшей квалификации работали 46 чел.: в центральном аппарате — 10, в промкомбинате и стройконторе — 3, на межрайонных базах — 7, в райсоюзах — 8, в техникуме и торгово-кооперативной школе — 18 чел. По данным правления Мордовпотребсоюза, сотрудников, имеющих высшее, незаконченное высшее, среднее специальное и общее среднее образование, насчитывалось 1 335 чел. (16 % к общему числу работающих). Качественно улучшился состав руководящих номенклатурных кооперативных работников. В центральном аппарате Мордовпотребсоюза работали 88 чел., в т. ч. с высшим образованием — 10 (11,4 %), незаконченным высшим — 5 (5,7), средним специальным — 31 (35,2), средним общим образованием — 20 (22,7), с незаконченным средним — 22 чел. (25 %). Значительно ниже был уровень подготовки номенклатурных работников в целом по Мордовпотребсоюзу. Из 279 чел. высшее и незаконченное высшее образование имели 17 (6,1 %), среднее специальное — 49 (17,6), среднее общее — 76 (27,2), незаконченное среднее — 137 чел. (49,1 %). На руководящую работу в райсоюзы были выдвинуты лица с высшим, средним специальным, средним общим образованием: в Ардатове — А. Т. Удалов, Ельниках — Недякин, Ичалках — Гаврилов, Кочкурове — Балаев, Мельцанах — Курашов, Старом Шайгове — Мелякин. Критически оценивая кадровую работу, руководство Мордовпотребсоюза сменило 15 председателей райпо (46,9 %), 16 заместителей по торговле (50), 14 заместителей по заготовкам (43,8), 38 председателей сельпо (34,8), 4 главных бухгалтеров райсоюзов (12,5), 7 ревизоров (21,6), 14 инструкторов (43,7 %). Общая сменяемость номенклатурных работников за весь год составила 32 %. Большую тревогу у руководства вызывало то, что не было резерва на выдвижение: оставались вакантными 4 должности заместителя председателя райсоюза по торговле, 5 — директоров райзаготконторы.

В 1959 г. произошли изменения в структуре районного звена. В марте упразднили 7 районов республики: их стало 25 вместо 32. В связи с этим произошли изменения в составе номенклатурных работников. Из 25 председателей райсоюзов высшее

образование имели 2, среднее специальное — 5, из 25 заместителей председателей райсоюзов с высшим образованием был 1, со средним специальным — 9, с общим средним — 8 чел. Среди 24 директоров райзаготконтор только 1 имел среднее специальное образование, 9 — общее среднее; из 25 главных бухгалтеров райсоюзов 8 получили высшее, 6 — среднее специальное, 7 — законченное общее среднее образование. Большинство специалистов с высшим образованием (60 чел.) работали в Саранске: 13 — в центральном аппарате потребсоюза, 2 — на промкомбинате, 7 — на межрайбазах, 23 — в техникуме и торгово-кооперативной школе, 15 — в райсоюзах и сельпо. 8 молодых специалистов с высшим образованием были выпускниками Львовского торгово-экономического института, Высшей торгово-кооперативной школы, Московского технологического института, Горьковского пединститута и ВПИ. 372 выпускника со средним специальным образованием прибыли из кооперативных техникумов, 55 — из 2-годичных межобластных школ. Среди них было 34 товароведа (27 общего профиля и 7 товароведов животного сырья), 11 бухгалтеров, 4 плановика, 2 технолога хлебопечения, 2 технолога консервирования, 2 строителя и др. За 10 лет число специалистов с высшим образованием на 1 000 работающих увеличилось в 6 раз, а специалистов со средним образованием — почти в 16 раз. Выполняя решения IV (1954) и V (1958) съездов работников потребкооперации республики, руководство Мордовпотребсоюза увеличивало численность товароведов. В 1959 г. 41 товаровед работал в центральном аппарате потребсоюза, 57 — в райсоюзах. Из 98 товароведов среднее специальное образование имели 62, высшее — 1. Остальные были практиками. Значительную группу специалистов составляли работники учета и планирования. Но и здесь преобладали кадры со средним образованием. Из 19 начальников управлений и отделов Мордовпотребсоюза только у 5 было высшее образование, 9 — среднее специальное и незаконченное высшее, у остальных — незаконченное среднее и начальное образование.

Положительные качественные изменения в системе кооперативных кадров республики в 1950-е гг. отразились и на составе руководства Мордовпотребсоюза. Если на III съезде (1948 г.) в правление были избраны Я. С. Файзулин, С. М. Татаринов, которые имели начальное образование, К. М. Видякин, Н. Г. Поршаков — неполное среднее, А. Г. Мудров, В. М. Комраков, А. Н. Варакин, А. И. Щетинина — среднее, и только заместитель председателя по кадрам П. В. Самарин был с высшим образованием, то после IV и V съездов с начальным

образованием в состав правления никто не вошел (М. И. Зорин, Д. Т. Пивкин имели высшее образование, И. И. Косенков (председатель), В. И. Антонов — незаконченное высшее, Н. К. Овсянников, А. И. Щетинина — среднее специальное, П. И. Курюшин, А. Н. Варакин — общее среднее, С. С. Тимкаев — незаконченное среднее). На основе этих данных можно сделать вывод: в 1948 г. в руководстве системой потребительской кооперации преобладали практики, с 1958 г. «лицо» руководства Мордовпотребсоюза определяли специалисты-кооператоры.

В дальнейшем в связи с ростом и расширением хозяйственной деятельности кооперативных организаций и предприятий, изменениями в их структуре происходили перемены в составе кадров. С первым выпуском специалистов Саранского кооперативного техникума (1960 г.) появилась реальная возможность направлять во все сферы деятельности прежде всего своих выпускников.

Руководство потребительской системы республики стремилось увеличивать число товароведов для районного звена и потребительских обществ. В докладе И. И. Косенкова на очередном собрании совета Мордовпотребсоюза предлагалось ввести в каждое сельпо должность товароведа, в сельпо с годовым оборотом свыше 1 млн руб. — заместителя председателя сельпо по производству и общественному питанию. Правление Мордовпотребсоюза выступило с инициативой включить в свою номенклатуру всех председателей сельпо, их заместителей, бухгалтеров и специалистов, а также завмагов. Руководство республиканского потребсоюза поставило задачу улучшить качественный состав работников, связанных с учетом и сохранностью материальных ценностей.

В 1960-е гг. в потребкооперации республики остро ощущался дефицит специалистов для мастерских бытового обслуживания населения, в частности закройщиков по пошиву верхнего платья, мастеров по ремонту товаров сложного ассортимента. Для закрепления специалистов правление наметило меры по улучшению их жилищно-бытовых условий: планировалось с 1962 г. в течение 2—3 лет построить по 1 дому для каждого сельпо. Предусматривалось также моральное стимулирование их труда (в 1961 г. были награждены знаком «Отличник советской потребительской кооперации» выпускники Мордовского техникума советской торговли оргинструктор Ардатовского райсоюза И. В. Долгов и главный бухгалтер Дубенского райсоюза Т. А. Малкина; почетной грамотой правления Мордовпотребсоюза и президиума ОК профсоюзов работников госторговли и потребительской кооперации — преподаватель Саранского кооператив-

ного техникума А. В. Дмитриев и директор Ковылкинской межрайонной базы П. С. Дрожников, выпускники Львовского торгово-экономического института; в 1962 г. знаком «Отличник советской потребительской кооперации» и почетной грамотой за плодотворную работу в организациях и предприятиях системы потребкооперации — председатель правления А. И. Астафьев⁸.

На VI съезде работников потребкооперации Мордовии (1962) ставилась задача «...добиться, чтобы все руководящие работники центрального аппарата, райпотребсоюзов и потребительских обществ, не имеющие соответствующего образования, в ближайшие 2—3 года получили его путем заочной учебы в средних общеобразовательных школах и в кооперативных учебных заведениях»⁹. Председатель правления Краснослободского райсоюза К.П. Волков сообщил о том, что в их системе из 510 работающих специальное торговое образование было лишь у 53 чел. (10 %); ни один из руководящих работников не имел специального образования¹⁰. В отчете правления Мордовпотребсоюза тоже речь шла о недостатке кадров с высшим и средним специальным образованием в низовых потребительских обществах: не хватало товароведов, счетно-бухгалтерских работников (в сельпо не были укомплектованы штатные должности 35 товароведов, 11 бухгалтеров-инвентаризаторов, 6 ревизоров райсоюзов, 11 других счетных работников¹¹). В отчете о работе с кадрами за 1965 г. отмечен недостаток 30 специалистов, их должности замещали практики (начальником ревизионного отдела с 1961 г. работал Г. Д. Потянов с 7-летним образованием, начальником отдела труда и заработной платы с 1950 г. — В. А. Ушаков с начальным, у члена правления А. Т. Удалова было общее среднее образование). В аппарате райпотребсоюзов насчитывалось 11 вакантных должностей: 5 — товароведа промышленных и продовольственных товаров, 2 — техника-технолога общественного питания и хлебопечения, 3 — бухгалтера, 1 — плановика-экономиста. В аппарате райсоюзов работали 102 практика, окончивших кооперативное училище или курсы, среди них 9 председателей, 5 заместителей по торговле, 4 главных бухгалтера. За прошедшие 5 лет заметно увеличилась общая численность работников системы Мордовпотребсоюза, изменился их кадровый состав. Если на 1 января 1961 г. здесь трудилось 9 527 чел., соответственно в торговле — 4 487, в административно-управленческом аппарате — 334, специалистов с высшим образованием было 59, со средним специальным — 420, то к 1 января 1966 г. общая численность работников достигла 12 085 чел.; в торговле работали 5 730 чел., административно-управленческий аппарат увеличился до 362 чел., кад-

ров с высшим образованием стало 95 чел., со средним специальным образованием — 1 020 чел. Однако специалистов по-прежнему не хватало. Так, из 362 руководящих должностей на 1 января 1966 г. вакантными были 18, в т. ч. 4 — заместителя и председателя сельпо, 5 — старшего бухгалтера, 9 — заместителя по заготовкам, 19 — товароведа, 14 — бухгалтера, 2 — плановика-экономиста. Из 3 811 материально ответственных лиц высшее образование имели 9 чел. (0,2 %), среднее специальное — 276 (7,2), среднее общее — 944 (24,8), семилетнее — 1 754 чел. (46 %) (табл. 1).

Таблица 1

Образовательный уровень специалистов Мордовпотребсоюза
(по данным на 1 января 1966 г.)

Специалисты	С высшим образованием	Со средним специальным образованием	Всего
Товароведы	17	274	291
Бухгалтеры	10	347	357
Технологи	5	106	111
Экономисты	14	47	61
Другие специалисты	49	286	335
Всего	95	1 060	1 155

На распределение кадров повлияли изменения в районировании республики. В январе 1963 г. образовались 10 укрупненных райпотребсоюзов (Ардатовский, Атяшевский, Ковылкинский, Краснослободский, Ромодановский, Рузаевский, Старошайговский, Темниковский, Торбеевский, Чамзинский), Саранское и Ковылкинское райпо, 92 потребительских общества (в 1965 г. было 20 райпотребсоюзов и 1 райпо). В соответствии с типовой номенклатурой (утверждена Центросоюзом 12 декабря 1963 г., дополнения и изменения от 13 сентября 1964 г. и от 21 января 1965 г.) в Мордовпотребсоюзе насчитывалось 240 должностей, подлежащих замещению специалистами с высшим образованием. Фактически были замещены: 89 — специалистами с высшим образованием, 113 — со средним специальным образованием, 38 — практиками. 2 020 должностей подлежали замещению специалистами со средним образованием. Замещены: 814 — специалистами со средним специальным образованием, 1 206 — практиками. В 1965 г. прибыли 4 специалиста с высшим образованием и 324 со средним специальным; перемещены на руководящую работу 19, на более высокую должность — 65. Так, молодые специалисты Н.В. Шишов, И.П. Дергунов, работавшие председателями правлений потребительских обществ, были выдвинуты на работу председателями соответственно Атяшевского и Большеигнатовского райсоюзов.

В постановлении правления Мордовпотребсоюза от 9 февраля 1966 г. отмечено, что в 1965 г. число специалистов увеличилось на 328 чел. На руководящих должностях в центральном аппарате и его предприятиях работали 318 специалистов, в аппарате и хозяйстве райсоюзов — 317, в потребительских обществах — 520. Руководящие должности были замещены лицами, имевшими кооперативное образование: в райсоюзах — на 79 %, в потребительских обществах — на 49,3 %¹². Сократилась текучесть кадров: по райсоюзам она составила 5,5 %, потребительским обществам — 10,7 %¹³, о чем было сказано в отчетном докладе на VII съезде работников потребительской кооперации (1966). На очередном собрании совета Мордовпотребсоюза в декабре 1966 г. председатель правления А. Я. Самурков отмечал, что основным руководящим звеном потребительской кооперации является правление сельпо; из 91 председателя сельпо среднее специальное образование имеют 24 чел. (26,3 %) ¹⁴. Наиболее интенсивно в 1966 — 1970 гг. насыщались специалистами центральный аппарат Мордовпотребсоюза, райсоюзы, потребительские общества (табл. 2).

Таблица 2

**Изменение качественного состава работников
Мордовпотребсоюза в 1966 — 1970 гг.**

Специалисты	1966	1970	Рост, %
С высшим образованием	99	154	155,5
В том числе в центральном аппарате	21	37	176,2
в аппарате райсоюзов	24	31	129,2
Со средним специальным образованием	1 117	1 538	137,7
В том числе в центральном аппарате	64	80	125,0
в аппарате райсоюзов	225	647	287,6
В потребительских обществах	376	529	140,7
Всего	1 926	3 016	156,6

В 1966 г. в центральном аппарате было 104 должности, подлежащих замещению специалистами с высшим образованием, и 18 — со средним специальным. Фактически в аппарате работали 21 чел. с высшим и 64 со средним специальным образованием. На должностях, подлежащих замещению специалистами, работали 26 практиков, в т. ч. заместитель председателя правления по заготовкам А.Т. Удалов, начальник ревизионного отдела Г.Д. Потянов, начальник отдела труда и заработной платы В.А. Ушаков, начальник отдела общественного питания А.Д. Гусейнов, начальник планово-экономического отдела М.И. Тарасов, заместитель начальника отдела кадров и организационной работы И.Ф. Столбовой. На работу в центральный аппарат прибыло 11 специалистов с высшим образо-

ванием, 27 со средним специальным. Здесь с высшим образованием работали 4 товароведов, 2 бухгалтера, 7 плановиков-экономистов, 8 других специалистов; со средним образованием — 27 товароведов, 12 бухгалтеров, 6 плановиков-экономистов, 5 технологов общепита, 1 технолог хлебопечения, 4 механика, 10 других специалистов. В аппарате райсоюзов подлежали замещению специалистами с высшим образованием 30, со средним специальным — 60 должностей. Фактически были замещены 11 должностей специалистами с высшим образованием и 9 — со средним специальным. Председателями райсоюзов работали 3 чел. с высшим образованием, 12 — со средним специальным, 5 практиков. В 1966 г. из числа специалистов аппарата райсоюзов на более высокую должность был выдвинут 21 чел., в т. ч. 13 женщин. Председателями сельпо трудились 28 специалистов, их заместителями по торговле — 20, старшими бухгалтерами — 38.

В отчете о работе с кадрами за 1968 г. впервые подробно анализировалось качественное состояние материально ответственных лиц (4 312 чел., в т. ч. 355 специалистов, что на 29 больше, чем в 1966). Хорошо проявили себя выпускники Саранского кооперативного техникума (1966), товароведы оптовой базы Инсарского райпотребсоюза В. Левина, Л. Князева. 16 материально ответственных лиц заочно обучались в институте, 40 — в техникуме, 72 — вечерних общеобразовательных школах. 628 работников этой сферы окончили кооперативное профтехучилище, предприятия-школы¹⁵.

11 июня 1969 г. собрание совета Мордовпотребсоюза рассмотрело вопрос «О состоянии и мерах улучшения работы с кадрами и сохранности кооперативной собственности в системе Мордовпотребсоюза». Председатель правления союза Д.Т. Пивкин сообщил, что за 5 лет (1963 — 1968) количество специалистов с высшим образованием увеличилось в 1,5 раза, со средним специальным — в 2 раза. Среднее специальное и высшее образование имели 429 товароведов, 213 технологов общественного питания, хлебопечения, консервирования, 40 инженеров-механиков и строителей, 429 бухгалтеров, 148 плановиков-экономистов. 62 % специалистов работали непосредственно в райпотребсоюзах (390 чел.) и потребительских обществах (450 чел.)¹⁶. Руководство потребительской системы республики выдвигало на руководящие должности молодых специалистов. Так, выпускница Московского кооперативного института М.А. Морозова в 1967 г. возглавила отдел Мордовпотребсоюза по изучению спроса на товары, а в апреле 1969 г. была назначена начальником отдела общественного питания. После окончания

Саранского кооперативного техникума В.Ф. Побожьева была направлена в Ардатовский райсоюз, потом была выдвинута на должность директора ресторана Старошайговского райсоюза, заочно окончила Московский кооперативный институт. Впоследствии ей было присвоено почетное звание «Заслуженный работник торговли МАССР». На 1 января 1975 г. это звание имели 32 чел., 504 чел. были награждены орденами и медалями.

На VIII (1970) и IX (1974) съездах работников потребительской кооперации Мордовии отмечался рост числа специалистов на руководящих должностях. На 1 января 1975 г. в системе потребсоюзов числилось 15 293 чел., среди них 2 170 (14,2 %) специалистов с высшим и средним специальным образованием (100 чел. — с высшим). На 1 000 работающих приходилось 10,4 специалиста с высшим, 196,7 специалиста со средним специальным образованием. В центральном аппарате из 213 работников 37 имели высшее образование, 112 — среднее специальное. Указывалось, что состав аппарата стабилен, 44 % сотрудников работают в потребкооперации более 5 лет. Молодые специалисты А.Д. Животов, В.В. Иогансон, Н.И. Сафронова, Т.В. Назарова были выдвинуты на должности начальников отделов. Среди председателей райпотребсоюзов было 72,7 % специалистов, заместителей по торговле — 95, заместителей по кадрам — 59,1, директоров кооперативных предприятий и организаций республиканского потребсоюза — 70,1, директоров розничных торговых предприятий — 43, директоров заготконтор — 40, директоров объединений общепита — 47,6, директоров хлебокомбинатов — 55, главных бухгалтеров райсоюзов — 81,8, среди старших бухгалтеров розничных торговых предприятий — 61 % специалистов.

Вопросы о работе с кадрами систематически рассматривались на заседаниях совета Мордовпотребсоюза. Проводились республиканские слеты и совещания специалистов. Проверку организовывали Мордовский обком КПСС, управление кадров и учебных заведений Роспотребсоюза. Выделяя положительные стороны в кадровой работе, правление Мордовпотребсоюза, проверяющие партийные органы, вышестоящие кооперативные организации вскрывали серьезные недостатки в подготовке и расстановке кооперативных кадров. Так, в выступлении на IX съезде работников потребкооперации республики секретарь Мордовского ОК КПСС А. К. Кладов отметил, что «подборкой и расстановкой кадров, повышением деловой атмосферы, укреплением дисциплины правление Мордовпотребсоюза занимается слабо»¹⁷. На VIII съезде работников потреб-

кооперации республики в 1970 г. начальник отдела кадров Роспотребсоюза П. М. Майорова отметила, что руководство республиканского потребсоюза не создает жилищных условий для молодых специалистов: в 1969 г. потребность в жилье испытывали 60, а получили квартиры только 3 специалиста¹⁸. Эта проблема осталась острой и в 1974 г.: из 2 170 специалистов в собственных и ведомственных квартирах проживали 1 932, в общежитии — 117, в арендованных квартирах — 121. Как видим, число специалистов, нуждающихся в жилье, не уменьшилось, а увеличилось в 2 раза. Не способствовал сокращению текучести кадров специалистов и размер заработной платы.

Кардинальные изменения в кадровом потенциале республики отразились на составе правлений Мордовпотребсоюза. В составе правления, избранного на VIII съезде, с высшим образованием были Д. Т. Пивкин, Н. К. Киржаев, Р. Я. Наумкина, П. М. Цыбусов, П. Г. Шмелев, с незаконченным высшим — П. П. Блохин, со средним специальным — Г. А. Скрипкин, К. П. Спиркин, с общим средним — А. Т. Удалов. На IX съезде в состав правления были избраны в основном специалисты с высшим образованием (Д. Т. Пивкин, П. Г. Шмелев, Н. Д. Яськин, Т. С. Константинов, П. М. Цыбусов, В. И. Кунда, Р. Я. Наумкина, Н. К. Киржаев, П. С. Баканова, А. И. Александров; у К. П. Спиркина было среднее специальное образование).

За четверть века (1951—1975) число работавших в Мордовпотребсоюзе увеличилось с 5 373 до 15 293 чел. (почти в 3 раза), число специалистов с высшим образованием — с 7 до 160 (22,9), специалистов со средним специальным образованием — со 132 до 2 010 чел. (в 15,2 раза). В соответствии с требованием Типовой номенклатуры, утвержденной Центросоюзом, в Мордовпотребсоюзе на 1 января 1975 г. 2 662 должности подлежали замещению специалистами. Фактически были замещены 2 170, или 81,5 %. Особенно низкой была замещаемость специалистами с высшим образованием (12,7 %). Руководство Мордовпотребсоюза понимало, что республике нужен свой вуз, готовящий кадры для системы кооперации. Поэтому оно настойчиво ставило перед Центросоюзом и Роспотребсоюзом вопрос об открытии в Саранске филиала Московского кооперативного института, который был открыт в 1976 г.

Примечания

¹ ЦГА РМ, ф. 11, оп. 1, д. 705, л. 59.

² Там же, д. 687, л. 116—117.

³ ЦГА РМ, ф. 11, оп. 1, д. 635, л. 403; д. 690, л. 31.

⁴ Там же, д. 647, л. 221.

⁵ ЦДНИ РМ, ф. 269, оп. 6, д. 18, л. 135.

⁶ ЦГА РМ, ф. 11, оп. 1, д. 730, л. 190.

⁷ Там же, д. 806, л. 1.

⁸ Там же, д. 942, л. 37–38; д. 984, л. 79.

⁹ Там же, д. 981, л. 30.

¹⁰ Там же, л. 6.

¹¹ Там же, л. 115.

¹² Там же, оп. 2, д. 59, л. 243 – 257.

¹³ Там же, д. 65, л. 87.

¹⁴ Там же, л. 43.

¹⁵ Там же, д. 59, л. 144–145.

¹⁶ Там же, д. 210, л. 64, 68, 69.

¹⁷ Там же, д. 439, л. 288.

¹⁸ Там же, д. 266, л. 19.

Поступила 12.05.2003 г.

УДК 316.343.723(470.40/.43)

В. И. Рыбалка

**МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА В 1960— 80-е гг.
(по материалам автономных республик Среднего Поволжья)**

Сложен и противоречив рассматриваемый нами период. Общими тенденциями исторического процесса в 1960—1980-е гг. были преобладание командно-административных методов управления экономической, социальной и политической сферами жизни советского общества, а также поиски путей перехода к экономическим, а с середины 1980-х гг. и к более демократическим методам руководства.

Важную роль в совершенствовании аграрной политики имели решения мартовского (1965) Пленума ЦК КПСС «О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства СССР»¹. Проанализировав состояние и методы руководства сельским хозяйством, пленум определил объективные и субъективные причины замедления темпов его развития: нарушение требований экономических законов развития социалистического хозяйства, принципа материальной заинтересованности работников, сочетания общественных и личных интересов;

© В. И. Рыбалка, 2004

субъективизм в руководстве, приведший к ошибкам в планировании производства и заготовок продукции, финансировании и кредитовании, в политике цен.

В соответствии с решением мартовского Пленума ЦК КПСС, постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 мая 1966 г. колхозам было рекомендовано с 1 июля 1966 г. ввести гарантированную (деньгами и натурой) оплату труда колхозников с учетом тарифных ставок соответствующих категорий работников совхозов. При этом подчеркивалось, что «при распределении доходов в колхозах в первую очередь выделяются средства на оплату труда колхозников»². Было рекомендовано также производить денежную оплату труда колхозников ежемесячно, а натуральную — по мере получения продукции в общественном хозяйстве. Фонд оплаты труда колхозников запрещалось использовать на другие цели.

Материальное положение колхозников зависит, как известно, и от личного подсобного хозяйства (ЛПХ), дающего возможность получать свежие высококачественные продукты — молоко, мясо, яйца, овощи, фрукты, ягоды. Допускавшиеся ранее нарушения в сочетании личных и общественных интересов были устранены. В результате в 1966—1970-е гг. производство почти всех видов продукции в ЛПХ увеличилось (мяса, например, в 1,7 раза). Эта тенденция наблюдалась и в последующем. Важным стимулятором развития ЛПХ явились постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 сентября 1977 г. «О личных подсобных хозяйствах колхозников, рабочих, служащих и других граждан и коллективном садоводстве и огородничестве» и от 8 января 1981 г. «О дополнительных мерах по увеличению производства сельскохозяйственной продукции в личных подсобных хозяйствах граждан». В соответствии с последним постановлением часть товарной продукции, полученной в нерабочее время (например, мясо и молоко), могла засчитываться колхозам и совхозам в объем производства и в выполнение плана закупок с выплатой надбавок за качественные и количественные показатели. Хозяйства при желании колхозников, рабочих и служащих заключали с ними договора на закупку скота, птицы, излишков молока.

Экономической основой необходимости ведения ЛПХ являлось то, что общественное производство еще не обеспечивало общество сельскохозяйственными продуктами. Если бы сельское население не имело подсобного хозяйства, уровень потребления основных продуктов питания на душу населения был бы значительно ниже.

На 1 января 1984 г. в ЛПХ колхозников, рабочих, служащих и других групп населения находилось 24,6 млн гол. КРС (в т. ч. 13,6 млн коров), а также 15,6 млн свиней, 28,2 млн овец, 5 млн коз³. В 1983 г. эти хозяйства произвели 4,7 млн т мяса (в убойном весе), 24 млн т молока, 22,2 млрд шт. яиц, 106 тыс. т шерсти⁴. По данным бюджетных исследований 1983 г., доход колхозников от ЛПХ в среднем по СССР составил 26,3 % от их общих доходов⁵.

Экономическая характеристика ЛПХ страны отражает как общие, так и региональные закономерности отдельных экономических районов, в том числе автономных республик Среднего Поволжья. Это можно проследить на примере Удмуртской АССР. На 1 января 1980 г. в ЛПХ колхозников, рабочих совхозов и служащих республики имелось 74,6 тыс. гол. КРС (12,8 % их общего количества в республике), в т. ч. 54,9 тыс. коров (21,8 %). поголовье свиней составляло 85,8 тыс. (19,2 %), овец — 154,6 тыс. (48,4 % к общему поголовью этих видов скота). Стоимость произведенной валовой продукции в 1979 г. превысила 153,2 млн руб., что составило 25,9 % стоимости сельскохозяйственной продукции, произведенной всеми категориями хозяйств⁶.

Настойчивая работа по развитию ЛПХ велась в Чувашской АССР. В 1981 г. их доля в общем объеме проданной государству продукции составила: по мясу 3 %, молоку 7,3, шерсти 42, картофелю 44,7 %. Постановлением бюро обкома КПСС и Совета Министров республики от 19 мая 1981 г. были определены меры по оказанию помощи в развитии ЛПХ. В июне 1982 г. этот вопрос был специально рассмотрен на сессии Верховного Совета Чувашской АССР. Принимались меры по увеличению продажи населению молодняка скота и птицы, комбикормов, сена, соломы и корнеплодов. Была усилена разъяснительная работа среди населения. В результате в 1984 г. по сравнению с 1980 г. производство мяса здесь увеличилось на 4 %, молока на 27 %⁷.

ЛПХ ЧАССР в 1984 г. произвели 20 тыс. т мяса (в убойном весе), 203,6 тыс. т молока, 87,2 млн шт. яиц, 711 т шерсти. Если сравнить производство животноводческой продукции хозяйствами населения в 1984 г. с 1982 г., то производство мяса (в убойном весе) увеличилось на 4,4 тыс. т (2,8 %), молока на 31,7 тыс. т (18,4), яиц на 5 млн шт. (6), шерсти на 206 т (19,3 %). В 1984 г. население продало государству 1999 т мяса и 1 575 т молока, что составляет соответственно 1,9% и 0,5% в общем объеме закупок мяса и молока по всем категориям хозяйств. Кроме того продано по договорам колхозам и совхозам скота и птицы 21,8 тыс. т, молока — 25,6 тыс. т⁸. К середине 1980-х гг.

в ЛПХ увеличилось поголовье скота. Так, к 1985 г. в личных хозяйствах содержалось 143,3 тыс. гол. КРС (в т. ч. 100,8 тыс. коров); свиней — 61,2 тыс., овец и коз — 315,5 тыс. гол. По сравнению с началом 1981 г. количество КРС увеличилось на 3,3 тыс. гол. (2,3 %), свиней на 0,8 (1,1), овец и коз на 18,7 тыс. гол. (6,3 %).

За этот же период в Татарской АССР в общем объеме производства мяса на долю ЛПХ приходилось 30 %, молока — 24, яиц — 37, картофеля — 60, овощей — 21 %⁹. Высокая доля животноводческой продукции ЛПХ в общем объеме производства достигалась в значительной мере благодаря общественному хозяйству, которое не только обеспечивало ЛПХ значительной частью кормов, но и помогало в обработке приусадебных участков и реализации продукции, продавало для выращивания (по относительно низким ценам) молодняк скота и птицы. Так, только в первом полугодии 1983 г. колхозы и совхозы Марийской АССР продали населению для развития подсобного сектора около 72 тыс. поросят, более 1 тыс. телок, около 2,9 млн гол. молодняка птицы, свыше 600 овец и 80 коров¹⁰. В 1984 г. колхозы и совхозы Чувашской АССР продали населению 3 289 гол. КРС, 136,4 тыс. гол. свиней. С каждым годом инкубаторные станции республики увеличивали реализацию населению молодняка птицы: в 1984 г. продано 2 318 тыс. гол., в т. ч. водоплавающей 551 тыс. гол., что почти на 23 % больше, чем всей реализованной в 1982 г. птицы, в т. ч. водоплавающей, на 31 %. В то же время спрос населения на молодняк водоплавающей птицы полностью не удовлетворялся¹¹.

ЛПХ имело многосторонние связи с общественным производством и зависело от него. Так, скот населения обеспечивался кормами, полученными не только с приусадебных, но и с земельных участков общественного сектора. Население использовало колхозные сенокосные и пастбищные угодья для выпаса личного скота. Работники получали по распределению из общественного хозяйства зерно, сено, солому, корнеплоды. Колхозникам, рабочим, служащим, пенсионерам и другим гражданам, содержащим в ЛПХ КРС, овец и коз, предоставлялись участки сенокосов и пастбищ. Колхозы и совхозы выделяли гражданам, заключившим договоры на производство продукции животноводства, дополнительные земельные участки для выращивания кормовых культур за счет приусадебного фонда, а при необходимости и за счет земель, временно не используемых хозяйствами. В Параньгинском районе Марийской АССР, например, неуклонно росло поголовье коров, свиней, овец, коз и птицы, находившихся в личном владении. Для их содержания жителям было

выделено почти 5 тыс. га сенокосов и пастбищ. Была организована встречная торговля товарами повышенного спроса и комбикормами¹². В начале 1980-х гг. каждая семья, проживающая на селе, могла иметь приусадебный участок, содержать скот и птицу. Принимались меры по увеличению помощи ЛПХ и садово-огородным кооперативам со стороны государства, местных Советов, колхозов и совхозов, потребкооперации. Помощь общественного хозяйства личному выражалась в проведении на приусадебных участках машинно-тракторных работ техникой колхозов и совхозов, а также в обеспечении их высокопродуктивными семенами, минеральными удобрениями, породистым молодняком, зооветеринарным обслуживанием, в реализации продукции и в оказании других видов услуг.

Опыт автономных республик Среднего Поволжья показывает, что ЛПХ могли успешно развиваться в рассматриваемый период на основе интеграции с общественным производством. На договорных началах они брали на свое подворье молодняк скота колхозов и совхозов, выращивали и откармливали, затем продавали колхозам по государственным закупочным ценам. Количество скота, откармливаемого по договорам, могло превышать нормативное поголовье, установленное для содержания в личной собственности семей. Так, в колхозе имени Мичурина Оршанского района Марийской АССР заключались договоры-контракты на откорм скота. С каждым, кто пожелал на собственном подворье вести откорм своего или взятого с фермы теленка для колхоза, заключался договор. В нем указывались сроки откорма, сдаточная масса скота, закупочные цены, количество выделяемого для продажи скота, фуража, грубых кормов. В одном из пунктов договора было указано, что КРС продается колхозу массой не ниже 300, а в большинстве договоров — не ниже 350 кг. Колхоз, в свою очередь, помогал в обработке приусадебных участков колхозников, выделял технику, семена отдельных культур. Все это позволяло сельчанам расширять откорм скота для колхоза в своих ЛПХ.

Договорная система откорма скота для колхоза на крестьянском подворье находила широкую поддержку среди колхозников, рабочих и служащих организаций и учреждений, расположенных на территории сельского Совета. Колхозники были материально заинтересованы в выращивании скота, так как уход за телкой или бычком давал осенью добавку к семейному бюджету в сумме 700—800 руб. В семье Пидыбаевых из колхоза «Родина», например, было откормлено 5 бычков, среднесуточный прирост каждого составил 866 г. По 875 г прироста в сутки получила от 4 бычков семья Яншитовых из этого же кол-

хоза. В семье Бабиных из колхоза «Искра» было откормлено и сдано 8 свиней общей массой 960 кг. За исключением стоимости израсходованных кормов семье выплачено 1749 руб.¹³ Только в 1985 г. доходы от ЛПХ колхозника составляли в республике 25,1 %¹⁴.

Правительство уделяло большое внимание развитию и совершенствованию личного сектора. Для развития ЛПХ (особенно животноводческих) Государственный банк СССР предоставлял колхозникам долгосрочные кредиты на приобретение скота (на коров — 1000 руб., телок — до 500 руб., сроком на 5 лет). Так, в 1981 г. Марийская республиканская контора Госбанка выдала долгосрочные кредиты на приобретение скота в сумме 17,9 тыс. руб., 1982 — 19,2, 1983 — 32, 1984 — 34, в 1985 — 38 тыс. руб.¹⁵

Ведение ЛПХ имело большое воспитательное значение: способствовало приобщению к крестьянскому труду. Дети получали трудовые навыки по уходу за скотом и птицей, выращиванию овощей, ягод; с малых лет у них вырабатывалось уважение и любовь к людям труда, и многие из них по окончании учебы в школе оставались работать на селе. ЛПХ не только улучшало материальное положение колхозного крестьянства, но и закрепляло кадры на селе, воспитывало чувство привязанности к своей деревне, своему колхозу или совхозу.

Примечания

¹ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1987. Т.10. С. 426—429.

² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 6. С. 111—112.

³ См.: Народное хозяйство СССР в 1983 году. М., 1984. С. 258.

⁴ См.: СССР в цифрах в 1983 году. М., 1984. С. 118.

⁵ См.: Народное хозяйство СССР... С. 416.

⁶ См.: Деятельность КПСС по преобразованию сельского хозяйства Нечерноземья РСФСР. М., 1985. С. 153.

⁷ См.: **Батурич Н. К.** Проблемы реализации продовольственной программы в Чувашской АССР // Осуществление продовольственной программы и социальное развитие деревни Среднего Поволжья. Казань, 1987. С. 28.

⁸ См.: **Еремеев В. А.** Состояние и перспективы развития личного подсобного хозяйства в Чувашской АССР / В.А. Еремеев, М.Ф. Никишов // Вопросы истории сельского хозяйства Чувашской АССР. Чебоксары, 1988. С. 108.

⁹ См.: **Шаймиев М. Ш.** Осуществление продовольственной программы в Татарской АССР // Осуществление продовольственной программы... С. 10.

¹⁰ См.: Мар. правда. 1983. 11 авг.

¹¹ См.: **Еремеев В. А.** Указ. соч. С. 111.

¹² См.: Известия. 1983. 15 февр.

¹³ См.: Сельская жизнь. 1983. 3 июня.

¹⁴ См.: Социально-экономическое развитие марийского села. Йошкар-Ола, 1988. С. 87.

¹⁵ Там же. С. 157.

Поступила 15.04.2003 г.

УДК 338.43

Р. А. Давлетшин

КРАХ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ 1990-х гг.

После распада СССР в декабре 1991 г., инициированного Б. Н. Ельциным, в России установился «дикий, наглый, хмельной, корыстный расхристанный»¹ авторитарный режим. Страна оказалась во власти алчного, ничтожного по всем параметрам олигархического слоя, которому были чужды интересы народа. При Б. Н. Ельцине практическое осуществление аграрной реформы, начатой при М. С. Горбачеве, пошло по другому пути: решения второго съезда народных депутатов РСФСР (декабрь 1990 г.) были отвергнуты и взят иной курс. Долгое время истоки новой экономической реформы были не известны широкой общественности. Лишь к концу 1993 г. стало очевидно, что концепцию «радикальной» реформы разработали для нас и жестко контролировали ее осуществление известные в мире организации: Международный валютный фонд (МВФ), Мировой банк (МБ) и другие, которые, в свою очередь, выражали волю ведущих капиталистических держав.

Аналогичным образом формировалась и концепция аграрной реформы. В ноябре 1991 г. была создана группа экспертов МБ по ее разработке с участием российских специалистов (Я. Уринсон, В. Левин, В. Узун, А. Марголин, М. Фрейдин и др.). Реформаторы «ельцинского призыва» делали ставку на форсированные стратегии. «Борис Ельцин олицетворяет нетерпение людей, их стремление к быстрым радикальным переменам»², — писал в связи с этим известный индийский дипломат, бывший посол Индии в СССР Т. Н. Кауль. Результатом совместной деятельности стал доклад «Стратегия реформ в продовольственном и аграрном секторах экономики бывшего

© Р. А. Давлетшин, 2004

СССР». Он впервые был опубликован в России в 1993 г. сначала на английском, затем на русском языке. В докладе были провозглашены принципы, в корне отличавшиеся от решений второго съезда народных депутатов РСФСР, а именно: создание экономической и социальной системы, которая должна базироваться на частной собственности; ликвидация в короткие сроки колхозов и совхозов и замена их крестьянскими (фермерскими) хозяйствами (К(Ф)Х); отказ от системы государственных заказов, дотаций, льготных кредитов и других мер; предоставление полного нрава на владение, покупку, продажу и залог земли без каких-либо ограничений; полное прекращение субсидий производителям и потребителям сельскохозяйственной продукции³. Сущность этих мер, со ссылкой на совместные с МБ исследования, выразила Е. Серова, советник министра сельского хозяйства России. По ее мнению, крупные государственные предприятия и колхозы нежизнеспособны, господствующей формой хозяйствования на селе должны стать семейные фермы, а для того, чтобы освободиться от колхозов и совхозов, необходимо утвердить частную собственность на землю и разрешить ее продажу⁴.

В «Стратегии реформ...» речь шла о ликвидации сложившегося на селе социально-экономического строя и замене его другим, основанным на частной собственности. Все преобразования должны были свершиться в кратчайшие сроки путем форсирования реформ. Это невольно приводит к историческим параллелям: события конца 1991 — начала 1992 гг. напоминали насильственную и форсированную коллективизацию конца 1920-х — начала 1930-х гг., но с обратным знаком. Исходя из этой концепции, 27 декабря 1991 г. Президент Российской Федерации Б. Н. Ельцин подписал Указ «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР», в соответствии с которым предлагалось «колхозам, совхозам и другим предприятиям в двухмесячный срок... принять решение о переходе к частной, коллективной и другим формам собственности»⁵. Фактически Указ диктовал крестьянам провести дележ государственного и коллективного имущества, а также земли колхозов и совхозов, т. е. предписывал осуществить в сжатые сроки деколлективизацию. Через день Правительство России приняло постановление «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» (подписано почему-то тоже Б. Н. Ельциным), согласно которому коллективы этих предприятий до начала 1993 г. должны были принять решение о переходе к частной, коллективно-долевой или иной форме собственности. Все члены колхозов и работники совхозов, в т. ч. и ушедшие на пенсию, по-

лучали право на бесплатный земельный и имущественный пай в общей собственности⁶. Как видно, это была не плавная трансформация существующего уклада, как первоначально задумывалось, а резкая и непродуманная его ломка.

Указ Президента и постановление Правительства вызвали недоумение многих руководителей и специалистов сельского хозяйства. Один из них, директор совхоза «Гусевский» (Тверская область) В. М. Воробьев, проработавший в сельском хозяйстве более 35 лет, в письме к Ельцину подверг резкой критике принятые документы. Он замечал, что у правительства страны нет глубоко продуманной концепции радикальной экономической реформы в аграрном секторе, поэтому оно ищет решение продовольственной проблемы в быстром переводе колхозников и рабочих совхозов на фермерский путь хозяйствования, который в данном случае не годится, так как требует длительного времени. Автор письма подчеркивал, что колхозы и совхозы имеют собственную социальную опору в лице их нынешних обитателей, которых страшит будущее без колхозов и совхозов, и предупреждал, что нельзя недооценивать силу сопротивления фермерскому движению со стороны колхозов и совхозов. В то же время Воробьев признавал, что колхозы и совхозы не имеют исторической перспективы, и будущее принадлежит фермерским хозяйствам⁷.

С 1992 г. был взят курс на форсированное проведение реформы. Достаточно отметить, что в 1992 — 1994 гг. по вопросам продажи, установления норм бесплатной передачи земельных участков в собственность, реформирования сельскохозяйственных предприятий, наделения их работников земельными долями и другим принято около 150 законодательных и нормативных документов⁸. Так на деле действующее земельное законодательство было полностью подменено подзаконными актами, которые нередко входили в противоречие с основополагающими законами. Кризис земельного законодательства, стал особенно ощутим с принятием Указа Президента Российской Федерации от 24 декабря 1993 г. «О приведении земельного законодательства Российской Федерации в соответствие с Конституцией Российской Федерации». Указ признал недействующими большинство статей земельного кодекса РСФСР, закон «О земельной реформе», отдельные статьи закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» и целый ряд других законодательных и нормативных актов⁹. С отменой исходных положений Земельного кодекса земельная реформа, по существу, лишилась правовой основы. Поспешная реорганизация (по сути — разрушение) колхозов и совхозов открыла возмож-

ности для разбазаривания накопленного производственного потенциала (техника, скот, финансовые ресурсы). В известной мере повторилась ситуация, аналогичная бесхозяйственной растрате достояния крестьянского двора при массовой коллективизации.

В 1992 – 1995 гг. был проведен эксперимент в Нижегородской области. Группа зарубежных и российских экспертов разработала так называемую нижегородскую модель по приватизации земли и реорганизации сельскохозяйственных предприятий. На проведение эксперимента Правительство России выделило области 222 млрд руб., или по 18,2 тыс. руб. на каждый гектар пашни. 256 колхозов и совхозов области были реорганизованы в 900 мелких хозяйств, 68 % из них составили фермерские хозяйства¹⁰.

Эксперимент не дал положительных результатов. Несмотря на стимулирование фермерских хозяйств, их число не росло, удельный вес фермеров в производстве продукции был незначительным. Так, в 1997 г. в производстве мяса он составил лишь 0,8 %, молока – 0,6 %. В то же время площади зерновых за годы реформ уменьшились на 124 тыс. га, поголовье коров сократилось с 407 тыс. в 1994 г. до 332 тыс. гол. в 1997 г., овец и коз – с 245 тыс. до 166 тыс. гол., производство зерна – на 681,4 тыс. т, мяса – на 96,1, молока – на 348,4 тыс. т.¹¹ Не дожидаясь результатов эксперимента, Правительство Российской Федерации в 1994 г. приняло два постановления: «О практике преобразований в Нижегородской области» и «О реформировании сельскохозяйственных предприятий с учетом практики Нижегородской области». В этих документах без достаточных оснований восхвалялась фермерская организация труда.

В процесс разрушения отечественного сельского хозяйства включились представители крупнейших зарубежных фирм, занимавшиеся бизнесом на продовольственном рынке. Их стратегическая цель заключалась в том, чтобы проникнуть на емкий российский рынок и прочно закрепиться на нем. Непродуманная аграрная реформа вылилась в национальную трагедию. Сельское хозяйство страны понесло огромные потери. В 1998 г. по сравнению с 1990 г. валовые сборы зерна уменьшились в 2,5 раза, сахарной свеклы в 3, производство мяса – более чем в 2, молока – в 1,7, яиц – в 1,5 раза, а выпуск всей сельскохозяйственной продукции в сопоставимых ценах сократился более чем на 44 %. За это время из оборота вышло около 30 млн га сельскохозяйственных угодий. Поголовье коров сократилось почти наполовину, свиней – на 60, овец – на 73 %¹². В 2000 г. по сравнению с 1990 г. парк основных видов сельскохозяй-

ственных машин сократился на 45–50 %, а износ техники достиг 75 %, инвестиции в агропромышленный комплекс уменьшились примерно в 20 раз.

Попытки быстрого перехода на фермерский путь развития окончились провалом. В 2000 г. фермерские хозяйства России произвели лишь 8,3 % зерна от общего его сбора, 4,9 % сахарной свеклы¹³. На выездном заседании президиума Государственного совета в Оренбурге (октябрь 2001 г.) руководство Министерства сельского хозяйства России признало ошибочность аграрной политики, проводимой в 1990-е годы (ставка на всеобщую фермеризацию, которая осуществлялась в форме политической кампании; уничтожение крупнотоварного производства; разгосударствление земли по формальному признаку; открытие продовольственного рынка страны для импортных товаров, чем успешно воспользовались западные страны, выбрасывая на наш рынок некачественное продовольствие). Об этом сообщил министр сельского хозяйства Российской Федерации А. В. Гордеев на торжественном собрании, посвященном Дню работников сельского хозяйства Башкортостана 2 ноября 2001 г.¹⁴

Выходит, что так называемая реформа, кроме разрушения крупного товарного сельского хозяйства, резкого снижения жизненного уровня сельского населения, деградации социальной сферы деревни и, в конечном счете, разрушения продовольственного рынка, утраты продовольственной независимости страны, ничего народу не дала. Видя явную ошибочность мероприятий российского правительства в сфере аграрных отношений и пользуясь относительной самостоятельностью, субъекты Российской Федерации приступили к формированию собственного земельного законодательства. На сессии Верховного Совета Башкирской АССР (март 1991 г.), разгорелись споры при обсуждении законопроектов «О земельной реформе в Башкирской АССР», «О крестьянском (фермерском) хозяйстве в Башкирской АССР» и проекта Земельного кодекса. Председатель комиссии Верховного Совета по аграрным вопросам и продовольствию Ф. Ш. Шарифуллин высказался за передачу земли в пожизненное наследуемое владение тем, кто ее обрабатывает, и решительно отверг частную собственность на земельные участки, их куплю-продажу. Противоположную точку зрения отстаивал депутат, директор совхоза «Улу-Телякский», Х. С. Идиятуллин. От имени членов ассоциации крестьянских хозяйств, фермеров и арендаторов он заявил, что частная собственность на землю не только возможна, но и необходима: «Трудно вообразить, чтобы человек вложил в землю свои средства, не владея этой землей, а без вложений нет высокой отда-

чи»¹⁵. На конференции фермеров, членов кооперативов и арендаторов он выступил за роспуск колхозов и совхозов¹⁶. 22 марта 1991 г. после бурных дискуссий эти законы были приняты. В законе «О земельной реформе в Башкирской ССР» сказано, что частная собственность на землю не допускается. Закон определил следующие юридические основы использования земли: владение, пользование и аренда. Устанавливались пожизненное наследуемое владение и пользование землей (для граждан), постоянное владение и пользование (для колхозов, совхозов, предприятий, учреждений и организаций) и аренда земли (для граждан и предприятий). Арендодателями признаны местные Советы народных депутатов, а не колхозы и совхозы, как это было раньше. Устанавливалась плата за землю в форме земельного налога и арендной платы¹⁷.

В последующем земельное законодательство республики претерпело существенные изменения. В декабре 1995 г. Президент Башкортостана подписал указ «О передаче гражданам в собственность земельных участков для ведения личного подсобного хозяйства, садоводства, строительства и обслуживания индивидуального жилого дома, личного и гаражного строительства»¹⁸. В основу указа был положен принцип: земля находится в собственности тех лиц, которые непосредственно ее обрабатывают. В Башкортостане не стали волевым методом расформировывать коллективные хозяйства. Большинство колхозов и совхозов до середины 1990-х гг. сохраняло свой статус, часть из них была преобразована в ассоциации крестьянских хозяйств. Реорганизация колхозов и совхозов с определением долей земель и имущества была проведена лишь в 1996–1998 гг. К началу 2001 г. насчитывалось 228 колхозов и совхозов, 807 товариществ, акционерных обществ, СХПК и других форм хозяйствования¹⁹. Формально все работники стали владельцами земельных участков и средств производства. Однако их отношение к труду во многом ухудшилось, снизилась его производительность. Таким образом, основополагающее положение реформы не сработало, надежды реформаторов на появление настоящих хозяев земли не оправдались. Значительные земельные массивы были выделены фермерам, населению для расширения личных хозяйств, под коллективное садоводство и огородничество. К концу 1998 г. в республике имелось 4 646 К(Ф)Х. Средний земельный участок фермеров составлял 26 га²⁰. К 2001 г. их насчитывалось 3 826 с общей площадью земли 151 тыс. га. В среднем на одно хозяйство приходилось 89,6 га земли. Доля фермерских хозяйств в производстве продуктов земледелия остается незначительной: в 2000 г. они произвели

лишь 2,4 % общего объема зерна, 3,2 подсолнечника и 2,2 % сахарной свеклы²¹. Основные идеи аграрной реформы (реорганизация колхозов и совхозов, фермеризация, свободная купля-продажа земли и т.д.) не восприняты сельским населением, большинством руководителей и специалистов сельского хозяйства Башкортостана. Свыше 70% колхозников желают работать лишь в колхозах. Основной мотивацией такого выбора является наличие определенных гарантий и социальных услуг в колхозе, отсутствие экономического риска и персональной ответственности за результаты своего труда²².

Нельзя сказать, что политические лидеры России начала 1990-х годов не учитывали уроки истории, но они, как и предшествовавшие руководители государства, не сумели выработать реалистической аграрной программы. Тоталитарная жесткость в аграрной сфере была заменена на авантюристическое прожектерство и ультрареволюционные скачки, вследствие чего, вместо бессмысленных денежных вливаний в сельское хозяйство по принципу «всем сестрам по серьгам», было решено вообще отказаться от его государственной поддержки. Доля сельского хозяйства в общих расходах федерального бюджета неуклонно снижалась: если в 1991 г. она составляла 19,8 %, то в 1995 г. — 3,8, в 2000 г. — 0,9 %²³. Голое отрицание, стремление поскорее отбросить все, что было в эпоху тоталитаризма, обернулись крахом отечественного сельскохозяйственного производства и привели к резкому снижению потребления продуктов. Так, потребление мяса в среднем на душу населения сократилось на 40 %, молока и молочных продуктов на 35 %. Если в 1990 г. мы входили в первую десятку стран по уровню продовольственного обеспечения, то сегодня находимся на 67-м месте²⁴.

С 1992 г. впервые за послевоенный период на селе наблюдается естественная убыль населения. Причем темпы роста коэффициента естественной убыли на селе в 2 с лишним раза выше, чем в городе. Сокращается продолжительность жизни. Естественная убыль обусловлена как снижением рождаемости, так и повышенной смертностью сельского населения. На селе опережающими темпами (по сравнению с городом) растет безработица, ее уровень достиг 16 % против 10 % в городе. У 18,5 млн чел. (42 % всего сельского населения России) доходы не достигают прожиточного минимума, в 4 раза ниже, чем в промышленности, в 8 — финансовых органах и в 25 раз ниже, чем в нефтяных компаниях²⁵. Все это произошло потому, что власть существовала как самодовлеющая, стоящая над нацией и не подотчетная ей корпоративная структура. Вся технология управления при Ельцине сводилась к раздаче благ и периодиче-

ским аппаратным перестановкам, призванным продемонстрировать, кто в стране хозяин. Поэтому в 1998 г. лишь чуть более 4 % населения России считали, что складывавшийся общественный строй не следует менять, в то время как трое из четырех опрошенных высказались в пользу такого изменения²⁶.

Примечания

- ¹ Шахназаров Г. Х. О России с тревогой // Свободная мысль. 2001. ц 1. С. 101.
- ² Кауль Т. Н. От Сталина до Горбачева и далее. М., 1991, С. 6.
- ³ См.: Достижения науки и техники АПК. 1997. ц 3. С. 10–12.
- ⁴ См.: Известия. 1993. 7 окт.
- ⁵ Аграрная реформа в России: Документы и материалы. М. 1992. С. 23–27.
- ⁶ Там же. С. 36–40.
- ⁷ См.: Воробьев В. М. Письмо Президенту // Знамя. 1992. ц 10. С. 191–197.
- ⁸ См.: Достижения науки и техники АПК. 1998. ц 2. С. 9.
- ⁹ См.: Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. ц 52. Ст. 5085.
- ¹⁰ См.: Нурiev З. Н. От аула до Кремля. Воспоминания и размышления. Уфа, 2000. С. 315.
- ¹¹ Там же.
- ¹² См.: Достижения науки и техники АПК. 1999. ц 8. С. 40.
- ¹³ См.: Экономика сельского хозяйства России. 2001. ц 3. С. 3, 16.
- ¹⁴ См.: Республика Башкортостан. 2001. 3 нояб.
- ¹⁵ См.: Сов. Башкирия. 1991. 22 марта.
- ¹⁶ Там же. 2 апр.
- ¹⁷ См.: Земельный кодекс Башкирской ССР. Уфа, 1991. С. 72–75.
- ¹⁸ См.: Сов. Башкирия. 1995. 8 дек.
- ¹⁹ См.: Республика Башкортостан. 13 февр.
- ²⁰ См.: Экономика Республики Башкортостан в 1993 году. Уфа, 1994. С. 106.
- ²¹ См.: Республика Башкортостан; Экономика и управление. 2000. ц 1. С. 85; Российская бизнес-газета. 2001. 7 авг.
- ²² См.: Экономика и управление. 1999. ц 5. С. 17.
- ²³ См.: Коробейников М. Где взять деньги для села // Российская Федерация сегодня. 2001. ц 12. С. 41.
- ²⁴ См.: Республика Башкортостан. 3 нояб.
- ²⁵ См.: Гордеев А. Аграрный сектор оживает // Экономика сельского хозяйства России. 2001. ц 11. С. 6, 13.
- ²⁶ См.: Андреев А. Россия — 2000: трансформация в режиме неустойчивости // Москва. 2001. ц 1. С. 23.

Поступила 10.04.2003 г.

УДК 63–051(470.51)

*Г. А. Никитина***СОВРЕМЕННАЯ УДМУРТСКАЯ ДЕРЕВНЯ:
ТРУДНОЕ ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН**

Сложившаяся в последние годы в аграрном секторе страны ситуация обнажила слабые места сельского социума и методов хозяйствования на земле. В то же время выявились и устойчивые стороны деревенских реалий. Нельзя не заметить, что крестьянство приспосабливается под себя окружающую действительность, само приспосабливается к меняющимся условиям, мимикрирует, в чем-то обнажая, а в чем-то глубоко пряча свои проблемы. Все последствия директивных решений сверху, наверное, еще не скоро удастся увидеть, но тем не менее уже прослеживаются определенные явления, свидетельствующие об адаптации сельского социума к процессам трансформации социальной системы и дающие повод для предварительных обобщений. В данной статье сделана попытка анализа современной ситуации в аграрном секторе Удмуртии на основе данных периодической печати 2002 г. и бесед с тружениками села.

Первое и безусловное впечатление от знакомства с публикациями республиканских газет и журналов таково: современное удмуртское село нелегко адаптируется к динамике событий. Сознание удмуртских земледельцев с трудом осваивает перспективу автономной, оторванной от коллектива жизнедеятельности. «Мы приучены жить в коллективе, нас не перевоспитаешь. Поодиночке нам не выжить», — типичный ответ сельского жителя на вопросы репортеров о приоритетных ценностях в их жизни.

По-видимому, именно традиционное коллективистское сознание предопределило выбор удмуртских земледельцев: в альтернативной ситуации они предпочли остаться в коллективных объединениях, организовав на базе бывших колхозов и совхозов СПК, ЗАО, ООО и т. п. Сегодня в Удмуртии насчитывается 448 коллективных сельскохозяйственных предприятий (государственных, кооперативных, акционерных). У каждого из них свои, местные, проблемы, но есть и такие, которые затрагивают абсолютно всех аграриев — от рядового колхозника до руководителя территориального ведомства, от коллективных объединений до фермеров. Речь идет о проблемах ценообразования, финансовом оздоровлении предприятий сельскохозяйственной отрасли, введении единого сельскохозяй-

ственного налога, кадровом обеспечении, обновлении технического парка, повышении плодородия земель, сохранении инфраструктуры села, оптимизации демографических процессов.

Практически все коллективные сельскохозяйственные объединения республики находятся в бесправном, униженном положении. И потому не случайны возмущенные высказывания сельских тружеников по поводу того, что закупочные цены только в 2002 г. на молоко снизились на 25–30 %, на мясо — на 10–35 %. За 1 кг зерна раньше давали 3 руб., нынче — 50–80 коп. По сравнению с мировыми ценами это в 5 раз дешевле. В магазинах 1 кг молока стоит 8 руб. 50 коп., тогда как переработчики принимают его у селян по 2 руб. 80 коп. С буханки хлеба по 6 руб. колхозникам остается только 40 коп. Молодежь уходит из села, специалистов не хватает; в некоторых объединениях даже трактористы — дефицит. Трудно представить, как могут выжить крестьяне, если с апреля 2003 г. закупочные цены на молоко и зерно снизились в 1,5–2 раза при одновременном росте цен на ГСМ, электроэнергию, технику, запчасти, удобрения. Парадоксальная ситуация: люди, призванные кормить страну, оказались в самом бедственном положении. Однако, если они опустят руки, отвернутся от земли, государство постигнет общенациональная катастрофа. Видимо, осознание важности своей роли, боль за землю, неумение жить в праздности толкают селян ежегодно начинать новую страду в бесконечной надежде на то, что государство обратит на них внимание.

В начале 1990-х гг. надежды на улучшение дел в сельском хозяйстве связывались с фермерским движением, но действительность показала, что ожидания были преувеличены. Как выразился один из руководителей СПК, все уповали на фермеров, которые будут кормить страну; больше 10 лет прошло, а где они, фермеры?.. Фермеры, конечно, есть. Но, например, в Удмуртской Республике в их руках сосредоточено всего 64 тыс. га земли. Статистика неопровержимо свидетельствует, что число фермерских хозяйств пока не увеличивается, а сокращается. На 1 января 1996 г. их насчитывалось 3 604, в 2001 г. — 3 356, на начало августа 2002 г. — 3 341.

Что мешает сегодня фермерству стать равноценным укладом в сельскохозяйственной отрасли республики? В первую очередь, все те же проблемы, с которыми сталкивается коллективный сектор. Кроме того, процесс фермерского движения изначально разворачивался в стихийных формах, без каких-либо серьезных прогнозов его будущего, без учета трудовых и финансовых ресурсов. В результате до сих пор появляются малоземельные фермерские хозяйства, не способные вести пол-

нокровное товарное производство. Отсутствие у фермеров собственной материально-технической базы сопряжено с проблемами механизации труда. Они с осторожностью берут кредиты, предпочитая обходиться собственными средствами или приобретать поддержанную технику. По словам глав многих фермерских хозяйств, на первых порах им приходилось приобретать технику, изношенность которой доходила до 90 %. Как правило, земля под фермерские хозяйства выделялась не лучшего качества: руководители коллективных хозяйств предпочитали освободиться от неудобий, истощенных и дальних полей. При этом фермеры особо не протестовали. Редко кто из них не переживал сложный период психологического дискомфорта, связанного с негативным отношением к ним односельчан, руководителей коллективных хозяйств и администрации района. Можно с уверенностью сказать, что к фермерам первой волны отношение со стороны руководства, начиная с районного и заканчивая местным, было отрицательным, и до сих пор среди населения явно или неявно культивируется недоброжелательное отношение к ним. Особенно ревниво, если не враждебно, воспринимаются заявления опытных механизаторов и специалистов, желающих основать самостоятельное хозяйство. Справедливости ради нужно отметить, что на низовом уровне настроение постепенно меняется к лучшему. Медленно, но неуклонно складывается горизонталь взаимосцепления, основанная на общности земледельческого труда, пересекающихся интересах. Успехи фермеров стимулируют коллективные хозяйства к поискам рынков сбыта, производству продукции, пользующейся спросом. Скрытое или явное соперничество заставляет обе стороны быть динамичнее и предприимчивее. Уже сегодня ряд руководителей ищет пути сотрудничества с фермерами, оказывает им помощь техникой, предоставляет в эксплуатацию пилорамы, столярные цеха, мастерские по ремонту техники и т. д. Со стороны фермеров появились случаи спонсорства (например, спортивных мероприятий на селе). В целом общественное сознание селян, по всей вероятности, вынуждено мириться с присутствием по соседству земледельцев, ведущих товарное хозяйство. Но продолжают оставаться в душах большинства неприязнь и даже зависть к тем, кто рискнул стать «хозяином» и более того — преуспевает в этом.

Преуспевающих фермеров в республике пока немного. Их хозяйства не «делают погоды» в сельском хозяйстве, хотя отдельные результаты деятельности привлекают внимание. Например, фермер из Можгинского района М. П. Николаев, накопив в течение 5 лет опыт хозяйствования в статусе К(Ф)Х,

в 2002 г. выкупил коллективное хозяйство «Новая Бия», находящееся на грани банкротства. По словам фермера, на этот рискованный шаг его толкнуло огромное желание вовлечь земляков с их паями к совместной работе, воспитать в них чувство хозяина. Новый хозяин ликвидировал задолженность по зарплате, оставшуюся от прежнего руководства, обеспечил регулярную ее выдачу (в настоящее время она составляет в среднем 1 500 руб. в месяц). «Я не председатель прежнего образца, зря деньги не расходую, — говорит Михаил Петрович. — Хочется вот мельницу купить. Необходимая вещь, но там много рабочих рук не займешь, к тому же зимой она будет простаивать. Подумываю также о консервном заводе. Посмотрим, на чем остановиться. Прибыли от зерна мало, на будущий год, возможно, придется сократить посевы в 2–3 раза. Думаю больше внимания уделять овощам. У меня образование не сельскохозяйственное, но поработал год и понял, почему колхозы «салятся». Их беды в том, что они придерживаются нерентабельных направлений хозяйствования. Работу надо по-другому строить. Капуста, например, по сравнению с молоком куда прибыльнее. Сколько приходится возиться с коровами, а усилия не оправдывают себя. Сегодня картошку вырастили на 50 га, надо довести до 100 га. Правда, для успеха в картофелеводстве надо найти хорошие сорта. Держим 180 голов коров. Наверное, этой цифры и будем придерживаться. Очень не нравится требование наших руководителей сохранять поголовье коров. Неправильная, на мой взгляд, политика. Если я могу приобрести племенных коров, сократить поголовье обычных и увеличить надои молока, то что же? Все равно нельзя сокращать? Если бы в Программе развития республики было заложено повышение закупочной цены на молоко, сегодня же в каждом хозяйстве завели бы племенных коров. Вот каким образом надо поднимать настроение сельских производителей».

Здоровая конкуренция заставляет фермеров расширять сферу деятельности, искать рынки сбыта. Так, руководитель хозяйства «Николаев и К^о» в поисках рынка сбыта своей продукции ездил в Москву; глава хозяйства «Гордошур» заложил пруд и закупил на 25 тыс. руб. мальков ценных пород рыб (форель, белуга и др.); ряд фермеров «присматривается» к садоводству, и т. д. Жизнь первопроходцев наполнена ежедневной борьбой за выживание. В ней побеждают только сильные, из них и складывается в республике немногочисленный костяк фермеров-долгожителей. Что касается перспектив, позволю высказать сомнение в том, что фермерский уклад станет ведущим в сельском хозяйстве Удмуртии. На мой взгляд, в ближайшем будущем он так и оста-

нется интригующим экзотическим явлением. Мотивация социально-экономического поведения большинства селян очень слабо вбирает в себя категории рыночного хозяйства. Гораздо глубже укоренены старые ценностные стереотипы. Неоднократные беседы с селянами наводят на мысль, что они предпочли бы скромный, но гарантированный доход, нежели возможность получать высокую прибыль, связанную с экономическим риском. Большинство вчерашних колхозников, привыкших работать в коллективных хозяйствах, не неся при этом личной ответственности за результаты труда, предпочитает оставаться в привычном пространстве коллективного хозяйства, сочетая необременительную работу в нем с жесточайшей самоэксплуатацией в приусадебном хозяйстве.

Традиции самоотверженного семейного труда в личных подворьях у нас давние. Не случайно эффективность приусадебных наделов часто выше, чем в крепких коллективных хозяйствах. Научившись делать все или почти все без помощи государства, селяне демонстрируют поразительную жизнестойкость и работоспособность, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что население республики почти на 90 % обеспечивает себя овощами и картофелем. В последние годы в индивидуальных хозяйствах значительно возрос удельный вес животноводства, за счет реализации продуктов которого, кстати, преобладающая часть сельской молодежи получает возможность продолжить свое образование.

Каждая отдельно взятая семья борется за свое жизнеобеспечение своими силами, выживает в одиночку. Подобная ситуация отчуждает дворы друг от друга, замыкает их в рамках семейных коллективов, ослабляя традиционную деревенскую открытость и солидарность. Тенденция приобретает все более зримые очертания, но преувеличивать ее, по-видимому, не стоит. По крайней мере, в деревнях еще не увидишь ни нищих, ни бомжей. Люди как-то организовали себе стол и кров. Конечно, не без помощи односельчан и коллективных хозяйств. Последние тоже ищут пути выживания, в том числе стимулируя развитие индивидуального сектора, помогая крестьянским дворам техникой для обработки огородов, зерном, сеном для откорма животных. Конечно, официальные каналы местного вспомоществования сузились, что привело к расширению получения социальных благ криминальным или полукриминальным способом. Местное руководство вынуждено «закрывать глаза» на откровенное изъятие кормов, топлива и др. — всего, что может быть использовано в личном подсобном хозяйстве, так как прекрасно осознает степень своей зависимости от индивидуального сектора.

Во многих газетных публикациях сквозит откровенная тревога по поводу пьянства и воровства в деревне. В поисках ответа на вопрос, почему пьет и ворует деревня, авторы «сельских» публикаций сами озадачены: может быть, от обиды на городских жителей, которые, с точки зрения селян, живут чисто, красиво, легко, потребляют продукцию земледельцев, но относятся к ним свысока и пренебрежительно; на переработчиков, имеющих значительно больший доход, чем сельский производитель; или от глубоко въевшегося убеждения, что общественное — значит ничье; от утерянной психологии собственника? На каждый из вопросов можно дать утвердительный ответ. Подобным образом, думается, селяне выражают свой протест против государственной аграрной политики, отвергающей деревню в пучину безысходности и безнадежности. Село сигнализирует о своих социальных, экономических, психологических, нравственно-этических бедах, которые подтачивают его уже не один десяток лет. Деревня не краля и практически была трезвой, пожалуй, только в традиционные времена, а в новейшее период истории двоедушие, оборотничество, амбивалентность поведения сельского социума стали почти нормой поведения как реакция на столь же неадекватную по отношению к нему политику сначала советской, а теперь постсоветской власти.

Реалии современной действительности вызвали рост напряжения в селе не только по отношению к внешнему миру, но и к своему внутреннему пространству. Сельский социум теперь разделен на фермеров, частных, кооперированных и ассоциированных земледельцев, колхозников. Понятно, что это результат усилий по внедрению в сельскохозяйственное производство различных форм организационно-хозяйственной деятельности, т. е. многоукладности. Но так как процесс проходил по негласному принципу «выживайте, как хотите», выживание в одиночку уже само по себе разъединяло сельский мир. К тому же появились зависть и недоброе отношение друг к другу, основанные на поляризации доходов: колхозники против фермеров, слабые дворы — против разбогатевших, фермеры против руководителей хозяйств. Так исподволь подтачивается главная составляющая деревенского организма — взаимопомощь и солидарность, т. е. то, что всегда делало деревню деревней. В то же время переживаемый период имеет положительную сторону — в сознании и фермеров, и глав крестьянских дворов, и даже коллективизированных крестьян пробуждается чувство хозяина и преодолевается отчужденность от собственности.

Сегодня во взаимоотношениях селян, как этических, так и экономических, нет жестко контролируемых параметров; критерием допустимых «вольностей» по отношению друг к другу остается лишь мера нравственности, которая, видимо, тоже переживает критический период. Колхозы и совхозы, акционерные общества и фермерские хозяйства, индивидуальные крестьянские дворы сами производят продукцию, сами хранят ее у себя на базах, сами продают (государственного заказа нет), меньше уповают на власть, блат и административный ресурс, больше — на горизонталь межличностных, экономических, социальных связей, на предприимчивость, дальновидность и в какой-то мере риск. Идеи рынка влияют на социальный климат, корректируют черты образа жизни и мысли. Чем все это завершится, покажет будущее. Социальный оптимизм пока в дефиците, но остается надежда, что земледельцы рано или поздно выработают более приемлемый для них самих вариант обустройства своей жизни и деятельности.

Поступила 14.04.2003 г.

УДК 352.075

Н. Н. Новикова

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

У каждой эпохи свой взгляд на то, каким должно быть управление, и как управленчество должно соотноситься с другими, наиболее важными и доминирующими формами деятельности. Стратегия появляется на стыке управленческой и иной задачи. В военном деле это управление боем и долгосрочные цели ведения той или иной кампании. Стратегия развития государства лежит на стыке публичной политики и управления. В целом же стратегия — это ответ на вопрос, кто, каким образом, когда и как будет проводить согласование интересов различных групп по мере изменения социально-экономической и политической ситуации.

В наш век глобализации любое муниципальное образование сверяет свое развитие с общемировым процессом движения вверх по спирали, иначе рискует навсегда остаться в числе

© Н. Н. Новикова, 2004

последних. Гуру управления Питер Друкер заметил, что в 20 веке наблюдался устойчивый рост в следующих позициях: правительственные расходы, здравоохранение, образование и досуг¹. Все эти статьи не подчиняются правилам свободного рынка и экономическим законам спроса и предложения, не отличаются высокой ценовой чувствительностью, не подходят под стандартные экономические модели, их состояние не зависит от экономических теорий. Но они составляют более половины экономики развитых стран. Это те реалии, без учета которых невозможно построить выверенную стратегию развития любого населенного пункта или региона на ближайшие 10 – 15 лет.

Стратегическое планирование социально-экономического развития города и региона — это систематический процесс, с помощью которого местные сообщества создают картину своего будущего и определяют этапы его достижения, исходя из местных ресурсов. В муниципальных образованиях стратегия экономического развития разрабатывается, планируется и организуется совместными усилиями органов местной власти, представителей частного бизнеса и государственных предприятий, общественных организаций и органов территориально-общественного самоуправления, то есть полным набором социальных институтов. Поэтому такая работа может стать основой для построения реального гражданского общества на отдельно взятой территории.

Стратегический план — короткий документ, который концентрирует перспективы развития муниципального образования и в каждой сфере выявляет ключевые факторы. Он не отменяет и не подменяет другие виды планов, не является комплексным планом, а определяет развитие лишь в наиболее важных, приоритетных для города (села) направлениях. Цикл стратегического планирования экономического развития муниципального образования включает: определение целей развития; анализ внешней среды развития муниципального образования; определение его сильных и слабых сторон; использование имеющихся и создание новых местных преимуществ; разработка концепции развития; разработка плана конкретных действий и осуществление стратегии; анализ эффективности и результативности, корректировка целей и методов их достижения².

Ключевым фактором реализации любой стратегии являются люди. Ведущие инновационные фирмы достигают лидерства за счет создания у своих сотрудников мотивирующего видения — комплекса их представлений о том, какими будут их организация, муниципальное образование. Видение имеет мощное стимулирующее воздействие, оно ставит людей

перед выбором, помогает позитивному движению вперед. Видение — это образ будущего, в который вложены не только ум, интеллект, но и чувства людей. Создать его можно, побуждая людей не просто планировать будущее, а мечтать о нем. Научившись мечтать о будущем своей территории и обсуждая эти мечты, люди смогут сформировать общий, согласованный образ будущего. Главное при этом — концентрация на отличиях своей мечты от сегодняшней реальности, а не на изменениях, которые предстоит сделать.

Сегодня в большинстве муниципальных образований (городских и сельских) стратегия социально-экономического развития, т.е. видение того, каким будет муниципальное образование спустя 5, 10, 20 лет, отсутствует. Во многом это объясняется тем, что срок полномочий избранного мэра (руководителя администрации) ограничивается среднесрочным периодом (3—4 года), и никто не верит, что пришедший после него будет реализовывать его разработки. Кроме того, все зависит от межбюджетных отношений, поэтому считается бессмысленным планирование на более долгий период. Однако, если люди, проживающие на территории, знают цели, приоритеты развития, у них появляется больше уверенности в завтрашнем дне и желание достигнуть намеченных результатов. Если мэр города и его команда сегодня думают о том, в каком городе завтра будут жить их дети и внуки, и общество согласно с их видением будущего, стратегия развития появится обязательно, и это муниципальное образование достигнет намеченных целей и опередит соседей-конкурентов. Примером стратегического подхода в государственном управлении может служить деятельность Жана Батиста Кольбера — министра двора Людовика XIV. По его указанию во Франции в конце 17 в. на значительных площадях были высажены дубы с единственной целью, чтобы к середине 19 в. Франция стала обладательницей лучшего в Европе мачтового леса для кораблестроения. Кольбер был заинтересован в создании конкурентных преимуществ для своей страны, и его пример достоин подражания.

Примечания

¹ См.: Друкер П. Задачи менеджмента в 21 веке. М., 2001. 450 с.

² См.: Гапоненко А. Л. Стратегия социально-экономического развития: страна, регион, город. М., 2001. 224 с.

Поступила 14.05.2003 г.

УДК 323.325(470.344)

И. Е. Ильин

**КРЕСТЬЯНСТВО ЧУВАШИИ В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI в.
(цивилизационный аспект)**

В условиях трансформации всех сфер общественной жизни, которую мы наблюдаем сегодня в Российской Федерации, требуется глубокий историко-социологический анализ различных моделей аграрного реформирования страны в целом, ее регионов в особенности. Трансформация российского общества сопровождается спорами «западников» и «антизападников» по вопросам социально-экономического, социокультурного развития, обоснованием особого пути общественного развития России. «Вхождение России, как и ряда других постсоветских государств, в “семью цивилизованных народов Европы”, активно инициируемое сегодня, является попыткой включения ее в сферу влияния западной цивилизационной системы. Но итогом строительства “общеевропейского дома” станет не обоюдное торжество общечеловеческих ценностей, а отказ России от собственной национально-культурной доминанты и замена ее на господствующие ценности другой культурно-исторической системы, западные нормы поведения и психологии»¹. При рассмотрении концепции исторического процесса обычно выделяют формационную, цивилизационную и теорию модернизации. Сторонники цивилизационной концепции анализируют социально-исторический процесс как движение цивилизаций, выделяют евразийскую цивилизацию как одну из культурно-исторических систем. В историко-социологической литературе имеется много объяснений понятия «цивилизация». На наш взгляд, наиболее методологически приемлемым является следующее определение: «В современных условиях понятие “цивилизация” характеризует лишь остаточные культурные явления между регионами, которые претерпевают изменения. В наше время можно говорить о цивилизационном своеобразии регионов, а не о различных цивилизациях. Этот вывод неизбежен, если мы признаем, что культура не является чем-то неизменным»².

К современному этапу развития Российской Федерации, ее регионов вполне применимо учение П. А. Сорокина о цивилизационном кризисе на уровне экономической, социокультурной систем, важнейшими признаками которого являются: экономическое обнищание на уровне всей нации; замена экономики «дальнего действия» экономикой немедленной выгоды или обыкно-

венный грабеж; резкое социальное расслоение; рост внутренних беспорядков (революции, бунты, войны); рост преступности, душевных болезней и суицида; кризис института семьи. В этих условиях для анализа социально-экономической ситуации в стране ученые-обществоведы используют особый подход, выделяя цивилизационный аспект. Автор солидарен с И. Б. Орловой, утверждающей, что «цивилизационный подход — это способ сравнительного изучения и осмысления развития прошлых и настоящих обществ, это стремление упорядочить ту бесконечно разнообразную, разнонаправленную информацию, которую дают нам прошлая и современная история и социология»³. Таким образом, в определении целей, сроков, этапов и основных путей реформирования аграрного сектора необходимо учитывать особенности общественного развития страны, ее регионов, духовный склад и ментальность населения⁴. Современный кризис в социально-экономической жизни страны в определенной степени обусловлен неспособностью центральной власти управлять эффективно и согласованно. Поэтому вполне естественно стремление регионов найти свой, более эффективный путь развития. Автор разделяет позицию известных ученых В. И. Старовойтова, Е. С. Строева, А. И. Сухарева в том, что основные усилия по аграрному реформированию страны должны быть направлены в регионы, где максимально возможен учет исторических, демографических, регионально-национальных особенностей⁵. В конце XX — начале XXI в. многонациональная российская деревня в очередной раз стала объектом аграрного преобразования. Время реформ, декларировавшихся как рыночные и ведущие к всестороннему прогрессу, ознаменовалось резким падением производства, разрушением материально-технической базы сельского хозяйства и в конечном счете утратой продовольственной независимости Российской Федерации.

В Чувашской Республике, как и в большинстве регионов страны, отмечалось падение производства сельскохозяйственной продукции. За 1992—2001 гг. в хозяйствах всех категорий производство зерна уменьшилось с 1 004,5 тыс. т до 638,9 тыс. т, мяса — с 97,8 до 60,7, молока — с 591,1 до 470,4 тыс. т⁶. В большей степени этот спад был связан как с общей экономической ситуацией в стране, так и с поспешной реорганизацией коллективных хозяйств. В 2000 г. 52,5% опрошенных нами крестьян Чувашии ответили, что реорганизация колхозов и совхозов отрицательно повлияла на экономическое положение хозяйств. За время господства либерально-демократических экспериментаторов произошли опасные для будущего страны изменения в экономике, отразившиеся на снижении уровня жизни

населения. Так называемые экономические преобразования, оказалось, отвечают интересам не большинства, а узкой группы людей. В 2002 г. 73,1 % опрошенных крестьян Чувашии отметили неудовлетворенность своим материальным положением, а 75,9 % — размером оплаты труда. Крестьянский труд оценивается в 3—4 раза ниже, чем работников других отраслей экономики (промышленность, транспорт, связь, строительство). В 2000 г. средняя заработная плата в сельском хозяйстве республики составляла 410 руб. в месяц, а в 2002 г. — 679 руб., что намного меньше, чем у соседей по Приволжскому федеральному округу (в 1997 г. 45,1 %, а в 2000 г. 29,9 % респондентов ответили, что они живут хуже, чем в Нижегородской, Ульяновской областях, республиках Марий Эл, Мордовия, Татарстан). В 1997—2002 гг. среди крестьян, оценивающих различные стороны своей жизни (работа, отдых, учеба, семья), к сожалению, уменьшилось количество оптимистов (если в 1997 г. 25,9 % опрошенных ответили, что большинство населения Чувашии никогда не будет жить хорошо, то в 2002 г. таковых оказалось 32,7 %) ⁷. Проведенное автором в 1991—2002 гг. социологическое исследование показало, что большинство крестьян Чувашии — за коллективное владение землей и коллективные формы хозяйствования, за государственную поддержку села, против частной собственности на землю и «дикой» приватизации; в 2000 г. 57,6 % крестьян сказали, что земля не может быть объектом купли-продажи; в 2002 г. более 90 % респондентов-крестьян считали, что недра, земля, леса, крупные промышленные предприятия, железные дороги, энергетическая система должны быть в государственной собственности.

Социологический анализ дает основание полагать, что если реформы проводятся для блага народа, то они должны базироваться на иных философских и идеологических постулатах. Значительная часть россиян не поддерживает реформы, осуществляемые правящей элитой. Подтверждение неприемлемости реформ нашло выражение в итогах голосования на референдуме 25 апреля 1993 г., когда крестьянство в своем большинстве проголосовало против политики Б. Н. Ельцина. Во время президентских выборов 1996 и 2000 гг. крестьянство Чувашии поддержало кандидата от левых сил Г. А. Зюганова. Однако ученые-аналитики отмечают наличие феномена, присущего, наверное, только России: чрезвычайно короткую память и способность быстро забывать обиды. Находящиеся у власти чиновники долгое время могут не обращать внимания на жалобы трудящихся, но достаточно перед выборами кому-то из кандидатов в депутаты пообещать устранить те или иные недостатки, как настро-

ение людей меняется, особенно среди сельских избирателей. Только благодаря поддержке крестьянства Чувашии Н. В. Федоров, бывший министр юстиции в команде Ельцина, смог в третий раз стать президентом республики.

Для осуществления аграрной реформы в интересах народа, на наш взгляд, необходимо: использовать все сложившиеся формы хозяйствования в агропромышленном комплексе, сохраняя коллективную собственность и крупное производство в сельском хозяйстве в качестве его ведущего сектора; в целях консолидации крестьянской общности организовать социологическое изучение социальной базы аграрной реформы, диагностировать ее деформации и кризисные тенденции, разработать систему профилактических и радикальных мер по рациональной социальной ориентации вступившей в рыночные отношения крестьянской общности. Аграрная реформа в Российской Федерации должна носить многоуровневый и многомерный характер с учетом ее региональных особенностей. От успехов в реформировании российского агропромышленного комплекса в конечном счете зависит судьба крестьянства и перспективы дальнейшего развития страны, регионов.

Примечания

¹ Орлова И. Б. Евразийская цивилизация. М., 1998. С. 110.

² Костин В. А. Социальные изменения в концепциях исторического процесса / В.А. Костин, Н.Б. Костина // Социол. исслед. 2000. ц 1. С. 8.

³ Орлова И. Б. Указ. соч. С. 27.

⁴ См.: Абалкин Л. Ожидание перемен и уроки истории (К 70-летию Института экономики РАН) // Рос. эконом. журн. 2000. ц 7; Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.). М., 1996; Назаренко В. Задачи восстановления агропромышленного комплекса и продовольственной безопасности России // Рос. эконом. журн. 1999. ц 5—6; Ахмадеев Ал. А. Организация социологического мониторинга в агропромышленном комплексе региона (на примере Республики Башкортостан) / Ал. А. Ахмадеев, Ан. А. Ахмадеев // Социол. исслед. 1995. ц 2.

⁵ См.: Староверов В. И. Социальная политика новой России / В. И. Староверов, С. И. Сметанюк. Тюмень, 1999; Строев Е. К специфике реформирования российского сельского хозяйства // Рос. эконом. журн. 1997. ц 4; Сухарев А. И. Новая Конституция — основа современной региональной политики Российской Федерации // Основы регионологии. Саранск, 1996.

⁶ См.: Чувашская Республика и регионы Приволжского федерального округа. Чебоксары, 2002. С. 20.

⁷ См.: Этноконфессиональная ситуация в Приволжском федеральном округе // Бюл. сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2001. ц 26.

Поступила 21.04.2003 г.

Секция 4. Этнокультурные аспекты взаимодействия власти и крестьянства в Среднем Поволжье

УДК 39 (470.345)

Л. И. Никонова

**ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ**

В первой трети XX в. этнологические (этнографические) исследования мордвы проводили ученые Москвы, Пензы, Н. Новгорода, Саратова. Конкретный материал для изучения истории народа, его материальной и духовной культуры был представлен в статьях и монографиях А. А. Гераклитова, М. Е. Евсевьева, М. Т. Маркелова, Н. И. Спрыгиной, П. Д. Степанова, С. П. Толстова¹ и др. Однако оставалось немало пробелов в изучении хозяйственной деятельности, общественных и семейных отношений, этногенеза и этнической истории, проблем мордовской диаспоры². С 1932 г. решение этих вопросов связано с созданием в структуре НИИ мордовской культуры этнографической секции (заведующий — С. С. Абузов). Структурные изменения (секция, этнографический кабинет, с 1968 — отдел археологии и этнографии, с 2002 — секция археологии и этнографии в отделе истории мордовского края НИИ гуманитарных наук) с привнесением нового в организацию, методы и средства этнологических исследований не нарушили, однако, их концептуальной направленности — обращения к глубинным корням национальной культуры с целью сохранения для потомков бесценного наследия прошлого.

В рамках НИИ складывалась практика проведения полевых этнографических экспедиций. Их основные направления — проблемы развития села республики (с нач. 1930-х гг.) и мордовской диаспоры (с 1986 г.). Изучались семейные обряды, этнические аспекты культуры, вопросы этнической истории мордвы и т. д. Первая экспедиция 1934 г. охватила широкий спектр этнографических проблем (состояние крестьянского хозяйства, семья, семейные и общественные праздники, одежда и др.)³. В более широком диапазоне сотрудники института начали изучение мордвы с развертыванием деятельности Мордовской этнографической экспедиции (1953). Исследовались раз-

личные стороны жизни и быта мордвы-мокши и мордвы-эрзи, а также этнографических групп мордвы — каратаев, терюхан, шокши. На основе материалов экспедиции были защищены кандидатские диссертации: «Современная культура и быт мордвы Теньгушевского района МАССР» (1954, В. П. Ежова), «Поселения и жилище мордвы-эрзи МАССР» (1955, Н. П. Макушин)⁴.

С середины 1980-х гг. этнографы сектора начали работу над магистральной темой — «Мордовская диаспора». Целью исследований является освещение историко-этнографической характеристики мордовского населения регионов России, вопросов его расселения, традиционного хозяйства, культуры и быта, современных проблем социально-экономических и культурных преобразований в населенных пунктах, вычленения региональных особенностей жизни и быта мордовского села и т. д. Регионами этнологических исследований стали Нижегородская, Оренбургская, Пензенская, Самарская, Саратовская и Ульяновская области. С 1997 г. отдел организует экспедиции в мордовские населенные пункты Башкортостана (П. М. Мезин, С. Д. Николаев, Т. Н. Охотина, Л. И. Никонова), Татарстана и Чувашии (Л. И. Никонова, М. С. Волкова). С 2001 г. этнографы Л. И. Никонова, М. С. Волкова, Л. Н. Щанкина, начали собирать материал для коллективной монографии «Мордва Сибири». С этой целью были проведены этнографические экспедиции в Красноярский и Алтайский края, Кемеровскую область (2001—2003)⁵.

По инициативе НИИ языка, литературы, истории и экономики совместно с институтами археологии и языкознания АН СССР была подготовлена и 8—10 декабря 1964 г. проведена научная сессия по этногенезу мордовского народа, обобщившая опыт этнологических исследований по данной проблеме. В ней участвовали специалисты по истории, этнографии, археологии, языкознанию, топонимике. По итогам конференции вышли два сборника статей: «Научная сессия по этногенезу мордовского народа (тезисы, краткое содержание докладов)» — 1964 г., и «Этногенез мордовского народа. Материалы научной сессии» — 1966 г., под общей редакцией академика Б.А. Рыбакова, члена-корреспондента АН СССР Б.А. Серебрянникова, доктора исторических наук А.П. Смирнова.

Издательская деятельность НИИ началась в 1935 г. выпуском записок, в которых печатались работы этнографов. За все годы сектор (отдел) выпустил более 30 монографий, коллективных трудов и других работ. В них освещались вопросы, связанные с этноязыковыми и этнодемографическими проблемами,

промыслами и домашними производствами, обрядовой жизнью, питанием, одеждой мордовского населения. На базе богатейших материалов ученые НИИ совместно с Институтом этнографии АН СССР выпустили серию трудов Мордовской этнографической экспедиции (1960, 1963, 1973)⁶. Важным событием можно считать выход монографии «Мордва: Историко-этнографические очерки» (1981), в которой коллективу авторов удалось показать сложную историю самобытного, с богатейшими традициями мордовского народа, который, несмотря на все исторические коллизии, сумел сохранить национальную культуру и национальное самосознание. На базе полевых этнографических материалов были выпущены монографии «Культура и быт мордовского села» (1975), «Формирование социалистического быта мордовского села» (1979), «Социалистический быт мордовского села» (1986). По материалам экспедиций в Самарскую и Оренбургскую области издана коллективная монография «Мордва Заволжья» (1994). С 1991 г. экспедиционная работа продолжилась среди мордовского населения Пензенской области. По ее результатам подготовлены к изданию работы «Мордовская диаспора Пензенского края» и «Традиционно-бытовая культура современной мордовской семьи»⁷. Отдельные аспекты этнологических исследований отражены в тематических и биографических статьях энциклопедии «Мордовия», подготовленных сотрудниками института и другими этнографами республики («Академические экспедиции 18 в.», «Этнография», «Экспедиции» и др.).

С 2002 г. отдел истории и руководство НИИ гуманитарных наук определили направление деятельности сектора этнографии, заключающееся в исследовании этнокультурных процессов мордовской диаспоры в России и подготовке к изданию монографии «Мордва: Историко-этнографический портрет», составной частью которой станет коллективный труд «Мордва Сибири». Актуальность проблемы состоит в том, что мордовский народ, являясь одним из крупных в финно-угорской языковой семье РФ (по переписи 2001 г. численность его составила 843,3 тыс. чел.), вследствие различных объективных причин в ходе исторического развития характеризуется значительной дисперсностью, в связи с чем в Мордовии проживало лишь 35,5 % от общего числа мордвы, а за пределами республики — 60 % представителей мордовского этноса. Компактными группами мордва расселена в Оренбургской, Самарской, Нижегородской, Ульяновской, Пензенской, Саратовской, Кемеровской областях, республиках Башкортостан, Татарстан, Чувашской, в Алтайском, Красноярском краях, на Дальнем Востоке. Исследо-

ватели учитывают, что в современных условиях многие элементы этнокультурного развития мордовского народа исчезают или находятся на грани исчезновения, так как сокращается число носителей, идут активные урбанизационные и интеграционные процессы, за счет чего происходит девальвация этнического своеобразия. Работа включает материал по этнографии, географическому положению и природным условиям края, взаимосвязям социально-демографических характеристик, половозрастному составу и социальной мобильности мордовской диаспоры, миграционным процессам, изменениям в административно-территориальном делении; истории освоения Сибири, формированию ареалов мордовских населенных пунктов, времени заселения отдельных районов Сибири; истории мордовских поселений; материальной и духовной культуре, праздникам, обрядам.

Сотрудники отдела истории мордовского края участвуют в популяризации научной деятельности отдела в России и за рубежом через координационный центр «Этномедицина народов РФ» (руководитель — Л. И. Никонова; изданы информационные бюл.ц 1 — банк данных об ученых РФ, занимающихся данной проблемой, и ц 2 — статьи аспирантов отдела по проблемам жизнеобеспечения этносов), сотрудничество с Центральным телевидением ООО «Наш взгляд» (г. Москва; Л. И. Никонова, М. С. Волкова), организацию видеосъемок этнологического материала для программы «Бабушкины рецепты» (7—30 ноября 2001 г., с. Ардатово Дубенского, Подлесная Тавла Кочкуровского, Ст. Теризморга Старошайговского районов; фотографии, кассета с циклом передач передана в фонд библиотеки НИИГН).

Руководство НИИ много внимания уделяет подготовке научных кадров. В 1933 была открыта аспирантура. За все время в ней подготовлено около 20 ученых-этнологов. Докторские диссертации защитили В. А. Балашов (Быт сельской мордвы: история, современное состояние, тенденции развития, 1991, г. Москва), Н. Ф. Беяева (Традиционные способы и формы социализации детей и подростков у мордвы, 2002, г. Саранск), Г. А. Корнишина (Традиционно-обрядовая культура в системе мордовского этноса (структура, субъекты, основные компоненты), 2001, г. Москва), А. С. Лузгин (Промысловая деятельность крестьян Мордовии во второй половине XIX — начале XX века (этнокультурные аспекты), 2002, г. Саранск), Л. Н. Никонова (Этномедицина финно-угорских и тюркских народов Поволжья и Приуралья в системе их жизнеобеспечения, 2001, г. Саранск); кандидатские — Вавилин В. Ф. (Сельские поселения и жили-

ще мордвы на территории Мордовской АССР (опыт комплексного типологического анализа), 1986, г. Москва), М. С. Волкова (Культ предков в религиозных верованиях мордвы, 2001, г. Саранск), А. А. Ксенофонтова (Мордва XVIII — начала XX в. в восприятии русских наблюдателей (опыт этнопсихологического исследования), 2002, г. Саранск), Н. П. Макушин (Поселения и жилища мордвы-эрзи Мордовской АССР, 1954, г. Москва), В. Н. Мартьянов (Резное дерево у мордвы Горьковской области, 1971, г. Москва), П. М. Мезин (Материальная культура мордвы-эрзи и мокши (пища, утварь, одежда). Эволюция с конца XIX по 80-е гг. XX в., 1994, г. Москва), Е.Н. Мокшона (Этническая ситуация в Республике Мордовия на современном этапе, 1997, г. Саранск), С. Д. Николаев (Мордовская крестьянская семья первой половины XIX в., 1993, г. Москва), В. Ф. Разживин (Этнические аспекты динамики населения Мордовской АССР, 1982, г. Москва), В. П. Тумайкин (Соседская община заволжской мордвы в пореформенный период, 1974, г. Москва), Н.С. Шалаев (Современные этноязыковые процессы в Мордовии, 1978, г. Москва), Т. А. Шигурова (Этносоциальные функции традиционной женской одежды в обычаях и обрядах мордвы, 2003, г. Саранск) и др.

Успешным этнологическим исследованиям в немалой степени способствуют обширные связи НИИ с другими научными учреждениями России и зарубежья. Руководителями аспирантов отдела были широко известные ученые — доктора наук В. Н. Белицер, В. И. Козлов, К. И. Козлова, В. В. Пименов (г. Москва), Е. П. Бусыгин (г. Казань). Этнографы Мордовии сотрудничают с учеными Института этнологии и антропологии РАН, МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Ижевска, Йошкар-Олы, Казани, Н. Новгорода, Оренбурга, Самары, С.-Петербурга, Ульяновска, Уфы, Чебоксар и др. Научная деятельность сотрудников отдела известна в Эстонии, Финляндии, Венгрии.

Вклад в изучение этнологических аспектов культуры и быта мордовского народа внесли ученые, в разное время работавшие в отделе истории мордовского края. Среди них:

Н. Ф. Беляева (1980—1990), доктор исторических наук, с 1991 — профессор кафедры всемирной истории и права факультета истории и права МГПИ им. М. Е. Евсевьева; исследует проблемы этнопедагогики, традиционных норм поведения и форм общения, обрядовой культуры мордвы; автор монографий «Традиции воспитания детей у мордвы» (2000); «Традиционные институты социализации детей и подростков у мордвы» (2000) и учебного пособия «Этническая культура мордвы и традиции воспитания детей» (2003), соавтор коллектив-

ных монографий «Мордва Заволжья» (1994), «Мордва: Историко-культурные очерки» (1995);

В. Ф. Вавилин (1978—1985), доктор исторических наук, профессор; заслуженный работник высшей школы РМ; с 1969 г. — в Мордовском государственном университете, с 1991 г. — зав. кафедрой архитектуры; исследует проблемы народного зодчества и современной сельской архитектуры; автор более 150 научных и учебно-методических работ, в том числе 6 монографий и 8 учебных пособий;

М. С. Волкова (1997—2003), кандидат исторических наук; с 2003 г. — старший преподаватель кафедры отечественной истории факультета истории и права МГПИ им. М.Е. Евсевьева; исследует культ предков в религиозных верованиях мордвы и влияние демографических процессов на обрядовую культуру мордвы; участник полевых этнографических экспедиций (Мордовия, Чувашия, Татарстан (1997—2003), Красноярский, Алтайский края (2001—2002));

А. А. Ксенофонтова (2001—2003), кандидат исторических наук; с 2003 г. — старший преподаватель кафедры страноведения историко-социологического института Мордовского государственного университета; исследует этнопсихологические аспекты в отражении восприятия русскими наблюдателями жизни мордвы XVIII — нач. XX в.;

В. Н. Куклин (1967—1968), кандидат исторических наук; заслуженный работник культуры МССР, лауреат Государственной премии РМ; исследует домашнее производство и ремесла мордвы XIX — нач. XX в.; участник этнографических экспедиций 1965—1968 гг.;

А. С. Лузгин (1978—1985), доктор исторических наук; лауреат Государственной премии РМ; изучает традиционную материальную культуру русского и мордовского населения, промыслов Мордовии середины XIX—2-й четверти XX в.; автор 4 монографий (В тесном соседстве, 1987; Торбеево — Саранск, 1988, в соавт.; Промыслы Мордовии, 1993; Жизнь промыслов, 2001) и более 60 научных статей по проблемам материальной и духовной культуры народов РМ, в т. ч. опубликованных в историко-этнографических и историко-культурных очерках «Мордва» (1981, 1995); один из авторов издательского проекта книги «Память» (1994—1999), «Всц о Мордовии» (1997), альбомов «Серафим Саровский» (1998), «Мордовия на рубеже веков» (1999);

П. М. Мезин (1997—2002), кандидат исторических наук; изучает материальную культуру мордвы-эрзи и мордвы-мокши (пища, утварь, одежда);

Н. Ф. Мокшин (1978–2004), доктор исторических наук, профессор; заслуженный работник культуры РСФСР; лауреат Государственной премии РМ; член Международной ассоциации фольклористов Финской АН; с 1962 г. — доцент, зав. кафедрой всеобщей истории (1970–1986), декан историко-географического факультета (1978–1981), зав. кафедрой дореволюционной отечественной истории, археологии и этнографии (с 1986) Мордовского государственного университета; исследует проблемы этногенеза и этнич. истории, семейного быта, духовной культуры, этногенетических и этнокультурных связей мордовского народа; автор книг по этнографии, истории, религиоведению, ономастике, более 300 научных и учебно-методических работ (Религиозные верования мордвы, 1968; 1998; Мордовский этнос, 1989; Тайны мордовских имен, 1991; Мордва глазами зарубежных и российских путешественников, 1993; От Карелии до Урала, М., 1998, в соавт.; Материальная культура мордвы, 2002), действительный член РГО (1965), председатель Мордовского отделения РГО (с 1969), общественной организации «Краеведы Республики Мордовия» (с 2002); по его инициативе в Мордовском университете открыт этнографический музей (1979);

Ю. Н. Мокшина (2001–2004), кандидат исторических наук; с 2004 г. — доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Мордовского государственного университета; изучает обычное право, юридическую антропологию мордвы;

В. Ф. Разживин (1970–1984), кандидат исторических наук; с 1985 г. — ст. преподаватель, доцент кафедры отечественной истории факультета истории и права МГПИ имени М.Е. Евсевьева; изучает этнические и демографические процессы на территории Мордовии;

Н. С. Шаляев (1974), кандидат исторических наук; с 1980 г. — в Саранском кооперативном институте; занимался изучением современных языковых процессов в Мордовии.

Этнологическими исследованиями НИИ руководили заведующие этнографическим сектором (отделом): с 1933 г. — А. П. Савин; 1935 — И. С. Поздяев (Сибиряк); 1937 — М. М. Зевакин, В. И. Самаркин; 1938 — И. М. Корсаков, Т. Е. Купряшкин; 1944 — В. И. Самаркин; 1946 — И. Д. Воронин; 1951 — К.А. Котков; 1968 — П.Д. Степанов, археолог, кандидат исторических наук; занимался материальной культурой саратовской мордвы; 1970 — И.И. Фирстов, кандидат исторических наук, изучал кустарную промышленность, промыслы; 1975 — В. Н. Мартыанов, кандидат исторических наук, с 1980 г. — доцент Арзамасского пединститута; изучал орнамент мордовской

народной вышивки и резьбы по дереву на свадебных сундуках-парях, донцах, прялок и др.; 1979 — И. М. Петербургский, археолог, кандидат исторических наук, с 2001 г. — старший преподаватель, доцент кафедры отечественной истории Мордовского государственного университета; 1995 — Г. А. Корнишина, доктор исторических наук, с 1997 г. — профессор кафедры отечественной истории факультета истории и права МГПИ имени М. Е. Евсевьева, с 2003 — Мордовского государственного университета; исследует обрядовую культуру мордовского этноса, ритуальные функции и их эволюцию, предметный мир обрядовой культуры мордвы; автор монографии «Традиционные обычаи и обряды мордвы: исторические корни, структура, формы бытования» (2000) и учебных пособий «Сезонные обряды мордвы» (1999) и «Знаковые функции народной одежды мордвы» (2002); 1997 — С. Д. Николаев, кандидат исторических наук, с 2000 г. — редактор газеты «Валдо ойма» Самарского областного мордовского общества «Масторава»; занимается этнографическими исследованиями мордовской диаспоры, один из авторов коллективных монографий «Поволжские финны: Краткий очерк истории и развития мордовского народа» (1991), «Мордва Заволжья» (1994), «Мордва: Историко-культурные очерки» (1995), с 2001 г. — Л. И. Никонова, доктор исторических наук; зав. отделом истории мордовского края НИИ гуманитарных наук; основные направления научной деятельности: этномедицина, этнопсихология, этнокультурные традиции по сохранению здоровья мордвы, русских, татар, традиционной системы жизнеобеспечения финно-угорских и тюркских народов Поволжья и Приуралья; история здравоохранения и народного образования мордвы Поволжья, Приуралья и Сибири; участник полевых этнографических экспедиций (Пензенская, Кемеровская и Самарская области, Мордовия, Удмуртия, Чувашия, Башкортостан, Татарстан, Красноярский, Алтайский края; член президиума ассоциации этнологов и антропологов России (1995–1999); руководитель международных круглых столов и секций по проблемам народной медицины и жизнеобеспечения этносов (Москва, 1999; Нальчик, 2001; Омск, 2003); автор 5 монографий и учебного пособия (Тайны мордовского целительства, 1995; Традиционная медицина финно-угорских народов Поволжья и Приуралья как часть системы их жизнеобеспечения, 2000; От Адама и Евы до наших дней: Очерки народной медицины мордвы, 2000; Традиционная медицина тюркских народов Поволжья и Приуралья как часть системы их жизнеобеспечения, 2000; Баня в системе жизнеобеспечения народов

Поволжья и Приуралья. Историко-этнографическое исследование, 2003 (в соавт.).

В настоящее время в отделе истории мордовского края работают доктор исторических наук Л. И. Никонова (зав. отделом); кандидаты исторических наук Т. Н. Кадерова, И. Б. Стрижова, А. П. Терняев (историки), С. Г. Мордасова, Л. Н. Щанкина (этнографы), старший научный сотрудник В. Н. Шитов, научный сотрудник Т. Н. Охотина (археологи).

Научно-практическая деятельность отдела истории мордовского края, объединяющего в себе три ветви исторической науки (история, археология и этнография), направлена на воспитание в человеке таких святых понятий, как любовь к собственным корням и истокам, уважение чести и достоинства своего народа, знание и почитание всего, что им сделано и что с ним связано.

Примечания

¹ См.: **Гераклитов А. А.** Материалы по истории мордвы (X—XVIII вв.). Саранск, 1931; **Евсеев М. Е.** Избр. тр.: В 5 т. Саранск, 1961—1966; **Маркелов М. Т.** Саратовская мордва. М., 1928; **Спрыгина Н. И.** Одежда мордвы-мокши Краснослободского и Беднодемьяновского уездов Пензенской губернии: По материалам экспедиции 1925 г. Пенза, 1928; **Степанов П. Д.** Ош Пандо. Саранск, 1967; **Толстов С. П.** К истории терюханской народной культуры / М. Т. Маркелов, С. П. Толстов // Этнография. М.; Л., 1928, кн. 6, ц 2, С. 104—123.

² См.: **Петербургский И. М.** Работы института в области археологии и этнографии / И. М. Петербургский, А. С. Лузгин // Первенцу науки Мордовии — 50 лет. Саранск, 1982.

³ Там же. С. 49.

⁴ См.: **Николаев С. Д.** Отдел археологии и этнографии / С. Д. Николаев, В. Н. Шитов // Центр мордовской науки и культуры. Саранск, 1998. С. 82.

⁵ См.: **Никонова Л. И.** Исторические науки: развитие и перспективы // Роль науки в социально-экономическом развитии Республики Мордовия. Саранск, 2003. С. 16.

⁶ См.: **Николаев С. Д.** Указ. соч. С. 84.

⁷ См.: **Никонова Л. И.** Указ. соч. С. 16—17.

Поступила 16.05.2003 г.

УДК 323.325 (470.4)

Г. А. Николаев

КРЕСТЬЯНСТВО СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ПРОТИВОСТОЯНИИ С ВЛАСТЬЮ (1906—1917 гг.): СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В письмах, этнографических заметках, корреспонденциях и воспоминаниях современников ткань живой жизни волжских хлебопашцев рубежа XIX—XX столетий всплывает в многоцветье красок. Запах только что выпеченного ржаного хлеба, наполняющий избу. Поднявшийся с первыми пастухами пахарь, спешащий в поле. Блеющее и мычащее стадо, бегущее в летний зной на водопой. Босоногая, не знающая усталости, вездесущая стайка мальцов, наполняющая округу звонкими голосами и беззаботным смехом. Степенные старцы в тени старой ивы, думающие над перипетиями крестьянского бытия. Валки свежесжатого сена, остающиеся на лугу за ломанной движущейся линией из баб и девок, одетых в праздничные одеяния. Забавные рассказы и душещипательные истории, услышанные у костра в ночном. Шумные, нередко с обильными возлияниями праздники. Завораживающее зрелище девичьих хороводов¹.

Но не только мир чувств объединял жителей волжской деревни. Их уклад жизни был коллективистским. Неразрывно связанные с общиной, в социально-психологическом плане они были ее порождением. «Ментальность крестьянства — это общинная ментальность, сформированная в рамках замкнутого локального сообщества, в сельской соседской организации»². В пространстве данной социальной ячейки ее члены сообща создавали инфраструктуру «общего дома»: возводили школы и культовые здания, строили мосты и плотины, восстанавливали размытые дороги, корчевали вырубленный для распашки лес, боролись с пожирающей пахотные земли эрозией и т. д. Правовое поле общины, основу которого составляло обычное право, защищало и старых и малых. 11 июня 1900 г. 3-е Полянковское общество Ядринского уезда Казанской губернии удовлетворило просьбу Ефима Горбунова, жившего в доме тещи из-за бесчинств отца, о выделении его вместе с женой и малолетним сыном в самостоятельное хозяйство. Главе двора хозяйства Федору Горбунову предписывалось предоставить сыну избу, амбар, лошадь, корову, земельный надел в 1 1/4 души и прочее движимое и недвижимое имущество (состояние

родителя включало 2 избы, двухэтажный деревянный дом, хозяйственные постройки, 5 лошадей, 1 корову, прочую живность, хозяйственный скарб, а также 6 душевых наделов и 100 дес. купчей земли). Приговор сельского общества вылился в жесткое порицание. Однообщиннику напомнили все: и буйство («родителей своих при жизни крайне обижал и наносил им побои»), и самодурство («выгнал ... старшего сына Ивана с семейством без всякой причины, не давши ему никакого имущества»), и безнравственное поведение («жил ... с умершей своей женой в разврате»)³. Совместная защита общих интересов, взаимопомощь и взаимовыручка в трудное время, равное право на общее достояние и получаемые от хозяйственно-экономической деятельности сообщества доходы, разрешение проблемных ситуаций и житейских вопросов демократическим путем и многое другое объединяло односельчан.

Средневожская община немало преуспела в приспособлении к рыночным реалиям. Процесс пролетаризации и пауперизации (обнищание) был смягчен выбором нового инструментария для регулирования землепользования — перераспределением сельскохозяйственных угодий по мужским наличным душам. В условиях прогрессирующего малоземелья община перешла на практику жесткого отсечения от земельного фонда тех своих членов, кто фактически порвал с нею всякую связь, а также отталкивания пришлого элемента. Помолодел состав сельских сходов; ушедших на заработки глав семейств в органах местной власти все чаще стали представлять их жены. В отдельных сообществах интересы женского пола стали учитываться при переделах земли (обычно они получали 1/2 или 1/4 часть душевого надела⁴). Ускорился процесс структурного упрощения и распада сложных общин.

Некоторые современники (преимущественно городские жители), выдавая желаемое за действительное, склонны были видеть в средневожской деревне, особенно в национальной, некий райский уголок⁵. Небосклон общины, однако, никогда не был безоблачным. 27 ноября 1893 г. в д. Солдыбаево Чебоксарского уезда Казанской губернии в избе Егора Иванова в присутствии сельского старосты Якова Кириллова и полицейского сотского Дмитрия Михайлова крестьянин Петр Яковлев и отставные рядовые Алексей Герасимов и Никифор Степанов устроили самосуд: «Сначала нанесли заподозренному ими в краже сапог Никифору Яковлеву побои, затем, обвязав голову его веревкою и подсунув под нее палку, крутили веревку с такой силой, что палка переломилась; а потом, заменив эту палку другою, дубовою, продолжали крутить веревку, отчего у Ники-

фора Яковлева из носа и ушей пошла кровь, и лишь тогда прекратили эти насильственные действия, когда тот обещал выдать бившим его лицам 5 руб. 60 коп. на покупку водки...»⁶. Столь же жуткое разрешение жизненной ситуации зафиксировано в Симбирской губернии: «В д. Кошки Куликеево Буинского уезда крестьянин Икун Микули при наличности законной жены женился на второй. В нынешнем 1911 г. по случаю засухи крестьяне разъярились, схватили незаконную жену Икун Микули, сначала изнасиловали, а потом били и еле живую отправили на общественной подводе на родину»⁷.

Общинные порядки в средневожской деревне, не безупречные изначально, подверглись существенной деформации. В жизнь сельского общества прочно вошли подлог, подкуп, водка и хулиганство. Капитал все чаще стал перевешивать чашу справедливости. Часть поземельных союзов и вовсе отказалась от коренных переделов земли. В вожской деревне появилась узкая прослойка хлебопашцев, тяготившаяся общиной, ее патриархальными порядками.

В годы Первой русской революции российская деревня оказалась брошенной в жернова стальной мельницы. Указ 9 ноября 1906 г., превратившийся после дополнений и изменений в III Государственной Думе и Государственном совете в закон 14 июня 1910 г., составил основу механизма, призванного «перемалывать» крестьянский поземельный союз. Крестьяне получили право свободного выхода из общины с укреплением своих душевых наделов в личную собственность. Частнособственническое начало плохо прививалось к вожскому пахарю, в основной своей массе остававшемуся коллективистом. С 9 ноября 1906 г. по 1 мая 1915 г. из общины выделились: в Казанской губернии — 32 232 двора (8,6%), в Симбирской — 57 728 (23,9%). Площадь наделной земли, укрепленной в личную собственность, в первой составила 158 092 дес. (5%), во второй — 293 735 дес. (18%). По закону 14 июня 1910 г. на 1 января 1917 г. еще получили удостоверительные акты о переходе к единоличному владению в Казанской губернии 1 355 домохозяев, в Симбирской — 1 308. В двух губерниях данной категории семей принадлежало 12 070 дес. наделной земли⁸.

Для вожской традиционной деревни появление указа 9 ноября 1906 г. стало полной неожиданностью. Крестьяне Больше-Шемьякинской волости Тетюшского уезда Казанской губернии первоначально «не хотели даже верить, что существует такой закон, на основании которого общинник может укрепить землю и сделать ее своею собственностью»⁹. Когда же в

реальности реформы не осталось сомнений, людская молва прочно связала новый курс в аграрной политике правительства с очевидными происками окружения монарха. В ноябре 1908 г. в общественной караулке д. Тимирзькасы Ядринского уезда однообщинники избили крестьянина Дмитрия Ильина за то, что «не удержал брата своего Сидора от выделения из общины». Свое рукоприкладство сельчане сопровождали толкованием нового правового поля: «закон этот (указ 9 ноября 1906 г. — Г. Н.) не царский, а помещичий»¹⁰.

Приверженность к старине в среде национальных групп крестьянства проявлялась не в одинаковой мере. Если русский хлебопашец в данном плане являл собой еще относительно передовой элемент, то его нерусского собрата «всякая новая мода» ставила «в недоразумение и недоверчивость»¹¹. Социально-психологический портрет чувашей, мордвы, татар и марийцев, данный чиновником Казанской губернской землеустроительной комиссии, более отчетлив: «в силу своих религиозных и чисто племенных особенностей выказывают склонность группироваться небольшими поселками (околотками), страшатся всяких новшеств в области землепользования, с фантастическим упорством и недоверием относятся ко всякой попытке изменения установившегося многими годами уклада жизни»¹². Патриархальная среда национальной деревни тормозила аграрные преобразования столыпинского правительства. Приводимая ниже картина реализации указа 9 ноября 1906 г. в многонациональной деревне региона есть следствие воздействия и социокультурного фактора на данный процесс. Так, в Казанской губернии к 1 января 1910 г. из русских хлебопашцев наделы укрепили 9 975 домохозяев (9,2%), из чувашских — 2 713 (2,8), из татарских — 3 190 (2,5) и из марийских — 356 домохозяев (1,8%)¹³.

С началом реализации указа 9 ноября 1906 г. волжская деревня утратила внутреннее равновесие и все больше стала напоминать потревоженный улей. Одна сторона жаждала переделов и пускалась во все тяжкие, чтобы добиться их. Другая с не меньшим упорством противилась им. Столыпинская реформа привнесла в жизнь деревни новые правила игры. Борьба за передел сельскохозяйственных угодий переросла в борьбу за сохранение общего достоинства. Угроза его разбазаривания как никогда прежде стала реальной. Община видела потенциальных укрепленцев в тех своих членах, кто имел земельные излишки. Отсекая при переделах «убылые» души, сельское сообщество тем самым предотвращало грозивший им прямой грабег, а именно так воспринимало оно укрепление зем-

лей сверх причитающейся на душу. В нравственной шкале хлебопашцев укрепление собственных наделов оценивалось более умеренно — как несправедный шаг, воровство. С отсечением «убылых» душ снимался и соблазн воровства. Укрепление земли пришельцами из городов община квалифицировала как прямой «захват чужой собственности»¹⁴.

Но в использовании своего передельного механизма для борьбы с укрепленцами (а значит и с реформой) община испытывала существенные затруднения. Власть опекала свое детище. В таких условиях сельское сообщество перешло на новые формы воздействия (от увещевания «отступников» до пускания им «красного петуха»). «Начатых дел по укреплению по всему обществу только одно. Этому крестьянину пришлось поплатиться за смелый почин. Крестьяне-однодеревенцы в пьяном виде выбили у него окна, в саду поломали яблоны и поразорили пчел»¹⁵, — констатировал в составленных в 1910 г. этнографических записках Николай Никитин из 2-го Мало-Яушевского общества Ядринского уезда Казанской губернии. В большинстве полученных от местных корреспондентов анкет губернских земств отношение общины к новым собственникам оценено как враждебное¹⁶.

Даже выделившись на хутор, укрепленец не был огражден от агрессивной «опеки» общины. «Общество нас к озеру не пускает, и лошади поить не велят, а у нас на отведенной земле воды нет; нам по крестьянству нужно бывает мочить коноплю и мочало, а общество не пускает»¹⁷.

Традиционный уклад жизни крестьяне активно отстаивали и за пределами общины. Хлебопашцы отказывались от выборов членов землеустроительных комиссий, блокировали работу землемеров. Дело доходило до кровавых побоищ («Атменевская война»). Вместе с тем традиционная деревня не была абсолютно слепа в своем неприятии проводимого аграрного курса. К работам землеустроительных комиссий, направленных на «размежевание коренных земельных групп на самостоятельные земельные единицы, с непременным разверстанием существующей между ними чересполосицы», сельское население отнеслось «довольно доверчиво и сочувственно»¹⁸. Сложная община задыхалась в тисках своих исторических пут. В общем числе ходатайств о землеустройстве за 1907 — 1913 гг. доля ходатайств о групповом землеустройстве составила в Казанской губернии 86,5%, в Симбирской 61,4%¹⁹.

Деформация общинных порядков, дальнотемелье, мелкополосица и чересполосица, дремучая патриархальщина, бесконечные тяжбы за спорные участки тяготили традиционную дерев-

ню, приспособивавшуюся к новым отношениям. И тем не менее только с пережившим свое время социальным институтом связывал волжский пахарь в своем большинстве как собственное выживание, так и будущее своих детей, продолжая считать «общинную землю общинной собственностью на вечное время»²⁰. Пахарь не терял надежды, что его долгое терпение рано или поздно будет достойно вознаграждено новой прирезкой земли. Община в его понимании являлась гарантом жизни по совести и правде. И большинство укрепленцев не мыслило свою жизнь вне деревни. Их переход на хутора сдерживался не только экономическими причинами и противодействием общины. В социально-психологическом плане жизнь в одиночку для многих из них была просто невозможной. «Привычка к общежитию настолько велика, — сообщалось в докладе члена сызранской уездной земской управы Н.А. Сабонина от 20 мая 1909 г., — что крестьяне нередко платят большие деньги за усадебные места, находящиеся в центре селений, тогда как они могли бы получить даром на окраине»²¹.

Примечания

¹ См.: **Филиппов Г.** Чуваши и татары. Татаро-чувашские девичьи хороводы в Тетюшском и Цивильском уездах Казанской губернии // Православный собеседник. 1915. Июль-авг. С. 756.

² **Данилова Л. В.** Крестьянская ментальность и община / Л. В. Данилова, В.П. Данилов // Менталитет и аграрное развитие России (XIX — XX вв.). М., 1996. С. 22.

³ Центральный государственный архив Чувашской Республики (ЦГА ЧР), ф. 22, оп. 1, д. 848, л. 3, 4.

⁴ Там же, д. 2714, л. 9; ф. 21, оп. 4, д. 641, л. 3.

⁵ См.: **Лепешинская А.** Волга / А. Лепешинская, Б. Добрынин. М., 1911, С. 86.

⁶ ЦГА ЧР, ф. 21, оп. 4, д. 160, л. 7, 7 об.

⁷ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН), отд. 1, ед. хр. 215, инв. ц 5662, л. 347.

⁸ См.: **Дубровский С. М.** Столыпинская земельная реформа. М., 1963. С. 204, 574.

⁹ Укрепление наделов в личную собственность в Казанской губернии (Указ 9 ноября 1906 года и закон 14 июня 1910 года). Казань, 1911. С. 65—66.

¹⁰ Научный архив Республики Татарстан (НА РТ), ф. 2, оп. 3, д. 3765, л. 3.

¹¹ НА ЧГИГН, отд. 1, ед. хр. 285, инв. ц 6059, л. 456.

¹² НА РТ, ф. 1, оп. 4, д. 2995, л. 19 об.

¹³ Укрепление наделов... С. 28.

¹⁴ Там же. С. 71.

¹⁵ НА ЧГИГН, отд. 1, ед. хр. 174, инв. ц 5029, л. 644.

¹⁶ НА РТ, ф. 134, оп. 11, д. 135; Государственный архив Ульяновской области (ГАУО), ф. 46, оп. 2, д. 90—91.

¹⁷ Укрепление наделов... С. 89.

¹⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 408, оп. 1, д. 184, л. 223.

¹⁹ См.: **Давыдов М. А.** О статистике землеустройства в России (1907 — 1913 гг.) // Экономическая история. М., 2001—2002. С. 477—478.

²⁰ НА ЧГИГН, отд. 1, ед. хр. 174, инв. ц 5030, л. 661.

²¹ ГАУО, ф. 46, оп. 10, д. 34, л. 149—150.

Поступила 19.05.2003 г.

УДК 347.151 (470.345)

С. Г. Мордасова

РАССЕЛЕНИЕ МОРДВЫ И РУССКИХ НА ТЕРРИТОРИИ МОРДОВИИ И СИСТЕМА ИХ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ

История любого этноса неотделима от истории его взаимоотношений с другими народами, в первую очередь с непосредственными соседями. В процессе своего развития одни народы в том или ином отношении уходили вперед, другие отставали, но между ними никогда не исчезали взаимосвязи и взаимовлияние.

Архивные документы отражают дружественные взаимоотношения мордовского населения с русским беглым крестьянством. Этнические и историко-культурные взаимосвязи во многом обусловлены миграциями населения, в ходе которых шел процесс развития самих народов, обустроивавшихся на новых местах и вносивших коррективы во вновь складывавшуюся систему жизнеобеспечения — организацию поселения и строительство жилища, заботу о питании и одежде, здоровье, создание безопасных условий для производительного труда и отдыха, поддержание общественной, семейной и личной гигиены и т. д. Не забывали о народных традициях медико-психологической реабилитации (обряды, праздники), других способах и средствах народной медицины, ее связи с научной медициной. Использовались все особенности традиционной культуры, которые были в состоянии обеспечить здоровье этноса, способствовать адаптации переселенцев к окружающей среде.

© С. Г. Мордасова, 2004

Почти всегда русские и мордовские хлебопашцы на новых землях становились численно доминирующими этническими элементами, привносили и внедряли свой опыт и знания при хозяйствовании на этих землях. В первой половине XVII в. в крае уже насчитывалось несколько десятков мордовских селений, в которых русские составляли довольно большой процент¹.

Проведенные исследования свидетельствуют о том, что мордва и русские расселялись в первую очередь там, где были благоприятные условия для жизни и ведения хозяйства. При выборе места для поселения предпочитали наличие водных источников, природных богатств края². Так, В.Н. Майнов отмечал, что одни из лучших мест для поселения были заняты мордвой. Исследователь мордвы А.А. Шахматов констатирует, что при выборе места для поселения полагались также на народную мудрость, поверья, ворожбу³. При выборе места для своих селений русские тоже умели использовать природные условия — рельеф, водоемы, леса, овраги, почвы, пригодные для земледелия, предпочитая располагать свои селения по берегам рек, ручьев и озер, которые обеспечивали жителей водой, рыбой и служили основными путями сообщения. Мордва и русские пользовались для орошения огородов, полей, лугов речной водой, а для водоснабжения населения — подземной. Издавна круглый год ловили рыбу в реках, озерах, прудах. Все это было направлено на жизнеобеспечение семьи, рода, преодоление разных трудностей и являлось одним из способов сохранения здоровья, укрепления жизнестойкости.

В середине XIX в. на территории мордовского края было 721 поселение русских крестьян, из них деревни составляли 56%, села — 36,4, сельца — 4, выселки — 3,6%. Преобладающими были типы речных и приречных заселений, которые составляли к середине XIX в. 74%⁴. Многовековое соседство и связи мордвы с русскими, как и с другими народами Среднего Поволжья, имели прогрессивное значение, о чем пишут ученые разных поколений⁵.

Проведенные исследования о взаимосвязях мордовского и русского народов, обусловленных расселением этносов на территории Мордовии, дают нам основание полагать, что их здоровье, красота, высокие духовные качества в немалой степени зависят от веками складывавшейся, поддерживавшейся и постоянно обновлявшейся системы их жизнеобеспечения.

Крестьянство Мордовии конца XX — начала XXI в. переживает радикальный переворот в своем мировоззрении и образе жизни. Постоянно меняющийся облик современной деревни пока еще не может служить отправной точкой для обобщаю-

щего этнографического исследования. Но ученые ведут разработки данной проблемы⁶.

Примечания

¹ См.: **Козлов В. И.** Расселение мордовского народа в середине XIX — начале XX вв. М., 1956. С. 16.

² См.: **Майнов В. Н.** Один день среди мокши // Древняя и Новая Россия. СПб., 1878. Т. 3. С. 117—120.

³ См.: **Шахматов А. А.** Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910. С. 602.

⁴ См.: **Головачев П. М.** Взаимное влияние русского инородческого населения Сибири. М., 1902. 148 с.; **Лузгин А. И.** В тесном соседстве. Саранск, 1997. С. 83.

⁵ См.: **Куфтин Б. А.** Материальная культура русской мещеры. М., 1926. Вып. 3. 142 с.; **Бусыгин Е. П.** Русское сельское население Среднего Поволжья. Казань, 1966. 106 с.; **Балашов В. А.** Быт сельской мордвы: история, современное состояние, тенденции развития (1860—1980). М., 1991. 236 с.

⁶ См.: **Козлова К. И.** Этнография народов Поволжья. М., 1960. Вып. 1. 174 с.; **Назаркин Н. Я.** Народонаселение и охрана здоровья в Мордовии. Саранск, 1966. 264 с.; **Никонова Л. И.** Традиционные способы сохранения здоровья мордвы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 1993. 25 с.; **Мордасова С. Г.** Традиционная культура русских Республики Мордовия и система их жизнеобеспечения: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2004. 18 с.

Поступила 12.05.2003 г.

УДК 39:61 (470.345)

Т. Е. Дубова

ТРАВЛЕНИЕ В ЭТНОМЕДИЦИНЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ МОРДОВИИ

В этой статье рассматриваются способы нетрадиционного лечения на основе полевого этнографического материала, собранного в селах Мордовии. Нашими информаторами были Белоглазова, Блошкина, Каблина, Ланцева, Тимофеева, Федонина (Большеберезниковский район), Иванов, Тимонина (Теньгушевский район), Никанорова, Уварова (Зубово-Полянский и Ковылкинский районы).

Сбор целебных трав в населенных пунктах этих (как и других) районов издавна приурочен к дню Ивана Купалы. Большинство растений собирают именно в этот день рано утром, пока не высохла роса. Собранные травы связывают в пучки и сушат на чердаках, на свежем воздухе (с. Тазино, Большеберезниковский район). Различные травы неодинаковы по целебным свойствам. Некоторые из них помогают от одной болезни, другие — от нескольких, например «лук — от семи недугов» (Тимофеева).

При лечении лекарственными растениями применялись отвары, чай и сборы, настои, настойки, соки, экстракты и др. Для их приготовления использовались высушенные или свежие наземные или подземные части растений.

Для приготовления *отваров* измельченное сырье заливают кипятком, кипятят и охлаждают до комнатной температуры, затем процеживают и пьют. При кашле в селах Большеберезниковского района пьют отвар из березового мха (Блошкина), в Теньгушевском и некоторых селах Ковылкинского районов — из листьев мать-и-мачехи (очищает от мокроты дыхательные пути), нередко в сочетании с медом (Тимофеева), при грыже — отвар белого зверобоя (Никанорова); при белой горячке — из белого кипрея (Белоглазова, Иванов); испуге — белого плакуна (Федонина, Иванов, Никанорова); при болезнях желудка в селах Мариуполь, Тазино, Марьяновка (Большеберезниковский район) употребляется отвар из клюквы (используется все растение; Каблина, Белоглазова, Ланцева); отвары аптечной ромашки оказывают успокаивающее, противовоспалительное, вяжущее, ветрогонное, потогонное, дезинфицирующее действие (Тимонина; с. Ивановка, Теньгушевский район), в некоторых селах Zubovo-Полянского района его употребляют при заболеваниях кишечника, желудка, поносах и простудных заболеваниях (Никанорова).

Чаи и сборы состоят из смеси нескольких видов резанного или измельченного растительного сырья; заваривают кипятком, затем часть его переливают в другую посуду, разбавляют кипятком и пьют. Чай из душистой мяты помогает при грыже; заячьего мака и подснежника — водяной болезни (Никанорова).

Настои выдерживают в печи по несколько часов, затем охлаждают, процеживают и пьют. Настой клоповника употребляют при лихорадке (Тимофеева); черного лютика — при грудных болезнях (иногда вызывает рвоту), а в с. Мариуполь Большеберезниковского района — при головной боли (Уварова, Белоглазова); василька синего — отеках, связанных с заболеванием почек, а также при заболеваниях мочевыводя-

щих путей (с. Ивановка Теньгушевского района; Иванов); цветков липы — при простудных заболеваниях как потогонное, мочегонное средство (Уварова); пастушьей сумки (собирают во время цветения) — при маточных, легочных, желудочно-кишечных кровотечениях (пос. Явас, Потьма; Иванов); тысячелистника — кровотечениях матки, геморрое, болях в желудке (Тимофеева); хвоща полевого — как мочегонное, противовоспалительное, кровоостанавливающее средство (Белоглазова); из листьев подорожника большого — при заболеваниях горла и бронхов как отхаркивающее и обволакивающее средство (Уварова, Никанорова); хмеля обыкновенного («шишки») — при болезни желудка, печени, желчного пузыря, а также как успокоительное средство (могут быть побочные явления в виде тошноты, рвоты, головной боли; Иванов).

Настойки приготавливают на водке или спирте, выдерживают несколько дней в темном месте, затем процеживают и употребляют при необходимости (Белоглазова). Настойка цветов ландыша — при падучей болезни (Уварова); березовые почки на спирту — наружное средство для заживления ран (Уварова, Белоглазова, Иванов); настойка на водке борца синего употребляется при ломоте в связи с простудой или ревматизмом (Мариуполь, Тазино, Дегилевка; Тимофеева).

Часто при лечении используют *соки* (ягодные, фруктовые, овощные). Для этого отбирают зрелые плоды, моют их в воде и измельчают в кастрюле, чугуне с помощью деревянной толкушки, отжимают при помощи марли или хлопчатобумажной ткани, переливают сок в другую посуду и употребляют. Так, сок чистотела применяют наружно при лечении бородавок, мозолей, лишая (Федонина); сок пареной репы употребляют внутрь при запорах (Иванов).

Экстракты готовят выпариванием отваров в горячей печи в течение 4–6 часов в чугунах или горшках с крышкой, обмазанной тестом или плотно закрытой. Боярышник кроваво-красный используют в виде жидкого экстракта при болезнях сердца, повышенном кровяном давлении (с. Барашево Теньгушевского района; Тимонина). Из кукурузных рыльцев приготавливают жидкий экстракт на спирте и используют при болезни печени, кровотечениях (с. Тазино); оказывает мочегонное, кровоостанавливающее действие (Каблина). Одуванчик лекарственный используют в виде густого экстракта (или настоя) при заболеваниях желудка (с. Ивановка), при запорах (Никанорова, Уварова).

УДК 616–08 (470.345+470.41)

Л. Н. Щанкина

ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ И СРЕДСТВА ЛЕЧЕНИЯ В СИСТЕМЕ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ МОРДВЫ И ТАТАР

Психотерапия как воздействие словом на сознание больного с лечебной целью существует столько, сколько и врачевание, в т. ч. народными средствами. Традиционная медицина не случайно привлекает все большее внимание как специалистов (медики, психологи, этнографы), так и всех, кого интересуют народные методы диагностики и лечения заболеваний, потому что забота о сохранении здоровья этносов — одна из важных в системе их жизнеобеспечения. На протяжении всей истории своего развития народная медицина, в т. ч. и психотерапия, испытала неординарное к себе отношение со стороны властей и науки. Только в последние годы оно изменилось в лучшую сторону, что вызвано рядом социально-экономических, экологических и др. факторов, и ученые разных регионов стали открыто обсуждать эти проблемы, по крупицам собирая накопленные знания. Немало сделано по собиранию полевого материала и популяризации народных методов и способов лечения среди мордовского и татарского населения Поволжья и Приуралья (присовокупим сюда и наш скромный полевой материал, полученный от информаторов Ш.А. Алыковой из с. Яндовище Инсарского района, А.И. Конкиной из пос. Дачный Теньгушевского района, Д.И. Соколовой и М.А. Хоняковой из с. Ст. Аллагулово Ковылкинского района). Однако пока нет достаточно полного, обобщающего исследования о народной медицине, в частности народной психотерапии мордвы и татар, проживающих на территории Республики Мордовия, о чем свидетельствуют разные источники. Так, со второй половины XIX века дошли до нас записи священника Н.Н. о ворожбе в мордовских селах Симбирской губернии, в которых он сообщает о способах избавления от влияния злых духов, дурного глаза, колдовства, применяемых мордовскими знахарями¹. Академик А.А. Шахматов в «Мордовском этнографическом сборнике» приводит тексты ворожбы против бесплодия, сглаза, заговоры от других болезней².

То, что мордовские знахари издавна использовали при лечении заговоры, отмечено многими учеными. Материал из личного архива М.Е. Евсевьева (рукописный фонд (РФ)

© Л. Н. Щанкина, 2004

НИИГН) представляет собой полевые записи исследователя, сделанные им в 1912–1915 и в 1926 гг. в эрзянских и мокшанских селениях Мордовии и за ее пределами. В них содержатся сведения по народной медицине, в т. ч. заговоры с описанием действий, которые совершает знахарка при их чтении³.

М. Т. Маркелов отмечает, что у всех финских и тюркских народностей до сих пор сохранились родовые культы, связанные с почитанием предков, и приводит описание моля, биографии мордовских знахарок⁴.

При этносоциологическом обследовании сельского населения республики в 1934 г. было установлено, что около 10 % опрошенных продолжали обращаться за лекарственной и другой медицинской помощью к местным знахарям; к помощи повитух прибегали две трети всех рожениц. Проблемы этнической сущности заговоров как одного из медицинских методов затрагивает Н. Ф. Мокшин. Ученый отводит им значительное место в народной медицине⁵.

Значительно расширяет наши представления о магических способах врачевания материал серии «Устно-поэтическое творчество мордовского народа», часть которого составлена из заговоров, собранных известным финским ученым Х. Паасонен⁶. Из зарубежных исследователей, изучавших заговоры мордвы, можно отметить финского ученого У. Харву. Он приводит примеры, когда при лечении больных мордовские знахари просили помощи у покойников, посещали с этой целью их могилы, повторяли при этом определенные тексты заговоров⁷.

С конца 1980-х гг. изучением народных психотерапевтических методов и средств лечения занимается Л. И. Никонова. Ее работы⁸ можно назвать первым опытом систематизации сведений по народной медицине мордвы и татар. Автор рассматривает мир знахарей и колдунов, профилактику и способы лечения многих заболеваний, а также этические нормы поведения в лечебном процессе и передаче накопленных знаний от одного поколения к другому.

К сожалению, не сохранились древние рукописи, относящиеся к области татарской народной медицины. Следуя во всем заветам Корана и хадисам, люди черпали из них богатейшие сведения о здоровом образе жизни. После ознакомления с традициями, обычаями, обрядами и бытом татарского народа не остается сомнений в том, что когда-то у него существовали книги, содержащие глубокие познания в области народной медицины. «По всей вероятности, они были уничтожены Иваном Грозным после покорения им Казанского ханства, так как пер-

вым делом он сжег все древние рукописи и книгохранилища. Есть и другая причина того, что древних книг не осталось: до 1930 года татары пользовались арабской графикой, правительство же запрещало хранить такие книги в доме под страхом наказания. Интерес к их изучению появился только в последнее время»⁹.

В конце XVII в. появились первые сведения о татарских лекарях¹⁰. В 1967 г. вышла коллективная монография об истории, народных представлениях татар Среднего Поволжья и Приуралья¹¹. Р. Г. Мухамедова на основе многолетних полевых этнографических исследований анализирует материальную и духовную культуру одной из этнических групп татар второй половины XIX — начала XX в. (хозяйство, жилище, религиозные верования и т. п.), процессы этнокультурного взаимодействия народов правобережья Среднего Поволжья. Наибольший интерес представляют обряды в честь различных духов, имеющих отношение к одному из видов народной медицины, лечебной магии¹².

Первоначальные формы лечебной магии, в частности заговоров, появились в глубокой древности, когда первобытный человек считал природу живой и активно действующей. Как к живым, реальным существам он обращался к солнцу, звездам, огню, воде, растениям, просил у них помощи и удачи. В представлении многих народов у каждого явления природы есть покровители и держатели, свои божества. Для них они устраивали жертвоприношения, моления, праздники. При этом совершались определенные обряды с заклинаниями и просьбами помочь в исцелении. У мордвы, например, одним из древнейших божеств являлась Масторава, считавшаяся держательницей Земли. Во время жертвоприношения, обращаясь к ней, говорили: «Масторава-матушка, посмотри на наши поклоны. Что просим, дай, что, скажем, сделай. Дай хорошего здоровья»¹³. У татар особым почитанием пользовался дух земли (жир иясе), который мог жестоко наказать человека, и для его умилостивления ежегодно после весеннего сева совершали общественное моление с жертвоприношениями (тавык келэве). Так, когда у человека болит низ живота, то предполагалось, что он оскорбил священное место, где проводился обряд жертвоприношения, за что и наказан земным духом (жир тоткан — буквально: земля держит). Для того чтобы земной дух снял с больного свой гнев, его умилостивляли следующим образом: после полного захода солнца больной выходил во двор и, выбрав самое чистое место, забивал в землю большой гвоздь. Затем через ворот своей рубахи он лил на этот гвоздь подсо-

ленную теплую воду со словами: «Отец земли, мать земли! Если ты меня держишь — отпусти. Я тебе пищу даю, а ты верни моему телу мягкость»¹⁴.

Считалось, что если человек плохо себя чувствует, становится вялым, капризным, бледным, у него появляется головная боль, то его сглазили. Мордва и татары предостерегали себя от этого заговорами, оберегами и другими средствами предохранительной магии. Вот некоторые из них у мордвы: «В качестве оберега от сглаза, порчи и болезней к гайтану шейного креста детей привязывали мешочек с заговоренными предметами — «калита»¹⁵. Большое значение придавалось шейному кресту: он указывал на принадлежность к христианству и охранял от всякой «нечистой силы»¹⁶. От сглаза обмывали образа и этой водой споласкивали лицо, голову или пили ее¹⁷. Мордовские лекари сел Теньгушевского района в таких случаях произносили заговор: «Глаз черный, глаз голубой, глаз свой родной, глаз полуночный. Зорюшка-зарница, красная девица, я с простоты, а ты с доброй милостью». Затем крестили воду и умывались с головы до ног (Конкина).

У татар широко распространены талисманы: выписки из текста Корана или наговоры, записанные на бумаге, носят на шее для предохранения от злых людей и несчастий; у женщин для этого служат серьги (Соколова, Хонякова). Жительница татарского села Яндовище Инсарского района Ш.Х. Алыкова в случае сглаза выводила человека на улицу и читала молитву «Эшкерэ Торган Догалар», потом дула на большое место 3 раза. От сглаза перед купанием опускали в воду 7 зажженных лучин и использовали воду, взятую из 3 источников до восхода солнца (тан суы)¹⁸.

Наиболее опасными в наведении порчи, сглаза считались люди, связанные с «нечистой силой». С вредоносной магией ассоциируется колдовство. Колдуны и ведуны, по представлениям мордвы и татар, приносят много вреда, насылая на человека различные болезни.

Мордва особенно старалась охранять от них детей. С этой целью проделывали разные манипуляции. Например: «Как только в каком-нибудь доме появится на свет новорожденный, посыпают подошвы золотом, крестят окна, а новорожденного обводят березовой метлой и говорят: “Святое дерево, белая береза, охраняй раба (имя) от дурного человека (колдуна), от зла ночью, во время бодрствования, во время поднимания его, опускания его, кормления его грудью, кормления его пищей, поения его”. Так охраняют новорожденного в течение шестидесяти дней»¹⁹.

Злое и враждебное человеку существо у татар (аздяка) ассоциируется с образом огненного змея, который может пробраться в дом одинокой женщины и, приняв облик ее мужа, сожительствовать с ней. Об этом женщина не должна никому говорить, иначе аздяка погубит ее. Его можно отогнать от женщины лишь выстрелом из ружья²⁰.

Психологическим воздействием на сознание человека нередко объясняется избавление его от каких-то недугов. Так, при лечении грыжи знахарка из мордвы имитировала перевязывание ее у основания ниткой и говорила: «Грыжу давлю, грыжу уничтожаю»²¹. А. И. Конкина, жительница пос. Дачный Теньгушевского района, грыжу лечит так: берет сосновое полено с сучками и водит вокруг грыжи со словами: «Грыжа пупковая, грыжа внутренняя, выходи». Татары, чтобы избавиться от грыжи, сажали на оголенный живот больного живую мышь. После этого знахарь произносил: «Луна и солнце избавляются от нечистых сил во время их затмения, и ты избавься»²².

Испуг мордва и татары лечили также заговорами, приемы и действия которых сохранились до наших дней. Так, знахарка из с. Атышева Атышевского района ставит испуганного ребенка под матицу, берет три корочки хлеба и каждой из них проводит через одежду (по ходу часовой стрелки) снизу вверх спереди, сзади, вокруг ребенка, читая молитвы «Богородица», «Отче наш», «Да воскреснет Бог». Процедура повторяется три раза²³. Лямбирские знахари (имче) для лечения испуга использовали когти медведя или зайца. Вполне вероятно, что у предков татар медведь считался тотемом²⁴.

Традиционная медицина мордвы и татар Республики Мордовия представляет собой целый комплекс простых и сложных, сходных и различных способов, средств и методов лечения, требующих дальнейшего изучения.

Примечания

¹ См.: **Н. Н.** Современный листок ц 14. Симбирская губерния. Раздел: Смесь. Мордовская ворожба. 1871. С. 1–4.

² См.: **Шахматов А. А.** Мордовский этнографический сборник. Спб., 1910. С. 89, 95, 145, 155, 167–173.

³ РФ НИИГН, Л-51, Л-52, Л-56.

⁴ См.: **Маркелов М. Т.** Саратовская мордва. Этнографические материалы. Саратов, 1922. С. 91–102.

⁵ См.: **Мокшин Н. Ф.** Религиозные верования мордвы. Саранск, 1968. С. 67–81.

⁶ См.: Устно-поэтическое творчество мордовского народа: В 11 т. Саранск, 1963–1987. Т. 3. Ч. 3. 1981. С. 199–260.

⁷ См.: **Harva U.** Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

⁸ См.: **Никонова Л. И.** Тайны мордовского целительства. Саранск, 1995. 167 с.; **Она же.** Традиционная медицина финно-угорских народов Поволжья и Приуралья как часть системы их жизнеобеспечения. Саранск, 2000. 180 с.; **Она же.** Традиционная медицина тюркских народов как часть системы их жизнеобеспечения. Рузаевка, 2000. 155 с.

⁹ **Шарипова С. О.** Тайны здоровья. Казань, 1996. С. 141.

¹⁰ См.: **Ламанский В. И.** Ворожея XVII в. // Живая старина. Спб., 1893. Вып. 3. С. 365.

¹¹ См.: Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967. С. 312–342.

¹² См.: **Мухамедова Р. Г.** Татары-мишари. М., 1972. С. 182–191.

¹³ См.: **Мокшин Н. Ф.** Указ. соч. С. 21.

¹⁴ См.: **Мухамедова Р. Г.** Указ. соч. С. 186–187.

¹⁵ См.: **Евсеев М. Е.** Эрзянь-рузонь валкс. М., 1931. С. 168.

¹⁶ РФ НИИГН, Л-75.

¹⁷ Там же, И-1125. Беляева Н. Ф. Этнографические отчеты за 1983–1984 гг., л. 41.

¹⁸ См.: **Мухамедова Р. Г.** Указ. соч. С. 188.

¹⁹ **Шахматов А. А.** Указ. соч. С. 157.

²⁰ См.: **Мухамедова Р. Г.** Указ. соч. С. 190.

²¹ См.: **Евсеев М. Е.** Указ. соч. С. 113.

²² См.: **Мухамедова Р. Г.** Указ. соч. С. 191.

²³ См.: **Никонова Л. И.** Тайны мордовского целительства. С. 134.

²⁴ См.: **Мухамедова Р. Г.** Указ. соч. С. 188.

Поступила 26.05.2003 г.

УДК 398.3 (470.345)

М. Г. Якунчева

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ МОРДВЫ В СИСТЕМЕ ПИТАНИЯ

Этнические процессы конца XX столетия свидетельствуют о том, что в жизнедеятельности современных государств и народов важную роль играют этнокультурные взаимоотношения и взаимосвязи. Практически нет ни одной этнической общности, которая не испытала бы воздействия со стороны культур других народов.

Мордва как один из коренных народов Среднего Поволжья за тысячелетний период своей истории имела устойчивые дли-

тельные взаимосвязи с марийцами и удмуртами, татарами и чувашами, а также с русским народом. Все эти народы на пути своего развития постоянно вступали друг с другом в самые разнообразные контакты, в т. ч. этнические, что оказало существенное влияние на развитие материальной и духовной культуры, общественного и семейного быта этносов. Как справедливо отметил один из исследователей этнических связей мордвы Н.Ф. Мокшин, мордовский народ в процессе всей своей истории находился в генетических и культурных связях с другими этносами, и его оригинальная культура аккумулировала компоненты ряда других культур, творчески перерабатывая их¹.

Многообразие межэтнических контактов отразилось на традиционной системе питания мордвы, формирование которой зависело не только от уровня социально-экономического развития и собственных традиций, но и от интенсивности межэтнических контактов, что представляет особый интерес в плане изучения этнических процессов и выявления межэтнических связей.

Многочисленные аналогии и параллели, отразившиеся в традиционном питании финно-угорских народов Поволжья, являются результатом их принадлежности в прошлом к одному хозяйственно-культурному типу таежных охотников и рыболовов, который по мере развития производительных сил относительно синхронно перерастал в хозяйственно-культурный тип домашних скотоводов и мотыжных, а затем пашенных земледельцев². Бытование специфических блюд, являвшихся наследством от древних охотничье-рыболовецких и собирательских обычаев, было характерно для традиционной пищи марийцев, удмуртов и мордвы. Обилие дичи и рыбы, разнообразие их видов отразились на особенностях кулинарии финно-угров Поволжья; их любовь к дичи объясняется древними традициями. По сведениям ряда исследователей XIX века, мясо белок и зайцев являлось почитаемым лакомством марийцев и удмуртов³. Разнообразные пироги с зайчатинной были также излюбленным блюдом мордовского населения⁴.

Народные традиции собирательства отразились на использовании в пищу дикорастущих трав, ягод, грибов и орехов. Из трав наиболее употребляемыми являлись: борщевик, щавель, крапива, лебеда и др. Их применение носило сезонный характер: весной, когда подходили к концу зимние запасы и резко ощущалась нехватка витаминов, и в неурожайные годы. Большинство видов отваривали (листья лебеды и щавеля). Весной пекли традиционные лепешки из лебеды. В.Н. Майнов описал способ приготовления мордвой жидкого блюда, баланды: «Ее

готовили из молодого щавеля, который варился на молоке с добавлением яиц»⁵.

Исследователями выявлено поразительное сходство у мордвы, марийцев и удмуртов в ведении бортевого пчеловодства. Отмечены не только сходный бортевой инвентарь, но и этимология многих слов и терминов, связанных с пчеловодством (пчела, воск, напиток), обычаи: медовый напиток мордвы (пуре), марийцев (пуро), удмуртов (мусур) являлся одним из обязательных или необходимых жертвенных напитков в обрядовой культуре народов⁶.

Мордовский народ, соседствуя и взаимодействуя с другими этносами в течение длительного времени, заимствовал у них новые культурно-бытовые формы и элементы. Значительное воздействие на традиционную систему питания мордвы оказали этнокультурные связи с тюркским и славянским населением края. Самые тесные и продолжительные связи исторически сложились у мордвы со славянами, прежде всего с русским народом.

Примечательно, что русский этнос, где бы он ни селился, обогащал пищевой рацион соседей главным образом хлебными изделиями. Мордовский народ заимствовал у русского населения названия некоторых сельскохозяйственных культур, таких, как рожь «розь», конопля «кансть», чечевица «цицывка», капуста «капта». Под влиянием традиций русской кухни рацион питания мордовского крестьянина обогатился овощными, мясными блюдами и выпечкой из теста. От русских мордва заимствовала и некоторые способы приготовления пищи в печи (печенье, тушеные и жареные, тогда как у финно-угров Поволжья преобладали варка и томление блюд).

В рационе питания мордвы, марийцев и удмуртов особое место занимали супы, которые традиционно готовились на основе бульона и мяса с добавлением крупы или мучных добавок: лашка — у марийцев, лям, ям — у мордвы, шыд — у удмуртов. Вероятно, крупа являлась издавна необходимым компонентом супов, поскольку мордовское слово «ямкс» («крупа», «пшено»), производится от слова «ям» («суп»); аналогично в марийском языке — шураш «крупа», шур «суп». Под влиянием традиционной русской кухни, мордва стала готовить щи (м. капстай лям, э. капста ям). К числу блюд, заимствованных у русского населения, следует отнести кисель и кулагу, о чем свидетельствуют их названия (м. кулага; э. кусля, кулага). Для традиционной кухни финно-угорских народов было характерно приготовление жидкого мучного киселя из овсяной, гороховой и ржаной муки (похож на суп). На манер русской кух-

ни мордва стала готовить «твердый» кисель, который подавали как лакомство с медово-ягодной подливкой.

Некоторые ритуальные мучные изделия были восприняты мордвой от русских после обращения в христианство. Так, 9 марта (по старому стилю) пекли жаворонки, а в среду, на четвертой неделе Великого поста, — кресты, в которые запекали деньги, крестики, угольки, зерно⁷. Необходимо отметить и то, что и русское население, проживая по соседству с мордовским, перенимало некоторые его национальные пищевые традиции. Весьма широкое распространение получили приготовляемая по мордовскому рецепту селянка из субпродуктов и мордовские сюркорки — небольшие круглые булочки из пресного полбяного теста, замешанного на молоке и приправленного конопляным маслом⁸.

Традиционная система питания мордвы испытала на себе влияние и со стороны тюркских народов. Древние мордовско-тюркские связи обогатили национальную кухню мордвы оригинальными блюдами. Так, финно-угорские народы заимствовали тюркские рецепты приготовления некоторых мучных блюд, лепешек из теста: удмурты — табань, марийцы — мелке. Широкое распространение в повседневной и обрядовой пище мордвы получила салма, традиционное блюдо татарской и чувашской кухни⁹. Бытование данного блюда в рационе питания мордвы, по мнению Е. И. Динес и Р. Г. Мухамедовой¹⁰, указывает на его древнее заимствование. Мордовский национальный напиток поза по названию и способу приготовления близок к татарскому (боза).

В традиционной кухне мордвы встречаются названия блюд тюркского происхождения (щокор, сукоро, цемара, той и др.), что объясняется наличием в прошлом у мордовского народа тесных контактов с тюркоязычными соседями. От финно-угорских народов татарская кухня восприняла рецепт приготовления вареных пирожков (пельмени), а также традиции, связанные с употреблением в пищу дикорастущих трав.

Сравнивая технологию приготовления хлеба и мучных изделий исследуемых народов, можно выявить черты сходства и различия. Основное отличие заключается в выборе ведущей зерновой культуры, из которой выпекается изделие.

В рационе питания мордвы, как и многих народов, особое место отводилось блинам. Но если русские пекли их из овсяной и ячменной муки, то мордва отдавала предпочтение пшеничной, полагая, что овсяная и ячменная мука не пригодны для этого. Выбор, вероятно, не случаен. По традиции для приготовления блинов как обрядового блюда выбирали ту зерновую

культуру, которая выращивалась данным народом с древних времен. Блины считались ритуальным блюдом не только у мордвы, но и у карелов, марийцев, русских, а также закрепились в пищевых традициях и обрядах тюркских народов Поволжья¹¹.

Одним из главных блюд традиционной мордовской кухни является каша. У финно-угорских народов и тюрков Поволжья, по мнению многих исследователей, с течением времени выработалась одинаковая технология ее приготовления, сложились общие представления, определившие особую роль каши в обрядах календарного и жизненного цикла¹². Каши готовились из круп различного вида. Русские, марийцы и удмурты предпочитали овес и ячмень, мордва и татары — просо (пшено).

Взаимовлияние мордовской, русской и татарской кухни носило позитивный характер и обогащало пищевой рацион названных этносов, а также способствовало усовершенствованию технологий приготовления пищи, расширению ассортимента блюд.

Итак, система питания мордвы сохранила следы разносторонних этнических взаимодействий. В ней обнаруживается, с одной стороны, сходство с системами питания финно-угорских народов Поволжья, унаследованные от общих предков, с другой — этнокультурное воздействие иноязычных и инокультурных групп населения славянского и тюркского происхождения. Традиционная мордовская кухня, активно включая в праздничное и повседневное питание блюда, близкие ей по способу приготовления, исходным продуктам, вкусовым свойствам, к заимствованиям относилась избирательно, в соответствии с кулинарными стереотипами своего этноса.

Примечания

¹ См.: **Мокшин Н. Ф.** Этнокультурные связи мордвы с тюркскими и славянскими народами (по данным антропологии) // Этнокультурные связи мордвы. Дооктябрьский период. Саранск, 1988. С. 83.

² См.: **Сепеев Г. А.** О некоторых общих традициях в культуре Поволжских финно-угров // Этнокультурные традиции марийского народа. Йошкар-Ола, 1986. С. 5.

³ См.: **Кошурников В.** Быт вотяков Сарапульского уезда Вятской губернии. М., 1880. С. 8; **Фукс А. А.** Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, 1840. С. 55.

⁴ См.: **Змеев Л. Ф.** Методикотопографическое описание и статистический очерк народонаселения Бугульминского уезда Самарской губернии. М., 1883. С. 55.

⁵ **Майнов В. Н.** Остатки мордовской мифологии // РФ НИИГН, Л-497.

⁶ См.: **Мокшин Н. Ф.** Происхождение и сущность мордовских дохристианских религиозных праздников (озксов) // Уч. зап. Мордов. ун-та. Саранск, 1965. Вып. 51. С. 126–134.

⁷ См.: **Динес Е. И.** Традиционная пища и утварь мордвы // Исследования по материальной культуре мордовского народа. М., 1963. С. 123.

⁸ См.: **Лузгин А. С.** Особенности русско-мордовских взаимосвязей в традиционном хозяйстве и материальной культуре / А. С. Лузгин, Н. М. Артемьев // Этнокультурные связи мордвы... С. 80.

⁹ См.: **Воробьев Н. И.** Казанские татары: Этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода. Казань, 1953. С. 325; Чуваши: Этнографическое исследование / Н. И. Воробьев, А. Н. Львова, Н. Р. Романов, А. Р. Симонова. Чебоксары, 1956. С. 364.

¹⁰ См.: **Динес Е. И.** Указ. соч. С. 116; **Мухамедова Р. Г.** Культурные взаимосвязи мордовского и татарского народов по данным этнографии // Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965. С. 187.

¹¹ См.: **Мухамедова Р. Г.** Татары-мишари. М., 1972. С. 134–135.

¹² Там же. С. 132; Чуваши... С. 366–367.

Поступила 26.05.2003 г.

УДК 271.2 (470.4)

Л. А. Таймасов

ПРИЧТ И ПАСТВА НЕРУССКИХ ПРИХОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В XIX в.: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

В истории христианизации нерусских народов Среднего Поволжья важное место занимают вопросы экономических взаимоотношений причта и прихожан. Опыт мировых религий, в т. ч. православия, свидетельствует о том, что функционирование религиозных институтов и материальное обеспечение служителей культа всецело зависели от верующих, особенно в православных приходах России. По мнению П. С. Знаменского, до царствования Екатерины II приходское духовенство «обязано было всеми средствами существования единственно доброхотству прихожан»¹. Церковный приход представлял собой общину ревнителей веры, которые строили и благоустроивали храмы, содержали церковный причт, вносили в пользу церквей плату за требы, делали различного рода пожертвования. Отдавая часть

своих доходов церкви и духовенству добровольно, они считали, что таким образом создают условия для лучшего удовлетворения своих религиозных потребностей.

Взаимодействие причта и прихожан в нерусских приходах Среднего Поволжья имело свою специфику. Основная часть крещеного нерусского населения не знала христианского учения, не понимала значения церковных таинств, обрядов и поэтому не испытывала потребности в церкви и духовенстве, считая своих духовных пастырей угнетателями напоподобие волостных и уездных чиновников. Отсюда и крайняя неприязнь к священникам, и нежелание тратиться попусту: церковные налоги и сборы увеличивали и без того немалую расходную часть крестьянского бюджета. Из-за индифферентного и негативного отношения к церкви со стороны прихожан нерусские приходы испытывали постоянные финансовые и материальные трудности.

Хотя еще в 1797 г. указом от 18 декабря были определены пропорции земельных наделов и условия сдачи их крестьянам, а указом 1798 г. устанавливались размеры земельного участка (33 десятины на одноштатную церковь) и руги (хлебный и продуктовый налог) за арендуемые крестьянами церковные земли («по средней пропорции урожая»)², вопрос обеспечения сельского духовенства надлежащим содержанием оставался главным и на протяжении всего XIX в. В 1829 г. вышло положение «О способах к улучшению состояния духовенства», которое позволило увеличивать церковные земельные владения в зависимости от количества крестьянских наделов³. Однако дела церковного землевладения не всегда оформлялись юридически. Священники часто не знали о точном количестве принадлежавшей церкви земли⁴.

Большинство сельских причтов до середины XIX в. существовало за счет сбора с прихожан и платы за требоисправление. Из-за отсутствия четкой регламентации размера руги и платы за требы, контроля за выполнением договоренностей между причтом и крестьянами были частые злоупотребления при их сборе. Возможно, руга являлась не самым надежным и выгодным источником материального обеспечения, но духовенство настолько к нему привыкло, что долгое время и не мыслило о возможности получения доходов за счет обрабатываемых земель (считало это делом «с саном несовместимым») или иного способа. Сбор руги нередко являлся главной причиной возникновения конфликтных ситуаций между членами церковного причта и крестьянами⁵. Первым приходилось либо проявлять настойчивость в сборе положенной нормы ружного хлеба

(иногда с помощью представителей власти и с применением силы), либо идти на уступки новокрещенам, закрывая глаза на их отношение к церкви, уклонение от исполнения православных таинств и обрядов. В архивных фондах церковных учреждений нами выявлено немало подобных примеров. Как признавались сами представители церковной власти, сложившаяся практика материального обеспечения сельского духовенства не способствовала укреплению его авторитета в глазах прихожан.

Особые условия деятельности православной церкви в ряде приграничных и поликонфессиональных регионов страны требовали государственной финансовой поддержки. Так, в 1842 г. в целях укрепления православия в западных губерниях было принято положение «Об обеспечении православного духовенства домами и единовременными пособиями». Другие поликонфессиональные регионы тоже стали претендовать на выделение государственных субсидий. Некоторые причты «инородческих» приходов в средневожских епархиях уже в середине XIX в. стали получать государственное жалование, но в этот период казна не располагала достаточными средствами для финансирования всех церковных причтов.

В 1851 г. для упорядочения экономических взаимоотношений сельских церковных причтов с прихожанами управление Департамента уделов направило запрос епархиальным архиереям о предоставлении следующей информации: «...1) удобно ли духовенству наделять землю, положенной законными пропорциями; 2) удобно ли крестьянам, составляющим приход, обрабатывать для приходского священника следующую на его часть землю; 3) могут ли быть выстроены повсеместно в селах дома для священнослужителей от прихожан и как могут быть исправляемы в случае ветхости; 4) нет ли препятствий к производству новоприбывающим в приход членам причта единовременных пособий»⁶. На наш взгляд, интересные мысли высказал самарский епископ Евсевий, резюмируя: «Священноцерковнослужители, епархии повсеместно легко могут быть наделены землею в узаконенных пропорциях...»⁷. Он назвал 3 способа извлечения пользы от земли: получение доходов за счет обработки ее прихожанами; сдача в аренду крестьянам на условиях расчета продуктами или деньгами. Первый из этих способов был признан наименее подходящим в связи с тем, что крестьяне Самарской губернии имели большие земельные наделы и в страдную пору, заботясь об уборке собственного хлеба, не имели возможности обрабатывать дополнительные площади⁸. Удобным являлось получение традиционной арендной

платы готовыми продуктами. Но наиболее приемлемым вариантом признавался денежный сбор, потому что увеличение налогов с крестьянского общества на несколько десятков рублей «важного ничего не составляет», «не будет задето самолюбие крестьян, не привыкших слыть работниками своего священника... избавит и священника от жалоб на непокорность и слушание крестьян... При таком сборе и сектанты, или малопросвещенные христиане, не понимающие важности духовного сана, не будут иметь повода к ропоту и негодованию...»⁹.

Во второй половине XIX в. во многих нерусских православных приходах внедрялась денежная форма руги. Так, в отчете Казанского архиепископа Антония за 1875 г. сообщается о том, что «рекомендуемая и поощряемая епархиальным начальством капитализация так называемых сборов с прихожан в пользу причтов... так удачно начатая в приходах Ядринского уезда, распространяется, хотя и медленно, в других уездах, например, в Казанском и Козмодемьянском. Этот способ обеспечения главных причтов доставляет настоятелю взамен руги и прочих доходов за требоисправления от 800 до 1000 руб. в год и псаломщику до 300 руб.»¹⁰. Традиция собирать с прихожан натуральную ругу в средневожских епархиях сохранялась до 70-х гг. XIX в., до назначения основной массе приходского духовенства государственного жалования. Однако во многих приходах продолжали собирать ругу.

Вопросы улучшения материального положения духовенства заботили и экономистов. Так, П. С. Шадков предлагал увеличить доходы за счет перехода на новые формы экономической деятельности¹¹. На основе статистических данных автор пытался доказать, что самостоятельная обработка земли духовенством может принести больше пользы, чем сдача монастырских угодий в аренду и сбор руги с прихожан. Его предложение осталось нереализованным. Известны и разработки светских чиновников: в 1865 г. тайный советник Попов подготовил проект под названием: «Производство специальных изысканий с целью возвращения духовенству отошедших от него земель». По мнению автора документа, от церкви в разное время было отторгнуто до 1 млн дес. земли, что явилось одной из причин бедственного положения духовенства. Он предлагал восстановить все сведения о церковных землях по документам из архивов, государственных учреждений и сопоставить их с данными по клировым ведомостям, и, выявив размеры церковных наделов, юридически закрепить их за епархиальным начальством для контроля за их использованием¹². Нам не известна судьба этого проекта, однако и его реализация была

бы весьма проблематичной, поскольку эти земли давно имели новых хозяев.

7 августа 1837 г. Министерство уделов назначило жалование священникам за церковную службу по 171 руб. 43 коп. серебром в год и еще столько же тем из них, «которые окажутся способными к работе в учреждаемых данным ведомством училищах»¹³. Но в феврале 1852 г. управление Симбирской удельной конторы сделало представление своему Департаменту о прекращении выплат жалования священникам¹⁴. Причина отказа в жаловании объяснялась тем, что оно полагалось только одному священнику, а в двухштатных и трехштатных церквях все священники выполняли одинаковую работу, и такое положение вызывало ненужные трения и конфликты между членами причта¹⁵.

В середине XIX в. все чаще звучали предложения о назначении жалования священникам нерусских приходов. Так, в «Проекте миссии для татар», подготовленном архиепископом казанским Григорием (Постниковым) и молодым бакалавром духовной академии Н.И. Ильминским, предлагалось уделить особое внимание деятельности священнослужителей крещено-татарских приходов. Наряду с требованиями к умственному и нравственному состоянию приходского духовенства они предлагали обеспечить его жалованием и уменьшить размеры приходов, чтобы у священников помимо исправления треб оставалось время на пастырские наставления прихожан¹⁶.

Следует заметить, что государство не оставалось безучастным к материальным нуждам сельского духовенства. С начала 40-х гг. XIX в. оно стало уделять особое внимание вопросам финансовой поддержки духовенства полиэтнических и поликонфессиональных регионов, в которых решало государственную задачу духовного и идеологического воспитания инородческого населения. В 1842 г. была выделена из казны первая сумма в размере 415 тыс. руб. на штатное содержание духовенства четырех западных епархий; в 1891 г. государственные ассигнования на церковное ведомство достигли 11 650 211 руб. Кроме того, в этом году государство выделяло на духовное учебное управление 25 956 485 руб. и 11 204 809 руб. на другие церковные нужды. Государственная поддержка улучшала материальное положение и повышала престиж церковного служителя, но не снимала всех финансовых проблем церкви и духовенства.

В пореформенные годы преобразования затронули и церковное ведомство. 24 ноября 1861 г. император поручил министру внутренних дел П. А. Валуеву подготовить проект по

созданию особого комитета во главе с великим князем Константином Николаевичем, взяв за основу проблему материального обеспечения сельского духовенства. За время существования Главного Присутствия с 28 июня 1862 г. до 16 февраля 1885 г. состоялось 72 заседания; среди наиболее значительных проектов, вынесенных на утверждение царя, были: о церковных братствах и приходских попечительствах; правах белого духовенства и членов их семей; сокращении числа приходов и причтов; новом порядке приобретения церквами недвижимости; об участии духовенства в начальном народном образовании и др. Для координации деятельности нового ведомства на местах создавались губернские или епархиальные Присутствия. Церковные реформы, несмотря на их незавершенность, значительно преобразили духовное ведомство, приспособив его к реалиям буржуазной эпохи.

К концу XIX в. в результате социально-экономических преобразований в стране и политики христианского просвещения изменились паства и причт. Значительная часть крещеного нерусского населения региона изменила свою конфессиональную ориентацию от традиционных верований к православию. Почти все приходское духовенство стало получать государственное жалование, что устранило его непосредственную экономическую зависимость от прихожан. Причт стал ближе к своей пастве не только по вере, но и по происхождению, так как в нерусские приходы стали назначать священнослужителей из крестьянского сословия, представлявшего преимущественно местные народы.

Примечания

¹ Знаменский П. А. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань, 1873. С. 669.

² Там же. С. 780.

³ См.: Полное собрание законов. М., 1981. Т. 1.

⁴ См.: Шадков С. Угодья при монастырях и земли при сельских церквях в Казанской губернии. Казань, 1857. С. 13–14.

⁵ См.: Денисов П. В. Религиозные верования чувашей. Чебоксары, 1959. С. 254–264, 334–339; Таймасов Л. Л. Христианизация чувашского народа в первой половине XIX в. Чебоксары, 1992. С. 36–40.

⁶ РГИА, ф. 515, оп. 8, д. 943, л. 6.

⁷ Там же.

⁸ Там же, л. 7.

⁹ Там же, л. 7–9.

¹⁰ Там же, ф. 796, оп. 442, д. 680, л. 21–22.

¹¹ См.: Шадков П. С. Указ. соч. С. 93—101.

¹² РГИА, ф. 796, оп. 445, д. 91, л. 4—5.

¹³ Там же, ф. 515, оп. 8, д. 945, л. 4.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

Поступила 21.04.2003 г.

УДК 271.2 (470.344)

Е. В. Ермилова

СТАРАЯ ЧУВАШСКАЯ ВЕРА КАК «ОТВЕРЖЕННЫЙ КАМЕНЬ» В ДЕЛЕ СТРОИТЕЛЬСТВА ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЭТИКИ¹

В каждой религии можно выделить слои, жизненное поведение которых является определяющим. Чувашей принято считать этносом, придерживающимся одной христианской веры. Это объясняется тем, что «данных о конфессиональном составе населения не имеется в связи с тем, что официального учета верующих в условиях отделения церкви от государства не ведется. Обычно считается, что среди каждого народа имеются приверженцы какой-то одной, основной для него исторически религии. Так, русские (и большинство украинцев, белорусов) — православные, в том числе (среди русских) и старообрядцы. Народы Северного Кавказа — в основном мусульмане, как и татары, башкиры; буряты и калмыки — буддисты. Остальные религии представлены небольшим числом верующих. Нет достоверных данных (кроме отдельных социологических обследований) и о числе действительно верующих среди тех, кого относят к приверженцам той или иной религии. Например, известно, что среди евреев почти нет приверженцев иудейской религии; у мусульманских народов уровень религиозности гораздо выше, чем среди тех, кому «положено» быть православными. Связано это скорее с тем, что религия гораздо важнее была для самоидентификации (самоутверждения) относительно небольших народов, чем для русских»².

В конце XIX — начале XX в. миссионеры называли это «полуязыческой жизнью» с элементами христианства (синкретизм). Опыт жизни в христианстве был прерван строительством социализма, когда главным принципом был атеизм. На чуваш-

ское начало веры ставка не делалась, поэтому оно стало «отверженным камнем»³ в общих преобразованиях общества. Интеллигент третьего поколения чувствует глубинные традиции своей веры, потому что вера — это не знание катехизиса, не просто символ, а скорее подсознание — подсознательно-национальная философия, как выразился чувашский филолог В. Родионов⁴. Эта же мысль содержится в труде одного из ведущих западных социологов XIX—XX вв. М. Вебера, вложившего в это понятие коренящиеся в психологических и прагматических религиозных связях внутренние побуждения к действию и потому считавшего религиозную обусловленность жизненного поведения одной из закономерностей успешной хозяйственной деятельности человека. «Крестьянам, тесно связанным с природой и во всем своем хозяйственном существовании зависящим от элементарных природных сил, была настолько близка магия — заклинание духов, пребывающих в силах природы или над ними, или простое обретение расположения божества, — что вырвать их из этой исконной формы религиозности могло лишь глубокое преобразование всей жизненной ориентации, произведенное либо мощными пророками, легитимизированными в качестве колдунов благодаря свершенным ими чудесам»⁵.

О духовных установках в хозяйственной деятельности говорит и чувашский эстетик Ю. Яковлев в статье, посвященной кандидату в Президенты Чувашской Республики А. Хузангаю на выборах 1991 г.: «Один из основных постулатов западной философской и социологической мысли гласит: тип хозяйственной деятельности определяется именно духовными установками. Яркий пример — Япония. Из знания различных жизненных установок и моральных мотиваций (о приоритете духовных установок в экономической деятельности, кроме Хузангая, так никто и не вспомнил) и должен будет будущий Президент вывести этику труда республики Чувашьен, способствующую созданию соответствующей нравственно-мировоззренческой основы»⁶.

Ю. Бородай приоритетным в экономике тоже считает внимательное отношение к духовным установкам народа, в частности, православным: «... На деле это (США и Япония. — Е. Е.) оригинальные типы хозяйства с совершенно разной логикой становления, приспособленные к нравственным установкам своих народов. Столь же своеобразно складывалась и русская национальная экономика, занимавшая до революции первое место в мире по темпам роста: русский промышленник (не финансист-инородец!) долгом своим считавший часть своего капитала отдать на строительство храмов, больниц, музеев, был совсем не

похож на английского «нового дворянина» — у них была разная этика ... Социологи объясняют это (высокое качество товаров. — *Е. Е.*) большей сохранностью национальных традиций в Японии ... Сейчас нас опять зовут повторять западные пути. Самые наилучшие — американские! Но мы — не протестанты. И даже не католики. Поэтому все равно ничего не получится. Слепое копирование никому никогда и нигде не приносило успеха»⁷.

В трудолюбии чувашей сомневаться не приходится. «Работа чуваша — это работа человека, близко чувствующего Бога», — умозаключает Ю. Яковлев⁸. Эту черту чувашей отмечает русский писатель В. И. Немирович-Данченко: «Чуваш дохнет на работе. Он отличный хлебопашец. Русские крестьяне... уверяют, что инородцы одарены чудесным провидением урожая или голода...»

Чуваши отличаются замечательно спешною уборкою хлеба. Если, подъезжая к селу в ноябре или декабре, вы не увидите на гумнах ни одной копны, а только воткнутый в верхушку овинного шиша сноп — поселок чувашский. Если же на одних гумнах копны невымолоченные, а на других одна солома — то здесь вместе с чувашами живут русские и татары⁹ и А. Чапыгин: «Крестьяне и чувашы с мордвой не любили быть без дела»¹⁰.

Это действительно так. Чувашский крестьянин трудится не как рабочая лошадь или автомат. К производительному труду его побуждает такой механизм духовных ценностей, как традиции, в которых сохраняется невидимая энергия старой чувашской веры (даже в форме христианства). Тысячелетиями накапливалась любовь к труду. Одновременно шло формирование национального характера, основных качеств чувашского народа (любовь к родной земле, стремление к процветанию края, честность, обязательность, энергичность, боязнь прослыть в обществе нерадивым хозяином и др.), которые должны быть востребованы при современных цивилизованных формах хозяйствования.

При составлении целевых программ по изучению глубинных мотиваций труда, разработчикам необходимо учитывать, что трудолюбие, национальный характер чувашского (как и другого) народа держится на давних традициях. Опираясь на них, и нужно строить экономическую политику, приближая предпринимательскую деятельность к формам высшей духовности народа. Пока же старая вера, как «отверженный камень», не заняла своей ниши в строительстве хозяйственной этики. В возвращении к истокам в данном случае, на наш взгляд, заключается формула успеха.

Примечания

¹ См.: Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий // Работы М. Вебера по социологии, религии и культуре. М., 1991. Вып. 1. С. 62.

² Бугаев В. К. Население России: этнический и конфессиональный состав / В. К. Бугаев, Ю. Н. Гладкий, Э. Л. Файбусович // География в школе. 1998. ц 1. С. 12—13.

³ См.: Первое Соборное послание святого апостола Петра // Библия. Гл. 2. Стих 7.

⁴ См.: Родионов В. Г. К проблеме исторического взаимодействия чувашского язычества и христианства // Проблемы письменности и культуры. Чебоксары, 1992. С. 7.

⁵ Вебер М. Указ. соч. С. 82.

⁶ Яковлев Ю. Аристократ духа — слуга народа // Чдвашген. 1991. 21 дек.

⁷ Бородай Ю. Почему православным не годится протестантский капитализм // Наш современник. 1990. ц 10. С. 3—16.

⁸ См.: Яковлев Ю. Чгвашгн ёсё вгл — турра сывгх туякан сыннгн ёсё // Тантгш. 1993. ц 13.

⁹ Немирович-Данченко В. И. Козьмодемьянск и чувашы; Чебоксары // Русские писатели о чувашах. Чебоксары, 1946. С. 101.

¹⁰ Чапыгин А. Разин Степан. М., 1926. С. 41.

Поступила 10.04.2003 г.

УДК 374.71 (470.4)

В. И. Рыбалка

ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ КЛУБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ И БИБЛИОТЕК В АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИКАХ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (1970—80-е гг.)

Важную роль в совершенствовании деятельности сельских культурно-просветительных учреждений автономных республик Среднего Поволжья сыграли централизация библиотечного и клубного дела, создание и развитие культурных и культурно-спортивных комплексов. Эксперимент, организованный Министерством культуры и Научно-исследовательским институтом культуры РСФСР, проводился с 1972 г. в Ленинградской, Ивановской, Вологодской, Кировской, Калининской областях, позднее еще в 25 областях России. К началу 1975 г. он распространился на 1 200 сельских Советов всех экономических районов республики.

© В. И. Рыбалка, 2004

Суть эксперимента состояла в упорядочении руководства работой учреждений культуры на территории сельского Совета, колхоза или совхоза, мобилизации всех работников культуры, материальных резервов и возможностей для качественного обслуживания населения. На местах были сформированы авторитетные общественные органы управления – советы по культуре, в составе которых были партийные, советские, профсоюзные, комсомольские и хозяйственные работники, передовики производства, представители сельской интеллигенции. Такие советы могли дополнительно привлечь специалистов, увеличить число квалифицированных руководителей художественной самодеятельности, укрепить материальную базу очагов культуры, улучшить жилищно-бытовые условия культурработников.

Первые сельские культурные комплексы в автономных республиках Среднего Поволжья создавались в середине 1970-х гг. Так, в Марийской АССР инициатором создания сельских культурных комплексов выступили работники Мари-Турекского района. На территории поселкового совета, объединяющего 21 населенный пункт (более половины – малочисленные, во многих не было очагов культуры), проживало 4,5 тыс. чел. Необходимо было найти такие формы деятельности, которые позволяли бы ДК и клубам вести постоянную работу в каждом населенном пункте, дойти до каждого сельского жителя. В 1975 г. на базе совхоза «За мир» (поселок Мариец) был создан первый в республике комплекс с единой системой управления. В состав комплекса на правах филиалов вошли: 3 сельских ДК, 3 государственных и совхозных клуба, 7 красных уголков производственных подразделений совхоза и 7 пунктов кинопоказа, 4 библиотеки, филиал районной школы искусств, народный театр. Для руководства и координации деятельности комплекса был создан совет (21 чел.) и рабочий президиум.

Централизация клубных учреждений позволила ввести комплексное планирование всей культурно-просветительной и массово-политической работы, правильно расставить и сконцентрировать усилия кадров специалистов, привлечь к работе сельскую интеллигенцию, преодолеть разобщенность между учреждениями культуры, повысить качество и действенность клубных массовых мероприятий. Концерты и спектакли, тематические вечера и устные журналы, торжественные проводы в ряды Советской Армии и посвящение в хлеборобы, регистрация брака и новорожденных, дни культуры и вечера животноводов, – все это в новых условиях стало более содержательным и разнообразным. Важно и то, что, получая взаимную поддер-

жку и видя результаты своего труда, они стали работать более увлеченно, заинтересованно. При центральном ДК функционировало 12 различных кружков художественной самодеятельности. Плодотворнее стала работа филиалов. Всего при комплексе действовало около 40 творческих кружков, в которых участвовало свыше 800 любителей искусства¹.

Опыт работы комплекса был изучен, обобщен и распространен на все хозяйства района. В результате преобразований Мари-Турекский район превратился в образцовый по постановке культурно-просветительной работы на селе. В 1977 – 1981 гг. району присуждалось переходящее Красное знамя Совета Министров республики и областного совета профсоюзов.

В 1978 г. на базе районных учреждений культуры была открыта республиканская школа передового опыта², в которой прошли обучение на трехдневных курсах более тысячи работников культуры, председателей местных Советов народных депутатов, секретарей первичных партийных организаций колхозов и совхозов. К концу 1980-х гг. около половины клубных учреждений республики было централизовано (68 культурных комплексов объединили 220 клубных учреждений), функционировало 75 сельских культурных комплексов и 15 централизованных библиотечных систем. Их деятельность позволила улучшить систему культурного обслуживания тружеников деревни, обогатить содержание и формы работы среди сельского населения.

Аналогичные преобразования в системе учреждений культуры произошли и в других республиках. В конце 1970-х гг. в Карамышевском сельском Совете (совхоз «Волга») Чувашской АССР начала действовать структура из 3 сельских ДК и 4 клубов. Кроме того, в каждом отделении совхоза работали красный уголок, библиотека, на центральной усадьбе – детская музыкальная школа. В общественный совет по культуре были введены новые люди, избран рабочий президиум. Совет состоял из нескольких секций, каждая из которых отвечала за определенное направление деятельности. Так, секция трудового воспитания заботилась о повышении уровня экономических знаний тружеников, профессиональной ориентации молодежи. Централизация, как показал опыт, помогла улучшить культурное обслуживание тружеников села в Чувашии. В 1970 – 1980-е гг. были также централизованы культурно-просветительные учреждения в Марийской и Мордовской АССР, в результате чего были открыты широкие возможности для повышения профессионального мастерства кадров культуры на основе использования положительных достижений. В автономных рес-

публиках Среднего Поволжья в ту пору функционировали республиканские школы передового опыта по различным направлениям, проводились семинары. Так, в ноябре 1979 г. в Йошкар-Оле действовали Всероссийские курсы заведующих отделами культурно-просветительной работы и методистов республиканских, краевых и областных научно-методических центров народного творчества и культпросветработы, посвященные клубной централизации. С лекциями выступили заведующая отделением управления клубных учреждений Министерства культуры РСФСР С. И. Мишутина («Принципы создания централизованных клубных систем и культурных комплексов»), научный сотрудник НИИ культуры Министерства культуры РСФСР кандидат философских наук М. Г. Губанова («Комплексное планирование культурно-просветительной работы в условиях централизации»). Участники курсов побывали на республиканском празднике клубного работника, состоявшемся в Советском районе Марийской АССР. Работа курсов освещалась на страницах республиканских газет³.

В организации досуга тружеников деревни, развитию самодеятельного художественного творчества, их духовной жизни большую роль в рассматриваемый период играли культурно-спортивные комплексы. Они позволяли концентрировать материально-технические ресурсы и творческий потенциал, открывали перспективу для содержательного и интересного труда. В начале 1980-х гг. в Мордовской АССР успешно работал культурно-спортивный комплекс (КСК) в колхозе «Россия» Ковылкинского района, созданный на базе Кочелаевского сельского ДК. В него входили библиотека, детская школа искусств, дом-музей Ф.В. Сычкова, школа-интернат, общеобразовательная школа, киноустановка, спортивный комплекс. Кочелаевский КСК стал центром политико-воспитательной, культурно-просветительной и спортивно-оздоровительной работы в республике. Забота о производственных достижениях в этом колхозе сочеталась с бережным отношением к людям, вниманием к их интересам. Успешно работали вокально-инструментальный ансамбль, дискотека, хоровой коллектив, детские коллективы художественной самодеятельности, клубы по интересам, кинолекторий. В результате многие сельские семьи этого колхоза охотно посещали разнообразные мероприятия Кочелаевского КСК.

Содержательнее и разнообразнее стал досуг тружеников колхозов «Советская Россия» Краснослободского и «Светлый путь» Темниковского районов после создания в них культурно-спортивных комплексов. Здесь кроме традиционных праздников русской березки, проводов зимы организовывались те-

матические литературные и музыкальные вечера, дни семейного отдыха, мероприятия военно-патриотического цикла, массовые гулянья, различные конкурсы, спортивные состязания и т. д.⁴

Исследования эффективности работы таких комплексов помогли выявить преимущества и возможности новой формы организации культурного обслуживания населения. Повысились профессионализм работников, качество проводимых мероприятий, улучшилось методическое руководство небольшими культурно-просветительными учреждениями.

Создание районных централизованных библиотечных систем способствовало упорядочению финансирования сельских библиотек и комплектования их, созданию единого книжного фонда. Работа по централизации сельских библиотек в регионах Среднего Поволжья, начатая в 1975 г., к концу 1980 г. в основном завершилась. Как показало время, в новых условиях повысилась эффективность их работы, улучшилось библиографическое обслуживание населения.

Примечания

¹ См.: **Зенкин А. А.** Деятельность культурно-просветительных учреждений Марийской АССР по повышению культуры села в современных условиях // Общественно-политическая жизнь деревни Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1989. С. 102.

² См.: Опыт работы культурных комплексов Мари-Турекского района. Йошкар-Ола, 1978.

³ См.: Мар. правда. 1979. 23 нояб.

⁴ См.: **Балашов В. А.** Культура и быт села в условиях современной урбанизации (по материалам Мордовской АССР) // Осуществление производственной программы и социальное развитие деревни Среднего Поволжья. Казань, 1987. С. 97.

Поступила 07.04.2003 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Пленарное заседание

<i>Крутов Н. С.</i> Развитие агропромышленного комплекса Республики Мордовия	3
<i>Юрченков В. А.</i> Мордовский этнос в имперском социуме: XVIII – начало XX в.	13

Крестьянство в российском имперском социуме

<i>Шкердина Н. О.</i> Политика Российского государства в отношении народов Среднего Поволжья по свидетельствам иностранных авторов XVI–XVIII столетий	31
<i>Видяйкин С. В.</i> Раскладка податей дворцовой мордвы Алатырского уезда в 70-х гг. XVII в. (микроуровневый подход)	38
<i>Пегенева И. А.</i> Земельная обеспеченность монастырских крестьян марийского края в середине XVII–XVIII вв.	44
<i>Богатырев Э. Д.</i> Повинности приписанных к Починковской поташной конторе дворцовых крестьян в структуре обеспечения функционирования казенной поташной промышленности России	49
<i>Иванов А. Г.</i> Государственные оброчные подати марийских крестьян Среднего Поволжья в XVIII в.	60
<i>Заварюхин В. Ю.</i> Государственные крестьяне мордовского края эпохи феодализма в законодательных памятниках Российской империи	67
<i>Заварюхин Н. В., Феклина Л. А.</i> Владельческие повинности крестьян «государевых вотчин» Примокшанья в XVIII в.	73
<i>Дубман Э. Л.</i> Строительство Новой Закамской линии и ее роль в освоении Заволжья (дискуссия 1731 г.)	82
<i>Персидская Н. Ю.</i> Дворянская усадьба на территории Мордовии во второй половине XVIII в.	91
<i>Балаев С. Г.</i> Крестьянство в гражданской войне 1773–1775 гг. на территории мордовского края: обзор зарубежной историографии	95
<i>Арсентьев В. М.</i> Торгово-промышленное предпринимательство крестьян в правительственной политике России конца XVIII – первой половины XIX в.	103
<i>Смирнов Ю. Н.</i> Заселение государственными крестьянами казачьих и калмыцких земель Самарского Заволжья в первой половине XIX в.	120
<i>Пислегин Н. В.</i> «Обыденный» патернализм в государственной и удельной деревне Удмуртии в первой половине XIX в.	126

<i>Артамонова Л. М.</i> Переход к политике создания школ для крестьянства в 1830–40-е гг. (по материалам Самарско-Саратовского Поволжья и Заволжья)	132
<i>Григорьева Г. И.</i> Просвещение удельных крестьян Симбирской губернии в первой половине XIX в.	138
<i>Захаров В. И.</i> Антикризисная программа М. Т. Лорис-Меликова ...	148
<i>Плехова М. В.</i> Семейные разделы государственных крестьян Пензенской губернии в пореформенный период	153
<i>Гусева Т. М.</i> Участие крестьянских обществ в развитии культуры мордовского края в пореформенный период	157
<i>Первушкин В. И., Гарбуз Г. В.</i> Крестьянский «мир» и органы государственного управления России в конце XIX — начале XX в. (на примере Пензенской губернии)	166
<i>Марискин О. И.</i> Податные функции крестьянской общины Европейской России во второй половине XIX — первой трети XX в. (по материалам Среднего Поволжья)	171
<i>Соловьев А. А.</i> Вятское крестьянство в условиях реформ (80-е гг. XIX в. — начало XX в.)	183
<i>Берестова Е. М.</i> Демографический менталитет крестьян Удмуртии (вторая половина XIX — начало XX в.)	188
<i>Сухова О. А.</i> Образ «царя» в массовом сознании российского крестьянства в начале XX в. (по материалам Пензенской губернии)	194
<i>Субботина А. М.</i> Проблема трансформации крестьянского сознания в практике земского самоуправления (по материалам истории Удмуртии)	201
<i>Савченко М. В.</i> Шинкарство — народный промысел начала XX в. в России: причины, ход, следствия (по материалам Пензенской губернии)	206
<i>Зоткина Н. А.</i> Именем Христовым: Краткий очерк из истории «профессионального» нищенства Пензенской губернии на рубеже XIX—XX вв.	211
<i>Погодин Е. П.</i> Сельскохозяйственные занятия купечества Среднего Поволжья в XVII — начале XX в.	217
<i>Роднов М. И.</i> Мордовское крестьянство Уфимской губернии по переписи 1917 г.	223
<i>Михайлова Е. М.</i> Правые партии Поволжья и власть (1905—1917 гг.)	228
<i>Кабытов П. С.</i> Власть и крестьянство Поволжья в период проведения Столыпинской земельной реформы	234

**Аграрные отношения и крестьянство
Среднего Поволжья (1917—1930-е гг.)**

<i>Стариков С. В.</i> Казанские левые социалисты и крестьянство губернии о войне и Брестском мире (ноябрь 1917 — март 1918 г.)	244
---	-----

<i>Фоменков А. А.</i> Крестьянство и черносотенные организации (на примере Нижегородской губернии)	250
<i>Кабытова Н. Н.</i> Закон и справедливость в «черном переделе» 1917 г.	255
<i>Липатова Н. В.</i> Особенности реализации в Поволжье закона о хлебной монополии	266
<i>Немцева Т. В.</i> Социально-политические настроения чувашского крестьянства в 1917 г.	270
<i>Солдаткин А. П.</i> Крестьянство и власть на территории Мордовии в 1917 г.	274
<i>Иванов А. А.</i> Аграрная реформа на локальном уровне: социализация земли по-крестьянски в Царевококшайском уезде Казанской губернии (1918 г.)	281
<i>Макшакова В. А.</i> Социально-экономическая адаптация крестьян в период становления Советской власти (по материалам Удмуртии)	288
<i>Точень М. Д.</i> Крестьянство как один из объектов красного террора в 1917–1920 гг. (по материалам Симбирской губернии)	294
<i>Тарабрина О. А.</i> Роль женщин-крестьянок в событиях 1918–1920 гг.	299
<i>Ефферина Т. В.</i> Социально-экономические проблемы крестьянства в 1920-е гг.: макроуровневый анализ	303
<i>Терняев А. П.</i> Социально-бытовые аспекты существования коммун и артелей в Мордовии в период нэпа	316
<i>Панин С. Е.</i> Крестьянство и самогон в Среднем Поволжье в 1920-е гг.	322
<i>Надькин Т. Д.</i> Проведение хлебозаготовительной кампании 1929 г. в Мордовии	328
<i>Ялтаев И. Ф.</i> Раскулачивание крестьян в Марийской автономной области: подготовительный этап	334
<i>Смирнов Ю. П.</i> Крестьянство в условиях социалистического преобразования деревни: характер восприятия (по материалам Чувашской АССР)	338
<i>Кондрашин В. В.</i> Голод 1932–1933 гг. в Поволжье в современной российской и зарубежной историографии	342
<i>Касимов Е. В.</i> Роль кредитной политики советского правительства в осуществлении сплошной коллективизации сельского хозяйства	347
<i>Сануков К. Н.</i> Репрессии 1930-х гг. и крестьянство Марийской АССР	352
<i>Егорова Е. В.</i> Место и роль массовых библиотек в системе складывающегося тоталитарного государства	357

**Аграрная политика и крестьянство
(2-я половина 1930-х — начало 2000-х гг.)**

<i>Кожурин Ю. Ф.</i> По поводу цивилизационной идентификации аграрных преобразований советской власти (на примере Мордовии 1930-х гг.)	363
<i>Каблюк В. С.</i> Развитие системы машинно-тракторных станций в Мордовии (1933–1941 гг.)	368
<i>Митин С. В.</i> Изменение политики партийных и советских органов на селе в первые месяцы Великой Отечественной войны	373
<i>Сальникова Э. Ю.</i> Организационная и политико-просветительная работа сельских профсоюзных организаций Мордовии в годы Великой Отечественной войны	377
<i>Кульков П. И.</i> Потребительская кооперация Мордовии в годы Великой Отечественной войны	386
<i>Харитонова В. Г.</i> Аграрная политика государства и судьба единоличных крестьянских хозяйств в послевоенные годы (по материалам Чувашской АССР)	394
<i>Галямова А. Г.</i> Крестьянство и сельское хозяйство Татарской АССР в 1940-е — начале 1950-х гг.	401
<i>Ломшин В. А.</i> Голод 1946–1948 гг. в Мордовии и его последствия	405
<i>Косихин А. В.</i> Электрификация сельского хозяйства республик Среднего Поволжья в послевоенный период (1946–1950 гг.)	408
<i>Задкова Т. Ю.</i> Изменение состава руководящих кадров колхозов и МТС в Мордовской АССР (1953 г. — середина 1960-х гг.)	423
<i>Ельчанинова О. Ю.</i> Динамика и структура совокупного дохода колхозных семей Среднего Поволжья в середине 1950–60-х гг.	430
<i>Моисеев Е. В., Русеев Е. В.</i> Аграрное производство и реализация «сверхпрограмм» Н. С. Хрущева в Мордовии на рубеже 1950–1960-х гг.	433
<i>Куршева Г. А.</i> Реформы образования во второй половине 1950-х — середине 1960-х гг. (на примере Мордовии)	443
<i>Кевбрина О. Б.</i> Динамика и структура кадров специалистов Мордовпотребсоюза (1950–1975 гг.)	451
<i>Рыбалка В. И.</i> Материальное положение колхозного крестьянства в 1960–80-е гг. (по материалам автономных республик Среднего Поволжья)	463
<i>Давлетшин Р. А.</i> Крах аграрной реформы 1990-х гг.	469
<i>Никитина Г. А.</i> Современная удмуртская деревня: трудное время перемен	477
<i>Новикова Н. Н.</i> Стратегическое управление социально-экономическим развитием муниципальных образований	483
<i>Ильин И. Е.</i> Крестьянство Чувашии в конце XX — начале XXI в. (цивилизационный аспект)	486

**Этнокультурные аспекты взаимодействия власти
и крестьянства в Среднем Поволжье**

<i>Никонова Л. И.</i> Этнологические исследования в НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия	490
<i>Николаев Г. А.</i> Крестьянство Среднего Поволжья в противостоянии с властью (1906–1917 гг.): социально-психологический аспект	499
<i>Мордасова С. Г.</i> Расселение мордвы и русских на территории Мордовии и система их жизнеобеспечения	505
<i>Дубова Т. Е.</i> Траволечение в этномедицине русского населения Мордовии	507
<i>Щанкина Л. Н.</i> Психотерапевтические методы и средства лечения в системе жизнеобеспечения мордвы и татар	510
<i>Якунцева М. Г.</i> Этнокультурные связи мордвы в системе питания	515
<i>Таймасов Л. А.</i> Причт и паства нерусских приходов Среднего Поволжья в XIX в.: некоторые аспекты экономических взаимоотношений	520
<i>Ермилова Е. В.</i> Старая чувашская вера как «отверженный камень» в деле строительства хозяйственной этики	526
<i>Рыбалка В. И.</i> Централизация клубных учреждений и библиотек в автономных республиках Среднего Поволжья (1970 – 80-е гг.)	529

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Арсентьев Виктор Михайлович — кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры экономической истории и информационных технологий Мордовского государственного университета.

Артамонова Людмила Михайловна — доктор исторических наук, профессор Самарской государственной академии культуры и искусства.

Балаев Сергей Геннадьевич — аспирант отдела истории мордовского края НИИГН.

Берестова Екатерина Михайловна — младший научный сотрудник отдела истории Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН.

Богатырев Эдуард Дмитриевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Отечества Мордовского государственного университета.

Галямова А. Г. — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АН Республики Татарстан.

Гарбуз Георгий Владимирович — кандидат исторических наук, Пензенский государственный педагогический университет.

Григорьева Галина Ивановна — ведущий специалист Республиканской архивной службы РМ.

Гусева Татьяна Михайловна — заведующий отделом теории и истории культуры НИИГН.

Давлетшин Р. А. — доктор исторических наук, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН.

Дубман Эдуард Лейбович — доктор исторических наук, профессор Самарского государственного университета.

Дубова Татьяна Евгеньевна — соискатель отдела истории мордовского края НИИГН.

Егорова Елена Валерьевна — аспирант Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН.

Ельчанинова Ольга Юрьевна — аспирант Самарской государственной экономической академии, преподаватель кафедры истории Самарского государственного технического университета.

Ермилова Елена Владимировна — научный сотрудник отдела литературоведения и фольклора Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Ефери́на Татьяна Вячеславовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной работы Мордовского государственного университета.

Заварюхин Вячеслав Юрьевич — соискатель отдела истории мордовского края НИИГН.

Заварюхин Николай Васильевич — доктор исторических наук, профессор кафедры дореволюционной отечественной истории, археологии и этнографии Мордовского государственного университета.

Задкова Татьяна Юрьевна — научный сотрудник отдела теории и истории культуры НИИГН.

Захаров Василий Иванович — кандидат исторических наук, доцент кафедры дореволюционной отечественной истории, археологии и этнографии Мордовского государственного университета.

Зоткина Надежда Александровна — кандидат исторических наук, Пензенский государственный педагогический университет.

Иванов Алексей Ананьевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель Марийского государственного университета.

Иванов Ананий Герасимович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Марийского государственного университета.

Ильин Иван Егорович — кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом социологии и межнациональных отношений Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Каблюк Василий Сергеевич — аспирант отдела истории мордовского края НИИГН.

Кабытов Петр Серафимович — доктор исторических наук, профессор, проректор Самарского государственного университета.

Кабытова Надежда Николаевна — доктор исторических наук, профессор Самарского государственного университета.

Касимов Евгений Витальевич — младший научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Кевбрина Ольга Борисовна — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории и теории кооперативного движения Саранского кооперативного института.

Кожурин Юрий Федорович — доктор философских наук, профессор кафедры методологии науки и прикладной социологии Мордовского государственного университета.

Кондрашин Виктор Викторович — доктор исторических наук, профессор Пензенского государственного педагогического университета.

Косихин Алексей Васильевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры экономической истории и информационных технологий Мордовского государственного университета.

Крутов Николай Сергеевич — кандидат экономических наук, руководитель Администрации Главы РМ.

Кульков Павел Ильич — кандидат философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Саранского кооперативного института.

Куршева Галина Александровна — кандидат педагогических наук, заместитель директора по научной работе НИИГН.

Липатова Надежда Викторовна — кандидат исторических наук, Ульяновский государственный университет.

Ломшин Владимир Александрович — кандидат исторических наук, исполняющий обязанности заместителя директора НИИГН по проблемам социально-экономического развития региона.

Макшакова Вера Александровна — младший научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН.

Марискин Олег Иванович — кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры экономической истории и информационных технологий Мордовского государственного университета.

Митин Сергей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры страноведения Мордовского государственного университета.

Михайлова Елизавета Михайловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и политэкономии Чебоксарского кооперативного института.

Моисеев Евгений Владимирович — кандидат исторических наук (г. Москва).

Мордасова Светлана Геннадьевна — младший научный сотрудник отдела истории мордовского края НИИГН.

Надькин Тимофей Дмитриевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и права Мордовского государственного педагогического института.

Немцева Татьяна Вячеславовна — кандидат исторических наук, ведущий специалист Управления делами Администрации Президента Чувашской Республики.

Никитина Галина Аркадьевна — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН.

Николаев Г. А. — кандидат исторических наук, Чувашский государственный университет.

Никонова Людмила Ивановна — доктор исторических наук, заведующий отделом истории мордовского края НИИГН.

Новикова Наталья Николаевна — соискатель отдела истории мордовского края НИИГН, директор юридической фирмы «Консалтинг».

Панин Станислав Евгеньевич — кандидат исторических наук, Пензенский государственный педагогический университет.

Пегенева И. А. — кандидат исторических наук, Марийский государственный университет.

Первушкин Владимир Иванович — кандидат исторических наук, Пензенский государственный педагогический университет.

Персидская Наталья Юрьевна — кандидат исторических наук, преподаватель кафедры дореволюционной отечественной истории, археологии и этнографии Мордовского государственного университета.

Пислегин Николай Викторович — аспирант Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН.

Плехова Марина Владимировна — аспирант отдела истории мордовского края НИИГН.

Погодин Евгений Петрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Роднов Михаил Игоревич — кандидат исторических наук, заведующий отделом истории Башкортостана Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН.

Русеев Евгений Валерьевич — кандидат исторических наук (г. Москва).

Рыбалка Владимир Иванович — кандидат исторических наук, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.

Савченко Мария Валерьевна — кандидат исторических наук, Пензенский технологический институт.

Сальникова Элеонора Юрьевна — научный сотрудник отдела общественно-политических исследований НИИГН.

Сануков Ксенофонт Никанорович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой региональной истории Марийского государственного университета.

Смирнов Юрий Николаевич — доктор исторических наук, профессор Самарского государственного университета.

Смирнов Юрий Петрович — доктор исторических наук, профессор Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Солдаткин Андрей Павлович — кандидат исторических наук, докторант кафедры страноведения Мордовского государственного университета.

Соловьев Анатолий Андреевич — кандидат исторических наук, Марийский государственный университет.

Стариков Сергей Валентинович — доктор исторических наук, профессор Марийского государственного университета.

Субботина Анна Михайловна — кандидат исторических наук, старший преподаватель Удмуртского государственного университета.

Сухова Ольга Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей истории России и краеведения Пензенского государственного педагогического университета.

Таймасов Л. А. — кандидат исторических наук, доцент Чувашского государственного университета.

Тарабрина Ольга Александровна — студентка Самарского государственного университета.

Терняев Андрей Павлович — младший научный сотрудник отдела истории мордовского края НИИГН.

Точеный Михаил Дмитриевич — кандидат исторических наук, Ульяновский государственный университет.

Феклина Лидия Алексеевна — кандидат исторических наук, директор Ковылкинского филиала Мордовского государственного университета.

Фоменков Артем Александрович — старший преподаватель Нижегородского государственного университета.

Харитоновна Валентина Григорьевна — кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Шкердина Надежда Олеговна — младший научный сотрудник отдела теории и истории культуры НИИГН.

Щанкина Любовь Николаевна — научный сотрудник отдела истории мордовского края НИИГН.

Юрченков Валерий Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, директор НИИГН.

Якунчева Марина Геннадьевна — кандидат исторических наук, преподаватель Мордовского республиканского колледжа культуры и искусства.

Ялтаев Иван Федорович — кандидат исторических наук, доцент Марийского государственного университета.

Научное издание

Крестьянство и власть Среднего Поволжья

Материалы VII межрегиональной научно-практической конференции
историков-аграрников Среднего Поволжья

Редакторы *А. Е. Мирошкина, Т. П. Савинова*
Компьютерный набор *Л. В. Мельниковой, Л. А. Челкановой*
Компьютерная верстка *Е. Г. Скворцовой, Л. А. Челкановой*

Подписано в печать 14.09.2004. Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитура Kudriashov. Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,6. Уч.-изд. л. 28,5.
Тираж 300 экз. Заказ 4657.

Отпечатано в ГУП РМ «Республиканская типография «Красный Октябрь»».
430000 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 55а.